

И. А. МЕЛЬЧУК

КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том IV

STUDIA PHILOLOGICA

И. А. Мельчук

КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том IV

CEU

Igor Mel'čuk

COURS de MORPHOLOGIE GÉNÉRALE

Volume IV

И. А. МЕЛЬЧУК

КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том IV

Часть пятая:

Морфологические знаки

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Е. Н. САВВИНОЙ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
Н. В. ПЕРЦОВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
Sonderband 38/4

Москва — Вена
2001

ББК 81
М 48

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAF – Moskow)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16103

Перевод тома IV, равно как и перевод предыдущих томов, был прочитан, исправлен и дополнен автором. Поэтому все разночтения между текстом перевода и оригиналом должны интерпретироваться в пользу перевода.

Мельчук И. А.

М 48 Курс общей морфологии. Т. IV / Пер. с фр. Е. Н. Саввиной под общ. ред. Н. В. Перцова. — М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. — 584 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-94457-001-6

«Курс общей морфологии» представляет собой КОМПЕНДИУМ современных знаний в области морфологии естественных языков. Объектом его является слово – во всех его смысловых, формальных и комбинаторных аспектах. Для описания свойств и поведения слов в языках Земли разработана дедуктивная система строгих понятий, охватывающих все области морфологии. Основанный как на собственных результатах 30-летних исследований автора, так и на доступных публикациях, «Курс» оказывается совершенно уникальным изданием: в лингвистической литературе не существует труда по морфологии такого охвата.

Четвертый том занимает в «Курсе общей морфологии центральное место: он посвящен элементарным морфологическим знакам (прежде всего — морфе, но также и супраморфе, редупликации$_2$, апофонии и конверсии$_2$).

Большое внимание уделено противопоставлению «морфа ~ морфема», рассматриваемому на фоне других подобных противопоставлений. Характеризуются также квазиэлементарные морфологические знаки: мегаморфы и морфологические фраземы (квазиморфы). В заключение анализируется понятие суплетивизма и предлагается исчисление семнадцати возможных типов формально смысловых отношений между языковыми знаками.

Книга предназначена для лингвистов всех специальностей и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов филологических вузов.

ББК 81

The firm Kubon & Sagner (Heßstraße 39/41 Postfach 34 01 08 D-8000 München 34; fax: (089) 54-218-0; tel: (089) 54-218-218) has an exclusive right on selling this volume (and volumes 3, 5 of this book) outside Russia.

Эксклюзивным правом продажи за пределами России данного тома (а также томов 3, 5) обладает фирма Kubon & Sagner, München; тел. (089) 54-218-0, факс (089) 54-218-218.

© И. А. Мельчук, 2001

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

В Частях второй, третьей и четвертой КОМ-а мы рассмотрели — в порядке их значимости — три необходимых и достаточных компонента языковых знаков, из которых строятся словоформы, то есть три компонента морфологических знаков:

– морфологическое означаемое [том 2];
– морфологическое означающее [том 3];
– морфологическую синтактику [том 3].

Теперь мы можем приступить к рассмотрению самих морфологических знаков, а именно — заняться МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ, МЕНЬШИМИ, ЧЕМ СЛОВОФОРМА.

В соответствии с центральным различием между элементарными и неэлементарными знаками (введенным в Части первой [том 1], Глава III, § 4, с. 152 и сл.) настоящая часть организована следующим образом: раздел **A** посвящен элементарным морфологическим знакам, раздел **B** — неэлементарным, а в разделе **C** рассмотрены всевозможные отношения между разными морфологическими знаками.

В целом Часть пятая устроена так:

A. *Элементарные морфологические знаки*

- Глава I : Элементарные морфологические знаки: предварительный анализ
- Глава II : Морфа
- Глава III : Супрафикс
- Глава IV : Модификация$_2$
- Глава V : Конверсия$_2$
- Глава VI : Морфологические способы

B. *Неэлементарные морфологические знаки*

- Глава VII : Мегаморфа
- Глава VIII: Супплетивизм

- Глава IX : Морфологические фраземы

C. *Отношения между морфологическими знаками*

- Глава X : Формально-семантические отношения между двумя морфологическими знаками

Часть пятая, описывающая всю совокупность языковых знаков, используемых в морфологии, занимает в *Курсе общей морфологии* центральное место

Примечание

Автор выражает свою горячую признательность Л. Н. Иорданской за неоценимую помощь в чтении корректуры и исправлении текста настоящего тома.

А

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

ГЛАВА I

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Эта глава подготовит нас к подробному обсуждению основных типов элементарных морфологических знаков.

Мы предложим сначала ОБЩУЮ ТИПОЛОГИЮ элементарных морфологических знаков, а именно: выделим четыре основных класса этих знаков, которые и будут затем подробно проанализированы один за другим в последующих главах.

После этого мы рассмотрим два ОСОБЫХ ТИПА языковых знаков: ***пустые$_2$ знаки*** и ***нулевые знаки***.

Таким образом, Глава I состоит из двух параграфов:

§ 1: Основные классы элементарных морфологических знаков.

§ 2: Пустые$_2$ морфологические знаки и нулевые морфологические знаки.

§ 1
ОСНОВНЫЕ КЛАССЫ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

1. Предварительная классификация элементарных морфологических знаков

Классификация элементарных морфологических знаков проводится ПО ИХ ОЗНАЧАЮЩЕМУ, что дает интересное и полезное для наших целей разбиение на классы, охватывающее все рассматриваемые знаки.

Классификация по означаемому или по синтактике осмысленна только для одного класса элементарных морфологических знаков, а именно для ***морф*** (см. ниже, Глава II). В самом деле:

• Основное разбиение означаемых — на лексические и грамматические (с дальнейшим подразделением этих последних на граммемы, квазиграммемы и дериватемы — см. Часть первая [том 1], Глава V, § 2, **2.2**, с. 251 и сл.) — годится только для морф. У всех остальных элементарных морфологических знаков означаемые всегда бывают только грамматическими.

• Основное разбиение элементов синтактики — на МЕЖлексемные [= характеризующие сочетаемость лексем между собой внутри фразы] и ВНУТРИлексемные [= характеризующие сочетаемость знаков внутри словоформы] (см. Часть четвертая [том 3], Глава I, **4.1**, с. 175) — тоже годится только для морф, приводя к их разделению на ***корни*** и ***аффиксы***. Ведь только у корней в составе синтактики есть элементы, характеризующие «внешнюю» сочетаемость словоформ. У аффиксов же, как и у всех прочих элементарных морфологических знаков, в синтактике содержатся указания только на их внутрилексемную сочетаемость.

По этим двум причинам классификация морфологических знаков по их означаемому или по их синтактике для нас неудобна, и мы будем пользоваться классификацией по типу означающего. Как мы уже видели в Части третьей [том 3] (Глава I, с. 9–10), в естественных языках в области морфологии имеется четыре основных типа означающих (хотя за пределами морфологии бывают и другие типы означающих):

Означающие-сущности: { 1. сегментные означающие; 2. супрасегментные означающие }

Означающие-операции: { 3. означающие-модификации$_1$; 4. означающие-конверсии$_1$ }

Каждый из этих четырех типов означающих задает соответствующий класс элементарных знаков, что и дает нам в точности четыре основных класса таких знаков:

A. I. Элементарный знак, означающим которого является сегментная сущность:

МОРФА

II. Элементарный знак, означающим которого является супрасегментная сущность:

СУПРАМОРФА

B. I. Элементарный знак, означающим которого является операция модификации$_1$:

МОДИФИКАЦИЯ$_2$

II. Элементарный знак, означающим которого является операция конверсии$_1$:

КОНВЕРСИЯ$_2$

2. Проблема супраморфы

Прежде чем двигаться дальше, мы должны сделать важное уточнение, касающееся супраморф. В этой книге нас интересуют только морфологические знаки, т. е. знаки, используемые исключительно ВНУТРИ словоформ. Однако супраморфы довольно часто не локализованы внутри какой-то отдельной словоформы, а характеризуют, скорее, фразу в целом — и тогда уже они представляют собой супраморфы синтаксического уровня, или ***фразовые супраморфы***; такие супраморфы в настоящем томе не рассматриваются. Здесь будет рассмотрен только один ПОдкласс супраморф — супрафиксы, которые мы определим ниже, после краткой характеристики всех супраморф в целом.

Определение V.1: супраморфа

Супраморфой называется элементарный знак, означающим которого является супрасегментная единица [= просодема].

Условное обозначение

Супраморфа будет обозначаться знаком **СУПР**, если надо — с нижним индексом, указывающим ее означаемое.

Примеры

(1) русский

a.

$\textbf{СУПР}^{1}_{\textbf{вопрос}}$ = ⟨'нейтральный вопрос' ; ; Σ = во фразе без специального вопросительного слова, ...⟩

$\textbf{СУПР}^{2}_{\textbf{вопрос}}$ = ⟨'удивленный вопрос' ; ; Σ = во фразе без специального вопросительного слова, ...⟩

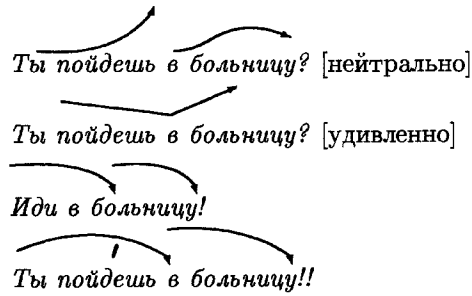
$\textbf{СУПР}^{1}_{\textbf{повел}}$ = ⟨'нейтральное приказание'; ; Σ = во фразе с глаголом в императиве, ...⟩

$\textbf{СУПР}^{2}_{\textbf{повел}}$ = ⟨'приказание с угрозой' ; ; Σ = во фразе с глаголом совершенного вида в будущем времени, ...⟩

[Просодемы, указанные в качестве означающих для данных супраморф, представлены здесь самым приблизительным образом; так, в них не отражены изменения тембра голоса, играющие в данном случае весьма важную роль. Посредством знака «ˈ» отмечено сильное эмфатическое ударение, дополнительно выделяющее ударный слог в соответствующей грамматической форме глагола; верхние индексы при символе **СУПР** служат для различения разных супраморф вопроса и приказания: нейтральный вопрос *vs.* удивленный вопрос *vs.* иронический вопрос, ...]

Приведенные выше четыре русские супраморфы — это, соответственно, нейтральная вопросительная просодия (без контраста, без удивления, без иронии, ...), просодия удивленного вопроса, просодия нейтрального приказа (или просьбы) и просодия приказа с угрозой; сравните (1b):

b.

Все представленные здесь супраморфы, а именно: русские вопросительные и повелительные супраморфы, являются ФРАЗОВЫМИ супраморфами: они характеризуют фразу в целом и не могут быть однозначно соотнесены с конкретными словоформами.

Определение V.2: супрафикс

Супрафиксом называется супраморфа, которая выступает только внутри словоформ.

Другими словами, супрафикс — это элементарный морфологический знак, означающим которого является супрасегментная сущность. (Еще одно, эквивалентное этому, определение будет дано в начале Главы III, с. 297; там же будут приведены и примеры супрафиксов.) Как уже отмечалось, среди всевозможных супраморф наше внимание будут привлекать исключительно супрафиксы, поскольку содержание данной книги ограничивается морфологическими знаками.

3. Классификация элементарных морфологических знаков в окончательной формулировке

С учетом только что сделанного уточнения нам предстоит исследовать в данной части КОМ-а четыре основных класса элементарных морфологических знаков:

A.	I. Морфы
	II. Супрафиксы
B.	I. Модификации$_2$
	II. Конверсии$_2$

Соответственно, раздел А включает по одной главе для каждого из этих классов: главы II–V. В силу самой природы этих классов и состояния наших знаний о них эти главы неравны по степени важности и весьма различны по объему. Тем не менее, мы предпочли сохранить логику изложения и отвести каждому классу элементарных морфологических знаков по целой главе, пусть даже и малой по объему в конкретных случаях.

Никаких других основных классов элементарных морфологических знаков не существует

? 1 Мы приглашаем читателя самостоятельно уточнить смысл этого утверждения, а затем ответить на вопрос «Почему?».

Имеются, однако, важные классы НЕЭЛЕМЕНТАРНЫХ морфологических знаков. Одним из них являются словоформы, изучавшиеся в Части первой. Но есть еще и другие — это знаки, являющиеся, как правило, частями словоформ и при этом ***квазипредставимые*** через другие морфологические

знаки. Таковы ***мегаморфы*** и ***фразеологизованные комплексы морф***, или ***морфологические фраземы***; их мы рассмотрим дальше — в разделе **B** этой же части.

4. Иерархия элементарных морфологических знаков

Указанные четыре класса элементарных морфологических знаков образуют ЛОГИЧЕСКУЮ ИЕРАРХИЮ, соответствующую той иерархии, которая была установлена ранее для морфологических средств (Часть третья [том 3], Глава I, 4, с. 17–20). Напомним эту иерархию:

сегменты > супрасегментные сущности> модификации$_1$ > конверсии$_1$

Исходя из иерархии морфологических средств, мы получаем следующую иерархию элементарных морфологических знаков:

морфы > супрафиксы > модификации$_2$ > конверсии$_2$

Мы уже давали соответствующие разъяснения и обоснования для иерархии морфологических средств, так что разъяснения по поводу иерархии знаков неизбежно будут содержать ряд повторов, но это может, в конце концов, оказаться для читателя небесполезным: *repetitio mater studiorum*.

1. МОРФА представляет собой наиболее важный морфологический знак во всех языках мира. Она универсальна в том смысле, что хотя имеются языки, полностью лишенные трех других классов морфологических знаков (так, например, в китайском и во вьетнамском нет ни супрафиксов, ни модификаций$_2$), однако без морф не обходится ни один язык в мире. В количественном отношении морфы охватывают примерно около 99% всего запаса морфологических знаков в любом языке; это воистину «хлеб насущный» всякого языкового общения. Объяснение этого факта кроется в семиотическом характере сегментного означающего, обеспечивающем достаточное многообразие различных означающих и вместе с тем достаточную легкость их восприятия.

2. Что же касается СУПРАФИКСА, то он онтологически и логически зависим от морфы: он не может существовать без морфного субстрата. Просодические явления, составляющие суть супраморфы, могут реализоваться не иначе как «поверх» сегментного означающего какой-либо морфы. В то же время супрафиксу для того, чтобы он мог существовать, не нужны никакие языковые операции; тем самым, он, как сущность, оказывается в иерархии выше обеих операций, для которых он может служить операндом.

3. МОДИФИКАЦИЯ$_2$ логически следует за морфой и супрафиксом, поскольку она имеет своим объектом физические означающие морфологических знаков этих двух типов. (Однако модификация$_2$ не может, как легко понять, применяться к конверсии$_2$, каковая не имеет материального означающего.)

4. КОНВЕРСИЯ$_2$ логически следует за морфой, супрафиксом и модификацией$_2$: это знак, максимально зависимый от других и наиболее абстрактный из всех.

Можно сказать, слегка расширительно употребляя слово *применяться*, что теоретически конверсия$_2$ может применяться к морфам, супрафиксам и модификациям$_2$ (поскольку все эти знаки обладают синтактикой); что касается модификации$_2$, то она может применяться только к морфам и супрафиксам (обладающим материальным означающим); супрафикс же может применяться только к морфам. В этом и состоит смысл приведенной выше иерархии.

5. Иерархия знаков и принципы морфологического описания

Когда мы займемся принципами морфологического описания (см. Часть седьмая), иерархия элементарных морфологических знаков пригодится нам при выборе наилучшего решения в случае неединственности морфологических описаний. Так, например, мы будем придерживаться следующего принципа:

Принцип старшинства средства описания
(см. ниже, Глава II, § 2, **8.4**, с. 151)

А При прочих равных условиях предпочтительным является такое описание, в котором использовано средство описания, занимающее более высокое место в иерархии.

Пусть имеется словоформа, в означаемом которой присутствует какое-либо словоизменительное значение ‘σ’; предположим, что на уровне средств выражения имеется четыре претендента на роль соответствующего означающего: сегмент, состоящий из фонем; супрасегментная единица; модификация$_1$ и конверсия$_1$. Согласно сформулированному принципу, нам следует выбрать фонемный сегмент и говорить, что значение ‘σ’ выражается некоторой морфой, а все три остальных средства всего лишь автоматически сопутствуют ей. Если бы в качестве возможных носителей значения ‘σ’ имелись только модификация$_1$ и конверсия$_1$, тогда следовало бы выбрать модификацию$_1$; и т. д.

Пример

Пусть в некотором воображаемом языке глаголы всегда состоят из нескольких слогов и ударение в них всегда падает на последний слог корня; производное имя деятеля отличается от исходного глагола (i) ударением на первом слоге и (ii) именной парадигмой$_1$ склонения:

(2) *tatá-* 'петь' ~ *táta-* 'певец'
brakó- 'бороться' ~ *bráko-* 'борец'
nadelí- 'пить' ~ *nádeli-* 'пьющий; пьяница'

Чисто логически можно было бы говорить, что смысл 'тот, кто ...' выражается здесь либо перемещением ударения, т.е. акцентуационной модификацией$_2$ (= апофонией), либо меной парадигмы$_1$, т.е. конверсией$_2$. Иерархия морфологических знаков вынуждает нас выбрать модификацию$_2$. Тем самым мы будем иметь для (2) следующую апофонию:

$\mathbf{A}_{\text{деятель}} = \langle$'тот, кто ...'; $+/_\ldots\acute{}_/+ \Longrightarrow +/\acute{}_\ldots_/+$; $\Sigma\rangle$

Конверсия$_1$, наблюдаемая в парах лексем в примере (2), будет трактоваться как автоматическое следствие данной апофонии (эквивалентной таким суффиксам, как рус. **-ец**, **-ер**, **-ист**, **-атор**, фр. **-eur**, **-iste**, англ. **-er**, исп. **-dor** и т.п.).

Обратите внимание на специальную оговорку в формулировке принципа (A): *При прочих равных условиях...* Если это условие не соблюдено, принцип неприменим или его применение обусловлено другими более важными принципами; см. Часть седьмая.

Рассмотрим, например, следующие английские пары:

(3) английский

a.

[*to*] *present*	/prizént/	'дарить'	~	[*a*] *present*	/prézənt/	'подарок'
[*to*] *insult*	/insʌ́lt/	'оскорблять'	~	[*an*] *insult*	/ínsʌlt/	'оскорбление'
[*to*] *overflow*	/ōvəflṓ/	'переполняться'	~	[*an*] *overflow*	/ṓvəflō/	'переполнение'
[*to*] *export*	/ekspɔ́t/	'экспортировать'	~	[*the*] *export*	/ékspōt/	'экспорт'

b.

[*a*] *house*	/há^{u}s/	'дом'	~	[*to*] *house*	/há^{u}z/	'поселять (в доме)'
[*a*] *grief*	/grī́f/	'печаль'	~	[*to*] *grieve*	/grī́v/	'печалить'
[*a*] *sheath*	/šī́θ/	'ножны'	~	[*to*] *sheathe*	/šī́ð/	'прятать в ножны'

Чтобы описать такие пары, мы должны выбрать в качестве показателей деривации — именной деривации в (3a) и глагольной деривации в (3b) — пару конверсий$_2$

$$\mathrm{V} \Longrightarrow \mathrm{N} \text{ и } \mathrm{N} \Longrightarrow \mathrm{V},$$

а не акцентуационную апофонию

$$/+_\ldots\ \acute{}_+/ \Longrightarrow /+\acute{}_\ldots\ _+/ \text{ (в (3a))}$$

и не апофонию озвончения

$$/\text{s}/ \Longrightarrow /\text{z}/,\ /\text{f}/ \Longrightarrow /\text{v}/ \text{ и } /\theta/ \Longrightarrow /\eth/ \text{ (в (3b))}.$$

Таким образом, мы будем говорить, что существительные в (3a) и глаголы в (3b) образованы применением указанных конверсий$_2$, а перемещение ударения, равно как и озвончение конечной согласной — это только сопутствующие им незначащие (т. е. пустые$_1$) чередования. Причина выбора такого решения состоит в следующем: конверсия$_2$ применяется ко ВСЕМ английским глаголам и существительным в процессе словообразования типа (3), тогда как указанные апофонии действуют весьма избирательно и применяются только к некоторым глаголам и к некоторым существительным среди всех тех, к которым они физически могли бы применяться: ср. [*to*] *command* /kəmǽnd/ 'командовать' ~ [*a*] *command* /kəmǽnd/ 'команда', а вовсе не */kómənd/; или же [*a*] *roof* /rűf/ 'крыша' ~ [*to*] *roof* /rűf/ 'покрывать крышей', а не */rűv/ и т. д. (Ср. пример (63), Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2.2**, с. 117–118.)

Более подробный анализ принципов выбора наилучшего решения при неединственности возможных морфологических описаний будет предложен в Части седьмой.

§ 2
ПУСТЫЕ$_2$ ЗНАКИ И НУЛЕВЫЕ ЗНАКИ

1. Пустые$_2$ знаки

1.1. Общие соображения. Языковой знак — это, как известно, тройка:

⟨'означаемое'; /означающее/; Σ = синтактика⟩.

До сих пор по умолчанию предполагалось, что каждый компонент этой тройки НЕ ПУСТ. Однако с чисто формальной точки зрения у нас нет оснований для такого предположения. Факты естественных языков также свидетельствуют о том, что и означаемое, и означающее того или иного знака могут быть пустыми. (Но не синтактика: см. ниже **3**, последний абзац перед Примечаниями, с. 33.)

1.2. Понятия пустого$_2$ и непустого$_2$. Понятие *пустой$_2$* и антонимичное ему *непустой* весьма важны в рамках морфологии и заслуживают специального определения.

Определения V.3/V.4: пустой$_2$/непустой$_2$

Знак **X** называется *пустым$_2$*, если его означаемое пусто ['X' = '**Λ**']; в противном случае знак **X** называется *непустым$_2$* ['X' ≠ '**Λ**'].

Здесь мы должны сделать важную оговорку. В математике стандартным обозначением для пустого множества является символ «$\emptyset$», а пустая последовательность (или цепочка) обозначается символом «**Λ**». К несчастью, в лингвистике символ $\emptyset$ традиционно используется для обозначения нулевого знака, т. е. знака, означающим которого является пустая цепочка. Эта традиция укоренилась столь сильно, что мы не решаемся ее изменить; тем самым мы вынуждены применять символ **Λ** и для пустой цепочки, и для пустого множества. В результате символ $\emptyset$ используется в этой книге только для нулевых знаков, а символ **Λ** — для обозначения и пустого множества, и пустой цепочки. Будем надеяться, что с учетом этого разъяснения наше использование математических знаков не приведет к путанице.

Напомним наши соглашения по использованию терминов (ср. Часть первая [том 1], Глава VI, **2.2**, с. 328, и Часть третья [том 3], Глава I, **5.1**, с. 20 и сл.):

– *пустым* называется множество, не содержащее ни одного элемента (т. е. *пустое* в строго математическом смысле);
– *пустой$_1$* называется языковая операция, не имеющая означаемого и поэтому не являющаяся знаком (*пустая$_1$ редупликация/ пустое$_1$ чередование*);
– *пустым$_2$* (см. только что приведенное определение) называется знак, у которого означаемое есть, но это означаемое — пустое.

Примеры

В трех приводимых ниже фразах мнимое (= формальное) подлежащее (оно выделено жирным шрифтом) выражено безличным местоимением, которое представляет собой пустую$_2$ словоформу, состоящую из пустой$_2$ морфы:

(1) **a.** фр. *Afin de parer à la disette,* ***il*** *serait procédé à la mise à mort des consommateurs improductifs* [M. Aymé], букв. 'Чтобы предотвратить голод, будет приступлено к умерщвлению потребителей, которые (сами) ничего не производят'.
b. англ. ***It*** *is interesting to compare both methods* 'Интересно сравнить эти два метода'.
c. нем. ***Es*** *wurde getantzt* '[Там] танцевали', букв. 'Было танцовано'.

Еще ряд примеров будет приведен в Главе II при обсуждении пустых$_2$ морф (§ 2, **5.1**, с. 87).

1.3. Комментарии к Определению V.3. Теперь нам надо обсудить следующие пять проблем:
– 'Пустой$_2$' ≠ 'избыточный'.
– Понятие 'пустой$_2$' применительно к знаку.
– Пустой$_2$ знак существует только по аналогии с непустым$_2$.
– Из всех языковых знаков пустыми$_2$ могут быть только сегментные знаки.
– Типичные классы пустых$_2$ словоформ.

1. 'Пустой$_2$' ≠ 'избыточный'

Если языковой знак пуст$_2$, это никоим образом не значит, что он избыточен. Он продолжает играть в тексте важную роль, и обойтись без него никак нельзя. Если убрать его из текста, рассматриваемое выражение может стать грамматически неправильным:

(1a′) **Serait procédé à la mise à mort des consommateurs improductifs.*
[Французская фраза невозможна без подлежащего *il.*]

Более того, пустой знак может быть весьма существен для передачи смысла. Так, во французской фразе

Nous nous approchions ***de*** *la gare* 'Мы подходили к вокзалу'

предлог **de** указывает на синтаксическую и семантическую связь между словосочетанием *la gare* 'вокзал' и глаголом. Однако этот предлог **de** пустой$_2$: его присутствие автоматически навязывается [= управляется] данным глаголом, т. е. он не выбирается говорящим свободно, исходя из его означаемого.

Тот факт, что некоторый знак пуст$_2$, свидетельствует исключительно об отсутствии ПРЯМОЙ корреляции между этим знаком и смыслом (= семантическим представлением) содержащего его высказывания. Пустой$_2$ знак может вносить свой вклад в выражение смысла данного высказывания, но не прямо, а косвенно, через его синтаксическую или морфологическую структуру. Впрочем, довольно часто роль пустого$_2$ знака сводится всего лишь к обеспечению формальной правильности высказывания.

2. Понятие 'пустой$_2$' применительно к знаку

Может показаться, что постулирование пустых$_2$ знаков — это почти что *contradictio in adjecto*: знак по определению призван что-то ЗНАЧИТЬ, так что пустые$_2$ знаки оказываются в своем роде парадоксальными элементами. Именно в силу своей парадоксальной природы пустые$_2$ знаки встречаются в естественных языках не так уж часто. (Тем не менее существует несколько типичных групп пустых$_2$ знаков, и эти группы обнаруживаются в самых разных языках; см. далее, пункт 5, с. 24.) Многим лингвистам пустые$_2$ знаки кажутся неприемлемыми в силу противоречивости самого этого понятия.

Тем не менее, понятие пустого$_2$ знака не более противоречиво, чем понятие пустого множества — понятие, уже более века тому назад вошедшее в математику и с тех пор используемое в ней весьма эффективно и естественно. Пустое множество — это не отсутствие какого бы то ни было множества: это множество, которое само по себе существует, но не содержит никаких элементов; его можно представлять себе в виде пустого мешка, что, ясное дело, не то же самое, что отсутствие всякого мешка. Точно так же пустой$_2$ знак — это не знак БЕЗ означаемого (что было бы и в самом деле противоречием); это знак, у которого есть свое означаемое [= «отделение, куда кладутся элементы смысла»], но это означаемое ничего не содержит. Таким образом, пустой$_2$ знак представляет собой некоторое формальное обобщение, которое оказывается весьма удобным в лингвистических описаниях.

Напомним еще раз, что означаемое некоторого знака **s** может и не быть смыслом: например, оно может быть характеристикой элемента синтактики знака **s** или требованием изменить что-то в синтактике другого знака **s′**, объединяемого с данным знаком **s**. Так, показатель именного класса 1 в языках банту никоим образом не является пустым$_2$, хотя его означаемое не содержит никакого смысла. Например, в суахили

m- = ⟨'[класс 1] I' ; /m/; $\Sigma = N_{(I)}$, перед согласной, ...⟩
ki- = ⟨'[класс 1] VII'; /ki/; $\Sigma = N_{(VII)}$, перед согласной, ...⟩

Как легко видеть, означаемое классного$_1$ префикса существительного не пусто: оно содержит указание на то, каков класс 1 этого существительного; но это указание не является смыслом.

Аналогичным образом не является пустым$_2$ и показатель пассива: его означаемое содержит требование $\boxed{\begin{smallmatrix}X&Y\\I&II\end{smallmatrix}} \Longrightarrow \boxed{\begin{smallmatrix}X&Y\\II&I\end{smallmatrix}}$ (т. е. «изменить указанным образом модель управления данного глагола»); и т. д.

Вот два примера бесспорно пустых$_2$ знаков.

(2) В баскском языке есть два суффикса, **-ki** и **-ka**, присоединение которых к глагольным формам дает особые формы, называемые в баскских грамматиках «украшенными».

	нормальная форма	«украшенная» форма	
'Он его несет'	*dakar*	*dakar* + ***ki***,	*dakar* + ***ka***
'Он его приводит'	*deramatz*	*deramatz* + ***ki***,	*deramatz* + ***ka***
'Он его перемещает'	*derabil*	*derabil* + ***ki***,	*derabil* + ***ka***
'Он идет'	*doa*	*doa* + ***ki***,	*doa* + ***ka***
'Они идут'	*doaz* /doas/	*doaz* + ***ki***,	*doaz* + ***ka***

Формы в двух правых колонках совершенно синонимичны, а суффиксы **-ki** и **-ka**, так сказать, декоративные; они используются в качестве ритмической добавки или в экспрессивных целях. Это действительно пустые$_2$ суффиксы. Однако у них имеется синтактика: они не могут ставиться перед суффиксом потенциалиса **-ke** и суффиксом множественного числа **-te**; во множественном числе они встречаются чаще, чем в единственном; после некоторых глаголов они обязательны: так, по крайней мере, глагол IHARDU 'сопротивляться' употребляется только в «украшенной» форме; кроме того, эти суффиксы могут подвергаться чередованиям:

$$\textit{-z} + \textit{ki} \Longrightarrow \textit{-tzi/-zi};\ \textit{-z} + \textit{ka} \Longrightarrow \textit{-tza/-za}\ [\textit{tz} = /c/].$$

(3) В языке хакальтек (Day 1973: 28–29) встречаются суффиксы **-i** и **-ji**, называемые «формативами основы». Суффикс **-i** (после согласной) или суффикс **-ji** (после гласной) автоматически прибавляется в конце основы всякого непереходного глагола, если у этого глагола нет другого ненулевого суффикса или какой-нибудь постпозитивной клитики:

a. *č* + *ač* + *waj* + ***i*** [⇐ *č* + *hač*] 'Ты спишь'.
НЕПРОШ 2ЕД спать
vs.
č + *ač* + *waj* + *ox* 'Ты будешь спать'.
НЕПРОШ 2ЕД спать БУД

или же

č	+ *ač*	+ *waj*	*hekal*	'Ты будешь
НЕПРОШ	2ЕД	спать	завтра [клитика]	спать завтра'.

b. (*š*) + *k* + *ač* + *ok'* + ***i*** 'Ты плакал'.
ПРОШ 2ЕД плакать

vs.

š	+ *∅*	+ *ok'*	*nax*	'Он плакал'.
ПРОШ	3ЕД	плакать	он [клитика]	

Похожие суффиксы — **-a/-o/-u** — прибавляются также к некоторым переходным глаголам (тем, у которых основа имеет вид /CVC/); эти суффиксы функционируют аналогичным образом. Согласно Day 1973, эти формативы основы ничего не выражают, так что их означаемое можно считать пустым. (Ср. также пример (29b) в § 3 Главы II настоящей части, **3.4**, с. 190.)

3. Пустой$_2$ знак существует только по аналогии с непустым$_2$

Пустой$_2$ знак может быть постулирован только при условии его бесспорного сходства с некоторым непустым$_2$ знаком. Пусть в языке $\mathcal{L}$ имеется некоторая бесспорная морфа

$$\mathbf{X} = \langle \text{`X'};\ X;\ \Sigma_{\mathbf{X}} \rangle.$$

Пусть также в некоторых особых контекстах наблюдается единица X с теми же правилами распределения, что и знак $\mathbf{X}$ (т. е. удовлетворяющая синтактике $\Sigma_{\mathbf{X}}$), но при этом полностью лишенная какого бы то ни было смысла. Если мы сочтем ее означающим пустого$_2$ знака $\mathbf{X}'$:

$$\mathbf{X}' = \langle \text{`}\mathbf{\Lambda}\text{'};\ X;\ \Sigma_{\mathbf{X}'} \rangle,$$

наше описание будет, как кажется, достаточно последовательным. Если же этого не сделать, то приходится постулировать чередование наращения, добавляющее сегмент X в условиях синтактики $\Sigma_{\mathbf{X}}$; в результате получается морфонологическое наращение с тем же самым распределением, что и у морфы $\mathbf{X}$. Однако может оказаться, что язык $\mathcal{L}$ избегает наращений в принципе или же сегмент X имеет в нем распределение (= синтаксическое поведение), свойственное словоформам, а уж наращение целой словоформы — вещь совершенно немыслимая. Во всех таких случаях кажется предпочтительным постулировать именно наличие пустого$_2$ знака типа $\mathbf{X}'$.

Вместе с тем, довольно часто оказывается не так легко провести безусловную и жесткую границу между пустыми$_2$ знаками и наращениями. Осложнения возникают особенно часто, когда в языке $\mathcal{L}$ для некоторого пустого$_2$ знака $\mathbf{X}'$ не находится соответствующего непустого$_2$ знака $\mathbf{X}$ — т. е. в ситуации, отличной от той, что была обрисована выше. В таком случае, чтобы можно было счесть $\mathbf{X}'$ пустым$_2$ знаком, в языке $\mathcal{L}$ должен иметься хотя бы некий непустой$_2$ знак $\mathbf{X}''$, на который $\mathbf{X}'$ в достаточной мере похож; но именно в силу нечеткости условия «в достаточной мере похож» в

этой области особенно часто могут возникать ситуации неединственности описания. (Напомним обсуждение русских наращений типа *лист* ~ *листья* /*list* + *j* + *a*/ в Части третьей [том 3], Глава II, § 1, **2**, 2, с. 44.) О пустых$_2$ аффиксах еще будет говориться далее, в § 3 Главы II, **8.1**, с. 209 и сл.

Приведем пример тех трудностей, с которыми можно столкнуться, имея дело с «претендентом» на статус пустого$_2$ знака.

В языке шипибо (Lauriault 1948) мы обнаруживаем два элемента: *-a* и *-i*, у которых смысл вроде бы отсутствует; Лорио называет их пустыми$_2$ морфами (*lexically meaningless morphemes*). Распределение этих элементов контролируется силлабической структурой содержащей их словоформы: в нечетном слоге — *-a*, в четном слоге — *-i*. Однако элементы *-a* и *-i* появляются только после итеративного суффикса аспекта II **-rib**; насколько мы можем судить по описанию Lauriault 1948, других суффиксов, с которыми *-a* и *-i* обнаруживали бы достаточное сходство, в языке шипибо нет. Напрашивается следующее заключение: элементы *-a* и *-i* не существуют в шипибо в качестве знаков, пусть даже и пустых$_2$ (о существовании языковых знаков см. § 5 Главы II настоящей части, с. 260 и сл.). Эти элементы являются частью означающего морф итератива, который имеет тем самым две алломорфы — **-riba** и **-ribi**; ср. (4) [**ki** — это суффикс перфектива (аспекта V); знаком «ˊ» обозначается ударение]:

(4) шипибо

в нечетном слоге		в четном слоге	
'идти'	*ka* + *ríba* + *ki*	'работать'	*jënẽ́* + *ribi* + *ki*
'делать'	*a* + *ríba* + *ki*	'заставлять делать'	*ám* + *a* + *ribi* + *ki*
'только делать'	*a* + *ríba* + *rïs* + *ki*	'только делать'	*a* + *ríś* + *ribi* + *ki* [⟹ *aríśibiki*]
'заставлять только делать'	*ám* + *a* + *rïs* + *riba* + *ki* [⟹ *ámarïsibaki*]	'бояться'	*rakí* + *ribi* + *ki*

Отсюда видно, что никаких оснований, чтобы постулировать в шипибо два пустых$_2$ знака ***-a** и ***-i**, нет.

4. Из всех языковых знаков пустыми$_2$ могут быть только сегментные знаки

В силу своей парадоксальной природы пустые$_2$ знаки могут встречаться только в одном основном классе морфологических знаков — в классе сегментных знаков. Это означает, что пустыми$_2$ могут быть исключительно фундаментальные знаки, существование которых в языке благодаря их очевидному и неоспоримому означающему ни у кого не вызывает сомнений. Говоря точнее:

Естественные языки располагают одной-единственной группой пустых$_2$ знаков, которые все являются сегментными и подразделяются на две подгруппы:
– ***пустые$_2$ морфы***, представляющие собой элементарные пустые$_2$ знаки;
– ***пустые$_2$ словоформы***, которые могут быть элементарными или неэлементарными пустыми$_2$ знаками

В трех других основных классах морфологических элементарных знаков, а именно: в классах супрафиксов, модификаций$_2$ и конверсий$_2$, пустых$_2$ знаков по определению не бывает. Если какое-то просодическое явление или какая-то операция, воздействующая на означающее или синтактику, ничего не означает, это явление или эта операция вообще не считается значащим/значащей. Незначащая просодия входит как неотъемлемая составная часть в состав соответствующего означающего; что же касается незначащей модификации$_1$ или конверсии$_1$, то они лежат на том же уровне, что и фонемы, в следующем смысле слова: все эти единицы в данном языке представляют собой просто средства выражения; это, так сказать, строительный материал, из которого в принципе могут строиться означающие, однако сами по себе они означающими не являются.

5. Типичные классы пустых$_2$ словоформ

Ниже представлены два класса пустых$_2$ словоформ, достаточно типичных для разных языков:

– Сильноуправляемые предлоги и союзы:

(5) **a.** рус. *зависеть* ***от***, *настаивать* ***на***, *сравнивать* ***с***, *войти* ***в***, *способный* ***на***, *приняться* ***за***; *сказать*, ***что*** ...; *знать*, ***что*** ...

b. фр. *dépendre* ***de***; *insister* ***sur***; *comparer* ***avec***; *partir* ***pour***; *capable* ***de***; *commencer* ***à***; *dire* ***que*** ...; *savoir* ***que*** ...

c. англ. *depend* ***on***; *insist* ***on***; *compare* ***to***; *leave* ***for***; *capable* ***of***; *begin* ***to***; *say* ***that*** ...; *know* ***that*** ...

– Безличные местоимения в роли «фиктивного» (чисто формального) подлежащего или дополнения.

(6) фр. ***Il*** *est évident que* ... букв. ‘Оно есть очевидно, что ...’ = ‘Очевидно, что ...’.

Il *surgit plusieurs problèmes* букв. ‘Оно возникает многие проблемы’ = ‘Возникает множество проблем’.

Il *y aura certaines choses à discuter* букв. ‘Оно будет иметься некоторые вещи для обсуждения’ = ‘Будет что обсудить’.

Il *reste encore un bon nombre de places disponibles* букв. ‘Оно остается еще довольно много свободных мест’ = ‘Еще остается довольно много свободных мест’.

(7) англ. ***It** is obvious that* ... букв. 'Оно есть очевидно, что ...' = 'Очевидно, что ...'.
*The rumour has **it** that* ... букв. 'Молва имеет это, что ...' = 'По слухам, ...'.
*For **there** to be enough substance, we should* ... букв. 'Чтобы имелось достаточно содержания, мы должны ...' = 'Чтобы придать [этому] достаточную содержательность, мы должны ...'.

(8) нем. ***Es** wird hier viel gearbeitet* букв. 'Оно становится здесь много работается' = 'Здесь много работают'.

Ряд примеров пустых$_2$ морф будет приведен ниже — при обсуждении аффиксов (Глава II настоящей части, § 3, **8.1**, с. 209 и сл.).

Важное терминологическое соглашение: Хотя это и не совсем корректно, мы позволим себе применять термин *пустой$_2$* также и к тем сущностям, которые представляют собой не знаки, а МНОЖЕСТВА ЗНАКОВ (т.е. являются ***-эмами***), — при условии что эти множества состоят исключительно из пустых$_2$ знаков. Тогда *пустая$_2$ морфема* = 'морфема, у которой все морфы пусты$_2$', *пустая$_2$ лексема* = 'лексема, у которой все лексы пусты$_2$'.

2. Нулевые знаки

2.1. Понятие нулевого языкового знака. Мы начнем прямо с формулировки понятия нулевого знака, а затем сопроводим ее рядом комментариев.

Определение V.5: нулевой знак

|| Знак **X** называется *нулевым*, если его означающее пусто [$X = /\Lambda/$].

Обозначения

Нулевой знак обозначается через $\emptyset$ (в большинстве случаев — с индексом, указывающим на его означаемое и позволяющим отличить его от других нулевых знаков). Обратите внимание, что мы обозначаем по-разному пустую цепочку Λ и нулевой знак $\emptyset$, означающим которого является пустая цепочка фонем.

Ср. замечание после Определений V.3/V.4 на с. 18.

Пример

(9) В сингальском языке у некоторых существительных множественное число выражается отсутствием суффикса (тогда как единственное число выражается суффиксами *-va*, *-ya*, *-a*, и т. п.):

	единственное	множественное
'стул'	*puṭu* + *va*	*puṭu*
'шапка'	*toppi* + *ya*	*toppi*
'дерево'	*gas* + *a*	*gas*

Здесь мы имеем дело с нулевым суффиксом множественного числа: **-$\emptyset_{\text{PL}}$** = ⟨'множ. число'; /**Λ**/; Σ = суффикс существительных типа $n_1, \ldots$⟩.

Данный нулевой суффикс синонимичен ряду ненулевых суффиксов множественного числа в сингальском языке: **-val**, **-varu**, **-lā**, **-ō**, **-ī**, **-ū**, ...

2.2. Комментарии к Определению V.5. С нулевым знаком связаны четыре проблемы, заслуживающие специального комментария:
- Морфологический нулевой знак и граммема;
- Принцип Хааса;
- Нулевой знак и основные классы морфологических знаков;
- Нулевые словоформы.

1. Морфологический нулевой знак и граммема

Вообще говоря, нулевой знак — это ЗНАЧАЩЕЕ ОТСУТСТВИЕ чего-то в тексте, т. е. отсутствие какого бы то ни было элемента в такой позиции, в которой нормально что-то должно стоять, поскольку в языке имеется обязательное значение, которое должно быть чем-то выражено. Естественно полагать, что подобное отсутствие, противопоставленное присутствию этого «чего-то», как раз и является носителем данного смысла. Таким образом, можно сказать, что нулевой знак как бы вызывается к жизни в некоторой семантически хорошо обоснованной позиции, которая, однако, в данном конкретном случае не заполнена никаким физическим показателем.

А что же, собственно, представляет собой эта «хорошо обоснованная позиция» или «обязательная позиция»? На уровне морфологии это будет такая позиция в составе линейной последовательности знаков, образующих словоформу, в которой обычно стоит один или несколько знаков, выражающих либо ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, либо СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОЕ (т. е. обязательное) ЗНАЧЕНИЕ. Если отвлечься здесь от лексических значений, можно сказать, что морфологический нулевой знак теснейшим образом связан со словоизменительными значениями.

> Если не принимать во внимание лексические значения, морфологический нулевой знак не может выражать ничего иного, кроме словоизменительных значений, т. е. ГРАММЕМ

Из этого утверждения неизбежно вытекает невозможность нулей в словообразовании. Иначе говоря, никакой морфологический нулевой знак не может выражать дериватему.

Замечание. На уровне синтаксиса «обязательной» будет позиция некоторого узла, обязательного в синтаксическом дереве фразы (= в поверхностно-синтаксической структуре). В зависимости от языка и от типа фразы это может быть вершинный узел (= личный глагол-сказуемое) или узел грамматического подлежащего (в языке, где сказуемое всегда согласуется с подлежащим). Таким образом, синтаксический нулевой знак — это нулевая лекса или лексема (см. ниже, пункт 4, с. 28), играющая ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ СИНТАКСИЧЕСКУЮ РОЛЬ, по аналогии со словоизменительным значением.

2. Принцип Хааса

Нулевой знак — это весьма мощное средство описания, поскольку исследователь всегда может назвать нулевым знаком отсутствие знака, затрудняющее описание. Чтобы понятие нулевого знака не расплылось и не потеряло свое содержание, мы потребуем, чтобы всякий аффиксальный морфологический нулевой знак вводился с соблюдением Принципа Хааса (Haas 1957; впрочем, сам Хаас сформулировал данный принцип несколько иначе).

Принцип Хааса

> В словоформе **w** языка $\mathcal{L}$ наличие морфологического нулевого знака **X** постулируется тогда, и только тогда, когда одновременно выполняются следующие три условия:
>
> (i) в словоформе **w** выражено некоторое конкретное словоизменительное значение [= граммема] 'X', которое может быть отнесено к данному нулевому знаку, т. е. включено в его означаемое;
>
> (ii) **w** не содержит такого ненулевого означающего, которому естественным и регулярным образом могло бы быть приписано значение 'X';
>
> (iii) в языке $\mathcal{L}$ имеется ненулевой знак **Y**, с которым **X** контрастирует в той же самой позиции [т. е. **X** обладает смыслоразличительной значимостью].

Этот принцип будет подробно обсуждаться, разъясняться и иллюстрироваться в Части седьмой КОМ-а, поскольку он представляет собой один из методологических принципов, которым и следует руководствоваться при построении морфологических описаний. (Стоит подчеркнуть, что здесь мы даем Принцип Хааса в самой приблизительной формулировке; к ней требуется ряд существенных уточнений, о которых речь пойдет в Части седьмой.)

3. Нулевой знак и основные классы морфологических знаков

Нулевые знаки, точно так же как и пустые$_2$ знаки, представляют собой своеобразный парадокс: ведь знак, по определению, должен быть НЕКОЕЙ ВЕЩЬЮ, которая что-то обозначает, в то время как нулевой знак — это НИЧТО, которое что-то обозначает. Однако нулевые знаки все-таки менее парадок-

сальны, чем пустые$_2$ знаки: в самом деле, физическое отсутствие некоторой сущности или неприменение — в предусмотренном случае — некой операции, которое что-то обозначает, более «семиотично», чем некая языковая сущность, которая прекрасно воспринимается, но при этом не значит ничего. Эта бóльшая «семиотичность» позволяет нулевым знакам наличествовать во всех основных классах морфологических знаков (напомним, что пустые$_2$ знаки могут встречаться только в одном из этих классов — в классе сегментных знаков). Поэтому у нас есть и нулевые морфы, и нулевые модификации$_2$, и нулевые конверсии$_2$; примеры таковых будут приведены в дальнейшем, в соответствующих главах. Что же касается нулевых супрафиксов, то таких примеров нам обнаружить не удалось, хотя логически такие знаки не исключаются; ср. Глава III, **2**, с. 301).

4. Нулевые словоформы

Хотя нулевые словоформы не являются в этой книге предметом специального рассмотрения, мы укажем здесь два известных класса нулевых словоформ (= синтаксических нулей). Это нулевые глаголы-связки и нулевые местоимения (термин *местоимение* используется здесь в самом широком смысле); проиллюстрируем их на материале русского языка, где представлены оба класса нулевых лексем: и нулевая связка, и нулевые местоимения-подлежащие.

НУЛЕВАЯ СВЯЗКА — это форма настоящего времени русского глагола БЫТЬ (и в значении чистой связки, и в локативном значении):

(10) русский
  a. *Маша больна.*
  b. *Маша* ***была*** ⟨***будет***, ***была бы***⟩ *больна.*

(11) русский
  a. *Маша в Европе.*
  b. *Маша* ***была*** ⟨***будет***, ***была бы***⟩ *в Европе.*

В примерах (10a) и (11a) наблюдается следующая нулевая словоформа:

$\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$ = ⟨'быть, наст, изъяв'; /**Λ**/; Σ = глагол, 1/2/3, ед/мн, ... ⟩

Эта лекса принадлежит одной из двух лексем БЫТЬ [БЫТЬ I — связочный глагол и БЫТЬ III — локативный глагол], которые содержат также и другие лексы, не являющиеся нулевыми: на месте нулевой формы настоящего времени в (10a) и в (11a) в примерах (10b) и (11b) выступают ненулевые формы прошедшего или будущего времени или сослагательного наклонения. Нулевая лекса глагола БЫТЬ используется при любом подлежащем, независимо от его лица и числа; у БЫТЬ нет какой-либо другой, ненулевой, формы, которая могла бы быть употреблена в примерах (10a) или (11a).

Русские НУЛЕВЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ — это две нулевые лексы, которые употребляются в роли подлежащего (и, следовательно, определяют согласование сказуемого):

(12) русский
a. *Машу убил* + ***и!*** ['кто-то' — согласование по 3 мн].
b. *Машу убил* + ***о!*** ['что-то' — согласование по 3 ед. ср].

В обеих фразах в (12) нет эксплицитного подлежащего, и вставить в них какое бы то ни было подлежащее без изменения смысла невозможно. Семантическое различие между этими фразами таково: в (12a) агенсом является лицо, правда, неопределенное, а в (12b) — нечто «таинственное» (силы природы). Это различие выражается только разным согласованием глагола: 3 МН в (12a) и 3 ЕД.СР в (12b). Поскольку в общем случае лицо и число русского личного глагола определяются его синтаксическим подлежащим, мы постулируем здесь две нулевые словоформы:
a′. $\emptyset_{\textbf{ЛЮДИ}}$ = ⟨'некто'; /**Λ**/; Σ = местоимение, им. пад., 3-е л., мн. ч., ...⟩
b′. $\emptyset_{\textbf{СТИХИИ}}$ = ⟨'силы природы'; /**Λ**/; Σ = местоимение, им. пад., 3-е л., ед. ч., ср. род, ...⟩
Первая словоформа (квази)синонимична фр. **on** или нем. **man**; вторая более или менее соответствует безличным местоимениям европейских языков типа фр. **il**, англ. **it**, нем. **es** (во фразах типа англ. *It rains* или фр. *Il pleut* 'Идет дождь', *Il fait froid* 'Холодно' и т. п.). Эти две русские нулевые словоформы обладают совершенно особой синтактикой и выражают некий весьма четко очерченный смысл. Надо заметить, что в пассивной фразе (13), соответствующей фразам (12a–b):

(13) русский
Маша убит + ***а!***,

неясно, кто является агенсом: то ли люди, то ли природные силы, то ли животные. Напротив, в (12a) и в (12b) совершенно ясно, кто является агенсом: люди в (12a), силы природы в (12b), но в обоих случаях заведомо не животные[1].

$\emptyset_{\textbf{ЛЮДИ}}$ представляет собой единственную лексу русской лексемы $\emptyset$люди, которую мы называем «нулевой лексемой» (см. непосредственно ниже); то же самое верно относительно нулевой лексы $\emptyset_{\textbf{СТИХИИ}}$ (см. Mel'čuk 1988a: 303 и сл.).

Важное терминологическое соглашение: Как и в случае термина *пустой$_2$*, мы позволим себе применять термин *нулевой* не только к отдельным знакам, но и к МНОЖЕСТВАМ ЗНАКОВ (т. е. к -эмам, см. Глава II, § 4, **6**, с. 251 и сл.), не содержащим никаких других знаков, кроме нулевых. Так что: *нулевая морфема* = 'морфема, у которой все алломорфы нулевые'; *нулевая лексема* = 'лексема, у которой все аллолексы нулевые'.

? 2 Мы говорим здесь: «... у которой ВСЕ алло- нулевые» — исключительно ради сохранения формального параллелизма с пустыми$_2$ -эмами. На самом деле, нулевая морфема или нулевая лексема всегда содержит не более чем ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ элемент (нулевую морфу или лексу, соответственно). Почему?

Замечание. Русские лексемы **∅быть**, **∅люди** и **∅стихии** являются также еще и ***сильными мегаморфами*** — поскольку нулевое означающее каждого из этих трех знаков синкретически и глобально кодирует ОДНОВРЕМЕННО и лексическое, и словоизменительные означаемые, что весьма нетипично для русского языка. Мы еще вернемся к этой проблеме в разделе **В**, Глава VII, **3.4**, пример (14), с. 412.

3. Знаки, пустые$_2$ и нулевые одновременно

Несмотря на парадоксальный характер пустых$_2$ знаков и нулевых знаков, в некоторых естественных языках обнаруживаются знаки, являющиеся и пустыми$_2$, и нулевыми одновременно! У них пусты и означаемое, и означающее, и лишь одна синтактика оправдывает их существование.

(14) Рассмотрим следующие украинские фразы:

a. *В 1838 року (им) був + о*
В году он-ТВОР быть-ПРОШ ЕД.СР
відкрит + о зоологичний кабінет
открыт БЕЗЛИЧН зоологический кабинет-ЕД.ВИН
'В 1838 году им был открыт зоологический кабинет'
букв. '... (им) было открыто зоологический кабинет'.

b. *Був + о ⟨Буде⟩ організован + о*
Быть-ПРОШ ЕД.СР быть-БУД.ЗЕД организован БЕЗЛИЧН
експедиції за тваринами
экспедиции-МН.ВИН за животные-МН.ТВОР
'Организовали ⟨Организуют (буд.)⟩ экспедиции за животными',
букв. 'Было ⟨Будет⟩ организовано экспедиции за животными'.

c. *Свит вже картографован + о*
мир-ЕД.ВИН уже картографирован БЕЗЛИЧН
'Карты (всего) мира уже составлены' (букв. '... составлено').

Формы *відкрито*, *організовано*, *картографовано* являются неизменяемыми. Хотя они образованы от основы пассивного причастия *відкрит-*, *організован-*, *картографован-*, настоящими причастиями они не являются: суффикс **-о** показывает, что это безличные формы; кроме того, они управляют прямыми дополнениями в винительном падеже, что для пассивных причастий невозможно. (Форма единственного числа среднего рода именительного падежа у нормального украинского пассивного причастия оканчивается

на **-е**: *відкрит* + **е**, *організован* + **е**, *картографован* + **е**.) Здесь мы имеем формы агентивного пассива без «реального» подлежащего, который часто называют безличным пассивом. Глагольный элемент во фразах (14), т.е. связка, стоит в 3-м лице единственного числа или в форме среднего рода I.2 (также в единственном числе), хотя эксплицитное подлежащее отсутствует — и, более того, вообще невозможно. Однако в украинском языке сказуемое непременно должно быть согласовано с подлежащим (в точности как в русском). Следовательно, нам не остается ничего иного, кроме как постулировать в (14) лексу, пустую$_2$ и нулевую одновременно, которая и будет играть роль подлежащего (в данном случае фиктивного):

$\emptyset_{\text{БЕЗЛИЧН}}$ = ⟨'**Λ**'; /**Λ**/; Σ = местоимение, им. падеж, 3-е лицо, ед. ч., ср. род, ...⟩[2].

Именно с этим подлежащим и согласуется связка по роду I.2 и по числу. (Теоретический анализ глагольной формы в (14) см. в Sobin 1985.)

(15) Тот же тип лексы, нулевой и пустой$_2$ одновременно, существует в русских северных диалектах, где имеется похожая конструкция:

a. *Украден* + *о* *коров* + *у*
ЕД.СРЕДН ЕД.ВИН

b. *Плочен* + *о* *страховк* + *у*
ЕД.СРЕДН ЕД.ВИН

c. *Был* + *о* *тогда поплакан* + *о*
ЕД.СРЕДН ЕД.СРЕДН

Русская диалектная конструкция отличается от украинской конструкции, представленной в (14), по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, в (15) форма на **-о** — это обычная форма пассивного причастия (в среднем роде единственного числа), а во-вторых, агенс при ней выражается предложной группой с предлогом *у*: *У Ивана корову украдено* 'Иваном украдена корова'.

(16) Ниже представлены немецкие фразы, в которых мы постулируем пустую$_2$ нулевую лексу $\emptyset^{\text{пуст}}_{3\text{ ед}}$, контролирующую согласование глагола в 3-м лице единственного числа. В отличие от украинского и русского языков, где пустая$_2$ нулевая лекса $\emptyset^{\text{пуст}}_{\text{ср, 3 ед}}$ не соответствует никакой ненулевой пустой$_2$ лексе, в немецком нулевая лекса $\emptyset^{\text{пуст}}_{3\text{ ед}}$ синонимична ненулевой пустой$_2$ лексе **es**. В некоторых контекстах $\emptyset^{\text{пуст}}_{3\text{ ед}}$ и **es** взаимозаменимы без изменения смысла фразы. Сравните:

a. *"Geholzt" wurde von beiden* букв. 'Грубо-играно было обоими [футболистами]'.

vs.

***Es** wurde von beiden "geholzt"* букв. 'Оно было грубо-играно обоими'.

В других контекстах возможно только $\emptyset^{\text{пуст}}_{\text{3 ед}}$:

b. *Bartel muß freigelassen werden, sonst wird (*es) weiter gemordet* 'Бартель должен быть выпущен на свободу, иначе [букв.] будет убиваться и дальше' = '... убийства будут продолжаться'.

c. *Obwohl Wien zu den sichersten Städten der Welt zählt, muß (*es) im Bereich des Schutzes des Einzelnen vor der Kriminalität stetig an Verbesserungen gearbeitet werden* 'Хотя Вена числится среди самых безопасных городов мира, следует постоянно работать [букв. 'должно быть постоянно работано'] над улучшениями в области защиты граждан от преступности'.

Читатель уже, вероятно, заметил, что во всех примерах (15)–(16) речь идет о действиях, осуществляемых людьми. Это не случайно: рассматриваемая конструкция и в диалектах русского языка, и в немецком возможна только тогда, когда «реальным», семантическим субъектом, т.е. агенсом, является человек. Возникает вопрос: а не было бы более естественным постулировать здесь непустую$_2$ нулевую лексему — вроде русской лексемы **∅люди**, которую мы видели в (12а′). Мы так не считаем. В конструкциях, приведенных в (15)–(16), в принципе может быть выражен агенс, но он никогда не выражается в виде подлежащего, а только в виде факультативного дополнения. С таким дополнением мы уже сталкивались в украинском; ср. форму творительного падежа *ім* в (14а) и еще один пример на то же самое: укр. *Моїм милим мене* [ВИН] *здраджено* букв. 'Моим милым меня предано'= 'Мой милый мне изменил'. В диалектах русского языка также бывает *От ⟨У⟩ Мишки украдено корову* [ВИН] = 'Мишка украл корову', *У Машки плочено страховку* [ВИН] = 'Машкой заплачена страховка', *Мною* [ТВОР] *было тогда поплакано* и т.п. В немецком агенс может быть выражен посредством предложной группы **von** + N, т.е. в точности так же, как и в «нормальной» пассивной структуре (ср. (16а)). Однако согласование сказуемого всегда определяется в этих языках фиктивным подлежащим, отличным от агентивного дополнения. (Тот факт, что данные конструкции возможны только при условии, что подразумеваемый или явно выраженный агенс — человек, представляет собой семантическое ограничение на их употребление.)[3]

Лексы, которые являются пустыми$_2$ и нулевыми одновременно, чаще всего представляют собой «голые» ***корни***, лишенные суффиксов, — т.е. это чистые синтаксические нули. Но можно, в принципе, представить себе также и пустой$_2$ нулевой корень внутри словоформы, включающей в себя помимо этого корня еще какие-то аффиксы. Это может быть, к примеру, вспомогательный глагол с пустым$_2$ корнем; если хотя бы в одной форме такого глагола корень всегда обязательно отсутствует, этого достаточно, чтобы получить пустой$_2$ нулевой корень в составе словоформы. Нечто в этом роде имеется во французском языке — в форме **ont** /5/ — 3 лицо множественного числа (в настоящем времени индикатива) вспомогательного глагола *avoir*

'иметь'. По аналогии, с одной стороны, с формами ***av*** + *ons* '[мы] имеем', ***av*** + *ez* '[вы] имеете', ***av*** + *ais* '[я] имел', и т. п. и, с другой стороны, по аналогии с формами *s* + ***ont*** '[они] есть', *v* + ***ont*** '[они] идут', и *f* + ***ont*** '[они] делают', эта форма может быть представлена в виде ***∅*** + *ont*, — и если предположить, что корень вспомогательного глагола — пустой₂, то здесь корень будет сразу и пустым₂, и нулевым! (Этим примером я обязан И.-Ш. Морену.) Таким образом, в форме **ont** глагола AVOIR, когда он выступает в качестве вспомогательного в составных глагольных формах (например: [*Ils*] ***ont*** [*lu*]), мы могли бы усматривать морфологический пустой₂ нуль[4].

*
* *

Анализ случаев, представленных примерами (14)–(16), еще раз позволяет нам убедиться в том, насколько важным компонентом языковых знаков является синтактика. В самом деле, ведь именно этот компонент отличает языковые знаки от знаков вообще (Часть первая [том 1], Глава II, § 2, **2**, с. 121). Таким образом, он является необходимым компонентом языковых знаков. В то же время он является и их ДОСТАТОЧНЫМ компонентом — достаточным, чтобы обеспечивать их существование (как это происходит в случае со знаками, пустыми₂ и нулевыми одновременно).

Примечания

[1] (**2**, 4, пример (13), с. 29). В (13) мы снова видим нулевую лексу глагола БЫТЬ: *Маша* ***∅***БЫТЬ *убита*; в прошедшем и в будущем времени и в сослагательном наклонении мы имеем здесь ненулевые формы связки: *Маша* ***была*** *убита* ~ *Маша* ***будет*** *убита* ~ *Маша* ***была бы*** *убита*. Ср. Глава VII, пример (14), с. 412.

[2] (**3**, после примера (14), с. 31). Украинская пустая₂ нулевая лекса ***∅***БЕЗЛИЧН состоит из одной-единственной морфы-корня; это дает нам хороший пример пустого₂ нулевого корня (ср. ниже, Глава II настоящей части, § 2, **5.3**, с. 90).

Отметим, что в польской конструкции, которая соответствует украинской, приведенной в (14), и очень на нее похожа, нулевого пустого₂ подлежащего нет. В самом деле, рассмотрим польскую фразу (i), соответствующую фразе (14c):

(i) польский
Świat już kartografowano 'Карты всего мира уже составлены'.

Польская форма *kartografowan* + ***o*** представляет собой форму объектного суппрессива (Часть вторая [том 2], Глава II, § 4, **4.2**, 7, с. 167 и сл.), часто называемую «безличным пассивом». (Форма пассивного причастия в

именительном падеже единственного числа среднего рода оканчивается, как и в украинском, на **-е**: *kartografowan* + ***е***.) По сравнению с соответствующей украинской формой, польская форма имеет, по меньшей мере, следующие две важные особенности:

– Польская форма не допускает добавления глагола-связки; тем самым конструкции типа (i) выражают результативность и находятся вне грамматического времени.

– Польская форма исключает какое бы то ни было выражение агенса: к фразе (i) нельзя добавить что-нибудь вроде *imi* [ТВОР] 'ими' или *przez nich* [то же — с предлогом, типичным для выражения агенса при пассиве].

Таким образом, польская форма типа *kartografowano* является НЕИЗМЕНЯЕМОЙ предикативной формой, которая ни с чем не согласуется и, тем самым, вовсе не предполагает (точнее, исключает) наличие фиктивного подлежащего (= англ. *dummy subject*).

В отличие от упоминаемых далее в основном тексте аналогичных форм трех других языков (украинского, северных диалектов русского и немецкого), польская форма на **-о** (**-но**, **-то**) уже сама по себе выражает смысл 'личный агенс', так что форма *pogryzi* + *on* + ***о*** от *pogryźć* 'укусить' значит 'укусили'. Аналогичным образом интерпретируются форма *łącz* + *on* + ***о*** от *łączyć* 'связать' во фразе (ii) и форма *podziel* + *on* + ***о*** от *podzielić* 'разделить, разбить' во фразе (iii):

(ii) *Zapewne łączono to imię z pojęciem "strażnik"*
'Разумеется, это имя связали [= НЕКТО связал] с понятием «стражник»'.

(iii) *Te sufiksy podzielono na dwie grupy*
'Эти суффиксы подразделены [= (их) подразделили = НЕКТО подразделил] на две группы'.

[3] (**3**, после примера (16), с. 32). Мы можем привести еще один интересный пример знаков, одновременно пустых$_2$ и нулевых: нулевое безличное местоимение в языках типа испанского и итальянского. Пустая$_2$ нулевая лекса выступает в этих языках в безличных фразах типа *Моросит*, *Морозит*, *Смеркается* и т. п.:

(i) **a.** итал. *Piove* букв. 'Дождит', *Fa caldo* букв. 'Делает жарко' = 'Жарко' (ср. рус. *Припекает*).
b. исп. *Llueve* букв. 'Дождит', *Hace calor* букв. 'Делает жару' = 'Жарко'.

Здесь глагол-сказуемое всегда стоит в 3-м лице единственного числа, но при нем нет и не может быть эксплицитного безличного местоимения в качестве подлежащего — типа обязательного в аналогичной ситуации английского **it** или французского **il**. Следовательно, чтобы описать согласование глагола в лице и числе, мы вынуждены постулировать нулевую лексу

ØБЕЗЛИЧН(3 sg); как и его французский аналог **il**, это безличное местоимение в итальянском и в испанском является пустым$_2$.

Этот пример не был приведен в основном тексте, поскольку мы не до конца убеждены, что безличное местоимение во французском, равно как и нулевая лекса, постулированная нами для испанского и итальянского, — это единицы, которые всегда семантически пусты$_2$; в некоторых контекстах они, возможно, имеют какое-то значение типа 'стихии', 'нечто таинственное/непонятное' — аналогично русскому нулевому местоимению, описанному в примере (12b′), с. 29. Мы не в состоянии провести здесь семантический анализ безличных фраз; однако, если принять семантическую пустоту$_2$ безличного местоимения в качестве рабочей гипотезы, наш пример имеет смысл.

[4] (**3**, с. 33). К сожалению, данный пример не корректен: корень вспомогательного глагола не является пустым$_2$ — он выражает время лексического глагола.

Библиографические указания

Описание и теоретический анализ пустых$_2$ суффиксов (называемых «интерфиксами») во многих языках мира дается в Dressler and Merlini Barbaresi 1986 и 1994: 529 и сл.; в этих работах можно также найти сравнение пустых$_2$ суффиксов и элементов, представляющих собой часть означающего некоторой морфы.

Проблема языковых нулей достаточно подробно обсуждается в Mel'čuk 1988a; там же дается и дополнительная библиография. Другая точка зрения на нуль в языке представлена в Janda and Manandise 1984: 230 и сл. В Mithun 1986 анализируется различие между нулевым знаком и отсутствием знака на материале лично-числовых показателей в глаголе. Наконец, в Sanders 1988 основательно и с большим количеством ссылок обсуждается ряд важных проблем, связанных с нулевыми знаками.

Резюме Главы I

Определяются основные классы элементарных морфологических знаков, с учетом типа их означающего:

– МОРФА: знак, означающим которого служит сегментная сущность;

– СУПРАМОРФА: знак, означающим которого служит супрасегментная сущность;

– МОДИФИКАЦИЯ$_2$: знак, означающим которого служит операция модификации$_1$;

– КОНВЕРСИЯ$_2$: знак, означающим которого служит операция конверсии$_1$.

Обсуждается понятие супрафикса и устанавливается иерархия элементарных морфологических знаков.

В конце дается характеристика двух специальных типов морфологических знаков:

- пустые$_2$ знаки (= означаемое которых пусто);
- нулевые знаки (= означающее которых пусто).

Формулируются определенные принципы введения пустых$_2$ и нулевых знаков.

ГЛАВА II

МОРФА

Поскольку морфа — это самый важный морфологический знак, данная глава занимает в Части пятой центральное место. Она делится на пять параграфов:

§ 1: Понятие морфы.
§ 2: Корень.
§ 3: Аффикс.
§ 4: Морфема и близкие понятия.
§ 5: Проблема существования языковых единиц.

§ 1
ПОНЯТИЕ МОРФЫ

1. Определение понятия морфы

Подробно обсудив в Главах II–III Части первой понятия (***языкового***) ***знака***, ***сегментного знака*** и ***элементарного знака***, мы можем теперь предложить весьма компактное определение морфы.

Определение V.6: морфа

|| *Морфа* есть элементарный сегментный знак.

Обозначения

Произвольная морфа обозначается символом **m**. Чтобы указать конкретную морфу, мы используем орфографическую запись ее означающего, набранную **жирным шрифтом**. Если же этой записи недостаточно (поскольку она может относиться к нескольким разным морфам), мы прибегаем к различительным индексам.

Примеры

(1) французский

a.

vienn = ⟨'приходить'; /vjɛn/; Σ = корень, глагол, 3 мн. наст. изъяв. или наст. сослаг., ...⟩
vien = ⟨'приходить'; /vjɛ̃/; Σ = корень, глагол, ед. наст. изъяв., ...⟩
ven = ⟨'приходить'; /vən/; Σ = корень, глагол, 1/2 мн. наст. изъяв. или прош. или нелич., ...⟩

b.

-ai = ⟨'имперфект'; /ɛ/; Σ = словоизменит. суффикс глагола, ед. и 3 мн., ...⟩
-i = ⟨'имперфект'; /j/, Σ = словоизменит. суффикс глагола, 1/2 мн., ...⟩

c.

re- = ⟨'снова'; /rə/; Σ = словообразоват. префикс глагола, перед согласной, ...⟩
r- = ⟨'снова'; /r/; Σ = словообразоват. префикс глагола, перед гласной, ...⟩
ré- = ⟨'снова'; /re/; Σ = словообразоват. префикс глагола, перед гласной, ...⟩[1]

d.

homme I = ⟨'человек'; /ɔm/; Σ = корень, существит. нарицат., ...⟩
homme II = ⟨'мужчина'; /ɔm/; Σ = корень, существит. нарицат., ...⟩

e.

pour I = ⟨'чтобы'; /pur/; Σ = корень, предлог, управляет инфинитивом, ...⟩

(2) английский

a.

wife = ⟨'жена'; /wa^{i}f/; Σ = корень, существит. нарицат., $\mathbf{A}^{f \Rightarrow v}$ перед /z/ мн. ч., ...⟩
wive = ⟨'жена'; /wa^{i}v/; Σ = корень, существит. нарицат., перед /z/ мн. ч., ...⟩

b.

calf^{1} = ⟨'теленок'; /kắf/; Σ = корень, существит. нарицат., $\mathbf{A}^{f \Rightarrow v}$ перед /z/ мн. ч., ...⟩
calve^{1} = ⟨'теленок'; /kắv/; Σ = корень, существит. нарицат., перед /z/ мн. ч., ...⟩

c.

-s^{1} = ⟨'множ. число'; /iz/; Σ = словоизменит. суффикс существит., после свистящей или шипящей согласной, ...⟩
-s^{2} = ⟨'множ. число'; /z/; Σ = словоизменит. суффикс существит., после гласной или после звонкой не свистящей и не шипящей согласной, ...⟩
-s^{3} = ⟨'множ. число'; /s/; Σ = словоизменит. суффикс существит., после глухой не свистящей и не шипящей согласной, ...⟩

d.

-s^{4} = ⟨'3ед. наст. изъяв'; /iz/; Σ = словоизменит. суффикс глагола, после свистящей или шипящей согласной, ...⟩
-s^{5} = ⟨'3ед. наст. изъяв'; /z/; Σ = словоизменит. суффикс глагола, после гласной или после звонкой не свистящей и не шипящей согласной, ...⟩
-s^{6} = ⟨'3ед. наст. изъяв'; /s/; Σ = словоизменит. суффикс глагола, после глухой не свистящей и не шипящей согласной, ...⟩

e.

-er = ⟨'тот, кто .../то, что ...'; /ə^{r}/; Σ = словообразоват. суффикс глагола, служит для образования существительного, ...⟩

f.

go = ⟨'идти'; /gṓ/; Σ = корень глагола, **не** в прош., **не** в прич. прош., ...⟩
wen = ⟨'идти'; /wén/; Σ = корень глагола, в прош., ...⟩
go(ne) = ⟨'идти'; /gɔ́/; Σ = корень глагола, в прич. прош., ...⟩

[Относительно этих морф см. ниже, в начале раздела **2.2**, с. 45.]

(3) русский

a.

о́кн = ⟨'окно'; /ókn/; Σ = корень, существит. нарицат., ср. р., II скл., мн. ч., перед любой гласной, ...⟩

окн = ⟨'окно'; /ăkn/; Σ = корень, существит. нарицат., ср. р., II скл., ед. ч., перед гласной, отличной от /e/, ...⟩

окн′ = ⟨'окно'; /akn′/; Σ = корень, существит. нарицат., ср. р., II скл., перед суффиксом **е**, ...⟩

о́кон = ⟨'окно'; /ókan/; Σ = корень, существит. нарицат., ср. р., II скл., перед нулевым суффиксом, ...⟩

око́н = ⟨'окно'; /akón/; Σ = корень, существит. нарицат., ср. р., II скл., перед согласной, $\mathbf{A}^{n \Rightarrow \check{s}}$ перед диминутивным суффиксом **-k**, ...⟩

окош = ⟨'окно'; /akóš/; Σ = корень, существит. нарицат., ср. р., II скл., перед диминутивным суффиксом **-k**, ...⟩

b.

-о́в = ⟨'множ. число, род. пад.'; /óf/; Σ = словоизменит. суффикс существит., II скл., муж. р., **не** $\emptyset_{\text{РОД}}$, **не** после мягкой или шипящей согласной, ...⟩

-ов = ⟨'множ. число, род. пад.'; /ăf/; Σ = словоизменит. суффикс существит., II скл., муж. р., **не** $\emptyset_{\text{РОД}}$, **не** после мягкой или шипящей согласной, ...⟩

-ев = ⟨'множ. число, род. пад.'; /ĭf/; Σ = словоизменит. суффикс существит., II скл., муж. р., **не** $\emptyset_{\text{РОД}}$, после /j/, ...⟩

-ей = ⟨'множ. число, род. пад.'; /éj/; Σ = словоизменит. суффикс существит., II/III скл., **не** $\emptyset_{\text{РОД}}$, после мягкой или шипящей согласной, ...⟩

-$\emptyset_{\text{РОД}}$ = ⟨'множ. число, род. пад.'; /Λ/; Σ = словоизменит. суффикс существит., I/II скл., $\emptyset_{\text{РОД}}$, ...⟩

Замечания

1. Значок «˘» над гласной означает «безударная». Поэтому односложные морфы, означающее которых помечено значком «˘», никогда не могут оказываться под ударением.

2. Признак «$\emptyset_{\text{РОД}}$» в синтактике русского существительного (в качестве одного из подпризнаков признака 4 «Словоизменительный тип», см. Часть четвертая [том 3], Глава II, § 1, **2**, 4, с. 185) указывает на то, что данное существительное — одно из тех, которые имеют в родительном падеже множественного числа нулевой суффикс, поскольку общего правила для выбора такого суффикса нет; ср. *среди татар* + ***∅*** ⟨**татар* + ***ов***⟩, но *среди калмык* + ***ов*** ⟨**калмык* + ***∅***⟩; *для солдат* + ***∅*** ⟨**солдат* + ***ов***⟩, но *для сержант* + ***ов*** ⟨**сержант* + ***∅***⟩; и т. д.

3. Мы не воспользовались здесь понятием ***представляющей морфы***, которое будет введено далее, в разделе **2.2**, с. 44–45. Вообще говоря, нет необходимости перечислять подряд все морфы одной морфемы — так, как мы перечислили их в (1)–(3) в целях иллюстрации. Достаточно указать и подробно описать ровно одну представляющую морфу /okon/, которая, впрочем, никогда не появляется на поверхностно-морфологическом уровне в таком

виде; все «настоящие» морфы будут выводиться из нее по соответствующим правилам.

2. Комментарии к Определению V.6

Хотя Определение V.6 формально выглядит очень простым, само понятие морфы далеко не так просто. Представляется необходимым обсудить подробно следующие семь вопросов, связанных с этим понятием:

- Терминологические расхождения (в употреблении термина *морфа*);
- Представляющие морфы и выводимые морфы;
- Морфы и семантика;
- Линейные границы морф;
- Аддитивность морф;
- Нетипичное использование морф;
- Реальность морф.

2.1. Терминологические расхождения. В интересующей нас в данный момент области терминология крайне запутана; часто, с одной стороны, для обозначения определенного выше понятия используются совершенно другие термины, а, с другой стороны, термин *морфа* используется не для того понятия, которое мы определили выше, а для чего-то совсем другого.

• Что касается ТЕРМИНА, то и в США, и во многих европейских странах (особенно на территории распространения германских и славянских языков) часто говорят о *морфемах* там, где мы используем термин *морфа*. Такая практика кажется нам неудачной, поскольку нам хотелось бы закрепить лингвистические термины с суффиксом *-ем(а)* за обозначениями не отдельных единиц, а их МНОЖЕСТВ. Представляется весьма полезным и даже необходимым, по нашему мнению, отразить в терминологии следующие (квази)пропорции:

$$\text{фона} : \text{фонема} \approx \text{морфа} : \text{морфема} \approx \text{лекса} : \text{лексема} \approx \text{синтагма} : \text{синтагмема} \approx \ldots$$

По этой причине смешение *морфы* и *морфемы* кажется нам недопустимым. Мы собираемся вернуться к вопросу об *-эмах* в конце § 4, раздел **6**, с. 251 и сл.[2]

Честно говоря, нам не удалось избежать в КОМ-е применения «-эмических» терминов для обозначения отдельной единицы, а не множества единиц. Именно так обстоит дело с терминами *грамма*, *квазиграмма*, *дериватема* и *семантема* [= смысл лексемы]. Нам пришлось примириться с этим, чтобы не нарушать устоявшуюся традицию. Однако считать, что одно нежелательное отступление от установленных нами правил может служить оправданием для других, еще менее желательных, мы отнюдь не готовы.

Во франкоязычной лингвистической литературе часто используется термин *монема*, введенный А. Мартине. Но и этот термин, на наш взгляд, нельзя счесть приемлемым, прежде всего потому, что он также образован при помощи суффикса «-эма», который должен был бы обозначать 'множество (чего-либо)'; кроме того, термина **мон(а)* нет вообще; и, наконец, зачем вводить новый термин, если есть неплохой старый?

• Что касается самого ПОНЯТИЯ 'морфы', то можно указать два типа отклонений от того смысла, который вкладываем в термин *морфа* мы: ***морфу*** понимают слишком широко, пренебрегая либо 1) требованием, что это должен быть ЗНАК (т. е. тем, что у морфы должно быть свое означаемое, точно определенное и всегда одинаковое), либо 2) требованием, что это должна быть СЕГМЕНТНАЯ единица (т. е. тем, что означающее морфы должно быть цепочкой фонем).

1) Морфа — не обязательно знак?

В некоторых современных исследованиях (см., к примеру, Aronoff 1976: 8–15) морфа[3] понимается как некоторая минимальная сущность с одним и тем же морфологическим поведением, которое достаточно случайным образом связано с ее формой; никакого точного значения эта единица иметь не обязана. При таком понимании морфами оказываются элементы типа фр. *-mett-*, *-cev-* или *-dui-*, наблюдаемые в глаголах типа **remettre** 'ставить на место', **commettre** 'совершать', **promettre** 'обещать', **permettre** 'позволять', ...; **recevoir** 'получать, принимать', **concevoir** 'понимать', **percevoir** 'воспринимать', ...; **réduire** 'уменьшать', **conduire** 'вести', **produire** 'производить', **traduire** 'переводить' и т. д., поскольку каждый из этих элементов при словоизменении и при словообразовании изменяется всегда одинаково: ср. *-mis* (*remis*, *commis*, *promis*, ...), *-çoive* (*que je reçoive* ⟨*conçoive*, *perçoive*, ...⟩) или *-ception* (*réception* ⟨*conception*, *perception*⟩), и т. д. Мы, однако, не готовы считать эти элементы морфами, поскольку у них нет означаемого — а без означаемого они не могут считаться знаками: говорящий не может прибегнуть к таким элементам для выражения некоторого заданного смысла. (Эти элементы представляют собой ***субморфы***, о которых речь пойдет в § 5 данной главы: см. **6.2**, с. 282 и сл.)

2) Морфа — не обязательно сегментная единица?

Можно отметить также частую — особенно в США — склонность интерпретировать морфу как элементарный (языковой) знак — не требуя, чтобы это был непременно сегментный знак. Сравните, к примеру, определение Ч. Хоккета (Hockett 1958: 123), известное уже более 40 лет: «(Морфа — это) наименьший значащий элемент с индивидуальным значением», где 'значащий элемент с индивидуальным значением' соответствует нашему понятию *языковой знак*, а 'наименьший' — нашему *элементарный*. В результате часто говорят о просодических морфах, о морфах-чередованиях (например, /u/ $\Longrightarrow$ /ī/ как показатель множественного числа существительных в английском; ср. *foot* 'нога' — *feet* 'ноги'), о «вычитательных» морфах (например, /-C/ $\Longrightarrow$ /**Λ**/ при образовании мужского рода прилагательных во французском; ср. /grãd/ 'большая' [ж. р.] ~ /grã/ 'большой' [м. р.], /frɛš/ 'свежая' [ж. р.] ~ /frɛ/ 'свежий' [м. р.], /žãtij/ 'милая' [ж. р.] ~ /žãti/ 'милый' [м. р.] и т. п. (Ср. также далее, **2.5**, с. 47 и сл.)

На наш взгляд, подобные расширения понятия морфы лишают его всякого содержания. Поэтому мы решительно отказываемся следовать распространенной практике такого использования этого понятия и настаиваем на том, что элементарный языковой знак, с одной стороны, и морфа, с другой стороны, — это разные вещи: морфа — это исключительно СЕГМЕНТНЫЙ элементарный знак.

В результате «наша» морфа оказывается противопоставленной:

– ЭЛЕМЕНТАРНЫМ, но НЕ СЕГМЕНТНЫМ знакам, которые бывают трех типов:

1) супраморфы и, более конкретно, супрафиксы (Глава III этой части);

2) модификации$_2$ (Глава IV);

3) конверсии$_2$ (Глава V).

– СЕГМЕНТНЫМ, но НЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫМ знакам, среди которых мы различаем (Часть первая [том 1], Глава III, § 4, с. 152–155) квазиэлементарные знаки и неэлементарные знаки в строгом смысле слова.

Квазиэлементарные знаки бывают двух основных типов:

1) сильные мегаморфы (раздел **В** настоящей части, Глава VII)

2) фразеологизованные комплексы морф (раздел **В**, Глава IX), называемые квазиморфами.

Знаки, не элементарные в строгом смысле слова, — это нефразеологизованные [= свободные] комплексы морфологических знаков, а именно:

– производные$_1$ основы, такие как, например, фр. **vole** + **t**(-*er*) 'перепархивать' [от **vol**(-*er*) 'летать'], **neige** + **ot**(-*er*) 'слегка снежить' [от **neig**(-*er*) 'идти (о снеге)'] или сложные основы типа нем. **Gemeinschaft** + **s** + **aktivität** 'общественная активность' [букв. 'общество-активность'];

– сложные окончания, встречающиеся в словоизменении, типа фр. (*fin*) + **i** + **r** + **ont** '(они) закончат', где **i** — тематическая гласная, **r** — пока-

затель будущего времени, а **ont** — показатель 3-го лица множ. числа (ср. рус. (*законч*) + **и** + **л** + **и**);

– словоформы, состоящие из нескольких морф (фр. **vole** + **t** + **èr** + **ent** '(они) перепорхнули' (в простом прошедшем), **fin** + **i** + **r** + **i** + **ons** '(мы)-бы-закончили';

– слабые мегаморфы (фр. **chevaux** /šəvo/ 'лошади' (мн. ч. от **cheval** /šəval/ 'лошадь') или англ. **feet** 'ноги' (мн. ч. от **foot** 'нога')).

Словообразование и словосложение обсуждались в Части первой [том 1], Глава V, § 3, **7.5**, с. 302 и сл.); сложные окончания и многоморфные словоформы едва ли заслуживают в КОМ-е отдельного обсуждения, тогда как слабые мегаморфы, напротив, будут специально рассмотрены дальше, в Главе VII, **2**, настоящей части (с. 404 и сл.).

2.2. Представляющие морфы и выводимые морфы. Рассматривая наши примеры морф, легко заметить, что морфы бывают, по крайней мере, двух типов, предельные случаи которых лучше всего видны, с одной стороны, на примере английских морф **go-** ~ **wen-** (в словоформе **wen+t**), а с другой стороны, на примере русских морф **о́кн** /ókn/ ~ **окн** /ăkn/. Между **go-** и **wen-** нет никаких регулярных формальных соотношений: в английском языке ни в какой другой паре словоформ мы не встретим чередований /g/ ~ /w/ и /o/ ~ /en/; обе указанные морфы должны быть поэтому приведены в описании языка именно в таком виде, т. е. заданы списком. (Это **супплетивные** морфы: см. далее, Главу VIII этой части, с. 419 и сл.) Русские **о́кн-** и **окн-**, напротив, соотносятся между собой самым регулярным образом: имеются тысячи пар русских морф, где под ударением стоит /ó/, а без ударения — /a/. Ср.:

/dóm/ ~ /damá/
/stólp/ ~ /stalbí/
/óstraf/ ~ /astravá/
и т. п.

Чередование

/ŏ/ ~ /ă/

представляет собой обязательное ***фонологическое*** [= ***поверхностно-морфологическое***, в нашей терминологии] правило русского языка, и поэтому в русском — если отвлечься от нескольких иностранных заимствований — не бывает /o/ без ударения (см. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, (22), с. 84). Следовательно, морфы типа **окн-** /ăkn/ [~ **о́кн-**] не надо задавать списком. Достаточно указать одну только морфу **о́кн-**: другая морфа (= **окн-** /ăkn/) получится из нее автоматически по указанному выше правилу, действующему в русском языке без всяких ограничений.

Несколько забегая вперед (см. ниже § 4, **4.1**, с. 244), мы можем сказать, что мы будем различать — согласно давно установившейся традиции — ***пред-***

ставляющие морфы (= не выводимые по правилам) и ***регулярные*** морфы (= выводимые по правилам). В лингвистическом описании некоторого языка $\mathcal{L}$ нельзя обойтись без перечисления эксплицитным образом всех представляющих морф, но при этом достаточно перечислить только их. Регулярные, или выводимые, морфы будут получаться из представляющих морф по общим правилам языка $\mathcal{L}$.

Следует подчеркнуть, что может оказаться так, что представляющая морфа, из которой получаются все остальные морфы одной и той же морфемы, сама никогда не появляется на поверхностно-морфологическом уровне как таковая.

Так, в примере (3a) достаточно указать в качестве представляющей морфы всего одну единицу: морфу **окон** /okon/. Шесть остальных морф являются выводимыми; как только ударение в словоформе фиксировано, они получаются из морфы **окон** за счет применения четырех общих правил (= чередований) русского языка:

РЕДУКЦИЯ /ŏ/ $\Longrightarrow$ /ă/,

которая дает нам морфы **о́кон** /ókan/ [род. мн.] и **око́н** (в составе словоформы **оконный** /akón + n + yj/);

СИНКОПА /ŏ/ $\Longrightarrow$ /**Λ**/,

которая усекает второе /o/ в корне перед вокалическим суффиксом (**о́кон** + **а** $\Longrightarrow$ **о́кна** /ókna/ [им. мн.]; **окон** + **а́** $\Longrightarrow$ **окна́** /akná/ [род. ед.]);

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ /C/ $\Longrightarrow$ /C′/,

которая смягчает /n/ (**окн** + **е́** $\Longrightarrow$ **окн′** + **е** /akn′é/ [предл. ед.]);

и ПОДСТАНОВКА /n/ $\Longrightarrow$ /š/,

которая дает **окош**(+*ко*).

Вместе с тем морфа с означающим /okon/ (с двумя безударными /o/) НИКОГДА НЕ НАБЛЮДАЕТСЯ в русских словоформах: она должна быть постулирована исключительно ради того, чтобы обеспечить экономное и элегантное описание наблюдаемых фактов. Тем самым мы допускаем ***абстрактные морфы*** (ср. **2.7**, с. 57).

В других случаях представляющие морфы могут быть и конкретными — в том смысле, что они наблюдаются как таковые в реальных словоформах. Например, в (3b), с. 40, имеется три представляющих морфы, и все они конкретны: **-о́в**, **-ей** и **-∅**$_{\text{РОД}}$; **-ов** и **-ев** получаются из **-о́в** за счет применения двух общих правил.

? 3

1. Сформулируйте эти два правила (= чередования в русском языке).
2. Проанализируйте все примеры в (1)–(3) под данным углом зрения: отделите представляющие морфы от выводимых и сформулируйте соответствующие чередования.

2.3. Морфы и семантика. В (1d), с. 39, мы различаем французские морфы **homme I** 'человек' и **homme II** 'мужчина'; точно так же мы снабдили предлог **pour I** (способный управлять инфинитивом и имеющий значение типа союза 'чтобы') различительным номером — с целью отграничить его от **pour II** (настоящего предлога 'для', управляющего именной группой). Строго говоря, следовало бы представить аналогичным образом все остальные морфы в примерах (1)–(3). Согласно нашему определению морфы как языкового знака мы должны признать морфу **ven**(*-ir*) в значении 'переместиться в то место, где находится говорящий' (— *Venez chez moi!* 'Приходите ко мне') и морфу **ven**(*-ir*) в значении 'происходить в результате чего-либо' (*De là vient que* ... 'Отсюда следует, что ...') — двумя разными морфами, поскольку их означаемые различны. Аналогичным образом мы различаем англ. **calf**^{1} 'теленок' и **calf**^{2} 'икра (ноги)', и так же различается много разных морф **go**, в русском — два **о́кн**, два **окн** и т. д. (**о́кн I** = 'проем в стене, ...', **о́кн II** = 'свободное от занятий время между двумя уроками или лекциями').

Однако с чисто морфологической точки зрения, т. е. с точки зрения построения словоформ из морфем, семантические различия между морфами далеко не всегда существенны. В самом деле, на уровне морфологии все французские морфы **ven**, равно как и обе морфы **homme**, ведут себя одинаково, что и позволяет нам пренебречь различиями в их означаемых. Именно так мы обычно и поступаем в этой книге: приводя примеры морф (и других знаков), мы АБСТРАГИРУЕМСЯ ОТ РАЗЛИЧИЙ В ОЗНАЧАЕМОМ, ЕСЛИ ОНИ НЕ СУЩЕСТВЕННЫ В РАМКАХ МОРФОЛОГИИ. Однако мы все же указали на различия в означаемом морф фр. **homme**, **pour** и англ. **calf**/**calve** — просто для того, чтобы обратить внимание читателя на эту проблему. Впредь мы ограничимся приблизительной характеристикой означаемого морф и больше не будем использовать различительные номера для разных означаемых.

В лингвистическом описании или, точнее говоря, в морфологических моделях типа Смысл-Текст (Часть шестая) мы предлагаем прибегнуть к понятию ***обобщенной морфы***. Обобщенная морфа — это пара вида

$$\langle /\mathrm{X}/;\ \Sigma_{\mathrm{X}} \rangle,$$

общая для множества морф, различающихся только своими означаемыми: $\langle$'X_1', /X/; $\Sigma_{\mathrm{X}}\rangle$, $\langle$'X_2', /X/; $\Sigma_{\mathrm{X}}\rangle$, $\langle$'X_3', /X/; $\Sigma_{\mathrm{X}}\rangle$ и т. д.; например, **homme I** и **homme II** или **donn I** (*Jean donne une pomme à Colette* 'Жан дает Колетте яблоко'), **donn II** (*Cela nous donne l'assurance* ... 'Это дает нам уверенность'), **donn III** (*La porte donne sur le couloir* 'Дверь выходит [букв. 'дает'] в коридор') — это именно такие множества морф. Как можно видеть, обобщенная морфа не есть, строго говоря, морфа: это морфа с «ампутированным» означаемым. Введение обобщенных морф позволяет избежать чрезмерного усложнения нашего изложения морфологических фактов несущественными

семантическими деталями. (Понятие обобщенной морфы близко смыкается с понятием ***субморфы***: см. далее § 5, **6.2**, с. 282 и сл.)

2.4. Линейные границы морф. Согласно Определению V.6 означающее у морфы всегда состоит из «целых» фонем, и эта фонемная цепочка может быть снабжена соответствующими просодемами. Таким образом, означающее морфы не может содержать в себе «часть» фонемы, т. е. фонологический признак. Фонема, относящаяся к означающему некоторой данной морфы **т**, может быть — частично или даже полностью — обусловлена другой морфой — **т′**, находящейся в контакте с морфой **т**. Так, в русской морфе **спин′**, выступающей в словоформе **спине** /sp′in′é/ [дат. ед./предл. ед.], фонологический признак [+палатализованный] у конечного /n′/, обусловлен суффиксом **-е** [ДАТ.ЕД и ПРЕДЛ.ЕД]: во всех прочих формах существительного СПИНА выступает морфа **спин** — без палатализации у /n/. Однако логически неверно говорить, что признак [+палатализованный] принадлежит суффиксу **-е**: он ИНДУЦИРУЕТСЯ этим суффиксом, но ПРИНАДЛЕЖИТ он все-таки основе **спин′**, поскольку он входит в состав ее конечной фонемы. Таким образом, надо различать два понятия: 'содержать в качестве компонента' и 'определять некоторое изменение'. Означающее суффикса **-е** не включает в себя признак [+палатализованный], однако начальная (она же и единственная) фонема /e/ этого суффикса в обязательном порядке определяет наличие этого признака у конечной согласной основы (за исключением согласных, которые не могут палатализоваться). Если строго придерживаться указанного выше различения, то теоретическое разграничение морф в данном конкретном языке не составит особой проблемы.

Вместе с тем, линейное разграничение морф и даже словоформ в потоке речи не всегда легко, а часто даже и невозможно. Как разделить, к примеру, в английском выражение /wúǰə/ [⟸ **would you**], в котором конечное /d/ первой словоформы и начальное /j/ второй слились в одну фонему /ǰ/? Наш ответ таков: в случаях подобного типа ЛИНЕЙНОЕ членение невозможно. Английский знак **would'ya** представим через знаки **would** и **you** плюс чередование /d+j/ ⟹ /ǰ/ и чередование /u/ ⟹ /ə/ (плюс еще мета-операция ⊕) — однако он не членим линейно; он представляет собой ***слабую мегаморфу*** (см. Часть первая [том 1], Глава III, особенно § 3, с. 149–151, а также далее в настоящей части, Глава VII, **2**, с. 404 и сл.).

Проблема распределения фонемного материала между морфами внутри данной словоформы уже обсуждалась вкратце — а именно в Части третьей [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, 3-з, с. 106–108, когда мы говорили о принципе «total morphemic accountability» и т. п.

2.5. Аддитивность морф. Морфы, определенные так, как указано выше, в разделе **1**, не могут быть «вычитательными» или «заместительными»

(ср. Часть первая [том 1], Глава III, § 1, с. 135), и этому есть разумное обоснование. В самом деле, допустим, что $\mathfrak{m}$ — это «вычитательная» морфа в традиционном смысле этого термина, а именно: морфа $\mathfrak{m}$ такова, что для выражения ее значения '$\mathfrak{m}$' эту морфу надо «вычесть» из словоформы, в которую она входит. Тогда (приняв произвольную цепочку морф за $\mathcal{M}$) мы имели бы следующую ситуацию:

цепочка морф $\mathcal{M}\mathfrak{m}$ означает '$\mathcal{M}$',
а
цепочка морф $\mathcal{M}$ означает '$\mathcal{M}\mathfrak{m}$'.

Иными словами, вычитая морфу $\mathfrak{m}$ из исходной цепочки $\mathcal{M}\mathfrak{m}$, мы получаем прибавление смысла '$\mathfrak{m}$' к смыслу '$\mathcal{M}$'.

Однако, рассуждая логически, мы должны сказать, что смысл '$\mathfrak{m}$' уже выражен в цепочке $\mathcal{M}$ (наряду со смыслом '$\mathcal{M}$'), поскольку $\mathcal{M}$ означает '$\mathcal{M}\mathfrak{m}$'; когда же мы прибавляем к $\mathcal{M}$ морфу $\mathfrak{m}$, этот смысл «гасится». Но это равносильно тому, что означаемым морфы $\mathfrak{m}$ является '-$\mathfrak{m}$', и тогда выходит, что морфа $\mathfrak{m}$, вопреки нашему предположению, не «вычитательная», а «прибавительная», т. е. аддитивная! «Вычитательным», или, точнее говоря, отрицательным, является только ее смысл, а не она сама.

Рассмотрим типичный пример ситуации, в которой часто безосновательно говорят о «вычитательных» (= субтрактивных) морфах.

(4) В польском имеются следующие пары существительных:

a.	базовая форма	аугментатив[4]
'песок'	**piasek**	**piach** /p′áx/
'бочка'	**beczk** (-*a*) /béčk/	**bek** (-*a*)
'водка'	**wódk** (-*a*) /vútk/	**wód** (-*a*) /vúd/
'взятка'	**łapówk**(-*a*) /wapúfk/	**łapów**(-*a*) /wapúv/

Знаки в правой колонке образованы от знаков в левой колонке «вычитанием» конечного элемента основы (*e*)*k* (плюс нужные в каждом отдельном случае чередования, например *s* $\Longrightarrow$ *ch* /x/, *cz* /č/ $\Longrightarrow$ *k* и т. д.). Можно ли считать этот конечный элемент «вычитательной» морфой? Ни в коем случае, поскольку это вообще не морфа. В составе знаков левой колонки элемент (*e*)*k* знаком не является: он составляет всего лишь часть означающего у соответствующего знака, так что **piasek** $\neq \oplus${**pias**, **-ek**}, поскольку никакого **pias* нет; и т. д. Однако элемент (*e*)*k* имеет то же самое означающее, что и очень продуктивный польский суффикс диминутива **-(e)k**, чем и объясняется феномен, наблюдаемый в (4a). Применяемое здесь ***морфологическое средство*** представляет собой не какой-то мистический «вычитательный» суффикс, а значимое усечение; соответствующий знак будет апофонией усечения следующего вида:

b. $\mathbf{A}_{\text{АУГМ}}^{\text{(e)k\#}\Rightarrow\Lambda}$ = ⟨'аугментатив'; /(e)k/+ $\Rightarrow$ **Λ**+; Σ = применяется к N
$\| \mathbf{A}^{\text{s}\Rightarrow\text{ch}}[\mathfrak{m}_0], \mathbf{A}^{\text{cz}\Rightarrow\text{k}}[\mathfrak{m}_0] \ldots\rangle$

[Объяснение условных обозначений см. в Части четвертой [том 3], Глава III, **2** и **3**, с. 312–320; $\mathbf{m_0}$ обозначает ту морфу, к которой применяется данная апофония.]

Таким образом, смысл аугментатива в основах правой колонки выражается при помощи операции (более конкретно — при помощи чередования) усечения; эта операция, в свою очередь, включает в действие «вторичные» (или сопутствующие) чередования, которые затрагивают согласную, стоящую перед усекаемым элементом[5].

Похожие рассуждения позволяют доказать аналогичным образом, что «заместительных» морф тоже не существует.

Злоупотребление терминами **вычитательная морфа* и **заместительная морфа* объясняется слишком широкой интерпретацией понятия морфы, которая обсуждалась в разделе 1. Согласно нашей интерпретации морфа всегда аддитивна. Мы можем даже сделать еще более сильное утверждение:

> Все языковые знаки и все языковые операции СТРОГО АДДИТИВНЫ. Основная языковая мета-операция $\oplus$, соединяющая их между собой, представляет собой, как мы уже знаем, операцию объединения (Часть первая [том 1], Глава III, § 1, **2**, с. 131 и сл.)

Важно ясно понимать, что аддитивными являются только знаки (и незначащие операции): ОЗНАЧАЕМОЕ некоторого знака, равно как и СОДЕРЖАНИЕ некоторой языковой операции, вполне может быть вычитательным или заместительным. Этот феномен будет разъяснен непосредственно ниже.

Морфа не может быть «отрицательной»: это, по определению, «положительная» единица, которая прибавляется к другим, тоже «положительным», единицам. Но ОЗНАЧАЕМОЕ МОРФЫ МОЖЕТ БЫТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ. Так, означаемое некоторого аффикса может представлять собой команду стереть определенный компонент в означаемом основы. Имеются хорошо известные примеры ***отрицательных означаемых***; приведем один из них: возвратный глагольный суффикс в русском.

(5) В русском возвратный суффикс **-ся/-сь** [эти варианты распределяются в зависимости от характера последней фонемы в предшествующей форме: **-ся** после согласной, **-сь** после гласной] прибавляется к каузативным глаголам и стирает у них смысл ‘каузировать’:
сердить ‘каузировать кого-л. сердиться’ ~ *сердить**ся***
крутить ‘каузировать кого-л. крутиться’ ~ *крутить**ся***
пробуждать ‘каузировать кого-л. пробуждаться’ ~ *пробуждать**ся***

Этот способ — присоединение возвратного суффикса для стирания смысла ‘каузировать’ — в русском языке очень продуктивен.

Может оказаться и так, что означаемое некоторого аффикса вполне положительно, но оно не просто прибавляется к основе, а ЗАМЕЩАЕТ в ней некоторый конкретный элемент. Тогда это будет ***заместительное означаемое***.

(6) В корякском глагольный суффикс множественного числа **-la** прибавляется к формам, выражающим двойственное число подлежащего, НЕ ВМЕСТО суффикса двойственного числа (кумулятивно выражающего сразу и лицо, и число), а ВМЕСТЕ с ним. В то же время означаемое этого **-la**, т. е. ‘множественное число’, не добавляется к означаемому исходной формы, а замещает содержащийся в нем компонент ‘двойственное число’. Вот фрагмент спряжения непереходного глагола в аористе индикатива:

JEJГUČEW(-*ək*) ‘изучать, учиться [чему-л.]’ [непереходный]

Лицо подлежащего	Число подлежащего	
	двойственное	множественное
1	*məč* + *čejγučewŋə* + *mək*	*məč* + *čajγučawŋə* + ***la*** + *mək*
2	*ø* + *jejγučewŋə* + *tək*	*ø* + *jajγučawŋə* + ***la*** + *tək*
3	*ø* + *jejγučewŋə* + *γəhi*	*ø* + *jajγučawŋə* + ***la*** + *j*

Таким образом, форма *məččejγučewŋətək* означает ‘мы двое учились’; однако с добавлением плюрализатора **-la** она значит ‘мы многие учились’.

Поэтому означаемое корякского плюрализатора **-la** можно считать заместительным; оно замещает элемент ‘двойственное число’ в означаемом показателя лица и числа подлежащего:

‘... ДВ’ ⊕ ‘МН’ ⟹ ‘... МН’

? 4 В приведенных выше корякских формах наблюдаются два сопутствующих чередования; одно из них — это гармония гласных. Опишите их в стандартной форме.

Указание: префиксальной частью циркумфикса 1дв является **mət-**.

(7) язык вери

	ед. ч.	мн. ч.	дв. ч.
1-е л. эксклюзивное	*ne* [‘я один’]	*tin*	*tin* + ***ip***
1-е л. инклюзивное	*tipir* [‘я с тобой’]	*tiar*	*tiar* + ***ip***
2-е л.	*ni*	*ar*	*ar* + ***ip***
3-е л.	*pi*	*piar*	*piar* + ***ip***

Означаемое дуализатора **-i̯p** в вери — тоже заместительное, как и у корякского плюрализатора:

'... МН' ⊕ 'ДВ' ⟹ '... ДВ'

Ниже, в Главе II, § 3, пример (60а), сноска 11, с. 226, приведен еще один случай заместительного означаемого (вид в русском языке).

Нам осталось упомянуть еще один типичный случай аффиксов с заместительным означаемым: так называемые ***паразитические образования*** (Matthews 1972: 86), когда некоторая словоизменительная форма данной лексемы образуется не от основы этой лексемы, а от некоторой другой словоизменительной формы. Иначе говоря, интересующий нас словоизменительный аффикс $\mathbf{Aff_1}$ — «паразитирующий аффикс» — прибавляется как бы «поверх» некоторого другого словоизменительного аффикса $\mathbf{Aff_2}$, уже присутствующего в словоформе **w**, но не вносящего своим означаемым никакого вклада в означаемое всей словоформы '**w**'[6].

(8) латинский

Образование активного причастия в будущем времени

	инфинитив	супин	активное причастие будущего времени
'украшать'	*ornā (-re)*	*ornā + t(-u)*	*ornā + t + **ūr**(-us)*
'читать'	*lege (-re)*	*lec + t(-u)*	*lec + t + **ūr**(-us)*
'делить'	*dividē(-re)*	*divi + s(-u)*	*divi + s + **ūr**(-us)*
'умирать'	*mor (-ī)*	**morī + t(-u)*	*morī + t + **ūr**(-us)*

Активное причастие будущего времени получается присоединением суффикса **-ūr** к полной основе супина (= целевого инфинитива) — т. е. после суффикса супина **-t** или **-s**, теряющего в этом случае свое означаемое; при этом в активном причастии будущего времени сохраняются все формальные нерегулярности образования супина. Таким образом, означаемое суффикса **-ūr** является заместительным:

'СУПИН' ⊕ 'ПРИЧ.АКТ.БУД' ⟹ 'ПРИЧ.АКТ.БУД'[7]

(Такое образование называют *паразитическим*, поскольку причастие будущего времени как бы «паразитирует» на супине.)

В статье Aronoff 1992 выдвигаются два возражения против предложенного выше описания того, как образуются латинские активные причастия будущего времени. Эти возражения можно изложить в виде следующих двух вопросов:

? 1) Почему бы не считать, что активное причастие будущего времени образуется от пассивного причастия перфекта (а не от супина) — при том что у пассивного причастия перфекта основа в точности та же, что и у супина, со всеми присущими ей нерегулярностями и т. п.?

2) В латинском языке имеется, вообще говоря, целых девять глагольных и именных образований, в состав которых входит основа супина (помимо самого супина, активного причастия будущего времени и пассивного причастия перфекта, имеются еще *nomen agentis*, типа *petī*+ *t*+ *or* 'проситель', дезидератив на **-uriō**, типа *emp*+ *t*+ *uri*+ *ō* '[я] хочу купить', и т. д.). Почему бы не считать, что здесь мы имеем дело просто с производной основой без какого-либо конкретного значения, от которой образуется и супин, и активное причастие будущего времени?

Ответьте на вопросы Аронова и тем самым предложите обоснование нашего описания активного причастия будущего времени именно как паразитического образования на основе супина. 5

Образования подобного типа известны во многих падежных системах: «паразитическими» являются ***вторичные падежи***, о которых см. далее, Глава II, § 3, **8.2**, пример (51), с. 213, а также Часть вторая [том 2], Глава III, § 4, **2.2**, с. 328–330. Вот типичный пример вторичных падежей, весьма распространенных в дагестанских языках:

(9) арчинский (Кибрик 1977: 248 и сл.)

	MUL 'гора'	ILI 'шкура'	ANS 'бык'	DIBIRTU 'мулла'
		единственное число		
ном.	*múl*+**∅**+**∅**	*ilí*+**∅**+**∅**	*áns*+**∅**+**∅**	*díbir*$\underline{tu}$+**∅**+**∅**
эрг.	*múl*+**∅**+**li**	*ell*+**∅**+**é**	*ans*+**∅**+**á**	*díbir* +**∅**+**mu**
дат.	*múl*+**∅**+**li**+*s*	*ell*+**∅**+**é**+*s*	*ans*+**∅**+**á**+*s*	*díbir* +**∅**+**mu**+*s*
ген.	*múl*+**∅**+**li**+*n*	*ell*+**∅**+**é**+*n*	*ans*+**∅**+**á**+*n*	*díbir* +**∅**+**mu**+*n*
комит.	*múl*+**∅**+**li**+*l̥u*	*ell*+**∅**+**é**+*l̥u*	*ans*+**∅**+**á**+*l̥u*	*díbir* +**∅**+**mu**+*l̥u*
...				
суперэс.	*múl*+**∅**+**li**+*t*+**∅**	*ell*+**∅**+**é**+*t*+**∅**	*ans*+**∅**+**á**+*t*+**∅**	*díbir* +**∅**+**mu**+*t*+**∅**
суперэл.	*múl*+**∅**+**li**+*t̄i*+*š*	*ell*+**∅**+**é**+*t̄i*+*š*	*ans*+**∅**+**á**+*t̄i*+*š*	*díbir* +**∅**+**mu**+*t̄i*+*š*
супералл.	*múl*+**∅**+**li**+*t̄i*+*k*	*ell*+**∅**+**é**+*t̄i*+*k*	*ans*+**∅**+**á**+*t̄i*+*k*	*díbir* +**∅**+**mu**+*t̄i*+*k*
...				
		множественное число		
ном.	*múl*+*ur*+**∅**	*oll*+*ór*+**∅**	*uns*+*úr*+**∅**	*díbirt* +*il*+**∅**
эрг.	*múl*+*ur*+**čaj**	*oll*+*ór*+**čaj**	*uns*+*úr*+**čaj**	*díbirt* +*il*+**čaj**
дат.	*múl*+*ur*+**če**+*s*	*oll*+*ór*+**če**+*s*	*uns*+*úr*+**če**+*s*	*díbirt* +*il*+**če**+*s*
ген.	*múl*+*ur*+**če**+*n*	*oll*+*ór*+**če**+*n*	*uns*+*úr*+**če**+*n*	*díbirt* +*il*+**če**+*n*
ком.	*múl*+*ur*+**če**+*l̥u*	*oll*+*ór*+**če**+*l̥u*	*uns*+*úr*+**če**+*l̥u*	*díbirt* +*il*+**če**+*l̥u*
...				
суперэс.	*múl*+*ur*+**če**+*t*+**∅**	*oll*+*ór*+**če**+*t*+**∅**	*uns*+*úr*+**če**+*t*+**∅**	*díbirt* +*il*+**če**+*t*+**∅**
суперэл.	*múl*+*ur*+**če**+*t̄i*+*š*	*oll*+*ór*+**če**+*t̄i*+*š*	*uns*+*úr*+**če**+*t̄i*+*š*	*díbirt* +*il*+**če**+*t̄i*+*š*

супералл. *múl+ur+če+ī+k oll+ór+če+ī+k uns+úr+če+ī+k díbirt +il+če+ī+k*
...

Как показывает этот пример, все косвенные падежи образуются в арчинском языке от формы эргатива.

Можно задаться таким вопросом: почему бы не считать последовательность суффиксов типа **-če-s** (эргатив + датив) ЕДИНЫМ падежным суффиксом, в данном случае — суффиксом датива **-čes**? Поступив таким образом, мы могли бы избежать заместительного означаемого. Однако все без исключения формальные нерегулярности образования эргатива наблюдаются в дативе, генитиве и всех остальных вторичных падежах: если эргатив образован от супплетивной основы, то и датив будет образован от той же основы; если в основе эргатива наблюдается нестандартное чередование, оно будет наблюдаться и в дативе; и т. д. Следовательно, если считать показателем датива всю цепочку **-če-s** в целом, мы будем вынуждены повторить относительно датива все специальные ограничения, связанные с образованием эргатива. Хуже того: нам придется повторить эти ограничения не один раз, а для всех «сложных» суффиксов всех вторичных падежей; однако во многих дагестанских языках насчитывается добрый десяток вторичных падежей или даже больше, и для всех них потребуется повторение ограничений, типичных для эргатива.

Поэтому мы предпочитаем говорить, что вторичные падежи образуются от ФОРМЫ эргатива, а тогда и выходит, что означаемое 'датив' суффикса **-s** замещает означаемое 'эргатив' предшествующего суффикса **-če**[8]. Относительно вторичных падежей и заместительных означаемых см. также Главу VI, **2.3**, с. 376–377.

Рискуя повториться, заметим, что все только что сказанное относительно морф и их означаемых верно для всех языковых знаков: супрафиксы, модификации$_2$ и конверсии$_2$ всегда аддитивны, они всегда только прибавляются к знакам, которые они модифицируют. Более того, это же верно и для незначащих языковых операций. В самом деле, «содержание» операции может быть отрицательным, т. е. вычитательным, — если, к примеру, это операция стирания (= усечения). Но сама по себе операция обязательно аддитивна: применяя ее к модифицируемому знаку, говорящий всегда «прибавляет» ее к этому знаку.

Наряду с отрицательными и заместительными означаемыми — что само по себе уже достаточно экстравагантно — в естественных языках бывают еще представлены «контрадикторные» (или «зачеркивающие») означаемые — как, например, в языке кайова. В этом языке (Wonderly et al. 1954) у существительного имеется категория числа с тремя граммемами: единственное ~ двойственное ~ множественное. Необычность кайова состоит в том, что существительные в этом языке делятся на четыре типа, причем основы существительных каждого типа уже несут в себе некоторую внутренне

присущую им комбинацию этих граммем. Иначе говоря, в каждом типе основа существительного выражает кумулятивно — т. е. наряду со своим лексическим значением — некоторый конкретный набор (дизъюнкцию) граммем числа. Этот набор можно было бы назвать «ингерентным числом» данной основы. Вот как это выглядит:

- Существительные типа 1: единственное число или двойственное число (*čenbó̋* 'одна корова/две коровы');
- Существительные типа 2: двойственное или множественное число (*ɔ́lpʰɑ̃̀ã̀* 'две ленты/много лент');
- Существительные типа 3: двойственное число (*álɔ̄* 'два яблока');
- Существительные типа 4: единственное или двойственное или множественное число (*hólda* 'один предмет одежды/два предмета одежды/много одежд').

Таковы значения «голых» основ, т. е. основ с нулевым суффиксом. Но в кайова имеется также специальный суффикс числа, {GƆ}, со следующими алломорфами: **-gɔ**, **-dɔ**, **-bɔ**, **-tɔ**, **-gɔt**, **-bɔt**, **-op**, **-oj** и т. д. Этот суффикс необычен тем, что его значением является дополнение (в теоретико-множественном смысле) «ингерентного числа» той основы, к которой он прибавляется: для существительных типа 1 {GƆ} означает множественное число, для существительных типа 2 — единственное число, для существительных типа 3 — вместе и единственное, и множественное число, а с существительными типа 4 он не сочетается вовсе (как и следовало ожидать: ведь у «ингерентного» числа существительных типа 4 вообще нет дополнения). Означаемое алломорф морфемы {GƆ} может быть поэтому записано так (символ «¬» означает отрицание, а **n** — число):

(10) кайова

a. -gɔ = ⟨'¬ **n** ингерентное'; /gɔ/; Σ = суффикс существительных типа 1–3, ...⟩

Как можно видеть, означаемое суффикса **-gɔ** представляет собой операцию, вычисляющую «числовое» означаемое результирующей словоформы. Приведем несколько примеров существительных с этим суффиксом:

b.	ед.	дв.	мн.
'корова'	*čenbó̋*		*čenbó̋**gɔ***
'лента'	*ɔ́lpʰɑ̃̀ã̀**gɔ***	*ɔ́lpʰɑ̃̀ã̀*	
'яблоко'	*álɔ̄**gɔ***	*álɔ̄*	*álɔ̄**gɔ***

2.6. Нетипичное использование морф. Примеры (8) и (9) служат иллюстрацией того, что можно было бы назвать нетипичным использованием морф. Речь идет о таких случаях, когда в процессе построения некоторой словоформы та или иная морфа не выбирается, как обычно, на основе

ее собственного означаемого, а навязывается или притягивается некоторой другой морфой — либо как ее пустой$_2$ сопроводитель, либо как показатель грамматического значения, не выраженного нормальным образом.

Говоря более точно, здесь можно выделить в принципе два случая:

– либо данная морфа $\mathbf{m}$ в контексте некоторой другой конкретной морфы $\mathbf{m}'$ лишается своего означаемого;

– либо морфа $\mathbf{m}$ используется в присутствии морфы $\mathbf{m}'$ для выражения таких граммем, которые она никогда не может выражать вне этого контекста.

1. Морфы, лишенные означаемого

Мы уже встречались с морфами, лишенными означаемого, в рассмотренных выше паразитических образованиях; здесь мы просто приведем еще два примера.

(11) В русском языке весьма продуктивны сложные$_1$ прилагательные со значением 'имеющий/насчитывающий n Х-ов': *трехоконный*, *двухсоткилометровый* и т. п. Эти прилагательные образуются согласно следующей схеме (**R** обозначает основу):

$\{\mathbf{R}_{\text{NUM}}\}$ +	{РОД.ПАД.} +	$\{\mathbf{R}_{\text{Сущ}}\}$ +	{-ОВ/-Н} +	{словоизм. суффикс}
тр ⊕ **ёх**	⊕ **окон**		⊕ **н**	⊕ **ый**
двест ⊕ **-ух...-∅**	⊕ **километр**		⊕ **ов**	⊕ **ый**
двухсот				
шест ⊕ **и**	⊕ **мотор**		⊕ **н**	⊕ **ый**
двадцат ⊕ **и**	⊕ **этаж**		⊕ **н**	⊕ **ый**

Во всех таких прилагательных суффикс родительного падежа, присоединенный к числительному, не выражает никакого смысла, обычно выражаемого в русском языке родительным падежом, и не маркирует никакой синтаксической роли, которую родительный падеж маркирует в обычных условиях. Родительный падеж появляется здесь автоматически: он обязателен в прилагательном этого типа и выполняет здесь, скорее, роль интерфикса — показателя словосложения$_1$. Следовательно, суффикс родительного падежа в этом контексте явно является пустым$_2$.

NB: Заметим, что суффиксы, появляющиеся между основой числительного и основой существительного в прилагательных рассматриваемого типа, нельзя счесть просто омофонами суффиксов родительного падежа: ведь у суффиксов родительного падежа в русском языке наблюдается довольно сложное распределение, а у наших сомнительных суффиксов распределение совершенно идентично. Чтобы не дублировать правила выбора, мы предпочитаем говорить, что здесь выступают именно суффиксы родительного

падежа, но они в данном конкретном контексте лишены своего означаемого («опустошены»).

(12) В испанском суффикс-адвербиализатор **-mente** требует (в силу определенных исторических причин[9]), чтобы адвербиализуемое прилагательное стояло в форме женского рода единственного числа — в точности так же, как и во французском:

	муж. род	жен. род	наречие
'героический'	*heroic* + *o*	*heroic* + *a*	*heroic* + ***a*** + *mente*
'хнычущий'	*llorón* + ***∅***	*lloron* + *a*	*lloron* + ***a*** + *mente*
'смиренный'	*humilde*	*humilde*	*humilde* + *mente*
'счастливый'	*feliz*	*feliz*	*feliz* + *mente*

И снова мы видим, что суффикс женского рода появляется здесь совершенно автоматически: он навязывается суффиксом **-mente** и, в результате, оказывается «опустошенным», лишаясь в этой конструкции своего собственного означаемого.

Ср. также классный 1 префикс **ji-** в суахили: Глава V, **2.2**, пример (9b), с. 359.

Заметим, что словоформы типа *humilde* и *feliz* не содержат нулевого суффикса рода I.1: такой суффикс не был бы противопоставлен ненулевому суффиксу рода I.1, и поэтому, согласно условию 3 принципа Хааса (с. 27), вводить его запрещается. У основ этого типа, неизменяемых с точки зрения рода I.1, в синтактике имеется дизъюнктивное указание сразу на два рода I.1:

humilde = ⟨'смиренный'; /umílde/; Σ = прилаг, муж или жен, ...⟩

2. Морфы, выражающие чужие граммемы

Этот случай может быть проиллюстрирован примером из языка каннада (Aronoff and Sridhar 1984). В каннада глагол в настоящем времени имеет суффикс **-(u)tte**, а в прошедшем времени — суффикс **-(i)d**; эти словоизменительные суффиксы обязательны и относительно регулярны.

(13) каннада

a. *Avanu suḷḷu hēḷ* + ***utt*** + *āne*
Он ложь говорить НАСТ ЗЕД.МУЖ
'Он лжет'.
и
Avanu suḷḷu hēḷ + ***id*** + *anu*
Он ложь говорить ПРОШ ЗЕД.МУЖ
'Он (со)лгал'.

Однако в отрицательной форме, образуемой с помощью суффикса **-illa**, граммемы 'наст(оящее время)' и 'прош(едшее время)' уже не могут быть выражены этими суффиксами! Вот что здесь происходит:

b. *Avanu sulḷu hēḷuv* + ***ud*** + *illa*
Он ложь говорить ПРИЧ.НЕПРОШ.ЕД.СРЕДН ОТРИЦ
'Он не (со)лжет'.
и
Avanu sulḷu hēḷ + ***al*** + *illa*
Он ложь говорить ИНФ ОТРИЦ
'Он не (со)лгал'.

Вместо граммемы 'наст' в отрицательных формах мы видим граммему 'непрош'; т. е. в контексте отрицания оппозиция «наст ~ буд», которая в неотрицательных формах выражалась систематически, нейтрализуется. Эта новая граммема манифестируется комбинацией суффикса причастия (непрошедшего времени единственного числа среднего рода) с суффиксом отрицания. А граммема 'прош' передается в контексте отрицательного суффикса суффиксом, который сам по себе имеет значение 'инфинитив'. Таким образом, некоторые конкретные граммемы в этом примере выражаются комбинациями суффиксов, которые в независимом употреблении никогда этих граммем не выражают. (Другие сходные примеры из языка каннада представлены в Главе IX, **3**, (6), с. 457.)

Это языковое явление принято трактовать как фразеологизацию. В частности, здесь мы имеем дело с ***морфологическими фраземами*** — фразеологизованными комплексами суффиксов. Эти морфологические фраземы несколько напоминают лексические фразеологические выражения определенного типа: а именно ***коллокации***, или полуфраземы, в которых один из компонентов полностью сохраняет свой смысл и свои синтаксические свойства, тогда как другой — исключительно в контексте первого — выражает несвойственный ему смысл и/или обнаруживает отклонения в синтаксическом поведении. См. обсуждение аффиксальных морфологических фразем в Главе IX настоящей части, с. 453 и сл.

2.7. Реальность морф. В начале XX в. А. Мейе писал: «... морфологические элементы, на которые мы разлагаем ... слово ... , не являются абстракциями грамматистов: это символы, при помощи которых выражаются системы ассоциаций, общих всем лицам одного и того же языкового коллектива» (Meillet 1903: 117; рус. перевод — Мейе 1938: 169). Эта реалистическая концепция элементарного языкового знака представляется нам в высшей степени обоснованной, и в силу этого мы, со своей стороны, делаем все возможное, чтобы обеспечить максимальную естественность и максимальную конкретность морф. Это не означает, что мы полностью исключа-

ем возможность абстрактных морф (= не наблюдаемых, но постулируемых ради упрощения описания): см. выше, **2.2**, с. 45; однако мы прилагаем все усилия к тому, чтобы пользоваться ими в минимальной степени.

3. Типология морф

С МАТЕРИАЛЬНОЙ точки зрения мы различаем два больших класса морф: КОРНИ и АФФИКСЫ. Противопоставление «корни ~ аффиксы» имеет для морфологии первостепенную важность; им мы займемся ниже, в § 2 (**3**, с. 69 и сл.).

С ФОРМАЛЬНОЙ точки зрения мы различаем четыре основных класса морф, в зависимости от того, является ли их означаемое и/или означающее пустым или не пустым.

1. «Нормальные» (= непустые$_2$ ненулевые) морфы, у которых не пусто ни означаемое, ни означающее:

$$\text{‘X’} \neq \text{‘}\mathbf{\Lambda}\text{’}, \; /\text{X}/ \neq /\mathbf{\Lambda}/.$$

2. Пустые$_2$ ненулевые морфы, у которых означаемое пусто, а означающее — не пусто:

$$\text{‘X’} = \text{‘}\mathbf{\Lambda}\text{’}, \; /\text{X}/ \neq /\mathbf{\Lambda}/.$$

3. Непустые$_2$ нулевые морфы, у которых означающее пусто, а означаемое — не пусто:

$$\text{‘X’} \neq \text{‘}\mathbf{\Lambda}\text{’}, \; /\text{X}/ = /\mathbf{\Lambda}/.$$

4. Пустые$_2$ нулевые морфы, у которых пусты и означаемое, и означающее:

$$\text{‘X’} = \text{‘}\mathbf{\Lambda}\text{’}, \; /\text{X}/ = /\mathbf{\Lambda}/.$$

Перемножение этих двух классификаций дает восемь логически возможных классов морф: непустые$_2$ ненулевые корни, пустые$_2$ ненулевые корни, ..., пустые$_2$ нулевые аффиксы. Однако последний класс в действительности не существует: нулевой аффикс, который ничего не выражает, не может быть идентифицирован. (В случае корней дело обстоит иначе: пустой$_2$ нулевой корень может существовать благодаря своей МЕЖлексемной синтактике; см. выше, Глава I, § 2, **3**, с. 30 и сл.) Таким образом, у нас получается семь классов морф; конкретные представители этих классов будут рассмотрены далее, при обсуждении корней и аффиксов (с. 87 и 209).

4. Квазиморфа

Морфа — это наиболее важный и наиболее распространенный языковой знак. Это сегментный знак, а сегментные знаки составляют во всех языках мира подавляющее большинство, и никакие другие типы знаков никоим образом не могут с ними всерьез конкурировать.

Однако наряду с морфами, т. е. элементарными сегментными знаками, в языках представлено также много КВАЗИэлементарных сегментных знаков — знаков, квазипредставимых по означающему, т. е. фразеологизованных комплексов морф. Примеры таковых мы уже видели в Части первой [том 1], Глава III, § 2, **3.2**, с. 145 и сл.: фр. **fixation**, **embrayage**, **croisade**, **papillon**(*-er*) и т. д. Все эти знаки не элементарны: у трех первых означающее представимо через означающие других несомненных французских морф (*fix* + *ation* 'крепл + ение', *embray* + *age* 'сцепл + ение', *crois* + *ade* 'крестовый поход' букв. ≈ 'крест + овство'), а у последнего — через означающее морфы *papillon* 'бабочка' и конверсию$_1$ «N ⟹ V». Однако их означаемое уже не представимо через означаемые соответствующих знаков: **fixation** '(лыжное) крепление' — это не 'действие, состоящее в том, чтобы (при- или у-)креплять что-л.', а **embrayage** 'сцепление (у автомобиля)' — это не 'действие, состоящее в том, чтобы сцепить что-л. с чем-л.' Они представляют собой ***морфологические фраземы***, о которых речь будет идти далее, в Главе IX. Пока нам достаточно будет отметить, что знаки этого типа тоже весьма многочисленны и, может быть, их имеется даже не меньше, чем морф. Теперь дадим их определение.

Определение V.7: квазиморфа

Квазиморфой называется сегментный знак, квазипредставимый по означающему и являющийся частью словоформы.

Последнее условие необходимо, чтобы исключить из состава квазиморф фраземы типа *синий чулок*, каковые также являются сегментными знаками и квазипредставимы по ознающему. (Спасибо Н. В. Перцову, который указал мне на необходимость этого уточнения.)

Как только что было сказано, все квазиморфы представляют собой морфологические фраземы, однако обратное неверно: бывают морфологические фраземы, которые представляют собой не квазиморфы, а, скорее, морфные «коллокации» (см. выше, конец раздела **2.6**, с. 57).

Наиболее важным, на наш взгляд, свойством квазиморф является то, что в силу своего «непредсказуемого» (не композиционного) означаемого они все должны быть перечислены списком, т. е. заданы в формальном словаре — совсем как настоящие морфы. Даже в тех, достаточно многочисленных, случаях, когда их означаемое композиционно, их все равно надо задавать словарно: ради их синтактики, в частности — ради их лексической сочетаемости. Так, французский знак **nomination** 'называние/назначение' семантически прозрачен на 100%: это 'действие, состоящее в том, чтобы называть или назначать [кого-л. кем/чем-л.]', однако откуда можно узнать, что существует и еще одна лексема **nomination**, обозначающая 'факт назначения [на должность или на определенное место в конкурсе]' (как, например, в словосочета-

нии *obtenir plusieurs nominations dans un concours* 'получить ряд номинаций в ходе конкурса')? Более того, откуда можно узнать, что эта лексема вообще должна иметь вид *nomination*, а не **nommation* (так как она образуется от глагола *nommer* 'называть, назначать' и, вообще говоря, могла бы строиться по образцу *sommer* 'суммировать' ~ *sommation* 'суммирование')? Откуда можно узнать, какие лексические функции употребляются в сочетании с лексемой NOMINATION, если не задать ее в словаре?

Поэтому в формальном описании языка квазиморфы должны трактоваться в точности так же, как и морфы: квазиморфы-основы должны храниться в словаре наряду с морфами-основами и должны быть снабжены полными словарными статьями в совершенно таком же объеме; аффиксальные квазиморфы должны фигурировать в грамматических правилах на абсолютно равных основаниях с обычными морфами. Для всех практических целей квазиморфы могут отождествляться с морфами, что мы и будем делать далее в КОМ-е (точно так же, как квазиграммемы отождествлялись с граммемами: Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **6**, с. 288). С точки зрения теории это означает, что все утверждения о морфах будут в равной степени верны также и относительно квазиморф. На практике везде, где мы употребляем в определениях термин «морфа» или «алломорфа», следует автоматически добавлять также «и квазиморфа/и квазиалломорфа».

Итак, мы будем различать среди квазиморф квазиморфы-основы и квазиморфы-аффиксы (противопоставление «корень ~ аффикс» обсуждается в Главе II, § 2, **3**, с. 69 и сл.). Квазиморфы, представленные выше, являются основами, но в некоторых языках встречаются и аффиксальные квазиморфы. Таковы, например, французские суффиксы условного наклонения **-rai-** и **-ri-**: их означающее представимо через означающие суффикса будущего времени и суффикса имперфекта, чего никак нельзя сказать об их означаемом. И еще один пример: это немецкий циркумфикс причастия прошедшего времени **ge-...-t**, у которого означающее (но не означаемое) представимо через знаки **ge-** и **-t**. Иногда аффиксальные квазиморфы трактуются в морфологических формальных моделях как полноценные морфы. Однако теоретически следует все же осознавать квазиэлементарный характер всех таких знаков, как фр. **lecteur** 'читатель' или **revoir** 'снова видеть', англ. **fighter** '[самолет]-истребитель' [**fight** 'сражаться' + **-er** '-тель'] или **blacken** 'чернить' [**black** 'черный' + **-en** '-ить (вербализирующий суффикс)'], рус. **ручк**(*-а*) '(как инструмент для письма)' [**рук**(*-а*) + **-к** как суффикс диминутива] или **выигр**(*-ать*) [**вы-** + **игр**(*-ать*)][10].

Примечания

[1] (**1**, пример (1с), с. 38). Префикс **re-** описан здесь самым приблизительным образом:

1) Он может употребляться — в разговорном французском — не только с глаголами, а и со словами других частей речи:

(i) **a.** — *Le* ***re****voilà!* 'Ну, **таки-снова** он!'
— ***Re****bonjour, mon gars!* '**Еще-раз**-здравствуй, приятель!'
b. *Aujourd'hui je suis* ***re****malade* 'Сегодня я **снова**-болен'.
c. *Une sorte de* ***re****-Goethe ou de* ***re****-Léonard de Vinci* 'Что-то вроде **нового**-Гёте или **нового**-Леонардо да Винчи'.

2) Распределение морф **r-** и **ré** требует уточнений; ср.:

(ii) **a.** ***r****ouvrir* 'снова открывать', ***r****affermir* '(снова) укреплять', но ***ré****affirmer* 'вновь утверждать'.
b. ***r****employer* и ***ré****employer* 'снова использовать'.

3) Помимо указанных алломорф, префикс **re-** имеет еще и вариант **ra-**:

ra*fraîchir* 'освежить', ***ra****gaillardir* 'развеселить'.

4) У **re-** бывают также и другие значения: этот префикс может обозначать увеличение, движение вспять, взаимность и т. п. Вполне вероятно, что имеет смысл говорить о нескольких разных морфах **re-**.

[2] (**2.1**, с. 41). Мы позволим себе привести здесь юмористический листок, изданный в конце 70-х годов Лингвистическим клубом Индианского университета (США).

Эта листовка выпущена организацией СОМА
(= англ. Council on Morpheme Abuse = Совет по (борьбе со) злоупотреблением морфемами)
с целью расширить познания публики относительно некоторых пагубных для здоровья новинок.

ЧТО ТАКОЕ МОРФЕМА?
Морфемы — это то, что получается в результате обработки цветов языка. Они встречаются также в корнях и основах. Пока еще доподлинно неизвестно, из чего именно состоят морфемы, однако исследователи в основном сходятся на том, что практически все разглагольствования, какими бы безопасными на вид они ни казались, содержат эти коварные ингредиенты.

ПОД КАКИМИ НАЗВАНИЯМИ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ МОРФЕМУ?
В устах тех, кто уже имел дело с морфемами, можно услышать жаргонные выражения «морфа» или «форматив». Малообразованные потребители могут называть морфему 'word' (что, вероятно, связано с *weed* 'сорняк', жаргонное

'марихуана'). Один из наиболее распространенных типов морфем именуется «аффиксом».

КАК ПРИМЕНЯЮТ МОРФЕМЫ?
Самый обычный способ — вводить их непосредственно в корпус. Впрочем, их можно употреблять через рот или через нос. Применение морфем почти всегда сопровождается сложными ритуальными движениями, которые производятся ртом.

КТО УПОТРЕБЛЯЕТ МОРФЕМЫ?
Употребление морфем далеко не ограничивается нижними слоями общества. На самом деле, больше всего морфемами грешат студенты и преподаватели университетов. Те, кто обычно потакает этой практике, так называемые лингвисты, утверждают, что морфемы употреблялись на протяжении тысячелетий и пока не принесли заметного вреда, однако все остальные считают морфему относительно недавним изобретением.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ УПОТРЕБЛЕНИЕ МОРФЕМ?
При употреблении морфем наблюдаются следующие кратковременные эффекты: замедленная или искаженная речь, чрезвычайная апатия или усталость, нарушения понимания. Среди долговременных эффектов наиболее опасны острая шизофрения, маниакально-настойчивое словообразование и мания величия (проявляющаяся в якобы умении понимать доселе неизвестные языки). Эти явления могут иметь место даже при минимальных дозах; поэтому всем, кто имеет дело с потребителями морфем, следует опасаться указанных симптомов.

ЕСТЬ ЛИ ОПАСНОСТЬ ПРИВЫКАНИЯ?
Здесь важен характер морфемиста. Многие, поэкспериментировав с морфемами, нашли в себе силы навсегда оставить эту привычку. Но известны и другие, посвятившие всю свою жизнь освоению морфем. Вопреки тому, что любят утверждать лингвисты, морфемы непредсказуемы.

РАЗРЕШЕНЫ ЛИ МОРФЕМЫ ЗАКОНОМ?
К сожалению, соответствующие законодательные инстанции не были до сих пор достаточно проинформированы об угрозе, исходящей от морфем, и не выступили с нужными инициативами. Употребление морфем пока еще не поставлено вне закона — но это только пока!

ИЗЛЕЧИМ ЛИ МОРФЕМИЗМ?
Полностью надежного средства в настоящее время еще не найдено. Наиболее многообещающим, похоже, является метод полной изоляции, сопровождаемый немедленным отказом от употребления морфем.

*
* *

Если вам нужна квалифицированная помощь по поводу проблем, связанных с морфемами, или если вы готовы принять участие в кампании по запрещению морфем, вы можете связаться с нами по адресу:

COMA
Lindley Hall 310
Indiana University
Bloomington Indiana
47401

Служба совета по борьбе с морфемами

[3] (**2.1**, с. 42). Точнее говоря, Хоккет и Аронов используют термин *морфема*, а не *морфа*, что свидетельствует об уже указанном отклонении в употреблении терминов. Тем не менее, если обратиться к их определениям, то становится ясно, что речь идет именно о единице, а не о множестве единиц.

[4] (**2.5**, пример (4), с. 48). Значение польского аугментатива, грубо говоря, примерно следующее: 'большой/много и плохого качества'; аугментатив выражает прежде всего отрицательное отношение говорящего к тому объекту или веществу, о котором идет речь.

[5] (**2.5**, после примера (4), с. 49). Интересно отметить, что эти чередования обратны по отношению к чередованиям палатализации, вызываемым диминутивным суффиксом -(e)k: $\mathbf{A}^{\mathbf{ch} \Rightarrow \mathbf{s}}$, $\mathbf{A}^{\mathbf{k} \Rightarrow \mathbf{cz}}$, и т. д. Это, так сказать, аугментативные чередования. Похожая ситуация наблюдается в баскском, где аугментативные чередования (= депалатализации) очень продуктивны.

[6] (**2.5**, перед примером (8), с. 51). Различие между настоящим паразитическим означаемым и заместительным означаемым, представленным в корякском и в вери, может быть сформулировано следующим образом: в случае паразитического образования означаемое аффикса $\mathbf{Aff_2}$ (= аффикса, предшествующего аффиксу-паразиту) не вносит НИКАКОГО вклада в означаемое словоформы в целом, тогда как вкладом аффикса $\mathbf{Aff_2}$ в корякском и в вери является значение лица, ибо означаемым плюрализатора/дуализатора замещается всего лишь числовое означаемое.

[7] (**2.5**, после примера (8), с. 51). Образование активного причастия будущего времени может быть описано следующим морфемным правилом:

прич. акт. буд $\Longrightarrow$ {СУПИН}, {ПРИЧ.АКТ.БУД}

Морфема активного причастия будущего времени как бы «тянет» за собой в обязательном порядке еще и морфему супина. (О морфемных правилах см. Часть шестую.)

[8] (**2.5**, (9), с. 53). Вторичные падежи образуются с помощью морфемных правил того же типа, что и латинские активные причастия будущего времени, ср. примеч. 7. Например:

'генитив' $\Longrightarrow$ {ЭРГАТИВ}, {ГЕНИТИВ}

и т. п. См. примеч. 9 в § 3 Главы II, с. 225.

[9] (**2.6**, (12), с. 56). Наречный суффикс **-mente** происходит из латинского существительного женского рода MENS 'способ, образ' в аблативе: *heroica mente* означает (этимологически) 'героическим образом'; тем самым, в прилагательном представлено совершенно регулярное согласование, и это согласование благополучно пережило превращение существительного в наречный суффикс. См. обсуждение этого суффикса в Части первой [том 1], Глава IV, § 4, **1**, (1), с. 222–223.

[10] (**4**, с. 60). Мне хотелось бы специально подчеркнуть вклад Н. В. Перцова в обсуждаемую проблему: именно он привлек мое внимание к важности Определения V.7 и убедил меня сформулировать это определение, за что я и выражаю ему мою живейшую благодарность. Исключительно благодаря его стараниям я смог осознать тот принципиальный момент, что основа типа фр. **compteur** 'счетчик (газовый или электрический)' или рус. **счетчик** — это, согласно данным здесь определениям, никак не морфа, а только лишь квазиморфа.

Библиографические указания

Учитывая огромное количество литературы, посвященной морфам, мы ограничимся указанием лишь нескольких классических работ. В первую очередь следует упомянуть три статьи, легшие в основу всех дальнейших исследований: Harris 1942, Hockett 1947 и Nida 1948. (Взгляды этих авторов изложены более обстоятельно в соответствующих частях их книг: Harris 1963, Hockett 1958 и Nida 1961.)

Об аддитивном характере морфы и случаях отступлений от идеальной аддитивности см. Mel'čuk 1991.

§ 2
КОРЕНЬ

1. Общие положения

Words like trees are fed by roots.
'Слова, как и деревья,
питаются через корни'.
(Английская поговорка)

Если словоформа состоит из нескольких морф, лингвисты обычно выделяют одну из них в качестве, так сказать, «центральной», «главной», «более важной»; остаток словоформы состоит из морф «периферийных», «подчиненных», «менее важных». Иногда говорят также о морфах «свободных», или «независимых», которые могут выступать самостоятельно — в противоположность морфам «связанным», или «вспомогательным», выступающим только вместе со «свободными». Морфы первого типа — это КОРНИ, а морфы второго типа — это АФФИКСЫ. Последний термин происходит от латинского *ad-fixus* 'при-крепленный [к чему-л.]': аффикс всегда прикреплен к какому-либо корню.

Употребленные выше характеристики («центральный» ~ «периферийный» и т. п.) не имеют точного смысла; строгие определения корня и аффикса будут даны ниже. Однако эти туманные эпитеты позволяют нам уже сейчас привести серию примеров, от которых мы в дальнейшем сможем отталкиваться.

	Французская словоформа		Корень этой словоформы	
1.	**estimation**	'оценка'	**estim-**	'оцен-'
2.	**estimeront**	'будут оценивать'	**estim-**	'оцен-'
3.	**alimentaire**	'пищевой'	**aliment-**	'пищ-'
4.	**lundi**	'понедельник'	**lundi-**	'понедельник'[1]
5.	**peu**	'мало'	**peu-**	'мал-'
6.	**plafond**	'потолок'	**plafond-**	'потолок-'
7.	**plafonds**	'потолки'	**plafond-**	'потолок-'
8.	**restaurants**	'рестораны'	**restaurant-**	'ресторан-'
9.	**une** /ün/	'одна'	**un-** /œ̃/	'одн-'

10. **travaux**	'работы'	**travail-**	'работ-'
11. **grosse**	'большая'	**gros-**	'больш-'
12. **réécrire**	'переписать'	**écri-**	'-пис-'
13. **précisément**	'точно'	**précis-**	'точн-'
14. **pour**	'для/чтобы'	**pour-**	'для/чтобы'
15. **cas**	'случай'	**cas-**	'случа(й)-'

Рассмотрение этого списка позволяет сделать четыре важных вывода:

1. Во всякой словоформе обязательно есть, по крайней мере, один корень: словоформ без корня не бывает. Однако некоторые словоформы включают в себя сразу два корня: это сложные$_1$ слова. Например:

рус. ***шест*** + *и* + ***километр*** + *ов*(*ый*)

или же

венг. ***ige*** + ***vonz*** + *at* 'глагольное управление' [**ige-** 'глагол', **vonz-** 'управл(ять)', **-at** — суффикс отглагольного существительного].

Сложные словоформы будут рассмотрены ниже, в разделе **7**, с. 96 и сл.[2]

2. Бывают ***первичные настоящие*** словоформы (Часть первая [том 1], Глава IV, § 5, с. 235), не содержащие ничего, кроме корня: ни аффикса, ни следов какой-либо морфологической операции и т. д. Таким образом, корень может совпадать с первичной настоящей словоформой: ср. в нашем списке № 5 (**peu**), № 14 (**pour**) и № 15 (**cas**)[3]. Иначе говоря, корень может образовывать словоформу в одиночку. Аффикс, напротив, никогда не совпадает с первичной настоящей словоформой. (Впрочем, иногда аффикс может образовать вторичную словоформу за счет повышения в статусе, см. с. 71.)

3. Материальное совпадение означающих корня и словоформы еще не значит, что они сами непременно совпадают: словоформа помимо корня может содержать еще и нулевой аффикс. Так, в № 4 (**lundi**) и в № 6 (**plafond**) корень не совпадает со словоформой: словоформа в этих случаях должна быть представлена морфологически как $\textbf{lundi} + \emptyset_{\textbf{ЕД}}$ и $\textbf{plafond} + \emptyset_{\textbf{ЕД}}$ соответственно. Обе эти словоформы двухморфны — хоть это и не сразу заметно.

4. Словоформа, состоящая (хотя бы) из одного корня и одного или более аффиксов, не всегда линейно членима — так, чтобы предстать в виде

КОРЕНЬ + АФФ$_1$ + АФФ$_2$ + ... или АФФ$_1$ + АФФ$_2$ + ... + КОРЕНЬ.

Словоформа всегда ПРЕДСТАВИМА (хотя бы) через один корень и, возможно, какие-то другие языковые единицы (аффиксы или морфологические операции). Однако та или иная словоформа, даже будучи представимой через два или три знака, один из которых непременно является корнем, может не быть линейно членимой. Так, в № 10 (**travaux**) мы имеем:

$$\textbf{travaux} = \textbf{travail} \oplus \mathbf{A}^{\mathbf{aj \Rightarrow o}}_{\mathbf{МН}}$$

(ср. с примером (2) в § 2, Главы III, Части первой [том 1], с. 138). Ранее уже довольно много говорилось о представимости языковых знаков — поня-

тии, гораздо более общем, чем линейная членимость. Освежить в памяти это важное различие можно, обратившись к Главе III, Части первой, с. 129 и сл.

2. Корень в синхронии и диахронии

Чтобы избежать недоразумений, мы подчеркнем следующее:

> В этой книге, если в явной форме не оговорено противное, мы рассматриваем корни в строго синхронном плане, игнорируя диахронические или этимологические корни — даже если таковые легко вычленяются языковым сознанием говорящих

Для исторических [= диахронических или этимологических] корней мы будем использовать математический и химический знак радикала $\surd$.

Обратимся к № 8 в приведенном выше списке (**restaurant**). Носители французского языка могут «чувствовать» в словоформе **restaurant** корень **restaur-**: **restaurant** 'ресторан' = 'заведение, которое посредством подаваемой в нем пищи восстанавливает [= RESTAURE] силы посетителя' (тем более что элемент *-ant* часто выражает смысл 'тот, кто ...', а глагол **se restaurer** означает 'подкрепиться, поесть'). Такой анализ вполне соответствует действительной этимологии (= истории) слова **restaurant** — и тем не менее мы не готовы его принять в рамках нашей книги. С одной стороны, непонятно, зачем (раз уж мы ступили на путь выяснения этимологии) останавливаться на полпути и не раскладывать **restaur-** дальше? Ведь этот сегмент можно анализировать и далее: отделить префикс **re-** ($\approx$ 'вновь'), затем убрать конечное расширение **-r-** — и вот мы уже пришли к индоевропейскому корню $\surd$**stā**. (Этот корень мы находим в лат. **stā**(*-re*) 'стоять', англ. **sta** + *n* + **d**/*stood* 'стоять' [с назальным инфиксом в презенсе — см. § 3 настоящей главы, **5**, с. 196–197], рус. **сто**(*-ять*) или **ста**(*-р-ый*) и т. п.) Само по себе весьма интересное, такое разложение не слишком осмысленно для морфологии современного французского языка. Поэтому мы отказываемся от рассмотрения этимологий в качестве синхронных морфологических описаний, причем поступаем так даже тогда, когда это совсем свежие и в каком-то смысле живые этимологии. (См. примеч. 6 к § 3, Главы V, Части первой [том 1], с. 305.)

С другой стороны, словоформа **restaurant** 'заведение, где подают еду за плату' непредставима через морфы (**se**) **restaur**(*-re*) и **-ant**:

$$\textbf{restaurant} \neq \oplus\{(\textbf{se})\ \textbf{restaur}(\textit{-re}),\ \textbf{-ant}\}.$$

Принципиально важно здесь именно то, что **restaurant** — это не просто ‘некто (или нечто), кто (или что) восстанавливает силы кого-л., давая ему поесть’. Означаемое словоформы **restaurant** фразеологизовано по сравнению с таким упрощенным разложением, и именно поэтому здесь нельзя говорить о представимости знака **restaurant** через более элементарные знаки (и операцию $\oplus$).

То же рассуждение приложимо к № 6 и 7 (**plafond(s)**): для нас корень **plafond-** является синхронно неразложимым, хотя его этимология вполне прозрачна: **plat** ‘плоский’ + **fond** ‘дно, глубина’.

Важное различие между СИНХРОННЫМ КОРНЕМ и ДИАХРОННЫМ (= этимологическим) КОРНЕМ может быть проиллюстрировано следующим списком английских лексем:

abdicate ‘отречься’
addíct ‘пристраститься’
áddict ‘фанатик; наркоман’
benediction ‘благословение’
condition ‘условие’
contradict ‘противоречить’
dictate ‘диктовать’
dictator ‘диктатор’
diction ‘дикция, выражение’
ditto ‘там же’
ditty ‘песенка, шансонетка’
edict ‘эдикт, декрет’
index ‘индекс, указатель’
indicate ‘указывать’
indict /indáɪt/ ‘предъявлять обвинение’
indite /indáɪt/ ‘составлять [текст]’
judicial ‘юридический’
malediction ‘проклятие’
predicate ‘предикат’
predicament ‘сложная ситуация’
valedictory ‘речь на выпускном вечере [в школе]’
verdict ‘вердикт, приговор’
vindictive ‘мстительный’

Все эти слова происходят — исторически — от одного и того же латинского корня $\sqrt{\textbf{dīc}}$ ‘говорить, сказать’. Этот корень — в свою очередь — восходит к индоевропейскому корню $\sqrt{\textbf{deik/deig}}$ ‘провозгласить, указать’, обширное потомство которого включает такие лексемы, как англ. *teacher* ‘учитель’; англ. *token*/нем. *Zeichen* /cáɪçen/ ‘знак’; фр. *doigt* ‘палец’, *digital* ‘пальцевой’; фр. *juge* ‘судья’; фр. *prêcher*/англ. *preach* ‘проповедовать’; англ. *policy* ‘страховой полис’; фр. *paradigme* ‘парадигма’; и т. п.

? 6 Пользуясь этимологическим словарем, проследите этимологии всех перечисленных выше лексем.

Тем не менее, в современном английском языке эти лексемы не обнаруживают разложимых основ; синхронным корнем словоформы *abdicate* является **abdicate-**, словоформы *addíct* — **addíct-** и т. д.

3. Противопоставление корней и аффиксов

3.1. Предварительное сравнение. Пусть нам дан ряд четверок словоформ из языка сьерра пополука:

(1) сьерра пополука

a. **kāma** 'поле' ~
aŋkāma 'мое поле' ~ **iŋkāma** 'твое поле' ~ **ikāma** 'его поле'

b. **way** 'волосы' ~
aŋway 'мои волосы' ~ **iŋway** 'твои волосы' ~ **iway** 'его волосы'

c. **kāpay** 'сноха' ~
aŋkāpay 'моя сноха' ~ **iŋkāpay** 'твоя сноха' ~ **ikāpay** 'его сноха'

Можно ли сказать, где здесь корни, а где аффиксы?

Мы уверены, что большинство наших читателей, даже ничего не зная про язык сьерра пополука, легко даст на этот вопрос единодушный ответ:

– **kāma** 'поле', **way** 'волосы' и **kāpay** 'сноха' — это корни;

– **aŋ-** 'мой', **iŋ-** 'твой' и **i-** 'его' — это аффиксы, в данном случае — префиксы.

Этот ответ опирается на ряд предположений (по всей видимости, подсознательных), которые могут быть высказаны говорящим относительно корней и аффиксов. Мы попытаемся далее эксплицировать эти предположения, но прежде опишем соответствующие свойства в предварительном порядке.

КОРНИ характеризуются следующими пятью свойствами:

1. С точки зрения ***означаемого***: корнями выражаются, вообще говоря, значения независимые, более конкретные, имеющие непосредственные референты в действительности (предметы, люди, события, свойства, состояния, ...). Короче говоря, корни выражают обычно ***лексические значения*** (Часть первая [том 1], Глава V, § 1, с. 241 и сл.); более точно, лексические значения могут выражаться только корнями.

Обратное, однако, неверно: корни прекрасно могут выражать также и ***грамматические значения***; таковы всевозможные *служебные слова*.

2. С точки зрения ***означающего***: корни, как правило, длиннее аффиксов. Означающее корня содержит в среднем больше фонем, чем означающее аффикса.

3. С точки зрения ***синтактики***: корни могут выступать в одиночку (без явно выраженных аффиксов), образуя настоящие первичные словоформы. В примере (1) **kāma**, **way** и **kāpay** фигурируют как «свободные» единицы, т. е. как (отдельные) словоформы.

4. Корни образуют открытое множество из десятков тысяч элементов, к которому могут прибавляться все новые и новые элементы. Морфы со значениями 'поле', 'волосы' или 'сноха' обычно входят в практически не ограниченный класс.

5. Корни — это универсальные единицы, в том смысле, что любая словоформа должна содержать хотя бы один корень и корни должны иметься в любом языке.

Перечисленные выше свойства логически не полностью независимы друг от друга. Так, неограниченный объем класса корней вытекает из того, что они выражают лексические значения. Мы оставляем читателю в качестве самостоятельного задания вопрос о выяснении других логических связей между основными свойствами корней. (Например, [?/7] почему корни с точки зрения их означающего в среднем длиннее, чем аффиксы?)

Аффиксы характеризуются пятью противоположными свойствами:

1′. С точки зрения ***означаемого***: аффиксы выражают значения «зависимые», более абстрактные, которые как-то характеризуют, модифицируют или классифицируют значение корня. Технически, пользуясь нашей терминологией, можно сказать, что аффиксы являются эксклюзивными носителями ***грамматических значений.***

Напомним (Часть первая, Глава V, § 1 и 4), что в число грамматических значений входят, в частности, словообразовательные значения (= дериватемы) и что дериватемы не отделены от лексических значений непроницаемой перегородкой. Некоторые словообразовательные значения полностью эквивалентны лексическим значениям (см. ниже пример (3), с. 72), так что только аффиксальный способ их выражения делает их грамматическими. (Иначе говоря, эти значения стоит считать грамматическими только потому, что они выражаются аффиксами.) Тем не менее, в наших рассуждениях нет порочного круга, поскольку неверно, что аффиксы определяются только на основе их значений. С одной стороны, аффиксы определяются целым пучком свойств, взятых в совокупности, и прежде всего — их комбинаторными особенностями, как будет показано далее, **3.4**, с. 78 и сл. С другой стороны, некоторые аффиксы выражают такие словоизменительные значения, грамматический статус которых не подлежит сомнению, а все прочие аффиксы могут быть определены по аналогии с ними.

Впрочем, как это часто бывает в естественных языках, во многих случаях четкую границу между лексическими и грамматическими значениями

провести невозможно именно потому, что нельзя установить бесспорно и однозначно аффиксальный характер того или иного языкового знака.

2′. С точки зрения ***означающего***: аффиксы, как правило, короче, чем корни.

3′. С точки зрения ***синтактики***: аффиксы никогда не могут выступать в одиночку и потому не могут — одни — составить словоформу. (Внимание: есть аффиксы-исключения, повышенные в статусе до вторичной словоформы, типа II.А; см. Часть первая [том 1], Глава IV, § 5, с. 235.) Так, в частности, в сьерра пополука ни один из префиксов **aŋ-**, **iŋ-** или **i-** не может встретиться в тексте без (именного) корня, непосредственно идущего за префиксом в составе единой словоформы.

Таким образом, аффикс всегда выступает только в составе словоформы, причем как такая составная часть словоформы, которая в норме не может совпадать с целой словоформой.

4′. Аффиксы образуют закрытое множество из нескольких десятков элементов, и новые элементы добавляются к этому множеству крайне редко. В частности, в такой закрытый класс языковых знаков часто входят и морфы, означающие ‘мой’, ‘твой’ и ‘его’.

Замечание. Более мягкая формулировка — именно «часто входят», а не просто «входят» — в данном контексте не случайна. В индоевропейских языках такого рода морфы обычно относятся к классу корней (**мой**, **твой**, **его** в русском; **mon**, **ton**, **son** во французском; **mein**, **dein**, **sein/ihr** в немецком и т. п.). Указанные выше свойства вообще представляют собой, скорее, вероятностные характеристики, чем жесткие абсолютные критерии.

5′. Аффиксы не являются универсальными единицами, в том смысле что их нет в некоторых словоформах, а в некоторых языках они вообще отсутствуют как таковые.

Чтобы представить все эти различия более наглядно, выпишем их друг против друга.

Корни	**Аффиксы**
1. Выражают по преимуществу лексические значения.	1′. Выражают исключительно грамматические значения.
2. Имеют в среднем более длинные означающие, чем аффиксы.	2′. Имеют в среднем менее длинные означающие, чем корни.
3. Могут встречаться отдельно (= являются потенциально свободными единицами).	3′. Не могут встречаться отдельно (= являются связанными единицами).
4. Образуют открытое множество.	4′. Образуют закрытое множество.

5. Универсальны: во всякой словоформе есть (хотя бы один) корень; корни имеются во всех языках.

5′. Не универсальны: есть словоформы, не содержащие аффиксов; существуют языки, в которых аффиксов нет.

Эти свойства, взятые в совокупности, дают довольно надежную характеристику двух основных классов морф. Однако они не являются ОПРЕДЕЛЯЮЩИМИ: чтобы построить строгие определения корней и аффиксов, этих свойств недостаточно. В самом деле, сейчас мы попытаемся показать, что корни нельзя отличить от аффиксов ни по их означаемым, ни по их означающим; да и с синтактикой дело обстоит сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд.

3.2. Корни и аффиксы с точки зрения их означаемых. Разумеется, верно, что различие между корнями и аффиксами существенным образом опирается на различие между лексическими и грамматическими значениями. Однако само это различие, весьма и весьма существенное для морфологии, далеко не всегда очевидно. Принято говорить, что лексические значения, т. е. значения корней, более конкретны, чем грамматические (= аффиксальные) значения. В общем и целом это, конечно, справедливо; однако иногда мы находим, с одной стороны, корни, у которых означаемое весьма абстрактно, относительно, зависимо, а, с другой стороны, аффиксы с очень конкретным, абсолютным, независимым означаемым.

Корни с абстрактным означаемым

(2) французский
cela ‘(вот) это’; **mon** ‘мой’, **ton** ‘твой’, ...; **êt**(-*re*) ‘быть’, **fai**(-*re*) ‘делать [что-л.]’, **rend**(-*re*) ‘делать [кого-л./что-л. каким-л.]’; **quelque** ‘некоторый’, **chose** ‘вещь, нечто’, **et** ‘и’, **ou** ‘или’, **si** ‘если’, **beaucoup** ‘много’, **très** ‘очень’; ...

Аффиксы с конкретным означаемым

(3) **a.** чешский
-štin(-*a*)/**-čtin**(-*a*)/**-čin**(-*a*) ‘язык’ [**ruština** ‘русский язык’, **francouština** ‘французский язык’, **angličtina** ‘английский язык’, **němčina** ‘немецкий язык’, ...]; ср. **-ca** /ǯa/ в турецком, пример (5), **5.1**, § 3, Глава V, Часть первая [том 1], с. 279.

b. русский **-щина** ‘неодобряемое поведение, философия или общественный и идеологический режим, связываемые с ...’ [**сталин + щина**, **сартр + овщина**[4] и т. п.; этот суффикс этимологически родственен чешскому суффиксу **-štin**/**-čtin**].

c. В языке калиспел имеется порядка полусотни суффиксов, означающих, например, 'одежда', 'шкура/укрытие/дом', 'пища', 'рука', 'нога', 'ягодицы' и т. п.:
-alqs 'одежда':
Čin es + *tw* + ***álqs*** + *i*
я АКТУАЛ покупать одежда ПРОГР
букв. 'Я нахожусь в процессе покупки одежды'.

-ečs(t) 'рука':
Y + *es* + *t'm* + ***éčs*** + *m*
1ЕД АКТУАЛ целовать рука МЕД(ио-пассив)
'Я целую (его) руку'.

-epl̥ 'ягодицы':
l̥u? + ***epl̥*** + *m*
ранить (в) ягодицы МЕД(ио-пассив)

d. Абхазский язык также имеет глагольные префиксы с очень конкретным означаемым:
заа- 'в жидкость':
Amc' *ašx* *i* + ***заа*** + *š^{w}aleit*
муха молоко ЗЕД жидкость упала
'Муха упала в молоко'.

čna- 'в помещение'
Arc'ači *aklass* *də* + ***čna*** + *leit*
учитель класс ЗЕД помещение вошел
'Учитель вошел в класс'.

mx'a- 'вопреки желанию [кого-л.]'
Ac^{w}'a *sə* + ***mx'a*** + *feit*
яблоко 1ЕД нехотя съел
'Я нéхотя съел яблоко'.

čx'ir- 'притворяясь, будто ...'
Də + ***čx'ir*** + *č'č'oit*
ЗЕД притворяясь-будто смеялся
'Он притворился, что смеется'.

Более того, совсем нетрудно найти такие значения, которые в одном языке выражаются корнями (и тем самым выступают как лексические), а в другом языке — аффиксами (и тем самым выступают как грамматические). Вот ряд примеров, выбранных наугад из нескольких языков:

(4) **a.** 'мочь'
фр. **pouv-/peu(v)-**, англ. **can**, рус. **мог-/мож-**, ... [глагольные корни]
vs.

венг. **-hat/-het** (*csinál* + ***hat*** + *om* 'делать-мочь-1ед, объектное спряжение' = 'Я могу это сделать') [глагольный суффикс]

b. 'хотеть'
фр. **voul-/veu(l)-**, англ. **want-**, рус. **хот-/хоч-**, ...
vs.
ягуа **-rr̃ũj** (*tsanta* + ***rr̃ũj*** + *mã́* 'он-сажает-хотеть-уже)' = 'Он хочет уже посадить [какое-то растение]').

Сравните также суффикс **-tai** 'желающий' в японском языке: фраза типа *Ča* + *o nomi* + *tai* 'Чай-АКК пить-желающий [я-есть/ты-есть/он-есть ...]' — это самый обычный способ сказать 'Я хочу/Ты хочешь/Он хочет ... выпить чаю'. См. Часть вторая [том 2], Глава II, § 4, (71), с. 213.

c. 'каждый'
фр. **chaque**, англ. **each**, рус. **кажд**(*-ый*), ...
vs.
чукотский **emqən-** (***emqən*** + *ŋewəsqət* 'каждая женщина')

d. 'только'
фр. **seul**(*ement*), **ne ... que ...**, англ. **only**, рус. **только**, ...
vs.
чукотский **em-** (***em*** + *titit* 'только иголки')

e. 'если'
фр. **si**, англ. **if**, рус. **если**, ...
vs.
казахский **-sa/-si** (*al* + ***sa*** + *m* 'взять-если-1ед' = 'если я возьму ...').

Синонимия между корнем и аффиксом может существовать даже в пределах одного языка:

(5)

	корень	суффикс
a. нутка		
'есть'	**hawa**	**-ʔìs**
'покупать'	**mak^{w}**	**-ʕà**
b. испанский		
'удар'	**golpe**	**-ada, -azo**

[**cornada** 'удар рогом', **bayonetazo** 'удар штыком', **botellazo** 'удар бутылкой', ...]

c. турецкий
'язык' **dil** **-ca** /ǰa/
[**Fransız dili** букв. 'французский язык-его' = **Fransızca** = 'французский (язык)'].

В некоторых языках североамериканских индейцев аффиксы, синонимичные корням, вообще используются как разменная монета: в

зависимости от синтаксического контекста и некоторых семантических условий (вроде референтности/нереферентности данного знака и т. п.) говорящие используют для выражения смыслов типа 'дом', 'рука', 'еда', 'голова' и т. д. то автономную лексему (т. е. корень), то аффикс (см. Часть вторая [том 2], Глава IV, § 2, **6.1**, с. 404 и сл.).

Существование синонимии (полной или частичной) между корнями и аффиксами — как в разных языках, так и внутри одного языка — обрекает на неудачу все попытки определить корни и аффиксы через их означаемое.

3.3. Корни и аффиксы с точки зрения их означающего. Означающие тоже не дают нам возможности провести четкую демаркационную линию между этими двумя классами знаков.

С одной стороны, существуют однофонемные корни (= корни с однофонемным означающим):

(6) **a.** фр. **et** /e/ 'и', **ou** /u/ 'или', **à** 'к, для', **en** /ã/ 'в', **on** /õ/ 'люди/некто', ...

b. рус. **и, к, с, у,** /j/ 'он/она' [в косвенных падежах] (орфографически *его* /j + ivó/, *ему* /j + imú/, ...)

c. абхазск. **s** 'бороться, сражаться', **cʻ** 'выйти', **žʼ** 'бросить', **f** 'есть', **č** 'бежать', ...

С другой стороны, не так уж редки и аффиксы из более чем двух фонем.

(7) **a.** русские падежные суффиксы
/amʼi/ 'МН.ТВОР.' [у существительных] и /imʼi/ 'МН.ТВОР.' [у прилагательных];
/aja/ 'ЕД.ЖЕН.ИМ.' и /uju/ 'ЕД.ЖЕН.ВИН.' [у прилагательных];

b. словообразовательный русский префикс **противо-**:
противо + *танк* + *овый*, *противо* + *пожар* + *ный*, *противо* + *воспалитель* + *ный*;

c. трех- или четырехфонемные суффиксы: япон. **-tai** 'хотеть', венг. **-hat** 'мочь', исп. **-azo** 'удар', чеш. **-štin** 'язык'; см. также суффиксы абхазского языка и языка калиспел в примерах (3c–d).

Таким образом, означающее также непригодно в качестве основы для различения корней и аффиксов.

В некоторых языках, впрочем, означающие корней и аффиксов все-таки могут различаться теми или иными особенностями. Например, такими:

1) В семитских языках корни никогда не могут состоять из одних только гласных; более того, в большинстве корней вообще нет гласных, а есть только три или, реже, две или четыре согласные[5].

2) В английском языке только аффиксы могут быть однофонемными — за исключением междометий и двух омофоничных корней /aⁱ/: **I** 'я' и **eye**

'глаз' (впрочем, это верно, только если считать английские дифтонги однофонемными единицами).

3) Большинство корней в суахили двусложны; говоря точнее, типичной фонемной структурой для корневого означающего в языках банту является структура вида $C^1V^1C^2V^2$.

Использование подобных свойств может оказаться весьма полезным для практической идентификации корней и аффиксов того или иного конкретного языка. Однако, учитывая прихотливый и несистематический характер таких свойств, мы не можем прибегать к ним в теоретическом определении, претендующем на достаточную степень общности.

3.4. Корни и аффиксы с точки зрения их синтактики. Основное различие между этими двумя классами знаков нам следует искать именно в области синтактики: ведь они противопоставлены друг другу прежде всего благодаря тому, как они соединяются с другими знаками. Корни и аффиксы обнаруживают принципиально разное языковое поведение, и сейчас мы попытаемся сформулировать эту разницу поточнее.

Покажем сначала, почему для нас неприемлемы два весьма распространенных подхода к определению корня. Эти подходы, популярные уже на протяжении десятилетий, на наш взгляд, логически несостоятельны.

1. Корень как свободная форма

Часто говорится, что корни — это потенциально свободные формы, т. е. формы, способные выступать без аффиксов, тогда как обратное неверно (эта формулировка восходит к работе Bloomfield 1933: 240–242 [рус. перевод: Блумфилд 1968: 225, 261 и сл.]). В самом деле, некоторые корни встречаются без аффиксов, см. выше раздел **3.1**, пункты 3 и 3′. Однако весьма значительное число корней без аффиксов не встречается: так, латинским корням **gladi-** 'меч', **ur-** 'гор(еть)', **magn-** 'больш(ой)' всегда сопутствует тот или иной аффикс. (Случаи этого типа в изобилии представлены в латинском, греческом, санскрите, да и во многих других индоевропейских языках.) Даже в случае английских существительных или глаголов типа **pencil** 'карандаш', **house** 'дом', **sleep** 'спать/спи/сплю/спишь/спят/...', или **sit** 'сидеть/сиди/сижу/...', которые часто приводятся в качестве примера «голых» корней, употребляемых без аффиксов, в действительности дело обстоит вовсе не так: словоформа **pencil** содержит корень **pencil-** ПЛЮС нулевой суффикс единственного числа, так что (на морфологическом уровне) мы имеем **pencil** + $\emptyset_{\text{ЕД}}$ (ср. выше пункт **1**, 3, **lundi** + $\emptyset_{\text{ЕД}}$ и т. д., с. 66). Таким образом, **pencil** — это двухморфная словоформа — в точности такая же, как лат. **gladi** + **us**, **ur** + **it** или **magn** + **i**. То же рассуждение верно, разумеется, и для **house**, **sleep**, **sit** и других похожих словоформ в английском, равно как и в других языках: они все (как минимум) двухморфны, и про них так же неверно говорить, что в

них корень выступает без аффикса. В языках со словоизменением, где наличие нулевых аффиксов часто диктуется словоизменительными категориями, вообще не так легко найти корни, способные употребляться без аффиксов. Следовательно, свойство «быть потенциально свободными формами», хотя и является относительно важным для класса корней, тем не менее не может быть для него определяющим. Правда, как уже говорилось, некоторые корни все же могут употребляться как «свободные формы», т. е. образовывать словоформы в одиночку — в то время как для аффиксов такое невозможно в принципе (кроме случаев повышения в статусе, **3.1**, 3′, с. 71). Поэтому мы не отказываемся от этого признака полностью и учтем его в определении понятия корня, не забывая, однако, о его относительности.

2. Корень как обязательный элемент словоформы

Согласно второй довольно распространенной формулировке, корни образуют такой класс морф, что присутствие хотя бы одной из морф этого класса во всякой словоформе обязательно. Эта формулировка тоже отражает некоторое важное свойство корней, отличающее их от аффиксов, как мы их себе обычно представляем. Однако теоретически нетрудно представить себе язык, в котором всякая словоформа в обязательном порядке содержит, наряду с корнем, хотя бы один аффикс. Некоторые реально существующие языки — например, классические языки, литовский, славянские и семитские языки — весьма близки к этому, особенно если исключить из рассмотрения служебные слова, некоторые наречия и междометия. И в самом деле, корни существительных, прилагательных и глаголов в этих языках (почти) никогда не выступают без аффиксов, так что всякая субстантивная, адъективная или глагольная словоформа содержит в себе какой-нибудь аффикс. В таких языках рассматриваемая формулировка определения корней не будет годиться для отграничения корней от аффиксов, а, тем не менее, и в этих языках эти два класса морф в языковом отношении остаются совершенно разными.

Итак, ни потенциальная свобода, ни обязательность корней не достаточны в качестве определяющих критериев. Мы должны призвать на помощь более широкое понятие: общее СХОДСТВО синтактик.

Пусть у нас имеется язык $\mathcal{L}$ с МНОГОМОРФНЫМИ СЛОВОФОРМАМИ. (В языке, где все словоформы одноморфны, устанавливать различие между корнями и аффиксами — занятие, лишенное всякого смысла. Напомним, что одно из пяти важных свойств аффиксов — свойство 3′, с. 71, — заключалось как раз в том, что аффикс всегда выступает КАК СОБСТВЕННАЯ ЧАСТЬ словоформы, наряду с ее другими частями; однако в языке, где все словоформы одноморфны, морф, являющихся собственными частями словоформ, просто не будет.) Составим исчерпывающий список морф (и квазиморф) языка $\mathcal{L}$, так чтобы каждая морфа была снабжена полной синтактикой. Для всякой

морфы $\mathbf{m}$ укажем, в частности, 1) все прочие морфы, с которыми $\mathbf{m}$ может сочетаться — как внутри словоформы, так и вне ее; 2) все линейные позиции, которые $\mathbf{m}$ может занимать в той или иной словоформе; 3) все чередования, которым $\mathbf{m}$ может подвергаться сама и которые она может вызывать в других морфах; и т. п. Морфы такого списка можно будет разбить затем на два класса, назовем их «класс I» и «класс II», так что внутри каждого класса все синтактики входящих в него морф гораздо больше похожи друг на друга, чем на синтактики морф, входящих в другой класс. Более формально это можно записать так:

> Для всякой пары морф $\mathbf{m}_i^{\mathrm{I}}$, $\mathbf{m}_j^{\mathrm{I}} \in \mathbf{I}$ и для всякой пары морф $\mathbf{m}_p^{\mathrm{II}}$, $\mathbf{m}_q^{\mathrm{II}} \in \mathbf{II}$ синтактики морф $\mathbf{m}_i^{\mathrm{I}}$ и $\mathbf{m}_j^{\mathrm{I}}$ (и синтактики морф $\mathbf{m}_p^{\mathrm{II}}$, $\mathbf{m}_q^{\mathrm{II}}$, соответственно) гораздо более схожи между собой, чем синтактики морф $\mathbf{m}_i^{\mathrm{I}}$ и $\mathbf{m}_p^{\mathrm{II}}$ или $\mathbf{m}_i^{\mathrm{I}}$ и $\mathbf{m}_q^{\mathrm{II}}$ (а также чем синтактики морф в парах $\mathbf{m}_j^{\mathrm{I}}$ и $\mathbf{m}_p^{\mathrm{II}}$ или $\mathbf{m}_j^{\mathrm{I}}$ и $\mathbf{m}_q^{\mathrm{II}}$).

Такое разбиение множества морф осуществляется математическим методом *кластерного анализа* (англ. *cluster analysis*) и здесь нас интересовать не должно. Существенно лишь то, что такое разбиение всегда возможно — при условии что сочетаемостные свойства морф описаны эксплицитно, однозначно и в достаточной степени формализованно.

Оказывается, эти два класса морф, класс I и класс II, полученные с помощью такой процедуры, обладают двумя интересными свойствами.

Во-первых, класс I и класс II далеко не равноценны по количеству включенных в них элементов: в одном классе — скажем, классе I — содержится в 100–1000 раз больше морф, чем в классе II. (Класс I объединяет в себе корни, а класс II — аффиксы.)

NB: Во-первых, цифры 100 $\sim$ 1000 взяты не произвольно: именно такого порядка разброс между количеством корней и аффиксов обычно наблюдается в естественных языках. Число аффиксов обычно бывает порядка $10^1 \sim 10^3$, тогда как число корней — не считая полисемичных корней, но считая фразеологизованные полиморфные основы (= квазиморфы) — бывает порядка $10^4 \sim 10^5$.

Во-вторых, самое заметное различие между синтактиками морф из класса I и морф из класса II связано с различием двух типов элементов, сочетаемость с которыми описывается данной синтактикой. В самом деле, синтактика произвольной морфы $\mathbf{m}$ может быть разделена на две части:

– первая часть синтактики морфы $\mathbf{m}$ содержит сведения о сочетаемости словоформы $\mathbf{w}(\mathbf{m})$ с другими словоформами внутри предложения, т. е. описывает ее МЕЖлексемную сочетаемость;

– вторая часть синтактики морфы $\mathbf{m}$ содержит сведения о сочетаемости морфы $\mathbf{m}$ с другими морфами внутри словоформы $\mathbf{w}(\mathbf{m})$, т. е. описывает ее ВНУТРИлексемную сочетаемость.

(Обсуждение этих двух типов сочетаемости языковых знаков см. в Части четвертой [том 3], Глава I, **4.1**, с. 175 и сл.)

Синтактика любой морфы класса **I** обязательно содержит межлексемную часть, занимающую в ней к тому же главное место (и по количеству, и по сложности сообщаемой информации); внутрилексемная часть может вообще отсутствовать или быть гораздо менее важной. В синтактике любой морфы из класса **II**, напротив, почти весь ее объем занят информацией о внутрилексемной сочетаемости этой морфы; у большинства морф из класса **II** межлексемная часть в синтактике просто отсутствует или, во всяком случае, сводится к минимуму. Иными словами, синтактика морф из класса **I** ориентирована прежде всего на межлексемную сочетаемость, тогда как синтактика морф из класса **II** ориентирована почти исключительно на сочетаемость внутрилексемную. Ниже мы сформулируем эту разницу точнее[6].

4. Понятие корня

4.1. Определение понятия корня. Теперь мы готовы дать определение понятию корня.

Определение V.8: корень

Корнем (в языке $\mathcal{L}$) называется такая морфа или квазиморфа, у которой синтактика сходна с синтактикой большинства морф и квазиморф (языка $\mathcal{L}$) и притом содержит большое количество данных о межлексемной сочетаемости словоформы, в которую входит эта (квази)морфа.

Обозначения

Корень обозначается через **R**; запись **R**(**w**) значит 'корень словоформы **w**', а запись **w**(**R**) — 'словоформа **w** с корнем **R**'.

4.2. Комментарии к Определению V.8. Мы остановимся на следующих четырех вопросах:

– Межлексемная сочетаемость как типичная характеристика синтактики корней.

– Аффиксы и межлексемная сочетаемость.

– Корни: морфы и морфемы.

– Могут ли аффикс и корень полностью совпадать?

1. Межлексемная сочетаемость как типичная характеристика синтактики корней

Те аспекты, в которых синтактики корней похожи друг на друга и отличаются от синтактик аффиксов, в языках мира весьма разнообразны. Приведем два примера:

• В языках, где словосложение$_1$ отсутствует вовсе или малоупотребительно (вроде романских или семитских), корни имеют (сравнительно) ограниченную сочетаемость внутри словоформ. Один корень может соединяться с небольшим числом аффиксов (максимум — с несколькими десятками), тогда как аффикс способен сочетаться с огромным числом корней (с десятками тысяч).

• В ряде языков корни занимают в словоформе всегда одну и ту же фиксированную позицию. Например, в тюркских и дравидийских языках или в эскимосском корень бывает только в абсолютном начале слова, тогда как для аффиксов эта позиция запрещена. (Это означает, что в рассматриваемых языках нет префиксов, а есть только суффиксы.)

Имеются и другие интересные аспекты для сравнения синтактик корней и аффиксов, однако мы настаиваем только на том самом глубоком различии, которое было указано в определении: МЕЖлексемная сочетаемость в противоположность ВНУТРИлексемной сочетаемости. Понятие корня покоится именно на признаках межлексемной сочетаемости в составе синтактики. Данные о межлексемной сочетаемости в синтактике некоторого корня $\mathbf{m_r}$ включают в себя, в частности:

(a) указание тех синтаксических ролей, которые словоформа $\mathbf{w}(\mathbf{m_r})$ может играть во фразе (грубо говоря, ее часть речи и синтаксические признаки);

(b) модель управления морфы $\mathbf{m_r}$, т. е. падежи и предлоги/послелоги, которые словоформа $\mathbf{w}(\mathbf{m_r})$ требует для выражения своих актантов:

фр. *dépend(-re)* **de** ~ рус. *завис(-еть)* **от** ~ англ. *depend* **on** [букв. 'на'];

фр. *se souven(-ir)* **de** ~ рус. *вспомин(-ать)* **о** ~ нем. *sich erinner(-n)* **an** [букв. 'на'];

рус. *боя(-ть)* + *ся* + $\mathbf{N_{РОД}}$ ~ *радова(-ть)* + *ся* + $\mathbf{N_{ДАТ}}$ ~ *серди(-ть)* + *ся* **на** + $\mathbf{N_{ВИН}}$;

(c) согласовательный класс морфы $\mathbf{m_r}$, которым определяется согласование со словоформой $\mathbf{w}(\mathbf{m_r})$ других словоформ в предложении (грубо говоря, ее грамматический род I.1 или именной класс 1);

(d) лексические функции словоформы $\mathbf{w}(\mathbf{m_r})$, см. Часть первая [том 1], Глава II, **4.2**, 4, с. 113–114; например, лексическая функция $\mathbf{Oper_1}$:

ВЕСТИ	для **жизнь** (*вести* [*спокойную*] *жизнь*);
СДЕЛАТЬ	для **замечание** (*сделать замечание*);
ЗАКЛЮЧИТЬ	для **брак** (*заключить брак*);
ИЗДАТЬ	для **крик** (*издать крик*);
ОТДАТЬ	для **приказ** (*отдать приказ*) и т. д.

Сведения такого типа должны обязательно сообщаться в синтактике корней. Более того, в синтактике многих корней, а именно тех, которые способны самостоятельно образовывать словоформы, присутствуют только признаки межлексемной сочетаемости. Таковы одноморфные неизменяемые

лексемы — типа рус. *для, если, прочь, очень, ведь* и т. п. (во французском: *sous* 'под', *si* 'если', *sans* 'без', *demain* 'завтра', *très* 'очень', *cependant* 'однако'; в английском: *from* 'от/из', *if* 'если', *without* 'без', *each* 'всякий/каждый', *not* 'не', ...). Синтактики аффиксов, напротив, не содержат, как правило, данных о межлексемной сочетаемости; именно здесь проходит водораздел между корнями и аффиксами.

В общем случае синтактика аффикса описывает только его сочетаемость с другими морфами ВНУТРИ словоформы, в которую он входит.

Как бывает почти всегда в лингвистике, это утверждение не является абсолютным. Оно верно с известными оговорками:

1. Встречаются, хотя и очень редко и, явно, как исключение, такие аффиксы, в синтактику которых должно быть включено упоминание контекста, внешнего по отношению к словоформе, «давшей приют» данному аффиксу; тем самым в синтактике таких аффиксов оказываются признаки МЕЖлексемной сочетаемости. Так обстоит дело, к примеру, с суффиксом генитива в немецком: если перед существительным, стоящим в генитиве, нет препозитивного определения, суффикс имеет вид **-s**, а иначе — **-∅** (*Heimat Marias* 'родина Марии' ~ *Heimat meiner Maria* 'родина моей Марии'). Следовательно, эти две суффиксальные морфы должны включать в себя указания вроде следующих: «если перед существительным стоит/не стоит препозитивное определение» (см. § 4 данной главы, **2**, 3, (16), с. 241).

2. Многие словообразовательные аффиксы содержат в синтактике указания, предназначенные для переадресации в синтактику «своей (будущей)» словоформы [= образуемой при помощи такого аффикса]. Так, например, когда мы присоединяем французский суффикс **-ation** к какой-нибудь глагольной основе (*alphabétis* + ***ation*** 'обучение грамоте' и т. п.), результирующая словоформа оказывается женского рода; эти сведения хранятся в синтактике суффикса **-ation** и передаются в синтактику словоформы, которую он образовывает; в синтактике суффикса они записываются в квадратных скобках с целью отразить их «вспомогательный» характер. Ясно, что это — МЕЖлексемная информация, но ее можно начать использовать только тогда, когда словоформа с данным суффиксом уже построена. Для суффикса как такового эта информация не работает.

Эти два отклонения (из которых первое представляет собой, действительно, раритет) все равно не могут поколебать предложенное разбиение «корни/аффиксы»: ведь мы опираемся не на критерий тождества, а на критерий БОЛЬШЕГО СХОДСТВА.

Подведем итог:

Корни противопоставлены аффиксам благодаря преобладанию в их синтактике МЕЖлексемных характеристик

2. Аффиксы и межлексемная сочетаемость

Из того, что было сказано в предшествующем подразделе, отнюдь не вытекает, что аффиксы не оказывают никакого воздействия на межлексемную сочетаемость. Напротив, как хорошо известно, аффикс играет, вообще говоря, весьма важную роль во внешней сочетаемости своей словоформы. Банальнейший пример — суффикс множественного числа у французского существительного, воздействующий на согласование прилагательных и глаголов с этим существительным: [*Un*] *homme idéal* ⟨**idéaux*⟩ *veut* ⟨**veulent*⟩ *que* ... 'Идеальный ⟨*Идеальные⟩ человек хочет ⟨*хотят⟩, чтобы ...' ~ [*Des*] *hommes idéaux* ⟨**idéal*⟩ *veulent* ⟨**veut*⟩ *que* ... 'Идеальные ⟨*Идеальный⟩ люди хотят ⟨*хочет⟩, чтобы ...'. Очень часто аффиксы, присутствующие в словоформе, определяют ее межлексемную сочетаемость гораздо существеннее, чем ее корень; достаточно вспомнить в этой связи о падежах существительных. Однако типичным для аффикса является воздействие на межлексемную сочетаемость словоформы либо ЗА СЧЕТ СВОЕГО ОЗНАЧАЕМОГО (а не за счет синтактики, как это типично для корней), либо за счет, так сказать, ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ части своей синтактики; это особая часть, из которой признаки переносятся в синтактику словоформы и только уже оттуда влияют на межлексемную сочетаемость. Два примера помогут понять, в чем здесь разница.

Пример 1

В отглагольном имени действия соответствующий суффикс (фр. **-ment**, **-age**, **-ation**, ...; рус. **-ение**, **-ание**, **-(из)ация**, ...) определяет межлексемную сочетаемость принявшей его словоформы довольно существенным образом. Суффикс преобразует часть речи (глагол $\Longrightarrow$ существительное), навязывает существительному определенный род I.1 (**-ment** — мужской, **-ation** — женский), воздействует на исходную модель управления и влечет за собой целый ряд новых лексических функций. Однако бóльшая часть этих изменений, даже весьма существенных, представляет собой функцию означаемого этого суффикса (его означаемое — это '$\mathbf{S_0}$'), но не его синтактики. Указания, согласно которым эти изменения осуществляются в синтактике производной словоформы, зависят от означаемого суффикса **-ment** (или **-age** и т. д.) и хранятся во вспомогательной, или «вторичной», части его синтактики. «Первичная» часть синтактики этого суффикса задает только тип корня (или основы), к которым суффикс может присоединяться (**soulage** + **ment** 'облегчение', но ***agit(e)** + **ment** 'волнительство'; **agit** + **ation** 'волнение', но ***soulage** + **ation** 'облегчательство'; и т. д.).

Пример 2

Суффиксы пассива в латинском — суффиксы на **-r-** — воздействуют на межлексемную сочетаемость глагольного корня самым существенным образом. Они меняют ***диатезу***, т. е. соответствие между семантическими и глубинно-синтаксическими актантами того глагола, к которому они присоединяются. Сравните две конверсивные друг другу латинские фразы с одной и той же семантической структурой (= описывающие одно и то же положение дел):

(8) латинский

a.

Mile	$+s$	*hoste*	$+m$	*occid*	$+it$	$+\emptyset$
солдат	ЕД.НОМ	враг	ЕД.АКК	убивать	НАСТ.3ЕД	АКТ

'Солдат убивает врага'.

b.

Hosti	$+s$	*a*	*milit*	$+e$	*occid*	$+it$	$+$ ***ur***
враг	ЕД.НОМ	посредством	солдат	ЕД.АБЛ	убивать	НАСТ.3ЕД	ПАСС

'Враг убивается солдатом'.

Агенс [= 'солдат'] является подлежащим в номинативе в (8a) и предложным дополнением в аблативе в (8б); жертва [= 'враг'], обозначаемая в (8a) прямым дополнением в аккузативе, становится в (8b) подлежащим. Эта перестановка вызвана наличием суффикса **-ur**; но сама она как таковая является содержанием не его синтактики, а его означаемого. Ср. (8c):

c. **ur** = $\langle \begin{smallmatrix}\boxed{X}\boxed{Y}\\ \boxed{I}\boxed{II}\end{smallmatrix} \Longrightarrow \begin{smallmatrix}\boxed{X}\boxed{Y}\\ \boxed{II}\boxed{I}\end{smallmatrix}$; /ur/; Σ = суффикс переходного глагола, 3 ед, занимает конечную позицию, ...$\rangle$

Означаемым суффикса **-ur**, в сущности, является команда изменить управление исходного корня так, как это указано здесь, в то время как синтактика суффикса **-ur** обеспечивает только его правильное сочетание с нужной глагольной основой[7].

3. Корни: морфы и морфемы

В лингвистической литературе термином *корень* пользуются обычно по отношению к морфам, но часто его употребляют также и по отношению к морфемам, все алломорфы которых являются корнями (о противопоставлении «морфа ~ морфема» см. ниже, § 4 настоящей главы, с. 230); таким образом получается, что

корень = 'корневая морфа' или 'корневая морфема'.

Такое словоупотребление может, вообще говоря, порождать путаницу, особенно если надо провести границу между «одним и тем же корнем» и «разными корнями». Нетрудно представить себе сложную ситуацию, когда приходится говорить о разных корневых морфах, принадлежащих к одной и той же корневой морфеме.

Если специально не будет оговорено противное, мы будем использовать термин *корень* исключительно в смысле 'корневая морфа'.

Это же верно, с соответствующими изменениями, относительно термина *аффикс*; см. § 3, с. 162 и сл.

4. Могут ли аффикс и корень полностью совпадать?

Корни и аффиксы образуют два НЕПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ множества; это означает, что никакой знак не может быть одновременно и корнем, и аффиксом. Даже если у какого-то корня и какого-то аффикса совпадают означаемое и означающее, синтактики у них все равно различны — а этого уже достаточно, чтобы два знака были различны.

В лингвистических сочинениях нередко можно встретить утверждения о том, что, якобы, «один и тот же знак может быть и корнем, и аффиксом». Однако возникают такие утверждения по недоразумению — из-за того, что плохо определено, что можно считать «одним и тем же знаком». Так, например, говорится (Jones 1992: 6–9), что в языке лахота знак **ku** представляет собой в одно и то же время местоименный корень 'этот, это, оно' и локативный суффикс, в подтверждение чего приводятся следующие примеры: ***Kuh*** *šipíšac* 'Оно черное' vs. *awašitáah* + ***ku***(*-a*) 'на севере' [*awašita* = 'север']. Ясно, однако, что в данном случае можно говорить разве что об ИСТОРИЧЕСКОМ или этимологическом тождестве этих знаков: в современном лахота это два совсем разных знака — разных даже с точки зрения их означаемых. Этот феномен весьма обычен для языков сиуанской семьи, но во всех таких случаях речь может идти только об исторических связях, и ни о чем другом.

Более интересный (и более сложный для анализа) случай обнаруживается в венгерском. В этом языке у существительного имеется двадцать один падеж, показателями которых служат суффиксы. Возьмем для примера совместный падеж, или социатив (означающий что-то вроде 'с; совместно с' или 'посредством', т. е. имеющий значение, близкое к инструментальному; иногда этот падеж даже и называют *инструментальным*). Показателем социатива является суффикс **-vel/-val**, у которого имеется, как можно видеть, два сингармонических варианта, а начальная согласная ассимилируется с конечной согласной основы. У лексемы KÖNYV 'книга' соответствующие

формы выглядят как *könyv*+ ***vel*** [ЕД.СОЦ] и *könyv*+ *ek*+ ***kel*** [МН.СОЦ]; у лексемы EMBER 'человек' — *ember*+ ***rel*** [ЕД.СОЦ] и *ember*+ *ek*+ ***kel*** [МН.СОЦ]; и т. д.

Однако, когда нам нужно склонять ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ (*я*, *ты*, *он*, ...), возникает проблема. Прежде чем объяснять, в чем она состоит, мы должны указать одно важное свойство венгерского языка: в этом языке нет местоименных притяжательных прилагательных, обозначающих 'мой', 'твой' и т. д.; вместо них в венгерском используется словоизменительная категория принадлежности, выражаемая суффиксами, которые присоединяются к существительному. Так, 'моя книга' выражается в виде *könyv* + ***em***, 'твоя книга' — *könyv* + ***ed***, 'его книга' — *könyv* + ***e*** (о категории принадлежности см. Часть вторая [том 2], Гл. II, § 4, **4.5**, 3, с. 230 и сл.; в особенности с. 237). Посмотрим теперь, что происходит, когда говорящему надо поставить личное местоимение в какой-нибудь падеж, например сказать 'со мной'.

Возьмем конкретное местоимение ENGEM 'я'. Для передачи смысла 'со мной' по-венгерски нельзя просто поступить с местоимением так же, как с существительным: форма, которая здесь «ожидалась бы» (если ее строить по аналогии с существительным) — т. е. **engem*+ *mel*, оказывается недопустимой. А надо совсем наоборот — взять суффикс совместного падежа **-vel** и к нему прибавить суффикс 1-го лица единственного числа (так называемый притяжательный суффикс)! 'Со мной' говорится *vel*+ *em*; и именно так строятся все падежи для всех личных местоимений. Приведем параллельно несколько падежных форм (в единственном числе) для существительного KÖNYV и местоимения ENGEM [символами «´» и «˝» обозначается долгота гласных: *ó* = /ō/, *ő* = /ȫ/].

	KÖNYV 'книга'	ENGEM 'я'
датив	*könyv*+ *nek*	*nek* + *em*
суперлатив	*könyv*+ *re*	*rá* + *m*
десуперлатив	*könyv*+ *ről*	*ról* + *am*
адессив	*könyv*+ *nél*	*nál* + *am*
аблатив	*könyv*+ *től*	*től* + *em*
социатив	*könyv*+ *vel*	*vel* + *em*[8]

(В прочих падежных формах этого местоимения имеются определенные морфологические осложнения, которые не затрагивают сути нашего изложения.)

Напрашивается следующий вывод: то, что является суффиксом в формах существительного, оказывается по сути дела как бы корнем в формах местоимения. Для большей ясности выпишем целиком правило получения нужных местоименных форм (это будет глубинно-морфологическое правило):

$\text{ENGEM}_{\text{социатив}} \Longleftrightarrow \{\text{СОЦИАТИВ}\} \oplus \textbf{С}_{\textbf{КОРЕНЬ}} \oplus \{\text{1ЕД}\}$.

Это правило надо понимать следующим образом: для того чтобы построить форму социатива местоимения ENGEM 'я', нужно:

- взять морфему социатива;
- применить к ней конверсию$_2$ **Скорень**, которая делает две вещи:
  1) заменяет имеющийся в синтактике признак «суффикс» на признак «корень» (поскольку правила гармонии гласных для следующего за этой морфой суффикса должны апеллировать к корню); иначе говоря, эта конверсия «создает» временный корень;
  2) изменяет линейный порядок этой морфемы (поскольку в рассматриваемой форме соответствующая морфа должна находиться в начале словоформы; для этого бывшая морфема совместного падежа получает признак порядка «0»[9]);

  [вот эта конверсия$_2$ в стандартной форме:
  Скорень = ⟨'Суф $\Longrightarrow$ Корень'; порядок 3 $\Longrightarrow$ порядок 0; Σ = применяется к падежным суффиксам, ...⟩];
- взять морфему 1-го лица единственного числа (категории принадлежности).

Набор морфем «{СОЦИАТИВ}$_{\text{Корень, 0}}$, {1ЕД}$_{\text{Суффикс, 4}}$» передается затем на обработку обычным морфологическим правилам, после чего и получается требуемая форма *velem*. (Более подробно об этом см. в Части шестой, Глава III, § 1, примечание 2.) Фактически представленное выше правило превращает падежный аффикс в некий «временный», или вторичный, корень — совсем так же, как превращаются во вторичные словоформы отделяемые префиксы немецкого и венгерского языков в результате действия определенных синтаксических правил (см. Часть первая [том 1], Глава IV, § 2, **2.7**, с. 189 и сл.). Венгерские словоформы типа **velem** или **nekem** сами по себе являются первичными словоформами — лексами лексемы ENGEM; однако они включают в себя вторичный корень: суффикс, возведенный в ранг корня неким морфологическим правилом. Тем не менее, даже в этом случае суффикс **-vel** и вторичный корень **vel-** остаются разными знаками: у них различны синтактики[10].

5. Пустые$_2$ корни и нулевые корни

5.1. Пустые$_2$ корни. Пустые$_2$ корни встречаются не слишком часто, что объясняется прежде всего их «антисемиотической» природой: как уже говорилось (Глава I настоящей части, § 2, **1.3**, 2, с. 20), знак, не означающий ничего, парадоксален. Тем не менее, по аналогии с непустыми$_2$ корнями, пустые$_2$ корни тоже существуют. Можно указать три основных типа пустых$_2$ корней:

- сильноуправляемые предлоги и союзы,
- пустые$_2$ лексические функции,
- безличные местоимения.

Некоторые примеры соответствующих пустых$_2$ словоформ — т. е. словоформ, состоящих из пустых$_2$ корней, — приводились выше (с. 24). Мы не будем возвращаться здесь к обсуждению этих типов пустых$_2$ корней.

Однако нам все-таки хотелось бы указать еще один случай, когда принято говорить о пустых$_2$ корнях. Эта ситуация часто встречается при описании так называемых ***полисинтетических***[11] языков, таких как салишские или эскимосские. Так, в языке нутка (Swadesh 1939: 90) имеется пустой$_2$ корень **hin(a)-/hit(a)-**, у которого «семантическая значимость — нулевая»: этакая «ко всем бочкам затычка», необходимая по чисто формальным причинам. Многие важные смыслы в языке нутка выражаются исключительно суффиксами (ср. ***лексические суффиксы***, Часть вторая [том 2], Глава IV, § 2, **6**, с. 404 и сл.). Так, например, в нутка для выражения следующих смыслов нет корней, а есть только суффиксы:

'отсутствующий'	= **-k^{w}a?ɬ̥**	'на земле'	= **-as**
'выходить'	= **-waḥsoɬ̥**	'на крыше'	= **-a?sc'a**
'переместиться'	= **-maɬ̥**	'на вершине'	= **-qi?**

Однако в начале каждой словоформы в нутка должен стоять корень. Поэтому, чтобы получить словоформу, обозначающую 'отсутствующий' или 'выходить', и т. п., мы вынуждены использовать пустой$_2$ корень, чтобы присоединить к нему подходящий суффикс. Другими словами, в нутка необходимо строить словоформы типа **hita** + **k^{w}aɬ̥** 'отсутствующий', **hitōḥsoɬ̥** [⇐ *hita* + *wḥsoɬ*] 'выходить', **hini** + **mɬ̥** + **n'i** 'плыть (на судне)' [здесь **-n'i?** — это суффикс, обозначающий 'по воде'], **hitās** 'на земле', **hināsc'a** 'на крыше', **hita** + **qi** 'на вершине'.

Пустой$_2$ корень — **pi-/pe-** — имеется также в эскимосском языке Гренландии (= инуктитут), где он используется таким же образом, как и в нутка, а именно для того, чтобы образовывать глаголы в тех случаях, когда нужный смысл может быть выражен только суффиксом. Так, например, 'иметь' = **-qar**, 'покупать' = **-si**, 'изготовлять' = **-lior** — это суффиксы. С помощью этих суффиксов от существительного X образуются глаголы, обозначающие 'иметь X', 'покупать X', 'изготовлять X': *qimme* + ***qar***(*-poq*) '[Он] имеет собаку', *qimme* + ***si***(*-voq*) '[Он] покупает собаку', *timmisartu* + ***lior***(*-poq*) '[Он] делает самолет'. Если же нужно сказать просто 'иметь', 'покупать' или 'изготовлять', то тогда надо воспользоваться пустым$_2$ корнем и сказать ***pe*** + *qar-* 'иметь', ***pi*** + *si-* 'покупать' и ***pi*** + *lior-* 'изготовлять' (**pe-/pi-**, возможно, следует переводить как 'нечто').

5.2. Нулевые корни. Нулевые корни тоже не являются — да и не могут быть — очень распространенными. В самом деле, различать несколько разных типов значимого отсутствия (выражающего лексические значения) достаточно трудно. Мы уже видели несколько примеров нулевых словоформ в Главе I настоящей части (§ 2, **2.2**, 4, с. 28 и сл.), но это были целые словоформы, включающие в себя и корень, и морфологические характеристики — т. е., по нашей терминологии, ***мегаморфы*** (см. Главу VII настоящей части). Мы можем привести здесь два (довольно редких) случая «чистых» нулевых корней: глагольный нулевой корень и местоименный нулевой корень. Глагольный нулевой корень обнаруживается в языке ава (Новая Гвинея): смысл 'раздавать, дарить' выражен там в глагольной словоформе через отсутствие корня; мы видим только цепочку суффиксов, которая требуется при любом «нормальном» глаголе. Сравните [символы ударения обозначают высокий «ˊ» и низкий «ˋ» тон]:

(9) ава

a. *Wegà* **∅** + *nuw* + *éhq* = *Wegà nuwéhq*
Он дарить мое ПРОШ.ЗЕД
'Он подарил нечто, принадлежащее мне'.

b. *Wegà néne sòn nuwéhq*
Он мой сад дарить.мое.ПРОШ.ЗЕД
'Он подарил мой сад'.

c. *Wegà keki* + *nuw* + *éhq* = *Wegà kekinuwéhq*
Он сжечь мое ПРОШ.ЗЕД
'Он сжег нечто, принадлежащее мне'.

d. *Wegà néne sòn kekinuwéhq*
Он мой сад сжечь.мое.ПРОШ.ЗЕД
'Он сжег мой сад'.

? 1. Возможен ли, на ваш взгляд, в таком языке, как ава, еще один нулевой глагольный корень? Если да, то при каких условиях?

2. Проанализируйте ситуацию с формами настоящего времени изъявительного наклонения французского глагола AVOIR 'иметь':
ai /ɛ/ *avons* /avɔ̃/
as /a/ *avez* /ave/
a /a/ *ont* /ɔ̃/
Попытайтесь описать соответствующие формы, считая корень в них нулевым; дайте обоснование своему описанию. Укажите, почему все-таки такое описание не проходит.

8

Еще один любопытный пример нулевого корня дает нам местоименный нулевой корень '≈ (вот) это(т)' в языке рунди. В этом языке имеется шесть

серий указательных местоименных прилагательных, которые мы частично приводим ниже — для первых шести именных классов [знак «´» означает высокий тон].

(10) рунди

а. Указательные местоимения (= демонстративы) языка рунди подразделяются на ***дейктические*** (= те, которые фиксируют референцию объектов относительно участников речевого акта[12]) и ***анафорические*** (= те, которые фиксируют референцию объектов со ссылкой на элементы, ранее упомянутые в тексте):

Дейктические демонстративы

1. '(вот) этот ≈ рядом с 1-м лицом' (≈ исп. *este*):
   I — ***uwu***, II — ***aba***, III — ***uwu***, IV — ***iyi***, V — ***iri***, VI — ***aya***, ...

2. '(вон) этот ≈ рядом со 2-м лицом' (≈ исп. *ese*):
   I — ***uwo***, II — ***abo***, III — ***uwo***, IV — ***iyo***, V — ***iryo***, VI — ***ayo***, ...

3. '(вон) тот ≈ далеко от 1-го и 2-го лица, но близко к 3-му лицу' (≈ исп. *aquel*):
   I — ***uryá***, II — ***bárya***, III — ***uryá***, IV — ***iryá***, V — ***ríya***, VI — ***aryá***, ...

4. '(во-он) тот ≈ очень далеко от 1-го и 2-го лица':
   I — ***urííya***, II — ***bárííya***, III — ***urííya***, IV — ***irííya***, V — ***rírííya***, VI — ***arííya***, ...

Анафорические демонстративы

5. 'тот ..., о котором только что шла речь':
   I — ***unó***, II — ***báno***, III — ***unó***, IV — ***inó***, V — ***ríno***, VI — ***anó***, ...

6. 'тот ..., о котором шла речь когда-то раньше':
   I — ***wáa***, II — ***báa***, III — ***wáa***, IV — ***yáa***, V — ***ryáa***, VI — ***yáa***, ...

С учетом более или менее очевидных чередований языка рунди (консонантизаций /u/ $\Longrightarrow$ /w/ и /i/ $\Longrightarrow$ /j/ перед гласными, усечения /a/ перед гласными, эпентез /w/ и /j/ [на письме *y*] между гласными) вырисовывается следующая картина.

В указанных выше сериях 2–6 демонстративы состоят из корня, перед которым, как и положено в рунди, выступает префикс именного класса 2 (= показатель согласования данного местоимения с определяемым им существительным); в наших примерах этот префикс выделен жирным шрифтом. Если объединение местоименного корня с классным показателем дает словоформу, состоящую из одного слога, перед префиксальным классным показателем, в свою очередь, вставляется эпентетическая гласная, тождественная собственной гласной этого префикса. Так, например, в серии 2: *ba* + *o* $\Longrightarrow$ **bo* $\Longrightarrow$ *abo*.

b. Таким образом, у демонстративов в сериях 2–6 в рунди выделяются следующие корни:

2. '(вон) этот ≈ рядом со 2-м лицом'	: **-o**
3. '(вон) тот ≈ далеко от 1-го и 2-го лица, но близко к 3-му лицу'	: **-ryá**
4. '(во-он) тот ≈ очень далеко от 1-го и 2-го лица'	: **-rííya**
5. 'тот ..., о котором только что шла речь'	: **-nó**
6. 'тот ..., о котором шла речь когда-то раньше'	: **-áa**

В первой же серии «физический» корень как таковой отсутствует: классный показатель не предшествует ничему (хотя сам он, как и положено, — см. выше — предваряется эпентетической гласной)! Но ведь классный показатель — это префикс! Значит, для этой серии демонстративов мы должны постулировать нулевой корень:

∅ДЕМОНСТРАТИВ '(вот) этот ≈ рядом с 1-м лицом'.

Нулевой корень не следует путать с физическим отсутствием ненулевого корня, когда он оказывается устраненным в результате действия морфонологических правил. Нулевой корень — это нормальный знак, означающее которого пусто ВСЕГДА, независимо от контекста. У ненулевого корня означающее, ясное дело, не пусто — однако в том или ином фонологическом контексте оно может утратиться в результате действия каких-то морфонологических правил. И это совсем другое дело. Вот пример такого явления:

(11) гарифуна

Глагольные формы *wīsa* 'я-иду', *mīsa* 'ты-идешь' и т. д. содержат корень **to**, подвергшийся действию морфонологических правил:

			редукция гласной		ослабление согласной	утрата согласной; заместительное удлинение	
wi	+ *to*	+ *ja*	⟹	*witja*	⟹	*wixsa*	⟹ *wīsa*
1ЕД	идти	НАСТ					

Как легко видеть, корень в этих словоформах вовсе не нулевой, хотя все, что осталось от него на поверхности, — это всего лишь удлинение предшествующей гласной.

5.3. Пустые$_2$ нулевые корни. Такие корни тоже встречаются — прежде всего в виде цельных лекс, т. е. без присоединенных к ним аффиксов (Глава I настоящей части, § 2, **3**, с. 30 и сл.); можно представить себе также пустой$_2$ нулевой корень в сочетании с аффиксами в составе словоформы вспомогательного глагола (нечто вроде того, что мы видели в примере (9), с. 88).

6. Основа

6.1. Понятие основы. С понятием *корня* непосредственно связано еще одно важное понятие — понятие *основы*. Чтобы его ввести, нам нужно понятие аффикса и, что еще важнее, различие между словообразовательными и словоизменительными аффиксами. Это различие будет сформулировано в явном виде позднее, в § 3, **2.1**, с. 166; однако, поскольку оно достаточно очевидно (словообразовательные и словоизменительные значения уже обсуждались нами в Части первой [том 1], Глава V, с. 247 и сл., 251 и сл., 271 и сл.), мы позволим себе здесь немного забежать вперед.

Определение V.9: основа

Основой словоформы **w** называется та ее часть, которая не включает в себя никаких словоизменительных аффиксов и никаких иных грамматических словоизменительных знаков [редупликаций$_2$, апофоний, конверсий$_2$], которые входят в состав словоформы **w** и выражают те или иные граммемы, характеризующие эту словоформу как целое.

(По поводу последнего ограничения [характеристика словоформы как целого] см. ниже комментарий 4, с. 94.)

Подчеркнем, что выражение «**X** есть часть словоформы **w**» следует понимать как «**X** принадлежит к множеству знаков $\{\mathbf{X}_i\}$, через которые представима **w**». Таким образом, основа английской словоформы **feet** — это **foot**; в самом деле, $\mathbf{feet} = \oplus\{\mathbf{foot}, \mathbf{A_{PL}}\}$. См. комментарий 1 к Определению V.14, **8.1**, с. 146.

Иными словами, основа словоформы может представлять собой структуру одного из следующих четырех видов:

– ***простая*** основа, которая совпадает с корнем;

– ***производная$_1$*** основа, состоящая из корня со словообразовательными аффиксами;

– ***сложная$_1$*** основа, состоящая из нескольких корней;

– ***смешанная*** основа, т. е. производная$_1$ и сложная$_1$ одновременно.

Обозначения

Основу словоформы **w** мы обозначаем $\mathbf{R}(\mathbf{w})$ — так же, как и корень. В тех случаях, когда нам понадобится различать корень в строгом смысле слова и основу, мы будем записывать простую основу, т. е. собственно корень, как $\mathbf{R_0}(\mathbf{w})$, а все более и более усложненные основы — как $\mathbf{R_1}(\mathbf{w})$, $\mathbf{R_2}(\mathbf{w})$, ...; ср. комментарий 2, с. 93.

В этом разделе мы будем заниматься исключительно ПРОИЗВОДНЫМИ$_1$ ОСНОВАМИ; сложные$_1$ основы будут рассмотрены в следующем разделе.

Примеры

(12) англ. **childishness** ‘ребячливость, инфантильность’ имеет следующую структуру:

child + ish + ness

корень [= $\mathbf{R_0}$]:
'ребенок'

основа 1 [= $\mathbf{R_1}$]:
'ребячливый, инфантильный'

основа 2 [= $\mathbf{R_2}$]:
'ребячливость, инфантильность'

(13) рус. [разговорная речь, окказионализм]
распрофессорствовавшихся
со следующей структурой:

рас + профессор + ств + ова + | **вш** ПРИЧ.ПРОШ.АКТ | **+ их** МН.РОД | **+ ся**

флективное окончание

корень [= $\mathbf{R_0}$]:

основа 1 [= $\mathbf{R_1}$]:
'профессорств(о)'

основа 2 [= $\mathbf{R_2}$]:
'профессорствова(ть)'

основа 3 [= $\mathbf{R_3}$]:
'распрофессорствова(ть)ся'

Как можно видеть, основа 3 у этой словоформы разрывна:
распрофессорствова + ... + **ся**.

6.2. Комментарии к Определению V.9. Теперь мы перейдем к рассмотрению следующих пяти вопросов:

– Альтернативные термины для понятия *основа*.
– Многослойная структура основ.
– Разрывные основы.
– Внутренние аффиксы в сложной$_1$ основе.
– Основа в синхронии и в диахронии.

1. Альтернативные термины для понятия *основа*

В литературе достаточно часто можно встретить два других термина для обозначения понятия *основа*: *база* и *тема (в коммуникативной структуре)*. *База* больше свойственна диахроническим исследованиям: чаще всего она обозначает, грубо говоря, 'историческую основу'. Что же касается *темы*, то мы предпочитаем зарезервировать этот термин для семантического и

синтаксического уровней: в нашей номенклатуре *тема (в коммуникативной структуре)* — это компонент (смысла) фразы, относительно которого нечто утверждается. Впрочем, тот же самый термин традиционно давно используется также для обозначения некоторого специального типа пустых$_2$ морфем — ***тематических гласных*** или ***связующих элементов***; см. Часть шестая, Глава II, § 1. Все это и заставляет нас предпочесть всем этим терминам термин *основа*.

2. Многослойная структура основ

Производная$_1$ основа может содержать несколько словообразовательных аффиксов, и в таком случае она обычно имеет многослойную структуру. Мы будем говорить о ***порядке производной$_1$ основы***, понимая под ним некоторую функцию от количества входящих в эту основу словообразовательных аффиксов. Так,

– Основа нулевого порядка не содержит вообще никаких словообразовательных аффиксов; такая основа, как уже говорилось, совпадает с корнем и обозначается $\mathbf{R_0(w)}$: фр. **maison-**, англ. **child-**, рус. **профессор-**.

– Основа первого порядка, или *первичная* основа, содержит один-единственный словообразовательный аффикс (выделенный малыми прописными буквами) [= $\mathbf{R_1(w)}$]: фр. **maison-ETTE-**, англ. **child-ISH-**, рус. **профессор-СТВ-**.

– Основа второго порядка, или *вторичная* основа, содержит два словообразовательных аффикса [= $\mathbf{R_2(w)}$]: англ. **child-ISH-NESS**.

– Основа третьего порядка, или *третичная* основа, содержит три словообразовательных аффикса [= $\mathbf{R_3(w)}$]: рус. **профессор-СТВ-ОВ-АНИ**(*-е*); и т. д.

Основа первого порядка называется также *простой* (или *непроизводной$_1$*), а основа ненулевого порядка — *производной$_1$*.

В производной$_1$ основе порядка ≥ 2 очередность прибавления словообразовательных аффиксов, как правило, достаточно существенна. Так, в (12) разрывный аффикс — циркумфикс **рас-...-ся** — прибавляется третьим, т. е. после суффикса **-ов(а)**, превращающего субстантивную первичную основу **профессорств**(*-о*) в глагольную вторичную основу. Мы можем утверждать это, так как в русском языке циркумфикс **рас-...-ся** никогда не прибавляется к субстантивным основам: он непременно требует для себя глагола.

3. Разрывные основы

Как мы уже видели в (12), основа может не быть непрерывной: русская основа **распрофессорствов(а)** + ... + **ся** обрамляет с двух сторон словоизменительные суффиксы. Здесь разрывность возникает из-за разрывного словообразовательного аффикса [= ***циркумфикса***, § 3, 4, с. 190]

рас-...-ся[13]. Но бывают, разумеется, и другие типы разрывных производных$_1$ основ; например, такие:

(14) В грузинском языке наблюдается весьма богатое глагольное префиксальное словообразование (здесь мы приводим все глаголы в 3-м лице единственного числа настоящего времени индикатива):

a.

mi + **di**(-*s*)	'идти, уходить'	**čamo** + **di**(-*s*)	'прибывать'
mo + **di**(-*s*)	'приходить'	**ga** + **di**(-*s*)	'отбывать'
a + **di**(-*s*)	'подниматься, взбираться'	**šemo** + **di**(-*s*)	'входить'
amo + **di**(-*s*)	'всходить' [например, о солнце]	**gada** + **di**(-*s*)	'переходить через что-либо, пересекать'

[Значения представленных здесь словообразовательных префиксов таковы:

mi-:	'прочь от говорящего'	**čamo-**:	'спускаясь к говорящему'
mo-:	'по направлению к говорящему'	**ga-**:	'выходя из того места, где находится говорящий'
a-:	'поднимаясь'	**šemo-**:	'выходя в то место, где находится говорящий'
amo-:	'поднимаясь по направлению к говорящему'	**gada-**:	'пересекая что-л. по направлению к говорящему'.]

Однако в 1-м лице словоизменительный префикс **v-** '1-е лицо' вставляется между словообразовательным префиксом и корнем:

b. ***mi*** + ***v*** + *di*(-*var*) 'я иду/ухожу'
mo + ***v*** + *di*(-*var* + *t*) 'мы приходим'

4. Внутренние аффиксы в сложной$_1$ основе

Ограничение, сформулированное в конце Определения V.9 ('... и выражают те или иные граммемы, характеризующие эту словоформу как целое'), предусмотрено для следующего случая: сложная$_1$ основа включает в себя корень, в принципе способный выступать в разных словоизменительных формах и в данном конкретном случае снабженный некоторым словоизменительным аффиксом; этот аффикс, однако, не выражает граммему, которая характеризовала бы всю словоформу как целое, и, тем самым, он остается «спрятанным» внутри основы (как и предусматривается нашим определением). Классическим примером такого рода служит основа санскритского

сложного$_1$ прилагательного **van + e + čar-** 'живущий в лесу', где имеется корень **van-** 'лес' с суффиксом локатива **-e** [**vane** = 'в лесу'] и корень **čar-** 'жить, обитать', причем первый корень синтаксически определяет второй. См. также пример (17b) на с. 100.

Словоизменительный аффикс, находящийся «в недрах» сложной$_1$ основы, обычно выражает некоторую граммему (или граммемы) корня, подвергшегося словоизменению, уточняя тем самым либо его смысл, либо его роль в составе всего сложного$_1$ слова (т. е. семантическое отношение, связывающее его с другим корнем, который он определяет).

5. Основа в синхронии и в диахронии

Основы, так же как и корни, рассматриваются нами исключительно в синхронном плане. У французского существительного AIRELLE 'брусника' основа с исторической точки зрения (диахронической или этимологической) является производной: **airelle** 'брусника' ⟸ прованс. **aire + elle**, где прованс. **aire** ⟸ латин. **atra** 'черный, темный' (во фр. этот корень сохранился в прилагательном *atrabillaire* 'желчный (о характере)' [букв. 'черножелчный']), а **-elle** — это уменьшительный суффикс. Тем не менее, в синхронном плане, т. е. в современном французском языке, эта основа считается простой; тем самым она представляет собой чистый корень. Существительное LUNETTE 'круглое отверстие или предмет' (*la lunette des cabinets* 'очко в уборной', *lunette arrière de voiture* 'заднее стекло машины', *lunette de boîtier de montre* 'стекло (или отверстие) корпуса наручных часов'), а также существительное MAUVIETTE 'тщедушный человек' содержат в себе основы, образованные — исторически — с помощью уменьшительного суффикса: **lunette** значило когда-то буквально 'маленькая луна' (ср. рус. *лунка* с несколько другим, но похожим развитием значений), а **mauviette** — 'маленькая птичка [определенного вида — разновидность певчего дрозда]'. Несмотря на это, в современном французском языке эти основы являются простыми; они представляют собой элементарные сегментные знаки, т. е. морфы, в которых элемент **-ette** — это всего лишь ***морфоид*** (ср. далее § 5, **6.1**, с. 279). Среди подобных производных$_2$ (= производных в слабом смысле) основ встречаются производные$_2$ основы и другого типа — такие как французское *manchette* 'манжета = определенного вида отделка низа рукава', а вовсе не '*маленький (и милый) рукавчик', и т. п. Образования такого рода представляют собой фразеологизованные, или лексикализованные, комплексы морф, иначе — ***морфологические фраземы*** (см. далее Главу IX). Говоря точнее, они представляют собой квазиэлементарные знаки, или квазиморфы. В синхронной морфологии все такие единицы — т. е. производные$_2$ — не подлежат морфологическому разложению, и потому мы отождествляем производные$_2$ основы с корнями. Таким образом, французские основы типа **airelle-**, **lunette-**, **mauviette-**, **manchette-** и т. п. считаются в этой книге простыми корнями

(в полном соответствии с принятым нами решением не проводить в наших морфологических описаниях различия между морфами и квазиморфами).

7. Морфологическое сложение

Нормальное поведение корня или основы — это быть ядром словоформы и присоединять к себе один или несколько аффиксов, так что в результате получается некоторая словоформа. К примеру, в семитских языках или в языках банту у словоформы почти всегда бывает такая стандартная структура. Проиллюстрируем это на материале языка лухья и эфиопского языка:

(15) лухья

Глагольная словоформа **wuunzomaanga** 'ты меня колешь' состоит из:

– корня	**-čom-**	'укол'
– префикса 1 ед объекта	**m-**	(порядка −1)
– префикса 2 ед субъекта	**u-**	(порядка −2)
– суффикса-вербализатора	**-a**	(порядка +1)
– суффикса настоящего времени индикатива	**-nga**	(порядка +2)

Результатом объединения всех этих знаков (при помощи метаоперации $\oplus$) является цепочка морф

$$\mathbf{u}+\mathbf{m}+\boxed{\mathbf{\check{c}om}}+\mathbf{a}+\mathbf{nga},$$

которая затем под действием серии пустых$_2$ чередований превращается в

wuunzomaanga

(16) эфиопский [= геэз]

Словоформа существительного **amdāra** 'зе́мли' [в косвенном падеже] состоит из:

– корня	**mdr**	'земля'
– трансфикса множественного числа	**a--ā-**	

[в этом трансфиксе дефисы указывают позиции, которые должны занимать согласные корня]

– суффикса косвенного падежа	**-a**

Объединение этих знаков и дает нам словоформу

amdāra.

В приведенных выше примерах корень занимает центральное место — он самодержавно царит, окруженный подчиненными ему аффиксами (которые могут выступать впереди него, следовать за ним или даже проникать внутрь него). Такова обычная ситуация, наблюдаемая и в русском, особенно в сфере АКТИВНОЙ или ПРОДУКТИВНОЙ морфологии (= словоизменения и словообразования$_1$). Чтобы произвести на свет словоформу, надо сначала

выбрать корень (один-единственный!), а потом снабдить его аффиксами — такими, которые позволят выразить нужный смысл в данном контексте.

Однако естественные языки используют корни и по-другому. В некоторых языках корень **R′** может присоединяться к другому корню **R** ВНУТРИ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СЛОВОФОРМЫ, так что **R′** семантически модифицирует или определяет **R**: в результате получается ***сложная*** основа. Мы уже встречались с немецкими сложными основами; вот еще несколько примеров: **Holz + altar** букв. 'дерево алтарь' = 'деревянный алтарь', **Lager + platz** букв. 'лагерь место' = 'место лагеря', **Schelt + wort** (*-en*) букв. 'брань слова́' = 'бранные слова́', **Mauser + gewehr** букв. 'маузер винтовка' = 'винтовка [системы] Маузера', и т. п. Как легко видеть, здесь субстантивный (типа **Holz-** 'дерево' или **Lager-** 'лагерь') или глагольный (типа **schelt-** 'бран(*-ить*)') корень модифицирует другой корень — во всех этих случаях субстантивный. Похожий класс словоформ можно проиллюстрировать также примерами из турецкого языка: **aş + ev + i** букв. 'питание дом-его' = 'дом питания' = '(небольшой) ресторан', **basım + ev + i** букв. 'печатание дом-его' = 'типография', **ceza + ev + i** /ǰezaevi/ букв. 'наказание дом-его' = 'дом наказания' = 'тюрьма'. В дальнейшем мы приведем и другие примеры.

7.1. Два смысла термина *сложный*. Так же как и в случае производных (Часть первая [том 1], глава V, § 3, **7.3**, 3, с. 296), мы будем различать основы *сложные в сильном смысле*, или *сложные*$_1$, и *сложные в слабом смысле*, или *сложные*$_2$.

Позволяя себе ту же некорректность выражения, что и в случае производных, мы будем говорить *сложная лексема* вместо *лексема со сложной основой*. Такое сокращенное выражение встречается повсеместно в лингвистической литературе и представляется нам технически удобным.

Сложные$_1$ лексемы СВОБОДНО ОБРАЗУЮТСЯ говорящим в процессе построения высказываний в речи; именно таковы приведенные выше немецкие примеры. Напротив, образовывать сложные$_2$ лексемы говорящий не может: они хранятся в памяти и воспроизводятся в речи целиком; их сложность — исключительно историческая. Таковы, к примеру, немецкие лексемы **Hochzeit** [*hoch* = 'высокий', *Zeit* = 'время'] 'свадьба', **Kraftrad** [*Kraft* = 'сила', *Rad* = 'колесо'] 'мотоцикл', **Erdbeere** [*Erde* = 'земля', *Beere* = 'ягода'] 'клубника/земляника' и т. д. или французские лексемы **gratte-ciel** [*gratt(-er)* = 'скрести', *ciel* = 'небо'] 'небоскреб', **fourre-tout** [*fourr(-er)* = 'засовывать', *tout* = 'всё'] 'кладовка/большой саквояж', **pique-assiette** [*piqu(-er)* = 'подбирать, вылизывать', *assiette* = 'тарелка'] 'прихлебатель', **grand-mère** [*grand* = 'большой', *mère* = 'мать'] 'бабушка' и т. д.

Сложные$_1$ лексемы являются сложными «по-настоящему», сложными в синхронном плане, тогда как сложные$_2$ лексемы являются сложными только в диахронии. Сложные$_2$ лексемы фразеологизованы (= лексикализованы) и с точки зрения современного состояния языка представляют собой простые и неразложимые знаки (даже если носители языка легко понимают их этимологию). Если воспользоваться техническим термином, сложные$_2$ лексемы — это ***квазиэлементарные*** знаки (Часть первая [том 1], Глава III, § 4, **3**, Опр. I.13, с. 154), а точнее ***квазиморфы***, в то время как сложные$_1$ лексемы представляют собой *свободные комплексы элементарных знаков*. В дальнейшем изложении для нас будут представлять интерес именно они — сложные$_1$ лексемы, или лексемы, сложные в сильном смысле. (Ср. замечания в конце подраздела **7.5**, § 3, Главы V Части первой [том 1], с. 303–304.) Сложные$_2$ лексемы фактически вообще не относятся к ведению морфологии в том ее понимании, которое принято в данной книге:

> *Морфология* — это компонент языка: множество правил, которые устанавливают соответствие между Глубинно-Морфологическими Представлениями словоформ и Глубинно-Фонологическими Представлениями этих словоформ; иными словами
>
> $$\underbrace{\{\text{ГМорфП}_i^{\text{словоформы}}\} \Longleftrightarrow \{\text{ГФонП}_j^{\text{словоформы}}\}}_{\textbf{морфология}}$$
>
> (ср. Введение [том 1], Глава II, **3**, с. 73–76).

Фразеологичность и в то же время нерегулярность сложных$_2$ лексем делает их предметом словарного или даже словарно-этимологического описания; описанию же посредством формальных правил в наших морфологических моделях они не поддаются.

К сожалению, по поводу сложных лексем в лингвистике все еще существует опасная путаница. Фразеологизация и нерегулярность отдельных сложных лексем часто принимаются за типичные черты всего класса сложных лексем. Так, например, играя на фразеологизованности многих сложных лексем, пытаются именно за счет этой фразеологизованности противопоставить сложные лексемы словосочетаниям. Таким путем нерегулярности из области диахронической этимологии контрабандой протаскиваются в область синхронической морфологии, что мы считаем совершенно недопустимым. В языке встречаются как сильно фразеологизованные словосочетания, так и сложные лексемы, построенные по регулярным моделям и совершенно прозрачные по своей семантике, так что фразеологизованность сама по себе не

может использоваться для различения сложных лексем и словосочетаний.

7.2. Определение сложного$_1$ и сложного$_2$. Зафиксировав важность проведения различия (часто затушевываемого) между сложным$_1$ (= синхроническим, т. е. продуктивным на 100% и семантически прозрачным) и сложным$_2$ (= диахроническим, т. е. более или менее фразеологизованным), мы можем перейти к соответствующим определениям.

Определение V.10: сложное в сильном смысле (= сложное$_1$)

Лексема L называется *сложной в сильном смысле*, или *сложной$_1$*, если ее основа $\mathbf{R}$(L) представима через два или более корней $\mathbf{R}_1$, $\mathbf{R}_2$ ..., метаоперацию $\oplus$ и, возможно, еще какие-то знаки $\mathbf{s}_i$ и/или незначащие операции (в частности чередования $\mathbf{A}_j$).

Символически:

$$\text{L является сложной}_1 \underset{\text{Def}}{\equiv} \mathbf{R}(\text{L}) = \oplus\{\mathbf{R}_1, \mathbf{R}_2, \ldots (\mathbf{s}_i, \mathbf{A}_j)\}$$

Комментарии к Определению V.10

1. В соответствии с этим определением сложная$_1$ лексема (= сложная в сильном смысле) не должна заноситься в словарь: она строится строго по правилам из корней, имеющихся в языке, и не обнаруживает никаких следов фразеологизации. Более того: с чисто теоретической точки зрения вообще никакие сложные$_1$ лексемы данного языка не могут быть помещены в словарь — по той простой причине, что их число, вообще говоря, бесконечно. Сложная$_1$ лексема теоретически может содержать неограниченное число корней, из чего сразу логически следует бесконечность множества сложных$_1$ лексем. В этом плане сложные$_1$ лексемы ближе к словосочетаниям или даже к целым фразам, чем к не-сложным лексемам. (О бесконечности множества высказываний в естественном языке см. Часть первая [том 1], Глава II, § 3, с. 127.) Сложные$_1$ словоформы должны поэтому синтезироваться (и анализироваться) правилами модели языка, точнее говоря — морфологическими правилами.

2. Как уже указывалось выше, корень, входящий в сложную$_1$ словоформу в качестве определения к другому корню, может иметь при себе свои собственные словоизменительные аффиксы. Сравним следующие две серии финских сложных$_1$ существительных:

(17) финский

а. *finaali* + *ottelu* 'финальное состязание'
финал состязание

	finaali + *näytäntö*			‘заключительный спектакль’
		спектакль		
	kieli + *ryhmä*			‘языковая группа’
	язык	группа		
	kieli + *virhe*			‘языковая ошибка’
	язык	ошибка		
b.	*kiel*	+ ***en***	+ *harjoitus*	‘языковое упражнение’
	язык	ЕД.ГЕН	упражнение	
	kiel	+ ***en***	+ *opettaja*	‘преподаватель (иностранного) языка’
	язык	ЕД.ГЕН	преподаватель	
	koti	+ ***in***	+ *tulo*	‘прибытие домой’
	дом	ЕД.ИЛЛАТ	прибытие	
	koti	+ ***in***	+ *kutsu*	‘звонок домой’
	дом	ЕД.ИЛЛАТ	звонок	
	koti	+ ***in***	+ *lähtö*	‘отъезд домой’
	дом	ЕД.ИЛЛАТ	отъезд	
	maa	+ ***llä***	+ *olo*	‘пребывание в деревне’
	деревня	ЕД.СУПЕРЭС[14]	пребывание	
	eläkkee	+ ***llä***	+ *olo*	‘пребывание на пенсии’
	пенсия	ЕД.СУПЕРЭС	пребывание	

В (17a) корень-определение выступает сам по себе, а в (17b) за этим корнем идет падежный суффикс. Говоря точнее, первый компонент сложной$_1$ словоформы в (17b) тождествен целой словоформе: *kielen* ‘язык, ЕД.ГЕН’, *kotiin* ‘дом, ЕД.ИЛЛАТ’, *maallä* ‘деревня, ЕД.СУПЕРЭС’, *eläkkeellä* ‘пенсия, ЕД.СУПЕРЭС’.

Подведем итог. Итак, компонентом основы в сложной$_1$ словоформе может быть:

- корень (= простая основа);
- производная$_{1/2}$ или сложная$_{1/2}$ основа;
- комплекс знаков, тождественный целой словоформе.

Из-за существования этого последнего случая часто говорят о СЛОВОСЛОЖЕНИИ (фр. *composition de mots*, англ. *word compounding*, нем. *Wortzusammensetzung*). Этот термин не кажется нам, однако, подходящим, поскольку «сложение слов» — это всего лишь один частный случай просто сложения (или сложения основ вообще). Поэтому мы будем пользоваться термином ***сложение***; в дальнейшем, если не оговорено противное, мы рассматриваем только сложение корней.

Отметим также, что часть сложной$_1$ словоформы, совпадающая с некоторой другой цельной словоформой, в данном контексте сама словоформой не является: ведь словоформы не могут быть компонентами других словоформ! Так, в (17а) в сложной$_1$ словоформе *kieliryhmä* 'языковая группа' первый компонент *kieli* формально совпадает с цельной словоформой **kieli** 'язык'. Однако словоформа **kieli** содержит два нулевых суффикса, обозначающие 'ед. ч.' и 'номинатив', тогда как в составе данной сложной$_1$ словоформы это ***kieli*** не несет значения единственного числа и не может стоять в номинативе. Это просто корень, «очищенный» от всех словоизменительных суффиксов. (Ср. обсуждение близких проблем в Части первой [том 1], Глава 4, § 2, **2.7**, пример (12), с. 192 и сл., и § 4, пример (4), с. 227 и сл.) Отсюда следует, что термин **словосложение* в нашей номенклатуре считается запрещенным.

Определение V.11: сложное в слабом смысле (= сложное$_2$)

Лексема L называется *сложной в слабом смысле*, или *сложной$_2$*, если ее основа **R**(L) всего лишь квазипредставима по означающему через два или более корней $\mathbf{R}_1$, $\mathbf{R}_2$ ..., метаоперацию $\oplus$ и, возможно, еще какие-то знаки $\mathbf{s_i}$ и/или чередования $\mathbf{A_j}$.

Символически:

$$\text{L является сложной}_2 \underset{\text{Def}}{\equiv} \mathbf{R}(\text{L}) \underset{\text{«по означающему»}}{\cong} \oplus\{\mathbf{R}_1, \mathbf{R}_2, \ldots (\mathbf{s_i}, \mathbf{A_j})\}$$

Сложная$_2$ основа представляет собой квазиморфу.

Определение V.12: (морфологическое) сложение

Операция объединения двух или более корней в составе одной основы называется (*морфологическим*) *сложением.*

Сложение — это частный случай метаоперации объединения $\oplus$: в данном случае операция $\oplus$ применяется к сегментным знакам (ср. Часть первая [том 1], Глава III, § 1, **3**, с. 131 и сл.), точнее говоря, к корням; здесь никоим образом нельзя усматривать языковую операцию, которая могла бы быть значащей и находиться в той же плоскости, что и чередование, редупликация$_1$ или конверсия$_1$. Сложение — это один из ***морфологических способов***, к которым мы вернемся ниже, в Главе VI, с. 369 и сл. Причем это именно морфологический способ, поскольку он применяется исключительно в пределах словоформы, или, лучше сказать, результат его применения является словоформой — точно так же, как в случае аффиксации или апофонации (см. Главу VI, **3.2.5**, с. 384); однако (и в этом состоит его отличие от аффиксации или апофонации) морфологическое сложение ни в коей мере не является грамматическим способом, поскольку служит для выражения лексических

значений (ср. класс 1 языковых значений в Части первой [том 1], Глава V, § 4, **5**, с. 315).

Само собой разумеется, что для нас в этом отношении сложение$_1$ и сложение$_2$ — вещи совершенно разные. Первое — это свободная синхроническая метаоперация, посредством которой в языке постоянно вновь и вновь создаются сложные$_1$ лексемы. Второе, напротив, — диахроническая «окаменелость», т. е. метаоперация, приведшая в свое время к созданию сложных$_2$ лексем; все такие лексемы должны храниться в словаре в готовом виде и не могут быть предметом описания в действующей морфологической модели.

7.3. Свойства сложных$_1$ лексем. Следующие пять проблем заслуживают специального рассмотрения:

- Часть речи корней-компонентов в составе сложной$_1$ лексемы.
- Форма корней-компонентов.
- Порядок корней-компонентов.
- Интерфиксы.
- Морфологическое сложение и производность (в составе одной и той же словоформы).

1. Часть речи корней-компонентов в составе сложной$_1$ лексемы

Корни, объединяемые посредством морфологического сложения в составе одной основы, могут относиться к каким угодно частям речи: и определяемый, и определяющий корень может быть существительным, или прилагательным, или глаголом, или наречием. Если принять, ради простоты, четырехчленную систему частей речи (перечисленных в Части четвертой КОМ-а [том 3], Глава II, § 1, **2**, 3, с. 183–184) и указывать направление семантической зависимости стрелкой, идущей от определяемого к определению, логически возможны следующие 16 типов двухкомпонентных сложных лексем:

N ⟵ N	A ⟵ N	Adv ⟵ N	V ⟵ N
N ⟵ A	A ⟵ A	Adv ⟵ A	V ⟵ A
N ⟵ Adv	A ⟵ Adv	Adv ⟵ Adv	V ⟵ Adv
N ⟵ V	A ⟵ V	Adv ⟵ V	V ⟵ V

Все эти типы и в самом деле представлены в естественных языках, хотя и с разной степенью распространенности.

Примеры

(18) **а.** N ⟵ N: венгерский [символом «´» обозначается долгота гласной]

papír + **gyár** букв. ‘бумага завод/фабрика’ = ‘бумажная фабрика’

cukor + **gyár** букв. ‘сахар завод/фабрика’ = ‘сахарный завод’

autó + **gyár** букв. ‘автомобиль завод/фабрика’ = ‘автомобильный завод’

gáz + **gyár** букв. 'газ завод/фабрика'
bőr + **gyár** букв. 'кожа завод/фабрика' = 'кожевенный завод'
gép + **gyár** букв. 'станок завод/фабрика' = 'станкостроительный завод'

b. N ⟵ $V_{\text{причастие}}$: санскрит [символом «´» обозначается ударение]
diví +**cara** /čara/ букв. 'небо путешествующий' = 'путешествующий по небу'
rāyás+**kama** букв. 'богатство желающий' = 'желающий богатств'
jyotíṣ+**kṛt** /ǰjotíšḳṛt/ букв. 'свет создающий' = 'создающий свет'
loká +**kṛt** букв. 'мир(ы) создающий' = 'создатель миров'

c. V ⟵ V: пайюте

tɨxʷīña	+ ***tɨvʷɨ̄tcu***	+ *pɨɣai*	+ *ʔŋwa*
рассказывать	просить	ПРОШ	3ЕД.ОБ

[истории]
'[Он/Она] просил(а) его/ее рассказать историю'.

nɨvʷá	+ ***raton?ni***	+ ***tɨŋwavā***	+ *pɨɣai*
снег	стряхивать.с.ног	делать.шум	ПРОШ

'[Он/Она] шумно стряхивал(а) снег с ног'.

paɣain?ni	+ ***tɨvʷitcu?a***	+ *pɨɣai*
ходить	учиться	ПРОШ

'[Он/Она] учился/училась ходить'.

NB: Примерами (18c) иллюстрируется некий особый случай морфологического сложения, называемый ***инкорпорацией***; он будет разбираться в разделе **7.7**, с. 126 и сл.

d. N ⟵ A: финский

saven	+ **harmaa**	букв. 'глины серый' = 'серый как глина'
raudan	+ **luja**	букв. 'железа твердый' = 'твердый как железо'
kahvin	+ **ruskea**	букв. 'кофе коричневый' = 'коричневый как кофе'
hallan	+ **arka**	букв. 'холода чувствительный' = 'чувствительный к холоду'
valon	+ **arka**	букв. 'света чувствительный' = 'чувствительный к свету'
itkun	+ **herkkä**	букв. 'слезы склонный' = 'склонный к слезам'

NB: Первый компонент представляет собой существительное в генитиве.

e. V ⟵ A: баскский

ikus	+ **gura**	букв. 'видеть желающий' = 'желающий видеть'
saldu	+ **gura**	букв. 'продать желающий' = 'желающий продать'
ahantz	+ **gura**	букв. 'забыть желающий' = 'желающий забыть'

Языки мира сильно различаются по тому, какие части речи они допускают или предпочитают при морфологическом сложении$_1$. Так, в индоевропейских языках (немецком, английском, русском, греческом, ...) использование глагольного корня в качестве определяемого (подчиняющего) компонента — это большая редкость. Сложные глаголы типа англ. [*to*] **brainwash** ['мозг + мыть'] 'промывать мозги' или [*to*] **guest-lecture** ['гость + читать лекцию'] 'читать лекцию или университетский курс в качестве приглашенного профессора', где корень существительного подчинен глагольному корню, обычно не могут свободно образовываться говорящим в речи. Напротив, в ирокезских языках (мохаук, онейда, ...) использование глагольных корней в качестве семантически определяемого компонента носит совершенно регулярный характер: в речи на этих языках изобилуют глаголы вроде таких глаголов из языка онейда, как *jo* + *t* + ***ʔaʃ*** + ***izum*** букв. '[Оно = безличное] следо-закончилось' = 'След оборвался' [**jo-** = 'Зед, не-муж' (безличность), **t-** = 'пассив', **ʔa** = 'след', **izum** = 'закончиться'] или *lun* + *d* + ***nagláʔsl*** + ***ezaks*** + *gweʔ* букв. '[Оно] деревне-искалось ими' = 'Ими велись поиски деревни/деревень' [**lun-** = 'Змн муж', **d-** = 'пассив', **nagláʔsl** = 'деревня', **ezaks** = 'искать', **gweʔ** = 'имперфект']. Это тоже случаи так называемой инкорпорации, уже упоминавшейся выше в связи с примером (18c).

2. Форма корней-компонентов

Здесь следует различать три случая:

• Корень остается в своей исходной форме, т. е. в составе сложной$_1$ лексемы корень имеет ту же форму, что и во всех прочих случаях.

• В составе сложной$_1$ лексемы форма корня меняется; чаще всего семантически определяющий корень усекается. Так, в русском языке основы прилагательных при вхождении в состав сложных$_1$ лексем усекаются по правилу (5a) (см. это правило в Части третьей [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, с. 66):

(19) русский
санитарн(-ый) $\Longrightarrow$ *сан-*:
***сан**врач*, ***сан**пункт*, ***сан**обработка*, ***сан**поезд*, ***сан**просвещение*, ...
техническ(-ий) $\Longrightarrow$ *тех-*:
***тех**персонал*, ***тех**помощь*, ***тех**пропаганда*, ***тех**пункт*, ***тех**просвещение*, ...

В языке сора корень существительного, когда он служит семантическим определением к глагольному корню, теряет свой начальный и/или конечный элемент:

(20) язык сора
əʃjōn $\Longrightarrow$ *jō*:

Amin ŋat	+ ***jō***	+ *ten*	'Он ловит рыбу'.
он охотиться	(на) рыбу	НАСТ.ЗЕД	

(Дальше, в Главе VIII, **3**, 6, (28b), с. 436, будут приведены еще и другие примеры усечения инкорпорированных корней в сора.)

См. также ниже, пример (21) на усечение корней в роли определения в языке яна.

• Данный корень (без словообразовательных аффиксов) не может употребляться иначе как в составе сложной$_1$ лексемы. Так обстоит дело, к примеру, с русским корнем **вод-**: он может выступать исключительно в качестве второго компонента (= определяемого корня) в сложных$_1$ существительных типа **свино + вод**, **коне + вод**, **кролико + вод** и т. п. Еще один русский корень — **еже-** — употребляется только в качестве первого компонента (= определяющего корня) в сложных$_1$ (и, одновременно, производных$_1$) прилагательных типа **еже + секунд + н**(-*ый*), **еже + минут + н**(-*ый*), **еже + час + н**(-*ый*), **еже + год + н**(-*ый*), и т. д.[15]

3. Порядок корней-компонентов

Так же как и все модификаторы на уровне поверхностного синтаксиса, корень-модификатор может как предшествовать определяемому корню, так и следовать за ним. Во всех примерах сложных$_1$ лексем, приводившихся до сих пор, была представлена «препозиция» корня-определения; теперь мы приведем пример «постпозиции» корня-определения в сложной$_1$ лексеме.

(21) яна

a. *mit'* + ***áu*** + ***gumma*** + *n?t^h*
иметь огонь действительно 3МН.ИНД. ПРОШ.УДАЛ(енное)
'У них действительно был огонь'.
[**au** — это сокращенная форма от **auna** 'огонь']

b. *mits'* + ***wawā*** + *ʕ!*
иметь дом ИМПЕР
букв. 'Имей дом' = 'Вселяйся [и живи как дома]'.

c. *mits'* + ***amáits'ts'gi*** + *si* + *nu* 'У тебя есть дети'.
иметь ребенок ИНД.НАСТ 2ЕД

d. *k'ut* + ***xái*** + *si* + *nža*
хотеть вода ИНД.НАСТ 1ЕД
'Я хочу воды' = 'Я хочу пить'.
[**xai** — это сокращенная форма от **xana** 'вода']

e. *k'un* + ***miyáu*** + *si* + *nža* 'Я хочу есть'.
хотеть пища ИНД.НАСТ 1ЕД
[**miyau** — это сокращенная форма от **mȳyauna**]

Ср. пример (5), § 4, Глава IV, Часть первая [том 1], с. 229.

4. Интерфиксы

При морфологическом сложении корни могут располагаться контактно — см. примеры из венгерского языка (18a), языка пайюте (18c), русского (19), сора (20) и яна (21). Но может быть и так, что они соединяются между собой специальными элементами, называемыми ***интерфиксами***: см. Определение V.19, § 3 настоящей главы, **3.1**, с. 170, и те примеры, которые там приводятся (с. 178).

Как указывалось ранее (**7.2**, комментарий 2, с. 99), в сложной$_1$ лексеме вида $\mathbf{R}' \longleftarrow \mathbf{R}$ определяющий корень $\mathbf{R}'$ может быть снабжен своими собственными словоизменительными аффиксами, скажем, суффиксами числа или падежа (если корень $\mathbf{R}'$ — субстантивный). Такого рода словоизменительные аффиксы не следует принимать за интерфиксы. Напомним еще раз, что в сложной$_1$ лексеме интерфиксы МОГУТ СТОЯТЬ ТОЛЬКО МЕЖДУ ДВУМЯ КОРНЯМИ. В немецкой сложной$_1$ лексеме *Konstruktion* + ***s*** + *muster* букв. 'конструкция образец' = 'образец конструкции' **-s-** является именно интерфиксом, поскольку выражение **Konstruktions* в качестве отдельной словоформы невозможно (существительные женского рода типа *Konstruktion* ни в каких случаях не принимают суффикс **-s**). Однако в русских сложных$_1$ лексемах *тр* + ***ёх*** + *этаж* + *н* + *ый* или *сем* + ***и*** + *метр* + *ов* + *ый* аффиксы **-ёх** и **-и** интерфиксами не являются: формы **трёх** и **семи** представляют собой вполне нормальные грамматические образования с обычными суффиксами родительного падежа **-ёх** и **-и** (см. ниже).

5. Морфологическое сложение и производность

Во многих случаях сложение$_1$ обязательно сопровождается производностью$_1$, причем внутри той же самой основы.

Примеры

(22) русский

восьми	+ *тонн*	+ ***н***	(*-ый*)
трех	+ *мачт*	+ ***ов***	(*-ый*)
десяти	+ *лет*	+ ***н***	(*-ий*)
шестнадцати	+ *час*	+ ***ов***	(*-ый*)

Здесь **-н** и **-ов** представляют собой словообразовательные суффиксы, с помощью которых от существительных образуются абстрактные прилагательные (а **-ый** и **-ий** — это флективные суффиксы прилагательных со значением ЕД.МУЖ.ИМ). Следует отметить, что прилагательные ***тонный**, ***мачтовый**, ***летний** и ***часовый** в русском языке не существуют (по крайней мере, они не существуют в тех значениях, которые представлены здесь: ≈ 'имеющий/продолжающийся ...'). Компонент-числительное (= определя-

ющий компонент) стоит в родительном падеже (ср. обсуждение этого случая в Главе II, § 1, **2.6**, 1, (11), с. 55).

(23) дьяру

jagu + *ŋap* + *u* + ***waḑi***
рыба есть ГЕРУНД (дея-)ТЕЛЬ
'тот, кто ест (много) рыбы' [англ. *fish-eater*]

ŋawulu + *bad* + *man* + *u* + ***waḑi***
грудь трогать делать ГЕРУНД (дея-)ТЕЛЬ
'тот, кто (часто) трогает женщин (за) грудь'
[англ. *women-breast-toucher*]

ḑaru + *map* + *u* + ***waḑi***
(язык) дьяру говорить ГЕРУНД (дея-)ТЕЛЬ
'тот, кто говорит на дьяру' [англ. *Dyaru-speaker*]

Такие сложные$_1$ лексемы возможны в дьяру только с суффиксом **-waḑi**: формы типа ***jaguŋaŋu**, ***ŋawulubadmanu** или ***ḑarumaŋu** оказываются недопустимыми.

(24) английский

blue-ey + ***ed*** 'голубоглазый'
British-officer + ***ed*** 'имеющий (в своем составе) британских офицеров'
three-head + ***ed*** 'трехголовый'
hot-blood + ***ed*** букв. 'горячекровый' = 'горячий, вспыльчивый'
canary-color + ***ed*** 'канареечного цвета'
hook-shap + ***ed*** 'имеющий форму крюка'

Для правильного понимания устройства сложной$_1$ словоформы, содержащей словообразовательный элемент, важно учитывать, в каком порядке в рамках данной лексемы действуют морфологическое сложение и словообразование. Так, древнегреческий глагол **sarkophagé**(-$\bar{o}$) 'я ем мясо' [**sarkos** 'мясо'; **phag**(-$\bar{o}$) 'я ем'] нельзя считать сложной$_1$ словоформой вида N ⟵ V, в которой субстантивный корень **sark-** 'мясо' присоединяется к глагольной основе ***phage-**, поскольку такой основы не существует (в древнегреческом нет словоформы ***phageō**). Здесь мы видим словообразование — превращение исходной сложной$_1$ субстантивной основы **sarkophág**(-*os*) 'поедатель мяса' (= сложение$_1$ вида N ⟵ N) в глагольную основу при помощи суффикса **-e**. Другими словами, правильный порядок операций здесь такой:

сначала: морфологическое сложение$_1$ вида N ⟵ N,
затем: образование производного$_1$ глагола от этого сложного$_1$ существительного,

а не

*сначала: образование производного$_1$ глагола от некоторого исходного глагола,

затем: морфологическое сложение$_1$ вида N ⟵ V, т. е. присоединение субстантивного корня к этой производной$_1$ глагольной основе.

Похожие случаи легко найти также и в английском. Со строго синхронной точки зрения глагол [*to*] *typewrite* 'печатать на машинке' не есть сложная$_1$ лексема типа N ⟵ V (*type* '(печатный) шрифт' + *write* 'писать'). Это производное (полученное путем «обратного словообразования»: ср. Глава VI, 4, 2, с. 388) из сложной$_1$ лексемы типа N ⟵ N *typewriter* 'пишущая машинка'. Обосновать это можно следующим образом: СЕМАНТИЧЕСКИ глагол [*to*] *typewrite* 'печатать на пишущей машинке', равно как и его более употребительный точный синоним [*to*] *type*, оказывается более сложным, чем существительное *typewriter* 'пишущая машинка':

TYPEWRITER = 'устройство для печатания букв на бумаге с использованием клавиатуры ...'

TYPEWRITE = 'использовать *typewriter* по назначению ...'.

(Ср. похожую ситуацию с парой [*a*] PHONE vs. [*to*] PHONE в Части третьей [том 3], Глава III, 5, с. 154.)

Аналогичным образом глагол [*to*] *blacklist* 'заносить в черный список' нельзя считать сложной словоформой типа A ⟵ V (хотя в данном случае глагол [*to*] *list* 'заносить в список' существует): этот производный$_1$ глагол образован при помощи конверсии от сложного$_2$ существительного *blacklist* 'черный список' типа A ⟵ N. Глаголы такого типа, называемые ***псевдосложными***, в английском языке встречаются в изобилии: [*to*] *spotlight* 'высветить кого-л./что-л. прожекторами', [*to*] *daydream* 'грезить наяву', [*to*] *rubberstamp* 'ставить печать, механически утверждая какое-л. решение', [*to*] *road-test* 'испытывать [что-л., например автомашину] в дорожных условиях', [*to*] *sidetrack* 'отводить на запасный путь/уводить обсуждение от существа вопроса', и т. п.

7.4. Внешние свойства сложных$_1$ лексем. Этим свойствам будет дана обычная троякая характеристика: они будут рассмотрены с точки зрения означаемого, означающего и синтактики.

1. Означаемое сложной$_1$ лексемы

Здесь следует обсудить две типичных особенности означаемого сложных$_1$ лексем: семантические отношения между составляющими их компонентами и нереференциальный характер определяющего корня.

Смысловые отношения между компонентами внутри сложной$_1$ лексемы

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ между определяемым и определяющим корнями внутри сложной$_1$ основы практически те же самые, что выражаются глубинно-синтаксическими отношениями, — но с двумя исключениями:

• в сложной$_1$ основе исключается «аппендитивное» отношение (APPEND; см. Введение [том 1], Глава II, **2**, с. 58);

• актантное отношение **I** (≈ субъектное) возможно только в том случае, когда актант **I** не выражает АКТИВНОГО ДЕЯТЕЛЯ[16].

Сказанное справедливо лишь в общем и целом. В том или ином конкретном языке в сложных$_1$ основах могут допускаться далеко не все типы смысловых отношений между составляющими корнями. Однако для всякого глубинно-синтаксического отношения — за исключением двух, указанных выше, — всегда можно найти язык, в котором это отношение между корнями в сложной$_1$ основе будет представлено.

Конкретно это означает, что между двумя корнями — $\mathbf{R}'$ (= определяющим) и $\mathbf{R}$ (= определяемым) — в составе сложной$_1$ основы может иметь место одно из следующих отношений:

- координативное (= сочинение любого типа);
- актантное (= всевозможные субъекты, объекты и дополнения, за исключением актанта, выражающего активного деятеля);
- атрибутивное (= всевозможные определения-модификаторы).

Проиллюстрируем все эти случаи соответствующими примерами.

Сложные$_1$ основы с сочинительным отношением

Для сложных$_1$ основ с сочинительным отношением часто используются еще и другие термины:
- лат. *compositum copulativum*;
- санскр. *dvandva* ‘пара’.

(25) **a.** санскрит
deva + *gandharva* + *mānuṣāḥ* ‘боги, духи, люди’
aho + *rātrám* (= *ahan* + *rātri*) ‘день [и] ночь’
sukha + *duḥkhaḥ* ‘счастье [и] несчастье’
mitrā́ + *váruṇā*(*-u*) ‘Митра [и] Варуна’
pitā + *putrā*(*-ú*) ‘отец [и] сын’
[две последние словоформы стоят в двойственном числе: суффикс **-u**]

b. русский [**-о-** является интерфиксом]
русск + *о* + *французск*(*-ий*) [например, словарь]
португальск + *о* + *испан* + *о* + *английск*(*-ий*) [например, о международных переговорах; о словаре же следует сказать *португальск* + *о* + *испанск* + *о* + *английск*(*-ий*), употребив другую основу, которая означает ‘относящийся к испанскому языку’, а не ‘относящийся к Испании’]

герман + о + китайск(-ий) [о международных связях или переговорах; о словаре же, как и выше, надо сказать *немецк + о + китайск(-ий)*, употребив другую основу, относящуюся, скорее, к языку, чем к стране].

По поводу затронутой здесь проблемы двух прилагательных ('относящийся к языку X' vs. 'относящийся к стране X') см. замечание в конце раздела, **7.6**, с. 126.

Сложные$_1$ основы с актантным отношением

Для сложных$_1$ СУБСТАНТИВНЫХ основ с актантным отношением часто употребляется еще термин санскр. *tatpuruṣa* 'его слуга'.

Субъектное отношение

(26) **a.** онейда

jo + *nanj* + *ó* + *de*
ЗЕД.НЕ-МУЖ камень Тем(атический) Эл(емент) стоять-ПРОШ
букв. '[Оно-]камнестояло' = '[Там] стоял камень'.
[особая безличная конструкция]

ni + *ona* + *dlas* + *ó* + *dan*
таков ЗМН.МУЖ судьба Тем.Эл. стоять-БУД
букв. '[Они-]таковой-судьбы-будут' = 'Их судьба будет такова'.

b. мохаук

ka + *ʔwahr* + *ákon* 'Мясо вкусное'.
ЗЕД мясо быть.вкусным = букв. '[Оно-]есть-мясо-вкусно'.

ka + *sahe?t* + *ákon* 'Бобы вкусные'.
ЗЕД бобы быть.вкусным

ka + *sahe?t* + *erāken* + *ákon* 'Белые бобы вкусные'.
ЗЕД бобы быть.белым быть.вкусным

NB: Следует обратить внимание, что в приведенных выше примерах субъектных сложных$_1$ основ семантические субъекты не являются активными деятелями. См. по этому поводу Kiefer 1992: 65–68.

В примере (26) мы видим сложные$_1$ словоформы, эквивалентные целым предложениям. Такие словоформы типичны для ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИХ языков, в которых весьма распространена ***инкорпорация***: см. далее **7.7**, с. 126 и сл.

Комплетивные отношения

Существенно подчеркнуть, что под КОМПЛЕТИВНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ мы понимаем здесь не только отношения, соответствующие разным допол-

нениям, но и отношения, соответствующие всевозможным обстоятельствам (места, причины, цели, ...). Это не совсем законное употребление терминов, поскольку обстоятельствами выражаются не комплетивные, а атрибутивные отношения. Однако с формальной точки зрения обстоятельства трактуются языком в сложных$_1$ основах, как кажется, неотличимо от настоящих дополнений; это и оправдывает некоторую терминологическую неаккуратность. (Более строгим решением было бы введение, только для сложных$_1$ основ, некоторых аналогов ПОВЕРХНОСТНО-синтаксических отношений, и соответствующее видоизменение терминологии — с целью сделать ее более удобной для решения задачи описания сложных$_1$ лексем.)

(27) **a.** санскрит

cāura + *bhayám* 'воры + страх' = 'боязнь воров'
pādodakám [⟸ *pāda* + *udakam*] 'нога + вода' = 'вода для (мытья) ног'
çivá + *rakṣita* 'Шива + оберегаемый' = 'оберегаемый Шивой'

b. русский

мост + *о* + *строительн*(*-ый*)
танк + *о* + *строительн*(*-ый*)
дом + *о* + *строительн*(*-ый*)

c. английский

Определяемый элемент — причастие настоящего времени (активное)

freedom-loving	'свободу любящий'
God-fearing	'Бога боящийся'
mind-filling	'мысли заполняющий'
heart-piercing	'сердце пронзающий'
awe-inspiring	'почтение внушающий'

Определяемый элемент — причастие прошедшего времени (пассивное)

growth-oriented	букв. 'рост ориентированный' = 'ориентированный на рост'
factory-sealed	букв. 'фабрика запечатанный' = 'запечатанный на фабрике, в заводской упаковке'
Norse-derived	букв. 'древне-норвежский произведенный' = 'произведенный от древне-норвежского'
Canada-related	букв. 'Канада связанный' = 'связанный с Канадой'
world-proven	букв. 'мир апробированный' = 'апробированный во всем мире'

d. науатль

ø + *tēlpōč* + *nēki* + *ø* + *ø*
3.СУБ молодой. казаться ИНД.НАСТ ЕД.СУБ
человек
'Он кажется молодым' = 'Он выглядит как молодой человек'.

ø + *ki* + *tētzam* + *mati* + *ja* + *h*
3.СУБ 3ЕД.ОБ дурное. больше.не. ИНД. МН.СУБ
предзнаменование считать ПРОШ
'Они больше не считают это дурным предзнаменованием'.

ni + *mitz* + *tlakoh* + *kwepa* + *ø* + *ø*
1.СУБ 2ЕД.ОБ раб делать ИНД.НАСТ ЕД.СУБ
'Я тебя делаю рабом'.

В (27d) субстантивный корень, определяющий глагольный корень, играет роль предикативного дополнения (в первой фразе он семантически связан с субъектом, а в последних двух фразах — с объектом).

Сложные$_1$ основы с атрибутивным (= модификативным) отношением

Для сложных$_1$ основ, в которых первый компонент выполняет роль определения по отношению ко второму, часто используется также еще термин санскр. *karmadhāraya* букв. 'деяние помнящий' = 'помнящий о деяниях'[17].

(28) санскрит
kṛṣṇāya (= kṛṣṇa + aya) 'черная лошадь'
sú + puruṣa 'хороший человек'
atí + bhaya 'чрезмерный страх'

(29) **a.** санскрит
puruṣa + sinha букв. 'человек-лев' = 'человек, похожий на льва'
rāja + ṛṣabha букв. 'король-бык' = 'король, похожий на быка'
ghana + çyāma букв. 'темный-туча' = 'темный как туча'

b. науатль

ni + *mākēhual* + *lahtoa* + *ø* + *ø*
1.СУБ крестьянин говорить ИНД.НАСТ ЕД.СУБ
букв. '[Я] крестьянин-говорю' = 'Я говорю как крестьянин'.

ni + *k* + *šoči* + *temoa* + *ø* + *ø* *kwīkatl*
1.СУБ 3.ОБ цветок искать ИНД.НАСТ ЕД.СУБ песня
букв. '[Я] цветко-ищу песню' = 'Я ищу песни как цветы'.

Нереференциальный характер определяющего корня в составе сложной$_1$ лексемы

Определяющий корень в составе сложной$_1$ лексемы употребляется чаще всего (а в некоторых языках — и всегда) НЕРЕФЕРЕНЦИАЛЬНО. Он обычно не имеет в качестве денотата какой-либо конкретный объект; можно даже сказать, что у него вообще нет денотата: он обозначает просто свойства того класса объектов, которые являются его денотатами при его независимом употреблении (= при употреблении вне сложной$_1$ лексемы). Так, в немецком языке денотатом корня *Wort* 'слово' в составе сложной$_1$ лексемы *Wort* + *grenze* 'словесная [= межсловная] граница' не является какое-то конкретное слово, ВОТ ЭТО слово; при помощи этого корня характеризуется некий тип морфологической границы — 'между словами вообще' = 'между любыми двумя словами'.

Когда говорящему надо осуществить референцию к конкретному объекту, сущности или событию, он пользуется словосочетанием, где каждый корень употреблен в своей отдельной словоформе. И только когда речь идет о сигнификации без референта, о некоторой обобщенной характеризации, об уточнении способа или манеры выполнения некоторого действия, — вот тогда говорящий выбирает сложную$_1$ лексему. Даже когда определяющий корень должен обозначать некоторый конкретный, частный факт, желательно, чтобы это был факт, так или иначе связанный с определяемым корнем некоторой ВНУТРЕННЕЙ естественной (а не случайной) связью. Так, например, более вероятно наличие сложной$_1$ лексемы со значением 'НАПИСАТЬ письмо' или 'дом, ПОСТРОЕННЫЙ из дерева', чем, скажем, сложной$_1$ лексемы со значением 'увидеть письмо' или 'дом, сто́ящий дорого'[18].

Именно эта нереферентность или слабая референтность определителя во многих языках лежит в основе противопоставления сложных$_1$ лексем и соответствующих им словосочетаний

Примеры

(30) **а.** онондага

wa? + *ha* + *hnínu* + *?* (*ne?*) *o* + *je?kw* + *a?*

ИНД. ЗЕД покупать ПЕРФ ОПР табак СУБСТАНТ(иватор)

ПРОШ

'[Он] купил табак/табаку'.

vs.

wa? + *ha* + ***je?kwa?*** + *hnínu* + *?*

'[Он] купил что-то вроде табака', 'Он совершил покупку вроде покупки табака'.

b. чукотский[19]

tə + *γənrit* + *ø* + *ən* + *et* *qora* + *t*
1.ЕД.СУБ пасти АОР 3.ОБ МН олень МН.НОМ
'Я пас [каких-то/этих] оленей'.
vs.
tə + ***qora*** + *γənret* + *ø* + *γ?ak*
1.ЕД.СУБ олень пасти АОР 1.ЕД.СУБ
букв. 'Я оленепас = Я был оленепасом'.

[В первой фразе глагол является переходным, и прямое дополнение стоит в номинативе: здесь перед нами эргативная конструкция. Если бы в ней было эксплицитно выраженное подлежащее, то оно стояло бы в эргативе. Во второй фразе глагол непереходный: у него нет показателя объекта; эксплицитно выраженное подлежащее стояло бы при нем в номинативе.]

? 9 Объясните, почему основа глагола 'пасти' в двух фразах в примере (30b) имеет две разные формы.

Интересный пример семантического контраста между сложной$_1$ лексемой и соответствующим словосочетанием представлен в языке рембарнга:

(31) рембарнга

a. *tin?* *paŋa* + ***waṇṭa*** + *na* + *ø*
женщина 1ЕД.СУБ-3МН.ОБ след видеть ИНД. АОР
vs.
b. *tin?* *waṇṭa* + *parrə* *ŋa* + *na* + *ø*
женщина след.ЕД ПОС. 3МН 1ЕД.СУБ-3ЕД.ОБ видеть ИНД. АОР

Обе эти фразы можно перевести как 'Я видел след женщин'. Однако они вовсе не синонимичны: первая означает 'Я видел женщин — в отношении их следов' = 'Я следо-видел женщин', и смысл 'след' при этом не референтный; вторая же означает действительно 'Я видел след, оставленный женщинами', и здесь 'след' вполне референтен. В (31a) прямым дополнением служит существительное *tin?* 'женщина', и его множественное число указывается префиксом **paŋa-** сложного$_1$ глагола, согласующегося со своим подлежащим и со своим прямым дополнением; в (31b) прямым дополнением является субстантивное словосочетание *tin? waṇṭaparrə* 'след женщин', где множественное число 'женщин' закодировано в притяжательном суффиксе **-parrə** 'их' [букв. 'женщина след-их'].

1. Следует подчеркнуть, что указанная черта сложных$_1$ лексем — нереференциальность определяющего корня — представляет собой всего лишь тенденцию, но никак не строгую закономерность.

Порой в языках можно встретить и такие сложные$_1$ лексемы, в которых определяющие корни полностью сохраняют свой денотативный потенциал.

2. В примерах (30) и (31) представлена инкорпорация: см. **7.7**, с. 126 и сл.

2. Означающее сложной$_1$ лексемы

Означающее сложной$_1$ лексемы может не подчиняться общим правилам, регулирующим структуру словоформ в рассматриваемом языке. (Это верно также и для сложных$_2$ лексем, однако сейчас мы говорим только о сложных$_1$ лексемах.) Такое «из ряда вон выходящее» поведение сложных$_1$ лексем обусловлено тем, что сложные$_1$ лексемы представляют собой на самом деле языковые единицы, промежуточные между словоформами и словосочетаниями. Приведем два примера подобных отклонений.

• У сложной$_1$ лексемы может быть иная АКЦЕНТНАЯ СТРУКТУРА, чем обычно бывает у лексем, не являющихся сложными$_1$. Так, например, в русском языке, где в обычной словоформе не бывает больше одного ударения, в сложной$_1$ словоформе ударений может быть два (а то и больше): слова *нѐфтепроду́кты*, *мòстострои́тельный* и т. д. мы произносим с двумя ударениями. С двумя ударениями (первое из которых побочное) произносятся также прилагательные типа *жёлто-зелёный*, *немѐцко-ру́сский* и т. д.

• Правила ВНУТРЕННИХ САНДХИ, успешно работающие на обычных словоформах, могут быть неприменимы к сложным$_1$ словоформам, или наоборот. Так, в венгерском языке правила гармонии гласных не действуют внутри сложных словоформ: **bőr** + **gyár** букв. ‘кожа фабрика’ = ‘кожевенная фабрика’, **föld** + **gáz** букв. ‘земля газ’ = ‘природный газ’, **szám** + **jegy** /sāmjed′/ букв. ‘счет знак’ = ‘цифра’. То же верно и для турецкого: здесь сложные слова тоже не подчиняются законам сингармонизма.

Сказанное никак не противоречит тому, что в некоторых языках некоторые сложные$_1$ словоформы обладают типичными свойствами «нормальных» словоформ, благодаря которым они и противопоставляются словосочетаниям.

Так, например, в чукотском гармония гласных исправно работает внутри всех сложных$_1$ словоформ, но никогда не затрагивает словосочетания:

(32) чукотский

а.

Tumγə + *t* — *ø* — + *kopra* + *ntəwat* — + *ø* — + *γ?at*
друг — МН.НОМ 3МН.СУБ — сеть — ставить — АОР — 3МН.СУБ
букв. ‘Друзья сете-ставили’ ≈
‘Друзья занимались установкой сетей’.
vs.

b.

Tumγ + *ərək* *na* + *ntəwat* + *ø* + *ən* + *ø* ***kupre*** + *n*
друг МН.ЭРГ 3МН.СУБ ставить АОР 3ОБ ЕД сеть ЕД.НОМ
'Друзья поставили сеть'.

В (32a) корень **kupre-** 'сеть' принимает форму **kopra-** из-за корневой гласной /a/ в глагольном корне **ntəwat-** 'ставить'. Перед нами явление гармонии гласных, которое наблюдается в чукотском только внутри словоформ (см. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, пример (21), с. 82 и сл.). Это и доказывает, что выражение *koprantəwatγ?at*, безусловно, представляет собой одну цельную словоформу.

Глагол-сказуемое в (32a) из-за инкорпорации в него прямого дополнения становится непереходным; поэтому лично-числовым показателем субъекта у него служит циркумфикс **ø-...-γ?at**. В (32b), напротив, глагол является переходным; показателем субъекта у него является префикс **na-**, а показателем объекта [= прямого дополнения] — суффикс **-ən**. Как и положено в таких случаях в чукотском, в (32b) используется эргативная конструкция: подлежащее ставится в эргативе, а прямое дополнение — в номинативе (ср. (30b), с. 114).

3. Синтактика сложной$_1$ лексемы

По своей синтактике сложные$_1$ лексемы подразделяются на два класса: эндоцентрические и экзоцентрические.

• Синтактикой сложной$_1$ лексемы может быть, грубо говоря, синтактика определяемого корня, который оказывается, тем самым, так сказать, «синтаксической» вершиной всей сложной лексемы. У русского прилагательного *голубой* особый словоизменительный тип, и сложные$_1$ прилагательные *темно-голубой* или *красно-голубой* относятся к тому же типу. Немецкое существительное *Gymnastik* 'гимнастика' относится к женскому роду, и потому *Morgengymnastik* 'утренняя гимнастика' и *Abendgymnastik* 'вечерняя гимнастика' тоже относятся к женскому роду.

> Сложные$_1$ лексемы, синтактикой которых является синтактика определяемого, или вершинного, корня, называются (по аналогии со словосочетаниями) ***эндоцентрическими*** сложными$_1$ лексемами

• Синтактика сложной$_1$ лексемы может не совпадать с синтактикой ее вершины. Такие лексемы — это ***экзоцентрические*** сложные$_1$ лексемы, важнейшим подклассом которых являются так называемые *бахуврихи*. (Санс-

критское сложное$_1$ прилагательное *bahu*+*vrīhi* букв. 'изобилующий рис' само является экзоцентрическим: это не существительное, означающее 'рис в большом количестве', а прилагательное со значением 'имеющий много риса'.)

Сложная$_1$ лексема типа бахуврихи, называемая также *посессивной сложной лексемой*, имеет в качестве вершины субстантивный корень **N**, определяемый каким-нибудь корнем **R**. Однако это образование с внутренней структурой

$$\mathbf{N} \longrightarrow \mathbf{R}$$

является не существительным, означающим '$\mathbf{N} \longrightarrow \mathbf{R}$', как следовало бы ожидать, а прилагательным, означающим

'имеющий $\mathbf{N} \longrightarrow \mathbf{R}$',

или существительным, означающим

'тот, который имеет $\mathbf{N} \longrightarrow \mathbf{R}$'.

Примеры

(33) **a.** санскрит
çastra + *pāṇi(-ḥ)*
меч рука
'имеющий меч в руке' = 'с мечом в руке' (а не *'рука с мечом')
tri + *jihva(-ḥ)* 'трехъязыкий'
три язык
rūpavad + *bhārya(-ḥ)* 'имеющий прекрасную супругу'
прекрасный супруга
ugra + *bāhu(-ḥ)* 'сильнорукий, имеющий сильные руки'
сильный рука

b. русский
черн + *о* + *волос(-ый)*
длинн + *о* + *рук(-ий)*
толст + *о* + *зад(-ый)*

Интересно отметить один случай образования сложных$_1$ прилагательных, которые на первый взгляд кажутся похожими на бахуврихи из примера (33), но на самом деле устроены совершенно иначе:

(34) дьяру
muna + *ḍuwal* 'имеющий длинные руки' букв. 'рукодлинный'
рука длинный
wirgil + *ḍuwal* 'имеющий длинные волосы'
волосы длинный
guṇḍu + *jambi* 'имеющий большой пенис'
пенис большой

Здесь сложное$_1$ прилагательное **muna + ɗuwal** является эндоцентрическим и обозначает буквально 'длинный в отношении рук' = 'длинный руками' (как говорят: *широкий в плечах*).

7.5. Отграничение сложных$_1$ словоформ от словосочетаний и от производных словоформ. Мы уже указывали, что сложные$_1$ словоформы занимают промежуточное место между словоформами и словосочетаниями. Поэтому необходимо определить критерии, которые позволили бы проводить границу между сложными$_1$ словоформами и словосочетаниями, с одной стороны, и между сложными$_1$ словоформами и производными$_1$ словоформами — с другой. С учетом «идиоматичной», или, как говорят по-английски, *language-specific* (≈ 'зависящей от языка') природы словоформы (см. Часть первая [том 1], Глава IV, § 2, **2.3**, с. 178 и сл.), эти критерии будут разными в зависимости от исследуемого языка. Тем не менее, возможны некоторые обобщения.

1. Сложные$_1$ словоформы *vs.* словосочетания

Рассмотрим английское выражение *battle fatigue* 'изнеможение после битвы или после какой-то долгой и чрезмерной неприятной деятельности' и спросим себя: *battle fatigue* — это одна словоформа или две словоформы, т. е. словосочетание?

Различия между сложной$_1$ словоформой и словосочетанием рассматривались в Части первой [том 1], Глава IV, § 2, **3.2**, с. 199 и сл. Здесь мы кратко резюмируем наше обсуждение, проводя сопоставление соответствующих свойств. Существенно подчеркнуть, что это никоим образом не обязательные признаки, а всего лишь тенденции; ни одно из этих свойств, взятое отдельно, не является определяющим. Однако все они вместе, рассматриваемые с учетом других свойств словоформ в данном конкретном языке, вносят достаточно серьезный вклад в установление четкой границы между сложными$_1$ словоформами и словосочетаниями.

Сложные$_1$ словоформы в данном языке обнаруживают обычно бóльшую внутреннюю связность и единообразие, чем словосочетания — и на уровне означаемого, и на уровне означающего, и на уровне синтактики

При прочих равных условиях сложная$_1$ словоформа является, вообще говоря, более цельной, чем словосочетание, — и семантически, и фонетически, и с точки зрения ее комбинаторики. Это можно подытожить следующим образом:

Сложные$_1$ словоформы	**Словосочетания**
ИМЕЮТ ТЕНДЕНЦИЮ	
Семантическая внутренняя связность	
1. быть семантически цельными, нерасчлененными, т. е. фразеологизоваться (особенно это типично для сложных$_2$ словоформ)	1′. быть семантически прозрачными
Фонетическая внутренняя связность	
2. образовывать фонетически единое целое:	2′. быть фонетически раздельными:
a. нести одно ударение	**a′.** нести несколько ударений
b. иметь внутренние сандхи	**b′.** иметь внешние сандхи
Синтаксическая внутренняя связность	
3. представлять собой анафорический остров (никакой компонент сложной$_1$ словоформы недоступен для местоименной анафоры)	3′. быть открытыми для местоименной анафоры (всякий компонент словосочетания доступен для анафоры)
4. представлять собой синтаксический остров:	4′. быть доступным для синтаксических операций:
a. не допускать линейной отделимости своих компонентов	**a′.** допускать линейную отделимость своих компонентов
b. не допускать линейной переставимости своих компонентов	**b′.** допускать линейную переставимость своих компонентов
c. не допускать присоединения внешних определений к своим компонентам	**c′.** допускать присоединение внешних определений к своим компонентам
d. не допускать нормального морфологического оформления своего определяющего компонента	**d′.** морфологически оформлять свой определяющий компонент обычным для данного языка образом
5. представлять собой морфологический остров, т. е. не допускать независимого словоизменения своих компонентов	5′. быть вполне проницаемым для морфологических правил, т. е. допускать независимое словоизменение своих компонентов

Подчеркнем еще раз, что в конкретном языке любое из этих свойств может наблюдаться как в словосочетании, так и в сложной$_1$ словоформе: бывают и семантически полностью фразеологизованные словосочетания, и совершенно прозрачные с этой точки зрения сложные$_1$ словоформы; сложная$_1$ словоформа может нести два или больше ударений, тогда как в словосочетании из двух или более словоформ может быть только одно ударение (так обстоит дело, в частности, в словосочетаниях с клитиками: см. Часть первая

[том 1], Глава IV, § 3, с. 212 и сл.); и т. д. Тем не менее, внутри одного и того же языка сложные$_1$ словоформы будут характеризоваться СКОРЕЕ свойствами 1–5, а словосочетания — СКОРЕЕ противоположными свойствами 1′–5′. В частности, англ. *battle fatigue* букв. '(от) сражения усталость' представляет собой единую словоформу, т. е. сложную словоформу (говоря точнее, сложную$_2$ словоформу) в силу следующих двух (по крайней мере) причин:

• Выражение *battle fatigue* не является семантически полностью композиционным, поскольку оно обозначает совершенно особый вид усталости, вызываемый у воюющих контактом с ужасами войны; сравните *trip fatigue* 'усталость от путешествий', *housecleaning fatigue* 'усталость от уборки (по дому)', *hunt fatigue* 'усталость от охоты' — словосочетания, семантически совершенно регулярные.

• Это выражение представляет собой анафорический, синтаксический и морфологический остров. (См. подробное обсуждение этой проблемы в Levi 1978: 39–48.)

Для английского языка можно привести также еще ряд минимальных пар, когда сложные$_1$ словоформы противопоставлены словосочетаниям за счет своей акцентной схемы (символом «`» отмечается побочное ударение):

сложные$_1$ словоформы	словосочетания
stóne fàctory 'завод или фабрика, которая изготовляет камни/использует камни/...'	*stòne fáctory* 'завод, построенный из камня'
sílk wòrm 'шелковичный червь'	*silk wórm* 'червь, сделанный из шелка'
léather tòol 'инструмент для обработки кожи'	*lèather tóol* 'инструмент, изготовленный из кожи'

В качестве еще одной иллюстрации рассмотрим пример из языка гарифуна, в котором сложные$_1$ словоформы и соответствующие словосочетания обнаруживают следующие три формальных различия:

– У первого компонента сложной$_1$ словоформы не может быть никакого суффикса (= это морфологический остров), тогда как первый компонент словосочетания может принимать суффиксы.

– ***Циркумфиксы*** (см. ниже, § 3, 4, с. 190) охватывают сложную$_1$ словоформу целиком, а в словосочетании они охватывают только первый элемент.

– Внутри сложной$_1$ словоформы не допускается никакая последовательность фонем, которая исключалась бы также и внутри словоформы, не являющейся сложной$_1$; для словосочетаний же это ограничение не действует.

Таким образом, мы имеем следующее:

(35) гарифуна

a. сложная$_1$ словоформа:
∅ + *pāsa* + *karai* + *ri* + *∅*
1л щека чернота ПОС ЕД
'моя чернота щеки/щек'
словосочетание:
∅ + *pāsa* + *ri* + *∅* *karai* + *ri*
1л щека ПОС ЕД чернота ПОС
'(эта) чернота моей щеки/моих щек'
[Нулевой суффикс маркирует единственное число обладателя, будучи противопоставлен плюрализатору **koл**.]
сложная$_1$ словоформа:
i + *pāsa* + *karai* + *ri* + *koл*
3л щека чернота ПОС МН
'их чернота щек'
словосочетание:
i + *pāsa* + *ri* + *koл* *karai* + *ri*
3л щека ПОС МН чернота ПОС
'(эта) чернота их щек'

b. От субстантивного корня **karai-** 'чернота' с помощью циркумфикса можно образовать прилагательное ***ti*** + *karai* + ***je*** 'черный'. Если мы прибавим этот адъективизирующий циркумфикс *ti-...-je* к сложному$_1$ существительному *pāsakarai* в (35a), то мы получим:

ti + *pāsa* + *karai* + ***je*** *maл* — *i* + *pāsa* + *ri* + *∅* ***ti*** + *karai* + ***je*** *maл*
есть
'[Он есть] чернощекий' = 'Его щека [есть] черная'.
англ. '[He] is black-cheeked'.

c. Выражение
**a* + *sāno* + *ōti* + *ri* + *∅* '(некая) вещь твоей матери'
2л мать вещь ПОС ЕД
никоим образом не может быть в гарифуна сложной$_1$ словоформой из-за того, что в нем содержится последовательность фонем */оō/, запрещенная внутри словоформ, тогда как двучленное словосочетание *a* + *sāno* + *∅* *ōti* + *ri* существует. Правильная с формальной точки зрения сложная$_1$ словоформа должна была бы выглядеть как *asānotiri* 'твоя вещь матери/твоя материнская вещь'. Ср. также сложные$_1$ словоформы типа

andiki + *pi* [вместо **andiki* + *āpi*]
хвост краснота = 'красный хвост'

или

urux + *pi* [вместо **uruxro* + *āpi*]
голова краснота = 'красная голова'

Таким образом, мы видим, что при образовании сложных$_1$ словоформ в языке гарифуна должны обязательно применяться некоторые ***чередования*** (= ***внутренние сандхи***, конкретно — ***усечения***), которые не применяются внутри словосочетания.

2. Сложные$_1$ словоформы *vs.* производные$_1$ словоформы

Чем является английская словоформа *congressman* 'конгрессмен' — сложной$_1$ или производной$_1$ словоформой? Проблема состоит здесь в том, чтобы суметь разграничить корень и аффикс: если **-man** в *congress**man*** — это корень, значит перед нами сложная$_1$ словоформа; если же, напротив, **-man** — это суффикс, то *congress**man*** — это производная$_1$ словоформа. Различие «корень ~ аффикс» будет подробно рассмотрено ниже, в § 3. Пока мы ограничимся замечанием, что оно, как всегда, затрагивает все три стороны знака, вызывающего сомнения: означаемое (корень при морфологическом сложении более или менее сохраняет свою обычную семантику; у аффикса же смысл другой), означающее (произношение корня сохраняется, а у аффикса оно другое) и синтактику (у корня наблюдается сочетаемость, более или менее обычная для корней, у аффикса же сочетаемость совершенно иная). Англ. *congressman* с учетом его означаемого и означающего представляет собой, скорее, производную$_1$ словоформу (а **-man**, следовательно, — скорее, суффикс):

– Знак **-man** означает только 'человек, который ...', но не *'мужчина, который ...' (ср. *She is our congressman* 'Она — наш конгрессмен'), тогда как корень **man** в отдельности означает 'мужчина'. (Другой корень **man** 'человек', с весьма ограниченным употреблением — только нереференциально, старомодно и т. д., нас не интересует, хотя он, разумеется, осложняет дело.)

– Знак **-man** произносится /mən/, а не /mæn/, как корень **man** в самостоятельном употреблении или в составе бесспорных сложных$_1$ словоформ (например, типа *family man* 'мужчина, любящий семейную жизнь').

– Даже тогда, когда на письме элемент **-man** заменяется во множественном числе элементом **-men** (*She is one of our best congressmen* 'Она — один из наших лучших конгрессменов'), этот последний все равно произносится /mən/. Иначе говоря, противопоставление по числу: /mǽn/ ~ /mén/, — характерное для корня **man**, в рассматриваемом употреблении нейтрализуется.

Что же касается синтактики, то в данном конкретном случае мы не видим существенных различий между корнем как определяемым компонентом сложной$_1$ словоформы и суффиксом.

Однако и это еще не все. Под давлением феминистского движения в США были созданы и вошли в употребление существительные типа **congresswoman** 'женщина-конгрессмен' или **chairwoman** 'женщина-председатель [собрания, комитета и т. п.]'. Теперь существует даже лексема **chairperson** 'председатель — без явного указания пола'. В официальной речи, где такие существительные как раз и имеют права гражданства, уже нельзя больше сказать *She is our congressman* 'Она — наш конгрессмен' или *Madam Chairman* 'Госпожа Председатель', и из-за этого статус элемента **-man** меняется: теперь этот знак значит именно 'мужчина, который ...', а не *'лицо, которое ...', и тем самым его аффиксальный статус ослабляется. В силу наличия оппозиции **congressman** ~ **congresswoman** элемент **-man** представляет собой, скорее, часть сложной$_1$ словоформы, а следовательно, корень. Как бы то ни было, до тех пор, пока указанная оппозиция еще не укоренилась в английском языке, **-man** должен считаться, скорее, суффиксом. Однако та легкость, с какой может меняться его статус, показывает, что это некий промежуточный случай.

Одним из наиболее очевидных свидетельств промежуточного характера знака **-man** является его неспособность сопровождаться суффиксом множественного числа **-s**. Если бы в английском были формы типа ***congressmans** или ***chairmans** (которые совершенно исключены), суффиксальный статус для **-man** был бы гарантирован. При отсутствии таких форм **-man** остается как раз на самой границе между суффиксами и элементами морфологических сложений (= корнями).

Соответственно, можно задаться похожим вопросом относительно некоторого знака **s**, которым начинается словоформа **w**: является ли он префиксом или корнем? Если **s** — это префикс, то словоформа **w** является производной$_1$, если нет — сложной$_1$. Так, например, целый ряд знаков в языке каннада обладает пятью нижеперечисленными свойствами, заставляющими считать их префиксами, в противоположность изобилующим в этом языке компонентам сложных$_1$ словоформ (Aronoff and Sridhar 1988):

– Множество префиксов является закрытым: в каннада их девять (**mun-** 'впереди', **hin-** 'сзади', ..., **ken-** 'красный', **in-** 'сладкий'). Множество знаков, участвующих в морфологическом сложении в качестве первого компонента сложной$_1$ словоформы, напротив, открыто.

– Префиксы вызывают обязательное озвончение начальной согласной в основе: *ken* + *tuṭi* букв. 'красная губа' ⟹ ***kenduṭi*** (**kentuṭi*). В сложных$_1$ же словоформах такое озвончение может требоваться только спорадически.

– Никакой знак не может быть вставлен между префиксом и основой. В отличие от этого, непосредственно за начальным компонентом сложной$_1$ сло-

воформы может следовать показатель конъюнкции **-ū** или показатель дизъюнкции **-ō**; ср. (36), где хорошо видно, как префикс **ken-** 'красный' противопоставлен корню **kemp-** 'красный':

(36) каннада

a. ***ken** + **ū** + *niliy* + **ū** + *āda* *ākāša* 'красно-голубое небо'
красный голубой являющийся небо
vs.

b. *kemp* + **ū** + *niliy* + **ū** + *āda* *ākāša* 'красно-голубое небо'
красный голубой являющийся небо
и

c. ***ken*** + *niliy* + **ō** + *kem* + *biḷup* + **ō** + *āda* *ākāša*
красный голубой красный белый являющийся небо
'красно-голубое или красно-белое небо'

– Префикс не способен менять свое расположение в составе словоформы. Напротив, начальный компонент сложной$_1$ словоформы, т. е. корень, вполне может менять свое расположение в составе сложных$_1$ словоформ:

d. ***ken*** + *duṭi* 'красная губа',
красный губа
но **tuṭi* + ***gem*** 'красный (цвет) губ'
vs.

e. ***kempu*** + *tuṭi* 'красная губа',
красный губа
и *tuṭi* + ***gempu*** 'красный (цвет) губ'

– Префикс может относиться семантически только к своей основе. Напротив, начальный компонент сложной$_1$ словоформы может относиться семантически к разным компонентам этой сложной$_1$ словоформы, что иногда приводит к неоднозначности:

f. ***kem*** + *maṇṇu* + *gōḍe* 'стена, сделанная из красной земли'
красный земля стена
vs.
kempu + *maṇṇu* + *gōḍe*
красный земля стена
либо 'стена, сделанная из красной земли', либо 'красная стена, сделанная из земли'

Разбор этого примера хорошо показывает, насколько запутанными могут быть отношения между сложением$_1$ и производностью$_1$. Однако он показывает также, что вполне уместен известный оптимизм: язык сам даст нам

нужные указания по различению этих двух явлений, надо только суметь их расшифровать!

7.6. Место морфологического сложения в модели языка типа Смысл-Текст. Сложение$_1$ представлено в модели Смысл-Текст двумя типами правил:

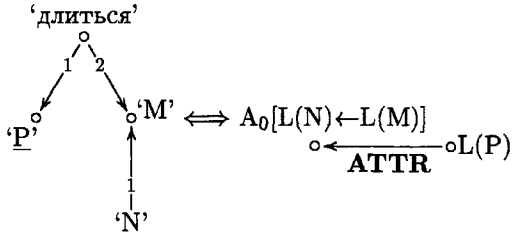
– семантические правила сложения$_1$;

– морфологические правила сложения$_1$.

Семантические правила сложения$_1$ устанавливают соответствия между исходной Сем(антической) С(труктурой) той фразы, которую собирается построить говорящий, и сложными$_1$ лексемами, которые будут помещены в узлы глубинно-синтаксического дерева этой фразы. Тем самым, семантические правила сложения$_1$ оказываются частным случаем правил лексикализации; они образуют сложные$_1$ лексемы исходя из их смысла. Поэтому они принадлежат к семантическому компоненту МСТ.

Морфологические правила сложения$_1$ строят основы сложных$_1$ лексем исходя из информации, хранящейся в словарных статьях тех лексем, которые становятся компонентами сложной$_1$ лексемы. Эти правила принадлежат к морфологическому компоненту МСТ.

Вот пример СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРАВИЛА СЛОЖЕНИЯ$_1$ для русского языка:

Это правило (представляющее собой на самом деле СХЕМУ целого множества сходных правил) служит для образования таких сложных$_1$ прилагательных, как:

'[отсутствие,]

длящееся три недели' ⟺ **A0**(ТРИ + НЕДЕЛЯ)[←**ATTR**—ОТСУТСТВИЕ]

[ТРЁХНЕДЕЛЬН(*-ый*) = 'длящийся три недели']

'[лекция,]

длящаяся два часа' ⟺ **A0**(ДВА + ЧАС)[←**ATTR**—ЛЕКЦИЯ]

[ДВУХЧАСОВ(*-ой*) = 'длящийся два часа']

Правила этого типа не являются предметом настоящей книги и в дальнейшем рассматриваться не будут.

Соответствующие МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА СЛОЖЕНИЯ$_1$ берут глубинно-морфологические представления сложных$_1$ лексем, образованные семантическими правилами, и конструируют из них реальные словоформы:

$$\mathbf{A_0}(\text{ТРИ} + \text{НЕДЕЛЯ}) \Longleftrightarrow \textit{трёхнедельн(-ый)}$$
$$\mathbf{A_0}(\text{ДВА} + \text{ЧАС}) \Longleftrightarrow \textit{двухчасов(-ой)}$$

В результате действия этих правил для сложных$_1$ лексем сначала выбираются морфемы, затем алломорфы и, наконец, к алломорфам применяются нужные морфонологические правила. Так, например, морфологическими правилами сложения$_1$ обеспечивается выбор правильной алломорфы в случае типа русской морфемы {ФРАНЦУЗСК(*-ий*)}, имеющей две алломорфы:

франко-, используемая только как первый член в сложных$_1$ прилагательных, имеющих смысл ‘Франция и ...’ (*франко-итальянские переговоры*);

французск-, используемая во всех прочих случаях (*французская промышленность*).

Точно так же обстоит дело во французском. Так, корневая морфема прилагательного CHINOIS ‘китайский’ имеет две (супплетивные) алломорфы с идентичным распределением:

sino-, используемая только как первый член в сложных$_1$ прилагательных, имеющих смысл ‘Китай и ...’ (*la guerre sino-japonaise* ‘китайско-японская война’);

chinois-, используемая во всех прочих случаях (*la diplomatie chinoise* ‘китайская дипломатия’).

Правила этого типа будут представлены в Части шестой настоящей книги.

7.7. Инкорпорация. Особый интерес представляет один частный случай морфологического сложения$_1$, известный под именем ***инкорпорация***.

Пусть имеются два корня $\mathbf{R}_1$ и $\mathbf{R}_2$, образующих сложную$_1$ основу $\mathbf{R}$, в составе которой $\mathbf{R}_1$ семантически определяет $\mathbf{R}_2$: $\mathbf{R} = \mathbf{R}_1 \xleftarrow{r} \mathbf{R}_2$, причем отношение r является подчинительным (а не сочинительным). Подчеркнем, что речь идет именно о сложении$_1$, т. е. о совершенно регулярном для данного языка $\mathcal{L}$ соединении корней $\mathbf{R}_1$ и $\mathbf{R}_2$: оно возможно для любых корней $\mathbf{R}'_1$ и $\mathbf{R}'_2$, принадлежащих к тем же классам, что $\mathbf{R}_1$ и $\mathbf{R}_2$, лишь бы только $\mathbf{R}'_1$ и $\mathbf{R}'_2$ были связаны отношением r (за исключением, разумеется, тех случаев, когда это невозможно в силу общих ограничений, преимущественно семантического порядка).

Определение V.13: инкорпорация

Сложение$_1$ двух корней $\mathbf{R}_1 \oplus \mathbf{R}_2 = \mathbf{R}$, такое, что внутри $\mathbf{R}$ эти два корня соединены следующим образом:

$$\mathbf{R}_1 \xleftarrow{r} \mathbf{R}_2,$$

называется *инкорпорацией*, если одновременно выполняются следующие два условия:

1. $\mathbf{R}_2$ представляет собой глагольный корень, способный выступать в личной глагольной словоформе, от которой синтаксически зависит словоформа, содержащая корень $\mathbf{R}_1$; в результате получается словосочетание, более или менее синонимичное лексеме с основой $\mathbf{R}$.

2. Результирующая основа $\mathbf{R}$ тоже является глагольной и может использоваться, как обычная глагольная основа, в составе личной глагольной словоформы.

Символически:

$$\text{`}[\mathbf{R}_1 + \mathrm{x}]_\alpha \leftarrow\!\!- [\mathbf{R}_2 + \mathrm{y}]_\mathrm{V}\text{'} = \text{`}\mathbf{R}_\mathrm{V}\text{'},$$

где индекс α обозначает любую часть речи.

(Искусственный пример:

словосочетание: '[Мы] читаем $[= \mathbf{R}_2 + \mathrm{y}]_\mathrm{V}$ → книгу $[= \mathbf{R}_1 + \mathrm{x}]_\mathrm{N}$' ≈

словоформа с

инкорпорированием: '[Мы] книго-читаем $[= \mathbf{R}_\mathrm{V}]$')

Грубо говоря, операция инкорпорации включает внутрь личного глагола его актанты и/или сирконстанты, давая в результате снова личный глагол.

NB: То явление, которое было только что определено, есть инкорпорация в узком смысле слова; в дальнейшем именно его мы будем обозначать термином ***инкорпорация$_1$***, или ***инкорпорация в сильном смысле***; см. ниже комментарий 1 к Определению V.13, с. 130.

Разумеется, инкорпорация может объединять внутри одной основы и больше двух корней. (В определении мы употребили слово *два* условно, просто чтобы не утяжелять формулировку.) Однако у всякой основы в инкорпоративном комплексе имеется свой центральный корень $\mathbf{R}_2$, представляющий собой глагол, а остальные корни семантически определяют либо $\mathbf{R}_2$, либо друг друга. (Инкорпорацию из трех и из четырех корней можно наблюдать в двух последних формах чукотского примера (37).)

Инкорпорация чрезвычайно типична для палеоазиатских языков, некоторых индейских языков (прежде всего — ирокезских, но также и каддоанских, таноанских и юто-ацтекских) и австралийских (гунвинггу).

В английском и французском языках инкорпорации как настоящего регулярного морфологического способа не существует, однако и в этих двух языках можно указать некоторые малопродуктивные образования (во французском — уже совершенно окаменевшие), которые построены по инкорпоративной схеме («инкорпорированный» элемент выделен жирным шрифтом):

фр. ***cul****buter* 'опрокидывать' [⟸ *cul* + *buter* 'зад' + 'ударять'], ***main****tenir* 'поддерживать' [⟸ *main* + *tenir* 'рука' + 'держать'], ***peau****finer* 'протирать замшей [до последнего блеска]' [⟸ *peau* + *finer* 'кожа' + 'завершать'], ***sau****poudrer* 'посыпать [солью или сахаром]' [⟸ *sel* + *poudrer* 'соль' + 'пудрить'], ... (см. в Benveniste 1966 изящное сравнение этих французских глаголов с инкорпорациями в индейских языках);

англ. ***baby****-sit* 'сидеть с ребенком', ***guest****-conduct* 'дирижировать оркестром в качестве приглашенного дирижера', ***road****-test* 'испытывать в дорожных условиях', ... (это псевдосложные глаголы; о них см. в конце раздела **7.3** этого параграфа, с. 108).

Перейдем к примерам настоящих инкорпораций.

Примеры

Инкорпорированная основа выделена жирным шрифтом.

(37) чукотский

tə	+ ***ŋiḷγə***	+ *čwi*	+ *rkən*	'Я разрезаю ремень'.
1ЕД	ремень	разрезать	НАСТ	
tə	+ ***ŋej***	+ *ejmewə*	+ *rkən*	'Я приближаюсь
1ЕД	горы	приближаться	НАСТ	к горам'.
tə	+ ***nəki***	+ *ḷejwə*	+ *rkən*	'Я гуляю ночью'.
1ЕД	ночь	гулять	НАСТ	
tə	+ ***mejŋə***	+ ***ḷewtə*** + *pəγtə*	+ *rkən*	'У меня очень болит
1ЕД	большой [≈ очень]	голова болеть	НАСТ	голова'.

tə + ***tor*** + ***taŋ*** + ***pəḷwəntə*** + ***poγγə*** + *peḷa* + *rkən*
1ЕД новый хороший металл копье оставлять НАСТ
'Я оставляю [здесь] хорошее новое металлическое копье'.

(38) нивхский

a. ***təvγd′*** [= **təf** 'дом' ⊕ **juγd′** 'входить'] 'входить в дом'
řəlγd′ [= **řə** 'дверь' ⊕ **jəlγd′** 'открывать'] 'открывать дверь'
řarkt′ [= **řə** 'дверь' ⊕ **arkt′** 'закрывать'] 'закрывать дверь'

b. ***parvaid′*** [= **parv** 'вечер' ⊕ **aid′** 'иметь место'] 'Наступил вечер'.
urkaid′ [= **urk** 'ночь' ⊕ **aid′** 'иметь место'] 'Наступила ночь'.
tolvaid′ [= **tolv** 'лето' ⊕ **aid′** 'иметь место'] 'Наступило лето'.

Эти глаголы имеют синонимы, построенные с глаголом *ətt′* 'начинаться, наступать [о периоде времени]': *parvətt′*, *urkətt′*, *tolvətt′* и т. п.

(39) пайюте

a. ***qāmí*** + *jāi* + *nim* + *piγa*^{h}
кролик охотиться АБИТ ПРОШ
'[Он] имел обыкновение охотиться на кроликов'.

huxqwá + *nɔ̄* + *xwʔai* + *t̄ʼui* + *pɨγai* + *aŋa*
дрова нести.на. пойти.за КАУЗ ПРОШ 3ЕД.ОБ
спине
'[Он] заставил его пойти за дровами'.
wiɨ́ + p^h*uc*^{h}*agai* + *ju*
нож искать во.время [чего-л.]
'Когда [он] искал нож ...'

b. ***wiɨ́*** + *t̄oɔ̄o* + *pɨγa*^{h} '[Он] ударил ножом'.
нож ударить, ПРОШ
заколоть
nɨŋwɨ + *maŋʔwɨ* + *pɨγai* + *amʔɨ* + *mɨ*
человек, превратить ПРОШ 3МН.ОБ 3ДВ.СУБ.ОДУШ
'Они-вдвоем превратили их в людей'.
[Здесь показатель одушевленного субъекта двойственного числа — это циркумфикс **-ʔ-...-mɨ**, а показатель множественного числа объекта — **-amɨ**; их комбинация дает **-amɨ** ⊕ **-ʔ-...-mɨ** = **-amʔimɨ**. Таким образом, здесь наблюдается взаимопроникновение двух аффиксов.]

c. ***nɨv^{w}á*** + *γarɨ* + *jɨ*
снег сидеть НАСТ
'Лежит снег [о чем-л. возвышающемся: вершина горы, дерево и т. п.]' = букв. 'Снего-сидит'.
nɨv^{w}á + *āví* + *jɨ*
снег лежать НАСТ
'Лежит снег [на равнине, на какой-л. плоскости]' = букв. 'Снего-лежит'.
pāγɨnā + *x̄qarɨ* + *pɨγa*^{h}
туман усесться ПРОШ
'Сел туман' = букв. 'Тумано-уселось'.

В примере (39) мы видим инкорпорацию существительного — наиболее обычный и широкораспространенный случай инкорпорации. Однако в примере (18c), приводившемся в разделе **7.3**, 1, с. 103, был представлен, также на материале языка пайюте, гораздо более редкий тип инкорпорации: инкорпорация глагола (в глагол).

(40) пауни

a. *ta* + *t* + ***ātkah*** + *wit* + *∅* 'Я рою землю'.
ИНД 1ЕД земля рыть НАСТ
ta + ***hiks*** + *tu* + *ʔn*
ИНД.1ЕД стрела изготавливать НАСТ.ДУР
'Я нахожусь в процессе изготовления стрелы'.

[*tah-* ⟸ *tat*+*r*, где *r*-—это часть морфы *riks* 'стрела', а *tat* = *ta*+*t* так же, как и выше. Строго говоря, **hiks** представляет собой слабую мегаморфу за счет слияния /t+r/ ⟹ /h/.]

b. *ti* +***karθ*** +*ihu*
3.ИНД камень большой
'Камень большой' = букв. '[Оно] камне-большое'.
ti +***rahurā***+*rihu*
3.ИНД олень большой
'Олень большой' = букв. '[Оно] олене-большое'.

Комментарии к Определению V.13

Мы рассмотрим следующие семь проблем:

- Собственно инкорпорация *vs.* инкорпорация по аналогии.
- Инкорпорация и аффиксальное замыкание.
- Инкорпорация как морфологическое выражение синтаксических отношений.
- Повторная инкорпорация.
- Ограничения на инкорпорацию.
- Место инкорпорации в модели языка.
- Явления, похожие на инкорпорацию.

1. Собственно инкорпорация *vs.* инкорпорация по аналогии

Некоторые исследователи старались ограничить понятие инкорпорации включением в основу переходного глагола его субстантивного прямого дополнения (инкорпорация в узком смысле). Однако еще Э. Сепир (Sapir 1911) показал, и притом весьма убедительно, что нет ни логических, ни языковых оснований разносить по разным ведомствам включение в глагольную основу прямого дополнения и включение в нее других дополнений или подлежащих, равно как и включение в субстантивную основу адъективных определений или субстантивных же атрибутов, и т. д. С точки зрения морфологии (а только эта точка зрения и должна нас здесь интересовать) все эти включения осуществляются абсолютно одинаково. В трех первых фразах примера (37) мы видим формально одинаковое включение прямого дополнения, косвенного дополнения (= направительного) и обстоятельства времени; в (40b) подлежащее инкорпорировано тем же самым образом, что и прямое дополнение в (40a); дальше, на с. 132, пример (41), будет проиллюстрирована инкорпорация атрибута. Из всего этого следует, что узкая интерпретация инкорпорации действительно не имеет под собой никаких оснований.

Однако если допустить, что инкорпорация покрывает все возможные типы семантико-синтаксических отношений между определяемым и определя-

ющим корнем в сложной$_1$ словоформе без каких бы то ни было ограничений, то она рискует потерять свою специфичность по сравнению с обычным сложением$_1$. Иначе говоря, слишком широкая, ничем не ограниченная интерпретация понятия инкорпорации может сделать ее неотличимой от морфологического сложения$_1$. Однако между, скажем, чукотской инкорпорацией и морфологическим сложением$_1$ в немецком языке имеются ощутимые для всех лингвистов различия: мы без колебаний назовем «инкорпорацией» явления, наблюдаемые в (37)–(40), тогда как едва ли у кого-нибудь язык повернется назвать так, при всей их продуктивности, немецкие сложные$_1$ лексемы (типа *Ausdruck*+*s*+*möglichkeit* букв. 'выражение возможность' = 'возможность выражения' или *Mundart*+*forschung* букв. 'диалект исследование' = 'диалектология').

Мы полагаем, что для «настоящей» инкорпорации определяющим моментом является прежде всего ГЛАГОЛЬНОСТЬ итоговой лексемы: словоформа *Mundartforschung* 'диалектология' не является случаем инкорпорации, однако словоформа **mundartforschen* 'диалектоисследовать' была бы хорошим примером инкорпорации — если бы такая словоформа существовала. Это соображение и привело нас к тому, чтобы включить условия, требующие глагольности корней $\mathbf{R_2}$ и $\mathbf{R}$, в Определение V.13. Иначе говоря, мы принимаем «промежуточную» интерпретацию термина *инкорпорация*, располагающуюся между узкой интерпретацией (инкорпорация, затрагивающая только прямое дополнение глагола) и широкой интерпретацией (инкорпорация, затрагивающая какой угодно синтаксический элемент, зависящий от опять-таки какого угодно элемента). Инкорпорация — так, как она определена в V.13, — может затрагивать любые зависимые глагола, но только «настоящего» глагола и так, чтобы в итоге тоже получился «настоящий» глагол.

В самом деле, рассмотрим сначала английские сложные$_2$ лексемы типа [*to*] *babysit* 'сидеть с ребенком' или [*to*] *grocery-shop* 'покупать продукты'. Для них невозможно построить перифразы типа *[*to*] *sit a/the baby* или *[*to*] *shop groceries*; значит, условие 1 Определения V.13 не удовлетворяется и, следовательно, эти лексемы не являются результатом инкорпорации. (К тому же, такие образования в английском языке вовсе не являются регулярными и семантически полностью прозрачными.)

Обратимся теперь к таким английским сложным$_1$ лексемам, как *money-loser* букв. 'терятель денег' или *weapon-buying* 'закупки оружия'. Здесь условие 1 Определения V.13 выполнено: без всяких проблем можно сказать [*to*] *lose money* 'терять деньги' или [*to*] *buy weapons* 'закупать оружие'; зато здесь не выполняется условие 2, поскольку выражения типа **He money-loses* или **He weapon-buys* исключены. Так что сложные$_1$ лексемы *money-loser* и *weapon-buying* тоже не будут примерами инкорпорации, что вполне соответствует традиционным представлениям.

Некоторые проблемы при таком решении все же остаются — в связи с синтаксическими определениями и атрибутами, когда в типично инкорпоративном языке они «включаются» в субстантивные корни СОВЕРШЕННО ТАК ЖЕ, как синтаксические дополнения «включаются» в глагольные корни. Как следует поступать с такими элементами? Ведь они не покрываются Определением V.13, однако отказывать им в статусе инкорпорированных элементов представляется неудобным. Мы предлагаем следующий выход.

Будем различать ***инкорпорацию$_1$***, или ***инкорпорацию в сильном смысле*** (= инкорпорацию как она определена в V.13, «истинную» инкорпорацию), и ***инкорпорацию$_2$***, или ***инкорпорацию в слабом смысле***, которой будет покрываться любой тип морфологического сложения$_1$, но только в таком языке, в котором есть инкорпорация$_1$. Так, например, чукотская словоформа *pəl̥vəntə* + *pojγə* + *n* букв. 'металл копье' = 'металлическое копье' будет считаться воплощением инкорпорации$_2$ (поскольку в чукотском языке есть инкорпорация$_1$), между тем как немецкая словоформа *Metall* + *spieß* букв. 'металл копье', имеющая такую же структуру, не будет трактоваться таким же самым образом (поскольку в немецком языке инкорпорация$_1$ как таковая отсутствует).

После данного уточнения мы можем привести несколько интересных примеров инкорпорации$_2$ в чукотском языке (инкорпорированный$_2$ элемент выделен жирным шрифтом).

(41) чукотский

γa + ***pəl̥wəntə*** + *kojŋə* + *ma* 'с металлической кружкой'
КОМИТ металл кружка КОМИТ
[**γa-...-ma** — это циркумфикс комитатива; -ə-, возникающее в исходе обоих соединяемых корней, представляет собой результат фонологической операции, устраняющей стечение трех согласных]

γa + ***ŋeran*** + ***tor*** + ***majŋə*** + ***wəkwə*** + *rəra* + *ma*
КОМИТ два новый большой камень молоток КОМИТ
'с двумя большими новыми каменными молотками'

mor + ***ək*** + *orwə* + *k* 'на наших санях' [*murək* = 'наш']
мы ПОС сани ЛОК
vs.
mur + *ək* *orwə* + *k* 'на НАШИХ санях'
[со специальным ударением на 'наши']

В последнем примере мы видим, что внутри сложной$_1$ словоформы действует гармония гласных (местоимение *murək* 'наш', инкорпорированное$_2$ в основу *orwə*, принимает форму *morək*); в то же время на элементах словосочетания гармония гласных не работает, и *murək* изменениям не подвергается.

После того как разграничение между инкорпорацией$_1$ и инкорпорацией$_2$ проведено, мы можем обращаться с этими двумя типами инкорпорации как с одним типом, игнорируя данное различие, и говорить просто об инкорпорации (без всяких индексов).

2. Инкорпорация и аффиксальное замыкание

Типичной чертой инкорпорации является так называемое аффиксальное замыкание: определяющий корень $\mathbf{R}'$ зачастую (хотя и не всегда) оказывается заключенным между определяемым корнем $\mathbf{R}$ и одним из его аффиксов; в результате мы имеем

либо $\mathbf{Pref} + \mathbf{R}' \longleftarrow \mathbf{R}$, либо $\mathbf{R} \longrightarrow \mathbf{R}' + \mathbf{Suf}$.

Так, в чукотском языке префиксальная часть *ɣa-* циркумфикса комитатива замыкает собой определяющие корни в составе существительного — см. (41); то же самое делает и лично-числовой префикс в составе глагола — (37). В пауни эту роль играют префиксы наклонения и лица-числа, ср. (40); в яна роль замыкания исполняется суффиксами наклонения, времени и лица-числа, ср. (21), с. 105.

3. Морфологическое выражение синтаксических отношений

> Суть инкорпорации состоит в том, что синтаксические отношения между глаголом-сказуемым и его дополнениями выражаются морфологически

Этот тезис был в свое время сформулирован Э. Сепиром (Sapir 1911: 257), который указал, что соотношение между 'Я сочиняю песни' (свободное словосочетание) и 'Я песне-сочиняю' (глагол с инкорпорацией) в точности параллельно соотношению между англ. *as white as snow* 'белый как снег' и *snow-white* 'белоснежный' [букв. 'снежно-белый']. «Инкорпорация — писал он — это принесение синтаксиса в жертву морфологии». В результате то, что было бы целой фразой в каком-нибудь индоевропейском или урало-алтайском языке, в языке с инкорпорацией может стать одной-единственной словоформой. Сравните:

(42) **a.** *Я занимаюсь покупкой белых бобов* =

= мохаук *k*	+ *sahe?t*	+ *erākena*	+ *hnínon*	+ *s*	
1ЕД	бобы	быть.белым	покупать	ПРОГР	

b. *Купи картошку!* =

= мохаук *s*	+ *hnenna?ta*	+ *hnínon*
2ЕД	картошка	покупать

По поводу морфологического выражения глагольных зависимых при инкорпорации могут возникнуть следующие три вопроса:

– Каковы те отношения или те синтаксические роли, которые могут быть выражены посредством инкорпорации?

– Сколько разных синтаксических ролей одновременно может быть выражено в словоформе посредством инкорпорации?

– Как связаны между собой инкорпорация и те синтаксические трансформации, которые способны менять отношения между синтаксическими зависимыми глагола?

Рассмотрим эти вопросы по порядку.

Что касается тех ТИПОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, которые могут лежать в основе инкорпорации, то читатель уже имел возможность видеть примеры инкорпорации подлежащего (пример (26)) и прямого дополнения (примеры (30) и (31)); добавим к ним еще несколько примеров инкорпорации разных зависимых глагола.

Насколько возможна та или иная инкорпорация, зависит в значительной степени от языка: инкорпорация, вполне допустимая в языке $\mathcal{L}_1$, может оказаться совершенно неприемлемой в языке $\mathcal{L}_2$, и т. п.

(43) **а.** Подлежащее

тива

We + ***fan*** + *lur* + *mi* ‘Снег не идет’.

НЕГ снег идти, выпадать НЕГ.НАСТ

чукотский

W?ej + *ti* *ø* + *inini* + *ø* + *γ?et*

трава МН.НОМ 3МН.СУБ появляться АОР 3МН.СУБ

букв. ‘Травы появились’ = ‘Зазеленела трава’.

vs.

ø + ***w?ej*** + *inini* + *ø* + *γ?i*

3ЕД.СУБ трава появляться АОР 3ЕД.СУБ

букв. ‘[Оно] траво-появилось’ [безличная конструкция].

Еще раз подчеркнем следующий важный факт:

> Из всех подлежащих инкорпорацию допускают только такие, которые не обозначают активных деятелей, и особенно каузаторов.

Во фразах типа ‘Падает снег’, ‘Дети спят’ или ‘Старики часто болеют’ инкорпорация подлежащего высоковероятна; однако же во фразах ‘Дети танцуют’, ‘Дети читают’ или ‘Дети рисуют зверя’ подлежащее инкорпорироваться не способно. Тем самым, оказывается, что инкорпорация ведет себя

эргативно»: она одинаково обходится с прямыми дополнениями переходных глаголов и с подлежащими непереходных глаголов. Впрочем, этот феномен при всем его интересе не может занимать нас здесь далее, так как он выходит за рамки морфологии.

b. Прямое дополнение

тива

*Kvtsyu v + kuwa + **nya?t** + ō?as*

рыба БУД 3МН.СУБ-3ЖЕН.ОБ горло резать

'Они перережут горло рыбе [самке]'.

онондага

*Pet wa? + ha + **hwist** + ahtu + ?t + a?*

Пэт ПРОШ 3МУЖ. деньги теряться КАУЗ КОМПЛ

[имя] СУБ

'Пэт потерял деньги [неопр.]'.

Ср. выражение того же смысла без инкорпорации$_1$:

Pet wa? + ha + ahtu + ?t + a? ne? o + hwist + a?

ОПР деньги

'Пэт потерял эти деньги [опр.]'.

> Инкорпорация прямого дополнения — наиболее распространенная; это, так сказать, «самая настоящая» инкорпорация. Если в некотором языке в принципе имеется инкорпорация, то инкорпорация прямого дополнения есть в нем обязательно

c. Косвенное дополнение

чукотский

Гет qepl + e t + uwičwet + ∅ + γ?ek

я-НОМ мяч ЕД.ИНСТР 1ЕД.СУБ играть АОР 1ЕД.СУБ

'Я играл с мячом'.

vs.

*Гет tə + **qepl** + uwičwet + ∅ + γ?ek*

я-НОМ 1ЕД.СУБ мяч играть АОР 1ЕД.СУБ

[тот же перевод]

d. Агентивное дополнение при пассиве

тива

*Yede + ba te + **pĩru** + khoake + ban*

этот ИНСТР 1ЕД.СУБ змея укусить ПРОШ.ПАСС

букв. 'Посредством-этого я-был-змее-ужален' =

= 'Я был ужален змеей'.

e. Инструментальное дополнение/дополнение средства
науатль
Ya? *ki* + ***kočillo*** + *tete?ki* *panci*
он ЗЕД.СУБ нож резать.ПРОШ хлеб
букв. 'Он ноже-разрезал хлеб' = 'Он разрезал хлеб ножом'.

NB: Следует заметить, что в тива инкорпорация инструментального дополнения невозможна.

f. Дополнение, указывающее направление
чукотский
Гет *γətγ* + *etə* *tə* + *lqətə* + *rkən*
я-НОМ озеро ЕД.ДАТ 1ЕД.СУБ идти НАСТ
'Я иду на озеро'.
vs.
Гет *tə* + ***γətγə*** + *lqətə* + *rkən*
я-НОМ 1ЕД.СУБ озеро идти НАСТ
[тот же перевод]

g. Компаративное дополнение
науатль
ø + ***tlaka*** + *neski*
ЗЕД мужчина показаться
'[Он] выглядел как мужчина/показался мужчиной'.
Mo + ***tlaka*** + *keca*
ЗЕД.РЕФЛ мужчина стоять
'[Он] стоял как мужчина/по-мужски'.

В языке науатль (пример (27d), с. 112) наблюдается также инкорпорация предикативного дополнения.

Что касается КОЛИЧЕСТВА СИНТАКСИЧЕСКИХ РОЛЕЙ, которые могут выражаться инкорпорацией одновременно внутри одной словоформы, то оно в большинстве случаев равно одному: с семиотической точки зрения инкорпорация более чем одного синтаксического зависимого в глагол оказывается слишком громоздкой. Однако с логической точки зрения ничто этому не мешает; засвидетельствованы случаи одновременной инкорпорации в глагол сразу двух его зависимых. Вот один из таких примеров:

(44) гунвинггу (Evans 1995: 67)
Aban + ***yawoyh*** + ***wargah*** + *maṇe* + ***gaŋ*** + *giṇe* + *ŋ*
1ЕД.СУБ- снова плохой БЕНЕФ мясо готовить ПРОШ 2МН.ОБ
'Я снова приготовила им плохого мяса'.

В примере (44) наблюдается инкорпорация сразу трех корней, из которых два — 'мясо' и 'снова' — соответствуют двум непосредственным зависимым

глагола — прямому дополнению и обстоятельству; третий же — 'плохое' — семантически определяет 'мясо'.

Похожий случай отмечен и в яна — ср. (21a), с. 105, где в глагол одновременно инкорпорированы два его зависимых: 'огонь' и 'действительно'.

> В любом случае два АКТАНТА одного и того же предиката никогда не могут быть инкорпорированы$_1$ внутрь одной и той же словоформы. Этот запрет носит, по-видимому, абсолютный характер

Рассмотрим еще один любопытный случай «двойной» инкорпорации — на этот раз в алюторском языке:

(45) алюторский (Koptjevskaja-Tamm and Muravyova 1993: 307, (18f)):

*Гэттэ t + **akka** + n + **nalγэ** + n + kuww + at + avэ + tkэn*
я-НОМ 1ЕД. СУБ сын КАУЗ$_1$ шкура КАУЗ$_2$ сухой КАУЗ$_2$ КАУЗ$_1$ НАСТ

'Я заставил сына сушить шкуры'.

> [Каузатив выражается в алюторском циркумфиксами **n-...-at** и **n-...-av**; глагол $*n + kuww + at$ [$\Longrightarrow$ *təkuwwat*] означает 'сушить', а глагол $*n + nalγə + n + kuww + at + av$ [$\Longrightarrow$ *tənalγənəkuwwatav*] — 'заставлять сушить'.]

Здесь 'шкура' является актантом внутренней каузации (= вложенной, КАУЗ$_2$), а 'сын' — актантом внешней (= обрамляющей, КАУЗ$_1$): 'я каузирую $\longrightarrow$ сына каузировать $\longrightarrow$ шкуру быть сухой'; именно эта распределенность актантов между двумя каузациями и создает возможность двойной инкорпорации. В противном случае два актанта не могут инкорпорироваться одновременно: это допустимо только для актанта и сирконстанта.

Одним из разнообразных эффектов, производимых инкорпорацией, является ТРАНСФОРМАЦИЯ, известная под названием «Подъем посессора», — это нечто напоминающее русскую трансформацию *Плечи Ивана широкие* $\Longrightarrow$ *Иван широк в плечах*. При инкорпорационном «Подъеме посессора» обозначение посессора становится подлежащим, а то, что было подлежащим раньше, — обозначение принадлежащей посессору вещи — инкорпорируется в глагол/в прилагательное (и тогда получается нечто вроде «Иван плечеширокий»).

(46) **a.** тива

*Im + **tuba** + ʔĩ + hĩ* букв. 'Я-кошко-приду' =
1ЕД.СУБ кошки приходить БУД = 'Мои кошки придут'.

b. мохаук

*Hrao + **nuhs** + rakv ne? Sawatis*
ЗМУЖ дом белый ОПР Джон
букв. 'Этот Джон [есть] бело-домый' = 'У Джона дом белый'.

vs.

Ka + *rakv* *ne?* *Sawatis hrao* + *nuhs* + *a?*
ЗСРЕДН белый ОПР Джон ЗМУЖ дом номинализатор
'Дом Джона — белый' [без инкорпорации$_1$].

Как мы видим, инкорпорация связана с различными синтаксическими операциями, которые меняют соответствия между семантическими и синтаксическими актантами глагола, а также синтаксический статус различных членов предложения. Другими словами, инкорпорация сближается с грамматическими категориями (где словоизменительными, а где словообразовательными) залога, каузатива, аппликатива и детранзитиватива (по поводу всех этих категорий см. Часть вторую [том 2]). Однако у нас опять-таки нет возможности подробно рассматривать здесь эти связи, и мы отсылаем читателя к книге Baker 1988. Соответственно, мы не сможем затронуть и увлекательную проблему семантических функций, которые инкорпорация выполняет во фразе — как средство выражения ее коммуникативной структуры.

4. Повторная инкорпорация

В работе П. Постала (Postal 1964: 147–149) описан весьма любопытный случай инкорпорации в мохауке. В этом языке переходный глагол должен инкорпорировать — оставаясь при этом переходным — основу своего прямого дополнения [= ДПрям], которое тоже может присутствовать во фразе — при условии, что у этого прямого дополнения есть свое препозитивное определение. Ср.:

(47) мохаук

а. *ka* + *ksā?a* *ka* + *nuhs* + *nuhwe?* + *s*
ребенок ЗЕД дом любить ПРОГР
kikə [препозитивное определение] *ka* + *nuhsa*
этот дом
'Ребенок любит этот дом'.

Префикс **ka-**, выступающий в словоформах *kaksā?a* 'ребенок' и *kanuhsa* 'дом', — это номинализатор, не имеющий непосредственного отношения к нашей теме; ему омонимичен глагольный префикс **ka-**, который выражает в глаголе 3ед субъекта и играет здесь роль инкорпорационного замыкания.

Инкорпорирование в (47а) наводит на мысль о наличии своего рода согласования между глаголом-сказуемым и его ДПрям. Разумеется, это ненастоящее грамматическое согласование: ведь у глагола-сказуемого нет никаких граммем числа, рода I.2, лица и т. п., которыми он реагировал бы на свое ДПрям; тем не менее, глагол отражает в своей основе свое ДПрям, что с формальной точки зрения практически равносильно согласованию.

Далее, в мохауке всякий глагол, даже если это глагол с уже инкорпорированным в него существительным, легко номинализуется посредством суффикса **-tsra?**. В результате получается, например, такое существительное:

ka + *nuhs* + *nuhwe?* + *tsra?* букв. 'домо-любовь' = 'любовь к дому'.

Это существительное может, в свою очередь, стать ДПрям другого глагола, скажем 'изучать', и инкорпорироваться в него, после чего этот глагол с двойной инкорпорацией может снова номинализоваться [= 'изучение любви к дому'] и стать ДПрям третьего глагола; и т. д. Приведем пример построения глагольной словоформы в языке мохаук с пятикратной инкорпорацией:

b.

(i) *ka* + *ksā?a* *ka* + *nuhs* + ***tsərie*** + *s* *ne?* *kanuhsa*
ребенок дом обнаруживать ПРОГР ОПР дом
'Ребенок обнаруживает дом' = букв. 'Ребенок домо-обнаруживает'.
⟹ *kanuhs* + *tsərih* + *sra?* 'обнаружение дома' = 'домо-обнаружение'

(ii) *kaksā?a* *kanuhstsərihsra* + ***nuhwe?*** + *s* *ne?* *kanuhstsərih* + *sra?*
любить
'Ребенок любит обнаружение дома'.
⟹ *kanuhstsərihsra* + *nuhwe?* + *tsra?*
'любовь к обнаружению дома'

(iii) *kanuhstsərihsranuhwe?tsra* + ***aksə?***
быть плохим
'Любовь к обнаружению дома — это страдание'.
⟹ *kanuhstsərihsranuhwe?tsraaksəh* + *sra?*
'страдание от любви к обнаружению дома'

(iv) *kaksā?a* *kanuhstsərihsranuhwe?tsraaksəhsra* + ***karatat*** + *s*
восхвалять
ne? *nuhstsərihsranuhwe?tsraaksəhsra*
'Ребенок восхваляет страдание от любви к обнаружению дома'.
⟹ *kanuhstsərihsranuhwe?tsraaksəhsrakaratat* + *tsra*
'восхваление страдания от любви к обнаружению дома'

(v) *kaksā?a*
kanuhs + *tsərihsra* + *nuhwe?tsra* + *aksəhsra* + *karatattsra* + ***hiãto*** + *s*
писать
neo? *nuhstsərihsranuhwe?tsraaksəhsrakaratattsra?*
'Ребенок пишет восхваление страданию от любви к обнаружению дома'.

Во фразе (47b-v) глагольная форма содержит пять инкорпорированных субстантивных основ (они выделены подчеркиванием); разумеется, это чрезвычайно громоздкая форма, какие не всякий день услышишь, — и тем не менее, грамматически она является совершенно правильной.

Подобные образования — с «удвоением» инкорпорированного ДПрям — обнаруживаются и в других ирокезских языках; см. примеры из тускарора и онондага в работе Baker 1988: 144–145.

5. Ограничения на инкорпорацию

Инкорпорация может быть факультативной: язык оставляет на усмотрение говорящего, употребить ли ему глагол с инкорпорированным дополнением или существительное с инкорпорированным атрибутом, или же, наоборот, воспользоваться словосочетанием вида V + N, N + N, A + N. (Хотя, конечно, при этом не исключено вмешательство ряда трудноуловимых факторов — стилистических, прагматических, ритмических и т. п.)

Однако употребление инкорпорации может также регулироваться факторами семантического или синтаксического порядка.

Семантические факторы

1. Инкорпорацией может передаваться НЕРЕФЕРЕНТНЫЙ, АБСТРАКТНЫЙ, НЕКОНКРЕТНЫЙ характер семантического компонента, соответствующего инкорпорируемому дополнению, тогда как словосочетание используется для выражения противоположных черт[20]. Иначе говоря, существительные с достаточно общим и абстрактным значением инкорпорируются, а конкретные существительные употребляются отдельно, например:

(48) каддо

a. *ci* + *nisah* + *kâni?* + *ah* ⟹ *cí* + *sah* + *kâni?ah*
1ЕД дом покупать ПРОШ
'Я купил дом'.
vs.
ínikū *ci* + *kâni?* + *ah* ⟨**cínikūkâni?ah*⟩
церковь
'Я купил церковь'.

ci + *kaŋ* + *kâni?ah* 'Я купил некую жидкость'.
1ЕД жидкость
vs.
cúcū *cikâni?ah* ⟨**cicúcūkâni?ah*⟩ 'Я купил молоко'.
молоко

Более того, в пределах одной и той же фразы инкорпорация существительного N^1 с достаточно общим значением может комбинироваться с самостоятельным употреблением в виде отдельного дополнения существительного N^2 с более конкретным значением, при условии что 'N^2' ⊃ 'N^1' (N^2 обозначает подкласс объектов, называемых существительным N^1):

b. ***ínikū císah**kâni?ah*
'Я купил церковь' = букв. 'Я домо-купил церковь'.

cúcū *cikaŋkâni?ah*
'Я купил молоко' = букв. 'Я жидкосте-купил молоко'.

2. Инкорпорация выражает ПОСТОЯННОЕ СВОЙСТВО — в противоположность словосочетанию, обозначающему, скорее, временное состояние:

(49) шауни

no + *oθawi*	+ ***kaše***	'У меня желтые ногти [всегда]'.
1ЕД желтый	ноготь	
vs.		
nooθawiθi	*ni* + *škaša*	'Я желт (в отношении) моих ногтей'
	1ЕД	= 'Мои ногти желтые [сейчас]'.
no + *omeki*	+ ***paakane***	'У меня больные локти'.
1ЕД иметь.боль	локоть	
vs.		
noomeki	*ni* + *nepaaka*	'У меня болят локти'.

Ср. замечания Э. Сепира по поводу языка пайюте, примечание 18, с. 158.

Синтаксические факторы

При некоторых контекстных условиях инкорпорация может становиться обязательной. Например, в тива существительное, выступающее в роли прямого дополнения, если оно в единственном числе и обозначает человека, может инкорпорироваться или не инкорпорироваться по усмотрению говорящего (50a) — за исключением того случая, когда подлежащее — в 3-м лице: тогда инкорпорация становится обязательной (50b). В отличие от этого, существительное, обозначающее человека и стоящее во множественном числе, обязательно должно быть инкорпорировано (50c), за исключением той ситуации, когда у него есть какое-либо синтаксическое определение: в этом случае инкорпорация остается факультативной (50d).

(50) тива (Allen et al. 1984: 294–295)

a. *Ti* + ***seuan*** + *mū* + *ban* 'Я видел мужчину'.
1ЕД.СУБ- мужчина видеть ПРОШ
3ЕД.ОБ
и
Seuanide *ti* + *mū* + *ban*
мужчина.ЕД я.его.видел

b. *Hliawrade* ∅ + ***seuan*** + *mū* + *ban*
женщина 3ЕД.СУБ-3ЕД.ОБ мужчина видеть ПРОШ
'Женщина видела мужчину'.
vs.
**Hliawrade* ∅ + *mū* + *ban seuanide.*

c. *Bi* + ***seuan*** + *mə̃* + *ban* ‘Я видел мужчин’.
1ЕД.СУБ- мужчина видеть ПРОШ
3МН.ОБ
vs.
**Seuanin* *bi* + *mə̃* + *ban*
мужчина.МН я.их.видел

d. *Wisi* *bi* + ***seuan*** + *mə̃* + *ban*
два 1ЕД.СУБ- мужчина видеть ПРОШ
3МН.ОБ
‘Я видел двух мужчин’.
и
Wisi seuanin bi + *mə̃* + *ban.*

В чукотском языке числительное или прилагательное не может инкорпорироваться, если определяемое существительное стоит в номинативе, однако должно инкорпорироваться, если существительное — в косвенном падеже:

(51) чукотский

ŋireq *jara* + *t* vs. ***ŋera*** + *jara* + *ta*
два дом МН.НОМ два дом МН.ИНСТР
‘два дома’

n + *ilγə* + *qin* *jara* + *t* vs. ***elγə*** + *jara* + *ta*
АДЪЕКТ белый АДЪЕКТ дом МН.НОМ белый дом МН.ИНСТР
‘белые дома’

В примере (51) хорошо видны фонетические изменения, возникающие в инкорпорированных элементах — прежде всего гармония гласных, столь типичная для чукотского языка.

6. Место инкорпорации в модели языка типа Смысл-Текст

Поскольку инкорпорация представляет собой частный случай морфологического сложения$_1$, в модели языка она занимает то же самое место. Говоря точнее, инкорпорация представлена теми же двумя типами правил:

– семантические правила инкорпорации;

– морфологические правила инкорпорации.

Семантические правила инкорпорации устанавливают соответствия между исходной Сем(антической) С(труктурой) будущей фразы и теми лексемами, которые участвуют в инкорпорации и оказываются в узлах глубинно-синтаксической структуры этой фразы. Как и семантические правила сложения$_1$, семантические правила инкорпорации представляют собой частный случай правил лексикализации. Они решают, будет ли иметь место та или иная инкорпорация и если будет, то каким в точности образом она может или должна осуществляться. При этом они опираются на результаты действия других компонентов модели, обращаясь порой к более поверхностным уров-

ням представления фразы (например, проверяя те или иные синтаксические условия). В конце концов они создают лексемы с инкорпорацией, которые в дальнейшем, как и все прочие лексемы, обрабатываются морфологическим компонентом. Понятно, что семантические правила относятся к семантическому компоненту МСТ.

Морфологические правила инкорпорации строят сложные основы с учетом той информации, которая хранится в словарных статьях объединяемых лексем. Например, по этим правилам выбираются те алломорфы, в виде которых должен выступать инкорпорируемый корень, тогда как в других контекстах он может выступать в виде совсем других алломорф. Так, в яна (пример (21), с. 105) корень для 'огня' в инкорпорациях выступает в виде алломорфы **au**, а в других контекстах — в виде **auna**; аналогично, **xai** и **xana** для 'воды', **miyau** и **mɔ̄yauna** для 'пищи' и т. д. Другими морфологическими правилами инкорпорации осуществляются необходимые морфонологические изменения в инкорпорируемых корнях, и т. п. Эти правила принадлежат к морфологическому компоненту МСТ.

7. Явления, похожие на инкорпорацию

Инкорпорацию не следует смешивать с двумя указываемыми ниже языковыми явлениями, которые в некоторых отношениях очень на нее похожи, однако по сути дела глубоко отличны:

• С одной стороны, имеется в виду АФФИКСАЛЬНЫЙ ПОЛИСИНТЕТИЗМ, предельный случай которого представлен в эскимосском языке. Рассмотрим, например, следующую эскимосскую словоформу:

Biilersualiorsimavoq 'Он построил огромный автомобиль'.

На первый взгляд эта словоформа выглядит как форма с инкорпорацией; на самом же деле это не так. Она содержит всего только один корень **biili** 'автомобиль' [⟸ датск. **bil** ⟸ *(automo)bil*], а все остальные содержащиеся в ней знаки — это суффиксы (два словообразовательных: **-suaq**, суффикс аугментатива, и **-lior**, суффикс продуктива [см. Часть вторая [том 2], Глава IV, § 3, **4**, с. 429], плюс два словоизменительных: **-sima** 'прошедшее время' и **-voq** 'индик, 3ед.суб'). Не имеет смысла говорить, что существительное BIILI инкорпорировано в глагол, поскольку данная форма не содержит никакой глагольной основы. Инкорпорации в эскимосском нет.

• С другой стороны, речь идет о специальных словосочетаниях вида «глагол + субстантивное ДПрям», где имя существительное играет совершенно особую роль, вступая с глаголом в более тесные отношения, чем в «нормальных» комплетивных словосочетаниях:

– имя нереферентно;

– имя не может быть отделено от глагола какой-нибудь другой словоформой и не может сопровождаться никакими синтаксическими определителями;

– у имени отсутствует показатель его синтаксической роли (= аналитический показатель падежа);

– все словосочетание в целом трактуется в данном языке как единый непереходный глагол;

– клитики, маркирующие грамматические значения глагола, могут присоединяться к имени, когда оно следует за глаголом, играя для этого имени роль суффиксального замыкания.

Тем не менее, интересующее нас выражение все-таки остается при этом словосочетанием, построенным из отдельных словоформ; оно никоим образом не становится словоформой. (Вопрос о том, почему такое выражение не может считаться словоформой, не имеет непосредственного отношения к нашему изложению; укажем, впрочем, что здесь играют основную роль соображения фонетического порядка: количество и распределение ударений.)

Этот феномен весьма типичен для языков Океании; приведем два примера (субстантивное ДПрям взято в рамку в «нормальном» словосочетании и выделено шрифтом в «особом» словосочетании):

(52) a. гавайский

Ke kākau ana au i *leka*
НАСТ писать ДУР(атив) я АКК письмо
'Я пишу письмо'.
vs.
Ke kākau ***leka*** *ana au*
НАСТ писать письмо ДУР(атив) я
'Я занят писанием писем'.

b. ниуэ

Kua fa fakahu tuai he magafaoa e tau tohi he *vakalele*
ПРОШ посылать АБИТ ИНСТР семья НОМ МН письмо ИНСТР самолет
'Семья посылала письма самолетом'.
vs.
Kua fa fakahu ***vakalele*** *tuai he magafaoa e tau tohi*
ПРОШ посылать самолет АБИТ
[тот же перевод]

NB: При переходном глаголе в ниуэ используется эргативная конструкция; подлежащее, обозначающее агенса (= 'семья'), маркируется аналитическим показателем инструментального падежа.

Во французском наблюдается довольно похожее явление — устойчивые глагольные выражения типа *porter plainte* 'подавать жалобу' или *chercher querelle* 'затевать ссору'. Похожие словосочетания обнаруживаются также в тюркских языках и в венгерском.

Верно, что словосочетания типа *kākau leka* в гавайском языке весьма близки к словоформам с инкорпорацией, разделяя с ними многие из их характерных свойств. Тем не менее, принимая во внимание то, что инкорпорация—

в нашем смысле — это строго морфологическая операция (частный случай морфологического сложения$_1$), говорить об инкорпорации применительно ко всем этим словосочетаниям нельзя — постольку, поскольку они представляют собой именно словосочетания, а не словоформы. Так что примеры типа (52) не следует приводить в качестве иллюстрации понятия инкорпорации.

Впрочем, ничто не препятствует тому, чтобы различать, в случае необходимости, ***морфологическую инкорпорацию*** (= наша инкорпорация) и ***синтаксическую инкорпорацию*** (= «особые» комплетивные словосочетания вроде тех, что представлены выше).

*
* *

На этом мы заканчиваем рассмотрение инкорпорации и одновременно морфологического сложения. Теперь, после обсуждения того, что такое корень, мы вполне готовы приступить к следующему куску морфологического «пирога», а именно к аффиксам. Но прежде полезно бросить общий взгляд на все прочие (отличные от корня) морфологические знаки, встречающиеся внутри словоформ, т. е. на грамматические морфологические знаки. Такой анализ, с одной стороны, придаст глубину нашей характеристике корня, а с другой стороны, подготовит почву для изучения аффиксов и иных грамматических знаков в последующих разделах.

8. Грамматические морфологические знаки

Опираясь на понятие корня, легко определить ***грамматический морфологический знак***.

8.1. Понятие грамматического морфологического знака. Мы начнем, как всегда, с определения, чтобы перейти затем к типологии и к иерархии грамматических морфологических знаков.

Определение V.14: грамматический морфологический знак

Грамматический морфологический знак — это знак, являющийся, наряду с корнем, частью словоформы, но сам не являющийся корнем.

Пример

(53) Рассмотрим немецкую глагольную форму

sprachst ‘ты говоришь’.

Эта словоформа представима через следующие три знака:

sprachst = $\oplus$\{**sprech** ‘говорить’, $\mathbf{A}^{\mathbf{e\Rightarrow a}}_{\mathbf{IMPF}}$ ‘индикатив, имперфект’, **-st** ‘2 ед’\}.

Поскольку знак **sprech** — это корень, а остальные знаки — не корни, в словоформе **sprachst** мы видим два грамматических морфологических знака:

апофонию, выражающую имперфект индикатива (= $\mathbf{A}^{\mathbf{e\Rightarrow a}}_{\mathbf{IMPF}}$),

и

суффикс, выражающий 2-е лицо единственного числа (= **-st**).

Понятие грамматического морфологического знака покрывает, таким образом, все те знаки, которые 1) выражают грамматические значения (словоизменительные или словообразовательные) и 2) выражают их в пределах словоформы. Природа самого грамматического морфологического знака при этом несущественна: он может быть сегментным (аффиксом), супрасегментным (супрафиксом) или операцией (редупликацией$_2$, апофонией, конверсией$_2$).

В литературе встречаются и другие термины для обозначения того, что мы называем грамматическим морфологическим знаком, — *зависимая морфема*[21] (Langacker 1987: 336) и *грамматический формати*в (Anderson 1985: 161).

Легко понять, почему мы не можем пользоваться вслед за Лангакером первым из этих терминов: многие из обсуждаемых нами элементов морфемами не являются. Что же касается *грамматических формативов*, то хотя этот термин сам по себе и неплох, но при наличии термина *знак* в нем нет нужды.

Комментарии к Определению V.14

1. Когда мы говорим, что грамматический морфологический знак *является частью словоформы*, это не следует понимать в узком смысле — как 'является линейным сегментом означающего словоформы'. Грамматический морфологический знак является частью словоформы в том смысле, что он находится в числе знаков, служащих для ПРЕДСТАВЛЕНИЯ этой словоформы.

2. Отметим еще раз, что мы проводим принципиальное различие между корнями, с одной стороны, и всеми прочими знаками, с другой стороны. При построении словоформ корень считается базовым элементом, подвергающимся «воздействию» со стороны всех прочих знаков (= грамматических морфологических знаков), которые к нему присоединяются.

3. Уточнение «наряду с корнем», сделанное в Определении V.14, необходимо как раз для того, чтобы в число грамматических морфологических знаков не попали грамматические знаки, не являющиеся морфологическими. Возьмем, например, корни, выполняющие функции показателей аналитических форм: сослагательную частицу **бы** в русском языке, корни вспомога-

тельных глаголов, артикли, аналитические показатели падежей в тагальском (**ang**, **ng**, **si**, **kay**) и т. д. Являясь, безусловно, грамматическими, эти знаки никоим образом не будут морфологическими.

8.2. Типология грамматических морфологических знаков. В нашей системе лингвистических понятий можно построить ИСЧИСЛЕНИЕ (впрочем, достаточно тривиальное) всех грамматических морфологических знаков, имеющихся в естественных языках. Перечни грамматических морфологических знаков даются во многих учебниках лингвистики и справочных пособиях; однако это чисто эмпирические списки, которые могут быть исчерпывающими, но которым все равно недостает теоретического обоснования. В противоположность этому традиционному подходу, мы действуем дедуктивно, что логически гарантирует полноту нашего инвентаря. При этом те же самые дедуктивные рассуждения приводят нас к теоретической ИЕРАРХИИ грамматических морфологических знаков.

Пусть имеется некий корень, т. е. корневая морфа, **A** и некое словообразовательное или словоизменительное значение 'B', которое выражается не корнем (поскольку нас интересует здесь только некорневое выражение грамматических значений):

$$\mathbf{A} = \langle \text{'A'};\ /\text{A}/;\ \Sigma_{\mathbf{A}} = \text{корень}, \ldots \rangle;$$

'B', которое не является означаемым корня, представляет собой граммему или деривату, способную присоединяться к 'A'.

Мы хотим прибавить 'B' к 'A' так, чтобы получить словоформу **w** и чтобы при этом одновременно выполнялись следующие два условия:

(i) Между **A** и **w** имеются воспринимаемые различия, т. е. у них различны либо означающие, либо синтактики.

Это условие выделяет среди прочих языковых феноменов именно грамматические ЗНАКИ: без него нам пришлось бы иметь дело с ***полисемией***, т. е. с таким лингвистическим явлением, которое не имеет прямого отношения к морфологии.

Примем, например, что 'A' = 'работа', 'B' = 'мн. ч.'; тогда $\mathbf{w}(= \mathbf{A} \oplus \mathbf{B})$ будет иметь означаемое 'работа $\oplus$ мн. ч.', и при этом **w** таково, что адресат сообщения, встретив это **w** в соответствующем тексте, способен будет понять, что речь идет именно о 'работах', а не о 'работе', поскольку **w** ощутимым образом отлично от **A**.

(ii) Результирующий знак **w**, с означаемым 'A'$\oplus$'B'='A$\oplus$B' (или $\mathbf{w}$('A$\oplus$B')), представляет собой именно словоформу **w**, а не двухлексемное словосочетание $\mathbf{w}$('A') + $\mathbf{w}$('B').

Это условие позволяет выделить именно МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ грамматические знаки: без него нам пришлось бы иметь дело с грамматическими зна-

ками, включающими, среди прочих, показатели аналитических форм и т. п., которые не являются морфологическими.

Присоединение 'B' к 'A', о котором здесь идет речь, может быть осуществлено при посредстве всего лишь двух основных классов морфологических грамматических знаков:

I. Либо присоединением к **A** некоторой знаковой сущности $\mathbf{B} = \langle$'B'; /B/; $\Sigma_{\mathbf{B}}\rangle$, т. е. некоторой непосредственно воспринимаемой сущности.

II. Либо некоторым изменением знака **A**, т. е. посредством некоторого применяемого к **A** операционного знака.

Подчеркнем, что мы считаем в общем случае неприемлемым ОДНОВРЕМЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ значения 'B' при знаке **A** морфологическими знаками сразу двух классов, например знаковой сущностью и, одновременно, посредством операционного знака (посредством изменения знака **A**). Мы полагаем, что 'B', как правило, выражается каким-нибудь одним знаком, а другое средство — если оно тоже есть — играет при этом роль сопровождающего элемента, обязательного следствия присутствия первого элемента, и не имеет, тем самым, самостоятельного знакового статуса. Формализацией этого принципа в нашей понятийной системе является *Принцип единственного значащего средства*, см. ниже, **8.4**, 3, с. 153.

Каждый из двух классов грамматических морфологических знаков подразделяется на подклассы.

I. Если 'B' выражается знаковой сущностью, то означающим у нее является либо цепочка фонем (= сегмент), либо комплекс просодем (= супрасегмент). В таком случае мы имеем дело:

I.1. либо с ***аффиксами*** (поскольку элементарный сегментный знак, образующий часть словоформы наряду с корнем [= **A** в данном случае], но сам корнем не являющийся, — это аффикс),

I.2. либо с ***супрафиксами*** (элементарный супрасегментный знак, образующий часть словоформы, — это супрафикс).

II. Если для выражения 'B' знак **A** подвергается изменению, т. е. языковой операции, то для такой операции являются возможными два операнда: означающее знака **A** и синтактика знака **A**. (Операция, которая затрагивала бы только означаемое знака **A**, не была бы воспринимаемой: ее результатом была бы полисемия, см. выше.) В таком случае мы имеем дело:

II.1. либо с ***модификациями$_2$*** (это знаки, у которых означающее есть операция, воздействующая на означающее другого знака),

II.2. либо с ***конверсиями$_2$*** (это знаки, у которых означающее есть операция, воздействующая на синтактику другого знака).

Из-за существенных различий в природе модификаций$_2$ имеет, по-видимому, смысл различать среди них два основных подкласса:

II.1.a. ***повторы*$_2$**, или знаки, означающим которых является повтор$_1$, т. е. знаки, представимые через итерацию;

II.1.b. ***апофонии***, или знаки, означающим которых является модификация$_1$, не представимая через итерацию.

Итак, мы имеем в естественных языках ПЯТЬ основных классов грамматических морфологических знаков:

I.1.	Аффиксы
2.	Супрафиксы
II.1.a.	Повторы$_2$ (преимущественно редупликации$_2$)
1.b.	Апофонии
2.	Конверсии$_2$

В нашей понятийной системе нельзя представить себе никаких других грамматических морфологических знаков. Это означает, что любой грамматический морфологический знак неизбежно попадает в один из этих пяти классов, которым дальше будет дано подробное описание: аффиксы рассматриваются в § 3 (этой же главы), супрафиксы — в Главе III, повторы$_2$ и апофонии — в Главе IV, конверсии$_2$ — в Главе V.

Заметим, что в принципе возможно альтернативное определение *грамматического морфологического знака*:

Определение V.14′: грамматический морфологический знак

> *Грамматический морфологический знак* — это грамматический знак, являющийся собственной частью словоформы, чьи граммемы, квазиграммемы или дериватемы он выражает.

Уточнение «... чьи граммемы, квазиграммемы или дериватемы он выражает ...» введено в это определение по той же причине, что и соответствующее уточнение выше — а именно чтобы исключить неморфологические грамматические знаки. В самом деле, ведь корень вспомогательного глагола, которым выражается время некоторого полнозначного глагола V, является частью словоформы $\mathbf{w_1}$, но не частью той словоформы $\mathbf{w_2}$(V), для которой он служит показателем времени. Поэтому вспомогательный глагол и не считается морфологическим знаком, хотя он и является грамматическим знаком. В самом деле, например, во французском *avons écrit* '[мы] написали' = букв. '[мы] имели написанным' корень **av-** выражает граммему сложного прошедшего времени для глагола ÉCRIRE 'писать'; при этом, однако, он является частью словоформы *avons* [= $\mathbf{w_1}$], а не словоформы *écrit* [= $\mathbf{w_2}$(V)]. Следовательно, хотя знак **av-** является грамматическим, он не является морфологическим.

Поскольку мы занимаемся здесь понятием 'грамматический морфологический знак', полезно, по-видимому, напомнить определения понятий 'морфологический' и 'грамматический' (применительно к знаку):

1. Знак называется *морфологическим*, если он является частью той же самой словоформы, что и словоформа, в которую входит знак-ориентир (= знак, которым выражено основное лексическое значение данной лексемы).

2. Знак называется *грамматическим*, если он выражает только грамматические значения.

Уточним заодно три значения прилагательного *морфологический*, в которых оно используется в КОМ-е:

– *морфологический* [без индекса]: ≈ 'не выходящий за пределы словоформы';

– *морфологический*$_1$: 'имеющий отношение к соответствующему компоненту языка';

– *морфологический*$_2$: 'имеющий отношение к соответствующему разделу лингвистики'.

8.3. Иерархия грамматических морфологических знаков. Мы уже видели (§ 1 Главы I настоящей части, с. 14) иерархию элементарных морфологических знаков. Поскольку грамматические морфологические знаки являются, по большей части, элементарными, они получают свое место в этой иерархии. Только два типа грамматических морфологических знаков не являются элементарными: мегаморфы и квазиморфы; последние представляют собой особый подкласс фразеологизованных комплексов морф, см. раздел С, с. 478 и сл. Вместе с тем, они являются сегментными квазиэлементарными знаками и с точки зрения интересующей нас иерархии обладают теми же самыми свойствами, что и морфы; следовательно, в дальнейшем изложении мы можем приравнять их к морфам и больше к ним не возвращаться.

Не повторяя здесь иерархию элементарных морфологических знаков, мы просто подчеркнем следующий факт:

> Среди грамматических морфологических знаков центральное место занимают аффиксы; это наиболее обширный, наиболее распространенный и наиболее часто используемый в языке класс грамматических морфологических знаков.

Этим аффиксы обязаны своей семиотической природе: присоединение к корню какого-либо знака-модификатора «извне», «снаружи», оставляет исходный знак более или менее неизменным и, как следствие этого, более легко распознаваемым, благодаря чему обеспечивается разнообразие форм, необходимое для выражения астрономического числа значений. Операционные знаки, напротив, меняют — по определению — исходный знак и делают его

поэтому хуже распознаваемым, что с точки зрения семиотики представляется отрицательным свойством. Тем самым, оказывается ограниченным и формальное разнообразие значащих операций (ср. Uhlenbeck 1962: 430).

8.4. Принципы выбора морфологических знаков в ситуации неединственности описания. Как уже говорилось (Глава I настоящей части, § 1, **5**, с. 15), иерархия морфологических знаков может служить основанием нашего выбора в ситуациях неединственности морфологических решений. Другими словами, если перед нами оказывается языковое явление, которое — со строго формальной или логической точки зрения — может быть описано посредством нескольких разных морфологических знаков, мы выбираем то или иное из этих описаний, следуя трем приводимым ниже эвристическим принципам (A–C):

1. Принцип старшинства средства описания

(A) При прочих равных условиях предпочтительным является такое описание, в котором использовано средство, занимающее более высокое место в иерархии:

аффиксы > супрафиксы > модификации$_2$ > конверсии$_2$

(см. Глава I, § 1, **5**, с. 15).

Например, если словоформа, выражающая грамматическое значение 'X', включает в себя суффикс **X** и модификацию$_1$ **A**, наличие которых всегда вытекает из наличия значения 'X', то мы говорим, что 'X' выражается посредством суффикса **X** (и пишем **X** = ('X'; /X/; Σ_X)), тогда как **A** считается всего лишь чередованием (= пустой модификацией$_1$), сопровождающей **X**. Если никакого суффикса нет, но наблюдается конверсия$_1$ **C**, следует говорить, что 'X' выражается через **A**, становящуюся тогда апофонией, а **C** остается пустой$_1$ операцией, сопровождающей эту апофонию.

Принцип A может вступать в конфликт с принципом B:

2. Принцип наиболее общего средства описания

(B) При прочих равных условиях предпочтительным является описание, в котором использовано самое общее описательное средство, т. е. такой морфологический грамматический знак, который применим если не во всех, то в подавляющем большинстве случаев данного типа.

Пример

(54) русский

Рассмотрим русское существительное **ширь**, образованное от корня **шир**(*-ок* + *ий*). Для представления этого знака есть две логические возможности:

• Либо мы говорим, что **ширь** образовано от **шир-** путем палатализации конечной согласной. Модификация$_1$ /r/ $\Longrightarrow$ /r′/ является в таком случае апофонией, образующей абстрактные существительные от адъективных корней; при этом конверсия$_1$ Adj $\Longrightarrow$ N представляет собой всего лишь сопутствующее изменение, вызываемое данной апофонией. В русском языке имеется целый ряд аналогичных случаев:

a.

прилагательное	существительное
гол(*-ый*)	**голь**
выс(*-ок + ий*)	**высь**
глуб(*-ок + ий*)	**глубь**

• Либо мы говорим, что **ширь** образована от **шир-** путем конверсии$_2$ Adj $\Longrightarrow$ N, а чередование /r/ $\Longrightarrow$ /r′/ является всего лишь изменением, сопутствующим этой конверсии$_2$.

Принцип A говорит в пользу первого решения, поскольку в иерархии морфологических средств апофония выше конверсии$_2$. Однако принцип B рекомендует принять второе описание: в русском языке обнаруживается довольно много прилагательных, у которых палатализация конечной согласной в корне невозможна (по фонологическим причинам — например, потому, что эта согласная уже палатализована) и, тем не менее, существительные типа **ширь** от них успешно образуются:

b.

прилагательное	существительное
син(*-ий*) /sin′(*-ij*)/	**синь** /sin′/
ран(*-н + ий*) /ran′(*-n + ij*)/	**рань** /ran′/
дал(*-ёк + ий*) /dal′(*-ok + ij*)/	**даль** /dal′/

Здесь в качестве описательного средства (= морфологического грамматического знака) можно использовать только конверсию$_2$; следовательно, согласно принципу B, она должна быть распространена на все случаи данного типа.

Из сказанного видно, что в случае конфликта принципов A и B мы отдаем предпочтение принципу B.

Однако в случае такого конфликта существует еще и третья возможность: избежать выбора между принципом A и принципом B, решив, что интересующее нас грамматическое значение выражено сразу ВСЕМИ наблюдаемыми морфологическими средствами, так что все они окажутся знаками. В частности, для русского существительного **ширь** это значило бы, что оно образовано сразу и апофонией /r/ $\Longrightarrow$ /r′/, и конверсией$_2$ Adj $\Longrightarrow$ N одновременно. Однако мы полагаем, что в общем случае это не лучший выход: наше описание становится чрезмерно усложненным. В самом деле, представьте себе, к примеру, такое описание системы склонения в славянском языке вроде русского, сербохорватского или польского, в котором все бесконечное

множество чередований в основах тоже считается показателями падежей! Поэтому мы постулируем еще один методологический принцип:

3. Принцип единственного значащего средства

(C) В случае когда наличие в некоторой словоформе **w** определенного грамматического значения 'σ' соответствует наличию в этой словоформе **w** нескольких морфологических средств, следует выбрать в качестве носителя значения 'σ' только одно из этих средств и именно его и считать в данном конкретном случае морфологическим грамматическим знаком; все остальные присутствующие в словоформе морфологические средства должны быть признаны в данном случае незначимыми — пустыми$_1$ операциями или пустыми$_2$ знаками, автоматически сопутствующими избранному грамматическому знаку.

Принцип C вынуждает нас сделать выбор между применением принципа A и применением принципа B.

Мы не можем заниматься здесь подробным обсуждением принципов A–C: это увело бы нас далеко от темы данной главы. Однако, по-видимому, было полезно привести их здесь, хотя бы ради того, чтобы дать общее представление об одной из важных проблем морфологии. В заключение подчеркнем, что эти принципы носят сугубо эвристический характер, а не являются строгими правилами.

9. Морфологические способы

Все морфологические знаки — будь то корни или грамматические знаки, элементарные или неэлементарные, — «объединяются» в словоформе посредством некоторых элементарных действий, называемых ***морфологическими способами***. Морфологические способы представляют собой подкласс грамматических способов, используемых в естественных языках; мы будем говорить о них подробно дальше, после того как завершим обсуждение всех морфологических грамматических знаков — в Главе VI, с. 369 и сл.

Примечания

[1](1, с. 65). В словоформах **lundi** 'понедельник', **mardi** 'вторник', **mercredi** 'среда' и т. п. легко заметить элемент *-di*, которому можно было бы приписать смысл 'день недели'. Если так и поступить, то названия дней недели во французском окажутся неэлементарными знаками; **lundi** уже нельзя будет считать цельным корнем. С исторической точки зрения это существительное и в самом деле сложное: оно происходит от латинского **lunae dies** 'день луны', точно так же как **mardi** ⇐ лат. **Martis dies** 'день Марса', и т. д.

Однако в строго синхронном плане словоформа **lundi** не является ни представимой, ни квазипредставимой через другие знаки французского языка: если элемент *-di* еще как-то мог бы получить статус знака (суффикса?), то уж «обломки» *lun-*, *mar-*, *mercre-* никоим образом этого не заслуживают. Обсуждение соответствующего явления см. в § 5 настоящей главы, **7**, с. 287 и сл.

[2](**1**, 1, с. 66). Здесь необходимы три пояснения:

1. Словоформа может содержать нулевой корень, и это не то же самое, что отсутствие корня (**5.2**, с. 88).

2. Историческое развитие может привести к тому, что в словоформе как бы вообще не оказывается корня, тот корень, который когда-то имелся в данной словоформе, исчезает в процессе фонологической эволюции.

Так, в формах совершенного вида русского глагола **вын**(*-уть*) основа состояла некогда из префикса **вы(н)-** и корня **-им**, который впоследствии утратился (ср. форму несовершенного вида **вын** + **им**(*-ать*), где этот корень сохранился); *-у* — это тематический элемент, а *-ть* — показатель инфинитива. Формы совершенного вида у этого глагола выглядят так: 1 ед. — **вын** + **у**, 2 ед. — **вын** + **ешь**, ..., императив — **вынь!** и прошедшее время — **вын**(*-у* + *л*); как легко видеть, древнего корня в них уже нет. Однако с синхронной точки зрения корнем этого глагола является элемент **вын-**, а корнем соответствующего глагола несовершенного вида — **выним-**. Поэтому нельзя говорить, что в современном языке глагол **вын**(*-уть*) не имеет корня.

Похожий случай наблюдается в польском языке, где глагол **wziąć**(*-ć*) /vž′on/ 'взять' содержал когда-то префикс **wz-/wez-** и корень **-im**. Императив единственного числа в современном языке — **weź** /vež′/ 'возьми' — оказался состоящим всего лишь из древнего префикса (плюс палатализация конечной согласной); тем не менее, повторяем, в рамках строго синхронного описания морфы **wzią-**, **wez-** и т. п. считаются алломорфами корня: в синхронном плане корень в словоформе имеется всегда.

3. В некоторых исключительных случаях все-таки может оказаться так, что словоформа не содержит «настоящего» корня: его место занимает аффикс, который в силу этого временно приобретает статус корня. Так устроены формы косвенных падежей венгерских личных местоимений, типа *nek*+ *em* 'мне' *től*+ *ed* 'от тебя' и т. п., где **nek-** и **től-** — это суффиксы датива и элатива, соответственно; см. ниже, с. 84 и сл.

[3](**1**, 2, с. 66). В большинстве французских существительных корень не совпадает со словоформой: словоформы типа **livre** 'книга' или **fenêtre** 'окно' содержат нулевой суффикс единственного числа, так что **livre** = **livre** ⊕ **-∅** и т. д. Однако, например, поскольку при знаке **cas** показателя множественного числа не бывает, то и нулевой показатель единственного числа усматривать при нем нельзя (см. § 2 Главы I, **2.2**, 2, с. 27: принцип Хааса). В знаке **cas**

смыслы ‘случай’ и ‘ед. ч./мн. ч.’ выражены кумулятивно. Это знак, похожий на англ. знак **sheep** ‘овца/овцы’.

(Сказанное верно лишь относительно письменной формы французского языка. В устной речи существительное **cas** имеет показатель мн. числа **-z**, который может проявляться в льезонах: *un cas intéressant* /œ̃ ka ɛ̃teʀesɑ̃/ ‘интересный случай’ vs. *des cas intéressants* /de kaz ɛ̃teʀesɑ̃/ ‘интересные случаи’. Так же ведут себя другие аналогичные существительные.)

[4](**3.2**, с. 72). Элемент **-ов**, который мы видим в окончании **-овщина**, — это пустой$_2$ суффикс, который часто встречается в русских производных$_{1,\,2}$; см. Главу I настоящей части, а также Главу II, § 3, **8.1**, с. 210.

[5](**3.3**, с. 75). Исторически все семитские корни являются консонантными.

[6](**3.4**, конец раздела 2, с. 79). В языке с одноморфными словоформами, вроде древнекитайского или вьетнамского (= в идеальном изолирующем языке), кластерный анализ приведет к разбиению множества морф на два класса: **I′** и **II′**, очень похожие на наши классы **I** и **II**: в класс **I′** будут входить «полноценные» корни, а в класс **II′** — «вспомогательные», т. е. грамматические, или служебные. Функционально корни класса **II′** играют ту же роль, что и аффиксы в более привычных нам языках (= морфы класса **II**); разница будет чисто формальной: вхождение/невхождение в качестве составной части в одну словоформу. Однако, с точки зрения КОМ-а именно эта разница представляется принципиальной.

[7](**4.2**, 2, (8c), с. 83). Означаемое суффикса **-ur** представляется как операция изменения ***диатезы***. Чтобы прояснить эту формулировку, напомним, что такое диатеза (Часть вторая [том 2], Глава II, § 4, **4.2**, 6, Опр. II.35, с. 163), и приведем описание латинского глагола OCCIDERE ‘убивать’ в активе и в пассиве.

Диатеза, или соответствие между семантическими и глубинно-синтаксическими актантами лексемы, задается при помощи таблицы, называемой ***моделью управления***. Ниже приведена модель управления произвольного латинского переходного глагола в активе (в том числе глагола OCCIDERE):

(i)

X	Y
I	II
НОМ	АКК

Из этой схемы видно, что семантический актант X рассматриваемого глагола выражается его первым глубинно-синтаксическим актантом (грубо говоря, его подлежащим), который затем, на более поверхностном — морфологическом — уровне, маркируется номинативом. При этом семантический актант Y выражается вторым глубинно-синтаксическим актантом (≈ прямым дополнением), который маркируется аккузативом.

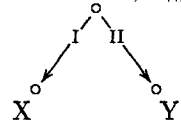
Глагол OCCIDERE в активе — во фразе типа (8a) — имеет на разных уровнях следующие представления:

Семантическое представление

(ii) *X occidit Y* = 'Посредством прямого воздействия на Y-а X каузирует, что Y умирает, причем каузация и смерть не разделены существенным образом во времени и в пространстве'

Глубинно-синтаксическое представление

(iii) $\text{OCCIDERE}_{\text{акт, инд, наст}}$

Глубинно-морфологическое представление

(iv) $[\text{X}_{\textbf{число, ном}}]$ $\text{OCCIDERE}_{\text{акт, инд, наст, }\textbf{число}\text{, 3}}$ $[\text{Y}_{\text{аккуз}}]$

Суффикс **-ur** изменяет диатезу глагола, не затрагивая его семантических актантов (X остается убийцей, а Y — жертвой). Модель управления латинского переходного глагола в пассиве такова:

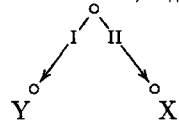
(v)

X	Y
II	I
a + АБЛ	НОМ

Синтаксическое и морфологическое представления — для глагола OCCIDERE, стоящего в пассиве, как в (8b) — выглядят следующим образом (при том что семантическое представление остается тем же самым):

Глубинно-синтаксическое представление

(vi) $\text{OCCIDERE}_{\text{пасс, инд, наст}}$

Глубинно-морфологическое представление

(vii) $[\text{Y}_{\textbf{число, ном}}]$ $\text{OCCIDERE}_{\text{пасс, инд, наст, }\textbf{число}\text{, 3}}$ $[\text{A X}_{\text{абл}}]$

[Линейный порядок элементов в (iv) и в (vii) не имеет принципиального значения.]

[8](**4.2**, 4, с. 85). Когда для образования падежей личных местоимений к падежным суффиксам присоединяются притяжательные суффиксы, то у одних

падежных суффиксов выступает в этом случае «передняя» форма (с гласными переднего ряда), а у других падежных суффиксов — «задняя». Именно в данном контексте проявляется глубинная форма падежного суффикса, т. е. форма, не подвергшаяся влиянию вокализма предшествующей морфы. Рассмотрим, например, пары падежных суффиксов **-nál/-nél** (АПУДЭССИВ 'рядом с ...') и **-val/-vel** (СОЦИАТИВ '(совместно) с ...'); 'около меня' говорится *nál+ am* ⟨**nél+ em*⟩, тогда как 'со мной' — *vel+ em* ⟨**val+ am*⟩, т. е. у суффикса апудэссива глубинная форма — «задняя», а у суффикса социатива — «передняя».

[9](**4.2**, 4, с. 86). О понятии порядка конфикса см. § 3 данной главы, **3.4**, с. 179 и сл.

[10](**4.2**, 4, с. 86). Немецкие наречия вроде DARAN, DARAUF, DARIN и т. п. не имеют отношения к интересующей нас проблеме. В самом деле, немецкое указательное местоимение DAS 'это' не может управляться предлогом, а если такая необходимость возникает, взамен употребляется соответствующее наречие: так, в частности, вместо **an das* говорится *daran*, вместо **auf das* — *darauf*, и т. п. Здесь перед нами сложные$_1$ наречия, включающие в себя два корня — что не имеет, ясное дело, никакой логической связи с рассмотренной выше ситуацией в венгерском языке.

[11](**5.1**, с. 87). ***Полисинтетическими*** называются языки, в которых имеется ярко выраженная тенденция передавать значительный объем языковой информации ВНУТРИ словоформы, так что словоформы этих языков по своему семантическому содержанию зачастую оказываются вполне сопоставимыми с целыми предложениями других языков.

[12](**6.2**, с. 89). По поводу категории дейксиса см. Часть вторая [том 2], Глава II, § 2, **2**, с. 49 и сл.

[13](**6.2**, 3, с. 94). Русский циркумфикс **рас-...-ся** считается единым аффиксом, а не сочетанием префикса **рас-** с суффиксом **-ся**, хотя, вообще говоря, и префикс **рас-**, и суффикс **-ся** существуют в русском языке как самостоятельные единицы. Основанием для такого решения является тот факт, что смысл 'слишком долго (и не самым лучшим образом)' выражается только цельным циркумфиксом **рас-...-ся**: ни одна из его частей по отдельности не несет ни всего этого смысла, ни какой-либо из его частей. Этот циркумфикс представляет собой квазиморфу. (Подробное описание похожего русского словообразовательного циркумфикса — **до-...-ся** см. в Mel'čuk 1987, а также Часть шестая, Глава I, § 4.)

[14](**7.2**, (17), с. 100). В традиционной финской грамматике этот падеж называется *адэссив*. Однако согласно нашей номенклатуре падежей существительных он должен называться *суперэссив*, поскольку он значит '[находящийся] на ...'. См. Часть вторая [том 2], Гл. III, § 4, **2.2**, с. 336.

[15](**7.3**, 2, с. 105). Здесь требуются два уточнения:

• Имеется еще другой корень **вод**, выступающий в глаголе **вод**(*-и+ть*); нашему корню **вод** он омонимичен. (Впрочем, этимологически это один и тот же корень.) Смысл, соответствующий нашему корню **вод**, может быть выражен и отдельным словом — глаголом **развод**(*-и+ть*) с корнем **развод**, который этимологически тоже родствен нашему корню **вод**, однако в синхронном плане никак с ним не связан. От глагола **разводить** нельзя образовать имя деятеля (**разводитель*, **разводчик*, **разводильщик*), и поэтому корень **вод** остается единственным доступным в русском средством для обозначения смысла 'тот, кто разводит ...'.

• Мы не можем доказать, что знак **еже** представляет собой именно корень с ограниченной сочетаемостью, а не префикс. Синтактика этого знака явным образом не похожа на синтактику большинства русских корней. Вместе с тем, мы не располагаем и аргументами в пользу того, чтобы трактовать этот знак как префикс. В данном случае перед нами типичный случай неединственности морфологических решений. Мы просто последовали традиционному описанию, которое принято в грамматике русского языка (и диктуется, по всей видимости, этимологическими соображениями: исторически, **еже** представляет собой окаменевшую форму местоимения **иже** 'который').

[16](**7.4**, 1, с. 109). Эти факты имеют семантическое обоснование:

• Аппендитивное отношение представляет столь туманную семантическую связь, что оно само стоит на грани смысловых отношений: его можно считать асемантичным отношением. Поэтому у него и нет шансов оказаться «лексикализованным» в составе сложных основ.

• Напротив, глубинно-синтаксическое отношение **I**, зависимый член которого выражает активного целесообразного деятеля, если угодно, слишком «семантично». Соотношение «действие ~ активный деятель» является центральным в синтаксисе всех языков, и этот его характер блокирует его «лексикализацию» в сложных основах.

[17](**7.4**, 1, после (29), с. 112). Выбор термина *karmadhāraya* для данного типа сложных$_1$ основ представляется довольно странным: ведь сам этот термин — это сложная$_1$ основа типа *tatpuruṣa*. Мы привели его здесь исключительно как дань давней традиции.

[18](**7.4**, 1, после (29), с. 113). Вот что писал по этому поводу Э. Сепир: «(В языке пайюте) ... встает следующая проблема: когда именно для выражения дополнения следует использовать инкорпорацию, а когда, напротив, надо предпочесть ей синтаксическую технику? В настоящее время мы не в состоянии удовлетворительно ответить на этот вопрос. Мы можем только высказать предположение, что инкорпорация дополнения в глагол предпочитается при выражении того, что можно было бы назвать 'типичной или

характеристической деятельностью', т. е. в тех случаях, когда деятельность и ее объект связаны некоторой регулярной связью, известной говорящему по опыту ('охотиться на кроликов', 'искать следы', 'ставить сети'); 'случайная' же (или произвольная) деятельность ('видеть дом', 'искать камень' и т. д.), напротив, будет выражена, скорее, глаголом с присоединением к нему отдельного дополнения — в виде синтаксически определенного самостоятельного существительного» (Sapir 1911: 264; перевод наш).

[19](**7.4**, 1, с. 114). Этот пример, как и все прочие чукотские примеры в этой книге, был проверен и исправлен И. А. Муравьевой. Я благодарю ее за дружескую помощь.

[20](**7.6**, 5, с. 140). Не следует думать, что инкорпорированное существительное никогда не может быть референтным: на самом деле это вовсе не так. В некоторых языках референтное имя вполне может оставаться референтным при инкорпорации, как, например, в языке науатль:

(i) науатль (Merlan 1976: 185)

1. A: *Kanke eltok kočillo? Na? ni?neki* *amanci*
   где есть нож я 1ЕД.СУБ.-3ЕД.ОБ-хотеть сейчас
   'Где нож? Я его хочу сейчас'.

   B: *Ya? ki* + ***kočillo*** + *tete?ki* *panci*
   он 3ЕД.СУБ.-3ЕД.ОБ нож резать-ПРОШ хлеб
   'Он резал (этим) ножом хлеб'.

2. A: *Ika tla?ke ki* + *tete?ki* *panci?*
   посредством чего 3ЕД.СУБ.-3ЕД.ОБ резать-ПРОШ хлеб
   'Чем он резал хлеб?'

   B: *Ya?* ***panci*** + *tete?ki* *ika* *kočillo*
   он хлеб резать-ПРОШ посредством нож
   'Он резал хлеб (каким-то) ножом'.

Во фразе (i.1-B) инкорпорированный элемент **kočillo** относится к тому же самому ножу, который упоминался во фразе (i.1-A); во фразе (i.2-B) инкорпорированный элемент **panci** относится к тому же самому хлебу, о котором шла речь во фразе (i.2-A).

От инкорпорированного имени могут также остаться во фразе те или иные его модификаторы (артикли, квантификаторы, относительные придаточные); после включения имени в глагол они остаются «беспризорными» (= англ. *stranded*); вот несколько примеров этого (заимствованных из Baker 1988: 93–94; инкорпорированное существительное, от которого остался «беспризорный» внешний зависимый, и сам этот зависимый элемент выделены шрифтом):

(ii) «Беспризорный» артикль

a. онондага

Nēkẽ	*o*	+ ***nõhs***	+ *akayõh*
вот-этот	3СРЕДН	дом	старый

'Этот дом старый' =
букв. 'Этот оно[безличное]-есть-домо-старое'.

b. тива

Yede	*a*	+ ***seuan***	+ *mũ*	+ *ban*
тот	2ЕД.СУБ	мужчина	видеть	ПРОШ

'Ты видел того мужчину' = букв. 'Тот ты-мужчино-видел'.

(iii) «Беспризорный» квантификатор

тива

Wisi *a*	+ ***seuan***	+ *mũ*	+ *ban*
два 2ЕД.СУБ	мужчина	видеть	ПРОШ

'Ты видел двух мужчин' = букв. 'Два ты-мужчино-видел'.

(iv) «Беспризорное» определительное придаточное

тива

Te	+ ***pan***	+ *tuwi*	+ *ban*	***ku***	+ ***kha***	+ ***ba***	+ ***?i***
1ЕД. СУБ	хлеб	покупать	ПРОШ	2ЕД. СУБ	печь	ПРОШ	РЕЛЯТ- (ивизатор)

'Я купил хлеб, который ты испек'.

Все приведенные конструкции чрезвычайно типичны для рассматриваемых здесь языков. (По поводу «внешней» синтаксической активности инкорпорированных$_1$ элементов см. Polinsky 1993: 355.)

Допустимость «беспризорных» элементов составляет специфическую черту инкорпорации, поскольку морфологическое сложение$_1$ в собственном смысле, т. е. сложение, не являющееся инкорпорацией, характеризуется как раз отсутствием внешних определителей у компонентов, входящих в состав сложной$_1$ словоформы, а также недоступностью этих компонентов для прономинализации: см. подраздел **7.5**, с. 119.

Напомним, однако, что даже в языках, где инкорпорации нет, компоненты сложных$_1$ словоформ могут иногда иметь внешние определители (Часть первая [том 1], Глава IV, § 2, **3.2**, (25), с. 203 и примечание 1 к § 4, с. 232) или быть доступными для прономинализации (там же, **3.1**, (15), с. 197 и примечание 12, с. 210). Тем не менее, для морфологического сложения$_1$, не являющегося инкорпорацией, такие явления представляют собой все же, скорее, исключения; для инкорпораций же — по крайней мере, в ряде языков — это норма.

[21](**8.1**, после примера (53), с. 146). Употребление этого термина находится в полном соответствии с широкой интерпретацией термина *морфема* в американской лингвистике: ср. Глава II, § 1, **2.1**, с. 41.

Библиографические указания

Морфологическое сложение существительных в английском языке рассматривается в книге Levi 1978, содержащей подробное и хорошо организованное описание как языковых фактов, так и теоретических проблем; кроме того, там можно найти и много полезных библиографических ссылок. Важную веху представляет собой также классический труд Marchand 1960: 11 и сл., где дан полный обзор предшествующих исследований на данную тему. В статье Kooij 1968 обсуждается интереснейшая проблема «семантической специализации» (= фразеологизации) сложных основ.

Сложение существительных во французском (в сопоставлении с аналогичным явлением в польском) описывается в книге Sypnicki 1979; следует, правда, предостеречь читателя: автор смешивает сложные$_1$ лексемы со сложными$_2$ (типа *gagne-pain* 'кормилец', *cache-nez* 'кашне', *attrape-nigaud* 'ловушка для простаков') и сложные лексемы со словосочетаниями (типа *poche revolver* 'задний карман', *zone franc* 'зона франка', *cadeau-surprise* 'подарок-сюрприз').

Теоретические аспекты сложения обсуждаются, наряду с некоторыми другими вопросами, в работах Selkirk 1982, Lieber 1983, Di Sciullo and Williams 1987.

Различия между аффиксами и компонентами сложных основ рассматриваются в работах Григорьев 1958 и Fleischer 1975: 67–70 — на материале русского и немецкого, двух языков, изобилующих всевозможными промежуточными случаями.

Блестящий анализ инкорпорации дан в классической статье Sapir 1911. Из более поздних работ можно указать Mardirussian 1975, Biermann 1980, Allen et al. 1984, Mithun 1984 (хороший обзор широкого спектра взглядов), Muravyova 1992, а также синтезирующую книгу Baker 1988. В сборнике Chappel and McGregor 1995 в большом числе статей обсуждается инкорпорация на материале самых разных языков.

§ 3
АФФИКС

1. Понятие аффикса

После того как понятие корня было подробно разобрано в § 2, нам будет несложно дать определение аффикса.

Определение V.15: аффикс

Аффиксом называется морфа [= сегментный элементарный знак], не являющаяся корнем.

NB: Определение V.15 сильно упрощает истинное положение дел. В действительности, аффикс может быть и мегаморфой: см. примечание 10, с. 226. Здесь, однако, мы позволим себе отвлечься от этого достаточно редкого явления.

Чтобы лучше представить важное понятие аффикса, мы приведем два альтернативных определения.

Определение V.15′: аффикс

Аффиксом называется морфологическая грамматическая морфа.

Определение V.15″: аффикс

Аффиксом называется морфологический грамматический знак, являющийся морфой.

Эти эквивалентные версии Определения V.15 будут полезны при рассмотрении конкретных примеров аффиксов.

Комментарии к Определению V.15

В Определении V.15 требуют отдельного обсуждения два момента:
– Противопоставление «аффиксы ~ корни».
– Относительный характер этого противопоставления.

1. Противопоставление «аффиксы ~ корни»

Как уже говорилось ранее, аффиксы обычно противопоставляются корням как по означаемому, так и по означающему.

• Что касается означаемого, то аффиксы выражают исключительно ***грамматические значения***: см. Часть первая, [том 1], Глава V, § 4, с. 307. Вспомним, однако, что некоторые грамматические значения могут выражаться также при помощи корней; по поводу синонимии между аффиксами и корнями см. § 2 настоящей главы, **3.2**, с. 72 и сл.

• Означающее аффиксов, в среднем, короче, чем означающее корней. Кроме того, во многих языках означающее аффиксов бывает весьма специфическим. Так, например, в английском только у аффиксов означающее может состоять всего из одной согласной: /s/ и /z/ в качестве показателей множественного числа существительных, показателей посессива или показателей 1 ед. настоящего времени глаголов, /t/ и /d/ в прошедшем времени, /t/, /d/ и /n/ в качестве суффиксов причастия прошедшего времени. В арабском только означающее трансфикса может состоять из одних гласных *-ā-i-* 'тот, кто ...', *-u-ū-* 'мн. ч. [существительных]', *-u-i-* 'пассив' и т. д.

Тем не менее, как было показано выше, эти особенности не могут служить определяющим критерием; таковым может быть только критерий, опирающийся на сходство синтактик.

2. Относительный характер противопоставления «аффиксы ~ корни»

К сожалению, противопоставление между корнями и аффиксами зачастую оказывается далеко не таким четким, как это следует из нашего определения. Нам известны, по крайней мере, два явления, когда это противопоставление затушевывается.

Во-первых, аффиксы могут линейно отрываться от своих словоформ и фигурировать в тексте как отдельные словоформы (порой находясь даже между двумя паузами). Так обстоит дело, например, с немецкими или венгерскими отделяемыми префиксами, о которых уже говорилось ранее (Часть первая [том 1], Глава IV, § 2, 2.7, с. 189–192):

(1) венгерский

a. ***Le** kell egy kicsit **pihennie***
'Вам надо прилечь(, чтобы немного) отдохнуть'. Пословный перевод: *le-* = 'вниз', *pihenni* = 'отдохнуть' [инфинитив], *lepihenni* = 'прилечь отдохнуть', *kell* = 'надо', *egy kicsit* /ed′ kičit/ = 'немного'.

b. *Itt **állott meg** az autó?*
'Машина остановилась здесь?' Пословный перевод: *itt* = 'здесь', *megáll* = 'остановиться, ПЕРФЕКТИВ', *az autó* = 'машина'.

c. 1. — ***Megkapta** a könyvet?* 'Вы получили книгу?'
2. — ***Meg*** 'Да'.

Перфективирующий префикс глагола *megkap* 'получить, ПЕРФЕКТИВ' самостоятельно повторен здесь как положительный ответ на вопрос — вместо *igen* 'да'.

Во фразах типа (1a, b, c-2) префиксы ведут себя очень похоже на корни — и, подобно корням, сами по себе образуют словоформы. Тем не менее, это не настоящие, а вторичные словоформы — словоформы, «полученные повышением статуса» (Часть первая [том 1], Глава IV, § 5, с. 235), т.е. одна из причуд языка, реализующаяся только в особых условиях.

Во-вторых, относительно ряда морф затруднительно решить, относятся ли они к классу корней или к классу аффиксов, поскольку они в равной мере обладают свойствами и тех, и других. Вот несколько примеров такого рода.

(2) **a.** немецкий

Mann 'человек'/мн. *Leute*	*Kauf**mann*** 'торговец, купец' /мн. *Kauf**leute*** [*kauf*(*-en*) 'покупать']
Zeug 'вещь, штука, орудие, принадлежность'	*Spiel**zeug*** 'игрушка' [*spiel*(*-en*) 'играть']
Riese 'гигант, великан'	***Riesen**brücke* 'мост-гигант'
mäßig 'умеренный'	*regel**mäßig*** 'регулярный' [*Regel* 'правило']

b. английский

man 'человек'/мн. *men*	*congress**man*** 'конгрессмен' /мн. *congress**men*** *post**man*** 'почтальон'/мн. *post**men***

c. русский

горе 'несчастье'	*горе-политик*, *горе-полководец*

d. французский

sous 'под'	***sous**-ensemble* 'подмножество', ***sous**-classe* 'подкласс', ***sous**-chaîne* 'подцепочка', ...

Знаки в левой колонке — это корни; но можно ли с уверенностью сказать про знаки в правой колонке, что это аффиксы? Или все они тоже корни? (При первом решении словоформы из правой колонки оказываются производными, а при втором — сложными.) А может быть, это какие-то промежуточные элементы, ***полуаффиксы***, как пишут некоторые авторы?

Имеется много аргументов в пользу решения, что знаки в словоформах правой колонки являются аффиксами: они достаточно далеко отошли от соответствующих корней и по своему означаемому, и по своему означающему, и по своей синтактике.

Что касается означаемого, то сомнительные знаки из правой колонки имеют гораздо более абстрактные значения, чем соответствующие им корни.

Так, нем. **-mann** и англ. **-man** означают не 'мужчина, который...', а просто 'тот, кто ...' [независимо от пола]; в самом деле, вполне можно сказать:

(3) **a.** нем. *Sie ist ein guter Steuer**mann** ⟨Verbindungs**mann**, ...⟩*
'Она — хороший штурман ⟨связной, ...⟩'.

b. англ. *My congress**man** is Barbara Jordan*
'Мой конгрессмен — Барбара Джордан'.

Ср. выше § 2, **7.5**, 2, с. 122.

Русский знак **горе-** означает просто 'плохой', а вовсе не 'несчастье', как существительное ГОРЕ; нем. **-mäßig** означает, скорее, 'в соответствии с [чем-л.]/согласно [чему-л.]', а не 'умеренный', как прилагательное MÄßIG; и т. д.

Что касается означающего знаков из правой колонки, то оно тоже видоизменено по сравнению с означающим знаков из левой колонки. Так, например, английское *-man* произносится /mən/, а не /mǽn/, как должен был бы произноситься настоящий корень (существительное MAN): /kʊ́ŋgrəsmən/, а не */kʊ̀ŋgrəsmǽn/.

Однако наиболее ощутимы, как и следовало ожидать, различия в синтактиках. А именно:

• В немецком языке перед знаком **-mäßig** внутри словоформы нельзя вставить отрицательный префикс: нельзя сказать **regel**un**mäßig*, а можно только ***un**regelmäßig*. В сложной же немецкой словоформе отрицательный префикс должен, вообще говоря, вставляться перед вторым — адъективным — компонентом:

arbeitsfähig 'работо-способный' = 'способный работать' ~ *arbeits**un**fähig* 'неспособный работать' ⟨**un**arbeitsfähig⟩;

kampffähig 'способный к борьбе' ~ *kampf**un**fähig* 'неспособный к борьбе' ⟨**un**kampffähig⟩, и т. д.

Тест с присоединением отрицания позволяет нам отличить суффикс **-mäßig** от корня **fähig**, способного выступать в качестве второго компонента в составе сложной$_1$ основы.

• В русском языке префикс **горе-** со значением 'плохой' не склоняется (*горе-политик, горе-политика, горе-политику, ...*), в то время как существительное, выступающее в качестве первого компонента аппозитивного словосочетания (в том числе и существительное ГОРЕ в значении 'несчастье'), должно склоняться: *горе-злосчастие, горя-злосчастия* ⟨**горе-злосчастия*⟩, *горю-злосчастию* ⟨**горе-злосчастию*⟩, ... или *красавец-офицер, красавца-офицера, красавцу-офицеру, ...*

На этом мы закончим обсуждение данной проблемы. Нам достаточно показать, что даже если граница между корнями и аффиксами не всегда абсолютно очевидна, тем не менее она существует, и обычно в нашем распоряжении оказываются какие-то средства и методы для ее установления — в

том числе и там, где она готова вот-вот потеряться в чаще языковых сложностей.

2. Типология аффиксов

2.1. Основы классификации аффиксов. Для построения общей классификации аффиксов мы будем использовать следующие три параметра:

– тип означаемого;

– тип означающего;

– тип синтактики (≈ распределение).

С точки зрения ОЗНАЧАЕМОГО мы будем различать, следуя вполне устоявшейся традиции, два класса аффиксов:

1) ***Словоизменительные аффиксы***, служащие для образования лекс одной и той же лексемы (или, по другой формулировке, для различения форм одной и той же лексемы). Словоизменительный аффикс может в принципе выполнять одну из следующих трех функций:

• Он выражает граммему или комбинацию граммем.

Это самый обычный случай: именно эту роль играет подавляющее большинство словоизменительных аффиксов. Тривиальными примерами являются русские падежные суффиксы (*нос*+***ом*** 'нос, ЕД.ТВОР', *нос*+***ам*** 'нос, МН.ДАТ'), суффиксы множественного числа и компаратива в английском (*stone*+***s*** 'камни', *small*+***er*** 'меньше'), глагольные суффиксы во французском (*parl*+***i***+***ons*** '[мы] говорили', *parl*+***er***+***ez*** '[вы] будете говорить', *parl*+***é*** 'говорено/говоренное', и т. д.).

• Он выражает признак синтактики или комбинацию признаков синтактики.

Словоизменительные аффиксы этого типа встречаются реже, но встречаются. В качестве примера можно привести субстантивные префиксы — показатели класса 1 в языках банту (зулу: ***um***+*fazi* 'женщина, I', ***aba***+*fazi* 'женщины, II'; ***umu***+*thi* 'дерево, III', ***imi***+*thi* 'деревья, IV'; ***i***+*zwe* 'страна, V', ***ama***+*zwe* 'страны, VI', ...) или глагольные суффиксы переходности в языке ток-писин (*har*+***im*** 'слышать', *lok*+***im*** 'закрывать', ...); см. Часть четвертая [том 3], Глава I, **2.3**, с. 167 и сл.

• Он является пустым$_2$ (т. е. он не выражает ничего), однако его присутствие навязывается другим словоизменительным суффиксом.

Пустые$_2$ словоизменительные суффиксы наблюдаются в склонении и спряжении многих языков; о них будет идти речь ниже, в разделе **8.1**, с. 209 и сл., так что здесь мы обойдемся без примеров.

В литературе можно встретить другое употребление терминов: словоизменительные аффиксы иногда называются ***флексиями***. Мы не следуем этой практике, так как этот термин применяется прежде всего к словоизменительным СУФФИКСАМ, тогда как в языках бывают также словоизменительные префиксы, инфиксы, циркумфиксы и трансфиксы.

Мы отвергаем также термин ***окончание*** в значении 'словоизменительный аффикс', поскольку этот термин, с одной стороны, тоже применяется только для словоизменительных СУФФИКСОВ (и не годится для всех прочих аффиксов), а с другой стороны, он применяется и к ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЯМ словоизменительных суффиксов. В смысле же 'конечная часть словоформы, состоящая из нескольких словоизменительных суффиксов' термин «(словоизменительное = флективное) окончание» вполне допустим.

2) ***Словообразовательные аффиксы***, служащие для образования новых лексем. Эти аффиксы выражают ***деривatемы***. (Различия между грамемами и дериватемами подробно обсуждались в Части первой [том 1], Глава V, § 3, **5**, с. 278 и сл.)

С точки зрения ОЗНАЧАЮЩЕГО аффиксы группируются по способу присоединения к корням. Мы будем классифицировать аффиксы по двум следующим критериям, или различительным признакам:

- Аффикс не разрывает/разрывает корень, к которому он присоединяется.
- Аффикс сам разрывается/не разрывается тем корнем, к которому он присоединяется.

Понятно, что речь здесь идет о разрывании означающего. Более правильно было бы сказать «аффикс, означающее которого разрывает означающее корня». Мы, однако, позволим себе эту легкую неточность, чтобы не перегружать изложение.

Оба этих различительных признака бинарны; поскольку они логически независимы, это дает нам четыре класса аффиксов:

Различительный признак аффикса	Класс аффикса			
	1 Конфикс	2 Циркумфикс	3 Инфикс	4 Трансфикс
1. Аффикс разрывает корень	–	–	+	+
2. Аффикс разрывается корнем	–	+	–	+

Конфиксы подразделяются далее на префиксы, суффиксы и интерфиксы; об этом см. ниже.

Логически возможен также случай, когда один аффикс разрывает другой. Можно представить себе, например, «проникновение» в конфикс некоторого инфикса или «охват» конфикса некоторым циркумфиксом. В некоторых языках, хотя и нечасто, эти логические возможности реализуются. Так, в тагальском языке показатель множественного числа агенса *nga* инфигируется внутрь префикса *mag-*, маркирующего переходность глагола:

(4) тагальский

mag+ *lutò* 'готовить [еду]'	~	*ma-**nga**-g*+ *lutò* 'готовить' [о многих поварах]
mag+ *aral* 'изучать, обучаться'	~	*ma-**nga**-g*+ *aral* 'изучать, обучаться' [о многих учениках]
mag+ *sikantà* 'петь'	~	*ma-**nga**-g*+ *sikantà* 'петь' [о многих поющих]

Другой пример того же типа приводился в § 2 настоящей главы — см. (39b) на с. 129: в языке пайюте циркумфикс двойственного числа одушевленного субъекта **-ʔ-...-mi** прибавляется к глагольной словоформе поверх суффикса множественного числа объекта **-ami**, так что в результате получается **-ami** ⊕ **-ʔ-...-mi** = **-amʔimi**, т. е. первый компонент циркумфикса вставляется между фонемами в означающем суффикса.

Чтобы не перегружать изложение, мы не будем учитывать эти явления в нашем исчислении классов аффиксов и рассмотрим дальше подробно только те четыре класса аффиксов, которые указаны в приведенной выше таблице:

1) ***Конфиксы*** — раздел **3**.
2) ***Циркумфиксы*** — раздел **4**.
3) ***Инфиксы*** — раздел **5**.
4) ***Трансфиксы*** — раздел **6**.

Наконец, с точки зрения СИНТАКТИКИ мы различаем два класса аффиксов:

1) ***«Нормальные» аффиксы***, присоединяющиеся к большому числу корней.

2) ***Уникальные аффиксы***, или ***унификсы***, сочетающиеся каждый всего лишь с одним корнем; иначе говоря, уникальный аффикс способен выступать ровно в одном морфологическом контексте.

Эта классификация по трем измерениям охватывает 16 классов аффиксов: нормальные словоизменительные конфиксы, уникальные словоизменительные конфиксы, нормальные словообразовательные конфиксы, ..., уникальные словообразовательные трансфиксы. Обзор этих классов мы произведем, сгруппировав их так: конфиксы, циркумфиксы, инфиксы и трансфиксы; внутри каждой из этих групп будут проиллюстрированы и словоизменительные, и словообразовательные аффиксы. При этом будут рассма-

триваться исключительно нормальные аффиксы; уникальные же аффиксы, играющие в языке особую роль, будут рассмотрены далее, в § 5, с. 266 и сл.

2.2. Иерархия аффиксов. Среди всех аффиксов конфиксы — самые распространенные и самые употребительные, причем как в языках вообще, так и в том или ином конкретном языке. С семиотической точки зрения это и понятно: для коммуникации существенна цельность используемых единиц, и поэтому конфиксы, в случае которых цельность соблюдается идеально, оказываются наиболее удобными. Цельность корня, как свойство, обеспечивающее его легкую узнаваемость, оказывается более важной, чем цельность аффикса (ведь корней гораздо больше, чем аффиксов); в силу этого циркумфиксы, не затрагивающие эту важную характеристику корня, но готовые принести в жертву свою собственную цельность, оказываются в нашей иерархии на втором месте. Затем идут инфиксы, а трансфиксы, так сказать, «замыкают шествие»:

конфиксы > циркумфиксы > инфиксы > трансфиксы

Эта иерархия работает также в импликативных универсалиях существования: если в языке $\mathcal{L}$ налицо некоторый конкретный класс аффиксов, то в этом языке $\mathcal{L}$ будут иметься, по всей вероятности, и те классы аффиксов, которые расположены в иерархии выше, чем данный класс аффиксов. Так, если в некотором языке есть циркумфиксы, то, значит, в нем, скорее, всего есть и конфиксы (но не обязательно есть инфиксы), и т. д. (Greenberg 1963: 73, Универсалия 26). Следует отметить еще, что в ходе исторического развития языков инфиксы и особенно трансфиксы оказываются менее стабильными, чем аффиксы, не разрывающие корень, а циркумфиксы — менее стабильными, чем конфиксы.

Теперь мы займемся исследованием аффиксов в том порядке, который предполагается указанной выше иерархией, отводя по разделу на каждый основной класс. В заключение будут рассмотрены еще два специфических типа аффиксов — смещенные и мигрирующие аффиксы.

3. Конфиксы

3.1. Основные понятия. Мы начнем с определений понятий конфикса и основных подклассов конфиксов: суффиксов, префиксов и интерфиксов; затем мы перейдем к подробному обсуждению этих трех подклассов.

Определение V.16: конфикс

Конфиксом называется аффикс, не разрывающий корень, к которому он присоединяется, и сам не разрываемый этим корнем.

Определения V.17–19: суффикс, префикс, интерфикс

1. *Суффиксом* называется конфикс, который стоит после корня, но не обязательно перед другим корнем.
2. *Префиксом* называется конфикс, который стоит перед корнем, но не обязательно после другого корня.
3. *Интерфиксом* называется конфикс, который стоит после корня и при этом обязательно перед другим корнем[1].

Оговорка насчет *необязательности* непременно должна присутствовать в формулировке Определений V.17 и V.18, поскольку, например, конкретный суффикс некоторого корня МОЖЕТ, вообще говоря, оказаться и перед другим корнем. Так, например, форма генитива русских числительных типа *дв* + *а* ~ *дв* + ***ух*** или *пять* + ***∅*** ~ *пят* + ***и***, безусловно включающая в себя суффикс, может входить в состав сложных$_1$ прилагательных: *дв* + ***ух*** + *мотор* + *н*(-*ый*) или *пят* + ***и*** + *метр* + *ов*(-*ый*); здесь суффикс генитива оказывается перед другим корнем. Однако из-за этого он ни в коей мере не перестает быть суффиксом: для того чтобы быть интерфиксом, он должен стоять перед другим корнем обязательно, т. е. всегда. Аналогичное требование справедливо и для префиксов.

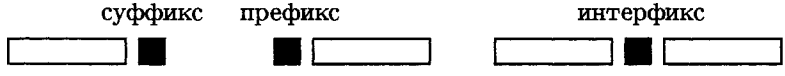
Таким образом, интерфикс возможен только в составе ***сложных***$_{1,2}$ словоформ (см. выше § 2, **7.2**, с. 99): нем. *Schwein* + ***e*** + *fleisch* букв. 'свинья мясо' = 'свинина' или *Liebe* + ***s*** + *kummer* букв. 'любовь страдание' = 'страдания от любви'. Он играет чисто синтаксическую роль, указывая на связь между двумя корнями внутри одной словоформы. Как правило, интерфикс не несет никакой семантической нагрузки, являясь пустым$_2$ аффиксом (**8.1**, с. 209). Но это его свойство не является логически необходимым: можно представить себе интерфиксы, выражающие, например, разные семантические отношения между компонентами сложной словоформы. Так, в частности, один интерфикс может маркировать отношение конъюнкции между соединяемыми корнями, другой — выражать отношение принадлежности, третий — отношение 'быть материалом (из которого сделан X)', и т. д. Тем не менее, в настоящий момент реальные примеры непустых$_2$ интерфиксов нам неизвестны.

В Определении V.19 сказано, что интерфикс стоит после корня и при этом обязательно перед другим корнем; утверждение, что интерфикс стоит перед корнем и при этом обязательно после другого корня, логически эквивалентно. Тем не менее, с чисто языковой точки зрения, т. е. для некоторого конкретного языка $\mathcal{L}$, эти формулировки могут оказаться неэквивалентными. Так, для немецкого языка верно, что интерфикс стоит после корня, вместе с которым он образует некоторую составляющую внутри словоформы, однако неверно, что интерфикс стоит перед некоторым корнем и обязательно после другого корня.

? Как можно доказать, что в немецком языке интерфикс присоединяется, скорее, к предшествующему корню, чем к последующему?

10 Указание: попытайтесь найти два аргумента из области сочетаемости.

Если изобразить корень в виде белого прямоугольника, а аффикс — в виде черного квадрата, то три класса конфиксов могут быть представлены графически вот так:

Обозначения

Суффикс будет обозначаться далее как **Suf**, префикс — как **Pref**, интерфикс — как **Interf**. Конкретные суффиксы, префиксы и интерфиксы будут записываться как **-m**, **m-** и **-m-** соответственно.

3.2. Иерархия конфиксов. Поскольку область применения интерфиксов ограничена морфологическим сложением, мы будем сравнивать здесь между собой только суффиксы и префиксы. Из этих двух классов суффиксы оказываются более важными:

суффиксы > префиксы

Если в языке $\mathcal{L}$ имеются префиксы, в нем есть обычно и суффиксы, однако обратное неверно; если в языке $\mathcal{L}$ есть оба класса конфиксов, число суффиксов обычно превосходит число префиксов. (В Greenberg 1963: 73 упомянут всего один язык, являющийся сугубо префиксальным: тайский.) Этот факт обусловлен опять-таки факторами семиотического порядка. В силу линейного характера речи (она развертывается ровно в одном направлении), начало словоформы оказывается для передачи информации гораздо более важным, чем ее конец. Корень же несет гораздо больше информации, чем присоединенные к нему аффиксы; естественным следствием этого является тенденция присоединять аффиксы к корню СЗАДИ, т. е. в суффиксальных позициях. Подчеркнем, что это всего лишь тенденция: в некоторых языках префиксы представлены в изобилии. Однако даже и в таких случаях префиксы выражают преимущественно словообразовательные значения, а они ближе к лексическим значениям корней (о словообразовательных значениях, или дериватемах, см. § 3 Главы V Части первой [том 1], с. 271 и сл.)[2].

3.3. Инвентарь конфиксов. Мы займемся сначала суффиксами, а затем префиксами.

1. Суффиксы

Словоизменительные суффиксы

(5) английский

a. Суффиксы множественного числа у существительных:

-s [= /s/, /z/, /iz/], -en, -i

Ср. *book*+***s*** /s/ 'книги', *boy*+***s*** /z/ 'мальчики', *kiss*+***es*** /iz/ 'поцелуи', *ox*+***en*** 'быки', *alumn*+***i*** 'бывшие ученики'

b. Суффиксы 3 ед. в настоящем времени индикатива у глаголов:

-s [= /s/, /z/, /iz/]

Ср. *sleep*+***s*** /s/ '[он] спит', *read*+***s*** /z/ '[он] читает', *kiss*+***es*** /iz/ '[он] целует'

(6) албанский

Суффиксы числа, падежа и детерминации у существительных на примере существительного SHOK /šok/ 'друг'

	единственное		множественное	
	неопределенное	определенное	неопределенное	определенное
номинатив	*shok*+***∅***+***∅***	*shok*+***u***+***∅***	*shok*+***ë***+***∅*** +***∅***	*shok*+***ë***+***∅*** +***t***
генитив-датив	*shok*+***∅***+***u***	*shok*+***u***+***t***	*shok*+***ë***+***ve***+***∅***	*shok*+***ë***+***ve***+***t***
аккузатив	*shok*+***∅***+***∅***	*shok*+***u***+***n***	*shok*+***ë***+***∅*** +***∅***	*shok*+***ë***+***∅*** +***t***
аблатив	*shok*+***∅***+***u***	*shok*+***u***+***t***	*shok*+***ë***+***sh***	*shok*+***ë***+***ve***+***t***

Множественное число выражается здесь отдельно — суффиксом **-ë** /ə/; единственное же число выражается кумулятивно с детерминацией. Так, например, в словоформе **shok** (первая в левом столбце) один нулевой суффикс кумулятивно выражает одновременно 'единственное число' и 'неопределенность', а другой нулевой суффикс выражает 'номинатив'. В омофоничной словоформе **shok** (третья в левом столбце) содержится еще один нулевой суффикс, выражающий 'аккузатив'. В двух словоформах **shoku** со значением неопределенности в единственном числе нулевой суффикс выражает в обоих случаях 'ед. ч. + неопределенность', а **-u** выражает, соответственно, 'генитив-датив' или 'аблатив'. В отличие от этого в словоформе **shoku** со значением определенности (в единственном числе) нулевой суффикс выражает только падеж ('номинатив'), тогда как другой суффикс **-u** выражает одновременно две граммемы: 'ед. ч.' и 'определенность'.

Замечание. Парадигма$_1$ лексемы SHOK представлена здесь как результат нашего собственного анализа, и для нее требуется, вообще говоря, обоснование, предложить которое здесь мы не имеем возможности (ср. иное описание албанского склонения в Newmark 1962). Отметим только, что мы не ставили своей целью полностью «симметризовать» наше описание и не вводили в него лишние нули сугубо ради большей элегантности. Мы предпочитаем иметь парадигму$_1$ с асимметриями, с кумулятивными суффиксами и/или с омонимией, нежели вводить нули, ничему не соответствующие в языковой

реальности. Напомним (Глава I настоящей части, § 2, **2.2**, 2, с. 27), что нулевой знак, вводимый в некоторой позиции, должен контрастировать в этой позиции с ненулевыми знаками. Именно поэтому мы постулируем кумулятивный суффикс **-sh** 'аблатив, неопределенность' (во мн. ч.) — вместо того чтобы связывать с этим **-sh** исключительно значение аблатива, оставляя 'неопределенность' на долю нулевого суффикса (так же, как это было сделано с другими падежами во множественном числе в случае неопределенности — с номинативом, генитивом-дативом и аккузативом): ведь за **-sh** в албанском никогда не может следовать никакой другой суффикс, а значит, постулировать здесь нулевой суффикс нельзя. (Суффикс **-sh** — это сильная мегаморфа, слитно выражающая морфемы {АБЛАТИВ} и {НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ}. О понятии сильной мегаморфы см. Главу VII, 3, с. 409 и сл.)

? 11 Опишите (в качестве упражнения) означаемое каждого албанского суффикса, представленного в (6).

(7) современный иврит (знаком ударения помечается силовое ударение)

Суффиксы принадлежности существительного

Обладатель			Обладаемое	
			одно обладаемое	более одного обладаемого
один обладатель	1-е лицо		**-í**	**-j**
	2-е лицо	муж	**-xá**	**-xa**
		жен	**-éx**	**-jix**
	3-е лицо	муж	**-ó, -éhu**	**-v**
		жен	**-á, -éha**	**-ha**
более одного обладателя	1-е лицо		**-é(j)nu**	**-nu**
	2-е лицо	муж	**-xém**	**-xém**
		жен	**-xén**	**-xén**
	3-е лицо	муж	**-ám**	**-hém**
		жен	**-án**	**-hén**

В иврите притяжательные суффиксы, присоединяемые к обладаемому существительному во множественном числе, ставятся после специального показателя формы множественного числа обладаемого: **-á**, **-é(j)** и т. п.

Приведем несколько примеров притяжательных форм.

Существительное TALMID 'ученик'

talmid + ***í***	'мой ученик'	*talmid* + ***á*** + ***j***	'мои ученики'
talmid + ***éx***	'твой ученик' ['ты' — женщина]	*talmid* + ***á*** + ***jix***	'твои ученики' ['ты' — женщина]
talmid + ***é(j)nu***	'наш ученик'	*talmid* + ***é(j)*** + ***nu***	'наши ученики'
talmid + ***á***	'ее ученик'	*talmid* + ***é(j)*** + ***hen***	'их [женщин] ученики'

Словообразовательные суффиксы

(8) Эвенский язык чрезвычайно богат словообразовательными суффиксами, из которых мы приведем здесь пять; они присоединяются к субстантивным корням и служат для образования новых существительных:

-nkan/-nken 'происходящий из ...'
nam 'море' ~ *nam* + *a* + ***nkan*** 'морской житель, помор'
Leningrad ~ *leningrad* + *a* + ***nkan*** 'ленинградец'
-man/-men 'тот, кто любит/предпочитает...'
ulre 'мясо' ~ *ulre* + ***men*** 'любитель мяса'
čaj 'чай' ~ *čaj* + ***man*** 'любитель чаевничать'
kusi 'драка' ~ *kusi* + ***men*** 'драчун'
-ruk 'вместилище для ...'/'олень, везущий ...'
inme 'игла' ~ *inme* + ***ruk*** 'игольник'
xulra 'одеяло' ~ *xulra* + ***ruk*** 'мешок для одеял'/'олень, везущий одеяла'
bebe 'колыбель' ~ *bebe* + ***ruk*** 'олень, везущий ребенка в колыбели'
xerut 'короб для посуды' ~ *xerutu* + ***ruk*** 'олень, везущий посуду в таком коробе'
-ŋāt/-ŋēt 'материал для ...'
momi 'лодка' ~ *momi* + ***ŋāt*** 'материал [= дерево] для изготовления лодки'
oj 'одежда' ~ *oj* + ***ŋāt*** 'материал [= шкура] для изготовления одежды'
-g/-kag/-keg 'место, где много ...'
bolgit 'кедровник, кедровый стланец' ~ *bolgi* + ***g*** 'заросли кедровника'
bonkeče 'холм' ~ *bonkeče* + ***keg*** 'холмистая местность'
žalgu 'большой камень' ~ *žalgu* + ***g*** 'участок земли с большими камнями'

? 12 Объясните, в чем разница между членами пар **-nkan/-nken** и т. д.

(9) В итальянском имеется целая серия субстантивных суффиксов аугментатива, пейоратива и диминутива, обозначающих размер характеризуемого объекта ('большой' ~ 'маленький') и в то же время выражающих эмоциональное отношение говорящего к этому объекту ('он мне нравится' ~ 'он мне не нравится'); например:
-on(e) 'большой, огромный' ~ **-acci(o)** 'плохой, неприятный' ~ **-ett(o)** 'маленький' ~ **-ucci(o)** 'маленький и противный' ~ **-in(o)** 'маленький и милый'.

		-one	**-accio/ -accia**	**-etto/ -etta**	**-uccio/ -uccia**	**-ino/-ina**
'книга'	*libro*	*librone*	*libraccio*	*libretto*	*libruccio*	*libri(ci)no*
'нога'	*piede*	*piedone*	*piedaccio*	*piedetto*	*pieduccio*	*piedino*
'мальчик'	*ragazzo*	*ragazzone*	*ragazzaccio*	*ragazzetto*	*ragazzuccio*	*ragazzino*
'дом'	*casa*	*casone*	*casaccia*	*casetta*	*casuccia*	*casina*
'чемодан'	*valigia*	*valigione*	*valigiaccia*	*valigetta*	*valigiuccia*	*valigina*
'чашка'	*tazza*	*tazzone*	*tazzaccia*	*tazzetta*	*tazzuccia*	*tazzina*

Сюда можно добавить также:

donna 'женщина' ~ *donnone* 'здоровенная баба' ~ *donnaccia* 'распутная женщина' ~ *donnetta* 'старушка, тетушка' ~ *donnina* 'прелестная крошка';

tempo 'погода' ~ *Che tempaccio!* 'Что за [ужасная] погода!'; и т. д.

В итальянском есть и другие суффиксы этого типа: квазиаугментативы **-otto** и **-occio**, гипокористические диминутивы **-ello**, **-erello**, **-icello**, пейоративные диминутивы **-uzzo**, **-ullo** и собственно пейоративы **-astro**, **-ucolo**, **-onzolo**. Более того, все эти суффиксы могут комбинироваться друг с другом, образуя суффиксальные комплексы: **-on** + **accio**, **-acci** + **one**, **-on** + **ottino**, **-ett** + **ucci** + **accio** и т. д. Таким образом, реальная картина является гораздо более сложной, чем можно судить по примеру (9). (Подробный анализ диминутивных и аугментативных суффиксов, преимущественно на материале итальянского и немецкого языков см. в Dressler and Merlini Barbaresi 1994: 93 *ff.*)

2. Префиксы

Словоизменительные префиксы

(10) грузинский

а. Глагольные префиксы лица подлежащего

глагол C'ER(-*a*) 'писать'
в настоящем времени индикатива

		подлежащее в единственном числе	подлежащее во множественном числе
подлежащее	1-го лица	*v-* + *c'er* + *∅*	*v-* + *c'er* + *t*
	2-го лица	*∅-* + *c'er* + *∅*	*∅-* + *c'er* + *t*
	3-го лица	*c'er* + *s*	*c'er* + *ian*

Число подлежащего в первых двух лицах выражается отдельными суффиксами: **-∅** *vs.* **-t**. В третьем лице число и лицо подлежащего выражаются вместе — едиными кумулятивными суффиксами: **-s** '3 ед. суб' и **-ian** '3 мн. суб'.

b. Префиксы лица и числа прямого дополнения
глагол XAT'V(-a) 'рисовать'
в настоящем времени индикатива

		подлежащее — 3 ед	подлежащее — 3 мн
дополнение	1 ед	***m***+*xat'v*+*s* 'Он меня рисует'	***m***+*xat'v*+*en* 'Они меня рисуют'
	2 ед	***g***+*xat'v*+*s* 'Он тебя рисует'	***g***+*xat'v*+*en* 'Они тебя рисуют'
	3 ед	***ø***+*xat'v*+*s* 'Он его рисует'	***ø***+*xat'v*+*en* 'Они его рисуют'
дополнение	1 мн	***gv***+*xat'v*+*s* 'Он нас рисует'	***gv***+*xat'v*+*en* 'Они нас рисуют'
	2 мн	***g***+*xat'v*+*t* 'Он вас рисует'	***g***+*xat'v*+*en* 'Они вас рисуют'
	3 мн	***ø***+*xat'v*+*s* 'Он их рисует'	***ø***+*xat'v*+*en* 'Они их рисуют'

Замечание

Как легко видеть, число местоименного прямого дополнения выражается префиксом (кумулятивно) только в 1-м лице. Во 2-м лице число выражается отдельным суффиксом (**-t**), но только если подлежащее — в единственном числе. В противном случае, а кроме того, всегда в 3-м лице, число прямого дополнения не выражается вовсе, так что соответствующие формы оказываются неоднозначными: **xat'vs** может означать и 'он его рисует', и 'он их рисует', **gxat'ven** — 'они тебя рисуют' и 'они вас рисуют'.

(11) В корякском языке глагольные префиксы выражают лицо и число подлежащего, но, кроме того, еще и время[3].
глагол JƏLE(-*k*) 'вести'

a. в настоящем времени индикатива

tə	+ ***ku***	+ *lle*	+ ***ø***	+ *γi*		'Я тебя веду'.
1ЕД.СУБ	НАСТ	вести	НАСТ	2ЕД.ОБ		
tə	+ ***ku***	+ *lle*	+ ***ŋ***	+ *ən*		'Я его веду'.
1ЕД.СУБ	НАСТ	вести	НАСТ	3ЕД.ОБ		
ø	+ ***ku***	+ *lle*	+ ***ŋ***	+ *ne*	+ *t*	'Ты ведешь их двоих'.
2ЕД.СУБ	НАСТ	вести	НАСТ	3ЕД.ОБ	ДВ(ойств)	
ne	+ ***ku***	+ *lle*	+ ***ø***	+ *γi*		'Он тебя ведет'.
3ЕД.СУБ	НАСТ	вести	НАСТ	2ЕД.ОБ		

b. в аористе индикатива

tə	+ ***ø***	+ *lle*	+ *γi*		'Я тебя привел'.
1ЕД.СУБ	АОР	вести	2ЕД.ОБ		
tə	+ ***ø***	+ *lle*	+ *n*		'Я его привел'.
1ЕД.СУБ	АОР	вести	3ЕД.ОБ		
ø	+ ***ø***	+ *jəle*	+ *ne*	+ *t*	'Ты привел их двоих'.
2ЕД.СУБ	АОР	вести	3ЕД.ОБ	ДВ	
ne	+ ***ø***	+ *lle*	+ *γi*		'Он тебя привел'.
3ЕД.СУБ	АОР	вести	2ЕД.ОБ		

(12) В языке цоциль префиксы у существительных выражают принадлежность:

		NA 'дом'	?OSIL 'земля [участок]'
обладатель	1ед	***x*** + *na* 'мой дом'	***k*** + *osil* 'моя земля'
	2ед	***a*** + *na* 'твой дом'	***av*** + *osil* 'твоя земля'
	3ед	***s*** + *na* 'его/ее дом'	***j*** + *osil* 'его/ее земля'

Ср. префиксы принадлежности в сьерра пополука, пример (1), § 2 настоящей главы, **3**, с. 69.

? 13 Объясните распределение префиксов принадлежности в языке цоциль.

Словообразовательные префиксы

Вначале мы приведем четыре словообразовательных префикса, получивших в последнее время широкое распространение в английском языке:

(13) английский

super- 'супер-' : ***superduper*** 'суперпройдоха', ***superstar*** 'суперзвезда', ***superspy*** 'супершпион', ***superjet*** 'суперсамолет', ***supercop*** 'суперполицейский', ...

over- 'сверх-, слишком' : ***overpaternalistic*** 'сверхзаботливый', ***overratiocinative*** 'сверхвдумчивый', ***overpackaged*** 'слишком упакованный', ***overconformity*** 'сверхприспособливаемость', ...

mini- 'мини-, микро-' : ***ministate*** 'минигосударство', ***minisummit*** 'небольшая встреча на высшем уровне', ***miniblitz*** 'миниблиц', ***minibus*** 'микроавтобус', ***ministrike*** 'минизабастовка', ...

de- 'раз-, вы-': ***debug*** 'выловить ошибки в компьютерной программе', ***desalt*** 'обессолить', ***deregulate*** 'разрегулировать', ***decivilize*** 'децивилизовать', ***dealienate*** 'положить конец враждебности', ***demythologize*** 'демифологизировать', ...

Другим примером словообразовательных конфиксов (совершенно непохожих на (13)) могут служить так называемые инструментивные префиксы в языках сиуанской семьи (ср. Часть вторая [том 2], Глава IV, § 2, **6.2**, с. 408). Инструментивный префикс обозначает инструмент или способ осуществления действия и служит для систематического и совершенно регулярного образования от глагола P других глаголов со значением 'P посредством удара' *vs.* 'P, сжимая в руке ' *vs.* 'P, наступая на ...' *vs.* 'P, отрезая' *vs.* 'P, сжигая', и т. д.

(14) **a.** канса (Jones 1992: 15), глагол ŠPE 'отрывать, отделять'

ya- 'ртом — кусая' : *yašpe* 'откусить'
bá- 'лезвием — режа' : *bášpe* 'отрезать'
ba- 'руками — толкая' : *bašpé* 'оттолкнуть'
bó- 'пулей/стрелой — стреляя' : *bóšpe* 'отстрелить'
bu- 'руками — когда ими трут': *bušpe* 'оттереть'
nã- 'чем-нибудь — скребя' : *nãšpe* 'отскрести'

b. лахота (Jones 1992: 16–17), глагол CÉYA 'плакать'

ya- 'ртом — кусая' : *yacéya* 'довести до слез, укусив'
wa- 'лезвием — режа' : *wacéya* 'довести до слез, режа'
ka- 'рукой — ударяя' : *kacéya* 'избить до слез'
na- 'ногой — давая пинка': *nacéya* 'запинать до слез'

(Из этих примеров видно, что присоединение инструментивного префикса к непереходному глаголу порождает смысл 'каузировать'.)

Суффиксы того же типа, называемые часто ***лексическими суффиксами***, наблюдаются также в салишских языках; см., например, подробное описание лексических суффиксов языка комокс в Hagège 1981: 58 и сл. В этой работе указывается, в частности, что такие суффиксы напоминают присутствующие во многих европейских языках греко-латинские префиксы типа **пиро-** 'огонь' или **гастро-** 'желудок', хотя о полном тождестве между ними не может быть и речи:

1. Греко-латинский префикс семантически всегда соответствует некоторому самостоятельному существительному, тогда как для лексических суффиксов индейских языков это вовсе не обязательно (бывают лексические суффиксы с весьма общим и абстрактным значением, не соответствующие никакому существительному).

2. Как правило, греко-латинские префиксы не присоединяются к глаголам, тогда как индейские лексические суффиксы присоединяются, наоборот, преимущественно к глаголам.

3. Греко-латинские префиксы являются принадлежностью научного языка, тогда как индейские лексические суффиксы принадлежат к повседневному разговорному языку.

О лексических аффиксах вообще см. статью Mithun 1997.

3. Интерфиксы

(15) немецкий

Bedeutung + ***s*** + *merkmalen* букв. 'значение признаки' = 'семантические признаки'

Fügung + ***s*** + *element* букв. 'связь элемент' = 'связующий элемент'

Wortklasse + ***n*** + *repräsentant* букв. 'класс-слов представитель'

Ср. также *Fügung* + ***s-*** *so wie auch andere Hilf* + ***s*** + *elemente* букв. 'связь так же, как и другие помощь элементы' = 'связующие, равно как и другие вспомогательные элементы'; этот пример ***тмезиса*** (весьма распространенного в немецком языке) хорошо иллюстрирует функционирование интерфиксов. (О тмезисе см. Часть первая [том 1], Глава IV, § 2, **2.7**, с. 192–195.)

(16) испанский

pel + ***i*** + *rojo*	'рыжеволосый' [*pelo* 'волосы', *rojo* 'красный, рыжий']
oj + ***i*** + *negro*	'черноглазый' [*ojo* 'глаз', *negro* 'черный']
pat + ***i*** + *tuerto*	'кривоногий' [*pata* 'лапа, нога', *tuerto* 'искривленный']
boqu + ***i*** + *abierto*	'с раскрытым ртом' [*boca* 'рот', *abierto* 'открытый']
verd + ***i*** + *negro*	букв. 'зелено-черный' = 'темно-зеленый' [*verde* 'зеленый', *negro* 'черный']
agr + ***i*** + *dulce*	'кисло-сладкий' [*agrio* 'кислый', *dulce* 'сладкий']

? 14 К какому типу сложных лексем принадлежат четыре первых прилагательных в примере (16)?

(17) русский

газ + ***о*** + *провод*
нефт + ***е*** + *очистительный*
армян + ***о*** + *турецкий*
Ср. русские тмезисы:
газо- или нефтепровод
армяно-, но не грузино-турецкий

Интерфиксы встречаются также и во французском — в научных текстах:

sémantic + ***o*** + *syntaxique*	*techn* + ***o*** + *scientifique*
gréc + ***o*** + *latin*	*logic* + ***o*** + *mathématique*

3.4. Порядки суффиксов и префиксов. Нередко в том или ином языке в составе одной словоформы допускается одновременное присутствие нескольких суффиксов. Иначе говоря, один корень может сопровождаться сразу двумя или даже бóльшим количеством суффиксов; так, во французском мы имеем:

chant + ***i*** + ***ons***	'[мы] пели'	(2 суффикса)
chant + ***onn*** + ***i*** + ***ons***	'[мы] напевали'	(3 суффикса)
chant + ***e*** + ***r*** + ***i*** + ***ons***	'[мы] будем петь [будущее-в-прошедшем]'	(4 суффикса)
chant + ***onn*** + ***e*** + ***r*** + ***i*** + ***ons***	'[мы] будем напевать [будущее-в-прошедшем]'	(5 суффиксов)

Во всех таких случаях в силу линейной природы речи суффиксы выстраиваются один вслед за другим. Обычно их упорядочение следует весьма строгим правилам, и каждый суффикс может занимать ровно одну четко определенную линейную позицию по отношению к корню.

То же самое верно и относительно префиксов внутри одной словоформы, т. е. относительно нескольких префиксов, стоящих одновременно перед некоторым корнем.

Чтобы описывать допускаемые в данном языке последовательности префиксов или суффиксов внутри словоформы, мы используем понятие порядка, которое будет определено непосредственно ниже. (Следует заметить, что порядок конфикса представляет собой частный случай понятия линейного порядка, которое было определено в Части четвертой [том 3], Глава II, § 1, Определение IV.8, с. 194.) Наше изложение состоит из трех разделов:

- Определение понятия порядка (конфикса).
- Иллюстрации понятия порядка (конфикса).
- Связь между порядком конфикса и его значением.

1. Определение понятия порядка (конфикса)

Определение V.20: порядок суффикса/префикса

Порядок суффикса/префикса — это номер линейной позиции (и сама эта позиция), которую занимает данный суффикс/префикс в максимальной последовательности суффиксов/префиксов, считая от корня.

Чтобы различать порядки суффиксов и порядки префиксов, мы будем нумеровать первые положительными числами, а вторые — отрицательными. Порядок корня — по определению — нуль.

Суффикс порядка 1 следует непосредственно за корнем, суффикс порядка 2 — за корнем и суффиксом порядка 1, если он есть в словоформе; и т. д. Иначе говоря, суффикс порядка 1 не может быть линейно отделен от корня никаким другим суффиксом, суффикс порядка 2 может быть отделен от корня только суффиксом порядка 1; и т. д. Для префиксов отсчет ведется в обратную сторону: префикс порядка -1 непосредственно предшествует корню, а префикс порядка -2 может стоять впереди корня и префикса порядка -1.

Некоторые порядки являются обязательными; в таком случае данный порядок всегда реализован (внутри словоформы) тем или иным подходящим конфиксом. (Иными словами, соответствующая позиция всегда заполнена.) Такая ситуация имеет место тогда, и только тогда, когда данный порядок соответствует некоторой словоизменительной категории. Но порядок может быть и факультативным, т. е. соответствующая позиция может оставаться

незаполненной: в таком случае эта позиция дает приют конфиксам, выражающим дериватемы или квазиграммемы.

Отсюда вытекает, что в конкретном языке $\mathcal{L}$ порядки аффиксов могут быть связаны с семантикой, поскольку каждый порядок может быть закреплен либо за какой-то словоизменительной категорией, либо за семейством взаимоисключающих категорий, либо за множеством семантически сходных дериватем. В этой связи наблюдаются даже довольно заметные тенденции, которые мы собираемся в общих чертах обсудить ниже, в подразделе 3, с. 185 и сл.

Сведения о порядке аффикса образуют существенный компонент его синтактики. Так, например, в синтактике французского суффикса имперфекта **-i** мы имеем следующее:

-i = ⟨'имперфект'; /j/; Σ = словоизменительный суффикс глагола, порядок 4, ...⟩.

Этот суффикс получает порядок 4 из-за наличия форм типа *chant*+ ***onn*** + ***e***+ ***r***+ *i*+ *ons*, в которых словообразовательный суффикс **-onn**, «тематическая гласная» **-e-** и суффикс будущего времени **-r** стоят раньше, чем это **-i**; см. пример (18) ниже.

Замечание. Анализируя французскую форму будущего-в-прошедшем, мы предлагаем считать, что она содержит одновременно суффикс будущего времени и суффикс имперфекта. Что же касается омонимичной ей формы условного наклонения (= кондиционалиса), то в ней мы усматриваем суффикс **-rai/-ri**, неразложимый с синхронной точки зрения, т. е. представляющий собой, иначе говоря, фразеологизованный комплекс суффиксов (= ***морфологическую фразему***, или, точнее, квазиморфу; см. Главу IX).

2. Иллюстрации понятия порядка (конфиксов)

Порядки суффиксов

(18) Для описания французской формы будущего-в-прошедшем

chant+ *onn*+ *e*+ *r*+ *i*+ *ons*

мы вводим пять порядков суффиксов:

1 — словообразовательные суффиксы (**-onn**, ...);

2 — пустой$_2$ суффикс «тематическая гласная» (**-e**);

3 — суффикс будущего времени (**-r**);

4 — суффикс имперфекта (**-ai**, **-i**);

5 — суффиксы лица и числа.

(19) Тюркские языки славятся большим количеством суффиксов, которые могут нагромождаться внутри глагольной словоформы. Мы проиллюстрируем этот феномен примерами из татарского и турецкого языков.

a. В татарском глаголе представлено пять порядков суффиксов, а именно:

0	+	**1**	+	**2**	+	**3**	+	**4**	+	**5**
корень	|	залог/ реципрок	|	каузатив	|	полярность	|	время. наклонение	|	лицо. число

[Косая черта обозначает строгую дизъюнкцию: «либо залог, либо реципрок»; точка между названиями категорий означает, что граммемы этих категорий выражаются кумулятивно, одной морфой.]

Juw + *ïš* + *tïr* + *ma* + *dï* + *m*
мыть РЕЦИПР КАУЗ НЕГ ИНД.АОР 1ЕД
букв. 'Я не делал так, чтобы они мыли друг друга' =
'Я не заставлял их мыть друг друга'.

b. В турецком глаголе представлены те же самые пять порядков суффиксов, а именно:

Kır + *ı* + *ma* + *dı* + *lar* '[Они] не разби-
разбивать РЕФЛ НЕГ ИНД.АОР 3МН лись'.

Çalış + *tır* + *malı* + *sın* '[Ты] должен заставить работать
работать КАУЗ ДЕБИТ 2ЕД тать [кого-л.]'.

Порядки префиксов

(20) В глагольных формах языка калиспел имеется 12 порядков префиксов: см. рис. V-1 ниже (с. 183). Это, разумеется, не означает, что всякая глагольная словоформа в этом языке содержит 12 следующих друг за другом префиксов. Напротив, в глаголах калиспел представлено обычно два-три префикса:

an + *es* + *c* + *lič'* = *ascličʻ* [**asc-** ⇐ **an+es+c+**]
2ЕД АКТУАЛ здесь связывать
'Ты связываешь вместе [что-л.]'.

in + *e̬l* + *es* + *wič* + *m* = *ye̬leswičm* [**y+e̬l** ⇐ **in+e̬l**]
1ЕД снова АКТУАЛ видеть это
'Я снова вижу это'.

čin es + *č+l̥* + *xʷt* + *t* + *éls* + *i*
я АКТУАЛ к ДИМ ненавидеть СТАТ НАМЕР КОНТИН
'Я всегда немного сердит [на кого-л.]'.

Наличие двенадцати порядков префиксов в калиспел означает всего лишь, что в правилах, регулирующих взаимное расположение префиксов в этом языке, приходится учитывать двенадцать групп префиксов.

(21) В абхазском языке имеются глагольные формы, включающие в себя 8 и даже 10 префиксов: см. ниже, рис. V-2 на с. 183. (Последняя

порядок	−12	−11	−10	−9	−8	−7
префиксы	**in-** 'я' **au-** 'ты' ...	**qḷ-** 'субъюнктив' [≈ 'хотеть']	**eḷ-** 'снова' **epḷ-**'иметь'	**es-** 'актуальность'	**č-** '(по-направлению)-к'	**s-** 'номинализация'

−6	−5	−4	−3	−2	−1	0
t- 'перед'	**čs-**'по поводу' **čḷ-** 'на' **kʲʷḷ-**'под'	**c-**'сюда'	**n-** 'локатив'	**ḷ-** 'диминутив' **uḷ-** 'множественное число'	**qe?ḷ-** 'ребенок' **pu?-** 'супруг' **sxʷ-** 'тот, кто'	**КОРЕНЬ**

Порядки глагольных префиксов в языке калиспел
Рис. V-1

форма, будучи вполне регулярной, воспринимается, тем не менее, как несколько искусственная и тяжеловатая.)

(i) *X* + *aic* + *na* + *i* + *va* + *c'a* + *l* + *r* + *təit*
1МН. вместе там 3ЕД. рядом под 3ЕД. КАУЗ сидеть
ДПрям МУЖ ЖЕН.
ДКосв ПОДЛ
'Она нас усадила вместе там под [чем-то] рядом с мужчиной [= **i+va-**]'.

(ii) *X* + *aita* + *aic* + *na* + *i* + *va* + *c'a* + *l* + *mə* + *r* + *təit*
1МН. снова НЕГ КАУЗ сидеть
ДПрям
'Она снова не усадила нас вместе там под [чем-то] рядом с мужчиной'.

Две абхазские глагольные формы
(с 8 и 10 префиксами; корень взят в рамку)
Рис. V-2

Число порядков конфиксов в некотором языке может быть, как мы только что видели, довольно большим. Согласно Grimes 1983: 4, в языке мапудунгу (Чили) имеется 28 порядков суффиксов; в языке уичоль (Мексика) имеется 15 порядков префиксов и 5 порядков суффиксов. В языке купсабини обнаруживается 5 порядков префиксов и 9 порядков суффиксов (O'Brien and Cuypers 1975: 61).

Тот факт, что линейная позиция конфикса в составе словоформы обычно жестко определена, представляется весьма существенной чертой цепочек конфиксов. У конфиксов (и аффиксов вообще) мы не обнаруживаем ничего похожего на ту свободу (порой, правда, относительную) порядка слов, которая наблюдается внутри фразы. Напомним, что переместимость знака является важным критерием при определении его автономности — принципиальной характеристики словоформы (Часть первая [том 1], Глава IV, § 1, **3.3**, с. 166 и сл.). Конфикс же, как знак по определению неавтономный, никакой переместимостью не обладает; перемещаться внутри словоформы так же, как словоформа перемещается внутри фразы, он никоим образом не может.

Впрочем, следующий феномен противоречит, на первый взгляд, этому утверждению: в некоторых, весьма редких, случаях один и тот же конфикс может занимать в словоформе разные позиции. Однако во всех известных примерах изменение линейной позиции конфикса происходит либо ПОД ВЛИЯНИЕМ КОНТЕКСТА (морфологического), либо оно ФАКУЛЬТАТИВНО; оно никогда не может быть использовано говорящим для выражения некоторого смысла. Таким образом, свободы выбора линейного порядка, даже ограниченной, для конфиксов на самом деле не существует, хотя тот или иной конфикс может, вообще говоря, принадлежать к двум разным порядкам. Вот два примера этого любопытного явления.

Контекстно-обусловленная мена позиции

(22) В литовском языке аффиксальный показатель рефлексивности **si/s** [исторически родственный русскому **-ся** и французскому возвратному местоимению **se**] манифестируется в виде глагольного суффикса, если у данного глагола нет префиксов, и в виде префикса порядка -1 в противном случае.

а. PIRK(*-ti*) + ***s*** ‘покупаться’

		имперфектив	перфектив
наст. время ед. число	1	*perk* + *uo* + ***si***	*nu* + ***si*** + *perk* + *u*
	2	*perk* + *ie* + ***si***	*nu* + ***si*** + *perk* + *i*
	3	*perk* + *a* + ***si***	*nu* + ***si*** + *perk* + *a*
прош. время ед. число	1	*pirk* + *au* + ***si***	*nu* + ***si*** + *pirk* + *au*
	2	*pirk* + *ai* + ***si***	*nu* + ***si*** + *pirk* + *ai*
	3	*pirk* + *o* + ***si***	*nu* + ***si*** + *pirk* + *o*
буд. время ед. число	1	*pirk* + *si* + *uo* + ***si***	*nu* + ***si*** + *pirk* + *si* + *u*
	2	*pirk* + *s* + *ie* + ***si***	*nu* + ***si*** + *pirk* + *s* + *i*
	3	*pirk* + *si* + *∅* + ***s***	*nu* + ***si*** + *pirk* + *s* + *∅*
императив		2ед *pir* + *ki* + *∅* + ***s!***	*nu* + ***si*** + *pir* + *k* + *∅!*

Префиксальная позиция показателя **si/s** может быть обусловлена словоизменительными префиксами (такими как **nu-**, префикс перфектива в нашем примере), а также и словообразовательными префиксами и даже окаменевшими префиксами. Например:

žymė(-ti) + *s* ‘выделяться’, от *žymė*(*-ti*) ‘выделять’

vs.

pa + ***si*** + *žymė*(*-ti*) ‘отличиться (смелостью, умом и т. п.)’

(глагол *pasižymėti* не употребляется без элемента **pa-**, представляющего собой окаменевший префикс: это субморфа или морфоид, см. с. 279).

Замечание. Поведение аффикса **si/s** в литовском позволяет установить с большой надежностью аффиксальный статус глагольного отрицания **ne**. В самом деле, когда глагол с суффиксальным показателем рефлексивности отрицается, этот показатель обязательно манифестируется в виде префикса:

b. *perka*+***si*** 'покупается' ~ *ne*+***si***+*perka* 'не покупается' ⟨**neperkasi*⟩

pirksi+***s*** 'будет покупаться' ~ *ne*+***si***+*pirks* 'не будет покупаться' ⟨**nepirksis*⟩

Отсюда следует, что **ne-** является префиксом, а отрицание представляет собой в литовском граммему (или квазиграммему).

? 15 Дайте формальное описание чередований, наблюдаемых в корне и в суффиксах лица и числа в примере (22).

Факультативная мена позиции

(23) В языке мапудунгу обнаруживаются следующие формы (Grimes 1983: 5):

kiđaw +***ke*** +***ka*** +***n*** и *kiđaw*+***ka***+***ke***+*n*,
работать АБИТ ДИМ 1ЕД

которые обе значат 'Обычно я работаю мало'.

Ср. также суффиксы принадлежности в коми и в марийском: примеры (26) и (27).

В случаях такого типа конфиксу должны быть приписаны два порядка — с указанием условий, при которых данный конфикс должен или может занимать ту или иную позицию.

3. Связь между порядком конфикса и его значением

Поскольку конфиксы, исключающие друг друга в некоторой позиции, семантически противопоставлены, т. е. принадлежат к одной и той же словоизменительной категории, постольку из факта обладания одним и тем же порядком для конфиксов вытекает гипотетическая принадлежность их к показателям одной и той же морфологической категории. Этими обстоятельствами определяются существенные связи между порядком конфикса и его общей семантической характеристикой. Их можно свести к двум следующим утверждениям, хорошо известным в лингвистике:

Словообразование имеет место «внутри» словоизменения [т. е. между основой и флективным окончанием]

> Абсолютная величина порядка словообразовательного конфикса, как правило, меньше абсолютной величины порядка словоизменительного конфикса (того же типа).

Другими словами, дериватемы склонны выражаться ближе (в смысле их линейного расположения) к корню, чем граммемы: ср. выше, Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **5.1**, 6, с. 280–281.

Семантическое словоизменение имеет место «внутри» синтаксического словоизменения

Абсолютная величина порядка словоизменительного конфикса, выражающего семантическую граммему (типа числа существительного или времени глагола), как правило, меньше абсолютной величины порядка конфикса, выражающего синтаксическую граммему (типа падежа существительного или лица и числа глагола).

Другими словами, семантические граммемы склонны выражаться «ближе» к корню, чем синтаксические граммемы: ср. Часть первая [том 1], Глава V, § 4, **2**, с. 308 и сл.

Подчеркнем, однако, что это всего лишь тенденции — засвидетельствованные во многих языках, но, тем не менее, все равно только тенденции. Они то и дело нарушаются, причем иногда систематически. Нарушения порядка «словоизменение — словообразование — корень — словообразование — словоизменение» иллюстрировались в томе 1, пример (8), с. 281; мы приведем здесь еще три дополнительных примера на «словоизменение внутри словообразования», а затем дадим примеры на нарушение порядка «синтаксическое словоизменение — семантическое словоизменение — корень — семантическое словоизменение — синтаксическое словоизменение».

Словоизменение «внутри» словообразования

(24) **a.** В идише (Perlmutter 1988) некоторые типы существительных допускают образование уменьшительных во множественном числе от форм обычного множественного числа:

	ед.	мн.	мн. уменьшительное
'ребенок'	*kind*	*kind* + *er*	*kind* + ***er*** + *lex*
'шип'	*dorn*	*dern* + *er*	*dern* + ***er*** + *lex*
'мудрец'	*xoxem*	*xaxom* + *im*	*xaxom* + ***im*** + *lex*
'ученик'	*talmid*	*talmid* + *im*	*talmid* + ***im*** + *lex*
'тело'	*guf*	*guf* + *im*	*guf* + ***im*** + *lex*
'грех'	*xet*	*xato* + *im*	*xato* + ***im*** + *lex*

Здесь суффикс, выражающий множественное число (граммему), стоит ближе к корню, чем суффикс, выражающий диминутив (дериватему)[4].

b. В грузинском префикс, служащий показателем лица и числа подлежащего и прямого дополнения в личном глаголе, ставится после словообразовательного префикса.

Глагол Č'R(-*a*) 'резать'
в будущем времени индикатива, 1 ед.

ato + ***v*** + *č'r* + *i* 'Я вырежу'.
ga + ***v*** + *č'r* + *i* 'Я разрежу'.
mo + ***v*** + *č'r* + *i* 'Я отрежу'.

c'a + ***v*** + *č'r* + ***i*** 'Я надрежу/срежу (кончик; сверху) [напр., ветку, верхушку дерева]'.
š + ***v*** + *č'r* + ***i*** 'Я подрежу (слегка)' [напр., волосы].
šemo + ***v*** + *č'r* + ***i*** 'Я обрежу (вокруг)'.

Выступающие в этом примере словообразовательные префиксы в грузинском языке чрезвычайно продуктивны.

c. В языке дакота префиксы подлежащего и прямого дополнения тоже ставятся после словообразовательных префиксов — так называемых инструментивных префиксов (Часть вторая [том 2], Глава IV, § 2, **6.2**, с. 408):

ba + ***wa*** + *ksa* 'я отделяю, режа' = 'я отрезаю'
na + ***wa*** + *ksa* 'я отделяю, надавливая'
bo + ***wa*** + *ksa* 'я отделяю рывком'

Упомянем, наконец, такой случай, как префиксальная часть немецкого словоизменительного циркумфикса **ge...-t** — см. пример (30) ниже, с. 191, — которая тоже ставится после словообразовательного префикса: *nieder* + ***ge*** + *leg* + ***t*** 'положить [что-л.] вниз, ПРИЧ.ПРОШ', *ein* + ***ge*** + *leg* + ***t*** 'положить [что-л.] во [что-л.], ПРИЧ.ПРОШ', *herum* + ***ge*** + *leg* + ***t*** 'обложить [что-л.] [чем-л.], ПРИЧ.ПРОШ', и т. д.

Синтаксическое словоизменение «внутри» семантического словоизменения

(25) В финском языке падежные суффиксы, представляющие собой явно синтаксические показатели, ставятся перед суффиксами принадлежности (они выделены в примере жирным шрифтом), являющимися, скорее, семантическими.

Существительное MAA 'земля; страна'

обладатель	**единственное число**			
	номинатив	генитив	эссив	иллатив
1ЕД	*maa*+∅+∅+***ni***	*maa*+∅+*n*+***ni*** ⇒ *maani*	*maa*+∅+*na*+***ni***	*maa*+∅+*han*+***ni*** ⇒ *maahani*
2ЕД	*maa*+∅+∅+***si***	*maa*+∅+*n*+***si*** ⇒ *maasi*	*maa*+∅+*na*+***si***	*maa*+∅+*han*+***si*** ⇒ *maahasi*
3ЕД	*maa*+∅+∅+***nsa***	*maa*+∅+*n*+***nsa*** ⇒ *maansa*	*maa*+∅+*na*+***nsa***	*maa*+∅+*han*+***nsa*** ⇒ *maahansa*
	множественное число			
	номинатив	генитив	эссив	иллатив
1ЕД	*maa*+*t*+∅+***ni*** ⇒ *maani*	*ma*+*id*+*en*+***ni*** ⇒ *maideni*	*ma*+*i*+*na*+***ni***	*ma*+*i*+*hin*+***ni*** ⇒ *maihini*
2ЕД	*maa*+*t*+∅+***si*** ⇒ *maasi*	*ma*+*id*+*en*+***si*** ⇒ *maidesi*	*ma*+*i*+*na*+***si***	*ma*+*i*+*hin*+***si*** ⇒ *maihisi*

ЗЕД	*maa+t+***∅***+***nsa***	*ma+id+en+***nsa***	*ma+i+na+***nsa***	*ma+i+hin+***nsa***
	⇒ *maansa*	⇒ *maidensa*		⇒ *maihinsa*

[Последняя согласная суффикса числа или падежа усекается перед суффиксом принадлежности, так что в результате получаются омофоничные формы.]

В других финно-угорских языках (саамском, коми, удмуртском, марийском) суффикс принадлежности иногда ставится перед падежным суффиксом, а иногда — после него.

(26) В коми суффиксы принадлежности то предшествуют падежным суффиксам — например, в генитиве, в комитативе и в каузативе, то следуют за ними — в приративе, в директиве и в пролативе: см. ниже рис. V-3.

KERKA 'дом'

	падеж		
Обладатель	генитив	комитатив	каузатив
1 ед ['мой']	*kerka+* ***öj*** *+lön*	*kerka+* ***öj*** *+köd*	*kerka+* ***öj*** *+la*
1 мн ['наш']	*kerka+* ***nim*** *+lön*	*kerka+* ***nim*** *+köd*	*kerka+* ***nim*** *+la*
Обладаемое	приватив	директив	пролатив
1 ед ['мой']	*kerka+* ***öj*** *+tög*	*kerka+* ***öj*** *+lan′*	*kerka+ öd +* ***im***
1 мн ['наш']	*kerka+ tög +* ***nim***	*kerka+ lan′ +* ***nim***	*kerka+ öd +* ***nim***

Взаимное расположение суффиксов падежа и принадлежности в коми

Рис. V-3

В действительности дело обстоит сложнее, чем явствует из нашей формулировки. Так, суффикс принадлежности 1 ед **-öj** всегда ставится перед падежным суффиксом — даже в приративе, и т. п.; однако для формы принадлежности первого лица единственного числа может использоваться и другой суффикс: **-im** (иногда факультативный, иногда обязательный), который встречается в некоторых локативных падежах и всегда ставится после падежного суффикса. Таким образом, мы получаем в коми две синонимичные формы директива в свободном варьировании: *kerka+* ***öj****+ lan′* или *kerka+ lan′+* ***im*** 'к моему дому'.

Для суффикса 1 мн **-nim** тоже наблюдаются колебания в употреблении в директиве: формы *kerka+* ***nim****+ lan′* и *kerka+ lan′+* ***nim*** равновозможны без каких-либо различий в смысле.

(27) В марийском вариативность порядка суффиксов заходит еще дальше; здесь возможны все три следующих расположения суффиксов:

КОРЕНЬ — число	— падеж	— принадлежность
ter + *vlak*	+ *əšte*	+ *na*
сани МН	ЛОК	1МН

КОРЕНЬ — число	— принадлежность	— падеж
ter + *vlak*	+ *na*	+ *šte*

КОРЕНЬ — принадлежность	— число	— падеж
ter + *na*	+ *vlak*	+ *əšte*

Эти три словоформы, а именно *tervlakəštena*, *tervlaknašte* и *ternavlakəšte*, значат одно и то же — 'на наших (многих) санях' — и находятся в свободном варьировании.

Таким образом, субстантивный суффикс принадлежности (типа **-na** 'наш') имеет в марийском целых три порядка! (Заметим, впрочем, что числовой суффикс всегда ставится перед падежным:

**ter* + *əšte* + *na* + *vlak*, **ter* + *na* + *əšte* + *vlak*, **ter* + *əšte* + *vlak* + *na*.)

Еще один тип нарушения принципа «семантическое словоизменение выражается ближе к корню, чем синтаксическое словоизменение» может быть проиллюстрирован на примере глагола, где суффиксы наклонения, времени и аспекта должны, вообще говоря, предшествовать суффиксам лица и числа.

(28) В пикардских диалектах французского языка суффикс субъюнктива настоящего времени -š (отсутствующий в литературном французском) предшествует суффиксам лица и числа в единственном числе и в 3 мн, однако следует за ними в 1 мн и во 2 мн. Сравните (диалект Мельвиля в Нормандии; Vacandard 1964 [этим примером я обязан И.-Ш. Морену]):

	KARRIE ('нести [течением]')	VIR ('видеть')	MƐTR ('класть, ставить')
ед. число	1 *kari* + *š* + *ø*	*vwɛ* + *š* + *ø*	*mɛ* + *š* + *ø*
	2 *kari* + *š* + *ø*	*vwɛ* + *š* + *ø*	*mɛ* + *š* + *ø*
	3 *kari* + *š* + *ø*	*vwɛ* + *š* + *ø*	*mɛ* + *š* + *ø*
мн. число	1 *karj* + *õ* + *š*	*vwɛj* + *õ* + *š*	*met* + *õ* + *š*
	2 *karj* + *ɛ* + *š*	*vwɛj* + *ɛ* + *š*	*met* + *ɛ* + *š*
	3 *kari* + *š* + *t*	*vwɛ* + *š* + *t*	*mɛ* + *š* + *t*

Если в единственном числе, где лично-числовой суффикс является нулевым, еще можно сомневаться, каков на самом деле взаимный порядок суффикса -š и этого нулевого суффикса, то во множественном числе картина совершенно ясна: *-õ* + *š* и *-ɛ* + *š*, но *-š* + *t*.

(29) Показатели лица могут вклиниваться перед показателями времени и/или аспекта. Вот два примера.

a. В языке дьингили (Evans 1995: 416) суффикс аспекта ставится после лично-числового суффикса:
wambaya + *nga* + (*w*)***adi*** 'Я все время говорю'.
говорить 1ЕД АБИТ

b. Во всех языках майянской семьи префиксы времени обязательно предшествуют префиксам лица и числа. Так, например, в языке хакальтек (Day 1973: 33–35):

č	+ *hin*	+ *waj*	+ *i*	⟹	*činwaji*	
НЕПРОШ	1ЕД	спать	форматив основы		'Я сплю'.	
k	+ *hač*	+ *waj*	+ *i*	⟹	*kačwaji*	
ПРОШ	2ЕД	спать	форматив основы		'Ты спал'.	
č + *hin*	+ *ha*	+ *makʿ*	+ *an*	⟹	*činhamakʿan*	
НЕПРОШ 1ЕД	2ЕД	бить, ударять	форматив основы		'Ты меня бьешь'.	
š + ***∅***	+ *hin*	+ *makʿ*	*nax*	⟹	*šinmakʿ nax*	
ПРОШ 3ЕД	1ЕД	бить, ударять	он [клитика]		'Я его ударил'.	

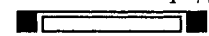
О формативах основы см. в примере (3), § 2, Глава I настоящей части, **1.3**, 2, с. 21.

4. Циркумфиксы

Определение V.21: циркумфикс

Циркумфиксом называется аффикс, не разрывающий корень, к которому он присоединяется, однако сам разрываемый этим корнем.

Графически циркумфикс может быть представлен следующим образом:

Обозначения

Конкретный циркумфикс (**Circumf**) будет записываться в виде

$$\mathbf{m_1\text{-}\ldots\text{-}m_2}.$$

В синтактике циркумфикса мы указываем порядок его префиксальной части и порядок его суффиксальной части. Иначе говоря, позиция циркумфикса в «его» словоформе задается парой чисел, например (−3, +2).

Существенно различать циркумфикс **a-**$\ldots$**-b**, две части которого окружают, или «охватывают», с двух сторон корень, и комбинацию префикса **a-** и суффикса **-b**, когда они выступают одновременно при некотором корне. В общем случае:

$$\overline{\mathbf{a}+\mathbf{R}+\mathbf{b}} \neq \mathbf{a}+\mathbf{R}+\mathbf{b}$$

Критерии для такого различения могут быть в одних случаях семантические, а в других — синтаксические.

С одной стороны, означаемое циркумфикса отлично от объединения означаемых префикса и суффикса, совпадающих с начальной и конечной частью данного циркумфикса, получаемого по общим правилам:

$$\text{‘a-...-b’} \neq \text{‘a-’} \oplus \text{‘-b’}$$

Циркумфикс выражает свое означаемое как одно целое: это знак, являющийся либо элементарным, либо квазипредставимым по означающему (= ***квазиморфа***). См. **Замечание** после примера (30) ниже.

С другой стороны, морфологическая сочетаемость (= внутрилексемная сочетаемость) у циркумфикса отлична от «объединенной» сочетаемости его префиксальной и суффиксальной частей. Так, русский циркумфикс **за-...-/j/** присоединяется исключительно к существительным (*Заволжье* /***за***+*volž′*+***j***(-*e*)/, *Зауралье* /***за***+*ural′*+***j***(-*e*)/, ...), в то время как префикс **за-** сочетается только с глаголами (***за***+*бежать* [*за дом*]). Следовательно, синтактику циркумфикса нельзя, вообще говоря, записать как объединение синтактик составляющих ее частей:

$$\Sigma_{\text{a-...-b}} \neq \Sigma_{\text{a-}} \oplus \Sigma_{\text{-b}}$$

Примеры

Словоизменительные циркумфиксы

(30) немецкие циркумфиксы **ge-...-(e)t** и **ge-...-en** означают оба ‘причастие прошедшего времени’:

	инфинитив	причастие прошедшего времени
‘спрашивать’	*frag* (-*en*)	***ge***+*frag* +***t***
‘класть, ставить’	*leg* (-*en*)	***ge***+*leg* +***t***
‘рисовать’	*zeichn*(-*en*)	***ge***+*zeichn*+***et***
‘говорить’	*sprech*(-*en*)	***ge***+*sproch*+***en***
‘пить’	*trink* (-*en*)	***ge***+*trunk* +***en***
‘ловить’	*fang* (-*en*)	***ge***+*fang* +***en***

Замечание. Префикс **ge-** в немецком языке существует и отдельно, но имеет совершенно другое значение и другое распределение. Он может выражать, например, собирательность в производных существительных: ***Gebirge*** ‘горы, гористая местность’, ***Gebüsch*** ‘кустарник [заросли]’, ***Gepäck*** ‘багаж’, ***Gerede*** ‘болтовня, пересуды’, ***Gerüst*** ‘помост, подмостки’ и т. п. Суффиксы **(-e)t** и **-en** тоже существуют отдельно, но они опять-таки выражают значения, не имеющие ничего общего с ‘причастием прошедшего времени’: **(-e)t** = ‘3 ед’/‘2 мн’, **-en** = ‘1/3 мн’/‘инфинитив’. Отсюда видно, что **ge-...-(e)t** ‘прич. прош.’ ≠ **ge-** ‘собирательность’ ⊕ **(-e)t** ‘3 ед’/‘2 мн’ и т. п.

Правда, суффиксы **-(e)t** и **-en** все-таки могут выражать также и значение ‘прич. прош.’, но только при глаголах, относящихся к двум особым классам: при глаголах с неотделяемыми префиксами и при глаголах с суффиксом **-ier**(*en*) (***versprechen*** ‘обещать’ ~ прич. прош. *versproch**en*** ⟨**geversprochen*⟩; *kontroll**ieren*** ‘контролировать’ ~ прич. прош. *kontrolliert* ⟨**gekontrolliert*⟩. За пределами этого ограниченного контекста **-(e)t** и **-en** никогда не выражают значение причастия прошедшего времени.

(31) циркумфиксы отрицания

a. корякский

a-...-ka или **e-...-ke** ‘отрицательное деепричастие’ = ‘не [делая что-л.]’

	инфинитив		отрицательное деепричастие		
‘выходить’	*ŋəto*	(*-k*)	***a*** + *ŋto*	+ ***ka***	
‘рассказывать’	*təvə*	(*-k*)	***a*** + *tvə*	+ ***ka***	
‘садиться’	*vaγal*	(*-ək*)	***a*** + *tvaγal*	+ ***ka***	
‘кончать, прекращать’	*pələtku*	(*-k*)	***e*** + *plətku*	+ ***ke***	
‘уставать’	*məčе*	(*-k*)	***e*** + *mče*	+ ***ke***	
‘вставать, подниматься’	*qut*	(*-ək*)	***e*** + *lqut*	+ ***ke***	

? 16

1. Опишите распределение этих двух корякских циркумфиксов, используя понятия, введенные в Части третьей КОМ-а.

2. Опишите различие, наблюдаемое между двумя формами корня у корякских глаголов ‘садиться’ и ‘вставать’.

Напомним, что мы уже встречались с другим корякским циркумфиксом раньше: см. пример (11) в этом же параграфе, с. 176.

b. язык паама

ro-...-tei ‘отрицание’ = ‘не’ (Crowley 1987)

Kale a + *muasi* *vuasi* *vō* + *mate*
они 3МН.РЕАЛ ударять свинья 3ЕД.БЛИЖ умереть
‘Они убили свинью’ = букв. ‘Они ударили свинью умерла’.
vs.
Kale a + ***ro*** + *muasi* + ***tei*** *vuasi* *vō* + *mate*
они 3МН.РЕАЛ НЕГ ударять НЕГ свинья 3ЕД.БЛИЖ умереть
‘Они не убили свинью’ = букв. ‘Они не ударили свинью умерла’.
vs.
Kale a + *muasi* *vuasi* ***rō*** + *mate* + ***tei***
они 3МН.РЕАЛ ударять свинья 3ЕД.РЕАЛ.НЕГ умереть НЕГ
букв. ‘Они ударили свинью, [но] она не умерла’.

В примере (31b) мы наблюдаем ***глагольную сериализацию***, или ***сериальный глагол***: смысл 'убить' выражен в паама конструкцией из двух глаголов, нечто вроде 'ударить умереть'; любая из ее частей может принимать отрицание независимо от другой, так что в результате у этого сериального глагола получается две разных отрицательных формы с разными смыслами.

(32) лиллует (Demirdache and Davis 1995)
ka-...-a 'не контролируемо' [= НК]

ka+*qám't* +*š* +*kan* +***a***
НК быть.ударенным КАУЗ 1ЕД.СУБ НК
'Я нечаянно кого-то ударил'.

šək'w +*p* +*š* +*áš* *ti* +*nk'wan'úštən* +*a* *ti* +*χqáǰχw* +*a*
разбить ИНФ КАУЗ 3.СУБ ОПР окно ОПР ОПР человек ОПР
'[Этот] человек разбил [это] окно'.
vs.
ka+*šək'w* +*š* +*áš* +***a*** *ti* +*nk'wan'úštən* +*a* *ti* +*χqáǰχw* +*a*
НК разбить КАУЗ 3.СУБ НК ОПР окно ОПР ОПР человек ОПР
'[Этот] человек нечаянно разбил [это] окно'.

ka+*χúk'w* +***a***
НК быть.тащимым/перевозимым НК
'быть случайно тащимым/перевозимым'
[например, зацепившись за грузовик]

(33) паме
na-...-∅ 'единственное число', **na-...-i** 'двойственное число',
la-...-t 'множественное число' (Elson and Pickett 1962: 20–21)

	единственное	двойственное	множественное
'собака'	***na***+*dò* +***∅***	***na***+*dò* +***i***	***la***+*dò* +***t***
'койот'	***na***+*n?ò* +***∅***	***na***+*n?ò* +***i***	***la***+*n?ò* +***t***
'лунь'	***na***+*wá?a*+***∅***	***na***+*wá?a*+***i***	***la***+*wá?a*+***t***
'горлица'	***na***+*kkó* +***∅***	***na***+*kkó* +***i***	***la***+*kkó* +***t***
'цапля'	***na***+*ná* +***∅***	***na***+*ná* +***i***	***la***+*ná* +***t***

Еще один пример циркумфикса—чукотский циркумфикс комитатива, см. § 2 настоящей главы, **7.7**, 1, пример (41), с. 132.

Словообразовательные циркумфиксы

(34) грузинский

а.	'X'	**sa-...-e** 'место для X'	
'курица'	*katam*(*-i*)	***sa***+*katm*+***e***	'курятник'
'свинья'	*γor* (*-i*)	***sa***+*γor* +***e***	'свинарник'
'отбросы, мусор'	*nagav*(*-i*)	***sa***+*nagv*+***e***	'помойка, свалка'

? 17 Опишите явление, наблюдаемое в основе словоформ *sakatme* или *sanagve*; в грузинском языке это явление чрезвычайно распространено.

b. me-...-e — показатель порядковых числительных:

	количественное числительное	порядковое числительное	
'два'	*or* (*-i*)	***me*** + *or* + ***e***	'второй'
'три'	*sam*(*-i*)	***me*** + *sam* + ***e***	'третий'
'шесть'	*ekvs*(*-i*)	***me*** + *ekvs* + ***e***	'шестой'

? 18 В грузинском, так же как и в ряде других языков (рус. *один* ~ *первый*, англ. *one* ~ *first*, фр. *un* ~ *premier*), мы имеем соотношение *erti* ~ *pirveli*; охарактеризуйте это явление.

5. Инфиксы

Определение V.22: инфикс

Инфиксом называется аффикс, разрывающий корень, к которому он присоединяется, но сам не разрываемый этим корнем[5].

Графически инфикс может быть представлен следующим образом:

Обозначения

Конкретный инфикс (**Inf**) будет записываться далее в виде **-m-**.

Аналогично тому, как в синтактике конфиксов или циркумфиксов задается их порядок, в синтактике инфикса должны содержаться точные указания относительно линейной позиции внутри корня, в которую надлежит помещать данный инфикс; см. примеры (35)–(39) ниже.

Примеры

Словоизменительные инфиксы

(35) **a.** В балангао инфиксы **-in-** и **-an-**, вставляемые после первой согласной корня, служат показателями множественного числа для существительных — названий лиц:

	единственное	множественное
'девочка'	*buba?e*	*b* + ***in*** + *uba?e*
'старуха'	*mad?an*	*m* + ***an*** + *ad?an*
'мальчик'	*lala?e*	*l* + ***al*** + *lala?e*
'старик'	*makolaŋ*	*m* + ***an*** + *akolaŋ*
'женщина'	*?in?ina*	*?* + ***in*** + *in?ina*
'юноша, молодой человек'	*bubulu*	*b* + ***in*** + *ubulu*

'спутник'	*ʔibʔa*	*ʔ* + ***in*** + *ibʔa*
'брат или сестра'	*ʔagi*	*ʔ* + ***an*** + *agʔi*

Инфикс **-in-** записывается следующим образом:
-in- = ⟨'мн. ч.'; /in/; Σ = словоизменительный инфикс существительного, вставляется после первой согласной корня перед идущей за ней гласной, ...⟩

? 19 Ответьте на следующие три вопроса:
1. Каково правило распределения для **-in-** vs. **-an-**?
2. Что происходит в форме множественного числа *lallalaʔe* 'мальчики'?
3. Каким образом следует описать дополнительные изменения, наблюдаемые в формах *ʔinibʔa* 'спутники' и *ʔanagʔi* 'братья и сестры'?

b. В сунданском языке похожие инфиксы **-ar-** и **-al-** тоже вставляются после после первой согласной корня и служат показателями множественного числа субъекта у непереходных глаголов и множественного числа объекта у переходных глаголов:

	одно лицо	много лиц
'спать'	*sare*	*s* + ***ar*** + *are*
'бежать'	*ləmpaŋ*	*l* + ***al*** + *əmpaŋ*
'быть богатым'	*bəŋhar*	*b* + ***al*** + *əŋhar*
'быть большим'	*gəde*	*g* + ***al*** + *əde*

c. В даргинском инфиксы **-l-**, **-r-** и **-j-**, вставляемые после первой гласной глагольного корня, служат показателями имперфектива — граммемы аспекта V (если исходная основа была перфективной); инфикс **-r-** может быть также показателем перфектива (если исходная основа была имперфективной) [все глаголы приводятся в инфинитиве]:

	перфектив	имперфектив
'ударить'	*bäq*^{h}*(-es)*	*bi* + ***r*** + *q*^{h}*(-es)*
'поймать'	*buc (-es)*	*bu* + ***r*** + *c (-es)*
'намазать'	*bas (-es)*	*ba* + ***l*** + *s (-es)*
'вспахать'	*bac (-es)*	*ba* + ***l*** + *c (-es)*
'узнать'	*bah (-es)*	*ba* + ***l*** + *h (-es)* [⟹ *bales*]
'взять'	*kas (-es)*	*ka* + ***j*** + *s (-es)*
	имперфектив	**перфектив**
'есть'	*buk (-es)*	*be* + ***r*** + *k (-es)*
'шить'	*ib (-es)*	*bi* + ***r*** + *b (-es)*
'спасаться'	*uc (-es)*	*bi* + ***r*** + *c (-es)*

[Фонема /b/, которую мы видим в начале многих глагольных корней, часто представляет собой префикс класса 1 **b-**: это префикс

согласования с прямым дополнением или с подлежащим (для непереходных глаголов). Во многих случаях этот префикс является окаменевшим.]

d. В языке чонталь инфикс **-l̰-**, вставляемый перед последним слогом корня, служит показателем множественного числа существительных:

	единственное	множественное
'женщина'	*akan'o*	*aka* + **l̰** + *n'o*
'иностранец'	*tuwa*	*tu* + **l̰** + *wa*
'белка'	*cece*	*ce* + **l̰** + *ce*
'опоссум'	*l̰ipo*	*l̰i* + **l̰** + *po*

(36) **a.** В латинском инфиксом **-n-/-m-** маркируется основа презенса; этот инфикс вставляется перед последней согласной корня. Глаголы приведены в 1-м лице единственного числа индикатива.

	перфект	презенс (= настоящее)
'колоть, жалить'	*pupug*(*-ī*)	*pu* + **n** + *g* (*-ō*)
'оставлять'	*liqu* (*-ī*)	*li* + **n** + *qu*(*-ō*)
'разрывать, разделять'	*scid* (*-ī*)	*sci* + **n** + *d* (*-ō*)
'рвать, разрушать'	*rup* (*-ī*)	*ru* + **m** + *p* (*-ō*)
'возлежать'	*accub*(*-u-ī*)	*accu* + **m** + *b* (*-ō*)

Латинский инфикс **-n-/-m-** представляет собой пустой$_2$ инфикс, в обязательном порядке вводимый в корень некоторых глаголов (для которых это их свойство должно быть отмечено в их синтактике) во всех формах настоящего времени, имперфекта и будущего I времени, а также во всех неличных формах; наличие этого инфикса противопоставляет их формам перфекта, давнопрошедшего и будущего II. Ср. формы глагола ROMPERE (в 3-м лице единственного числа индикатива):

настоящее *ru* + **m** + *p* + *∅*(*-it*) ~ перфект *rup* + *ī*(*-t*)
имперфект *ru* + **m** + *p* + *eba*(*-t*) ~ давнопрошедшее *rup* + *era*(*-t*)
будущее I *ru* + **m** + *p* + *e*(*-t*) ~ будущее II *rup* + *eri*(*-t*)

Легко видеть, что время указывается здесь суффиксом (этот суффикс подчеркнут), а назальный инфикс всего лишь автоматически сопутствует этому суффиксу (разумеется, только для глаголов, снабженных соответствующей специальной пометой).

b. Очень похожая ситуация имеет место также в литовском. Глаголы приведены в форме 3-го лица единственного числа индикатива.

	прошедшее	настоящее
'портиться'	*ged* (*-o*)	*ge* + **n** + *d*(*-a*)
'падать'	*krit* (*-o*)	*kri* + **n** + *t* (*-a*)

'идти [о снеге], снежить'	*snig*(*-o*)	*sni*+**n**+*g*(*-a*)
'липнуть'	*lip* (*-o*)	*li* +**m**+*p*(*-a*)
'цепляться'	*kib* (*-o*)	*ki* +**m**+*b*(*-a*)

Замечание. Интересный след индоевропейского назального инфикса настоящего времени сохранился в английском, а именно в форме *stand* 'стою/стоишь/стоит...' ~ *stood* 'стоял/стояли'. Его следы можно найти также и во французском, хотя здесь они менее очевидны. Так, в существительном *vic*(*-toire*) 'победа' и в глаголе *vainc*(*-re*) 'побеждать' обнаруживается один и тот же исторический корень $\sqrt{\text{vic}}$; в глаголе этот корень некогда содержал назальный инфикс.

(37) В тагальском инфиксы **-um-** и **-in-**, вставляемые после начальной согласной корня, маркируют активный и пассивный залоги соответственно (под пассивным здесь имеется в виду прямой пассивный залог, поскольку в тагальском есть еще два других пассива, выражаемых суффиксом и префиксом):

	прошедшее	настоящее
активный залог		
'прибывать'	*d*+**um**+*atíng*	*d*+**um**+*áratíng*
'разрывать'	*p*+**um**+*unit*	*p*+**um**+*úpunit*
'убивать'	*p*+**um**+*atáy*	*p*+**um**+*ápatáy*
'писать'	*s*+**um**+*ulat*	*s*+**um**+*úsulat*
пассивный залог		
'быть разрываемым'	*p*+**in**+*unit*	*p*+**in**+*úpunit*
'быть убитым'	*p*+**in**+*atáy*	*p*+**in**+*ápatáy*
'быть написанным'	*s*+**in**+*ulat*	*s*+**in**+*úsulat*

Корень без инфикса наблюдается в исходных существительных или прилагательных: *datíng* 'прибытие', *punit* 'дыра, разрыв', *patáy* 'мертвый', *sulat* 'нечто написанное; письмо'. [Знак «´» означает в тагальском письме сильное ударение; словоформы без знака ударения имеют слабое ударение на предпоследнем слоге.]

? 20 1. В форме настоящего времени тагальского глагола 'прибывать' наблюдается некая нерегулярность. Как ее следует описать?
2. Каков показатель настоящего времени у тагальских глаголов? Запишите соответствующий знак в стандартной форме.

Словообразовательные инфиксы

(38) В языке кхму с помощью инфикса **-rn-** 'то, посредством чего ...' от глаголов образуются существительные — названия инструментов:

	глагол	существительное-инструмент	
'ухватить клещами'	*kap*	$k + \mathbf{rn} + ap$	'клещи'
'обмахивать веером'	*paaj*	$p + \mathbf{rn} + aaj$	'веер'
'пробуравливать'	*see*	$s + \mathbf{rn} + ee$	'бурав'
'украшать уши'	*sal*	$s + \mathbf{rn} + al$	'серьга'
'есть ложкой'	*hiip*	$h + \mathbf{rn} + iip$	'ложка'

(39) В языке мискито инфикс **-m-** 'ты, твой', вставляемый после первого слога корня, используется либо в качестве показателя неотчуждаемой принадлежности, либо в качестве прямого дополнения:
неотчуждаемая принадлежность
nara 'зуб' ~ $na + \mathbf{m} + ra$ 'твой зуб'
[однако *nina* 'имя' ~ $nina + m$ 'твое имя' ⟨**ni* + *m* + *na*⟩, поскольку имя собственное в мискито неотчуждаемой принадлежностью не считается]
прямое дополнение
tasap 'благословлять' ~ $ta + \mathbf{m} + sap(\text{-}amni)$ 'Я тебя благословлю'.

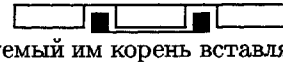
Большинство инфиксов исторически развились из префиксов или суффиксов в результате метатезы. Нередко инфикс одного языка соответствует суффиксу в другом, родственном, языке: ср. латинское $ju + \mathbf{n} + g(\text{-}\bar{o})$ 'связываю' ~ греческое $zeug + \mathbf{n\bar{u}}(\text{-}mi)$ 'связываю' (в лат. *jug-* и в греч. *zeug-* представлен один и тот же индоевропейский корень $\sqrt{\mathbf{yeug}}$). Иногда похожее соотношение наблюдается даже внутри одного и того же языка: в санскрите для значения '[я] раскалываю' равно возможны и форма $bhi + \mathbf{n\acute{a}} + d(\text{-}mi)$ с **-na-** в качестве инфикса, и форма $bhid + \mathbf{n\bar{a}}(\text{-}mi)$ с **-na** в качестве суффикса.

6. Трансфиксы

Определение V.23: трансфикс

Трансфиксом называется аффикс, разрывающий корень, к которому он присоединяется, и сам разрываемый этим корнем.

Графически трансфикс можно изобразить следующим образом:

Трансфикс и модифицируемый им корень вставляются друг в друга, как две гребенки.

Обозначения
Конкретный трансфикс (**Transf**) будет записываться в виде:

$$\text{-}\mathbf{m_1}\text{-}\ldots\text{-}\mathbf{m_2}\text{-}\ldots\text{-}\mathbf{m_n}\text{-}$$

Так же, как и для инфикса, для каждого трансфикса должно быть точно указано, в какое место между фонемами в означающем корня должны помещаться фонемы его означающего; эта информация записывается в синтактике трансфикса. В соответствии с введенным выше условным обозначением позиции фонем основы, между которыми помещаются фонемы трансфикса, указываются дефисами.

Достаточно регулярные трансфиксы засвидетельствованы только в семитских языках.

Словоизменительные трансфиксы

(40) арабский

a. Различие между единственным и множественным числом существительных обслуживается целым рядом различных трансфиксов:

	корень	ед. число	мн. число
'дом'	*bjt*	*b-**a**-jt*	*b-**u**-j-**ū**-t*
'рисунок'	*rsm*	*r-**a**-sm*	*r-**u**-s-**ū**-m*
'всадник'	*rkb*	*r-**ā**-k-**i**-b*	*r-**u**-kk-**ā**-b*
'палатка'	*xjm*	*x-**a**-jm*(+*āt*)	*x-**i**-j-**a**-m* или *x-**i**-j-**ā**-m*
'книга'	*ktb*	*k-**i**-t-**ā**-b*	*k-**u**-t-**u**-b*
'ветер'	*rjħ*	*r-ī-ħ* [⇒ *r-**i**-jħ*]	*r-**i**-j-**ā**-ħ*

Здесь мы видим девять различных числовых трансфиксов:

- четыре для единственного числа
  -a-∅- **-ā-i-** **-i-ā-** **-i-∅-**
- пять для множественного числа
  -u-ū- **-u-ā-** **-i-a-** **-i-ā-** **-u-u-**

(Трансфикс **-u-ā-** всегда требует удвоения второй согласной корня.)

В арабском имеется несколько десятков трансфиксов типа тех, что приведены выше.

b. Актив и пассив у глагола выражаются при помощи двух рядов противопоставленных друг другу аффиксов:

-a-a-
-a-i- } 'актив' *vs.* **-u-i-** 'пассив'
-a-u-

[Трансфикс **-a-u-** употребляется только с непереходными корнями, обозначающими состояние или изменение состояния, вроде *k-**a**-b-**u**-r*(+*a*) 'он стал большим'; такие глаголы не имеют пассива.]

Сравните:

с.	корень	актив	пассив
		[перфект индикатива, 3-е л., муж. род]	
'спрашивать'	*sʔl*	*s-**a**-ʔ-**a**-l* (+*a*)	*s-**u**-ʔ-**i**-l* (+*a*)
'писать'	*ktb*	*k-**a**-t-**a**-b*(+*a*)	*k-**u**-t-**i**-b* (+*a*)
'печатать'	*ṭbʕ*	*ṭ-**a**-b-**a**-ʕ*(+*a*)	*ṭ-**u**-b-**i**-ʕ* (+*a*)
'знать'	*ʕlm*	*ʕ-**a**-l-**i**-m*(+*a*)	*ʕ-**u**-l-**i**-m*(+*a*)
'понимать'	*fhm*	*f-**a**-h-**i**-m*(+*a*)	*f-**u**-h-**i**-m*(+*a*)

(41) Сходная картина имеет место в современном иврите: основные глагольные категории выражаются в нем трансфиксами. Так, мы имеем:

-a-a- 'перфект, актив' ~ **i- -o-** 'будущее, актив'
i- -i- 'перфект, актив, каузатив' ~ **u- -a-** 'перфект, пассив, каузатив'

Например, от корня **šlt** 'господство, власть' образуются следующие формы:

*š-**a**-l-**a**-t* 'был у власти' ~ (*j*+)*i-šl-**o**-t* 'будет у власти'
(*h*+)*i-šl-**i**-t* 'привел к власти' ~ (*h*+)*u-šl-**a**-t* 'был приведен к власти'

Словообразовательные трансфиксы

(42) арабский: **-ā-i-** 'тот, кто...' + 'единственное число' [имя деятеля]

	корень	имя деятеля	
'писать'	*ktb*	*k-**ā**-t-**i**-b*	'писатель'
'рисовать'	*rsm*	*r-**ā**-s-**i**-m*	'рисовальщик'
'печатать'	*ṭbʕ*	*ṭ-**ā**-b-**i**-ʕ*	'печатник'

Обращаем внимание читателя на то, что арабский трансфикс **-ā-i-** выражает ОДНОВРЕМЕННО два грамматических значения: дериватему 'тот, кто...' и граммему 'единственное число'; он представляет собой кумулятивный аффикс, см. ниже, **9.2**, с. 219.

(43) эфиопский язык (= геэз): **-a-í-** 'имеющий свойство...' [качественное прилагательное]

	корень	качественное прилагательное	
'быть мудрым'	*ṭbb*	*ṭ -**a**-b-**í**-b*	'мудрый'
'быть сильным'	*ʕzz*	*ʕ -**a**-z-**í**-z*	'сильный'
'быть горьким'	*mʕr*	*m-**a**-ʕ-**í**-r*	'горький'

В отличие от арабского трансфикса имени деятеля, приведенного в примере (42), эфиопский трансфикс качества выражает одно-единственное значение: дериватему 'имеющий свойство ...'. Действительно, оппозиции «единственное ~ множественное» и «мужской род ~ женский род» (и в единствен-

ном, и во множественном числе) в случае прилагательных типа *ṭabíb* 'мудрый' выражаются отдельными показателями (= суффиксами). Ср.:

	мужской род	женский род
ед. ч.	*ṭabíb* + **∅**	*ṭabíb* + **āt**
мн. ч.	*ṭabib* + **án**	*ṭabib* + **ā́t**

Таким образом, эфиопский трансфикс **-a-í-** кумулятивным не является.

Согласно некоторым гипотезам, семитские трансфиксы развились из чередований гласных, вроде аблаута, которые сначала приобрели определенные грамматические значения, а затем были обобщены по аналогии. Интересно отметить, что теперь арабские трансфиксы применяются даже к заимствованиям из европейских языков; ср., к примеру, арабское *f-**i**-lm*, мн. ч. *a-fl-ā-m*, или *b-**a**-nk*, мн. ч. *b-**u**-n-**u**-k*.

7. Смещенные аффиксы и мигрирующие аффиксы

7.1. Общие замечания. Термин *аффикс* обладает интересной неоднозначностью, которую мы до сих пор игнорировали. С одной стороны, 'быть аффиксом' — это одноместный предикат, обозначающий некоторое свойство: мы знаем, что морфа может быть либо корнем, либо аффиксом. Поэтому термином *аффикс* обозначается классифицирующее понятие, принадлежащее к тому же ряду понятий, что и *глагол*, *существительное*, *прилагательное*, ... или *гласная*, *согласная*, *фрикативная*, ... С другой стороны, *аффикс* может выражать также реляционное понятие, т. е. обозначать некоторое отношение — бинарный предикат 'быть аффиксом при ...': часто говорят, что *X является аффиксом при Y*, где Y — это корень. Так, например, в английской фразе *The boy felt the villagers were disappointed* 'Мальчик почувствовал, что жители деревни были разочарованы' субстантивный суффикс **-∅$_{sg}$** является суффиксом при корне **boy** 'мальчик', **-s** — это суффикс при корне **villager**; **-t** — суффикс при **feel**, а **-ed** — при **disappoint**. В этом смысле *аффикс* входит в тот же ряд терминов, что и *подлежащее при* [чем-л.]/*у* [чего-л.], *прямое дополнение при* [чем-л.]/*у* [чего-л.], *определение при* [чем-л.]/*у* [чего-л.], *атрибут при* [чем-л.]/*у* [чего-л.] и т. д. Та же самая неоднозначность присуща, естественно, и всем названиям конкретных типов аффиксов.

Теперь нам надо придать более точный смысл предикату 'быть аффиксом Y-а'. Пусть у нас есть высказывание, в которое входят корень **Y** и аффикс **X**.

> Выражение «**X** *является аффиксом* корня **Y** [= присутствие аффикса **X** *обусловлено* корнем **Y**] *в высказывании* $\mathcal{E}$» означает: 'В высказывании $\mathcal{E}$ **Y** обусловливает присутствие **X**-а в том смысле, что либо a) **Y** требует обязательного выбора между аффиксами **X**, **X′**, **X″**, ..., либо b) **Y** допускает при себе **X'**.

В этой формулировке принципиально важно наличие обусловленности (присутствия аффикса) именно в рамках *высказывания*, а не в рамках *словоформы*. В самом деле, как мы увидим, аффикс **X**, обусловленный корнем **Y** словоформы $\mathbf{w}_1$, может находиться совсем в другой словоформе $\mathbf{w}_2$ высказывания $\mathcal{E}$.

Иными словами, либо корень **Y** требует обязательного присутствия внутри высказывания $\mathcal{E}$ некоторого словоизменительного значения, выражаемого аффиксом **X**, либо **Y** допускает, тоже внутри $\mathcal{E}$, выражение некоторой дериватемы или квазиграммемы. В примере, приводившемся выше, корни **boy** и **villager** требуют суффиксов грамматического числа: ведь эти корни детерминируют обязательное выражение словоизменительной категории числа; корни **feel** и **disappoint** тоже требуют суффиксов, но уже других.

В общем случае из того факта, что в высказывании $\mathcal{E}$ аффикс **X** обусловлен корнем **Y**, вытекают три свойства, касающиеся означаемого, означающего и синтактики аффикса **X**.

1) Означаемое **X**-а воздействует на означаемое **Y**-а: 'X' характеризует (ограничивает, определяет, ...) 'Y' или задает синтаксическую роль **Y**-а во фразе.

Так, в **villagers** означаемое суффикса **-s**, т. е. 'множественное число' = 'более чем один', характеризует означаемое корня **villager**: 'более чем один житель деревни'. В латинской словоформе **ancillam** 'служанку [АКК]' означаемое суффикса **-am** — 'единственное число, аккузатив' — характеризует означаемое корня **ancill-** ('одна служанка') и задает синтаксическую роль всей словоформы во фразе (прямое дополнение).

2) Означающее аффикса **X** является частью означающего той же самой словоформы, в которую входит **Y**.
3) Синтактика аффикса **X** формулируется относительно корня **Y**, т. е. синтактика **X**-а апеллирует всегда и исключительно к свойствам корня **Y**.

Так обстоит дело во всех примерах аффиксов, приводившихся ранее.

Однако прямая семантическая и прямая линейная связь между аффиксом **X** и «его» корнем **Y** не являются логически необходимыми (хотя на практике чаще всего они имеют место). Одно из этих свойств или даже оба вместе могут нарушаться. При этом связь между синтактикой самого **X**-а и синтактикой «его» корня сохраняется всегда: если бы ее не было, утверждение, что **X** — это аффикс **Y**-а, вообще не имело бы смысла.

Отсутствие семантической связи или линейной связи между аффиксом **X** и его корнем **Y** порождает два особых типа аффиксов: ***смещенные*** аффиксы и ***мигрирующие*** аффиксы.

7.2. Смещенные аффиксы. Как правило, словоизменительная категория $\mathcal{C}$, имплицируемая лексемами некоторого дистрибутивного класса **K**,

семантически воздействует на означаемое той лексемы, при которой выражена одна из граммем категории ***C***. Рассмотрим, к примеру, категорию числа существительных: противопоставление «единственное число ~ множественное число» для существительных обязательно, и означаемое существительного всегда характеризуется по этому противопоставлению. Аналогично, время, когда оно обязательно для глаголов, характеризует означаемое глагола, и т. д. Однако логически не исключается и противоположная ситуация, а именно существование словоизменительной категории ***C***, имплицируемой лексемами класса $\mathbf{K_i}$, но при этом семантически воздействующей на лексемы другого дистрибутивного класса $\mathbf{K_j}$. Например: категория числа существительного, имплицируемая прилагательным (в позиции определения), или категория времени глагола, имплицируемая существительным (в позиции подлежащего). Иными словами, в такой гипотетической ситуации существительное не само выражает число, а за него это делает определяющее его прилагательное; глагол не сам выражает свое время, а за него это делает его подлежащее; и т. д. (Если при существительном нет определения-прилагательного, число не выражается вовсе; если во фразе при личном глаголе нет подлежащего, время так и остается невыраженным.) Такая словоизменительная категория называется ***смещенной***. Мы уже говорили о смещенных категориях в начале Части второй [том 2], Глава I, **2.3**, с. 29–31, где приводились три примера: категории глагольного времени и наклонения в лома, выражаемые при субъектном местоимении; категория определенности существительных, выражаемая в литовском при прилагательном (когда оно играет при существительном роль определения); итератив индонезийского глагола, выражаемый при подлежащем этого глагола.

Смещенные словоизменительные категории по причине их семиотической неполноценности (противоречие между семантическими и формальными связями) в языках достаточно редки. Но они все-таки существуют и должны быть учтены в нашем описании. В контексте настоящего изложения они интересуют нас прежде всего с точки зрения своих показателей, которые оказываются обязательными для выражения при определенном корне и «физически» к нему присоединяются (= входят в ту же самую словоформу), однако СЕМАНТИЧЕСКИ воздействуют на другой корень (находящийся в другой словоформе). Такие показатели, или, точнее, такие аффиксы, мы тоже будем называть ***смещенными***, хотя это и не совсем правомерно.

Определение V.24: смещенный аффикс

Аффикс **X**, имплицируемый корнем **Y** (= **Y** обусловливает обязательное наличие **X**-а и его форму в данном высказывании), называется *смещенным*, если **X** находится в той же словоформе, что и **Y**, но при этом его означаемое воздействует не на означаемое **Y**-а, а на означаемое другого корня **Z**, находящегося в другой словоформе.

Таким образом, означаемое смещенного аффикса воздействует на некий корень **Z** [**Z** ≠ **Y**], входящий в другую словоформу, чем та, которая содержит **Y** и **X** [**w**(**Z**) ≠ **w**(**X**, **Y**)].

Пример

(44) В болгарском языке суффикс детерминации (функционально эквивалентный определенному артиклю в английском, французском или немецком языке) присоединяется к самому левому из прилагательных в именной группе вида

$$\text{Adj}^1 + \text{Adj}^2 + \ldots + \text{Adj}^n + \text{N}$$

Тем самым, мы имеем:

дъб 'дуб' ~ *дъб*+ ***ът*** ≈ '[этот] дуб' ~

~ *стари*+ ***ят*** *дъб* '[этот]-старый дуб' ⟨**стари дъбът*⟩

зима 'зима' ~ *зима*+ ***та*** '[эта] зима' ~

~ *студена*+ ***та*** *зима* '[эта]-холодная зима' ~

~ *студена*+ ***та*** *българска зима* '[эта]-холодная болгарская зима'

⟨**студена българската зима*, хотя и *българската зима*⟩

условия 'условия' ~ *условия*+ ***та*** ~

~ *тежки*+ ***те*** *условия* '[эти]-тяжелые условия'

⟨**тежки условията*⟩.

В группе «прилагательное + существительное» суффикс детерминации является суффиксом прилагательного: его форма подчиняется морфологическим ограничениям, которые задаются прилагательным (ср. *условия*+ ***та***, но *тежки*+ ***те***, и т. д.), и он входит составной частью в словоформу прилагательного. Таким образом, детерминация оказывается словоизменительной категорией болгарского прилагательного[6]. Однако означаемое суффикса детерминации — например, суффикса **-ят** в *старият дъб* '[этот-]старый дуб' — воздействует на означаемое определяемого этим прилагательным существительного или, точнее, на все словосочетание в целом, а вовсе не на само прилагательное, хотя и стоит при нем.

Напомним, что похожая ситуация имеет место в литовском, правда, за тем исключением, что в этом языке категория детерминации существует только у прилагательных; в том случае, когда у литовского существительного определение-прилагательное отсутствует, детерминация не может быть выражена (и не выражается; ср. Часть вторая [том 2], Глава I, **2.3**, пример (6), с. 31).

Итак, наличие смещенного аффикса **X** и его выбор определяются корнем **Y**, с которым этот аффикс и соединяется внутри одной словоформы; однако СЕМАНТИЧЕСКИ **X** существует «в отрыве» от **Y**-а: его означаемое воздействует семантически на другой корень **Z**, входящий в одно словосо-

четание с **Y**, и характеризует при этом все словосочетание **Y — Z** в целом. В символической записи:

$$\mathbf{X} \in \mathbf{w}(\mathbf{Y}) \text{ и } \text{'X'}(\text{'Y — Z'}).$$

7.3. Мигрирующие аффиксы. Обычно аффикс некоторой словоизменительной категории $\boldsymbol{C}$, имплицируемой лексемами $\mathbf{K_i}$, находится (в тексте) при тех лексемах, которые и имплицируют $\boldsymbol{C}$. Это означает, например, что аффикс числа существительных обычно входит в ту же самую словоформу, что и корень существительного; аффикс времени глагола — в ту же словоформу, что и корень глагола; и т. д. Однако эта регулярность может нарушаться, так что некоторый аффикс категории $\boldsymbol{C}$, имплицируемой классом лексем $\mathbf{K_i}$ и семантически воздействующей на лексемы этого класса $\mathbf{K_i}$, оказывается ЛИНЕЙНО отделенным от лексемы класса $\mathbf{K_i}$ (= входит в другую словоформу). Такой аффикс мы называем ***мигрирующим аффиксом***.

Определение V.25: мигрирующий аффикс

Аффикс **X**, имплицируемый корнем **Y** (= **Y** обусловливает обязательное наличие **X**-а и его форму в данном высказывании), называется *мигрирующим* аффиксом, если означаемое **X**-а воздействует на означаемое **Y**-а, но при этом **X** не находится в той же самой словоформе, что и **Y**, а входит в состав другой словоформы, включающей в себя другой корень **Z**.

Таким образом, мигрирующий аффикс линейно расположен при корне **Z**, отличном от «его собственного» корня **Y**; семантически **X** воздействует на **Y**, однако выступает в составе словоформы, включающей в себя **Z**. В символической записи:

$$\mathbf{X} \in \mathbf{w}(\mathbf{Z}) \text{ и } \text{'X'}(\text{'Y'}).$$

Одним из наиболее известных примеров мигрирующих аффиксов является **-s** [= /s/, /z/, /iz/] как показатель так называемого ***саксонского генитива*** в английском — т. е. то, что мы считаем показателем квазиграммемы 'посессив' (см. Часть первая [том 1], Глава IV, § 2, **2.3**, (4), с. 178, и Часть вторая [том 2], Глава II, § 4, **4.5**, с. 240). Этот суффикс, всегда имплицируемый существительным (за редкими исключениями типа **tomorrow's** 'завтрашний') и семантически воздействующий на это существительное, с точки зрения своей линейной позиции непременно «мигрирует» к самой последней словоформе в том словосочетании, синтаксической вершиной которого является данное существительное:

(45)

King of England's crown 'корона короля Англии'

somebody else's business, букв. 'кого-то другого дело' = 'чужое дело'

the lady I go with's umbrella 'зонтик той дамы, с которой я встречался'

[H. L. Mencken]

В качестве шутки, хорошо иллюстрирующей поведение посессивного **-s**, можно привести следующее стихотворение П. Бьюкенена (P. Buchanan), в котором автор почти выходит за пределы допустимого в английском языке — и тем не менее все-таки остается в рамках грамматической правильности:

It needs to be proper to say 'someone's else',

And not 'someone else's', but now it's thought dreary

To argue the point. Language mellows and melts —

At least, that's the tutor that teaches me's theory.

[Saturday Review, 26 Jan. 1963; взято из работы Chao 1974: 62]

Другой интересный пример мигрирующих аффиксов можно найти в польском: в прошедшем времени изъявительного наклонения суффиксы 1-го и 2-го лица (в обоих числах), а в условном наклонении — конечные части слова, включающие в себя субъюнктивный суффикс **-by** и все суффиксы лица и числа, могут или должны (это зависит от контекста и здесь для нас не существенно) «мигрировать» к первой словоформе фразы и присоединяться к ней, так что она становится тогда опорным словом для этих суффиксов (ср. пример (15) из раздела **3.5**, § 1, Главы IV, Части 1 [том 1], с. 172):

(46) польский

By + *ł* + ***em*** *młodszy, dziewczyno, ...*
быть ПРОШ 1ЕД моложе девочка
'[Я] был моложе, [моя] девочка'.
но
Gdy + *by* + ***m*** *by* + *ł* *młodszy, dziewczyno, ...*
если КОНД 1ЕД быть ПРОШ
'Если бы [я] был моложе, [моя] девочка, ...'

Czyta + *ł* + *a* + ***ś?*** '[Ты это] читала?'
читать ПРОШ ЖЕН 2ЕД
но
Czy + ***ś*** *czyta* + *ł* + *a?* 'Читала ли [ты это]?'
ИНТЕРР 2ЕД

Zrobi + *l* + *i* + ***śmy*** *to* '[Мы] это сделали'.
сделать ПРОШ МН 1МН это
но
Kiedy + ***śmy*** *to zrobili ...* 'Когда [мы] это сделали, ...'
когда 1МН

Pragną + *ł* + ***bym*** *tego bardzo*
желать ПРОШ 1ЕД это очень
'[Я] очень желал бы этого'.
но
Bardzo + ***bym*** *tego pragnął* 'Очень бы [я] этого желал'.
очень 1ЕД

7.4. Комментарии к Определениям V.24 и V.25. Мы рассмотрим здесь следующие три вопроса:

- Какие аффиксы могут быть смещенными и/или мигрирующими?
- Аффиксы, смещенные и мигрирующие одновременно.
- Мигрирующие аффиксы *vs.* клитики *vs.* вторичные словоформы, полученные повышением статуса.

1. Определения понятий ***смещенного*** и ***мигрирующего*** аффикса даны для аффиксов вообще, безотносительно к разным их типам — чтобы учесть все логические возможности. Однако в языковой реальности встречаются только смещенные или мигрирующие СУФФИКСЫ. Это неслучайно, и причина этого кроется в семиотической предпочтительности суффиксов, в их менее ограниченном употреблении и т. п. Нам не известно, встречаются ли смещенные и мигрирующие аффиксы среди аффиксов других типов. Тем не менее, мы предпочли дать Определения V.24 и V.25 в возможно более общей формулировке, т. е. так, чтобы покрывались все типы аффиксов.

2. Понятия смещенного аффикса и мигрирующего аффикса логически независимы друг от друга. В самом деле, смещенный аффикс располагается линейно при «своем» корне, но выражает при этом смещенную граммему, семантически воздействующую на другой корень; напротив, мигрирующий аффикс выражает граммему, которая семантически воздействует на «свой» корень, но линейно он располагается при другом корне. Иначе говоря, со смещенным аффиксом не все «в порядке» с точки зрения семантики, тогда как с мигрирующим аффиксом не все «в порядке» с точки зрения его расположения. Так, болгарский суффикс детерминации в примере (44) — смещенный, но не мигрирующий: это именно суффикс прилагательного, и он входит в состав словоформы «своего» прилагательного; однако означаемое этого суффикса воздействует на определяемое этим прилагательным существительное. И наоборот, английский суффикс посессива в примере (45) — мигрирующий, но никак не смещенный: это суффикс существительного, и семантически он воздействует на «свое» существительное, даже если он от него линейно отделен. Следовательно, аффиксы, которые были бы одновременно и смещенными, и мигрирующими, вообще говоря, возможны. Однако, мы не смогли найти соответствующих примеров, что объясняется, по-видимому, своего рода «антисемиотичной» природой такого знака.

3. Вопреки кажущемуся сходству мигрирующих аффиксов с клитиками (типа местоименных приглагольных клитик **me**, **te**, **lui** и т. п. во французском), между ними существует принципиальная разница. Верно, конечно, что клитики тоже могут «мигрировать» от глагола, с которым они семантически связаны, к какому-то другому глаголу и становиться его синтаксическими зависимыми (так называемый *подъем клитик*). Сравните:

во французском

Je ⟵ *pars* ~ *Il* ***me*** ⟵ *fait partir.*
'Я уезжаю' ~ 'Он меня заставляет уехать'.
Elle ⟵ *chante* ~ *Je* ***l'*** ⟵ *écoute chanter.*
'Она поет' ~ букв. 'Я ее слышу петь' [= 'Я слышу, как она поет'].

в испанском

lo ⟵ *doy* ~ ***lo*** ⟵ *quiero dar*
'[я] его даю' ~ '[я] его хочу дать'

Несмотря на это, принципиальная разница (с точки зрения КОМ-а) все же имеется, и состоит она в том, что клитики — это не аффиксы: они представляют собой словоформы особого типа, а именно ***первичные неполноценные*** словоформы (Часть первая [том 1], Глава IV, § 3, с. 212 и сл., и § 5, с. 235); тем самым, они выводятся за пределы морфологии.

Отделяемые префиксы в немецком и в венгерском тоже не следует смешивать с мигрирующими аффиксами: верно, что они аффиксы и что они «мигрируют», однако после «миграции» они уже перестают быть аффиксами, становясь вторичными словоформами, полученными повышением статуса (Часть первая [том 1], Глава IV, § 5, с. 234–235). Поэтому мы и не считаем их мигрирующими аффиксами.

Впрочем, провести границу между мигрирующими аффиксами и клитиками часто бывает довольно трудно. Рассмотрим, к примеру, ситуацию в языке нутка, описанную в Anderson 1985: 156.

(47) нутка

ɬˈitciɬ	+ ***ibt***	+ ***ʔa***	*John*	*ʔōjoqʷ*	*bowatc*	*ʔaq*
стрелять	ПРОШ	ДЕКЛ	Джон	АКК	олень	ОПР

'Джон застрелил оленя'.

vs.

ʔōjoqʷ	+ ***obt***	+ ***ʔa***	*bowatc*	*ʔaq*	*ɬˈitciɬ*	*John*
АКК	ПРОШ	ДЕКЛ	олень	ОПР	стрелять	Джон

'[Этого] оленя — Джон его застрелил'.

В нейтральной фразе глагол занимает в языке нутка начальную позицию. Однако если в результате коммуникативного структурирования текста в начальной позиции оказывается другое словосочетание, показатели времени и декларатива в обязательном порядке мигрируют и присоединяются к первой словоформе в этом словосочетании, даже если она представляет собой, как в примере (47), аналитический показатель падежа (≈ предлог). Мы видим здесь типичный случай мигрирующих суффиксов, очень похожих на польские суффиксы в примере (46). Тем не менее, Андерсон трактует их как клитики. Мы не располагаем достаточными сведениями о языке нутка, чтобы решить этот вопрос.

8. Пустые$_2$ аффиксы и нулевые аффиксы

8.1. Пустые$_2$ аффиксы. Пустые$_2$ знаки были определены и рассмотрены выше: см. Определение V.3, Глава I настоящей части, § 2, с. 18; о пустых$_2$ корнях коротко говорилось в Главе II, § 2, **5.1**, с. 87. Здесь мы ограничимся примерами пустых$_2$ аффиксов.

(48) В русском языке распространены три следующих типа пустых$_2$ аффиксов.

а. Пустые$_2$ аффиксы, называемые обычно ***тематическими элементами***, или формативами основы. Они вставляются между корнем глагола и словоизменительными суффиксами вида, времени, инфинитива и т. п. у большинства глаголов:

-а, -е, -и, -о, -у, -а/j/, -у/j/, -ова, -н

Тематические элементы появляются также и перед словообразовательными суффиксами (имени деятеля, имени действия и т. п.), но поскольку в словоизменении они обязательны, мы будем считать их словоизменительными — тем более что это, вообще говоря, мало что меняет. Главное свойство тематических суффиксов состоит в том, что они не имеют значения; например:

-а/j/ = ⟨'Λ'; /aj/; Σ = словоизменительный суффикс порядка 1 у глаголов типа $n_1, \ldots$⟩

Однако они обязательны в словоформе любого тематического глагола. Сравните:

инфинитив	прошедшее время (муж, ед)
пляс + ***а*** + ***ть***	*пляс* + ***а*** + ***л***
верт + ***е*** + ***ть***	*верт* + ***е*** + ***л***
люб + ***и*** + ***ть***	*люб* + ***и*** + ***л***
мол + ***о*** + ***ть***	*мол* + ***о*** + ***л***
толк + ***н*** + ***у*** + ***ть***	*толк* + ***н*** + ***у*** + ***л***
меш + ***а*** + ***ть***	*меш* + ***а*** + ***л***

Замечания

1. **-а** в последнем примере представляет собой результат усечения пустого$_2$ суффикса [= тематического элемента] **-aj** перед согласной: *мешать* ⇐ **мешајть*; в других формах этого глагола /j/ в позиции перед гласной сохраняется:

меш + ***aj*** + *у* [= *мешаю*], *меш* + ***aj*** + *ешь* [= *мешаешь*] и т. п.

Однако в первом примере представлен просто тематический элемент **-а**.

2. Свойство «быть тематическим», т. е. свойство требовать пустого$_2$ тематического суффикса, должно быть указано в синтактике соответствую-

щих глаголов. Соответственно, синтактика должна включать, помимо этого, еще и указание конкретного тематического суффикса, который нужен для данного глагола.

3. Мы ничего не говорим здесь о проблеме наличия или отсутствия тематического суффикса во ВСЕХ формах тематического глагола. В самом деле, куда девается тематический суффикс **-а** в формах настоящего времени *пляш+у* '1 ед', *пляш+ешь* '2 ед', *пляш+ет* '3 ед' и т. п.? Мы полагаем, что тематическая морфема появляется (на поверхностно-морфологическом уровне) во всех формах тематического глагола, однако затем соответствующая морфа усекается перед вокалическими суффиксами лица и числа (в результате действия морфонологических правил). Такое описание, обосновывать которое здесь мы не имеем возможности, противостоит описанию, при котором тематические морфы вводятся в словоформу только в некоторых формах. (Сравните в Части шестой [том 5], Глава II, § 1, похожее рассуждение по поводу тематических суффиксов в испанском.)

b. Бывают также пустые$_2$ суффиксы, которые мы относим к словообразовательным. В русском языке имеется несколько суффиксов без какого бы то ни было значения (= с пустым означаемым), которые обязательно помещаются — как обязательные прокладки — между корнем и словообразовательным суффиксом:

-ов, **-ин**, **-ич**, ...

Например:

-ов^3 = ⟨'**Л**'; /ov/; Σ = словообразовательный суффикс порядка 1, присоединяется к существительным типа n_2 перед **-ск**, **-ец**, ...⟩

райком ~
райком+ ***ов*** *+ ск(-ий)*
райком+ ***ов*** *+ ец*

[Однако, в таких случаях, как *завод* ~ *завод+ ск(-ой)*, *Ленинград* ~ *ленинград+ ец*, ... — без пустого$_2$ суффикса.]

Ялт(-а) ~
ялт+ ***ин*** *+ ск(-ий)*
ялт+ ***ин*** *+ ец*

нерп(-а) ~
нерп+ ***ич*** *+ ий*

[Однако, *лис(-а)* ~ *лис+ ий* — без пустого$_2$ суффикса[7].]

? 21 Представьте в стандартной форме два других пустых$_2$ словообразовательных русских суффикса — **-ин**^{2} и **-ич**^{2}.

Замечания

1. У некоторых пустых$_2$ русских суффиксов есть непустые$_2$ омонимы, т. е. суффиксы, которые выражают те или иные дериватемы. Например, пустому$_2$ суффиксу **-ов**^{3} соответствует непустой$_2$ суффикс **-ов**^{2}, означающий

'имеющий отношение к ...': *класс* ~ *класс*+*ов*(*-ый*), *язык* ~ *язык*+*ов*(*-ой*) и т. п. Но это не обязательно: существуют и такие пустые$_2$ русские суффиксы, у которых непустых$_2$ партнеров нет; таковы, в частности, все тематические элементы, приведенные в примере (48a).

2. Свойство присоединять к себе пустые$_2$ словообразовательные суффиксы должно быть отмечено в синтактике существительного.

3. Пустые$_2$ суффиксы типа тех, что представлены в (48b), часто называются ***интерфиксами***, особенно в русской лингвистике (сравните примечание 1 на с. 223). Распространены также еще три термина: ***коннекторы***, ***конкатенаторы*** и ***связующие морфемы***; из них мы рекомендовали бы термин ***конкатенаторы***. В то же время у нас есть серьезные возражения против употребления термина *интерфикс* в смысле 'пустой$_2$ аффикс, появляющийся между корнем и другими аффиксами' — поскольку такое употребление делает терминологическую систему непоследовательной. В самом деле, все остальные типы аффиксов получают названия исходя из их расположения относительно КОРНЯ, и только один интерфикс определялся бы в таком случае совершенно иначе.

В нашей номенклатуре интерфикс вовсе не обязательно является пустым$_2$ аффиксом, и пустой$_2$ аффикс вовсе не обязательно оказывается интерфиксом. С одной стороны, посредством интерфикса может выражаться тип семантической связи между компонентами сложной лексемы; с другой стороны, пустые$_2$ аффиксы могут быть и других, весьма различных, типов, что мы собираемся продемонстрировать в дальнейшем.

c. Рефлексивный суффикс **-ся** для некоторых глаголов обязателен и в силу этого оказывается пустым$_2$:
-ся^2 = ⟨'**Λ**'; /s'a/; Σ = обязательный словообразовательный суффикс глаголов типа n_3, не после гласной, ...⟩.
Речь идет о глаголах ***reflexiva tantum*** типа *смеяться*, *казаться*, *очутиться*, не употребляющихся без *-ся*: **смеять*, **казать*, **очутить*.

Похожие случаи встречаются и во французском языке: ***se*** *fier* 'доверяться', ***s'***évanouir 'падать в обморок', ***se*** *moquer* 'насмехаться', ***s'***extasier 'восторгаться' и т. п., где глагол не употребляется без рефлексивного местоимения *se*. (Имеется, однако, принципиальная разница между русским *-ся* в *смеяться* и французским *se* в *se fier*, из-за которой мы не смогли привести здесь именно французский пример; ? 22 в чем состоит эта разница? Сравните *se fier* с фразеологическими выражениями типа *en vouloir* 'обижаться', *en venir* [à] 'дойти [до того, что/чтобы]', *l'emporter* 'взять верх', *l'échapper belle* 'счастливо отделаться' и т. д.)

(49) Пустые$_2$ суффиксы встречаются также в испанском спряжении (они представляют собой словоизменительные суффиксы):

	-a, -e, -i	
habl+ ***a***(*-r*) 'говорить'		*habl*+ ***a***(*-mos*) 'говорим'
com+ ***e***(*-r*) 'есть'		*com*+ ***e***(*-mos*) 'едим'
part+ ***i*** (*-r*) 'уходить/уезжать'		*part*+ ***i*** (*-mos*) 'уходим/уезжаем'
	habl+ ***a***(*-ndo*) 'говоря'	
	com+ ***e***(*-n*) 'едят'	
	part+ ***í*** (*-s*) 'ухóдите/уезжаете'	

Подробнее см. Часть шестую, Глава II, § 1.

Очевидно, что здесь перед нами тематические элементы того же типа, что мы уже видели в русском — (48а), с. 209.

Совершенно другой тип пустых$_2$ словоизменительных суффиксов наблюдается в лакском языке. В большинстве лакских существительных между корнем и ненулевым падежным суффиксом (т. е. перед суффиксами всех падежей, кроме номинатива) стоит пустой$_2$ суффикс, имеющий около полутора десятков различных воплощений.

(50) лакский

Пустые$_2$ словоизменительные суффиксы существительного, выступающие перед ненулевым падежным суффиксом, т. е. перед суффиксами всех падежей, кроме номинатива:

-a, **-i**, **-u**, **-dalu**, **-danu**, **-ma**, **-na**, **-ra**, **-ni**, **-li**, **-lu**, **-tu**, **-unna** и т. д.

Выбор того или иного из этих суффиксов должен быть фиксирован в синтактике существительного.

Приведем несколько примеров (в единственном числе):

	номинатив	генитив
'новость'	*xavar*	*xavar*+ ***danu***+ *l*
'армия'	*äral*	*äral* + ***unna***+ *l*
'озеро'	*bär*	*bär* + ***ni*** + *l*
'футляр, чехол'	*x'uj*	*x'uj* + ***lu*** + *l*
'ребенок'	*örč'*	*örč'* + ***a*** + *l*
'корова'	*öl*	*öl* + ***i*** + *l*
'имя'	*c'a*	*c'a* + ***ri*** + *l*

Во множественном числе дело обстоит так же: соответствующий пустой$_2$ суффикс ставится после суффикса множественного числа (в примерах ниже суффикс числа подчеркнут) перед ненулевым падежным суффиксом (в данном случае — суффиксом генитива):

'новостей' *xavar*+ *d* + ***a*** + *l* 'девочек' *duš*+ *ur*+ ***vara***+ *l*

'голов' *bak'* + *ur*+ ***di***+ *l* 'глаз' *ja* + *ru*+ ***nni*** + *l*[8]

Проиллюстрированные здесь лакские пустые$_2$ суффиксы существительного являются показателями косвенной основы; появление такого суффикса навязывается любой падежной морфемой, отличной от номинатива.

8.2. «Опустошенные» аффиксы. Здесь мы должны отметить одно существенное различие: бывают такие аффиксы, которые, вообще говоря, в языке $\mathcal{L}$ вовсе не являются пустыми$_2$, однако в некоторых специальных контекстах они СТАНОВЯТСЯ пустыми$_2$. Прекрасные примеры можно найти в сфере ***вторичных*** и ***третичных*** падежей, прежде всего — в дагестанских языках (см. Часть вторая [том 2], Глава III, § 4, **2.2**, с. 328 и сл., а также в § 1 настоящей главы, **2.5**, пример (9), с. 52: арчинский язык). Рассмотрим пример из лезгинского языка. Все косвенные падежи существительных образуются в этом языке от формы эргатива. Чтобы построить форму датива, генитива и т. п., к корню сначала прибавляется суффикс эргатива, а уже за ним ставится суффикс требуемого падежа:

(51) лезгинский

	номинатив	эргатив	датив	генитив
'лошадь'	*balk'an* + ***∅***	*balk'an* + ***di***	*balk'an* + ***di*** + *z*	*balk'an* + ***di*** + *n*
'сестра'	*vax* + ***∅***	*vax* + ***a***	*vax* + ***a*** + *z*	*vax* + ***a*** + *n*
'невеста'	*svas* + ***∅***	*sus* + ***a***	*sus* + ***a*** + *z*	*sus* + ***a*** + *n*
'осел'	*lam* + ***∅***	*lam* + ***ra***	*lam* + ***ra*** + *z*	*lam* + ***ra*** + *n*
'бумага'	*čar* + ***∅***	*čar* + ***či***	*čar* + ***či*** + *z*	*čar* + ***či*** + *n*

Для образования эргатива в лезгинском языке имеется около десятка различных суффиксов, распределенных весьма прихотливым образом и часто вызывающих разнообразные чередования в корне. И все эти суффиксы, равно как и вызываемые ими чередования, сохраняются — без каких бы то ни было исключений — в формах всех остальных падежей. Именно этот факт и не позволяет нам постулировать — наряду с суффиксами эргатива — пустой$_2$ суффикс, который бы не отличался от своего непустого напарника ничем, кроме означаемого: такое решение привело бы к ничем не оправданному дублированию набора суффиксов эргатива. Следовательно, в нашем описании суффикс лезгинского эргатива становится пустым$_2$ перед другими падежными суффиксами, т. е. в позиции, где он требуется автоматически (ср. анализ арчинского примера на с. 52)[9].

8.3. Пустые$_2$ аффиксы *vs.* наращения. Из-за асемантичности пустых$_2$ аффиксов их нередко достаточно трудно отличить от чередований, а именно от наращений. С логической точки зрения присутствующий в словоформе асемантичный сегмент можно описывать либо как добавленный к этой словоформе пустой$_2$ аффикс, либо как результат применения пустой$_1$ операции. Однако с лингвистической точки зрения из этих двух формальных

возможностей надо выбрать одну, и сделать это надо исходя из сходства с другими единицами в рассматриваемом языке.

• Чтобы постулировать существование пустого$_2$ аффикса, надо, чтобы он был похож — своим означающим или своей синтактикой — на другие аффиксы данного языка; по крайней мере, у него должны быть соответствующие непустые$_2$ аналоги, вроде русских **-ов**^{3} или **-ся** в примерах (48a–b). Выбор пустого$_2$ суффикса должен основываться на свойствах индивидуальных морф, но ни в коем случае не на фонологических факторах.

• Чтобы постулировать наращение, надо, чтобы оно было похоже на другие существующие в языке наращения; выбор конкретного наращения предполагает обращение к фонологическим факторам.

Рассмотрим три примера.

(52) В латинском языке некоторые сложные прилагательные со второй частью **-fic**(*-us*) 'делающий' или **-vol**(*-us*) 'желающий' требуют в компаративе и суперлативе элемента **-ent** между основой и суффиксом компаратива/суперлатива:
mūnific(*-us*) 'щедрый' ~
mūnific + ***ent*** + *ior* ⟨**mūnific* + *ior*⟩ ~
mūnific + ***ent*** + *issim*(*-us*) ⟨**mūnific* + *issim*(*-us*)⟩
Этот элемент:
- имеет соответствующий ему непустой элемент (таковым является **-ent** в качестве словоизменительного суффикса причастия настоящего времени для всех глаголов);
- обусловлен нефонологическими факторами (см. выше); следовательно, это пустой$_2$ суффикс.

(53) Во французском элемент /s/, выступающий в спряжении глаголов на *-ir*:
fini(*-r*) 'заканчивать' ~ *fini-**ss*** + *ons* '[мы] заканчиваем', ...,
*fini-**ss*** + *ai* + *s* '[я] заканчивал',
[*que je*] *fini-**ss*** + *e* '[чтобы я] закончил', ... ,
обладает следующими свойствами:
- У него нет соответствующего непустого аналога.
- Он не похож на другие французские словоизменительные суффиксы: во французском языке нет явных консонантных суффиксов, которые должны были бы обязательно ставиться между основой и другим словоизменительным суффиксом.
- Его присутствие обусловлено (по крайней мере, отчасти) фонологическими факторами (он появляется между конечным /i/ основы и начальной гласной последующего суффикса — так обстоит дело, во всяком случае, в письменном французском).

– Он похож на другие, весьма типичные для «длинных» основ французских глаголов, консонантические элементы, ср.:

/fini/ ~ /finis/

в точности похоже на

/prɑ̃/ ~ /prən/ от *prendre* 'брать'
/vœ/ ~ /vul/, /vœl/, /vœj/ от *vouloir* 'хотеть'
/di/ ~ /diz/ от *dire* 'говорить'
/krwa/ ~ /krwaj/ от *croire* 'верить'
/dwa/ ~ /dəv/, /dwav/ от *devoir* 'быть должным'

Эти элементы — /n/, /l/, /z/, /j/, /v/, ... — представляют собой составную часть основы, а не отдельный суффикс.

– Во французском языке часто наблюдается расширение основы, оканчивающейся на гласную, посредством согласной /t/ перед вокалическим суффиксом:

yeux	'глаз'	~	*zyeut*(*-er*)	'глазеть'
chapeau	'шляпа'	~	*chapeaut*(*-er*)	'надеть [кому-л.] шляпу'
clou	'гвоздь'	~	*clout*(*-ier*)	'торговец гвоздями'
fer blanc	'жесть'	~	*ferblant*(*-ier*)	'жестянщик'
coco	'кокос'	~	*cocot*(*-ier*)	'кокосовая пальма'

Из этого следует, что /s/ у глаголов на *-ir* представляет собой не пустой$_2$ суффикс, а результат морфонологической операции, так что **fini** и **finiss** оказываются ***алломорфами*** одной и той же корневой морфемы.

При обсуждении примера (53) было, как мы полагаем, достаточно убедительно показано, что конечное /s/ в морфе типа /finis/(+/ɔ̃/, +/e/, ...) представляет собой часть этой морфы, а не отдельную (пустую$_2$) морфу, и поэтому форма /finisɔ̃/ должна представляться на морфном уровне как /finis + ɔ̃/, а не как */fini + s + ɔ̃/. Однако мы не затронули здесь проблему выбора исходной морфы: является ли исходной морфой /fini/, а /finis/ образуется от нее наращением, или же исходная морфа — /finis/, а /fini/ образуется от нее усечением? (См. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2**, с. 104–105.) Это достаточно серьезная проблема, и мы не в состоянии предложить для нее окончательное решение. Мы будем придерживаться пока традиционного описания, согласно которому в этом случае усматривается наращение согласной /s/ в конце основ перед вокалическими суффиксами, а кроме того, и еще в некоторых формах, задаваемых уже морфологически; по-видимому, в основе этого взгляда лежат исторические соображения.

(54) В русском языке мы находим элемент /j/ или /v/ между основой, оканчивающейся на гласную (почти все такие основы представляют собой заимствования), и следующим за ней словообразовательным суффиксом:

a. *кофе* ~ *кофе-**й***(+*н*+*ый*)
желе ~ *желе-**й***(+*н*+*ый*)
реле ~ *реле-**й***(+*н*+*ый*)

b. *пальто* ~ *пальто-**в***(+*ый*)
бордо ~ *бордо-**в***(+*ый*)
пе(+*ть*) ~ *пе-**в***(+*уч*+*ий*)

Эти элементы /j/ и /v/ характеризуются следующими свойствами:

- У них нет непустых аналогов.
- Они фонологически обусловлены (позиция после гласной; /j/ выступает перед /n/, а /v/ — во всех прочих случаях).
- Они похожи на конечные элементы /j/ и /v/, встречающиеся также и в других позициях (в конце тематических элементов или в конце основ) и подлежащие усечению перед согласной:

čit+ ***aj***+ *u* [= *читаю*], *čit*+ ***aj***+ *eš′* [= *читаешь*] и т. п. ~
čit+ *a*+ *l* [= *читал*], *čit*+ *a*+ *t′* [= *читать*]

živ+ *u* [= *живу*], *živ′*+ *oš′* [= *живешь*] ~
ži+ *l* [= *жил*], *ži*+ *t′* [= *жить*]

Вывод: /j/ в *кофе**й**ный* и /v/ в *пальто**в**ый* являются частью основы; их следует считать не пустыми$_2$ суффиксами, а эпентетическими фонемами, вводимыми морфонологической операцией наращения. (Ср. Часть третья [том 3], Глава II, § 1, **2**, с. 44, русский пример *сын* ~ *сын**ов**ья*, а также примечание 1, с. 47, там же.)

8.4. Нулевые аффиксы. Нулевые знаки вообще и нулевые корни как их частный случай уже разбирались в Главах I и II настоящей части. Теперь мы перейдем к примерам нулевых аффиксов.

(55) В русском языке нулевые суффиксы (словоизменительные) представлены в изобилии.

a.

-∅$_{\text{МН.РОД}}$ = ⟨'мн. число., род. падеж'; /**Λ**/; Σ = словоизменительный суффикс существительного, 1-го склонения, ...⟩

им. падеж	род. падеж
ед. число	мн. число
каша	*каш*
рука	*рук*
папа	*пап*

b.

$\textbf{-}\emptyset_{\text{МУЖ.ЕД}}$ = ⟨'муж. род, ед. число'; /**Λ**/; Σ = словоизменительный суффикс глагола в прошедшем времени, ...⟩

прошедшее время

муж. ед.	жен. ед.	мн.
писал	*писала*	*писали*
спал	*спала*	*спали*
кричал	*кричала*	*кричали*

Замечание. Своеобразное осложнение возникает с такими глаголами, у которых основа оканчивается на фрикативную незубную согласную или на группу согласных; таковы глаголы типа *мог-*, *греб-* или *мерз-*. Сравните:

прошедшее время

муж. род ед. ч.	жен. род ед. ч.	множ. ч.
мог	*мог* + *л* + *а*	*мог* + *л* + *и*
мерз	*мерз* + *л* + *а*	*мерз* + *л* + *и*

В словоформе **мог** суффикс прошедшего времени **-л** устраняется правилом усечения перед нулевым суффиксом $\textbf{-}\emptyset_{\text{МУЖ.ЕД}}$:

$$\textit{мог} + \textit{л} + \emptyset \Longrightarrow \textit{мог}$$

(56) испанский

$\textbf{-}\emptyset_{\textbf{ЕД}}$ = ⟨'ед. число'; /**Λ**/; Σ = словоизменительный суффикс существительного, ...⟩

	ед. число	мн. число
'стол'	*mesa*	*mesas*
'карандаш'	*lápiz*	*lápices*
'рубин'	*rubí*	*rubíes*

(57) Нулевыми могут быть также и префиксы — например, у глаголов в грузинском:

$\emptyset_{\textbf{2-е лицо}}$ = ⟨'2-е лицо подлежащего'; /**Λ**/; Σ = словоизменительный префикс глагола, ...⟩

глагол C'ER(-*a*) 'писать'

		1-е лицо	2-е лицо
настоящее время	ед	*v* + *c'er* + ∅ + ∅	∅ + *c'er* + ∅ + ∅
	мн	*v* + *c'er* + ∅ + *t*	∅ + *c'er* + ∅ + *t*
имперфект	ед	*v* + *c'er* + *e* + ∅	∅ + *c'er* + *e* + ∅
	мн	*v* + *c'er* + *e* + *t*	∅ + *c'er* + *e* + *t*

Можно заметить, что показателями единственного числа субъекта и настоящего времени в приведенных выше грузинских формах являются нулевые суффиксы, находящиеся в оппозиции с ненулевыми суффиксами множественного числа и имперфекта: $\textbf{-}\emptyset_{\textbf{ЕД}} \sim$ **-t**, $\textbf{-}\emptyset_{\textbf{НАСТ}} \sim$ **-e**.

Мы снова видим здесь подтверждение особого статуса конфиксов — и в первую очередь суффиксов — на фоне всех аффиксов вообще. Так, для пустых$_2$ аффиксов в качестве примера могли быть приведены только суффиксы; нулевыми бывают только суффиксы и префиксы. Этот особый статус связан с семиотическими преимуществами конфиксов перед прочими аффиксами.

9. Кумулятивные аффиксы

9.1. Общие положения. Нам осталось рассмотреть еще одно важное свойство аффиксов — структуру их означаемого, которая может быть простой или сложной. Прояснить это различие нам поможет пример. Пусть имеется существительное, означающее 'город', в генитиве и в дативе единственного и множественного числа на четырех языках:

(58)

		русский	литовский	грузинский	турецкий
генитив	ед	*górod*+**a**	*miest*+**o**	*kalak*+**∅**	+**iseḫr** + **∅** + **in**
	мн	*gorod*+**óv**	*miest*+**u**	*kalak*+**eb**+**iṣehir**	+ **ler**+**in**
датив	ед	*górod*+**u**	*miest*+**ui**	*kalak*+**∅**	+**seḫr** + **∅** + **e**
	мн	*gorod*+**ám**	*miest*+**ams**	*kalak*+**eb**+**ṣehir**	+ **ler**+**e**

В русском и в литовском каждый суффикс обозначает и падеж, и число ВМЕСТЕ; мы не смогли бы разделить русские суффиксы **-а**, **-ov** и т. д. на две части так, чтобы одна из них выражала число, а другая — падеж. Напротив, в грузинском и в турецком дело обстоит совсем иначе: имеется два отдельных суффикса, один из которых выражает число, а другой — падеж (так, например, в грузинском мы имеем: **-∅** = 'ед', **-eb** = 'мн'; **-is** = 'генитив', **-s** = 'датив').

Означаемое русского или литовского падежного суффикса — сложное: оно состоит из двух граммем — числа и падежа. Означаемое грузинского или турецкого падежного суффикса — простое: оно содержит ОДНУ-ЕДИНСТВЕННУЮ граммему — граммему падежа.

9.2. Понятие кумулятивного аффикса. Перейдем сразу к определению.

Определение V.26: кумулятивный аффикс

Аффикс называется *кумулятивным*, если его означаемое содержит более одного грамматического значения.

Для называния некумулятивных аффиксов адекватного термина не существует. Иногда их называют «агглютинативными», но термин *агглюти-*

нативный предусматривает нечто большее, чем простота означаемого (в частности, строгость линейного расположения при присоединении аффиксов, отсутствие фонологических преобразований на морфных стыках и т. п.). Следовательно, пользоваться этим термином в качестве антонима к *кумулятивный* мы не можем. (О понятии агглютинации см. далее, комментарий 3.)

Комментарии к Определению V.26

Здесь будут рассмотрены следующие три вопроса:

- Типы грамматических значений, в принципе способных к кумуляции.
- Конкретные грамматические значения, имеющие тенденцию к кумуляции.
- Кумулятивные аффиксы и классификация языков.

1. Типы грамматических значений, способных к кумуляции

Обычно означаемое кумулятивного аффикса объединяет в себе ДВЕ — или больше — ГРАММЕМЫ: так обстоит дело с русскими и литовскими падежными суффиксами или с русскими адъективными суффиксами, каждый из которых может выражать по три граммемы сразу: род I.2, число и падеж (*больш*+***ого*** 'большой, МУЖ.ЕД.РОД', *больш*+***ую*** 'большой, ЖЕН.ЕД.ВИН' и т. д.). Бывают также кумулятивные аффиксы, объединяющие в себе ГРАММЕМУ и ДЕРИВАТЕМУ: таков арабский трансфикс имени деятеля в единственном числе, см. пример (42) в этом параграфе, **6**, с. 200. Однако кумулятивный аффикс, выражающий одновременно две дериватемы, был бы уже достаточной редкостью (хотя логически такие аффиксы не исключены: например, суффикс имени деятеля женского пола в языке, в котором дериватемы 'тот, кто ...' и '[лицо] женского пола' существуют независимо)[10]. Это объясняется тем, что граммемы обязательны и весьма систематичны, так что их существование гарантировано наличием регулярных оппозиций. Поэтому в большинстве случаев именно словоизменительные аффиксы оказываются предрасположенными к кумуляции. Даже в таком языке, как русский, с его изобилием кумулятивных словоизменительных аффиксов, словообразовательные аффиксы оказываются некумулятивными.

2. Конкретные грамматические значения, имеющие тенденцию к кумуляции

Способность выражаться в составе одного и того же кумулятивного аффикса представляет собой довольно интересное свойство тех или иных конкретных групп граммем. Так, у существительных довольно часто кумулируются число и падеж; то же самое верно относительно падежа и детерминации (например, в турецком аккузатив при неопределенности выражается нулевым суффиксом, а аккузатив при определенности — суффиксом **-ı**).

Напротив, число и детерминация — при всей их семантической близости — кумулируются гораздо реже. В глаголе имеют тенденцию кумулироваться: время и наклонение; время и аспект; лицо и число (субъекта и объекта), — но никогда не кумулируются, например, время и число — так, чтобы лицо при этом исключалось. Этот феномен имеет глубокие семантические, равно как и исторические, корни, анализировать которые здесь мы не имеем возможности.

3. Кумулятивные аффиксы и классификация языков

По наличию или отсутствию кумулятивных аффиксов языки мира делятся на две группы: те, в которых кумулятивных аффиксов нет или почти нет, и те, в которых их очень много. Первая группа известна под именем ***агглютинирующих*** (или ***агглютинативных***) ***языков***, а вторая — под именем ***флективных*** (или ***фузионных***) ***языков***. Эта классификация, известная с начала XIX в., лежит в основе современной типологии языков, и поэтому здесь будут уместны следующие три замечания:

• Разделение языков на агглютинирующие и флективные не является разбиением — в математическом смысле — всего множества языков. Существуют, к примеру, языки, в которых аффиксов нет вообще (или их крайне мало) и которые не принадлежат ни к какому из этих классов: это ***изолирующие***, или ***аморфные***, языки (таков вьетнамский). Статус так называемых ***полисинтетических*** языков (которые объединяют в пределах одной словоформы много корней и/или большое число аффиксов; см. Главу II, § 2, примечание 11, с. 157) с интересующей нас здесь точки зрения не вполне ясен: кумулятивные аффиксы в них могут иметься, а могут и не иметься.

• Разница между агглютинирующими и флективными языками носит в значительной степени количественный характер: в одном языке кумулятивных аффиксов (гораздо) меньше, чем в другом, и т. п. Строго говоря, свойство 'быть агглютинирующим' для языка — характеристика не абсолютная.

• Разница между агглютинирующими и флективными языками не сводится к наличию/отсутствию кумулятивных аффиксов. Как мы уже указывали, агглютинация характеризуется еще и другими особенностями:

– линейность комбинирования знаков (т. е., с одной стороны, предпочитаются сегментные знаки — избегаются всякого рода апофонии; с другой стороны, избегаются сегментные знаки, связанные с разрыванием означающих, т. е. инфиксы и трансфиксы);

– прозрачность морфных границ (= стыков);

– отсутствие внутренних изменений в корнях;

– единство словоформ, обеспечиваемое за счет гармонии гласных; и т. д.

Все эти признаки могут иметься в наличии одновременно, что делает язык в большой степени агглютинирующим; так обстоит дело с тюркскими

языками. Однако эти признаки логически независимы друг от друга и могут наличествовать в языке по отдельности, так что рассматриваемый язык может оказаться сильно агглютинирующим в одном отношении и слабо агглютинирующим — в другом. Так, словоизменительные морфы в арабском выражают по одной граммеме каждая: тем самым, по признаку «наличие/отсутствие кумулятивных аффиксов» этот язык является сильно агглютинирующим. Более того, морфные стыки в арабском прозрачны (кроме нескольких систематических исключений), а корням не свойственны внутренние изменения; в этом аспекте арабский тоже является агглютинирующим. Тем не менее, традиционно арабский считается (в высокой степени) флективным языком — из-за своих трансфиксов, т. е. из-за нелинейного комбинирования своих сегментных знаков. Поэтому оппозиции «агглютинирующий язык ~ флективный язык» не следует придавать слишком большого значения: эта классификация оказывается весьма приблизительной.

9.3. Синкретические знаки. Продолжая ту же линию рассуждения, посмотрим, что происходит, когда некоторое грамматическое значение — граммема, квазиграммема или дериватема — выражается кумулятивно с лексическим значением. Вот четыре примера этого явления.

(59) английский
am = ‘быть, ИНДИКАТИВ, НАСТ. ВР., 1 ЕД’:
граммемы индикатива, настоящего времени, 1-го лица и единственного числа выражены совместно с лексическим значением BE ‘быть’.

(60) русский

a. **сп**(*-ать*) ‘спать, НЕСОВ’, **жи**(*-ть*) ‘жить, НЕСОВ’
vs.
уби(*-ть*) ‘убить, СОВ’, **забы**(*-ть*) ‘забыть, СОВ’
Здесь граммема аспекта [= вида] и лексическое значение выражены слитно основой глагола. (См. далее примеры (5c–d) в § 4 настоящей главы, **2**, с. 232.)[11]

b. **буд**(*-у*, *-ешь*, *-ет*, ...) ‘быть, БУД. ВР.’:
Граммема ‘будущее время’ «сплавлена» с лексическим значением глагола БЫ(*-ть*). Это уникальный для русского языка случай соединения значения времени с лексическим значением.

(61) английский
Существительное **smith** ‘кузнец’ кодирует совместно с лексическим значением [*to*] FORGE ‘ковать’ дериватему ‘тот, кто ...’; ср. *sing*+***er*** ‘певец’, *sav*+***ior*** ‘спаситель’, *lobby*+***ist*** ‘член группы давления, лоббист’ ([*to*] *lobby* ≈ ‘оказывать давление ...’), и т. д.

Знаки, которые мы видим в примерах (59)–(61), — это ***синкретические знаки***.

Синкретические знаки, проиллюстрированные выше, т. е. такие, у которых означаемое включает в себя одно лексическое и одно или несколько грамматических значений, представляют собой ***сильные мегаморфы***: см. ниже, Глава VII, с. 409. Но бывают и такие синкретические знаки, у которых означаемое включает в себя два (или даже больше) лексических значения. Впрочем, для этого особого случая мы требуем, чтобы знак **s** считался синкретическим только тогда, когда этот **s** синонимичен словосочетанию $\mathbf{s_1} + \mathbf{s_2}$, существующему в данном языке, и имеет то же самое распределение, что и это словосочетание (**s** и $\mathbf{s_1} + \mathbf{s_2}$ подставимы друг вместо друга *salva significatione correctioneque*, т. е. без всяких изменений смысла и грамматической правильности фразы). Например:

(62) русский

a. тещ(-*a*) = **мать жены**
невестк(-*a*) = **жена сына**
зять = **муж дочери**
b. грузовик = **грузовой автомобиль**
зенитк(-*a*) = **зенитное орудие**
базук(-*a*) = **реактивный гранатомет**

Каждая из простых лексем в (62) взаимозаменима с соответствующим двухлексемным словосочетанием в любом контексте *salva significatione correctioneque*; это словосочетание вполне употребительно в русском языке, и вся разница между ним и простой лексемой состоит в стиле (у словосочетания он более формальный).

Требование взаимозаменимости в контексте необходимо для того, чтобы исключить из рассмотрения лексикографические толкования, которые всегда синонимичны толкуемому слову, однако очень редко могут подставляться вместо него в текст, так чтобы он остался после этого ЕСТЕСТВЕННЫМ текстом ХОРОШЕГО КАЧЕСТВА. Без этой оговорки все корни всех языков оказались бы синкретичными знаками.

О левых членах пар в примере (62) часто говорят, что они представляют собой ***синтетические*** выражения, в отличие от правых членов пар — ***аналитических*** выражений; мы находим такое словоупотребление неудачным (ср. Часть первая [том 1], Глава VI, **3.1**, с. 334) и предпочитаем использовать в данном случае предложенный нами выше термин *синкретический*.

На этом мы закончим обсуждение синкретических корней второго типа (выражающих два или более лексических значений), поскольку эта проблема,

будучи, собственно, уже неморфологической, выходит за пределы не только данного параграфа, посвященного аффиксам, но и всей книги в целом.

10. Противопоставление «корни ~ аффиксы»

Мы уже неоднократно отмечали глубокие различия, отделяющие друг от друга два основных типа морф: корни и аффиксы.

> В естественных языках отношение между корнями и аффиксами далеко не симметрично: корни и аффиксы не равноправны, и маркированным членом данной оппозиции являются именно аффиксы

В самом деле, аффиксы представляют собой служебные морфы, в точности аналогично служебным словам — вспомогательным глаголам, сильноуправляемым предлогам и т. п., играющим особую, маркированную, роль по отношению к полнозначным словам. Именно аффиксы служат для построения морфологических структур, окружающих корень, и именно по этой причине они заслуживают гораздо большего внимания в рамках КОМ-а. С другой стороны, аффиксы обнаруживают гораздо бóльшую систематичность, чем корни: они выражают грамматические значения, т. е. значения, в каком-то смысле привилегированные и лучше организованные. Отсюда — их право на более важное место, которое они занимают во всей системе морфологии, и именно поэтому аффиксы, с точки зрения нашей системы понятий, главенствуют над корнями. Далеко не случайным является тот факт, что в приводимом ниже определении морфемы — Определение V.27 в § 4 настоящей главы, с. 230–231 — к аффиксам и к корням мы подходим по-разному (условие 3b), предъявляя к корням больше требований, чем к аффиксам.

Примечания

[1](**3.1**, Определение V.19, с. 170). В лингвистических работах термин *интерфикс* порой используется, на наш взгляд, неудачно — для обозначения суффикса (чаще всего, пустого$_2$), который обязательно ставится между корнем и другим суффиксом. В нашей терминологической системе такое использование термина *интерфикс* не допускается.

[2](**3.2**, в конце подраздела, с. 171). В работе Cutler et al. 1985 приведены весьма интересные психолингвистические данные, подтверждающие бóльшую «ценность» суффиксов по сравнению с префиксами. В ходе многочисленных

экспериментов были выявлены различные асимметрии «начало ~ конец» (*left-right asymmetries*), наблюдаемые при хранении, распознавании и построении словоформ. Так, в частности:

• Ключевые элементы для распознавания основ находятся всегда в начале основы.

• Строя словоформу, говорящий уделяет гораздо больше внимания ее началу.

• Различные феномены, наблюдаемые при случайных оговорках в речи, показывают, что основы (или словоформы) хранятся в мозгу и воспроизводятся говорящим или слушающим чаще всего исходя из их начала.

• При производстве и распознавании речи основы обрабатываются раньше, чем аффиксы.

Отсюда следует, что с психолингвистической точки зрения самая важная точка словоформы — это начало основы. Поэтому суффиксы, которые следуют за основой, удобнее для говорящего/слушающего, чем префиксы, которые «загораживают» эту точку и должны обрабатываться до того, как основа приносит свою богатую морфологическую информацию. Тем самым, суффиксы важнее префиксов.

[3](**3.3**, пример (11), с. 176). В действительности настоящее время выражается в корякском двумя циркумфиксами, у которых префиксальные части одинаковы, а суффиксальные части различны. Корень рассматриваемого в данном примере глагола — JƏLE(-*k*) — встречается в двух формах: *jəle-* в абсолютном начале словоформы и *lle-* после префикса.

[4](**3.4**, 3, с. 186). В действительности реальная картина несколько сложнее. Суффикс **-lex** в идише представляет собой фразеологизованный комплекс суффиксов (точнее, квазиморфу): он состоит из уменьшительного суффикса **-l** и уникального суффикса множественного числа **-ex**, появляющегося только после данного диминутивного суффикса. Так, в частности, мы имеем:

	единственное	диминутив ед. ч.	множественное	диминутив мн. ч.
'лес'	*vald*	*veld* + *l*	*veld* + *er*	*veld* + *lex*
'ботинок'	*šux*	*šix* + *l*	*šix* + *er*	*šix* + *lex*
'улица'	*gas*	*ges* + *l*	*gas* + *n*	*ges* + *lex*
'глаз'	*oyg*	*eyg* + *l*	*oyg* + *n*	*eyg* + *lex*

Впрочем, это ничего не меняет в нашем примере (24а): словоизменительный суффикс (множественного числа **-er** или **-im**) все равно так или иначе ПРЕДШЕСТВУЕТ словообразовательному суффиксу (диминутива **-l**).

[5](**5**, Определение V.22, с. 194). Как и в случае интерфикса, в лингвистических работах встречается некорректное употребление термина *инфикс* — для обозначения суффикса или префикса, стоящего между корнем и другим

суффиксом или префиксом. Само собой разумеется, что такого употребления следует избегать.

[6](**7.2**, после примера (44), с. 204). Существительное в болгарском языке тоже обладает словоизменительной категорией детерминации, которая выражается только в том случае, если при существительном нет определения-прилагательного. Тем самым, оказывается, что морфологическая словоизменительная категория детерминации существует в болгарском и как «нормальная» категория существительного, и как смещенная категория прилагательного. Способ ее выражения определяется синтаксическим контекстом: она реализуется либо при существительном при отсутствии определения-прилагательного, либо при самом левом определении-прилагательном.

[7](**8.1**, пример (48b), с. 210). Суффикс **-ий** в *нерпичий* и *лисий* отличен от **-ий**, выступающего в *райкомовский*, *лондонский*, *ялтинский* и т. п.: во втором случае это просто словоизменительный суффикс, значащий 'муж, ед, им', тогда как первый представляет собой словообразовательный суффикс, значащий 'имеющий отношение к ...'. После словообразовательного **-ий** идет нулевой словоизменительный суффикс как показатель мужского рода, единственного числа и именительного падежа. Так что:

$$\begin{array}{llll} \textit{нерп} & +\textit{ич}+\textbf{\textit{ий}}(\text{-}\emptyset) & \sim \textit{лис} & +\textbf{\textit{ий}}(\text{-}\emptyset) \\ \textit{райком}+\textit{ов} & +\textit{ск}(\text{-}\textit{ий}) & \sim \textit{лондон}+\textit{ск}(\text{-}\textit{ий}) & \end{array}$$

При словоизменении словоизменительный суффикс **-ий** заменяется на другие словоизменительные суффиксы, словообразовательный же суффикс **-ий** /ij/ сохраняется почти в неприкосновенности (чередуясь с **-j**):

$$\begin{array}{ll} \textit{лондонск}+\textbf{\textit{ий}} & \textit{лисий}+\emptyset\ /\text{lisij}+\emptyset/ \\ \textit{лондонск}+\textit{ая} & \textit{лись}+\textit{я}\ /\text{lis'j}+\text{a}/ \\ \textit{лондонск}+\textit{ого} & \textit{лись}+\textit{его}\ /\text{lis'j}+\text{ego}/ \end{array}$$

[8](**8.1**, пример (50), с. 212). Исторически, эти многочисленные падежные «конкатенаторы» в лакском восходят к усекаемой части корня и вокализации суффикса падежа. Например, *c'a* 'имя' ~ *c'a*+*ni*+*l* 'имя, ЕД.ГЕН': *c'a* ⇐ *c'ar*, *c'a*+*ni*+*l* ⇐ *c'ar*+*il* [путем диссимиляции]; или же *nuz* 'дверь' ~ *nuz*+*a*+*l* 'дверь, ЕД.ГЕН', где *nuz* ⇐ *nuza*; и т. д.

[9](**8.2**, в конце раздела, с. 213). Технически образование вторичных падежей выглядит следующим образом (мы дадим всего несколько примеров):

'датив' ⟺ {ЭРГАТИВ}, {ДАТИВ}
'генитив' ⟺ {ЭРГАТИВ}, {ГЕНИТИВ}
'эссив' ⟺ {ЭРГАТИВ}, {ЭССИВ}

Для всякой граммемы вторичного падежа 'с' в лезгинском в морфемной цепочке ставится морфема эргатива и морфема-носитель падежа 'с'. Таким образом, оказывается, что здесь морфема эргатива выбирается безотносительно к означаемому ее алломорф, а это и означает, что она оказывается пустой[2]! Ср. примечание 8 к § 1 Главы II, с. 64.

[10](**9.2**, 1, с. 219). В этой связи стоит упомянуть французские знаки **-euse** (*danseuse* 'танцовщица', *chanteuse* 'певица', *serveuse* 'официантка') и **-trice** (*directrice* 'директриса', *distributrice* 'раздатчица', *corruptrice* 'взяткодательница'). Об этих знаках можно сказать, что они представляют собой кумулятивные суффиксы, выражающие одновременно две дериватемы, а именно: 'тот, кто ...' и '[лицо] женского пола'.

Правда, для **-euse** (но не для **-trice**!) можно предложить (некоторые исследователи так и делают) другое описание. Про знак **-euse** можно сказать, что это не элементарный знак, а знак, представимый через суффикс **-eur** 'тот, кто ...' и апофонию /r/ $\Longrightarrow$ /z/, применяемую к этому суффиксу и выражающую дериватему '[лицо] женского пола':

$$\textbf{-euse} = \textbf{-eur} \oplus \mathbf{A}^{\mathbf{r}\Rightarrow\mathbf{z}}_{\textbf{ЖЕН}}$$

где:

-euse = ⟨'тот, кто ..., женского пола'; /øz/; Σ = словообразовательный суффикс, присоединяемый к корню глагола, ...⟩;

-eur = ⟨'тот, кто ...'; /ør/; Σ = словообразовательный суффикс, присоединяемый к корню глагола, ...⟩;

$\mathbf{A}^{\mathbf{r}\Rightarrow\mathbf{z}}_{\textbf{ЖЕН}}$ = ⟨'[лицо] женского пола'; /r/ $\Longrightarrow$ /z/; Σ = применяется к суффиксу **-eur**, ...⟩.

NB: Приняв такое описание, мы имели бы достаточно редкий случай апофонии, применяемой к аффиксу. Кроме того, понадобилось бы расширить само понятие аффикса, а именно — считать, что аффикс может быть не только морфой, но и мегаморфой, поскольку при обсуждаемом описании **-euse** оказывается слабой мегаморфой. Впрочем, такое расширение оправданно и независимо от данного конкретного случая, ибо аффиксальные мегаморфы известны: см. Главу VII, **3.4**, с. 413.

Однако это описание создает много проблем: ведь данная апофония применяется только к суффиксу **-eur** и оказывается, тем самым, уникальной. Она даже не имеет никакого аналога среди других французских апофоний; поэтому принять ее существование для нас крайне неудобно — тем более что для другого похожего знака — для **-trice** — мы в любом случае должны постулировать кумуляцию двух дериватем.

[11](**9.2**, 3, пример (60а), с. 221). Здесь необходимы два следующих замечания.

1. Если для русских глагольных основ принять описание, согласно которому граммема вида уже включена в основу, нам придется описывать образование видов как ЗАМЕЩЕНИЕ одной граммемы вида другой (а не как присоединение той или иной граммемы вида к аспектуально нейтральной основе). В самом деле, рассмотрим пару:

забы(*-ть*) 'забыть, СОВ' ~ *забы*+ ***ва***(*-ть*) 'забыть, НЕСОВ'.

Здесь означаемое 'НЕСОВ' суффикса **-ва** ЗАМЕЩАЕТ граммему 'СОВ', содержащуюся в означаемом основы. А в паре

дела(-ть) 'делать, НЕСОВ' ~ **с+** *дела(-ть)* 'делать, СОВ'

означаемое 'СОВ' префикса **с-** ЗАМЕЩАЕТ, причем в точности таким же образом, граммему 'НЕСОВ' в означаемом основы; и т. д. Следует отметить, что мы, вообще говоря, уже упоминали о существовании заместительных означаемых в § 1 настоящей главы, **2.5**; см., в особенности, пример (6), с. 50.

2. Тот факт, что большинство русских глагольных основ выражает одновременно с некоторым лексическим значением также и грамматическое значение (а именно значение вида), превращает их в ***кумулятивные морфы*** особого типа; о них еще будет идти речь ниже, в Главе VII, **1.2**, 1, с. 402 и сл.).

Библиографические указания

Классификация аффиксов, представленная в КОМ-е, впервые была предложена в работе Мельчук 1963.

Проблема соотношения означаемого конфикса и его позиции относительно основы обсуждается в Bybee 1985: 33 *ff.*

Подробный обзор разнообразных инфиксов дается в Ultan 1975; см. также Moravcsik 1977.

О пустых$_2$ суффиксах-конкатенаторах см. Земская 1973: 113 и сл. и Dressler 1984 (где они обсуждаются под именем интерфиксов).

Собственно интерфиксы рассматриваются в Dressler and Merlini 1991.

§ 4
МОРФЕМА И БЛИЗКИЕ ПОНЯТИЯ

1. Общие замечания

Все морфы некоторого конкретного языка независимы друг от друга в том смысле, что никакая морфа не может быть представлена через две (или более) другие морфы: если $\mathbf{m_1}$, $\mathbf{m_2}$ и $\mathbf{m_3}$ — это морфы языка $\mathcal{L}$, то всегда верно, что

$$\mathbf{m_1} \neq \mathbf{m_2} \oplus \mathbf{m_3}.$$

Такое положение дел обусловлено тем, что морфа — это элементарный знак, что следует из ее определения. Однако это не препятствует наличию важных смысловых и/или формальных отношений между морфами. Например, у двух морф языка $\mathcal{L}$ могут быть тождественные означающие — при том что означаемые у них совершенно разные. Именно так обстоит дело с суффиксом множественного числа существительных и суффиксом 3 ед глаголов (в настоящем времени индикатива) в английском языке:

(1) **-s**$^{\mathbf{1}}$ = ⟨‘множ. ч.’; /s/; Σ = словоизменительный суффикс существительного, ... ⟩

-s$^{\mathbf{4}}$ = ⟨‘3 ед наст. инд’; /s/; Σ = словоизменительный суффикс глагола, ... ⟩

Это классический пример ОМОНИМИИ морф, в данном случае — аффиксов. Вот еще пример омонимии корней:

(2) английский

dam = ⟨‘дамба, плотина’; /dǽm/; Σ = корень существительного, ...⟩

damn = ⟨‘проклинать’; /dǽm/; Σ = корень глагола, ...⟩

Не менее часто наблюдается отношение СИНОНИМИИ между морфами — как между корнями, так и между аффиксами: у двух морф может быть тождественное означаемое при различном означающем. Так, например, синонимичными являются русские суффиксы имени деятеля **-тель** и **-льщик**:

(3) русский

-тель = ⟨‘человек, который ...’; /t′el′/; Σ = словообразовательный суффикс, образующий существительные от глаголов, ...⟩

-льщик = ⟨‘человек, который ...’; /l′ščik/; Σ = словообразовательный суффикс, образующий существительные от глаголов, ...⟩

спаса(*-ть*)	*спаса*	+ ***тель***	*подмета*(*-ть*)	*подмета*	+ ***льщик***
вычисли(*-ть*)	*вычисли*	+ ***тель***	*вяза*(*-ть*)	*вяза*	+ ***льщик***
строи(*-ть*)	*строи*	+ ***тель***	*сверли*(*-ть*)	*сверли*	+ ***льщик***

Встречаются также синонимичные корни:

(4) русский

смотр(*-еть*) = (‘смотреть/глядеть’; /smotr′/; Σ = корень глагола, II спряжения, ...)

гляд(*-еть*) = (‘смотреть/глядеть’; /gl′ad′/; Σ = корень глагола, II спряжения, ...)

Помимо омонимии и синонимии, между двумя произвольными морфами возможны в принципе и другие формально-смысловые отношения. Ими мы займемся позднее, в Главе X настоящей части. Здесь же мы рассмотрим один особый случай синонимии морф — а именно абсолютную синонимию морф, которые распределены в словоформах согласно некоторым простым (и в большинстве случаев достаточно общим) правилам. Это отношение ***алломорфии*** — отношение, играющее в языке чрезвычайно важную роль.

Возьмем для примера суффиксы множественного числа существительных в английском языке: **-s**^{1} /s/, **-s**^{2} /z/ и **-(e)s**^{3} /iz/, *book* + *s* /búks/ ‘книги’, *pig* + *s* /pígz/ ‘свиньи’, *judge* + *s* /ǯʌ́ǯiz/ ‘судьи’. Эти три суффикса абсолютно синонимичны, а их распределение в словоформах (или, иначе говоря, выбор той или иной из этих трех морф, производимый говорящим) подчиняется очень простым и общим правилам, действующим в рамках словоформы: /s/ — после глухой не шипящей и не свистящей согласной, /z/ — после звонкой не шипящей и не свистящей согласной или после гласной, /iz/ — после шипящей или свистящей согласной.

Три английских корня: /gō/ *go*, /gɔ/ *go*(*ne*) и /wen/ *wen*(*t*) ‘идти’ — тоже абсолютно синонимичны и тоже обнаруживают простое распределение: /gɔ/ — перед суффиксом причастия прошедшего времени /n/, /wen/ — перед суффиксом прошедшего времени /t/ и /gō/ — во всех прочих случаях; правда, в этом случае правила распределения не обладают высокой степенью общности.

И, наконец, рассмотрим следующие шесть русских корневых морф лексемы ОКНО (будут приведены лишь их означающие). Их распределение, как и распределение английских суффиксов множественного числа, подчинено простым и общим правилам:

/akn/ — без ударения, перед гласной, отличной от /e/ (/akn + á/ **окнá**, ЕД.РОД)

/akn′/ — без ударения, перед суффиксом **-е** (/akn′ + é/ **окне**, ЕД.ПРЕДЛ)

/ókn/ — под ударением, перед гласной, отличной от /e/ (/ókn + a/ **óкна**, МН.ИМ)

/ókan/ — под ударением, перед нулевым суффиксом (/ókan + ∅/ **о́кон**, МН.ИМ)

/akón/ — под ударением, перед словообразовательным суффиксом-адъективизатором **-н** или уменьшительным суффиксом **-ц** (/akón + n + ij/ **оконный**, /akón + c + e/ **оконце**)

/akóš/ — под ударением, перед словообразовательными уменьшительными суффиксами **-к** или **-ечк** (/akóš + k + a/ **окошко**)

[Ср. примеры (2c), (2f) и (3a) из § 1, Главы II настоящей части, с. 39.]

Между тремя английскими суффиксами множественного числа имеет место отношение алломорфии, и поэтому их можно объединить в некое множество, с которым мы смогли бы обращаться как с единым целым во всех тех случаях, когда фонологические различия между /s/, /z/ и /iz/ для нас несущественны. Такое множество (включающее в себя, помимо этих трех, еще и другие английские суффиксы множественного числа: /ən/, /a^{i}/, ...) мы будем называть ***морфемой*** множественного числа. Во многих ситуациях, встречающихся в английской морфологии, достаточно бывает сослаться на эту морфему целиком и не требуется указывать какую-то конкретную из ее морф (= какой-то из ее элементов), если нас ничто специально не вынуждает к такой конкретизации. Аналогичным образом, можно манипулировать корневой морфемой {GO} как целым, если нам нужно говорить, скажем, о ее синтаксическом использовании (так что различия между *go* и *wen*(*-t*) в этой связи оказываются несущественными). И вместо того, чтобы всякий раз упоминать все шесть русских морф, обозначающих 'окно', мы можем говорить о морфеме {ОКН(*-о́*)} в целом.

Таким образом, понятие морфемы позволяет нам выражать полезные обобщения и в то же самое время повышает экономность лингвистических описаний.

2. Понятие морфемы

Определение V.27: морфема

Морфемой языка $\mathcal{L}$ называется множество морф $\mathbf{m_1}, \mathbf{m_2}, \ldots, \mathbf{m_n} = \{\mathbf{m_i}\}$ (языка $\mathcal{L}$), удовлетворяющее одновременно следующим трем условиям:

1. У всех морф $\mathbf{m_i}$ означаемые тождественны.
2. Все морфы $\mathbf{m_i}$ принадлежат к одному и тому же основному классу морф [все морфы $\mathbf{m_i}$ есть либо корни, либо аффиксы].

3. **a.** Либо распределение всех морф $\mathbf{m_i}$ различно и может быть описано достаточно общими правилами, в которых упоминается только контекст внутри фонетических синтагм, содержащих в себе морфы $\mathbf{m_i}$;
   b. либо распределение, по крайней мере, нескольких морф $\mathbf{m'_i}$ тождественно, и тогда:
   - или морфы $\mathbf{m_i}$ суть аффиксы;
   - или морфы $\mathbf{m_i}$ суть корни; в этом случае среди морф $\mathbf{m'_i}$ с тождественным распределением существует морфа $\mathbf{m'}$, такая, что все прочие $\mathbf{m'_i}$ представимы через $\mathbf{m'}$ и какое-нибудь чередование (и, разумеется, операцию $\oplus$; см. Часть первая [том 1], Глава III, § 1 и 2); остальные же морфы $\mathbf{m_i}$ ($= \mathbf{m_i} - \mathbf{m'_i}$) удовлетворяют при этом условию 3a.

В соответствии с этим английские суффиксы **-s**^{1}, **-s**^{2} и **-s**^{3} принадлежат к одной и той же морфеме; то же верно относительно трех корневых морф морфемы {GO}: {**go**, **go**(**ne**), **wen**}, а также и относительно шести русских морф морфемы {ОКНО}: {**okn**, **okn′**, **ókn**, **ókon**, **okón**, **okóš**}.

Существенно подчеркнуть, что наиболее типичный и частый случай объединения морф в морфему представлен условиями 1, 2 и 3a; условие 3b предусматривает довольно специальный случай — а именно: факультативное распределение морф, которое легко спутать со случаем синонимии морф, принадлежащих к разным морфемам.

Обозначения

Произвольная морфема будет обозначаться как $\{\mathcal{M}\}$, где посредством фигурных скобок отражается тот факт, что морфема — это множество морф.

Морфема не является языковым знаком; это МНОЖЕСТВО языковых знаков

Та или иная конкретная морфема обозначается ее символическим именем, всегда заключенным в фигурные скобки. Так, в частности, для разных видов морфем мы выбираем:

- в случае КОРНЕВОЙ морфемы — форму цитирования, т. е. форму, обычно приводимую в словарях (= главную алломорфу, см. **4.1**, Определение V.31, с. 247);
- в случае СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОЙ АФФИКСАЛЬНОЙ морфемы — принятое для обозначения соответствующих граммем сокращение;
- в случае СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АФФИКСАЛЬНОЙ морфемы — либо форму цитирования (= главную алломорфу), либо принятое для обозначения

соответствующей дериватемы сокращение (в зависимости от того, что нам представляется более удобным для читателя).

В этих трех ситуациях мы добавляем, если надо, к имени морфемы буквенный или числовой индекс для указания фиксируемого в данном случае значения.

Примеры

– Корневые морфемы

(5) русский

a. {ОКН(-*о*)} = **okn** (/aknó/, /aknú/, ...)
okn′ (/akn′é/)
ókn (/ókna/, /óknam/, ...)
ókon (/ókan/ *окон*)
okón (/akónyj/ *оконный*)
okóš (/akóš/)

b. {ЧУЛОК} = **čulók** (/čulók/)
čulk (/čulká/, /čulkú/, ...)
čulk′ (/čulk′é/, /čulk′í/, ...)
čulóč (/čulóčik/, /čulóčnij/)

c. {ЗАВОД(-*ить*)} [часы; НСВ][1] = **zavod′** (/zavad′íl/)
zavód′ (/zavód′at/)
zavož (/zavažú/)

d. {ЗАВЕС(-*ти*)} [часы; СВ] = **zaved** (/zav′idú/)
zaved′ (/zav′id′óš/)
zaves (/zav′ist′i/)
zavë (/zav′ól/)
zave (/zav′ilá/)
zavéd (/zav′etšij/)

e. {ХОРОШ} = **xoróš** (/xaróšij/)
lúč (/lúčši/)[2]

– Словоизменительные аффиксальные морфемы

(6) русский

a. {МН.РОД} = **-Ø**$_{\text{МН.РОД}}$ (*стен, солдат*, ...)
-ov (*дом* + *ов, льв* + *ов*, ...)
-ev (*сара* + *ев*, ...)
-ej (*нож* + *ей, ноч* + *ей*, ...)

b. {ЕД.ТВОР} = **-oj**, **-oju** (*стран* + *ой*/*стран* + *ою*)
-ej, **-eju** (*деревн* + *ей*/*деревн* + *ею*)
-om (*дом* + *ом*)

-em (*сара/j/* + *ем*)
-ju (*ночь* + *ю*)

(7) английский: число существительных

a. {ЕД} = **-∅**$_{\text{ЕД}}$ (*book* 'книга', *town* 'город', *wife* 'жена', *kiss* 'поцелуй')
-us (*alumn* + *us* 'бывший ученик')
-on (*phenomen* + *on* 'явление')

b. {МН} = **-s**^{1} (*book* + *s* 'книги')
-s^2 (*town* + *s* 'города')
-s^3 (*kiss* + *es* 'поцелуи')
-en (*ox* + *en* 'быки', *childr* + *en* 'дети')
-a (*phenomen* + *a* 'явления')
-i (*alumn* + *i* 'бывшие ученики')
-e (*formula* + *e* 'формулы')

– **Словообразовательные аффиксальные морфемы**

(8) русский: диминутив у существительных

a. {-ОК 'диминутив'} = **-ok** (*день* + *ок* = *денёк*)
-k (*день* + *к*(-*и*))

b. {-ИК 'диминутив'} = **-ik** (*ключ* + *ик*, *ключ* + *ик*(-*и*))
-čik (*стуль* + *чик*)
-c (*озер* + *ц*(-*о*))[3]

Комментарии к Определению V.27

Понятие морфемы имеет первостепенную важность для морфологии, а также и для всей лингвистики в целом. Поэтому мы рассмотрим здесь дополнительно четыре фундаментальные проблемы, встающие в связи с этим понятием:

– Условие 2 : жесткая дифференциация корней и аффиксов.
– Условие 3a: морфы одной морфемы *vs.* синонимичные морфы разных морфем.
– Фонетическая синтагма.
– Условие 3b: свободное варьирование морф.

1. Условие 2: жесткая дифференциация корней и аффиксов

Условие 2 отражает наше убеждение в том, что корни и аффиксы противопоставлены по самой своей природе, а их языковое поведение до такой степени различно, что объединение корня и аффикса в составе одной и той же морфемы недопустимо ни в какой ситуации — в том числе и в такой, когда их означаемые тождественны (что в принципе случается: см. Часть первая

[том 1], Глава V, § 1, с. 241, и § 4, 1, с. 307), и даже в такой, когда они сами, помимо этого, удовлетворяют условию 3 (= их распределение подчиняется простым и достаточно общим правилам). Честно говоря, мы не знаем, могут ли корень и аффикс с одним и тем же значением удовлетворять условию 3. Если не могут, тогда условие 2 оказывается избыточным: объединение корней и аффиксов в рамках одной морфемы было бы исключено уже за счет одного условия 3. Однако поскольку достоверно мы этого все-таки не знаем, по-видимому, лучше сохранить условие 2 в Определении V.27, хотя бы только в качестве напоминания о существовании этой проблемы.

2. Условие 3а: морфы одной и той же морфемы *vs.* синонимичные морфы разных морфем

Требование (а) из условия 3 — о том, что правила распределения морф, принадлежащих к одной морфеме, должны быть ДОСТАТОЧНО ОБЩИМИ, — позволяет отграничить морфы одной и той же морфемы от синонимичных морф, принадлежащих к разным морфемам. Так, например, в русском языке имеется много разных синонимичных словообразовательных суффиксов, обозначающих 'лицо, проживающее в ...':

(9) русский

-ич (*москв* + *ич* 'лицо (мужского пола), проживающее в *Москв*(*-е*)')
-ец (*петербурж* + *ец* 'лицо (мужского пола), проживающее в *Петербург*(*-е*)')
-анин (*париж* + *анин* 'лицо (мужского пола), проживающее в *Париж*(*-е*)')
-ит (*одесс* + *ит* 'лицо (мужского пола), проживающее в *Одесс*(*-е*)')
-як (*тул* + *як* 'лицо (мужского пола), проживающее в *Тул*(*-е*)')

Однако общих правил, описывающих выбор подходящего суффикса в зависимости от географического названия, не существует: суффикс «названия жителя» в русском языке должен быть словарно задан при каждом названии населенного пункта. (Известные тенденции при этом все же существуют, но они не особенно регулярны.) Следовательно, пять приведенных выше аффиксов должны быть разнесены по пяти разным морфемам.

Похожая ситуации наблюдается во французском языке, где суффиксы названий жителей тоже распределены непредсказуемым образом: *Bresse* ~ *Bress* + ***an***, *Smyrne* ~ *Smyrn* + ***iote***, *Aurignac* ~ *Aurignac* + ***ien***, *Angers* ~ *Angev* + ***in***, *Aurillac* ~ *Aurillac* + ***ois***, *Chamonix* ~ *Chamoni* + ***ard*** и т. д. Поэтому в словарях они перечисляются при названиях населенных пунктов (ср. перечень «Имена населенных пунктов → имена нарицательные» в конце словаря *Petit Robert*). Согласно Определению V.27 эти французские суффиксы будут признаны относящимися к разным морфемам — в точности как и русские суффиксы из примера (9).

Здесь следует заметить, что само понятие «(достаточно) общее правило» является относительным — в том смысле, что оно зависит от принимаемого нами описания языковых данных. К примеру, распределение падежных суффиксов у русских существительных, строго говоря, не особенно предсказуемо и во многих случаях должно задаваться словарно — указанием для каждого существительного его морфологического рода I.1, типа склонения, а иногда даже конкретных групп субстантивных основ, присоединяющих к себе те или иные индивидуальные аффиксы (например, *носки* ~ [*три пары*] *носк*+ ***ов*** ⟨**носок*+ ***∅***⟩, но *чулки* ~ [*три пары*] *чулок*+ ***∅*** ⟨**чулк*+ *ов*⟩; и такие случаи — отнюдь не редкость). Тем не менее, мы утверждаем, что распределение русских падежных суффиксов индуцирует разбиение всего класса русских существительных на «обоснованные» морфологические подклассы, принадлежность к которым задается специальными пометами (в словаре) в синтактике каждого существительного; правила распределения, использующие эти пометы, мы считаем в достаточной мере ОБЩИМИ.

При этом мы отказываемся принять, что распределение суффиксов названий жителей индуцирует подобное же разбиение соответствующих существительных — названий населенных пунктов на морфологически значимые подклассы; тем самым, мы не признаем достаточной общности за правилами распределения, апеллирующими к указаниям о выборе суффиксов для образования названий жителей. (Эти указания находятся в синтактике названий населенных пунктов.)

С чисто формальной точки зрения принципиальной разницы между падежными суффиксами и суффиксами названий жителей в русском языке нет. Логически возможно разделить русские названия населенных пунктов на классы I (= **ич**), II (= **ец**) и т. д., исходя из тех суффиксов, которые могут присоединяться к этим существительным для образования названий жителей. Точно так же можно разделить нарицательные существительные на классы A, B, C и т. п., в зависимости от принимаемых ими диминутивных суффиксов, или на классы α, β, γ и т. п., в зависимости от принимаемых суффиксов имени деятеля, и т. д.

Однако по сути, т. е. с языковой точки зрения, разница между этими двумя типами суффиксов огромна. Во-первых, падежные суффиксы, являясь одновременно суффиксами грамматического числа (напомним, что число и падеж выражаются в русском языке одной кумулятивной морфой), выражают сразу две ГРАММЕМЫ русских существительных и притом ВСЕ такие граммемы: других субстантивных граммем в русском языке нет; к тому же эти две граммемы затрагивают ВСЕ существительные. Во-вторых, число падежно-числовых суффиксов для каждой фиксированной комбинации «число-падеж» невелико: пять, самое большее — шесть. Наконец, в-третьих, достаточно указать тип склонения русского существительного — и этим уже будут заданы ВСЕ его падежно-числовые суффиксы. Напротив, суффиксы

названий жителей выражают всего лишь одну из многочисленных русских дериватем: у существительных бывает еще много других дериватем, причем ни одна из них неприложима ко всем существительным (так, суффиксы названий жителей значимы только для названий населенных пунктов). В то же время число вариантов выражения для той или иной дериватемы может быть в принципе достаточно велико: десяток-полтора разных аффиксов. Таким образом, получается, что словообразовательные суффиксы индуцируют разбиение именных основ на слишком много подклассов, каждый из которых представляет собой слишком частное множество существительных и актуален при этом всего лишь для одного отдельно взятого суффикса. Именно поэтому мы так настаиваем на принципиальном неравенстве между словоизменительными и словообразовательными суффиксами. Первые обязательны и универсальны; поэтому правила их распределения представляются достаточно общими. Для вторых же это возможно крайне редко — если возможно вообще.

3. Фонетическая синтагма

В Определении V.27 был использован термин *фонетическая синтагма* — а не *словоформа* — ради того, чтобы в полной мере учесть все те случаи, когда распределение морф одной и той же морфемы внутри словоформы $\mathbf{w_1}$ определяется ДРУГОЙ словоформой $\mathbf{w_2}$, входящей в одну фонетическую синтагму с $\mathbf{w_1}$. Вот несколько примеров такого рода.

(10) В английском языке неопределенный артикль представлен двумя (алло)морфами: *a* /ə/ и *an* /ən/, которые распределены в зависимости от того, какая фонема стоит в начале следующей словоформы, образующей вместе с артиклем одну фонетическую синтагму: *a* — перед согласной и *an* — перед гласной (*a window* 'окно' ~ *an open window* 'открытое окно').

(11) В испанском языке союзы, обозначающие 'и' и 'или', представлены двумя морфами каждый: *y* /i/ и *e*, *o* и *u*, соответственно; *e* и *u* выступают перед начальными /i/ и /o/, а *y* и *o* — во всех прочих случаях (например, *u otro* 'или другой' вместо **o otro*, и т. п.).

(12) русский

а. Личное местоимение 3-го лица (**он, она, оно, они**) имеет в косвенных падежах две корневые морфы: /j/ и /n′/, причем вторая из них обязательна после так называемых простых предлогов и после некоторых прилагательных и наречий в сравнительной степени, первая же выступает во всех прочих случаях:

/j + ivó/ *его* [РОД/ВИН] ~ /u n′ivó/ *у него*, /bol′ši n′ivó/ *больше него* [РОД]; /na n′ivó/ *на него* [ВИН]

/j + ím/ *им* [ДАТ] ~ /k n′ím/ *к ним* [ДАТ]
/j + éj/ *ей* [ТВОР] ~ /s n′éj/ *с ней* [ТВОР]

b. Многие предлоги обладают двумя (или даже тремя) алломорфами, распределение которых зависит от того, что́ стоит в начале следующей словоформы. Так, например, мы имеем:

о ~ об ~ обо, причем первая алломорфа выступает перед единичной согласной или перед консонантной группой (но не перед формой предложного падежа местоимения 1 ед *мне*), вторая — перед гласной (но иногда и перед некоторыми консонантными группами), а третья — перед *мне* или перед *всех*:

о море, о книге;
об океане;
обо мне ⟨**о(б) мне*⟩, *обо всех* ⟨*о всех*⟩;

с ~ со: здесь первая алломорфа используется везде, кроме позиции перед группой согласных $/C^1_{[+\text{длительн}]}C^2/$, где $/C^1/ \neq /v/$, вторая же алломорфа — исключительно перед такой группой:

с морем, с книгой, с грохотом, с властью;
со сливками ⟨**с сливками*⟩, *со ртом* ⟨**с ртом*⟩, *со мной* ⟨**с мной*⟩, *со всеми* ⟨**с всеми*⟩, *со жратвой* ⟨**с жратвой*⟩.

к ~ ко, в ~ во: в этих парах примерно такое же распределение, как и в паре **с ~ со**, но с некоторыми довольно существенными отличиями (**в** не бывает перед /vC/, а **с** — бывает, и, напротив, **в** возможно перед /sC/, а **с** — нет; и т. д.)[4].

(13) Похожий случай (выбор нужной морфы определяется соседней словоформой) имеется и во французском. Морфема женского рода у местоименных притяжательных прилагательных единственного числа имеет две алломорфы (вторая из них совпадает с соответствующей формой мужского рода):

'моя'	(*m*) + **a**	vs.	(*m*) + **on**
'твоя'	(*t*) + **a**	vs.	(*t*) + **on**
'ее/его'	(*s*) + **a**	vs.	(*s*) + **on**

Иначе говоря, в притяжательном прилагательном используется морфема

{ЖЕН} = **-a** vs. **-on**,

у которой алломорфы распределены так же, как и у определенного артикля в единственном числе женского рода (**la** или **l'**), т. е. первая алломорфа выступает перед словоформой, начинающейся на согласную или на так называемое «*h* aspirée», а вторая — перед словоформой, начинающейся на гласную:

ma fille	vs. *mon autre fille* ⟨**mon fille*⟩
'моя дочь'	'моя другая дочь'

mon oreille vs. *ma pauvre oreille* (**mon pauvre oreille*)
'мое ухо' 'мое бедное ухо'
ma hiérarchie vs. *mon importante hiérarchie* (**ma importante hiérarchie*)
'моя иерархия' 'моя важная иерархия'

Стоит отметить, между прочим, еще одно явление, весьма похожее на только что описанное, хотя по сути и другое: это распределение синонимичных ***сильных мегаморф*** в зависимости от внешнего контекста. Например, во французском языке у объектных местоимений-клитик 1-го и 2-го лица единственного числа имеется по две формы:

'меня/мне' **me** *vs.* **moi**

и

'тебя/тебе' **te** *vs.* **toi**,

первая из которых обязательно ставится перед глаголом, от которого она зависит (а значит, перед всеми глагольными формами, за исключением неотрицательного императива), вторая же — непременно после глагола (в неотрицательном императиве):

Tu ***me*** *regardes* 'Ты на меня смотришь', *Ne* ***me*** *regarde pas* 'Не смотри на меня', ...

vs.

*Regarde-****moi!*** '(По)смотри на меня!'

(В нормативном французском **me** может, вообще говоря, следовать за неотрицательным императивом, если за ним самим идет местоимение **en**: *Donne-m'en!* 'Дай мне его/этого!'; в просторечии употребительнее *Donne-moi-zen!*)

Однако же **me** и **moi** не являются алломорфами одной и той же морфемы. Более того, это даже вообще не морфы! На самом деле это синонимичные сильные мегаморфы, и каждая выражает один и тот же набор морфем, а именно:

$$\{\text{JE 'я'}\} \oplus \{\text{АКК}\} \Longleftrightarrow \textbf{me/moi}$$
$$\{\text{JE 'я'}\} \oplus \{\text{ДАТ}\} \Longleftrightarrow \textbf{me/moi}$$

При этом мегаморфы **me** и **moi** распределены в зависимости от контекста. Следовательно, такие случаи не имеют прямого отношения к теме данного раздела[5].

Примеры (10)–(13) убедительно показывают, что распределение алломорф, обусловленное не данной словоформой, а какой-то другой (но всегда в пределах одной и той же фонетической синтагмы), не является чем-то из ряда вон выходящим. До сих пор мы брали примеры из закрытых классов лексем: разного рода служебных и грамматических слов; это делалось, чтобы не выходить вначале за рамки хорошо известных случаев. Однако рассматриваемое явление отнюдь не ограничивается закрытыми классами слов. Во многих языках словоформа $\mathbf{w_1}$ может подвергаться действию ***внешних сандхи*** (Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, 5, Определение III.26, с. 113 и сл.) и других межлексемных чередований, вызываемых словоформой $\mathbf{w_2}$

(такой, что $\mathbf{w_1}$ образует вместе с $\mathbf{w_2}$ фонетическую синтагму); иначе говоря, здесь распределение алломорф, находящихся внутри словоформы $\mathbf{w_1}$, обусловлено словоформой $\mathbf{w_2}$. Примеры этого приводились в Части третьей (см. только что указанную ссылку). Мы напомним их здесь, ограничившись санскритскими внешними сандхи и кельтскими мутациями.

(14) В санскрите при соседстве друг с другом двух словоформ наблюдаются (помимо прочих) следующие чередования:

- конечная смычная согласная [первой словоформы] озвончается в соседстве с начальной звонкой согласной или гласной [принадлежащей к следующей словоформе]: *samit dahati* ⟹ *samid dahati* 'полено горит', *ruk antarā* ⟹ *rug antarā* 'внутренний свет';
- конечная смычная согласная назализуется в соседстве с носовой согласной: *samrāṭ nayati* ⟹ *samrāṇ nayati* 'король ведет'; *samit nīyate* ⟹ *samin nīyate* 'полено расколото [кем-то]';
- конечная носовая согласная /n/ палатализуется в соседстве с мягкой согласной; если эта мягкая согласная — *ś*, то она превращается в *ch* /č^{h}/: *tān śatrūn śapate* ⟹ *tāñ chatrūñ chapate* 'своих врагов [он] проклял' и т. п.

Все эти чередования создают алломорфы, выводимые по правилам из главных алломорф корневых и суффиксальных морфем.

(15) В современном ирландском мы находим два чередования (= ***мутации***), которым подвергается начальная согласная словоформы в зависимости от того, что стоит в конце предыдущей словоформы:

а) спирантизация			b) лениция		
/p/	⟹ /f/	*ph*	/p/	⟹ /b/	*bp*
/t/	⟹ /h/	*th*	/t/	⟹ /d/	*dt*
/k/	⟹ /x/	*ch*	/k/	⟹ /g/	*gc*
/f/	⟹ /ʌ/	*fh*	/f/	⟹ /v/	*bh*
/b/	⟹ /v/	*bh*	/b/	⟹ /m/	*mb*
/d/	⟹ /g/	*dh*	/d/	⟹ /n/	*nd*
.....			.....		

Условия применения этих чередований — морфологические и при этом чрезвычайно сложные; ср. небольшой раздел относительно валлийских мутаций в Части третьей [том 3] (Глава II, § 3, **2.1**, 1. Замещения, d), (34), с. 92). Мы приведем здесь два примера.

a. Начальная согласная существительного спирантизуется:

1) у существительных женского рода в номинативе — после определенного артикля *an*;
2) у всех существительных в генитиве — после существительного женского рода;

3) у всех существительных вообще — после притяжательных прилагательных единственного числа и числительных '1'–'6'; и т. п.

В целом в ирландском имеется около тридцати подобных правил, отдельно для существительных, прилагательных и глаголов. Например:

cloch /klóx/ 'камень' [жен] ~ *Thit an cloch* букв. 'Упал камень'.
cúnta /kŭnta/ 'помощь',
lamh /lăv/ 'рука' [жен] ~ *lamh chúnta* /lăv xŭnta/ букв. 'рука помощи'
bean /b′án/ 'женщина' ~ *mo bhean* /mo v′án/ 'моя жена'

b. Начальная согласная в глаголах подвергается лениции после *cá* 'где/куда', *go* 'что', *dá* 'если', *mara* 'если не', *a* 'все то, что' и т. п. (в целом более десятка правил, тоже разных для существительных, прилагательных и глаголов). Например:
téann /t′ḗən/ '[ты] идешь' ~ *Cá dtéann* /d′ḗən/ *tú* 'Куда ты идешь?'
creideann /kr′éd′ən/ '[ты] веришь' ~ *Mara gcreideann tú mé* ... 'Если ты мне не веришь ...'

Таково положение дел во всех кельтских языках.

Познакомившись с примерами (14) и (15), читатель уже понимает, насколько сильно распределение алломорф некоторой морфемы внутри данной словоформы может обусловливаться другой словоформой — так сказать, извне. Этим и объясняется ссылка на фонетическую синтагму в нашем определении морфемы: именно благодаря ей мы получаем возможность, применяя Определение V.27, считать принадлежащими к одной морфеме члены таких пар (троек, ...) морф, как англ. *a* и *an*, исп. *y* и *e* (*o* и *u*), рус. /j/ и /n′/ и т. п., а также и санскр. *samit*, *samid*, *samin* и *samiñ* 'полено' или ирл. *cúnta*, *chúnta* и *gcúnta* 'помощь'.

Хотя мы говорим здесь о ***фонетической синтагме***, это вовсе не следует понимать так, что мы собираемся принимать во внимание исключительно фонетические или фонологические свойства таких синтагм. Мы утверждаем только, что правила распределения морф одной морфемы должны иметь возможность оперировать в рамках фонетической синтагмы; вместе с тем в этих правилах могут упоминаться какие угодно свойства самой этой синтагмы и/или ее членов — как это хорошо видно, например, из примеров (12a) и (15).

Чтобы покончить с обсуждением проблемы распределения алломорф (проблемы, как мы видели, весьма и весьма непростой), нам следует упо-

мянуть здесь об одном осложнении — этакой тучке на горизонте, — из-за которого, однако, рискует рухнуть вся наша постройка.

(16) **a.** В немецком алломорфы генитива у имен собственных — **-s** vs. **-∅ГЕН** — распределены в зависимости от того, имеется или не имеется у этого существительного препозитивное определение-прилагательное:

Heimat Marias ⟨**Maria*⟩ 'родина Марии'
vs.
Heimat meiner geliebten Maria ⟨**Marias*⟩ 'родина моей любимой Марии';
Städte Europas ⟨**Europa*⟩ 'города Европы'
vs.
Städte eines unbekannten Europa ⟨**Europas*⟩ 'города незнакомой Европы'.

b. В сербохорватском языке творительный падеж единственного числа у существительных 4-го склонения (женского рода на согласную) имеет две алломорфы: **-(j)u** и **-i**. Их распределение может быть представлено (с некоторыми упрощениями) следующим образом:

- Некоторые существительные принимают только суффикс **-i** (*peči*/**peču* 'печью' или *stvari*/**stvarju* 'вещью').
- Остальные существительные в творительном падеже единственного числа имеют суффикс **-(j)u** (*pameču*/**pameti* 'умом' или *ljubavlju*/**ljubavi* 'любовью'). Однако если у такого существительного имеется препозитивное определение-прилагательное, то форма на **-i** становится более приемлемой: *velikom pameču*/?*pameti* 'большим умом', *takvom ljubavlju*/?*ljubavi* 'такой любовью'. Если, к тому же, существительное управляется предлогом, творительный падеж на **-i** становится уже вполне правильным: *sa velikom pameču*/*pameti* 'с большим умом', *sa takvom ljubavlju*/*ljubavi* 'с такой любовью'.

В этих двух случаях выбор падежных алломорф зависит от синтаксического партнера данного существительного, и далеко не очевидно, что здесь законно говорить о фонетической синтагме. Поэтому, возможно, эти немецкие и сербохорватские примеры требуют некоторого пересмотра (т. е. соответствующего уточнения) Определения V.27. В худшем случае придется изменить ограничения на область, в рамках которой применимы правила распределения алломорф. Точнее говоря, в условии 3а Определения V.27 придется разрешить, чтобы в правилах выбора алломорф морфемы $\{\mathcal{M}\}$ фигурировали словоформы, находящиеся в прямой синтаксической связи со словоформой, частью которой является морфема $\{\mathcal{M}\}$.

4. Условие 3b: свободное варьирование морф

Требованием (b) в условии 3 предусматривается различие между морфами, принадлежащими к одной морфеме, и синонимичными морфами разных морфем в случае свободного (= факультативного) варьирования. Для аффиксов свободное варьирование допускается без ограничений: например, суффиксы творительного падежа единственного числа у русских существительных женского рода в примере (6b) **-ой** и **-ою** (а также **-ей** и **-ею**), взаимозаменимые во всех контекстах, являются алломорфами одной морфемы. Однако для корней ситуация уже принципиально другая. Возьмем для примера французские корни **tank** и **char**, означающие оба 'бронированная военная машина на гусеницах [= танк]': это два абсолютных синонима в свободном распределении. Но мы не хотели бы, чтобы они были признаны морфами одной морфемы. Точно так же в русском **туалет**, **уборн**(*-ая*), разг. **клозет** и вульг. **сортир** не должны причисляться к одной и той же морфеме — для нас они остаются синонимами (абсолютными, но, тем не менее, обнаруживающими некоторые различия в сфере употребления).

С другой стороны, в языке сранан наблюдаются многочисленные ряды корней, типа (17):

(17) сранан
dukrű, **dukű**, **dukrú**, **dukú** 'утка' (⇐ англ. *duck*)
kű, **kó** 'приходить' (⇐ англ. *come*)
drapé, **dapé** 'там'
úmã, **úma** 'женщина' (⇐ англ. *woman*)
horlójsi, **holójsi** 'часы' (⇐ фр. *horloge*)

Здесь нам хотелось бы, вообще говоря, рассматривать каждую такую группу морф как алломорфы одной морфемы, т. е. считать, что {DUKRU} = **dukrű**, **dukű**, **dukrú**, **dukú** и т. д. Разница между такими наборами знаков, как фр. **tank** ∼ **char** или рус. **туалет** ∼ **уборн**(*-ая*) ∼ **клозет** ∼ **сортир**, с одной стороны, и **dukrű** ∼ **dukű** ∼ **dukrú** ∼ **dukú** в языке сранан, с другой стороны, очевидна: во втором случае налицо фонологическая регулярность, связывающая эти элементы, чего о первом случае сказать нельзя. Именно это различие мы и выражаем в требовании 3b. Действительно, наблюдаемые в языке сранан вариации корней могут быть сведены к одной-единственной морфе (**m′**) плюс два контекстно-свободных чередования (Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **3.1**, 1, с. 123):

$$/\tilde{\mathrm{V}}/+ \Longrightarrow /\mathrm{V}/+$$

[факультативная деназализация всякой носовой гласной в конце морфы]
и

$$/\mathrm{r}/ \Longrightarrow /\Lambda/$$

[факультативное усечение всякой фонемы /r/].

Таким образом, **dukrú**, **dukŭ** и **dukú** оказываются представимыми через *dukrŭ*, эти два чередования и метаоперацию ⊕. Однако для фр. **tank** ~ **char** или рус. **туалет** ~ **уборн**(*-ая*) ничего похожего не существует.

Читатель может, таким образом, констатировать, что корни и аффиксы не находятся для нас в одной плоскости с точки зрения объединения их в морфемы: аффиксы, выражая грамматические, т.е. своего рода «привилегированные», значения, имеют возможность объединяться в морфемы и тогда, когда для корней это невозможно. Говоря точнее, для того чтобы два корня (= две корневых морфы) могли быть элементами одной и той же морфемы, они должны либо находиться в дополнительном распределении (как **go**, **go**(**ne**) и **wen** в английском), либо быть связанными регулярными чередованиями (как в языке сранан в (17)). В случае аффиксов ограничений существует меньше: два аффикса могут принадлежать к одной и той же морфеме даже тогда, когда они не находятся в дополнительном распределении и не связаны между собой чередованиями.

3. Альтернативный подход к понятию морфемы

В системе морфологических понятий морфема занимает особо важное место, и поэтому мы считаем необходимым обсудить здесь еще один, отличный от нашего, подход к определению понятия морфемы, принимаемый достаточно большим числом лингвистов (и прежде всего лингвистами, относящимися к Московской фонологической школе: это В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов). Согласно этому подходу, понятие морфемы оказывается значительно более узким, чем наше. А именно: требуется, чтобы все морфы, объединяемые в рамках одной морфемы, были связаны между собой регулярными чередованиями. Отсюда следует, что в примере (6a) усматривается целых три разные морфемы родительного множественного:

{-∅$_{\text{МН.РОД}}$}, {**-ov**, **-ev**} и {**-ej**},

вместо одной. Аналогично, в (6b) адепты более узкого понятия морфемы видят три разные морфемы творительного единственного:

{**-oj**, **-oju**, **-ej**, **-eju**}, {**-om**, **-em**} и {**-ju**}.

Несколько забегая вперед, мы можем сказать, что у «узкой» морфемы неизбежно оказывается всего одна представляющая морфа, которая и есть поэтому ее главная алломорфа (**4.1**, Определение V.31, с. 247); супплетивизм алломорф исключается (**4.2**, 1, с. 249).

Очевидным преимуществом «узкого» понимания морфемы является простота соответствующего определения. Однако цена, которую приходится платить за эту простоту, оказывается весьма высока: приходится вводить дополнительные понятия, чтобы выразить единство таких морфем, как {-∅$_{\text{МН.РОД}}$}, {**-ov**, **-ev**} и {**-ej**} (родительный множественного) в русском языке. Кроме того, при «узком» понимании морфемы понадобится еще и

другое новое понятие — для того чтобы покрыть супплетивные элементы типа **all** ~ **v** ~ **i** во французском (*all+ ons* '[мы] идем' ~ *v+ ont* '[они] идут' ~ *i+ r+ ons* '[мы] пойдем'): для сторонников «узкой» морфемы это три разных морфемы {ALL(*-er*)}, {V(*-ais*)} и {I(*-r-ai*)}; для нас это три алломорфы одной морфемы {ALL(*-er*)}[6]. Таким образом, то, что мы выигрываем в смысле простоты в одном месте, мы теряем в другом. В настоящее время мы не в состоянии определить, какой из двух подходов гарантирует наибольшую простоту в глобальном масштабе.

4. Алломорфы

4.1. Алломорфы и родственные им понятия. Мы начнем с понятия алломорфы и указания основных типов алломорф, а затем перейдем к рассмотрению отношений между алломорфами одной морфемы.

Определение V.28: алломорфа

Морфа $\mathfrak{m}$, принадлежащая к морфеме $\{\mathcal{M}\}$, называется *алломорфой* морфемы $\{\mathcal{M}\}$.

Обозначения

$\mathfrak{m} \in \{\mathcal{M}\} \underset{\text{Def}}{\equiv}$ $\mathfrak{m}$ есть алломорфа морфемы $\{\mathcal{M}\}$

Примеры

В английском **go** /gō/, **go**(**ne**) /gɔ/ и **wen** представляют собой алломорфы морфемы {GO}; в русском **-ой**, **-ою**, **-ей**, **-ею**, **-ом**, **-ем** и **-ью** (6b) — это все алломорфы морфемы {ЕД.ТВОР}.

Пусть у нас имеется некоторая морфа $\mathfrak{m}$ и некоторое множество морф $\{\mathfrak{m}_i \mid \mathfrak{m}_i \neq \mathfrak{m}\}$; пусть также и $\mathfrak{m}$, и все $\mathfrak{m}_i$ принадлежат к одной и той же морфеме (в некотором фиксированном языке $\mathcal{L}$).

Определение V.29: представляющая (алло)морфа

Морфа $\mathfrak{m}$ называется *представляющей* для множества морф $\{\mathfrak{m}_i\}$ и для каждой отдельной морфы $\mathfrak{m}_i$, если (в языке $\mathcal{L}$) существуют такие чередования A_j, что всякая $\mathfrak{m}_i$ представима через $\mathfrak{m}$ и какие-то из этих чередований A_j.

Определение V.30: выводимая (алло)морфа

Морфа $\mathfrak{m}_i$ называется *выводимой* из морфы $\mathfrak{m}$, если $\mathfrak{m}$ является представляющей морфой для $\mathfrak{m}_i$.

Таким образом, если речь идет о морфах, отношение 'X выводима из Y' является обратным для отношения 'Y есть представляющая морфа для X'.

Время от времени мы позволяем себе некоторую нестрогость и говорим просто о *представляющих* или *выводимых* морфах, не указывая при этом второй член отношения.

Как это нередко бывает в описаниях языка, решение о том, что считать представляющими/выводимыми морфами в составе той или иной морфемы, существенно зависит от решений, принятых исследователем ранее, в данном случае — от решения, какие чередования следует признать законными в данном языке $\mathcal{L}$. Например, является ли чередованием латинского языка подстановка **-er** $\Longleftrightarrow$ **-iner** в латинской основе *iter* 'путь, ЕД.НОМ' $\sim$ *itiner* 'путь, ЕД.ГЕН'? Если да, то одна из этих морф является представляющей для другой (остается понять, какая для какой); если нет, то ни одна из них не является представляющей для другой. В Части третьей [том 3], Глава II, § 1, Определение III.3, с. 42, было определено соответствующее понятие модификации$_1$; вопрос о существовании того или иного чередования в данном языке обсуждается в следующем параграфе настоящей главы (§ 5, **3**, примеры (8) и (9), с. 269–270).

Примеры

(18) Для английской морфемы

$$\{\text{WIFE 'жена'}\} = \{\textbf{wife}, \textbf{wive}\}$$

представляющей является морфа **wife**; **wive** — это продукт чередования

$$/\text{f}/ \Longrightarrow /\text{v}/$$

[**wolf** 'волк' $\sim$ **wolv**(*-es*) 'волки', **leaf** 'лист' $\sim$ **leav**(*-es*) 'листья' и т. д.], причем данное чередование является частным случаем конечной согласной основы — чередования, достаточно широко представленного в английском языке вообще (**house** /há^{u}s/ 'дом, ЕД' $\sim$ **houses** /há^{u}ziz/ 'дом, МН' или **breath** /bréθ/ 'дыхание' $\sim$ **breathe** /brîð/ 'дышать').

(19) Для испанской морфемы

$$\{\text{MOR}(\textit{-ir})\text{ 'умирать'}\} = \{\textbf{mor}, \textbf{muer}, \textbf{mur}\}$$

представляющей является морфа **mor**, поскольку две другие морфы могут быть получены из нее применением следующих двух испанских чередований:

/ó/ $\Longrightarrow$ /wé/ [**pod**(*-er*) 'мочь' $\sim$ **pued**(*-o*) 'я могу']

и

/o/ $\Longrightarrow$ /u/ [**pod**(*-er*) $\sim$ **pud**(*-e*) 'я (с)мог'], и т. д.

[Сравните: Часть шестая, Глава I, § 1.]

(20) Для морфемы языка сранан (ср. пример (17), с. 242)

$$\{\text{DUKR}\acute{\breve{\text{U}}}\}$$

морфа **dukrű** является представляющей.

Комментарии к Определению V.29

По поводу понятия представляющей морфы требуются два разъяснения, а именно:

– представляющие алломорфы и направление чередований;

– абстрактный характер представляющей алломорфы.

1. Представляющие алломорфы и направление чередований

Выбор представляющей алломорфы для той или иной морфемы очевидным образом зависит от направления соответствующих чередований. Так, в (18) мы говорим, что именно алломорфа **wife** является представляющей для морфы **wive**, а не наоборот, потому что мы постулируем в английском чередование /f/ $\Longrightarrow$ /v/, а не /v/ $\Longrightarrow$ /f/. Правильно определить направление чередования — далеко не всегда простая задача, см. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **3.2**, с. 125 и сл.

2. Абстрактный характер представляющей алломорфы

Иногда в морфеме $\{\mathcal{M}\}$ означающее некоторой алломорфы $\mathfrak{m}$, которая является представляющей для множества алломорф $\{\mathfrak{m}_i\}$ ($\{\mathfrak{m}_i\} \subset \{\mathcal{M}\}$), не совпадает с означающим никакой «реальной» алломорфы морфемы $\{\mathcal{M}\}$, т. е. морфы, реально наблюдаемой в имеющихся в данном языке словоформах. Вот несколько примеров такого рода.

(21) русский

а. У лексемы *дерево* имеется, в частности, две лексы:

дерево /d′ér′iv(-a)/ [ед.им]

и

деревья /d′ir′év′(-ja)/ [мн.им];

означающие корневых морф в этих лексах, соответственно, таковы:

/d′ér′iv/ и /d′ir′év′/

[с тремя фонемными отличиями].

Для русской морфемы {ДЕРЕВ(-*о*)} мы постулируем представляющую морфу, означающим которой является цепочка /d′er′ev/; две ее реально наблюдаемые алломорфы легко получаются из этого означающего применением двух весьма частотных русских чередований:

/ĕ/ $\Longrightarrow$ /i/

[редукция всякого безударного /e/]

и

$$/\mathrm{C}/ \Longrightarrow /\mathrm{C}'/ \Big| __ /\mathrm{j}/$$

[палатализация (некоторых) согласных перед /j/].

На поверхностно-фонологическом уровне — уровне непосредственного наблюдения — представляющая морфа /d′er′ev/ (с двумя безударными /e/) не существует. Однако оказывается целесообразным постулировать ее существование для естественного и компактного описания распределения алломорф в широко представленных в языке морфемах типа {ДЕРЕВ(-*o*)}.

b. Аналогичным образом, морфема {БОРОД(-*a*)} содержит четыре наблюдаемые в языке морфы:

/barad(-á)/ [ЕД.ИМ]
/bórad(-i)/ [МН.ИМ]
/baród(-ij)/ [в сложных прилагательных типа **седо-**⟨**рыже-**, **черно-**, ...⟩**бородый**]
/barót/ [МН.РОД]

В качестве представляющей алломорфы мы постулируем морфу /borod/, которая, со своими двумя безударными /o/, на поверхности никогда не наблюдается. Указанные четыре алломорфы получаются из нее применением чередования

$$/\breve{o}/ \Longrightarrow /\breve{a}/,$$

параллельного упоминавшемуся выше чередованию /ĕ/ $\Longrightarrow$ /ĭ/, плюс оглушение конечной согласной перед паузой.

Алломорфы, постулируемые в качестве представляющих, но не наблюдаемые на поверхности, называются ***абстрактными***. Проблема допустимой степени абстрактности, которую можно себе позволить, конструируя представляющие алломорфы для того или иного множества алломорф, является слишком сложной и одновременно слишком узкой для того, чтобы мы могли обсуждать ее здесь подробно.

Определение V.31: основная ⟨главная⟩ алломорфа

Алломорфа $\mathfrak{m}$ морфемы $\{\mathcal{M}\}$ называется *основной ⟨главной⟩ алломорфой* этой морфемы $\{\mathcal{M}\}$, если морфа $\mathfrak{m}$ является представляющей для всех остальных алломорф морфемы $\{\mathcal{M}\}$.

Синонимичный термин — *исходная алломорфа*.

Примеры

В приводившихся выше примерах (18)–(20) алломорфы **wife**, **mor** и **dukrŭ** являются ***основными*** (= ***главными/исходными***) — каждая для своей соответствующей морфемы.

Главная алломорфа морфемы и все остальные ее алломорфы (= ***выводимые*** алломорфы) не могут считаться равноправными партнерами: главная алломорфа представляет собой полноправную и независимую, не обусловленную никаким контекстом, форму морфемы, тогда как выводимые алломорфы рассматриваемой морфемы являются результатом воздействия на нее фонологического или морфологического контекста. Поэтому именно главная алломорфа выбирается обычно в качестве представителя морфемы: см. раздел **2**, **Обозначения**, с. 231.

Морфема может содержать НЕСКОЛЬКО представляющих алломорф: в таком случае ни одна из них не может быть названа исходной (или главной). У морфемы подобного рода вообще нет главной алломорфы. Так обстоит дело с русской морфемой {ХОРОШ} в примере (5е), с. 232: ни одна из ее двух алломорф **хоро́ш** и **лу́ч** не является исходной.

> С морфемой без главной алломорфы мы сталкиваемся всякий раз, когда некоторые из алломорф морфемы (представляющие алломорфы) находятся между собой в отношении ***супплетивизма***. (См. ниже, Глава VIII, с. 419 и сл.)

Хороший пример морфемы, располагающей довольно большим числом алломорф, однако все-таки имеющей при этом главную алломорфу, нам дает один из австралийских языков — язык маунг (Pike and Pike 1980: 238).

(22) В языке маунг глагольная морфема будущего времени — префикс {БУД} — имеет 24 алломорфы, приведенные в таблице — см. рис. V-4 на с. 249.

Очевидно, что исходная алломорфа здесь — это **bana**; все остальные алломорфы получаются из нее применением чередований замещения и усечения, которые нетрудно сформулировать.

4.2. Отношения между алломорфами. Две алломорфы одной и той же морфемы можно сравнивать между собой по следующим двум признакам:

– по свойствам их означающего;

– по свойствам их синтактики (= распределения).

Поскольку означаемое у двух алломорф по определению всегда тождественно, никаких других параметров сопоставления у них быть не может.

			Перед корнем, состоящим из одного слога	Перед корнем из нескольких слогов		
				Перед /i/ или /u/	Не перед /i/, /u/ или /a/	Перед /a/
Во всех прочих позициях, кроме перечисленных ниже			*bana*	*ban*	*ba*	*b*
После /i/ или /u/			*wana*	*wan*	*wa*	*w*
Не после /i/ или /u/	Не после префикса класса 1 V	После /n/	*dana*	*dan*	*da*	*d*
		После /ɲ/	*ǰana*	*ǰan*	*ǰa*	*ǰ*
		После /ŋ/	*gana*	*gan*	*ga*	*g*
	После префикса класса 1 V		*ana*	*an*	*ba*	*b*

(Условия распределения алломорф этого глагольного префикса даны в слегка упрощенном виде.)

Распределение алломорф морфемы будущего времени в языке маунг
Рис. V-4

1. Отношения между означающими двух алломорф

Между означающими двух алломорф $\mathbf{m_1}$ и $\mathbf{m_2}$ морфемы $\{\mathcal{M}\}$ возможны два отношения:

• Либо одна из этих двух алломорф, скажем $\mathbf{m_2}$, может быть получена из другой посредством чередования (= стандартной пустой$_1$ операции):

$$\mathbf{m_1} \overset{A}{\Rightarrow} \mathbf{m_2}.$$

В таком случае, согласно Определению V.29, мы говорим, что $\mathbf{m_1}$ является ***представляющей*** для $\mathbf{m_2}$. В ряде приведенных выше примеров мы уже видели, как одни алломорфы могут быть представляющими для других.

• Либо ни одна из двух алломорф не может быть получена из другой посредством какого-либо чередования; в таком случае $\mathbf{m_1}$ и $\mathbf{m_2}$ находятся, как уже указывалось выше, в отношении супплетивизма (это отношение мы рассмотрим далее, в Главе VIII настоящей части, с. 419 и сл.). Примеры этого явления: **хоро́ш** ~ **лу́ч** (5e) и **-ой** ~ **-ом** ~ **-ью** (6b) в русском языке или же **-s** ~ **-en** ~ **-a** ~ **-i** ~ **-e** (7b) и **go** ~ **wen** ~ **go**(*ne*) в английском.

В результате морфема может содержать несколько алломорф, супплетивных по отношению друг к другу, но при этом все они (или, по крайней мере, некоторые из них) будут являться представляющими для других (выводимых) алломорф; так устроена морфема $\{\mathcal{M}\}$ на рис. V-5, с. 250.

Очевидным образом, морфема $\{\mathcal{M}\}$, в состав которой входят супплетивные алломорфы, не имеет главной алломорфы. Реальный пример такого рода дает нам русская морфема {ЕД.ТВОР}, см. пример (6b):

-oj — это представляющая морфа для **-oju**, **-ej** и **-eju**;
-om — это представляющая морфа для **-em**;
-oj, **-om** и **-ju** супплетивны по отношению друг к другу.

Морфема и ее алломорфы
Рис. V-5

2. Отношения между синтактиками двух алломорф

Здесь между $\mathfrak{m}_1$ и $\mathfrak{m}_2$ возможны уже четыре типа отношений:

• Ни в одном контексте, в котором допустима $\mathfrak{m}_1$, недопустима $\mathfrak{m}_2$, и наоборот: $\mathfrak{m}_1$ и $\mathfrak{m}_2$ находятся в таком случае в ***дополнительном распределении***. Пример: все алломорфы в (5), с. 232.

• В некоторых контекстах, в которых допустима $\mathfrak{m}_1$, допустима также и $\mathfrak{m}_2$, и наоборот, но это верно отнюдь не для всех контекстов: $\mathfrak{m}_1$ и $\mathfrak{m}_2$ находятся в ***пересекающемся распределении***. Пример: алломорфы -$\emptyset_{\text{МН.РОД}}$ и **-ov** в (6), поскольку у некоторых русских существительных допустимы две формы родительного множественного, ср.:

[*много*] *помидор* + $\emptyset$

и

[*много*] *помидор* + ***ов***.

• В любом контексте, в котором допустима $\mathfrak{m}_1$, допустима также и $\mathfrak{m}_2$, но не наоборот: $\mathfrak{m}_1$ и $\mathfrak{m}_2$ находятся во ***вкладывающемся распределении***. Пример: английские корни **hoof** и **hoov** 'подкова'; во множественном числе (перед **-s**) возможны обе алломорфы (*hoof* + *s* и *hoov* + *es*), однако в единственном числе — только *hoof* ⟨**hoove*⟩.

• В любом контексте, в котором допустима $\mathfrak{m}_1$, допустима также и $\mathfrak{m}_2$, и наоборот: $\mathfrak{m}_1$ и $\mathfrak{m}_2$ находятся в ***эквивалентном распределении*** или в ***свободном варьировании***. Пример: русские **-oj** ~ **-oju** или **-ej** ~ **-eju** в качестве суффиксов творительного единственного (6b)[7].

5. Пустая$_2$ морфема и нулевая морфема

Определение V.32: пустая$_2$ морфема

Морфема называется *пустой$_2$*, если она содержит пустые$_2$ алломорфы.

Поскольку означаемые у всех алломорф тождественны, пустая$_2$ морфема содержит только пустые$_2$ морфы.

Пример

(23) В русском морфема {ТЕМА} — пустая$_2$:
{ТЕМА} = {**-а**, **-е**, **-i**, **-о**, **-u** и т. п.}, см. § 3 настоящей главы, (48а), с. 209.

Условным названием «ТЕМА» покрываются пустые$_2$ суффиксы-формативы глагольных основ (часто называемые также *дифференциальными суффиксами* — Garde 1980: 300). У этих суффиксов, как мы уже указывали выше, пустое$_2$ означаемое, однако они должны присутствовать в формах спряжения большинства русских глаголов.

Определение V.33: нулевая морфема

Морфема называется *нулевой*, если она содержит ровно одну морфу, и притом нулевую.

Пример

(24) Нулевую аффиксальную морфему мы находим в испанском:
{ЕД} [существительное, прилагательное] = {**-$\emptyset_{\text{ЕД}}$**}
В испанском единственное число у существительных и прилагательных всегда выражается нулевым суффиксом.

Применение терминов *пустой$_2$* и *нулевой* к морфемам — которые знаками не являются — вообще говоря, не вполне корректно (Глава I настоящей части, § 2, **1.3** и **2.2**, с. 25 и 29). Тем не менее, такое употребление терминов представляется довольно удобным, и мы его допускаем.

6. Х-емы и алло-Х-ы

6.1. Понятия Х-емы и алло-Х-а. Соотношение понятий *морфа* и *морфема* представляется весьма существенным для лингвистики: оно оказывается частным случаем очень общего соотношения между так называемыми ***Х-емами*** и ***алло-Х-ами***. Хотя рассмотрение этой проблемы в целом

выходит за рамки данной книги, мы считаем полезным наметить здесь в общих чертах соответствующие определения.

Определение V.34: -эма

X-емой называется множество {X} всех таких языковых единиц X_i уровня *n* представления высказываний, которые должны признаваться различными единицами на уровне *n*, но не должны различаться как отдельные единицы на более глубинном уровне *n-1*.

Это означает, что каждый отдельный X_i фигурирует индивидуально на уровне *n*, тогда как на уровне *n-1* в качестве отдельной единицы выступает уже все множество {X} целиком. Все X_i могут быть объединены в {X} на уровне *n-1*, поскольку:

– у всех этих X_i их функции или их означаемые тождественны,

и

– распределение этих X_i описывается достаточно общими и стандартными правилами.

Эти два свойства обеспечивают бóльшую экономность лингвистических описаний.

Определение V.35: алло-

Единица α типа X называется *алло-X-ой* X-емы {A}, если эта единица является элементом множества {A} ($\alpha \in \{A\}$).

Примеры

Мы проиллюстрируем отношение «алло- ~ -эма» следующими примерами:

Фонема ~ аллофоны

(25) испанский

/b/ = {[b], [β]}
/d/ = {[d], [ð]}
/g/ = {[g], [ɣ]}

Первый аллофон в каждой паре (взрывной) выступает во всех позициях, кроме позиции между гласными, а второй (фрикативный) — именно в позиции между гласными.

Морфема ~ алломорфы

(26) английский

{МН} (у существительных) = {**-s**^{1} /s/, **-s**^{2} /z/, **-(e)s**^{3} /iz/, **en**, ...}

Синтагмема ~ аллосинтагмы

(27) русский

$$\begin{array}{l} X_{(V)} \\ \circ \\ \downarrow \text{ предикативное} = \\ \circ \\ Y_{(N)} \end{array} \begin{cases} 1)\ Y_{(N)\mathbf{n},\ \text{именит}} + \ldots + X_{(V)\text{наст, 3, }\mathbf{n}} \\ 2)\ Y_{(N,\ \mathbf{g})\mathbf{n},\ \text{именит}} + \ldots + X_{(V)\text{прош, }\mathbf{g}\text{, }\mathbf{n}} \\ 3)\ (Z_{(Num)} \xleftarrow{\textbf{количественное}} Y_{(N)\text{родит}} + \ldots + X_{(V)\text{ прош, сред, ед}} \end{cases}$$

Фразы

Студентки приходят.

Студентка пришла.

и

Шесть студенток пришло.

иллюстрируют три аллосинтагмы русской предикативной синтагмемы, представленной в (27); у этой синтагмемы имеются еще и другие аллосинтагмы, которые мы здесь не приводим.

Лексема ~ аллолексы

(28) французский

FLAMBER 'пылать' = {**flambe**, **flambes**, ..., **flamberaient**, **flambais**, ..., **ai flambé**, ...} '[я] пылаю, [ты] пылаешь, ..., [они] будут пылать, [я] пылал, ... и т. д.'

(см. Часть первая [том 1], Глава VI, **2.1**, пример (3), с. 330–331).

6.2. Систематическое сравнение соответствующих алло-Х-ов и Х-ем. Чтобы полностью прояснить соотношение «алло- ~ -эма», мы предлагаем здесь перечень соответствующих друг другу алло- и -эм. (Этот перечень упорядочен начиная с наиболее поверхностных уровней и кончая наиболее глубинными.)

АЛЛО-	-ЭМА
фоны = звуки языка	**фонема**: множество всех фон, различия между которыми не являются смыслоразличительными в данном языке и которые распределены в зависимости от звукового контекста[8]
просодии	**просодема**: множество всех просодий, различия между которыми не являются смыслоразличительными в данном языке и которые распределены в зависимости от просодического контекста
морфы	**морфема**: Определение V.27, с. 230
супрафиксы	**супрафиксема**: Глава III, Определение V.44, с. 305
апофонии	**апофониема**: Глава IV, § 2, Определение V.55, с. 347

конверсии$_2$	**конверсиема**: Глава V, Определение V.58, с. 365
синтагмы [= синтаксические правила]	**синтагмема**: множество всех синтагм, выражающих одно и то же синтаксическое отношение и распределенных в зависимости от синтаксического контекста
лексы [= словоформы и аналитические словосочетания; Часть первая [том 1], Глава VI, **1.4**, с. 325]	**лексема**: множество всех лекс, выражающих одно и то же лексическое значение и имеющих частично совпадающее означающее, т. е. таких, что они могут быть описаны одной словарной статьей (а все различия между ними могут быть полностью сведены к правилам грамматики); Часть первая [том 1], Глава VI, **2.1**, с. 329

Как видно из этого перечня, мы не требуем полного параллелизма между разными -эмами. Так, в частности, очевидно, что

$$\frac{\text{морфа}}{\text{морфема}} \neq \frac{\text{лекса}}{\text{лексема}},$$

поскольку у всех морф одной морфемы означаемое идентично, а у лекс одной лексемы означаемые разные (совпадает только лексическое значение, а грамматические значения различны). Аналогично,

$$\frac{\text{фона}}{\text{фонема}} \neq \frac{\text{морфа}}{\text{морфема}} \neq \frac{\text{синтагма}}{\text{синтагмема}}$$

Мы намеренно сделали соотношение «алло- ~ -эма» достаточно расплывчатым, чтобы им покрывались самые разные типы единиц. Поэтому термины, включающие элементы *алло-* и *-эма*, можно применять к любому множеству таких элементов, которые с точки зрения более глубинного уровня языкового представления следует трактовать как эквивалентные — если отвлечься от их различий на менее глубинных уровнях.

К сожалению, современное состояние лингвистической терминологии таково, что достичь полной последовательности в употреблении терминов на *-эма* не удается. В лингвистике довольно широко употребимы некоторые термины на *-эма*, не обозначающие множества соответствующих *алло-*, и мы не видим никакой возможности их чем-либо заменить. Хуже того: такими терминами мы сами постоянно пользуемся в настоящей книге, не имея для них никакой предпочтительной альтернативы. Это следующие термины:

граммема*, *квазиграммема*, *дериватема;

помимо этого, мы используем также ***сему*** и ***семантему*** [= 'смысл лексемы'].

Однако мы все-таки надеемся, что данная оговорка и строгие определения уменьшают риск неправильного понимания.

7. Квазиморфема

Чтобы соблюсти параллелизм, после того как было введено понятие квазиморфы (Глава II, § 1, 4, Определение V.7, с. 59), нам следовало бы ввести и понятие квазиморфемы: множество всех таких квазиморф, что их означаемое тождественно, а сами они распределены по стандартным правилам, которые действуют (грубо говоря) внутри рассматриваемой словоформы. Очевидно, что такое понятие полностью параллельно понятию морфемы и не вносит ничего принципиально нового в наши рассуждения; поэтому мы позволим себе не формулировать его эксплицитно. Это тем более оправданно, что, как уже говорилось, везде, где речь идет о морфах и квазиморфах, их можно отождествлять друг с другом без всякого риска.

Примечания

[1](**2**, пример (5c), с. 232). В действительности у русского глагола ЗАВОДИТЬ довольно много разных значений: ср. такие употребления, как *заводить привычку*, *заводить друзей*, *заводить разговор*, *заводить часы*, *заводить мотор*, *заводить моду*, *заводить порядок*, *заводить в тупик* и т. д. Как легко видеть, в таких словосочетаниях глагол ЗАВОДИТЬ часто выступает в качестве значения разных лексических функций.

[2](**2**, пример (5e), с. 232). В формах **лучше** и **лучш**(*-ий*, *-ая*, ...) показателями компаратива и суперлатива являются, соответственно, суффиксы **-ше** и **-ш**; сравните:

позитив	компаратив	суперлатив
dal′(*-ok*+*ij*)	*dal′*+*še*	—
vys (*-ok*+*ij*)	*vyš* +*e*	*vys*+*š*(*-ij*)
niz (*-k*+*ij*)	*niž* +*e*	*niz*+*š*(*-ij*)
glub(*-ok*+*ij*)	*glub*+*že*	—

Сюда можно добавить просторечные формы, запрещенные в литературном языке, типа *krasiv*+*še* и *šir*+*še* [литературные формы: *krasiv*+*ee* и *šir*+*e*].

[3](**2**, пример (8b), с. 233). Распределение диминутивных суффиксов, входящих в русские синонимичные морфемы {-ОК} и {-ИК}, чрезвычайно сложно: описание соответствующих правил (с примерами и списками производных) занимает в специальном труде по русской морфонологии (Чурганова 1973: 158–203) более 40 страниц. Не вдаваясь в подробности, укажем, тем не менее, две важнейшие характеристики этого распределения.

(i) Объединить суффиксы из морфем {-ОК} и {-ИК} в одну единую морфему, типа {ДИМ(инутив)}, похоже, невозможно, поскольку в некоторых случаях их распределение не поддается описанию при помощи достаточно

простых правил. Так, например, мы имеем **гроб** ~ **гро́б** + **ик** ⟨***гроб** + **о́к**⟩, но **дуб** ~ **дуб** + **о́к** ⟨***ду́б** + **ик**⟩, несмотря на то что схема ударения и другие фонологические свойства двух основ практически совпадают.

(ii) Суффикс **-ц** присоединяется к существительным среднего рода, у которых корень не оканчивается на /k/: **болот**(*-о*) ~ **болот** + **ц**(*-е*).

Суффиксы **-ик** и **-чик** выступают при существительных мужского рода в зависимости от следующих трех свойств основы:

– конечной согласной;

– числа слогов;

– схемы ударения.

Так, к односложной основе, не оканчивающейся на зубную согласную или на группу согласных, присоединяется суффикс **-ик**, если ударение в ней всегда падает на словоизменительный суффикс, и **-чик**, если ударение всегда падает на основу:

стол [**стола́**, **столу́**, ..., **столы́**, ...] ~ **сто́л** + **ик** ⟨***сто́ль** + **чик**⟩,

но

стул [**сту́ла**, **сту́лу**, ..., **сту́лья**, ...] ~ **сту́ль** + **чик** ⟨***сту́л** + **ик**⟩;

клоп [**клопа́**, **клопу́**, ..., **клопы́**, ...] ~ **кло́п** + **ик** ⟨***кло́п** + **чик**⟩,

но

тип [**ти́па**, **ти́пу**, ..., **ти́пы**, ...] ~ **ти́п** + **чик** ⟨***ти́п** + **ик**⟩.

К многосложной основе с ударением не на начальном слоге присоединяется суффикс **-ик**, если основа оканчивается на зубную согласную, и **-чик** — если она оканчивается на /j/:

завод ~ **завод** + **ик** ⟨***завод** + **чик**⟩,

но

трамва́й ~ **трамва́й** + **чик** ⟨***трамва́й** + **ик**⟩.

И так далее.

[4](**2**, 3, пример (12b), с. 237). Распределение алломорф русских предлогов описано здесь весьма приблизительно. В нем играют роль также и другие факторы, так что общая картина оказывается гораздо более сложной. Так, варианты с *-о* используются перед субстантивными корнями, не образующими самостоятельного слога (Garde 1980: 396): *со рв* + *ом*, но *с ржавчин* + *ой*; предлог **о**, требующий после себя предложного падежа, и предлог **о**, требующий винительного падежа, имеют разные распределения: *о стенах* ⟨**об стенах*⟩, но *о/об стены*; предлог **с** иногда все же ставится перед некоторыми группами вида /$C^1_{[+\text{длительн}]}C^2$/: *с храпом* ⟨**со храпом*⟩; тот или иной вариант предлога может требоваться, если предлог употреблен в составе устойчивого сочетания: *во главе* [собрания] ⟨**в главе*⟩, но *в главе* [книги] ⟨**во главе*⟩; и т. д. Помимо этого, наблюдаются многочисленные расхождения в распределении алломорф у разных говорящих; иногда выбор той или

иной из них факультативен или имеет всего лишь стилистическую значимость. См. Откупщикова 1971.

[5](**2**, 3, после примера (13), с. 238). Тем не менее, мы полагаем, что будет полезно указать здесь еще два похожих случая.

(i) Во французском находим *Je peux* ... 'Я могу ...' vs. *Puis-je?* 'Могу ли я ...?' (**Peux-je ... ?*). Эти два знака — **peux** и **puis** — представляют собой синонимичные сильные мегаморфы:

$$\{\text{POUV(-oir)}\} \oplus \{\text{НАСТ.ИНД}\} \oplus \{\text{1ЕД}\} \Longleftrightarrow \textbf{peux/puis},$$

распределенные в зависимости от синтаксического контекста (**peux** выступает в структуре без инверсии, а **puis** — в структуре, где глагол-сказуемое и его подлежащее инвертированы).

(ii) В испанском формы определенного артикля имеют следующую морфологическую структуру (похожую на морфологическую структуру всех испанских адъективов):

$$\begin{aligned}
&\text{муж, ед: } \{\text{L-}\} \oplus \{\text{МУЖ}\} \oplus \{\text{ЕД}\} \Longleftrightarrow \textbf{el}\\
&\text{муж, мн: } \{\text{L-}\} \oplus \{\text{МУЖ}\} \oplus \{\text{МН}\} \Longleftrightarrow \textbf{l+o+s}\\
&\text{жен, ед: } \{\text{L-}\} \oplus \{\text{ЖЕН}\} \oplus \{\text{ЕД}\} \Longleftrightarrow \textbf{l+a+}\emptyset\\
&\text{жен, мн: } \{\text{L-}\} \oplus \{\text{ЖЕН}\} \oplus \{\text{МН}\} \Longleftrightarrow \textbf{l+a+s}
\end{aligned}$$

Здесь мы видим сильную мегаморфу в мужском роде единственного числа, где **el** синкретично выражает тройку морфем.

Впрочем, артикль женского рода единственного числа тоже может быть представлен, наряду с регулярной формой **la**, сильной мегаморфой (у которой означающее тождественно с означающим артикля мужского рода единственного числа):

$$\text{жен, ед: } \{\text{L-}\} \oplus \{\text{ЖЕН}\} \oplus \{\text{ЕД}\} \Longleftrightarrow \textbf{el}$$

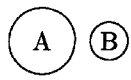
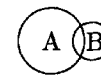
Эта мегаморфа выступает в обязательном порядке перед ударным /á/, когда оно стоит в начале идущей за артиклем словоформы существительного: ***el*** *agua* (**la agua*) 'вода', ***el*** *águila* 'орел' (**la águila*). Однако мегаморфа женского рода **el** не может стоять перед неударным /a/, начинающим существительное, или перед ударным начальным /á/, начинающим прилагательное: ***la*** *azotea* /aθotéa/ 'терраса' (**el azotea*), ***la*** *áspera condición* 'жесткое условие' (**el áspera condición*). Кроме того, имеются чисто лексические исключения: ***La*** *Haya* 'Гаага' или ***la*** *hache* 'буква h'. Таким образом, выбор мегаморфы **el** для $\text{EL}_{\text{жен, ед}}$ чувствителен не только к фонологическому контексту, но и к синтаксической структуре рассматриваемого словосочетания и к признакам синтактики организующего его существительного.

[6](**3**, с. 244). Алломорфа **i** морфемы {ALL(-*er*)} обладает одной идиосинкратической особенностью сочетаемости, противопоставляющей ее всем другим алломорфам этой морфемы (эта особенность была мне указана И.-Ш. Мореном): будучи употреблена в индикативе, она не допускает при себе клитику **y**. Так, например, возможно *j'**y** vais* 'я туда иду', *nous **y** allons* 'мы

туда идем', *il* ***y*** *est alle* 'он туда ходил', но невозможно **j'****y*** *irai* 'я туда пойду', **nous* ***y*** *irons* 'мы туда пойдем', **il* ***y*** *ira*(*it*) 'он туда пойдет'. Эта несовместимость не может быть объяснена фонологической причиной — наличием начального /i/, поскольку без всяких проблем говорится *Je m'****y*** *imagine* 'Я представляю себя там', *On l'****y*** *idolâtre* 'Ему там поклоняются' и т. д.; более того, клитика оказывается возможной перед алломорфой **i** в формах кондиционалиса: *J'****y*** *irais bien, si* ... 'Я ведь туда пошел бы, если бы ...'. Таким образом, это все-таки значение особого признака синтактики алломорфы **i**.

Впрочем, такие особенности сочетаемости вполне типичны для алломорф одной морфемы: ведь алломорфы обладают, по определению, тождественным означаемым, но вовсе не тождественными означающими и синтактиками.

[7](**4.2**, 2, в конце раздела, с. 250). Эти четыре типа распределения соответствуют четырем типам отношений в теории множеств, которые изображаются обычно диаграммами Венна (см. рис. V-6; каждый кружок обозначает некоторое множество).

Дополнительное распределение, или ДИЗЪЮНКЦИЯ 	Накладывающееся распределение, или ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
Вкладывающееся распределение, или ВКЛЮЧЕНИЕ 	Эквивалентное распределение, или ТОЖДЕСТВО

Соотношения распределений двух алломорф
с точки зрения теории множеств
Рис. V-6

Эти отношения будут активно эксплуатироваться дальше, в Главе X, при рассмотрении формально-смысловых отношений между двумя произвольными знаками.

[8](**6.2**, с. 253). Более аккуратная и строгая, но при этом и более сложная, формулировка была предложена во Введении [том 1], Глава III, **2**, с. 88. Здесь мы можем удовлетвориться сокращенной формулировкой, достаточной для проводимого нами сравнения. То же самое верно относительно просодемы.

Библиографические указания

Краткая история термина *морфема*, введенного в 1880 г. И. А. Бодуэном де Куртенэ (который, вопреки своей французской фамилии, был русским и

польским лингвистом), а также обсуждение разнообразных интерпретаций этого термина на протяжении всей истории его существования представлены в Mugdan 1986.

По поводу соотношения «морфа ~ морфема» см. Garvin 1957 и Lyons 1968: 183–187. Обширный перечень литературы на эту тему можно найти в Welte 1974: 394–396.

Техника объединения морф в морфемы и установление отношений между разными «альтернантами морфемы» предлагается в Harris 1947: 197 и сл. (главы 13 и 14), а также в Pike and Pike 1980: 91–109 (глава 5) и 173–220 (глава 8).

Типы распределения языковых единиц описаны в Welte 1974: 155–177.

§ 5
ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

1. Общие замечания

Подводя итог нашим размышлениям о морфе и морфеме, мы должны вернуться к понятию ***элементарности*** — не только элементарности знаков, но и элементарности вообще, элементарности ЛЮБЫХ языковых единиц, включая ***односторонние*** (= не имеющие означаемого, т. е. пустые$_1$) сущности и операции. Элементарность/неэлементарность некоторой языковой единицы самым непосредственным образом связана с СУЩЕСТВОВАНИЕМ/НЕСУЩЕСТВОВАНИЕМ ряда других языковых единиц. Ведь единица A языка $\mathcal{L}$ является элементарной тогда, и только тогда, когда в языке $\mathcal{L}$ не существует единиц B и C, таких, что $A = B \oplus C$. А что собственно значит «B (или C) в языке $\mathcal{L}$ не существует»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны заняться теперь общей проблемой СУЩЕСТВОВАНИЯ лингвистических единиц.

Существование физических объектов и явлений МАКРОмира обычно достаточно очевидно: мы не затруднимся ответить, существует ли тот бифштекс, который мы сейчас едим, или та женщина, которая у нас на глазах переходит улицу. (Заметим, однако, что смысл понятия «существовать» даже для таких объектов некоторыми философами подвергается сомнению.) Но уже по поводу существования объектов и явлений МИКРОмира начинают возникать вопросы: ведь про электрон нельзя сказать, что он существует в том же самом смысле, в каком существует машина или цветок. А существование сущностей и операций в ЯЗЫКЕ оказывается еще более проблематичным: проверить, существуют ли те или иные языковые единицы, можно только при помощи интуиции носителей языка, а потому соответствующие исследования и их результаты неизбежно оказываются субъективными и ненадежными. В принципе, только тот, для кого французский язык является родным, может судить, существуют ли во французском высказывания *Penses-tu?* букв. 'Думаешь?', *Ce qui ne serait pas mal* букв.'Что было бы неплохо', *stylo* 'ручка', *lui* 'ему', *la barque* 'лодка' и т. п., и притом — с определенными значениями. С точки зрения «настоящего» ученого это и само по себе уже не слишком хорошо; однако еще хуже то, что наивные носители языка в состоянии выносить

определенные суждения по поводу лишь таких языковых единиц, которые способны быть высказываниями, — по поводу знаков или комплексов знаков, которые, более или менее, АВТОНОМНЫ (Часть первая [том 1], Глава IV, § 1, **2**, с. 158 и сл.) и, чаще всего, НЕЭЛЕМЕНТАРНЫ (Часть первая [том 1], Глава III, § 4, с. 155). Что же касается элементарных знаков (а также и других элементарных языковых единиц), то их существование носителями языка в большинстве случаев просто не осознается. Так, носитель французского языка, если он не специалист, просто «не знает», является или не является **-(e)r-** (мы имеем здесь в виду глагольный суффикс будущего времени) знаком французского языка; он не отдает себе отчета также и в существовании операции /al/ $\Longrightarrow$ /o/, служащей для выражения множественного числа у некоторых существительных и прилагательных (**idéal** 'идеальный' $\sim$ **idéaux** 'идеальные'), или в существовании операции /Λ/ $\Longrightarrow$ /s/, участвующей в образовании основ у некоторых глаголов типа *franchi*(*-r*) 'пересекать' $\sim$ *franchiss*(*-ons*) '[мы] пересекаем', хотя все эти знаки и операции он использует в своей речи без всяких проблем. Если эти знаки и существуют, то они существуют в другом смысле, чем те французские выражения, которые мы приводили выше: интуиция говорящих не имеет к ним непосредственного доступа, и потому мы вынуждены задавать их посредством довольно абстрактных определений.

Кроме того, суждения говорящих относительно существования той или иной языковой единицы основываются на аналогиях с другими единицами, на различных параллелизмах и регулярностях, которые, разумеется, градуальны и субъективны: очень часто все зависит от индивидуального восприятия. Отсюда следует, что существование языковых единиц — это зачастую вопрос психологии или даже философии, нечто весьма расплывчатое и неопределенное. Поэтому мы должны предупредить нашего читателя, что в данном параграфе изложение будет гораздо менее точным и строгим, чем в остальных главах и параграфах КОМ-а.

Логически было бы правильнее рассматривать проблему существования языковых единиц ближе к началу этой книги, например в Части первой, в § 4 Главы III, т. е. до того как мы занялись типологией и описанием этих единиц. Однако нам помешал сделать это весьма абстрактный характер данной проблемы: учитывая соображения педагогического порядка, нам было бы крайне трудно или вообще невозможно обеспечить достаточную понятность изложения ДО ТОГО, как были введены некоторые лингвистические понятия, позволяющие внести в наши рассуждения необходимую долю конкретного. Именно поэтому рассмотрение проблемы существования языковых единиц было отложено до настоящего момента.

Начнем с анализа конкретного примера. Пусть у нас имеется следующее лингвистическое утверждение:

(1) «Русский знак
кобель = ⟨'самец собаки'; /kab′el′/; Σ = корень, сущ. нарицат., муж., II скл., ударение на словоизменительном суффиксе, ...⟩
представляет собой морфу, т. е. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ сегментный знак; иначе говоря, **кобель** непредставим через другие русские знаки» (Часть первая [том 1], Глава III, § 2, с. 137 и сл.).

Это утверждение можно переформулировать следующим образом:
«В русском языке не существует знаков **X** и **Y**, таких, что **кобель** = **X** ⊕ **Y**».

Однако откуда мы знаем, что это именно так?

С чисто формальной точки зрения, ничто не мешает нам постулировать следующие два русских знака:
коб = ⟨'собака'; /kab/; Σ = корень, сущ. нарицат., ...⟩
-ель = ⟨'самец'; /el′/; Σ = словообразовательный суффикс, прибавляется к сущ., образует сущ. муж. рода II скл., ...⟩

При таком взгляде на вещи **кобель** сразу станет представимым в виде:
(1′) **кобель** = **коб** ⊕ **-ель**,
и тогда он оказывается не одной — цельной и нечленимой — морфой, а производной двухморфной основой. Более того, в русском языке обнаруживаются аналоги, благодаря которым представление (1′) может показаться более или менее правдоподобным. Сравним (1′), например, с (2):

(2) **козёл** = **коз** ⊕ **-ёл**.

• Корень **коз** выступает в формах **коз**(*-а*), **коз**(*+очк(-а)*), **коз**(*-ий*), **коз**(*+о+пас*).

• Суффикс **-ёл/-л**[1], кроме словоформ **коз+ёл** ~ **коз+л**(*-а, -у, ...*), выступает также в **коз+л**(*+ёнок*), **коз+л**(*+ин(-ый)*) и **коз+л**(*+ят+ин(-а)*). Правда, в трех последних формах это **-л** играет роль связующего суффикса: оно не несет здесь значения 'самец', а является пустым$_2$; строго говоря, это уже другой суффикс. Тем не менее, этим тоже подтверждается пусть ограниченное, но все-таки существование суффикса **-ёл/-л**.

NB: Немного позднее мы поговорим более подробно об ОГРАНИЧЕННОМ существовании языковых единиц и введем соответствующие понятия с большей аккуратностью.

Несмотря на это, мы видим принципиальную разницу между (1′) и (2):

• Гипотетический корень ***коб** 'собака' никогда не выступает без гипотетического суффикса ***-ель** 'самец', а суффикс ***-ель** — без корня ***коб**: эти два гипотетических «знака» ВЗАИМООБУСЛОВЛИВАЮТ друг друга.

• Напротив, корень **коз** встречается и без **-ёл/-л** (см. примеры выше), хотя суффикс **-ёл/-л** все-таки никогда не встречается без **коз**: между **коз** и **-ёл/-л** ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ не наблюдается.

Именно это различие и объясняет, почему мы трактуем эти два случая по-разному: принимая факт существования в русском языке единиц **коз** и

-ёл/-л, мы не готовы считать, что в русском языке существуют единицы ***коб** 'собака' и ***-ель** 'самец'.

Основываясь на примерах (1) и (2), мы сформулируем ниже Определение V.37, с. 264, формализующее предлагаемый здесь подход, а именно: считать знак **кобель** элементарным, признавая вместе с тем неэлементарность знака **коз** + **ёл** и всех похожих на него знаков.

2. Предварительные понятия

Сформулируем сначала ряд вспомогательных понятий, без которых нельзя дать определение понятию существования языковых единиц.

Пусть имеется какая-то единица X морфологического уровня; этот X может быть знаком, компонентом знака — означаемым, означающим, синтактикой — или же незначащей (= односторонней) морфологической операцией.

Напомним следующие два понятия, упоминавшиеся во Введении [том 1] (Глава III, 2, № 10 и 11, с. 85–86):

Контекст X-а в данном тексте = единицы, с которыми X сочетается синтагматически в пределах данного текста.

Распределение X-а = множество всех контекстов, возможных для X-а.

Теперь мы можем ввести понятие *уникального распределения X-а.*

> Распределение X-а называется *уникальным*, если X сочетается исключительно с одной единицей Y, с которой он всегда находится в непосредственном контакте.

В чем именно состоит непосредственный контакт — это для разных типов языковых единиц интерпретируется по-разному. Так, для двух сегментных единиц под ***непосредственным контактом*** понимается 'непосредственное линейное следование'; в символической записи:

> Если X и Y — сегментные единицы и X и Y находятся в непосредственном контакте, то в тексте мы имеем либо X+Y, либо Y+X.

Для операции и сущности ***непосредственный контакт*** означает 'применение данной операции к данной сущности':

> Если X — это сущность, а Y — операция и X и Y находятся в непосредственном контакте, то тогда мы имеем $X \oplus Y$.

Ради краткости мы будем говорить *уникальный X* вместо *X с уникальным распределением.* Итак, принимается соглашение:

X *имеет уникальное распределение* ≡ X — *уникальный*

Последнее вспомогательное понятие, которые мы здесь введем, — это понятие ***родственности*** языковых единиц.

Определение V.36: родственные языковые единицы

Языковые единицы X и Y называются *родственными*, если для них выполняется одно из следующих двух условий:

1. Если единицы X и Y — это знаки, то они сходны по своему смыслу и по своему распределению [= у них сходные означаемые и сходные синтактики].

2. Если X и Y — это не знаки, то они сходны по своей форме и по своему распределению.

Понятие родственности языковых единиц станет более ясным после анализа примеров, которыми сопровождается следующее определение, занимающее в данном параграфе центральное место.

Нелишне будет напомнить читателю, что еще в самом начале КОМ-а, во Введении [том 1], Глава III, **1.3**, с. 83–84, подчеркивалась первостепенная важность для лингвистики неопределяемого понятия 'сходство'. Именно на этом понятии основывается понятие существования языковых единиц.

3. Существование языковой единицы

Понятие существования языковых единиц формализуется нами так, чтобы в нем отражалась готовность исследователя включать данную единицу в описание языка $\mathcal{L}$. Иначе говоря, если исследователь решает, что единица U существует в $\mathcal{L}$, он должен быть готов включить это U в свою модель языка $\mathcal{L}$: U должно в той или иной форме фигурировать в описании языка $\mathcal{L}$. При таком подходе удается принять во внимание РАЗНЫЕ СТЕПЕНИ существования единиц, которые находят свое воплощение в разных формах включения единиц в описание языка. Даже заявляя, что некоторое *U не существует в $\mathcal{L}$, мы не запрещаем упоминать это *U в правилах модели, которые, по мере необходимости, могут извлекать *U из других единиц — основываясь на различных аналогиях.

Определение V.37: существовать в языке

Мы будем говорить, что элемент X *существует в языке* $\mathcal{L}$ как языковая единица языка $\mathcal{L}$, если выполняется одно из следующих двух условий:

1. Либо X не уникален.
2. Либо X уникален, но при этом:
   (a) или X представляет собой морфу и входит в морфему, содержащую также и другие морфы;
   (b) или
      (i) та единственная единица Z, с которой может сочетаться X, не уникальна,

и при этом

(ii) сам X родствен единице Y [и эта единица Y, в свою очередь, может быть уникальной].

В дальнейшем принимается соглашение:

Единица X *существует в* языке $\mathcal{L} \equiv$ X *является единицей* языка $\mathcal{L}$.

Комментарии к Определению V.37

Определением V.37 создается, по сути дела, понятие ***языковой единицы*** языка $\mathcal{L}$: то, что существует в $\mathcal{L}$, является единицей в $\mathcal{L}$. Вместе с тем, это определение задает несколько классов языковых единиц — в частности, знаков, — различающихся по степени существования в языке. Ниже мы проиллюстрируем все эти классы, различия между которыми связаны с условиями Определения V.37.

1. Условие 1

При выполнении этого условия мы имеем «нормальные» языковые единицы, в том числе «нормальные» знаки, характеризующиеся «неограниченным» существованием.

(3) Русский суффикс **-тель**, английский суффикс **-er/-or** и их французский эквивалент **-eur/-(at)eur** — все представляют собой «нормальные» единицы (соответствующих языков), т. е. неуникальные единицы; все они являются словообразовательными суффиксами:

русский	английский	французский
покупа + ***тель***	*buy* + ***er***	*achet* + ***eur***
посети + ***тель***	*visit* + ***or***	*visit* + ***eur***
мета + ***тель***	*throw* + ***er***	*lanc* + ***eur***
наблюда + ***тель***	*observ* + ***er***	*observ* + ***ateur***
мысли + ***тель***	*think* + ***er***	*pens* + ***eur***

Неуникальный суффикс способен присоединяться к многим разным корням, а каждый из этих корней может, в свою очередь, употребляться также и без данного суффикса. «Неограниченное» существование неуникальных знаков никогда не создает проблем в соответствующих языках.

Это наиболее частый и наиболее обычный случай; здесь нет нужды в дополнительных иллюстрациях.

Условиями 2a и 2b задается класс уникальных языковых единиц, подразделяющихся на 1) уникальные корни, 2) уникальные аффиксы и 3) уникальные чередования.

2. Условие 2a

Это условие выделяет уникальные языковые знаки — корни и аффиксы.

Начнем с примера ***уникального корня***, или ***уникоря***, — корневой морфемы, к которой может непосредственно присоединяться всего одна-единственная морфа.

(4) В русской словоформе **прачка** основа **пр + ач + к-** имеет следующую структуру:

-к — это суффикс, обозначающий женский пол:
москвич + ***к***(*-а*), *коммунист* + ***к***(*-а*), *санитар* + ***к***(*-а*), ...

-ач — это суффикс имени деятеля (= 'тот, кто ...'), синонимичный суффиксам, приведенным в (3):
тк + ***ач***, *толк* + ***ач***, *рифм* + ***ач***, *скрип* + ***ач***, ...

пр, выражающий смысл 'стирать', — это корень, не употребляющийся ни с чем другим, кроме **-ач + к**, и, следовательно, уникальный. В то же время **пр** принадлежит к той же корневой морфеме, что и неуникальный корень **стир**^{1}(*-ать*)^{2}:

$$\{\text{СТИР}^{1}(\textit{-ать})\} = \textbf{стир}^{1}, \textbf{пр}$$

В самом деле, у **пр** то же самое означаемое, что и у **стир**^{1}, а морфы **пр** и **стир**^{1} находятся в строгом дополнительном распределении (**стир**^{1} — везде, кроме позиции перед **-ачк**; **пр** — исключительно перед **-ачк**); именно это и требуется в условии 2a Определения V.37 [3].

Определение V.37 допускает, таким образом, включение морфы **пр** в инвентарь русских корневых морф — в качестве уникоря. Говоря точнее, **пр** и **стир**^{1} принимаются в качестве ***супплетивных*** алломорф одной морфемы: см. далее, Глава VIII, **3**, 6, пример (26), с. 435 [4].

Итак, мы видим, что если уникальная корневая морфа принадлежит к некоторой морфеме, в которой есть и другие морфы — даже если они сами уникальны, — то Определением V.37 [условие 2a] ее «нормальное» существование в языке вполне узаконивается. Так обстоит дело с русской лексемой ГОВЯДИНА 'мясо коровы'. Корневая морфа **говяд** уникальна: за ней всегда следует (в непосредственном контакте) словообразовательный суффикс **-ин** 'мясо [какого-л. животного]'. Однако в русском есть еще прилагательное ***говяж*** + *ий*, где мы видим другую уникальную корневую морфу **говяж**, за которой обязательно должен следовать словообразовательный суффикс притяжательного прилагательного **-ий**, весьма распространенный в русском языке. Эти две уникальные морфы — **говяд** и **говяж** — объединяются в одну морфему {ГОВЯД}; имея одно и то же означаемое, они находятся

в дополнительном распределении (первая — перед **-ин**, вторая — перед **-ий**). Следовательно, Определением V.37 они принимаются в качестве существующих единиц языка, хотя и весьма своеобразных. (Морфа **говяд** не является уникорнем вроде **пр**; это связанный корень, поскольку он обладает второй алломорфой, выступающей с другим словообразовательным суффиксом; см. ниже, 4, Определение V.39, с. 273. Кроме того, эти две морфы связаны крайне распространенным в русском языке чередованием /d/ $\Longrightarrow$ /ž/.)

Условие 2a необходимо также для ***уникальных аффиксов***.

(5) В немецком языке суффикс **-n** '1 ед' уникален: он употребляется исключительно с корнем **bi** 'быть'; ср.:

[*ich*] **bi** + **n** '[я] есть',

причем сам этот корень встречается также с другим, неуникальным, суффиксом **-st** '2 ед':

[*du*] **bi** + **st** '[ты] есть'.

Однако **-n** принадлежит к той же морфеме, что и неуникальный суффикс **-e** '1 ед', и поэтому он принимается, согласно Определению V.37, в число единиц немецкого языка.

Уникальные знаки, а именно морфы, рассмотренные в этом разделе, являются алломорфами других, более или менее «законных», морф, что в значительной степени облегчает признание их существующими в данном языке.

3. Условие 2b

Это условие сформулировано тоже специально для уникальных единиц, но только для некоторого их особого типа, более сложного, чем в рассмотренных случаях: здесь мы находим уникальные знаки-морфы, не имеющие алломорф, а также уникальные односторонние единицы.

Уникальные корни

(6) Основа французской словоформы **potable** 'питьевой = такой, что его можно пить без риска для здоровья' имеет следующую структуру:

pot, выражающий смысл 'пить без риска для здоровья', — это корень, употребляющийся только с **-able** и в силу этого уникальный;

-(a)ble — это суффикс, очень употребительный во французском и означающий 'такой, что его можно ...' (= поссибилитив).

Морфа **pot** не принадлежит к той же корневой морфеме, что и неуникальные корни **boi**(*-re*), **boive** и **buv**, поскольку у **pot** означаемое другое, чем у них: **potable** семантически противопоставлено прилагательному **buvable** 'такой, что его можно пить'. Однако, морфа **pot** РОДСТВЕННА корням **boi/boive/buv** и в силу этого является уникорнем (= уникальным корнем) французского языка.

Другой похожий пример — прилагательное **comestible** 'съедобный = такой, что его можно есть без риска для здоровья': оно содержит суффикс поссибилитива **-(i)ble** и уникорень **comest**, который родствен «нормальному» корню **mang(e)** 'есть', но не принадлежит к той же морфеме (в силу указанных выше причин).

Замечание. Случаи подобного типа, возникшие за счет параллельного развития лексики — так сказать, «народные» слова (*buvable*) и «ученые» слова (*potable*) — изобилуют в романских языках. Национальное, развившееся естественным путем слово сосуществует с латинским дублетом, каковые часто содержат уникорни описанного выше типа.

Уникальные аффиксы

(7) русский

a. Суффикс **-тух** 'тот, кто ...' — уникальный, поскольку он встречается только в лексеме **пас + тух**, образованной от **пас**(*-ти*) [1 ед *пас + у*, 2 ед *пас + ешь*, ..., 3 мн *пас + ут*; *пас + тух* = 'тот, кто пасет']. Другими словами, **-тух** присоединяется к одному-единственному корню: **пас**. Тем не менее, **-тух** существует в русском языке в качестве знака: это словообразовательный суффикс. И вот почему:

- Корень **пас** не уникален [требование 2b(i) Определения V.37].
- Суффикс **-тух** родствен другим русским словообразовательным суффиксам: **-тель**, **-(ль)щик**, **-ец**: у него то же означаемое, похожее означающее, т.е. структура того же вида [фонемная цепочка типа /(C^1)VC^2/], и похожее распределение: как и все эти суффиксы, он присоединяется к глагольным корням [условие 2b(ii) в Определении V.37].

? 23 Суффикс **-ёл** в примере (2) в чем-то похож на **-тух**; какой вопрос (или вопросы) относительно фактов русского языка надо задать, чтобы удостовериться в существовании единицы **-ёл**?

b. Знаки **-адь** /ad′j/ и **-ев**, встречающиеся, соответственно, только в (*поп*) + ***адь***(*-я*) /(pop) + ad′j(-a)/ и (*корол*) + ***ев***(*-а*) и потому тоже уникальные, все-таки включаются в репертуар русских суффиксов: корни **поп** и **король** не уникальны; сами эти суффиксы со значением 'женского пола' **-адь** и **-ев** родственны таким неуникальным суффиксам со значением 'женского пола', как **-ш**, **-ин** /-in′/, **-их**. Эти три последних суффикса обозначают 'женщина той же профессии, звания или должности, что и X, или жена X-а' и присоединяются к существительным — названиям лиц мужского пола:

генера́ль + **ш**(-*а*) *граф* + **ин**(-*я*) *врач* + **их**(-*а*) [разг.]
дире́ктор + **ш**(-*а*) *геоло́г* + **ин**(-*я*) [разг.] *дво́рник* + **их**(-*а*)

Уникальные суффиксы **-адь** и **-ев** имеют то же самое означаемое и очень похожую синтактику (они тоже прибавляются к существительным — названиям лиц мужского пола).

NB: Объединить русские суффиксы **-тух**, **-тель**, **-(ль)щик**, **-ец** в одну морфему (равно как и суффиксы **-адь**, **-ев**, **-ш**, **-ин**, **-их**) мы не можем по той причине, что их распределение недостаточно регулярно. Сравните похожую ситуацию с русскими уменьшительными суффиксами, § 4 настоящей главы, **2**, пример (8), с. 233.

Немецкий знак **-n**, а также русские знаки **-ёл**, **-тух**, **-адь** и **-ев** представляют собой ***уникальные аффиксы***, часто называемые ***унификсами***[5].

С терминологической точки зрения выбор термина *унификс* не очень удачен: по своей структуре (но не по содержанию) он похож на другие термины, кончающиеся на *-фикс*, — *аффикс*, *суффикс*, *конфикс*, ... — где первый элемент конкретизирует разные подклассы аффиксов. Тем не менее, он вошел в употребление, и мы позволим себе пользоваться им там, где нет риска путаницы.

Уникальные чередования

(8) Английское чередование

$$/\bar{\imath}\check{c}/ \Longrightarrow /\bar{o}/,$$

которое мы находим в

teach /tíč/ 'учить' ~ **taugh**(-*t*) /tó/ 'учить, ПРОШ',

уникально, поскольку оно не встречается ни в какой другой паре английских форм. Тем не менее, оно существует в английском, поскольку

(i) знак **teach**, к которому оно применяется, не уникален,
и
(ii) оно родственно целому ряду других чередований английского языка:

$$/\bar{\imath}k/ \Longrightarrow /\bar{o}/,$$

в **seek** /sík/ 'искать' ~ **sough**(-*t*) /só/ 'искать, ПРОШ',

$$/i\eta/ \Longrightarrow /\bar{o}/,$$

в **bring** /bríŋ/ 'приносить' ~ **brough**(-*t*) /bró/ 'приносить, ПРОШ',

$$/i\eta k/ \Longrightarrow /\bar{o}/,$$

в **think** /θíŋk/ 'думать' ~ **though**(-*t*) /θó/ 'думать, ПРОШ'.

Все эти чередования — пустые$_1$, т.е. у них нет означаемого (прошедшее время выражается здесь суффиксом **-t**, перед которым корень принимает

особую форму); все они устроены практически одинаково: цепочка фонем, начинающаяся гласной верхнего ряда заднего подъема и заканчивающаяся смычной согласной или группой смычных согласных, чередуется с /ɔ/; наконец, распределение у них тоже практически одинаково: они применяются к корням в формах прошедшего времени у некоторых глагольных лексем[6].

(9) русский

В отличие от э́того, подстановка

$$/\text{st'ir}/ \Longrightarrow /\text{pr}/,$$

которую мы видим в **стир**$(a+mь) \sim$ **пр**$(+ac+к(\text{-}a))$, не существует в качестве единицы русского языка, т. е. не входит в число русских чередований. Эта подстановка уникальна: она не используется нигде, кроме данной пары. Для нее нет родственных русских чередований:

- чередования в русском никогда не применяются к началу корня;
- ни в одном из русских чередований левый член не содержит целых четыре фонемы;
- в русском языке свистящая согласная никогда не чередуется с губной;
- члены русских чередований никогда не бывают распределены так, как /st'ir/ и /pr/ (левый член является частью глагольного корня, а правый — частью производной от него основы существительного — имени деятеля).

Опираясь на эти данные и следуя Определению V.37, мы отказываем чередованию (9) в статусе чередования русского языка. (Ср. описание уникорня **пр** выше, в примере (4), с. 266.)

4. Ограниченное существование языковых единиц

Как становится ясно из примеров, разобранных в разделе **3**, существование некоторых языковых единиц является, так сказать, ОГРАНИЧЕННЫМ: в принципе, про них можно утверждать, что они существуют в данном языке, но как бы с меньшим правом по сравнению с другими единицами, имеющими менее ограниченное (или совсем не ограниченное) распределение. Языковые единицы, существующие ограниченно, — это либо ***уникальные единицы*** (= уникорни, унификсы и уникальные чередования), которые были описаны и проиллюстрированы в разделе **3**, либо единицы, которые уникальными, вообще говоря, не являются, однако признать их полноценно («нормально») существующими тоже не удается. Сюда относятся, в частности, ***квазиуникальные корни*** и ***связанные корни***, которые часто легко спутать с настоящими уникальными корнями.

(10) Рассмотрим корни русских глаголов *reflexiva tantum* следующего типа:

очут(-*и*+*ть*)+**ся**
каз (-*а*+*ть*)+**ся**
кас (-*а*+*ть*)+**ся**

Эти корни никогда не употребляются без рефлексивного суффикса **-ся/-сь**: в русском не бывает форм ***очут**(-*и*+*ть*), ***каз**(-*а*+*ть*) или ***кас**(-*а*+*ть*). Однако эти корни не являются уникальными: знак, без которого они не могут употребляться, а именно рефлексивный суффикс, никогда не располагается в непосредственном контакте с корнем, а всегда непременно отделен от него словоизменительными суффиксами. Ср. в будущем времени:
1 ед ***очуч*+*у*+*сь***, 2 ед ***очут*+*ишь*+*ся***, ..., 3 мн ***очут*+*ят*+*ся*** или в прошедшем времени:

ед, муж ***очут*+*и*+*л*+*ся***

или в форме деепричастия:

очут*+*и*+*вши*+*сь

Такие корни мы относим к ***квазиуникальным***: см. Определение V.38 ниже, с. 273.

(11) Корень **вык** в двух следующих русских глаголах:

(*при*+)**вык**(-*а*+*ть*)

и

(*от*+)**вык**(-*а*+*ть*)—

никогда не употребляется без словообразовательного префикса; чаще всего при нем выступают два префикса, указанных выше: **при-** и **от-**. Однако именно потому, что к этому корню могут присоединяться ДВА (или более) семантически противопоставленных неуникальных префикса, этот корень уникальным не является.

Такие корни мы относим к ***связанным***: см. Определение V.39, с. 273.

Теперь мы приведем «отрицательный» пример—такой знак, который, несмотря на то что он выглядит как сложный, трактуется, в силу Определения V.37, как элементарный, из-за того что его якобы «отделяемая» часть не может получить статус языкового знака.

(12) Русская основа **почтамт** (⟸ нем. *Postamt*) 'главное в городе почтовое учреждение' содержит знак **почт**, представляющий собой обычную русскую морфу: **почт**(-*а*), **почт**+**ов**(-*ый*), **почт**+**альон**, **почт**+**арь**, ... Однако сегмент -*амт*, получаемый из **почтамт** вычитанием морфы **почт**, не является морфой (означающим какой-либо морфы). Этот сегмент уникален (он присоединяется только к **почт**), и он не родствен никакой безусловной русской морфе: в русском языке нет морф, обозначающих 'главное в городе ... учреждение'. Следовательно, это *-*амт* не должно фигурировать ни в

каком списке русских языковых единиц: **-амт* в русском языке не существует.

То же самое можно сказать по поводу элемента **-альон*, выделяемого в основе **почтальон**: этот элемент уникален (его означаемое — 'тот, кто разносит ...'), и он не родствен никакой другой русской морфе; следовательно, он не существует в русском языке.

Заметим, что это решение влечет за собой и другие. Русская основа **почтамт** оказывается простой морфой — элементарным сегментным знаком, поскольку она не является ни представимой, ни квазипредставимой через другие знаки; это вытекает из того, что мы отказываем сегменту **-амт* в статусе знака — и даже вообще в статусе какой бы то ни было языковой единицы. Однако в **почтамт** входит безусловный знак **почт**. Логически из этого следует, что некоторый элементарный знак **s**, в частности — некоторая морфа, может содержать в себе некоторый другой знак $\mathbf{s}'$, не становясь при этом неэлементарным: надо лишь, чтобы остаток от **s**, т. е. разность $\mathbf{s} - \mathbf{s}'$, не имел статуса языковой единицы.

Аналогичным образом англ. **butcher** 'мясник' представляет собой простую морфу (= элементарный знак), несмотря на то что в этой основе содержится суффикс **-er**: согласно Определению V.37 (условие 2b) **butch-* не существует в английском языке, потому что этот элемент уникален и не родствен никакой другой английской морфе.

Из всего этого следует, что русское **почтамт** и английское **butcher** — это не производные$_1$, т. е. не производные в сильном смысле (= сильно производные); однако это нисколько не мешает этим двум знакам считаться производными$_2$ (= слабо производными; см. Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **7.3**, 3–4, с. 296 и сл.).

Подчеркнем, что, хотя и **-амт*$_{\text{рус}}$ и **butch-* оба не существуют в своих языках, их статус, по нашим определениям, неодинаков: благодаря большей систематичности образования **butcher**, элемент **butch-* в нашей понятийной системе считается псевдосуществующим в английском (это псевдокорень: см. ниже, **5.3**, Определение V.42, с. 287); что же касается **-амт*, то за ним не признается даже столь эфемерного существования: это просто концевая часть означающего, некий не имеющий статуса обрубок. Псевдокорни типа **butch-* имеют шансы рано или поздно стать настоящими корнями. Это случилось, например, с английским глаголом [*to*] EDIT '1) редактировать, 2) издавать': псевдокорень **edit*, извлеченный из **editor** '1) редактор, 2) издатель', со временем стал полноценным корнем. Это очень типичный случай ***обратного словообразования*** (Глава VI, 4, 2, с. 388). Однако для обрубков типа **-амт* этот путь закрыт.

Напомним, впрочем, что различия между языковыми элементами типа только что упоминавшихся часто весьма относительны и субъективны, так

что далеко не всегда можно доказать, что выбранная нами трактовка — наилучшая из возможных.

Теперь, наконец, мы можем сформулировать определения двух типов знаков с ограниченным существованием.

Определение V.38: квазиуникальный корень

Корень **R** называется *квазиуникальным*, если одновременно выполняются следующие три условия:

1. **R** предполагает наличие некоторого конкретного неуникального словообразовательного аффикс **Aff** [= **R** никогда не употребляется без аффикса **Aff**].
2. **Aff** не находится с **R** в непосредственном контакте.
3. **R** предполагает наличие ряда словоизменительных аффиксов, располагающихся между **R** и **Aff**.

Квазиуникальный корень никогда не выступает без определенного словообразовательного аффикса, но этот аффикс всегда отделен от корня какими-то словоизменительными аффиксами, выбираемыми говорящим из некоторого множества. С квазиуникальными корнями мы уже встречались в примере (10).

Определение V.39: связанный корень

Корень **R** называется *связанным*, если одновременно выполняются следующие два условия:

1. **R** (или **R** и его алломорфа **R′**) предполагают наличие множества неуникальных словообразовательных аффиксов $\{\mathbf{Aff}_i \mid i \geq 2\}$ [= **R** никогда не употребляется без какого-либо из аффиксов $\mathbf{Aff}_i$].
2. $\mathbf{Aff}_i$ находится в непосредственном контакте с **R**.

Связанный корень никогда не выступает без какого-либо словообразовательного аффикса, но, в отличие от случая с квазиуникальным корнем, этот аффикс может быть выбран среди НЕСКОЛЬКИХ, в равной мере возможных, аффиксов.

Примеры

К уже приводившемуся выше примеру (11) мы добавим еще примеры (13a–c).

(13) русский

a. У следующих двух глаголов один и тот же связанный корень:

совершенный вид	несовершенный вид
об + ***у***(*-ть*)	*об* + ***у*** + *в*(*-а* + *ть*)
раз + ***у***(*-ть*)	*раз* + ***у*** + *в*(*-а* + *ть*)

Корневая морфа **у** выступает только с префиксами **об-** и **раз-**.

b. Связанный корень **бав** ~ **бавл** появляется в лексемах целого ряда производных$_2$ глаголов:

совершенный вид	несовершенный вид
до + ***бав***(*-и* + *ть*)	*до* + ***бавл***(*-я* + *ть*)
на + ***бав***(*-и* + *ть*)	*на* + ***бавл***(*-я* + *ть*)
над + ***бав***(*-и* + *ть*)	*над* + ***бавл***(*-я* + *ть*)
под + ***бав***(*-и* + *ть*)	*под* + ***бавл***(*-я* + *ть*)
у + ***бав***(*-и* + *ть*)	*у* + ***бавл***(*-я* + *ть*)
раз + ***бав***(*-и* + *ть*)	*раз* + ***бавл***(*-я* + *ть*)

Эти две корневые морфы употребляются только с каким-либо словообразовательным префиксом, которых, однако, имеется около десятка.

c. Следующие существительные (все они — «европейские» заимствования) имеют связанный корень:

альтру	+ *изм*	~	***альтру***	+ *ист*
фаш	+ *изм*	~	***фаш***	+ *ист*
оптим	+ *изм*	~	***оптим***	+ *ист*
соф	+ *изм*	~	***соф***	+ *ист*
империал	+ *изм*	~	***империал***	+ *ист*

Здесь корень выступает непременно с одним из двух словообразовательных суффиксов. Напомним (Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **7.3**, 5, с. 301), что второй член в этих парах — основа на **-ист** — является производным$_1$ от первого члена пары в результате присоединения суффикса **-ист**, сопровождаемого автоматическим усечением означающего суффикса **-изм** (однако означаемое суффикса **-изм** при этом сохраняется: 'альтру + ист' = 'тот, кто занимается *альтру* + *измом*', и т. п.).

В тройке ***агресс*** + *и*(*-я*) ~ ***агресс*** + *ор* ~ ***агресс*** + *ивн*(*-ый*) связанный корень соединяется с одним из трех словообразовательных суффиксов.

Некоторую проблему для описания создает пара ***аплодир***(*-овать*) ~ ***аплодис*** + *мент*(*-ы*). Мы находим здесь две квазисупплетивные алломорфы связанного корня (ведь в русском языке нет чередования /r/ ⇒ /s/), первая из которых выступает, правда, без словообразовательного суффикса, хотя и с тематическим оглаголивающим суффиксом, но зато вторая соединена с уникальным словообразовательным суффиксом!

Заметим, что, по букве наших определений, корень **смej-** русского глагола СМЕЯТЬСЯ не является ни квазиуникальным, ни связанным — при том

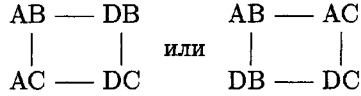
что он всегда употребляется в сопровождении какого-либо словообразовательного аффикса: либо дистантного суффикса **-ся/-сь** (*смеялся, смеялась*), либо префикса (*высмеять, засмеять*), либо и того и другого вместе (*досмеяться, засмеяться, отсмеяться, рассмеяться*). Такого рода корни-раритеты можно было бы назвать «квазиуникально-связанными».

Классификация языковых единиц по степени их существования в языке дается ниже, в разделе **8**, с. 290–291.

5. Квадрат Гринберга

В основе Определений V.37–V.39 лежит та же самая идея, на которой основан так называемый ***квадрат Гринберга*** (Greenberg 1963: 20). По углам этого «квадрата» располагаются четыре словоформы языка $\mathcal{L}$, характеризующиеся регулярными семантическими и фонологическими сходствами, что позволяет лучше понять их внутреннюю структуру и неуникальность составляющих их частей.

Пусть у нас имеется четыре словоформы: AB, AC, DB, DC; заглавными буквами обозначены части словоформ (точнее, части их означающих, ассоциируемые с частями их означаемых). Квадрат Гринберга, соответствующий этим четырем словоформам, будет иметь одну из следующих двух форм:

Обе формы квадрата эквивалентны. «Физический» порядок элементов, помещенных в вершинах квадратов, несущественен — надо только, чтобы у элементов, лежащих на одной стороне квадрата, был общий компонент.

Например, для французских и для латинских словоформ мы получаем следующие квадраты Гринберга:

(14) **a.** французский

parlons '[мы] говорим' — **mangeons** '[мы] едим'

parlait '[он] говорил' — **mangeait** '[он] ел'

b. латинский

/kruks/ 'крест, ЕД.НОМ' — /krukem/ 'крест, ЕД.АКК'

/paks/ 'мир, ЕД.НОМ' — /pakem/ 'мир, ЕД.АКК'

[В латинской орфографии /ks/ записывается в виде буквы *x*.]

Отсюда мы получаем следующие языковые знаки:

a′. фр. **parl** 'говорить', **mang**(*e*) 'есть', **-ons** 'НАСТ.1 МН', **-ait** 'ПРОШ. 3 ЕД'

b′. лат. /kruk/ ‘крест’, /pak/ ‘мир’, /-s/ ‘ЕД.НОМ’, /-em/ ‘ЕД.АКК’

Понятно, что квадрат Гринберга может быть представлен (часто его так и представляют) в виде пропорции:

$$\frac{AB}{AC} = \frac{DB}{DC}$$

Например:

$$\frac{\textbf{parlons}}{\textbf{parlait}} = \frac{\textbf{mangeons}}{\textbf{mangait}}$$

Квадраты, приведенные в примере (14), являются СОВЕРШЕННЫМИ.

Квадрат Гринберга называется ***совершенным***, если в нем присутствуют четыре элемента, а сам он при этом характеризуется одновременно тремя следующими свойствами:

1) Между двумя смежными вершинами квадрата имеет место СЕМАНТИЧЕСКОЕ ТОЖДЕСТВО (= тождество означаемых) внутри пар соответствующих друг другу элементов: ‘A’ = ‘A’, и т. п. Например, сегмент **parl-** в **parlons** и сегмент **parl-** в **parlait** имеют строго один и тот же смысл. Если бы это было не так, можно было бы строить фантастические квадраты вроде следующих:

(15) английский

hammer	‘молоток’	—	**ham**	‘ветчина’
|			|	
badger	‘барсук’	—	**badge**	‘значок’

или

pill	‘таблетка’	—	**pillow**	‘подушка’
|			|	
wind	‘ветер’	—	**window**	‘окно’

Поэтому требуется, чтобы ‘A’ = ‘A’, ‘B’ = ‘B’ и т. д.

2) Между двумя смежными вершинами квадрата имеет место ФОРМАЛЬНОЕ ТОЖДЕСТВО (= тождество означающих) (опять-таки внутри пар соответствующих друг другу элементов): /A/=/A/ и т. п. Если бы это было не так, нам пришлось бы иметь дело с «квадратами» следующего типа:

(16) английский

mother	‘мать’	—	**mom** ‘мама’
|			|
father	‘отец’	—	**dad** ‘папа’

От «квадратов» такого рода едва ли есть какой-нибудь прок для выделения элементарных знаков английского языка (хотя они и могут выражать полезные семантические отношения).

3) Квадрат ПРИЛОЖИМ К БОЛЬШОМУ ЧИСЛУ СЛОВОФОРМ. В самом деле, число французских глаголов, удовлетворяющих квадрату (14a), исчисляется тысячами. Если это не так, диагностическая ценность квадрата снижается, особенно если число удовлетворяющих ему словоформ сильно ограничено. Например:

(17) английский

who /hu/ 'кто, НОМ' — **whom** /hum/ 'кто, ОБЛ [= кого, кому]'
|
they /ðej/ 'они, НОМ' — **them** /ðem/ 'они, ОБЛ [= их, им]'

В английском языке имеется еще всего лишь одна пара — **he** /hī/ 'он, НОМ' ~ **him** /him/ 'он, ОБЛ [= его]', удовлетворяющая этому квадрату. Кроме того, с формальной точки зрения квадрат не вполне совершенен для **they** и **he**. (Заметим, что этот квадрат служит обоснованием существования в английском языке суффикса обликвуса **-m**; этот суффикс присоединяется всего к трем местоименным корням — **who**, **they** и **he**, но он все-таки не уникален.)

Если в квадрате недостает одного из четырех элементов, квадрат называется НЕСОВЕРШЕННЫМ. Например:

(18) английский

cranberry 'клюква' — ***cran** '?'
|
blueberry 'черника' — **blue** 'голубой/синий'

Этот квадрат дает нам знаки **berry** 'ягода' и **blue**; знака ***cran** в английском языке не существует. (Квадрат (18) несовершенен также и семантически: 'черника' ≠ 'голубая/синяя ягода'; см. ниже.) То же будет верно относительно **gooseberry** /gúzbəri/ 'крыжовник' и **raspberry** /rǎzbəri/ 'малина': ***goose** /guz/ и ***rasp** /rāz/ в английском не существуют (**goose** 'гусь' и **rasp** 'скрести, скрежетать' произносятся /gūs/ и /rāsp/).

Если же в наличии имеются все четыре элемента, но не выполнено, по крайней мере, одно из условий 1)–3), квадрат называется КВАЗИСОВЕРШЕННЫМ. Итак, мы имеем:

– семантически дефектные квадраты (англ. **blueberry** ~ **blue**, **strawberry** 'клубника' ~ **straw** 'солома', **blackberry** 'ежевика' ~ **black** 'черный'), где фигурируют фразеологизованные сложные или производные лексемы — сложные$_2$ или производные$_2$ (см. Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **4**, с. 274 и сл.);

– формально дефектные квадраты (вроде **мать** : **мама** = **отец** : **папа**);

– и, наконец, квадраты-«малотиражки», верные лишь для небольшого числа изолированных случаев.

Эти три дефекта могут сочетаться между собой, давая такие квадраты, которые, к примеру, одновременно и дефектны в формальном плане, и демонстрируют весьма ограниченную применимость, вроде квадрата (17), благодаря которому мы имеем почти уникальный суффикс (**-m**).

Вот еще один «малотиражный» квадрат Гринберга; он позволяет выявить в английском языке, так же как и в русском, с одной стороны, связанные корни англ. **th** /ð/, **wh** /h(w)/ и рус. **т-** и **к-**, а с другой стороны, почти уникальные суффиксы — англ. **-en**, **-ere** /ɛə/ и рус. **-уда**, **-огда**:

(19) **a.** английский

then 'тогда'	**there** 'там/туда'
when 'когда'	**where** 'где/куда'

b. русский

тогда	**туда**
когда	**куда**

Существование всех этих единиц, хотя и довольно ограниченное, подкрепляется все же до некоторой степени другими словоформами рассматриваемых языков:

a′. **this** 'этот', **that** 'тот', **thus** 'таким образом'
what 'что', **why** 'почему', **which** 'который'[7]

b′. **тот**, **такой**, **так**
кто, **какой**, **как**
сюда /s′uda/
всегда, **всё**

6. Языковые квазиединицы

Наряду со знаками (включая уникальные и квазиуникальные знаки) и псевдознаками мы находим в языках такие языковые единицы, которые знаками не являются, но все же похожи на знаки рассматриваемого языка. Мы называем их ***языковыми квазиединицами*** и различаем среди них два типа:

– ***морфоиды***, еще сохраняющие некоторые следы семантических связей со знаками языка (**6.1**);

– и ***субморфы***, у которых никакой семантической связи со знаками не прослеживается (**6.2**).

Языковые квазиединицы не являются значащими: они не обладают означаемым. Как и в случае других квазисущностей, мы будем подводить язы-

ковые квазиединицы под соответствующие понятия, касающиеся настоящих языковых единиц.

6.1. Морфоиды. Этот тип квазиединиц может быть проиллюстрирован русской основой **ручк²**(-*а*) [= 'приспособление для письма, ...'], которую мы обсуждали в Части первой [том 1] (Глава III, § 2, **3.2**, пример (6), с. 144–145). Знак **ручк²** квазипредставим по означающему через знаки **рук** и **-(о)к** [уменьшительный суффикс]. В самом деле, /ručk/ = /ruk/ ⊕ /ok/, однако 'ручк²(-а)' ≠ 'маленькая (и приятная) рука'; эта основа представляет собой ФРАЗЕОЛОГИЗОВАННЫЙ КОМПЛЕКС морф. Внутри такого комплекса морфы, из которых он составлен, становятся, так сказать «экс-морфами», которые мы и называем ***морфоидами***. (Сама основа **ручк²** представляет собой не что иное, как ***квазиморфу***: Глава II, § 1, 4, с. 58. Квазиморфа, таким образом, по определению состоит из морфоидов.)

Пусть у нас имеется некоторый неуникальный элемент языка $\mathcal{L}$, который мы представим в виде пары

$$\langle /\mathfrak{m}/;\ \Sigma_{\mathfrak{m}}\rangle,$$

где $/\mathfrak{m}/$ — это цепочка фонем, составляющая часть означающего какой-то морфы, а $\Sigma_{\mathfrak{m}}$ — множество сведений о контекстах, в которых может встречаться $/\mathfrak{m}/$, похожее на синтактики морф в языке $\mathcal{L}$.

Определение V.40: морфоид

Морфоидом языка $\mathcal{L}$ называется пара

$$\langle /\mathfrak{m}/;\Sigma_{\mathfrak{m}}\rangle,$$

удовлетворяющая одновременно двум следующим условиям:

1. В языке $\mathcal{L}$ имеется морфа вида
$$\mathfrak{m} = \langle\text{`}\mathfrak{m}\text{'};\ /\mathfrak{m}/;\ \Sigma_{\mathfrak{m}}\rangle.$$
2. В языке $\mathcal{L}$ имеется неэлементарный знак
$$\mathcal{M} = \langle\text{`}\mathcal{M}\text{'};\ /\mathcal{M}/;\ \Sigma_{\mathcal{M}}\rangle,$$
такой, что
   (i) $/\mathcal{M}/ = \oplus(/\mathfrak{m}/, \dots)$,
   (ii) $\Sigma_{\mathcal{M}} = \oplus(\Sigma_{\mathfrak{m}}, \dots)$
   и
   (iii) $\text{`}\mathcal{M}\text{'} \cap \text{`}\mathfrak{m}\text{'} \neq \Lambda$.

Единица *рук* в составе знака **ручк²**(-*а*) представляет собой морфоид, так как:

– **рук** совпадает с означающим русской морфы **рук** [часть тела] и имеет ту же самую синтактику (т. е. **рук** и есть здесь морфа $\mathfrak{m}$, упоминаемая в условии 1);

– в русском языке существует знак **ручк**^{2}(-*а*) (= $\mathcal{M}$ из условия 2), и этот знак удовлетворяет требованиям (i)–(iii) (в частности, 'ручк^2(-а)' $\cap$ 'рук(-а)' $\neq \Lambda$, так как 'ручк^2(-а)' — это 'маленький инструмент для письма, предназначенный для того, чтобы держать его в РУКЕ').

Внимание: элемент κ в составе **ручк**^{2} является морфоидом, а сама **ручк**^{2} — квазиморфой, только если выполнено требование 2(iii): смысл 'ручка [для письма]' и смысл 'маленький (и приятный)' [диминутив] имеют общий семантический компонент — 'маленький'. Эта трактовка, разумеется, изменится, если мы решим не включать компонент 'маленький' в семантическое представление знака **ручк**^{2}(-*а*); тогда κ — это всего лишь субморфа, а **ручк**^{2} — не квазиморфа, а просто морфа. Впрочем, мы предпочитаем не вдаваться здесь в эти семантические тонкости.

Единица *ten* во французских глаголах **retenir** 'удержать/придержать/вычесть', **détenir** 'иметь/удерживать в своей власти', **obtenir** 'достичь/получить', ... тоже представляет собой морфоид на том же основании: **ten** — это несомненная морфа французского языка, а все указанные глаголы семантически явно пересекаются с **tenir** 'держать (задержать, сдержать, содержать, занимать, ...)'[8].

Таким образом, мы видим, что понятие морфоида основывается на семантическом «родстве», т. е. на присутствии общих семантических компонентов как в некоторой морфе, так и во фразеологизованном комплексе знаков, куда соответствующий морфоид входит на правах, так сказать, «бедного родственника» данной морфы. Это семантическое родство служит основой для проведения различия между морфоидами (частично осмысленными) и субморфами (совершенно лишенными смысла): см. ниже. Однако наличие общих семантических компонентов впрямую зависит от принимаемых нами толкований, что составляет, вообще говоря, совершенно отдельную проблему (рассматривать которую здесь мы, разумеется, не в состоянии). Во всяком случае, ясно, что граница между морфоидами и субморфами достаточно зыбка, и мы намечаем ее, скорее, из теоретических, чем из практических соображений: мы настаиваем на существовании именно ДВУХ разных типов единиц, напоминающих морфу, не претендуя на то, что мы во всех случаях умеем отличить их друг от друга.

Как бы то ни было, для Определения V.40 крайне важно именно требование (iii) условия 2: оно позволяет (в принципе) избежать надуманных разложений в духе шарад: см. Часть первая [том 1], Глава III, § 2, **3.2**, с. 146. Таким образом, фр. **décent** 'приличный' не содержит морфоидов **dé** 'игральный кубик' и **cent** 'сто' (или **sang** 'кровь'):

'приличный' $\cap$ 'игральный кубик' = Λ и 'приличный' $\cap$ 'сто' = Λ.

Точно так же польское **rumak** 'аргамак' [вид коня] не содержит морфоидов **rum** 'ром' и **-ak** '-щик/-ец/-тель' [суффикс имени деятеля], поскольку

'аргамак' ∩ 'ром' = **Λ** и 'аргамак' ∩ '-щик/-ец/-тель' = **Λ**.

Наконец, русское **коньяк** тоже нельзя считать составленным из **конь** и **як** [тибетское животное], потому что

'коньяк' ∩ 'конь' = **Λ** и 'коньяк' ∩ 'як' = **Λ**;

и т. д.

Понятно, что требование (iii) недостаточно для того, чтобы исключить все «негодные» разложения, возникающие в результате того, что называют обычно народными этимологиями (= нем. *Volksetymologie*). Так, например, один американец связал как-то **секстет** (*sextet*) с **сексом** (*sex*), аргументируя это так: — *Since they generally sing such sexy songs!* 'Да ведь они обычно поют такие сексуальные песни!'. Для этого говорящего **sextet** содержит морфоид **sex** — или даже морфу **sex**, с неинтерпретируемым остатком *-tet* (совсем как дело обстоит с остатком *-амт* в русском существительном **почтамт**: **3**, пример (12), с. 271). Для многих говорящих по-русски существительное **подушк**(*-а*) раскладывается на **под** + **ушк**(*-о*) (тогда как диахронически **подушк**(*-а*) связана с **ду**(*-ть*), **дух**, **дыш**(*-ать*) и т. п.; т. е. этимологически 'подушка' ≈ 'нечто надутое'); для таких носителей языка **подушк**(*-а*) содержит два морфоида: **под** и **ушк**. Мы не знаем, можно ли найти строгие семантические критерии, которые всегда могли бы гарантировать правильное разложение на морфоиды. (И что такое вообще ПРАВИЛЬНОЕ разложение на морфоиды? Разложение, соответствующее принятой этимологии? С какой, собственно, целью его вообще надо производить? Проблема эта сама по себе слишком нечеткая, чтобы можно было дать на нее какой-то определенный ответ.)

Тем не менее, если принять во внимание также и синтактики предполагаемых морфоидов, можно отвергнуть довольно много странных разложений даже тогда, когда по тем или иным причинам мы не хотим принимать в расчет семантические соображения или они недостаточны. Так, в случае **décent** разложение **dé** + **cent** можно отвергнуть, не обращаясь к семантике: у элемента *cent*, якобы выделяемого в **décent**, нет формы женского рода **cente*, тогда как у **décent** она есть (= **décente**). Аналогично, «разложение» **конь** + **як** (русского существительного **коньяк**) не может быть принято, так как у существительного **як** в форме родительного падежа единственного числа ударение падает на основу: **я́ка**, а не ***яка́**, в то время как элемент *-як* в **коньяк** в родительном падеже единственного числа должен акцентуироваться не так: **коньяка́**, а не ***конья́ка**. Для русского существительного **под** + **ушк**(*-а*), где с учетом семантики даже можно было бы поверить в разложение 'под + ушко' (ср. фр. **oreiller** 'подушка' ~ **oreille** 'ухо'!), сочетаемость снова спасает дело: элемент **под**, означающий 'предназначенный, чтобы быть под [чем-л.], поддерживать [что-л.]', не может

присоединяться к «голому» корню, не содержащему словообразовательного суффикса **-ник**: ср. **под + локот + ник** ⟨***под + локоть**⟩; следовательно, для значения 'под + ушко' в русском языке должно бы было быть что-то вроде ***под + уш + ник** или ***под + уш + ниц**(*-а*), а никак не **подушка**.

Таким образом, можно надеяться, что при помощи синтактик мы с успехом сможем защититься от разложений шарадного типа.

Итак, суммируя все вышесказанное, мы имеем: морфоид — это «деградировавшая» морфа в составе фразеологизовавшейся (= лексикализовавшейся) основы, т. е. в составе сложной$_2$ или производной$_2$ основы, но при этом такой, что семантическая фразеологизация в ней осуществилась лишь частично и потому некоторые следы семантического родства еще ощущаются говорящими. По отношению к соответствующей ему морфе морфоид представляет собой (почти что) то же самое, что некоторая лекса в составе фраземы по отношению к той же самой лексе в свободном употреблении. У французских лекс **folle** 'безумная' и **logis** 'жилище', входящих в состав фраземы **folle du logis** 'воображение' [букв. ≈ 'безумная (из) жилища'], то же самое означающее и та же самая синтактика, что наблюдаются у этих лекс в произвольных контекстах в отсутствие фразеологизации; однако их означаемые, конечно, не те же самые: в составе фраземы им нельзя приписать отдельных означаемых, означаемым обладают лишь все компоненты выражения вместе. Однако какой-то «осколок» смысла 'безумный' в означаемом 'folle du logis' все же сохраняется: мы как бы имеем дело с «безумным», разгоряченным, беспокойным воображением.

6.2. Субморфы. Продолжая спускаться по семиотической лестнице и все больше удаляясь от (более или менее) осмысленных языковых единиц, мы приходим в конце концов к фонемным сегментам без ассоциированного с ними означаемого, которые не являются даже морфоидами: у них не обнаруживается совсем никакого смыслового родства со знаками данного языка. Эти сегменты — всего лишь кусочки от означающих других знаков, но, тем не менее, их поведение все-таки похоже на поведение настоящих знаков. Возьмем для примера русскую основу **палец** — единую и нечленимую морфу: это, без всякого сомнения, элементарный знак, а именно корень. Однако в нем имеется элемент *-ец*, совпадающий с означающим русского суффикса имени деятеля или названия жителя (**пе**(*-ть*) ~ **пев + ец**, **Лондон** ~ **лондон + ец**), и язык обращается с этим элементом совершенно так, как если бы он был суффиксом:

– *-ец* в **палец** подвергается тому же чередованию, что и суффикс **-ец**, а именно /е/ ⟹ /Λ/: во множественном числе имеем **пальц**(*-ы*);

– *-ец* в **палец**, как и всякий «нормальный» суффикс, усекается в сложных$_1$ основах типа ***бахурихи***: **шестипал**(*-ый*) ⟨***шестипальц**(*-ый*)⟩, **тонкопал**(*-ый*) ⟨***тонкопальц**(*-ый*)⟩ и т. п.

Но при всем при этом *-ец* в **палец** — это все-таки не суффикс, поскольку в русском языке нет корня ***пал**, а сам *-ец* в этом выражении не является знаком (означающим знака): ведь ему невозможно приписать никакого значения. Но это и не морфоид, поскольку он не обладает смысловым «родством» ни с каким русским знаком.

Явления подобного рода встречаются в русском языке очень часто. Вот еще один похожий пример: в основах **пробк**(*-а*) и **кочк**(*-а*) элемент *-к* — это не суффикс (в русском нет корней ***проб** и ***коч** и элементу *-к* нельзя приписать в этих словоформах никакого разумного значения), но он ведет себя в точности как уменьшительный суффикс **-(о)к** (например, он подвергается чередованию /о/ $\Longrightarrow$ /Λ/: **пробок** [МН.РОД] $\sim$ **пробк**(*-а*), и чередованию /k/ $\Longrightarrow$ /č/: **пробк**(*-а*) $\sim$ **проboч**(*+к-ый*), и т. д.). Число таких примеров можно без труда увеличить.

Для лингвистического описания иногда оказывается полезным выявить такие чисто формальные элементы — хотя и лишенные смысла, но обладающие некоторыми сочетаемостными свойствами, характерными для морф. Их мы предлагаем называть ***субморфами***.

Рассмотрим снова некоторый неуникальный элемент языка $\mathcal{L}$, представимый в виде пары

$$\langle /\mathbf{m}/;\ \Sigma_{\mathbf{m}} \rangle;$$

компоненты этой пары должны пониматься так же, как и выше, с. 279.

Определение V.41: субморфа

Субморфой языка $\mathcal{L}$ называется пара

$$\langle /\mathbf{m}/;\ \Sigma_{\mathbf{m}} \rangle,$$

которая не является морфоидом языка $\mathcal{L}$.

Для субморфы, таким образом, не требуется никакой смысловой связи с той или иной морфой данного языка. Более того: не требуется даже, чтобы /**m**/ совпадала с какой-нибудь морфой по своему означающему. В приведенных выше русских примерах имело место совпадение субморф *ец* и *к* с означающими русских морф (= суффиксов). Но для субморфы, вообще говоря, такое совпадение вовсе не обязательно. Так, например, во французском элемент *cev*, который мы видим в глаголах **recevoir** ‘получать, принимать’, **concevoir** ‘понимать, постигать’, **décevoir** ‘разочаровывать, обманывать’, **percevoir** ‘чувствовать, воспринимать’, представляет собой субморфу, хотя своим означающим он не совпадает ни с какой французской морфой. Это языковая квазиединица, поскольку

– у *cev* неуникальное распределение;

– *cev* /səv/ является частью означающего во многих морфах (/rəsəv/, /kɔ̃səv/, /desəv/, /pɛrsəv/);

– его сочетаемость напоминает сочетаемость французских корневых морф:

• элемент *cev* всегда стоит после другой субморфы, иногда совпадающей по своему означающему с установленными во французском языке префиксами (**re-**, **dé-**, ...);

• элемент *cev* систематически задействован в чередованиях *cev* ~ *çoi*, *cev* ~ *çoiv*, *cev* ~ *cept* [в словоформах **réception** 'прием', **perceptible** 'воспринимаемый' и т. п.], весьма типичных для французских глагольных основ.

Вместе с тем, мы не можем считать элемент *cev* (а также и *çoi*, *çoiv*, *cept*) морфоидом: ведь во французском языке нет таких морф, с которыми он был бы родствен формально и по смыслу; значит, это всего лишь субморфа.

Так же обстоит дело с элементами *ceiv* ~ *cept* в английском (**receive** 'получать, принимать', **conceive** 'осмыслить, замыслить', **deceive** 'обманывать', **perceive** 'воспринимать'; **reception** 'получение, прием', **conception** 'концепция, осмысление', **deception** 'обман', **perception** 'восприятие'). Еще одну субморфу — *tain* — мы находим в английских глаголах **detain** 'удерживать [насильно]', **obtain** 'получить', **retain** 'удерживать, сохранять', **maintain** 'поддерживать, сохранять'. Заметим, что соответствующая единица **ten**, выступающая в эквивалентных французских глаголах, представляет собой не субморфу, а морфоид: ведь во французском имеется морфа **ten** (ср. глагол *tenir* 'держать'), с которой и сближается морфоид /tən/, тогда как в английском морфы ***tain** не существует — глагола [*to*] ***tain** в английском нет.

Субморфы оказываются полезными для лингвистического описания в том отношении, что с их помощью можно формулировать морфо(но)логические правила более компактным и элегантным образом. Так, достаточно указать наличие субморфы *cev* в составе основ таких французских глаголов, как **recevoir**, **concevoir** и т. п., чтобы получить возможность описать все типичные неправильности этих глаголов однократно — посредством одного правила, которое будет применимо ко всякому глаголу, в основе которого имеется субморфа *-cev-*. Учитывая тот факт, что означаемое корневой морфы играет весьма скромную роль (или даже вообще не играет роли) в формальном построении словоформ, можно даже сказать, пусть несколько преувеличивая, что важность субморф для морфологии (почти) сравнима с важностью морф; ср. обсуждение этой проблемы в § 3 Главы V Части первой [том 1], **7.2**, 2, с. 293 и сл.

Заметим, что, согласно Определению V.37, морфоиды и субморфы в языке существуют; иначе говоря, они являются языковыми единицами. Они не знаки, это верно, — но никто и не говорил, что в языке должны содержаться одни только знаки!

Допустив в морфологическое описание морфоиды и субморфы, мы сможем отделить семантические аспекты описания от чисто формальных — да-

же если различие между морфоидами и субморфами не всегда будет совершенно ясным. Так, например, в итальянском языке имеется десять глаголов, спрягаемых так же, как и глагол METT(*-ere*) 'ставить, класть':

ammettere	'допускать'	*promettere*	'обещать'
commettere	'совершать'	*rimettere*	'снова ставить/класть/надевать'
frammettere	'вставлять [перемежая]'	*scommettere*	'держать пари'
omettere	'пропускать, опускать'	*smettere*	'переставать, прекращать'
permettere	'позволять, разрешать'	*transmettere*	'передавать'

У всех этих глаголов наблюдаются формы претерита на *-misi*, *-mettesti* и т. п. и пассивное причастие — на *-messo*, т. е. в точности как у глагола *mettere*. Поэтому имеет смысл указать, что их основы как бы делятся на две части: *am* + *mett-*, *com* + *mett-*, *fram* + *mett-*, ... (не вдаваясь в принципиальное решение вопроса о том, будут ли полученные таким образом элементы морфоидами или субморфами). Тогда, вместо надоедливых повторений в перечнях неправильных форм каждого из этих глаголов, мы сможем полностью охарактеризовать их спряжение, дав отсылку к спряжению глагола *mettere*. Подобная ситуация возникает очень часто, и обычно в традиционных грамматиках и словарях поступают именно таким образом.

7. Псевдосуществующие корни

Согласно Определению V.37, существование «уникальных корней», не родственных полноценным корням данного языка, не допускается, т. е. уникальный корень должен либо входить в одну морфему с каким-либо другим корнем, либо, по крайней мере, быть в родстве с каким-либо другим корнем. Из этого следует, что элемент **cran* (в словоформе **cranberry** 'клюква') в качестве языковой единицы английского языка не существует: ведь у этого якобы «корня», обозначающего множество свойств, которыми клюква отличается от всех прочих ягод, и выступающего только вместе с **berry** 'ягода', нет синонимичной морфы, вместе с которой этот элемент входил бы в одну морфему или с которой он, по крайней мере, был бы родствен. Точно так же в английском не существуют и сегменты **huckle* (в словоформе **huckleberry** 'черника'), **rasp* /rāz/ (в **raspberry** 'малина') и **goose* /guz/ (в **gooseberry** 'крыжовник'). Похожая ситуация наблюдается и в русском, где есть элементы, напоминающие английское **cran*:

– В названиях некоторых ягод, вроде **крушина**, **брусника** или **смородина**, есть сегменты **круш*, **брусн*, **смород* — в соединении с «нормальны-

ми» суффиксами **-ин**(*-а*)/**-ик**(*-а*), встречающимися в десятке других названий ягод.

– В названии одной из разновидностей мяса, а именно **буженина**, представлен элемент **бужен*, не существующий в качестве единицы русского языка, в соединении с суффиксом **-ин**(*-а*), обозначающим обычно 'мясо [какого-либо животного]' (ср. **баран** ~ **баран** + **ин**(*-а*), **свин**(*-ья*) ~ **свин** + **ин**(*-а*), **олень** ~ **олен** + **ин**(*-а*) и т. п.).

– В некоторых именах деятеля: **рач* в [устар.] **рачитель**, **попек* — в **попечитель**, **мошен* — в **мошенник**, **дант* — в **дантист**, **анимал* — в **анималист** и т. п. Здесь мы находим весьма частотные агентивные суффиксы: **-итель**, **-ник** и **-ист**, в то время как соответствующие «корневые части» не встречаются в русском языке ни в каких других словоформах, что и заставляет нас сделать вывод о том, что в качестве языковых единиц они не существуют.

Таким образом, получается, что в формальной модели языка знаки типа англ. **cranberry** и рус. **смородина**, **буженина** или **дантист** должны трактоваться как элементарные (= корневые морфы) и храниться полностью в словаре данного языка. Но это не мешает в то же самое время определенным образом учитывать их состав в их описании. Как это делается, мы сейчас покажем.

В английском и в русском феномен таких «корней», как только что указанные, — вроде **cran* в **cranberry** — вещь достаточно маргинальная. И все же у них есть некоторая (незначительная) систематичность, что делает наше Определение V.37 (по крайней мере, в глазах некоторых исследователей) не вполне удовлетворительным. Такая точка зрения подкрепляется похожими явлениями, обнаруживаемыми в языках типа китайского. В нем, например, все названия рыб и все названия деревьев двучленны, причем второй член — это, соответственно, **ü** 'рыба' и **šu** 'дерево', представляющие собой в китайском бесспорные корни, поскольку они способны выступать в любых мыслимых контекстах без каких бы то ни было ограничений. Однако первый элемент двучленной основы, обозначающей конкретный вид рыбы или дерева, отдельно не встречается (в большинстве случаев): так, 'акула' будет по-китайски **šaü**, букв. 'акула-рыба', но при этом **ša* в качестве отдельного знака, согласно Определению V.37, не существует, поскольку за ним неизбежно должно следовать **ü**. Учитывая ту регулярность, с которой подобные «дифференциаторы» встречаются в китайском языке, от них нельзя просто отмахнуться, сказав, что они не существуют. Игнорировать теоретическую проблему их статуса в языке мы не можем.

Заметим, что мы не можем трактовать элементы такого рода как морфоиды или субморфы: определяющей характеристикой этих последних является как раз их ОБШИРНАЯ сочетаемость (они весьма далеки от того, чтобы

быть уникальными), в то время как элементы типа англ. **cran*, рус. **смород* или кит. **ša* именно строго УНИКАЛЬНЫ.

Выход, который мы хотели бы предложить, состоит в том, чтобы ввести новое понятие: ПСЕВДОСУЩЕСТВУЮЩИЙ знак, или псевдознак, в данном конкретном случае — псевдокорень. Грубо говоря, псевдокорень языка $\mathcal{L}$ — это некоторый остаток, который сам не является знаком, но формирует несомненный знак вместе с неким другим несомненным знаком и при этом напоминает корни языка $\mathcal{L}$. Иными словами, если в языке $\mathcal{L}$ имеется два несомненных знака $\mathbf{s_1}$ и $\mathbf{s_2}$, таких что

$$\mathbf{s_2} - \mathbf{s_1} = \mathbf{s},$$

а **s** ЗНАКОМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ, мы называем это **s** псевдознаком при том условии, что **s** — это своего рода «корень». В таком случае единицы типа англ. **cran*, **goose* /guz/ и **rasp* /rāz/, англ. **butch*, рус. **круш*, **брусн*, **смород* и **бужен*, кит. **ša* и т. д. будут псевдознаками и, являясь таковыми, могут быть признаны ***псевдосуществующими*** в соответствующих языках.

Итак, формулируем определение.

Определение V.42: псевдокорень

Уникальный сегмент /**m**/, не являющийся означающим никакой морфы, называется *псевдокорнем* языка $\mathcal{L}$, если одновременно выполняются следующие три условия:

1. В языке $\mathcal{L}$ имеются несомненные неуникальные морфы $\mathbf{m_1}$ и $\mathbf{m_2}$, такие что
$$/\mathbf{m_2}/ = \oplus\{/\mathbf{m_1}/, /\mathbf{m}/\}$$
и
$$`\mathbf{m_2}' \supset `\mathbf{m_1}'.$$
2. Сегмент /**m**/ имеет примерно такое же распределение, как и другие корни языка $\mathcal{L}$.
3. В языке $\mathcal{L}$ имеется достаточно много разных сегментов того же типа, что и /**m**/, т. е. сегментов, удовлетворяющих условиям 1 и 2.

Комментарии к Определению V.42

1. Условие 1

Это условие требует, чтобы морфа $\mathbf{m_1}$ — ключевая морфа, на существовании которой зиждется псевдосуществование сегмента /**m**/, — была несомненной неуникальной морфой, т. е. чтобы ее существование было гарантировано без всяких оговорок. Если это условие не выполняется, то, например, во французском мы могли бы дойти до выделения «псевдокорней» **m**, **t** и $\emptyset$ в составе таких словоформ, как

$$\mathbf{m}+\mathbf{er}\ /\mathrm{m}+\varepsilon\mathrm{r}/ \sim \mathbf{t}+\mathbf{erre}\ /\mathrm{t}+\varepsilon\mathrm{r}/ \sim \mathbf{\emptyset}+\mathbf{air}\ /\emptyset+\varepsilon\mathrm{r}/,$$

где /-ɛr/ был бы, так сказать, «суффиксом» (притом не уникальным!), означающим нечто вроде 'стихия', а остатки были бы «псевдокорнями»: **m** 'водная', **t** 'твердая', **∅** [нулевой корень] 'газообразная'. Однако сегмент /-ɛr/ 'стихия' вовсе не является французским суффиксом: он не выступает в сочетании ни с каким несомненным корнем французского языка, и потому это /-ɛr/ никак не может рассматриваться в качестве морфы $\mathbf{m_1}$ в Определении V.42. На том же основании оказывается недопустимым разложение названий дней недели во французском: **lundi** 'понедельник', **mardi** 'вторник' и т. д. — на суффикс (или корень) **-di* 'день недели' и «псевдокорни» **lun*, **mar*, ... (что, впрочем, соответствует реальной этимологии этих существительных): сегмент **-di* встречается только в сочетании с этими «псевдокорнями» и не является несомненной неуникальной морфой французского языка; на **-di* нельзя опираться для вычленения этих «псевдокорней»; следовательно, они и не являются псевдокорнями. Сравним с этим еще случай **Nor + th** 'север' ~ **Sou + th** 'юг' и **Ea + st** 'восток' ~ **We + st** 'запад' в английском, где, в отсутствие ограничения, сформулированного в условии 1, можно было бы вычленить «псевдокорни» **nor* 'север', **sou* 'юг', **ea* 'восток', **we* 'запад' (а морфой $\mathbf{m_1}$ считать *-th* и *-st*)[9]!

2. Условие 2

Согласно этому требованию, предполагаемый псевдокорень не должен сильно отличаться по своему поведению от других корней языка $\mathcal{L}$. Мы не стали постулировать псевдоаффиксы из-за грамматического характера собственно аффиксов. Регулярность грамматических значений, по всей видимости, не допускает псевдосуществования соответствующих знаков: аффиксы, в отличие от корней, могут либо существовать, либо не существовать; для корней же допустим еще и третий статус: они могут псевдосуществовать!

3. Условие 3

Условие 3 гарантирует нам известную регулярность функционирования элемента /**m**/ в качестве одного из псевдокорней. Так, английский сегмент *cran* [= /**m**/] в соединении с **berry** [= $\mathbf{m_1}$] дает нам **cranberry** [= $\mathbf{m_2}$]; тем не менее, одного этого факта было бы недостаточно, чтобы считать **cran* псевдокорнем английского языка, если бы не наличие целого ряда похожих пар: **huckleberry**, **raspberry**, **gooseberry**, ..., из которых мы можем вычленить и другие сегменты того же типа, что **cran*: **huckle*, **rasp*, **goose*.

Равным образом, в английском сегмент *butch* в словоформе **butcher** может быть принят в качестве псевдокорня именно благодаря наличию других основ того же типа (например, **butler** 'дворецкий' [**butl*] и т. п.).

Напротив, форма **почтамт** [= $\mathbf{m_2}$] в русском должна трактоваться иначе. Из нее вроде бы вычленяется сегмент *амт* [=/**m**/], поскольку в русском

есть несомненный корень **почт** [= $\mathbf{m_1}$]; однако в русском есть только ровно одна другая форма, которая включает в себя **почт** плюс другой сегмент типа *амт* и обозначает при этом нечто связанное с почтой: **почтальон**. В отсутствие большого числа таких образований, похожих на **почтамт**, Определение V.42 не позволяет нам принять элемент *амт* даже хотя бы в качестве псевдокорня. (Кроме того, *амт* не удовлетворяет также условию 2: этому сегменту не свойственно обычное для русских корней распределение. Ведь если бы в позиции сегмента *амт* стоял обычный корень, перед ним был бы нужен интерфикс, что в случае *амт* должно было бы дать **почт* + ***о*** + *амт*.)

4. Квазиуникальные корни и связанные корни

Квазиуникальные и связанные корни не могут быть подведены под Определение V.42, поскольку оно требует, чтобы сегмент /**m**/ был уникальным. Например, квазикорень **очут** в русской словоформе *очут* + *и* + *ть* + *ся* не может быть признан псевдокорнем, потому что сегмент *очут* не уникален; поэтому **очут** представляет собой морфу.

Обращение к понятию псевдокорня позволяет удовлетворить естественно возникающее у исследователя желание отразить в описании языка, причем достаточно эксплицитным образом, все сходства, как смысловые, так и формальные, которые обнаруживаются между языковыми единицами, т. е., так сказать, все замеченные пропорциональности.

Подчеркнем принципиальную разницу между такими единицами, как ***псевдокорень***, с одной стороны, и ***уникальный*** или ***квазиуникальный корень*** — с другой. КВАЗИУНИКАЛЬНЫЙ или УНИКАЛЬНЫЙ КОРЕНЬ — это настоящий, несомненный корень, у которого есть вполне четкое означаемое и который требует определенного набора словоизменительных аффиксов, присоединяемых к нему как ко всякому другому корню. К примеру, русский квазиуникальный корень **каз/каж** (обнаруживаемый в ***каж*** + *у* + ***сь***, ***каж*** + *ешь* + ***ся***, ***каж*** + *ет* + ***ся*** и т. п. — в формах трех лиц и двух чисел в двух временах и в двух видах) представляет собой в принципе совершенно нормальный корень; единственная его проблема состоит в том, что этот корень никогда не употребляется без возвратного суффикса **-ся/-сь**. Аналогичным образом французский уникальный корень **pot** (в словоформе **potable** 'питьевой') обладает такими же типичными означаемым, означающим и синтактикой, как и всякий другой французский корень; его отклонение от нормы заключается всего лишь в том, что **pot** не сочетается ни с какими другими суффиксами, кроме **-able**.

ПСЕВДОКОРЕНЬ, напротив, никак не может быть сочтен настоящим корнем; он не является ни законным знаком, ни даже

просто языковой единицей, а всего лишь неким элементом, не имеющим ни независимого существования, ни четкого означающего, ни своей системы словоизменения. Псевдокорень вроде **cran* в английском, вычленяемый в *cranberry* 'клюква' благодаря наличию основы *berry* 'ягода', вводится из желания хоть каким-то образом учесть двусоставность выражений типа *cranberry*, безусловно ощущаемую носителями языка.

8. Обзор языковых элементов с различной степенью существования

Чтобы сделать более ясными понятия, введенные в данном параграфе, мы дадим их общий обзор.

> Важно отметить, что в языках обычно отсутствует четкая граница между «идеальными» морфологическими знаками и теми элементами, которые знаками не являются или вообще не существуют в данном языке в качестве его единиц

Но мы все-таки стараемся провести такое разграничение — опираясь, прежде всего, на распределение интересующих нас элементов, т. е. на их синтактику: степень, в которой некоторый элемент обладает свойством 'быть знаком языка $\mathcal{L}$', пропорциональна свободе употребления данного элемента — другими словами, свободе его распределения. Все знаки свободны хотя бы в минимальной степени. Однако обладание свойством 'быть/не быть знаком языка $\mathcal{L}$' допускает разные степени; именно такое ви́дение фактов языка мы и пытались воплотить, вводя понятия уникальных знаков, псевдознаков и т. п.

Языковые элементы выстраиваются в следующую иерархию — в порядке убывания степени их существования в языке:

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ

1. *«Нормальные» языковые единицы*, т. е. единицы со (сравнительно) свободным распределением. Эта рубрика включает как знаки, так и односторонние (= не значащие) операции.

NB: К числу «нормальных» морф мы причисляем также и квазиморфы: Глава II, § 1, 4, Определение V.7, с. 59.

2. *Знаки с ограниченным распределением*:

   1) *Квазиуникальные корни*, которые способны выступать только в соединении с ОДНИМ-ЕДИНСТВЕННЫМ словообразовательным аффиксом, но не в непосредственном контакте с ним, и при этом принимают множество разных словоизменительных аффиксов.

2) *Связанные корни*, которые способны выступать с ОДНИМ ИЗ ЦЕЛОЙ СЕРИИ словообразовательных аффиксов и притом в непосредственном контакте с ним.

3. *Уникальные единицы*

Уникальные знаки (= уникорни и унификсы) и *уникальные чередования*; у этих единиц распределение уникальное, но они обнаруживают родство с другими единицами.

ЯЗЫКОВЫЕ КВАЗИЕДИНИЦЫ

Своим признанием в качестве элементов, существующих в языке, эти элементы обязаны сходству с «нормальными» морфами.

4. *Морфоиды*: сходство на уровне смысла, формы и распределения.

5. *Субморфы*: сходство только на уровне формы и распределения.

ЭЛЕМЕНТЫ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЫМИ ЕДИНИЦАМИ

6. *Псевдокорни* (получаемые чисто механическим вычитанием — как морфологические остатки; у аффиксов такого статуса не бывает, им в нем отказано).

Мы ввели эти классы и подклассы языковых элементов, чтобы дать в руки исследователю понятийные средства, без которых он не в состоянии выразить все те СМЫСЛОВЫЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ СОВПАДЕНИЯ ИЛИ СХОДСТВА, с которыми он сталкивается в высказываниях языка $\mathcal{L}$. А такие совпадения/сходства представляют собой самую суть человеческого языка; можно даже сказать, что попытка выявить, осознать и отразить в описании все совпадения/сходства между высказываниями языка $\mathcal{L}$ — это одна из первостепенных задач научного лингвистического описания языка $\mathcal{L}$.

Вместе с тем, существуют (вероятно, во всяком языке) формально-смысловые сходства, которые превосходят разрешающую способность предложенной здесь системы понятий и, следовательно, не могут быть выражены надлежащим образом в модели языка типа Смысл-Текст. Возьмем простой случай (пример взят из Saporta 1956): фр. *poète* ~ *poème* ~ *poésie* 'поэт ~ поэма ~ поэзия'. Сегмент *poè/poé*, несомненно, ассоциируется со смыслом 'сочинять стихи'; в то же время, с учетом его сочетаемости, он не может быть формально признан даже в качестве субморфы: у получающихся «остатков» -/t/, -/m/ и -/zi/ распределение уникальное, они ни с чем не родственны и потому во французском языке не существуют. Другой пример (взятый из Bloomfield 1933: 156) — это серии английских лексем *flap* 'ударять, хлопать' [о парусе, крыльях], *flip* 'слегка ударить', *flick* 'слегка ударить, щелкнуть, стегнуть, хлестнуть' или *flash* 'полыхнуть', *flare* 'вспыхнуть', *flush* 'вспыхнуть, покраснеть [от стыда или гнева]' и т. п., где можно увидеть ассоциативную связь между *fl-* и идеей удара или между *fl-* и идеей вспышки. Напомним также уже приводившийся выше пример с французскими *lundi* 'понедельник',

mardi 'вторник' и т. п., где *-di* ассоциируется с 'днем недели'. Число примеров такого рода можно легко умножить, но в этом нет нужды. Достаточно констатировать следующее:

> Формально-смысловые сходства, если они менее регулярны, чем те, что отражены в субморфах или в псевдознаках, вообще не должны представляться в модели типа Смысл-Текст данного языка $\mathcal{L}$

Иначе говоря, некоторая степень «родства» между высказываниями языка $\mathcal{L}$ должна быть признана слишком далекой для того, чтобы ее следовало отражать формальным образом в лингвистической модели языка $\mathcal{L}$. Подчеркнем, однако, что ничто не мешает указать такие элементы родства в морфологической метамодели, т. е. в ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ; см. Часть шестая, Глава I, § 3.

И еще одно, заключительное, замечание: допустим, некий лингвист не согласен с нашим подходом и хочет, чтобы сегменты типа *poè* ~ *poé* во французском или *fl-* в английском были представлены в морфологической модели как таковой. В этом случае он может определить еще один тип языковых единиц, лежащий в нашей иерархии, так сказать, в самом низу, где будет учтено, например, любое формальное сходство — даже тогда, когда оно не сопровождается сходством смысла. Напомним, что Л. Блумфилд (Bloomfield 1933: 240) предлагал разложения *hamm* + *er* 'молоток' и *spid* + *er* 'паук', несмотря на то что **hamm-* и **spid-* не существуют в английском языке — на том лишь основании, что сегмент *-er* здесь тождествен агентивному суффиксу **-er** — точнее, означающему этого суффикса. Однако, оставаясь в рамках модели Смысл-Текст с ее сильной семантической ориентацией, мы не видим большого проку в том, чтобы отмечать в самой модели чисто формальные сходства, не подкрепленные смысловым параллелизмом.

Примечания

[1](**1**, после примера (2), с. 262). В паре **-ёл** /ol/ ~ **-л** /l/ мы видим чередование «/o/[беглое] $\Longrightarrow$ /Λ/», чрезвычайно часто встречающееся в русском языке (ср., в частности, /akón/ ~ /akn/ в примере (3а), § 1 настоящей главы, с. 39). Интересно отметить, что в жаргонном просторечии встречается образование **кобёл** ЕД.ИМ ~ **кобла́** ЕД.РОД (деформация лексемы **кобель** ~ **кобеля** по аналогии с **козёл** ~ **козла**), которое означает либо 'сексуально озабоченный мужчина', либо 'зечка-лесбиянка, играющая роль мужчины'. Это доказывает, что сближение ***-ель** ~ **-ёл** не так уж безосновательно.

[2](**3**, пример (4), с. 266). Верхний индекс «[1]» служит для отличения корня **стир**[1](*-ать*) [белье] от его омонима **стир**[2](*-ать*) [что-л. ластиком].

[3](**3**, пример (4), с. 266). Интересно отметить, что в означающем /pr/ мы находим ту же фонологическую структуру, что и у многих неуникальных русских глагольных корней: ср. **жн**(-*y*), **жм**(-*y*), **жр**(-*y*), **др**(-*ать*), **бр**(-*ать*) и т. п. Существует даже омофоничный неуникальный корень **пр**(-*y*) [инфинитив **переть**]. Хотя такое формальное сходство с «нормальными» знаками в Определении V.37 не требуется, оно служит дополнительным подкреплением того, что **пр** имеет право на существование в русском языке.

[4](**3**, после примера (4), с. 266). Супплетивизм возник здесь в процессе исторического развития. В действительности морфа **пр** была когда-то корнем глагола ПРА(-*ть*) 'стирать', впоследствии совершенно вытесненного глаголом СТИРА(-*ть*); тем не менее, одна из его производных лексем все-таки выжила и вошла в отношение супплетивизма с глаголом-«победителем». Глагол *prat′* существует до сих пор в других славянских языках: польск. *prać*, србхрв. *prati*, чеш. *prát*.

[5](**3**, после примера (7), с. 269). Вот еще несколько русских унификсов:

казн + ***ачей*** от *казн*(-*а*)		*нов* + ***ичок***	от *нов*(-*ый*)
власт + ***елин*** от *власть*(-$\emptyset$)		*жен* + ***ик***	от *жен*(-*иться*)
рис + ***унок*** от *рис*(-*овать*)		*почт* + ***альон***	от *почт*(-*а*)

[6](**3**, после примера (8), с. 270). Для примера (8) возможна и другая трактовка. А именно: четыре приведенных чередования можно, вообще говоря, считать неэлементарными:

$$/\bar{\imath}\check{c}/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ = /\bar{\imath}/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ \oplus /\check{c}/ \Longrightarrow /\Lambda/$$
$$/\bar{\imath}k/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ = /\bar{\imath}/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ \oplus /k/ \Longrightarrow /\Lambda/$$
$$/i\eta/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ = /i/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ \oplus /\eta/ \Longrightarrow /\Lambda/$$
$$/i\eta k/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ = /i/ \Longrightarrow /\bar{\jmath}/ \oplus /\eta k/ \Longrightarrow /\Lambda/$$

Чередования /ī/ $\Longrightarrow$ /ȷ̄/ и /i/ $\Longrightarrow$ /ȷ̄/ окажутся тогда неуникальными: ведь каждое из них используется в двух случаях; чередование /k/ $\Longrightarrow$ /Λ/ тоже уже не будет уникальным: оно имеет место также в **make** /me^{i}k/ $\sim$ **made** /me^{i} + d/. Однако усечения /č/ $\Longrightarrow$ /Λ/, /ŋ/ $\Longrightarrow$ /Λ/ и /ŋk/ $\Longrightarrow$ /Λ/ все равно останутся уникальными.

[7](**5**, пример (19a′), с. 278). Корни **th** /ð/ и **wh** /hw/ для английского языка предлагались Л. Блумфилдом (Bloomfield 1933: 14.9; русский перевод — Блумфилд 1968: 266). Принять этот анализ полностью мешает то, что в английском нет других корней, которые состояли бы из одних согласных. С другой стороны, для местоименных корней вообще характерна склонность к различным отклонениям и идиосинкразиям по сравнению с обычными (= неместоименными) корнями, так что это предложение Блумфилда может оказаться вполне приемлемым.

[8](**6.1**, после Опр. V.40, с. 280). Интересный случай представлен немецкой сложной$_2$ основой **Wal + fisch** 'кит': **Wal** — это морфа, тоже означающая 'кит' и способная употребляться отдельно (*ein Wal* '[один] кит'), так что в результате **Walfisch** и **Wal** оказываются синонимичными друг другу; но тогда что такое **-fisch**? В принципе, **Fisch** — это тоже морфа, означающая 'рыба' и способная употребляться отдельно (*ein Fisch* '[одна] рыба'); однако в составе фразеологизованной сложной$_2$ основы **Walfisch** данный знак, утеряв свой смысл, оказывается всего лишь морфоидом. (Общим семантическим компонентом для 'кита' = 'Walfisch' и 'рыбы' = '-fisch' служит, разумеется, 'животное, живущее в воде'.)

[9](**7**, в конце раздела 1, с. 288). Заметим, что разложение французского прилагательного **aîné** 'старший [из братьев или из сыновей]' в виде **aî + né** 'прежде рожденный [и поэтому 'старший']' предлагалось совершенно серьезно Р. Холлом в его книге «Французский язык» (R. Hall. *French*. 1948; *Language Monographs*, № 24, с. III). В действительности Холл просто отразил в синхронном описании реальную этимологию этой лексемы: **aî-** ⇐ **ainz** ⇐ нар. лат. ***antiu**, ср. лат. **ante** 'перед'.

Библиографические указания

О существовании морф и разложении высказывания на морфы см. Harris 1947: 156 и сл. (глава 12).

Проблема постепенного перехода от морфы к не-морфе превосходно разобрана в Bolinger 1948.

Понятие субморфы было фактически предложено в Becker Makkai 1969 (хотя и без указания удобного термина); эта идея получила свое развитие и была дополнена определениями в Чурганова 1973, где и был введен сам термин. Субморфа играет центральную роль (правда, под именем «морфема») в Aronoff 1976.

Резюме Главы II

В этой главе вводится и разбирается важное понятие ***морфы***, а также ряд связанных с ним понятий, в частности понятие ***морфемы***. Изложение строится следующим образом:

1) Предложен обзор множества морф (= элементарных сегментных знаков) с многочисленными иллюстрациями. Далее проводится различие между ***представляющими морфами*** и ***выводимыми морфами***. Обсуждаются принципы линейного членения словоформ на морфы, при этом акцентируется ***аддитивный характер*** морф. Наконец, предлагается типология морф.

2) Центральный тип морфы — это ***корень*** (в синхронном смысле). Подробно анализируется противопоставление «корень ~ аффикс»: противопоставление с точки зрения означаемого, с точки зрения означающего и с точки зрения синтактики. Именно это последнее противопоставление признается определяющим: корень определяется, грубо говоря, как морфа, в синтактике которой стоит на первом плане межлексемная сочетаемость. Описаны два особых типа корней: пустые$_2$ корни и нулевые корни.

3) Вводится и обсуждается понятие ***основы*** (= часть словоформы за вычетом словоизменительных знаков).

4) Отдельно рассмотрено понятие ***морфологического сложения***. Разделив такие вещи, как сложение в сильном смысле (= свободное, нефразеологизованное) и сложение в слабом смысле (= фразеологизованное), мы перечисляем свойства сложных лексем и обсуждаем проблему разграничения сложной лексемы и словосочетания. Как особый случай сложения рассматривается ***инкорпорация***: грубо говоря, это такое продуктивное сложение, при котором определяемый корень представляет собой личный глагол, а результат тоже является личным глаголом.

5) Вводится понятие ***морфологического способа***.

6) Определяется понятие ***аффикса***, после чего мы обращаемся к логической классификации аффиксов и даем подробный обзор всех их важнейших типов (***суффиксов***, ***префиксов***, ***инфиксов***, ***циркумфиксов***, ***трансфиксов***); приводятся многочисленные примеры и подробно анализируются некоторые сложные случаи. Рассматриваются также некоторые особые типы аффиксов: смещенные и мигрирующие аффиксы, пустые$_2$ и нулевые аффиксы.

7) Вводится, объясняется и обосновывается понятие ***морфемы*** (= множество морф, имеющих одно и то же означаемое и распределенных в соответствии с относительно простыми и/или стандартными правилами). В связи с этим понятием обсуждается отношение ***алломорфии***, соотношение «представляющие морфы vs. выводимые морфы», типы распределения алломорф и т. д. В заключение рассматривается обобщение понятия ***-эмы***: фона ~ фонема, просодия ~ просодема, морфа ~ морфема, ...

8) Строится определение понятия ***существования*** языкового знака в языке $\mathcal{L}$ на основе его неуникального распределения или его родства с другими знаками, существование которых не подвергается сомнению (понятие ***родства*** знаков вводится предварительно). Рассматриваются различные «неполноценные» языковые единицы: ограниченно существующие знаки (***уникорни***, ***унификсы***, ***квазиуникальные корни***, ***связанные корни***) и уникальные чередования, а также языковые квазиединицы: ***морфоиды*** и ***субморфы***. Наконец, определяются ***псевдосуществующие корни*** (такие элементы, которые даже не являются языковыми единицами, но могут быть допущены в описание в силу их сходства с корнями данного языка).

ГЛАВА III

СУПРАФИКС

1. Понятие супрафикса

Мы начнем, как обычно, с определения, сопроводив его затем комментариями.

1.1. Определение супрафикса

Определение V.43: супрафикс

Супрафиксом называется супрасегментный элементарный морфологический знак [= знак, означающее которого есть супрасегментная сущность].

Чтобы освежить в памяти читателя эквивалентное определение супрафикса, данное нами в § 1 Главы I настоящей части (Определение V.2, с. 13), мы приведем его здесь еще раз:

Определение V.43′: супрафикс

Супрафиксом называется супраморфа, которая выступает только внутри словоформы.

Заметим, что супрафикс может выражать только ГРАММАТИЧЕСКОЕ значение (т. е. граммему, квазиграммему или дериватему).

Обозначения

Произвольный супрафикс обозначается **Supraf**; для указания конкретного супрафикса мы добавляем к этому обозначению в виде нижнего индекса сокращенное обозначение соответствующей граммемы или дериватемы: $\textbf{Supraf}_{\textbf{МН}}$, $\textbf{Supraf}_{\textbf{ИМПЕР}}$ и т. п.

1.2. Комментарии к Определению V.43. Мы рассмотрим здесь следующие три проблемы:

– Физическая природа супрафиксов.
– Семиотическая природа супрафиксов.
– Супрафиксы *vs.* супрасегментные апофонии.

1. Физическая природа супрафиксов

В соответствии с природой супрасегментных единиц супрафикс может быть либо акцентным, либо тональным: *tertium non datur*. Точнее, означающим супрафикса является схема акцентной или тональной слоговой просодии: такое-то ударение/такой-то тон на таком-то слоге. Однако в лингвистической литературе довольно часто встречаются описания, авторы которых неправомерно смешивают совершенно разные единицы: значащие ФОНЕМНЫЕ преобразования, с одной стороны, и супрафиксы, с другой стороны. Например, в языке тотонак форма глагола во 2-м лице единственного числа (настоящего времени индикатива) отличается от формы 3-го лица единственного числа глоттализацией последней гласной (и сопровождающей ее автоматической глоттализацией всех предшествующих гласных):

(1) тотонак

a. *pas* + *a* ‘Он купается’ vs. *pás* + *á* ‘Ты купаешься’,
где **-a** — это суффикс дуративного аспекта III. Поскольку носителем граммемы ‘2 ед’ является именно признак глоттализации, а соотнести эту граммему с каким-то определенным сегментом в словоформе невозможно, возникает искушение говорить, что эта глоттализация представляет собой супрафикс. Но на самом деле это не так; здесь мы имеем дело со знаком, который является сегментной ***апофонией***:

b. $\mathbf{A}^{\mathbf{V}\Longrightarrow\acute{\mathbf{V}}}_{\mathbf{2ЕД}} = \langle$‘2 ед’; /V/# $\Longrightarrow$ /$\acute{\mathbf{V}}$/#; Σ = (применятся к) V, …$\rangle$

Соответственно, все подобные явления — назализации, палатализации, аспирации и т. д. — представляют собой именно сегментные апофонии, но ни в коем случае не супрафиксы. (Сравните обсуждение термина *симульфикс* в конце § 2 Главы IV настоящей части, **6**, с. 347.)

2. Семиотическая природа супрафиксов

В силу самой природы просодических схем их число весьма ограниченно. В самом деле, в языке с силовым ударением может иметься не более трех-четырех разных АКЦЕНТНЫХ схем:

_ _ _ _́, _ _ _ _́, _ _ _ _́ и _ _ _ _́

(и еще, быть может, _ _ _ _, т. е. словоформа вообще без ударения).

Крайне редко бывает так, чтобы в языке использовались четырехслоговые акцентные схемы; схемы большей длины, по всей вероятности, вообще

невозможны: в языках с силовым ударением не допускаются слишком длинные последовательности безударных слогов.

Тональные схемы обнаруживают несколько большее разнообразие, поскольку сами тоны — в отличие от ударения — могут быть разными. Так, имея пять тонов:

$$\acute{}, \grave{}, \bar{}, \hat{} \text{ и } \check{},$$

мы получаем 25 логически возможных схем для двухсложной формы и 125 — для трехсложной. Впрочем, бóльшая часть этих схем в действительности исключается из-за весьма строгих ограничений, обычно накладываемых на допустимые последовательности тонов в тональных языках. Кроме того, целый ряд тональных схем порой используется для лексической дифференциации — другими словами, некоторые тональные схемы служат частью сегментных означающих (в морфах); поэтому на роль грамматических показателей их уже остается гораздо меньше.

Таким образом, в языке с тонами число возможных супрафиксов сильно ограничено по сравнению с числом возможных морф. Следовательно, супрафиксы представляют собой гораздо менее распространенные морфологические знаки.

3. Супрафиксы *vs.* супрасегментные апофонии

Супрафиксы необходимо отличать от супрасегментных апофоний. Часто бывает так, что сама по себе просодическая схема p_1 не служит для выражения грамматического значения 's_1': значение 's_1' возникает, только когда p_1 замещает некоторую исходную схему p_2. Иначе говоря, форма с просодической схемой p_1 не обязательно выражает значение 's_1'; она начинает выражать это значение, только будучи образованной от другой формы, имевшей схему p_2. Так, в языке шиллук средний тон «¯» на последнем слоге у существительного не всегда обозначает множественное число (например, **wāt** 'дом' — это единственное число), но это значение возникает, если у исходной формы был высокий тон (например, **tīk** 'подбородки' — это множественное число, поскольку форма единственного числа — **tík**); см. далее, Глава IV, § 2, пример (20), с. 343. Так что в данном случае означающим является операция $p_2 \Longrightarrow p_1$, и мы имеем дело не с супрафиксом, а с супрасегментной апофонией.

В более сложном случае просодическая схема p_1 может всегда выражать одно и то же грамматическое значение 's_1', но при этом сама она в форме, полученной из другой исходной формы, замещает схему p_2, у которой конкретное значение отсутствует и которая просто внутренне присуща именно той другой исходной форме. Рассмотрим пример.

(2) нгбанди (Nida 1961: 63–64)

а.	агенс ед. числа	агенс мн. числа
'плавать'	*ŋgbò*	*ŋgbó*

'слышать'	*mā*	*má*
'сохранять'	*bàtà*	*bātá*
'читать'	*dík̀ò*	*dīkó*
'нести'	*jó*	*jó*
'пронзать'	*kōlò*	*kōló*

Очевидно, что множественное число агенса сигнализируется наличием высокого тона на последнем слоге глагольной словоформы. (Средний тон появляется на предшествующем слоге в двухсложных глаголах автоматически.) Можно было бы считать, что мы имеем здесь супрафикс множественного числа агенса:

$\mathbf{Supraf}_{\text{МН.АГЕНС}}$ = ⟨'агенс мн. ч.'; /$\acute{_}$/#; Σ = (применяется к) V, ...⟩

Однако это неверно по следующим причинам. Если принять высокий тон на последнем слоге в качестве показателя множественного числа агенса, возникает вопрос о том, что же является показателем единственного числа агенса. При агенсе единственного числа у глагола в нгбанди бывает семь различных тональных схем, причем по фонемному составу корня невозможно предсказать, какая из них окажется подходящей. Тональная схема при единственном числе агенса ЯВЛЯЕТСЯ ЧАСТЬЮ означающего основы, а не отдельным знаком, т. е. при единственном числе агенса тональная схема никоим образом не может считаться супрафиксом. Следовательно, показателем единственного числа агенса в личном глаголе языка нгбанди служит отсутствие изменения исконной (= словарной) тональной схемы. Поэтому для множественного числа мы имеем тональную апофонию следующего вида:

b. $\mathbf{A}^{\Rightarrow \acute{_} \#}_{\text{МН.АГЕНС}}$ = ⟨'агенс мн. ч.'; /$^{\text{X}}_$/# ⟹ /$\acute{_}$/#; $\Sigma_{\text{п}}$⟩,

где ^{X} означает 'какой угодно тон'.

Но тогда мы должны постулировать нулевую тональную апофонию для единственного числа:

c. $\mathbf{A}^{\Rightarrow}_{\text{ЕД.АГЕНС}}$ = ⟨'агенс ед. ч.'; /$^{\text{x}}_$/# ⟹ /$^{\text{x}}_$/#; $\Sigma_{\text{п}}$⟩.

(О нулевых апофониях см. далее, Глава IV, § 2, **4.2**, с. 345.)

Для некоторых тональных языков отмеченное различие оказывается очень важным.

Факты, представленные в (2a), можно, вообще говоря, описать и иным образом. Так, можно сказать, что в нгбанди значение 'ед. ч. агенса' кодируется в глагольной форме вместе с лексическим значением посредством одного ***кумулятивного*** знака: **ŋgbò** 'X [ед. ч.] плавает', **mā** 'X [ед. ч.] слышит' и т. п. Тогда все формы в левой колонке в (2) будут ***сильными мегаморфами*** (см. далее, раздел **B**, Глава VII, **3**, с. 409 и сл.), «покрывающими» синкретичным образом и корень, и морфему единственного числа. Такое решение похоже на трактовку английских знаков **foot** 'нога' или **man** 'человек' как мегаморф, в которые кумулятивно включена граммема 'единственное

число'. Однако для английского языка мы такую трактовку отвергаем: в составе сложных и производных основ эти знаки вовсе не предусматривают смысл 'единственное число'; так, *foot-board* 'подножка, ступенька' устроена для НОГ, а не для одной ноги, равно как и *foot-gear* 'обувь'; *foot-sore* значит 'со стертыми ногами', а вовсе не *'со стертой ногой'; ***n-footed*** выражает смысл 'имеющий *n* ног'; и т. п. По нашему мнению, значение единственного числа в английской словоформе — но не в морфе! — **foot** выражено ОТСУТСТВИЕМ изменения /u/ $\Longrightarrow$ /ī/, т. е. нулевой апофонией, противопоставленной ненулевой апофонии множественного числа.

Если считать глагольные словоформы нгбанди с агенсом в единственном числе мегаморфами, включающими в себя граммему единственного числа, тогда высокий тон на последнем слоге мог бы трактоваться как супрафикс, означаемое которого «зачеркивает» означаемое у того сегментного знака, к которому этот супрафикс прибавляется:

ŋgbó 'X [мн. ч.] плавает' = $\oplus$(**ŋgbò** 'X [ед. ч.] плавает', $\mathbf{Suprаf}_{\text{МН.АГЕНС}}$)

Но такое решение тоже неудовлетворительно, ибо данный супрафикс ни к чему не присоединяется, в строгом смысле этого слова: тональная схема множественного числа ЗАМЕЩАЕТ исходную тональную схему, характеризующую форму единственного числа. Это заставляет нас принять анализ Ю. Найды: данный случай трактуется как супрасегментная апофония (2b).

2. Типология супрафиксов

Вследствие немногочисленности супрафиксов построение их типологии не связано с особыми проблемами.

С точки зрения ОЗНАЧАЕМОГО мы различаем — в точности как для аффиксов — словоизменительные и словообразовательные супрафиксы.

С точки зрения ОЗНАЧАЮЩЕГО мы различаем акцентные и тональные супрафиксы.

Следовательно, логически возможны четыре класса супрафиксов. Однако словообразовательные супрафиксы нам неизвестны, причем непонятно, случайна ли эта лакуна или такие супрафиксы действительно не существуют. Как бы то ни было, в дальнейшем будут приводиться примеры только словоизменительных супрафиксов.

Пустые$_2$ супрафиксы невозможны по определению (см. выше, Глава I настоящей части, § 2, **1.3**, 4, с. 23, где мы указывали, что считаем допустимыми только пустые$_2$ МОРФЫ).

Что же касается нулевых супрафиксов, то их в принципе можно себе представить — но лишь при условии, что мы допускаем существование словоформ — полных, не клитик — БЕЗ ВСЯКОГО ударения или БЕЗ ВСЯКОГО тона. Нам неизвестно, бывают ли в тональных языках словоформы без тона (это

была бы, по-видимому, скорее всего, словоформа с ровным или с нейтральным тоном; а может, это и есть нулевой тон?). Что же касается языков с силовым ударением, то в них, похоже, возможен контраст между словоформами с ударением, т. е. такими, в которых есть слог, несущий ударение и этим отличный от остальных, и словоформами без ударения (в которых ни один слог не противопоставлен остальным). Примером языка такого рода является непальский. В этом языке некоторые типы словоформ вообще не несут ударения: таковы двухсложные слова либо с двумя долгими гласными, либо с двумя краткими гласными, но при этом с удвоенной согласной между ними. Эти словоформы отчетливо контрастируют со словоформами, несущими силовое ударение.

(3) непальский

pānī	'вода'	~ *paní*	'также'
jātī	'замечательный'	~ *já̰ti*	'народность, племя'
khālī	'пустой'	~ *khâli*	'только'
halla	'шум'	~ *dhunú*	'мыть'
khuṭṭa	'нога'	~ *ṭhuló*	'большой'

(Мы не знаем, является ли представленное здесь явление особо редким, или его можно обнаружить и в других языках.)

Тем не менее, даже в непальском значимое отсутствие ударения — это не супрафикс: оно образует часть лексического означающего и не выражает никакой граммемы. Гипотетически нулевым супрафиксом было бы, например, отсутствие ударения в такой словоформе, которая, вообще говоря, должна его иметь, причем такое отсутствие служило бы для выражения, скажем, множественного числа; в результате мы имели бы нечто вроде следующего (приведены воображаемые формы):

pará	'дом'	~ *para*	'дома'
tínvek	'камень'	~ *tinvek*	'камни'
skédani	'рыба'	~ *skedani*	'рыбы'

Здесь мы видим следующий супрафикс:

$\textbf{Suprаf}_{\textbf{МН}}$ = ⟨'мн. ч.'; /#_..._#/; Σ = (применяется к) N, ...⟩.

Тем не менее, нам не удалось найти реальные примеры нулевых супрафиксов. Возможно, это объясняется семиотической природой данного морфологического средства, которая вообще сильно ограничивает возможности его употребления.

Помимо этого, нам не удалось также найти таких примеров, которыми мы могли бы проиллюстрировать понятие АКЦЕНТНОГО словоизменительного супрафикса. ТОНАЛЬНЫЕ же словоизменительные супрафиксы, напротив, существуют, хотя и встречаются не слишком часто. Вот хороший пример.

(4) **a.** В языке нгбака имеется — наряду с другими — три следующих супрафикса (Thomas 1981):

$\textbf{Supraf}_{\textbf{ПЕРФ}}$ = ⟨'перфектив'; #¯_(¯)#/; Σ = (применяется к) V, ...⟩

$\textbf{Supraf}_{\textbf{ПЕРФ.ПРОШ}}$ = ⟨'перфектив в прошлом'; /#ˋ_(ˋ)#/; Σ = V, ...⟩

$\textbf{Supraf}_{\textbf{ИМПЕРФ}}$ = ⟨'имперфектив'; /#´_(´)#/; Σ = V, ...⟩

	перфектив	перфектив в прошлом	имперфектив
'размещать'	*ā*	*à*	*á*
'чистить'	*wā*	*wà*	*wá*
'возвращаться'	*kpōlō*	*kpòlò*	*kpóló*

b. В языке банда тоже имеется пять похожих супрафиксов (Cloarec-Heiss 1986):

$\textbf{Supraf}_{\textbf{ИМПЕРАТ}}$ = ⟨'императив'; /#¯_...#/; Σ = V, ...⟩

$\textbf{Supraf}_{\textbf{ПЕРФ}}$ = ⟨'перфектив'; /#´_...#/; Σ = V, ...⟩

$\textbf{Supraf}^{1}_{\textbf{ПЕРФ.ПРОШ}}$ = ⟨'перфектив в прошлом'; /#ˆ_#/; Σ = V, односложный, ...⟩

$\textbf{Supraf}^{2}_{\textbf{ПЕРФ.ПРОШ}}$ = ⟨'перфектив в прошлом'; /#´_ˋ_#/; Σ = V, двухсложный, ...⟩

$\textbf{Supraf}_{\textbf{ИМПЕРФ}}$ = ⟨'имперфектив'; /#ˋ_(ˋ)#/; Σ = V, ...⟩

	императив	перфектив	перфектив в прошлом	имперфектив
'прибывать'	*gū*	*gú*	*gû*	*gù*
'рвать, тошнить'	*nžā*	*nžá*	*nžâ*	*nžà*
'охранять'	*bātà*	*bátà*	*bátà*	*bàtà*

Чтобы пояснить некоторые существенные понятия, мы приведем теперь более сложный пример.

(5) В языке чатино (Nida 1961: 64–65) имеются глагольные парадигмы следующего вида:

	KU 'есть'	
	настоящее	будущее
1 ед	*kū́*	*kūtū́*
2 ед	*kú*	*kūtú*
3 ед	*ku*	*kūtu*
...	...	...
2 мн	*kūwā*	*kūtūwā*
...	...	...

[В этом примере «´» обозначает высокий тон, а низкий тон не обозначается; знаком «¯» обозначена долгота.]

Какие же элементарные морфологические знаки мы находим в словоформах языка чатино?

(i) Две корневых морфы:
ku = ⟨'есть'; /ku/; Σ = корень V, перех, перед #, ...⟩
и
kū = ⟨'есть'; /kū/; Σ = корень V, перех, **не** перед #, ...⟩,
причем вторая получается из первой применением пустого$_1$ чередования: удлинением конечной гласной морфы перед другой ненулевой морфой.

(ii) Два суффикса — показателя времени:
-∅$_{\text{НАСТ}}$ = ⟨'наст.'; /**Λ**/; Σ = суффикс V, ...⟩
и
-tu = ⟨'буд.'; /tu/; Σ = суффикс V, перед #, ...⟩;
для второго из них существует вариант с /ū/:
-tū = ⟨'буд.'; /tū/; Σ = суффикс V, **не** перед #, ...⟩,
получаемый в результате того же чередования удлинения, что и **kū**.

(iii) Один лично-числовой суффикс:
-wã = ⟨'2 мн'; /wã/; Σ = суффикс V, ...⟩

(iv) Сегментная апофония назализации, служащая для выражения граммемы '1 ед':
$\mathbf{A}_{\text{1ЕД}}^{\text{V}\Rightarrow\tilde{\text{V}}}$ = ⟨'1 ед'; /V/# $\Longrightarrow$ /$\tilde{\text{V}}$/#; Σ = в V, применяется к форме 2 ед, ...⟩

Как показывает этот пример, глагольная форма 1-го лица единственного числа представляет собой паразитическое образование (см. Глава II, § 1, **2.5**, с. 51–53): она строится на базе формы 2-го лица единственного числа (с высоким тоном). Таким образом, означаемое апофонии $\mathbf{A}_{\text{1 ЕД}}^{\text{V}\Rightarrow\tilde{\text{V}}}$ в языке чатино оказывается заместительным (= субститутивным).

(v) Наконец, имеются два лично-числовых супрафикса:

Supraf$_2$ ЕД = ⟨'2 ед'; /´/#; Σ = супрафикс V, ...⟩
[высокий тон на последнем слоге словоформы]

Supraf$_3$ ЕД = ⟨'3 ед'; /_/#; Σ = супрафикс V, ...⟩
[низкий тон на последнем слоге словоформы]

? 24
1. Убедитесь, что репертуар знаков, представленных в (i)–(v), позволяет получить все формы, приведенные в (5).
2. Пусть дан глагольный корень чатино **ta** 'давать'; постройте от этого корня все те же самые формы, что приведены в (5).

В заключение приведем еще одну систему супрафиксов — поразительной степени сложности.

(6) В языке чинантек (диалект Палантла) наблюдаются следующие супрафиксы, кумулятивно маркирующие аспект вместе с лицом и числом субъекта (Elson and Pickett 1962: 52):

a.

	Лицо и число грамматического субъекта			
	1 ед	1 мн	2 ед/мн	3 ед/мн
прогрессив	12	2	2	12
интентив	13	3	3	1
комплетив	1	3	3	1

Цифры в клетках обозначают тоны:
1 — высокий, 2 — восходящий, 3 — нисходящий.

b. Парадигма (частичная) глагола ?E 'обучать'

	прогрессив	интентив	комплетив	
1 ед	$?e^{12}$	$?e^{13}$	$ka^1 + ?e^{12}$	hni^2 'я'
2 ед / 2 мн	$?e^2 + ?$	$?e^3 + ?$	$ka^1 + ?e^3 + ?$	$?niw^2$ 'ты' / $?nia?^{12}$ 'вы'
3 ед/мн	$?e^{12}$	$?e^1$	$ka^1 + ?e^1$	za^2 'он/она/они'
1 мн инклюзивное / 1 мн эксклюзивное	$?e^2$	$?e^3$	$ka^1 + ?e^3$	$hniaw^3$ 'мы инкл.' / $hnie^3$ 'мы экскл.'

См. также супрафиксы глагольной временно́й удаленности в языке руанда в Части третьей [том 3], пример (2), с. 11.

3. Супрафиксема

Аналогично тому как было введено понятие морфемы, мы можем ввести понятия ***супрафиксемы*** и ***аллосупрафикса***.

Определение V.44: супрафиксема

Супрафиксемой (языка $\mathcal{L}$) называется множество всех таких супрафиксов (языка $\mathcal{L}$), означаемые которых тождественны и которые распределены согласно достаточно общим правилам, не обращающимся к контексту за пределами словоформы.

Обозначения

Произвольная супрафиксема обозначается с использованием фигурных скобок (= символа множества): {**Supraf**}. В случае конкретной супрафиксемы нижний индекс сокращенно обозначает выражаемую граммему: {$\textbf{Supraf}_{\textbf{МН}}$}, {$\textbf{Supraf}_{\textbf{ИМПЕР}}$} и т. п.

(7) В нгбака мы имеем

$$\{\mathbf{Supraf}_{\text{БЛИЖ.БУД}}\} = \mathbf{Supraf}^{1}_{\text{БЛИЖ.БУД}} \mid \text{односложный глагол}$$
$$= \mathbf{Supraf}^{2}_{\text{БЛИЖ.БУД}} \mid \text{многосложный глагол}$$

По аналогии с алломорфой легко определить также понятие ***аллосупрафикса***.

Определение V.45: аллосупрафикс

Всякий супрафикс **Supraf**, принадлежащий к супрафиксеме {**Supraf**}, называется *аллосупрафиксом* супрафиксемы {**Supraf**}.

Так, например, два супрафикса ближайшего будущего глагола нгбака в примере (7) представляют собой аллосупрафиксы супрафиксемы $\{\mathbf{Supraf}_{\text{БЛИЖ.БУД}}\}$.

4. Терминологическое уточнение: супрафикс *vs.* аффикс *vs.* морфа

Здесь мы должны сделать важную оговорку: термин *супрафикс* нельзя признать идеальным, поскольку его формальная структура — *супра-фикс* — навязывает параллелизм с *аффиксом*, тогда как на самом деле супрафикс в общей системе понятий находится на том же уровне, что и *морфа*. *Супрафиксема* же, тем самым, оказывается параллельной *морфеме*. Мы не вводили таких понятий, как *аффиксема*, *суффиксема*, *префиксема* и т. п., потому что можно сказать *аффиксальная* ⟨*суффиксальная*, *префиксальная*, ...⟩ *морфема* и т. п.; таким образом, эти термины нам просто не нужны (но, разумеется, они вполне возможны). В то же время *супрафиксему* заменить нам ничто не может: нельзя сказать, что это **супрасегментная морфема*!

Может показаться, что терминологически *супраморфа* более удобна, чем *супрафикс*. Такое словоупотребление сделало бы нашу терминологию более симметричной, поскольку тогда имела бы место следующая пропорция:

$$\frac{\text{морфа}}{\text{морфема}} = \frac{\text{супраморфа}}{\text{супраморфема}}$$

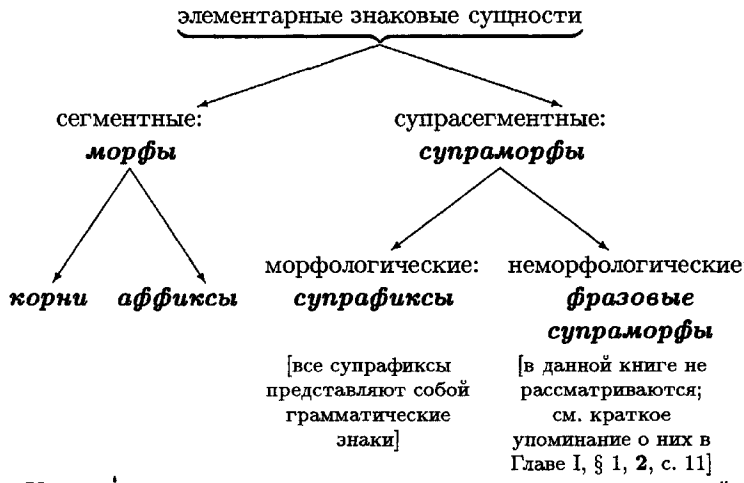
Однако у такого решения есть два недостатка:

• Мы лишились бы общего названия для того класса элементарных супрасегментных знаков, элементы которого мы сейчас как раз и называем *супраморфами*.

• В новом термине не был бы явно виден исключительно грамматический характер значений, выражаемых данными знаками; в силу этого характера компонент *-фикс* представляется в достаточной степени оправданным в составе нашего *супрафикса*.

Поэтому мы предпочли предлагаемую номенклатуру понятий, хотя и осознаем ее асимметричность. (Впрочем, эта асимметричность отражает, как нам кажется, некоторые объективные свойства естественных языков.) В окончательном виде наша классификация представлена на рис. V-7 ниже.

В ней хорошо становится видна двойственность «родства» супрафиксов: с одной стороны, они находятся на том же уровне, что и морфы, поскольку они представляют собой морфологические знаки, а с другой стороны, они сближаются с аффиксами в силу своей строго грамматической функции; именно эта двойственность и делает позицию супрафиксов внутри нашей терминологической системы столь асимметричной.

Классификация элементарных языковых знаков-сущностей
Рис. V-7

Резюме Главы III

Определяется ***супрафикс***, супрасегментный морфологический элементарный знак; выявляется его соотношение с супраморфой. Обсуждается ряд связанных с супрафиксом теоретических проблем, в частности разграничение «супрафикс *vs.* супрасегментная апофония».

ГЛАВА IV

МОДИФИКАЦИЯ$_2$

Третий класс морфологических элементарных знаков охватывает модификации$_2$: это знаки, означающим которых служит ***модификация$_1$*** (см. Определение III.3, Часть третья [том 3], Глава II, § 1, **1**, с. 42). Двумя главными подклассами модификаций$_1$ являются, как мы уже видели, ***повторы$_1$*** и ***чередования***. Соответственно, модификации$_2$ подразделяются на ***повторы$_2$*** и ***апофонии***, и каждому из этих двух подклассов посвящен отдельный параграф. Среди повторов$_2$ наиболее важный подкласс составляют редупликации$_2$, обнаруживающие чрезвычайное разнообразие. Таким образом, данная глава содержит два параграфа:

§ 1: Редупликация$_2$.

§ 2: Апофония.

§ 1
РЕДУПЛИКАЦИЯ$_2$

1. Понятие редупликации$_2$

Мы начнем с трех тривиальных определений, приводимых здесь исключительно ради полноты картины.

Определение V.46: повтор$_2$

Повтором$_2$ называется элементарный знак, означающим которого служит повтор$_1$.

Определение V.47: редупликация$_2$

Редупликацией$_2$ называется элементарный знак, означающим которого служит редупликация$_1$.

Определение V.48: трипликация$_2$

Трипликацией$_2$ называется элементарный знак, означающим которого служит трипликация$_1$.

Как уже говорилось (Часть третья [том 3], Глава II, § 1, **3**, с. 46), повторы с тремя, четырьмя, ... итерациями [квадрипликации$_2$, квинтипликации$_2$ и т. д.] практически не встречаются (если не считать несколько редких и сомнительных квадрипликаций$_2$). С учетом того, что даже трипликации$_2$ крайне редки, мы ограничимся систематическим обзором редупликаций$_2$ (добавив там, где это будет уместно, несколько отдельных примеров трипликаций$_2$).

Обозначения

Произвольную редупликацию$_2$ мы обозначаем символом **Red**, к которому для той или иной конкретной редупликации$_2$ присоединяется в виде нижнего индекса указание на выражаемое ею значение. Например, **Red**$_{\textbf{димин}}$ — это редупликация$_2$, выражающая диминутивность, и т. п.

2. Значения, выражаемые редупликациями$_2$

Следуя той же схеме описания, которую мы применяли для аффиксов и суперфиксов, по типу означаемого мы подразделяем редупликации$_2$ на две группы — словоизменительные и словообразовательные редупликации$_2$.

Что касается означающего редупликаций$_2$, т. е. их формальной стороны, то все возможные структурные типы редупликаций$_2$ и все тонкости их условной записи были разобраны в Части третьей [том 3], Глава II, § 2, с. 48 и сл.; следовательно, мы можем приводить здесь лишь формулы редупликаций$_2$ без дополнительных разъяснений.

NB: Напомним только, что фонемы в образе редупликации помечаются штрихом, так что, например, в редупликации:

$$/\mathrm{CVX}/ \Longrightarrow /\mathrm{C'a'} + \mathrm{CVX}/$$

образом редупликации является /C'a'/.

Грамматические значения, выражаемые редупликациями$_2$, обладают тремя важными свойствами (Moravcsik 1978: 316 *ff*):

1. Поскольку редупликация$_2$ представляет собой весьма ***иконический***[1] знак, выражаемые ею значения обнаруживают заметное постоянство в языках мира: редупликация$_2$, так сказать, отдает предпочтение некоторым значениям. Можно составить список таких значений, что мы и сделаем, см. ниже.

2. Значения, к которым особенно «благоволит» редупликация$_2$, могут быть подведены под общую рубрику «возрастание количества»; среди них мы находим такие значения, как 'множественность' (самых разных типов), 'повтор', 'длительность', 'интенсивность' и т. п. (Это свойство наиболее очевидным образом связано с иконическим характером редупликации$_2$.)

3. Зачастую редупликация$_2$ может выражать (причем в том же самом языке) противоположные значения, например:

– аугментатив и диминутив;

– мелиоратив (уважение, гипокористический характер, ...) и пейоратив;

– интенсив и аттенуатив (≈ 'легонько', 'слегка', 'с ленцой', ...).

Для иллюстрации этих общих свойств приведем представительный список СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫХ значений, или граммем, имеющих тенденцию выражаться посредством редупликации$_2$:

(i) 'множественное число' [у существительных] (язык папаго *bana* 'койот' ~ *baabana* 'койоты', *tini* 'рот' ~ *tiitini* 'рты', ...);

(ii) 'множественное число субъекта/объекта' [у глаголов] (самоанский *mate* 'он умирает' ~ *mamate* 'они умирают', *alofa* 'он любит' ~ *alolofa* 'они любят');

(iii) 'взаимный залог' [друг друга];

(iv) 'перфект';

(v) 'итератив';

(vi) 'дуратив';
(vii) 'абитуалис'.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ значения, или дериватемы, тяготеющие к тому, чтобы выражаться редупликацией$_2$, таковы (в порядке убывания тенденции выражаться редупликацией$_2$):

(i) 'интенсивность' ≈ 'очень', 'совершенно', 'полностью', ...;
(ii) 'повторение' ≈ 'неоднократно', 'снова', ...;
(iii) 'каждый';
(iv) 'весь', 'полностью';
(v) 'только' (чонталь, (12f), Часть третья [том 3], Глава II, § 2, **2.2**, с. 58);
(vi) 'аттенуатив' (суахили *maji* 'намокший' ~ *maji-maji* 'слегка смоченный');
(vii) 'похожий на ...', 'вроде ...';
(viii) 'уменьшительность' (≈ 'маленький и милый'; язык агта *wer* 'ручей' ~ *walawer* 'ручеек', *kwák* 'моя вещь/штуковина' ~ *kwalakwák* 'моя маленькая штучка');
(ix) 'дистрибутивность' (науатль, диалект Сьерра *se* 'один' ~ *sehse* 'по одному', *ome* 'два' ~ *omehome* 'по два', *eyi* 'три' ~ *eheyi* 'по три', ...);
(x) 'пейоративность/пренебрежительность' (американский английский *data-shmata* 'негодные, малоинтересные данные', *theory-shmeory* 'плохая, малоинтересная теория', *book-shmook* 'плохая, неинтересная книга');
(xi) 'использовать в соответствии с предназначением' (маршалльский язык *takin* 'носки' ~ *takinkin* 'носить носки', *wah* 'лодка' ~ *wahwah* 'плавать на лодке', *kagir* 'пояс, ремень' ~ *kagirgir* 'носить пояс, ремень');
(xii) 'язык [какого-л. народа]' (канури *yaravá* 'племя ярава' ~ *yarava-yaravá* 'язык племени ярава');
(xiii) 'житель [какой-л. местности]' (волоф *Saluum* [область в Сенегале] ~ *saluum-saluum* 'житель области Салуум', *Waalo* [область в Сенегале] ~ *waalo-waalo* 'житель области Ваало', *Jolof* /ǰolof/ [область в Сенегале] ~ *ǰolof-jolof* 'житель области Джолоф'. [Похоже, что эта редупликация применима только к названиям областей, населенных говорящими на языке волоф.]

Относительно значений, выражаемых редупликациями$_2$, существенно отметить, что они могут быть очень разными, даже внутри группы родственных языков. Возьмем, к примеру, микронезийские языки, в которых много редупликаций$_2$. Вот как выглядит, в общих чертах, то, что мы находим на эту тему (в глаголах):

• в кирибати посредством частичной левой редупликации$_2$ выражается прогрессив (аспект IV):

tang 'плакать' ~ *taatang* 'находиться в состоянии плакания'.

• В маршалльском формально аналогичная редупликация$_2$ работает как декаузативизатор; иначе говоря, она выражает состояние, которым было вызвано состояние, обозначенное исходным глаголом:

liw 'ругать, бранить' ~ *lliw* 'рассердиться'

(то, что 'X ругает Y', было вызвано тем, что 'X рассердился на Y').

• В кусаие похожая редупликация$_2$ является показателем итератива (аспекта II):

tuhlak 'встряхнуть' ~ *tuhtuhlak* 'встряхивать снова и снова'.

• В языке мокил полная точная трипликация$_2$ выражает континуатив (аспект III):

roar 'дрожать' ~ *roarroarroar* 'продолжать дрожать'.

• В языке пингелап при помощи частичной левой трипликации$_2$ выражается смысл 'все еще':

lait 'ловить рыбу' ~ *lailailait* 'все еще ловить рыбу'.

3. Примеры редупликаций$_2$

Мы сгруппируем примеры в два раздела: редупликации$_2$, выражающие словоизменительные значения, и редупликации$_2$, выражающие словообразовательные значения. (Образ редупликации, иллюстрируемой данным примером, выделен жирным шрифтом. Понятие «образ редупликации» вводится в Части третьей [том 3], Глава II, § 2, с. 48.)

Словоизменительные редупликации$_2$

Весьма интересная особенность словоизменительных редупликаций$_2$ состоит в том, что они никогда не выражают синтаксических словоизменительных категорий (см. Часть первая [том 1], Глава V, § 4, 2, с. 309 и сл.; Часть вторая [том 2], Глава III, с. 252 и сл.). Во всяком случае нам неизвестны примеры таких редупликаций$_2$, которые выражали бы падеж существительного, род прилагательного или лицо глагола.

(1) квилеут

$$\textbf{Red}_{\text{МУЛЬТ/ДИСТР}} = \langle \text{'мультипликатив/дистрибутив'}; \overbrace{/(\text{C})\text{VX}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /(\text{C}')\text{V}'/ + \mathbf{R};\ \Sigma = (\text{применяется к})\ \text{N}\ \textbf{или}\ \text{V}, \ldots \rangle$$

	нейтральная форма	мультипликатив/ дистрибутив	
'вождь'	*á?t'cit*	***á?á?t'cit***	'различные вожди, находящиеся в разных местах'
'кость'	*qāχ*	***qaqāχ***	'разные кости'
'негр'	*cīphók^{w}at'*	***cicīphók^{w}at'***	'негры'

'Я его/ее покидаю'.	*élāxali*	***é?elāxali***	'Я его/ее покидаю неоднократно'.
'Он приносит воду'.	*ōx^{w}al*	***ó?ox^{w}al***	'Он приносит воду неоднократно'.
'Он голоден'.	*k^{w}étsa?*	***k^{w}é́k^{w}tsa?***	'Он неоднократно бывает голоден'.

Замечания

1. В редуплицированных формах языка квилеут мы находим некоторые отклонения по сравнению с приведенной выше формулой редупликации$_2$. Так, в формах 1, 4 и 5 наблюдается не предусматриваемая в образе редупликации гортанная смычка /?/; это — автоматическая эпентеза в позиции между гласными. Форма 2 выглядит как *qaqāχ* вместо ожидаемого **qāqāχ* (сокращение первой гласной в образе редупликации); последняя форма — *k^{w}é́k^{w}tsa?*, а не **k^{w}é́k^{w}étsa?* (синкопа в редупликанде); и т. п. Эти «возмущения» возникают в результате применения морфонологических правил, которые воздействуют, в частности, и на редуплицированные формы; рассматривая редупликацию$_2$, мы не должны принимать их во внимание.

2. О квилеутском глагольном мультипликативе и субстантивном дистрибутиве см. Часть вторая [том 2], Глава II, § 3, 4–5, с. 93 и сл., примеры (6) и (11).

(2) дьирбал

$$\mathbf{Red_{ЭКСЦЕСС}} = \langle\text{'слишком'}; \overbrace{/C^1V^1C^2(C^3)V^2X/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^{1'}V^{1'}C^{2'}(C^{3'})V^{2'}/ + \mathbf{R};\ \Sigma = (\text{применяется к) V}, \ldots\rangle$$

'смеяться'	*miyanday*	~	***miya**miyanday*	'слишком много смеяться'
'ждать'	*miḏul*	~	***miḏu**miḏul*	'слишком долго ждать'
'красить'	*baŋgal*	~	***baŋga**baŋgal*	'положить слишком много краски'
'бить'	*balgal*	~	***balga**balgal*	'бить слишком жестоко'
'стать красиво разрисованным'	*gulgiṛibıl*	~	***gulgi**gulgiṛibıl*	'стать слишком разрисованным'

[о человеке]

(3) готский (V–VI вв.):

$$\mathbf{Red^1_{ПРЕТ}} = \langle\text{'претерит'}; \overbrace{/C^1(C^2)VX/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /(C^{1'})e'/ + \mathbf{R};\ \Sigma = (\text{применяется к) V}, C^1C^2 \neq /sC/, \ldots\rangle$$

$$\mathbf{Red^2_{ПРЕТ}} = \langle\text{'претерит'}; \overbrace{/sCVX/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /s'C'e'/ + \mathbf{R};\ \Sigma = (\text{применяется к) V}, \ldots\rangle$$

	инфинитив		претерит
'хватать'	*fāh*	(*-an*)	***faífāh*** /féfāh/
'хвастаться'	*hôp*	(*-an*)	***haíhôp***
'спать'	*slep*	(*-an*)	***saíslep***
'отрезать'	*mait*	(*-an*)	***maímait***
'отделять'	*skaid*	(*-an*)	***skaískaid*** */skésked/*
'увеличивать(ся)'	*auk*	(*-an*)	***aíauk***
'приобретать'	*ga+stald*	(*-an*)	*ga**staístald***
'отрицать'	*af+aik*	(*-an*)	*af**aíaik***

Замечания

1. Если у глагола имеется словообразовательный префикс, то образ редупликации ставится после него; сравните два последних глагола. (Это еще один пример на «словоизменение внутри словообразования».)

2. Продемонстрированная здесь редупликация$_2$ унаследована из индоевропейского праязыка; ее следы можно обнаружить во многих индоевропейских языках, где она используется для маркировки форм претерита или перфекта. Вот несколько примеров такого рода (в 1-м лице единственного числа индикатива):

(4) **a.** латинский

	презенс		перфект	
'ударять'	*tu+n+d*	(*-ō*)	***tu*** *+tud*	(*-ī*)
'колоть'	*pu+n+g*	(*-ō*)	***pu*** *+pug*	(*-ī*)
'падать'	*cad*	(*-ō*)	***ce*** *+cid*	(*-ī*)

b. древнегреческий

	презенс		перфект	
'питать, кормить'	*treph*	(*-ō*)	***te*** *+troph*	(*-a*)
'покидать'	*lip*	(*-ō*)	***le*** *+loip*	(*-a*)
'писать'	*graph*	(*-ō*)	***ge*** *+graph*	(*-a*)

c. санскрит

	презенс		перфект	
'колоть'	*tud*	(*-ami*)	***tu*** *+tud*	(*-a*)
'разбивать'	*bhid*	(*-ami*)	***ba*** *+bhed*	(*-a*)
'спрашивать'	*pracch*	(*-ami*)	***pa*** *+pracch*	(*-a*)

[*c* = /č/; *h* после согласной означает придыхательность]

d. древнеирландский

	презенс		перфект
'уходить'	*cing*	(*-u*)	***ce*** *+chang*

‘мыть’	*fo* + *nig*	(*-ú*)	*fo* + ***ne*** + *nag*
‘прыгать вперед’	*sceind*	(*-u*)	***se*** + *scand*

? 25 В примерах (4) наблюдаются некоторые формальные осложнения; отыщите их, опишите неформально, а затем дайте их строгую формулировку.

(5) бафиа

$$\mathbf{Red}^1_{\text{ДУР}} = \langle\text{‘дуратив’};\ +\overbrace{/\text{CVX}/}^{\mathbf{R}}+ \Longrightarrow /\text{C}'\text{V}'/ + \mathbf{R};$$
$$\Sigma = \text{V, не производный, } \mathbf{R} \neq \ldots/\text{C}_{+\text{носовой}}/, \ldots\rangle$$

$$\mathbf{Red}^2_{\text{ДУР}} = \langle\text{‘дуратив’}; \mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R} + \mathbf{R}';$$
$$\Sigma = \text{V, не производный, } \mathbf{R} = \ldots/\text{C}_{+\text{носовой}}/, \ldots\rangle$$

$$\mathbf{Red}^3_{\text{ДУР}} = \langle\text{‘дуратив’}; \mathbf{R} + \mathbf{Suf}_{\text{актуал}} \Longrightarrow \mathbf{R} + \mathbf{Suf}_{\text{актуал}} + \mathbf{R}';$$
$$\Sigma = \text{V, производный, декаузатив } \textbf{или} \text{ интенсив, в близком или ближайшем прошедшем } \textbf{или} \text{ в ближайшем будущем, } \ldots\rangle$$

$$\mathbf{Red}^4_{\text{ДУР}} = \langle\text{‘дуратив’}; \mathbf{R} + \mathbf{Suf}_{\text{актуал}} \Longrightarrow \mathbf{R} + \mathbf{Suf}_{\text{актуал}} + \mathbf{R}' + \mathbf{Suf}'_{\text{актуал}};$$
$$\Sigma = \text{V, производный, } \textbf{не} \text{ декаузатив } \textbf{и} \text{ не интенсив, в отдаленном будущем, } \ldots\rangle$$

	инфинитив	дуратив (3 ед индикатива)	
‘читать’	(*rì-*)*bàl*	(*á-*)***bà****bàl*	[настоящее]
‘охотиться’	(*rì-*)*nàb*	(*á-*)***nà****nàb*	[настоящее]
‘писать’	(*rì-*)*kàn*	(*á-*)***kàŋ****kàn*	[настоящее]
‘готовить [пищу]’	(*rì-*)*làm*	(*á-*)***lán****làm*	[настоящее]
‘разложить по разным местам’	(*rì-*)*fógì*	(*àá-*)***fog*** + ***ii*** + *fògì*	[ближайшее прошедшее]
‘собрать много разных вещей’	(*rì-*)*þàd* + *à?*	(*á* + *rì-*)***bád*** + ***aa*** + *bàd* + *aa* + *gæ*	[отдаленное будущее]

[Символы «´» и «`» обозначают, соответственно, высокий и низкий тон; средний тон не обозначается.]

Замечание. Синтактики приведенных выше редупликаций не полны; на самом деле следовало бы указывать гораздо больше разных условий их применения. Подробное описание спряжения в бафиа см. в Части шестой, Глава III.

Словообразовательные редупликации$_2$

(6) **а.** татарский

$$\mathbf{Red}_{\text{ИНТЕНС}} = \langle\text{‘совершенно’}; \#\overbrace{/(\text{C})\text{VX}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow \#/(\text{C}')\text{V}'\text{p}'/ + \mathbf{R};$$
$$\Sigma = \text{Adj, типа “интенс”}, \ldots\rangle$$

	исходное прилагательное 'X'	прилагательное, означающее 'совершенно/совсем X'
'белый'	*ak*	***ap-ak***
'горячий'	*esse*	***ep-esse***
'холодный'	*salkɨn*	***sap-salkɨn***
'молодой'	*jəs*	***jəp-jəs***
'маленький'	*bələkej*	***bəp-bələkej***
'большой'	*zur*	***zur-zur***
'одинаковый'	*tiŋ*	***tip-tiŋ***

Понятие 'совершенно', 'совсем', 'полностью' выражается в татарском прилагательном левой неточной частичной простой непрерывающей редупликацией$_1$ (согласная /p/ добавляется после редуплицированной части корня). Татарские прилагательные, допускающие образование интенсива при помощи редупликации$_1$, должны быть помечены в словаре (см. признак «интенсив» в синтактике редупликации$_2$ **Red**$_{\textbf{ИНТЕНС}}$), поскольку от некоторых прилагательных интенсив не образуется (*biek* 'высокий' ~ **bip-biek* или *matur* 'красивый' ~ **map-matur* и т. п.), причем не видно никаких семантических или фонологических регулярностей, которыми объяснялись бы наблюдаемые исключения.

b. Похожая редупликация$_2$ действует также в турецком:

	исходное прилагательное 'X'	прилагательное, означающее 'совершенно/совсем X'
'белый'	*beyaz*	***bem**beyaz*
'красный'	*kɨrmɨzɨ*	***kɨp**kɨrmɨzɨ*
'чистый'	*temiz*	***ter**temiz*
'новый'	*yeni*	***yep**yeni*

В отличие от татарской редупликации$_2$, в этой редупликации$_2$ согласная, прибавляемая к образу редупликации$_2$, может быть разной — *-m*, *-s*, *-r* или *-p*, и при этом (насколько мы можем судить) выбор ее почти или даже совершенно непредсказуем. К тому же турецкая редупликация$_2$ вообще малопродуктивна.

(7) В луисеньо имеется три типа глагольного словообразования$_1$ при помощи редупликаций$_2$, выражающих, соответственно, три разных типа интенсивности:

$$\textbf{Red}_{\textbf{ИНТ-ТОЧ}} = \langle\text{'интенсивно сразу, один объект'};\ \overbrace{/C^1VC^2X/}^{R} \Longrightarrow /C^1VC^{2\prime}C^2X/;\ \Sigma = V, \text{переходный}, \ldots\rangle$$

$\mathbf{Red}_{\text{ИНТ-ДИСТР-1}}$ = ⟨'тщательно, многие или все объекты';

$$\overbrace{/C^1VC^2X/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^{1\prime}V'C^{2\prime}V'C^{1\prime}/ + \mathbf{R}; \Sigma = V, \text{ переходный, } \ldots\rangle$$

$\mathbf{Red}_{\text{ИНТ-ДИСТР-2}}$ = ⟨'неистово или бессмысленно, многие или все объекты'; $\overbrace{/C^1VC^2X/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^{1\prime}V'C^{2\prime}V'/ + /C^1VC^{2\prime}C^2X/; \Sigma = V,$ переходный, ...⟩

naki	'закрывать'	~ ***nakki***	'с силой захлопнуть [одну дверь]'
		nakan*naki*	'тщательно позатворять [все двери]'
		naka*nakki*	'бессмысленно позакрывать [все двери]'
čari?	'разрывать'	~ ***čarri?***	'одним рывком разодрать [одну вещь]'
		čarač*čari?*	'тщательно поразрывать [все вещи]'
		čarač*arri?*	'бессмысленно понаразрывать [все вещи]'
čuŋi	'поцеловать'	~ ***čuŋŋi***	'запечатлеть страстный поцелуй'
		čuŋuč*čuŋi*	'перецеловать всех'
		čuŋuč*uŋŋi*	'неистово перецеловать всех'

Представленные в (7) факты языка луисеньо могут быть описаны иначе. А именно — здесь можно усматривать всего одну словоизменительную редупликацию$_2$:

$\mathbf{Red}_{\text{МНОЖ.ОБ}}$ = ⟨'многие или все объекты'; $\overbrace{/C^1VC^2X/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^1V'C^2V'/ + \mathbf{R}; \Sigma = V$, переходный, ...⟩,

к которой надо добавить три апофонии удлинения согласных: удлинение второй согласной корня означало бы тогда 'резко/с силой/сразу', удлинение третьей согласной в редуплицированной основе означало бы 'тщательно', а четвертой — 'неистово или бессмысленно'.

1. Сформулируйте, пользуясь стандартной записью, это альтернативное описание.
2. Как сделать мотивированный выбор между этими двумя логически возможными описаниями?

(8) волоф

$\mathbf{Red}^1_{\text{ИНТЕНС}}$ = ⟨'интенсивно, энергично'; $\mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R}' + \mathbf{R}$; $\Sigma = V$, **не** обозначает свойство, ...⟩

$\mathbf{Red}^2_{\text{ИНТЕНС}}$ = ⟨'интенсивно, энергично'; $\mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R}'/a/' + \mathbf{R}$; $\Sigma = V$, обозначает свойство, ...⟩

gesëm /gesəm/	'спасать'	~ ***gesëm**-gesëm*	'спасать энергично'
fete	'тереть'	~ ***fete**-fete*	'тереть энергично'
nëlew	'спать'	~ ***nëlew**-nëlew*	'крепко спать'
rey /rej/	'убивать'	~ ***rey**-rey*	'устроить побоище, поубивать всех'
rafet	'быть красивым'	~ ***rafeta**-rafet*	'быть очень красивым'
farlu	'спешить'	~ ***farloo**-farlu*	'очень сильно спешить' [*oo* ⇐ *u* + *a*]
ñul	'быть черным'	~ ***ñula**-ñul*	'быть очень черным'
rëy /rəj/	'быть большим'	~ ***rëya**-rëy*	'быть очень большим'

Редупликации$_2$, приведенные в примере (8), могут применяться не ко всем глаголам; так, носители языка отвергают формы вроде **dawdaw* от DAW 'бежать' или **xõxaxõx* от XÕX 'быть красным'. По-видимому, здесь действуют словарные ограничения.

(9) В грузинском языке имеется редупликация$_2$ у прилагательных и наречий, выражающая дистрибутивность (Gil 1988):

a. $\mathbf{Red}_{\text{ДИСТР}} = \langle$'каждый ...'; $\mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R'} + \mathbf{R}$; Σ = Adj качественное/NUM, ...$\rangle$

b. *mzim* + *e* *čant* + *eb* + *i*
тяжелый ЕД.НОМ чемодан МН НОМ
'тяжелые чемоданы'
vs.
***mzim**mzim* + *e* *čant* + *eb* + *i*
тяжелый-тяжелый ЕД.НОМ чемодан МН НОМ
'чемоданы, каждый из которых тяжелый'

lamaz + *i* *gogo* + *eb* + *i*
красивый ЕД.НОМ девушка МН НОМ
'красивые девушки'
vs.
***lamaz**lamaz* + *i* *gogo* + *eb* + *i*
красивый-красивый ЕД.НОМ девушка МН НОМ
'девушки, каждая из которых красивая'

c.
Or +*ma* *kac'* +*∅* +*ma* *sam* +*i* *čanta* +*∅* +*∅* *c'aiγo*
два ЭРГ человек ЕД ЭРГ три НОМ чемодан ЕД НОМ несли
'Два человека несли три чемодана'.
vs.

Or +*ma* *kac'* +*ø* +*ma* ***samsam***+*i* *čanta* +*ø* +*ø* *c'aiγo*
два ЭРГ человек ЕД ЭРГ три-три НОМ чемодан ЕД НОМ несли
'Два человека несли по три чемодана каждый'.
vs.
Oror +*ma* *kac'* +*ø* +*ma* ***samsam***+*i* *čanta* +*ø* +*ø* *c'aiγo*
два-два ЭРГ человек ЕД ЭРГ три-три НОМ чемодан ЕД НОМ несли
'Группы из двух человек несли множества из трех чемоданов каждая'.

Замечание

Укажем три факта из грамматики грузинского языка, нужные для анализа этого примера: в грузинском определяющее прилагательное согласуется с определяемым существительным в падеже (частично!), но не согласуется в числе; существительное, определяемое числительным, всегда стоит в единственном числе; глагол в аористе всегда употребляется в ***эргативной конструкции***: подлежащее в такой конструкции имеет форму эргатива, а прямое дополнение — форму номинатива.

В Части третьей ([том 3], Глава II, § 2, 1, с. 49–50) мы уже указывали, что редупликация$_2$ может применяться, вообще говоря, не только к корням, но и к аффиксам; приведем и такие примеры.

(10) волоф

$$\mathbf{Red}^{3}_{\mathbf{ИНТЕНС}} = \langle \text{'интенсивно, энергично'}; \mathbf{Suf} \Longrightarrow \mathbf{Suf} + \mathbf{Suf'}; \mathbf{\Sigma} = \mathrm{V}, \ldots \rangle$$

dog 'резать' ~ *dogaat* 'разрезать' ~ *dogaat**aat*** 'разрезать на мелкие кусочки'
wax 'говорить' ~ *waxaat* 'повторять' ~ *waxaat**aat*** 'повторять по многу раз'
rey 'убивать' ~ *reyaat* 'снова убивать' ~ *reyaat**aat*** 'снова и снова убивать'
dox 'шагать, идти' ~ *doxaat* 'снова идти' ~ *doxaat**aat*** 'снова и снова идти'
[*-aat* = 'еще раз', *-aataat* = 'еще много раз']

(11) венгерский

$$\mathbf{Red}_{\mathbf{ОККАЗ}} = \langle \text{'время от времени'}; \mathbf{Pref} \Longrightarrow \mathbf{Pref'} + \mathbf{Pref}; \Sigma = \mathrm{V}, \ldots \rangle$$

el +*men* 'пойти [куда-л.]' ~ ***el-el***+*men* 'ходить [куда-л.] время от времени'
bele+*néz* 'заглянуть внутрь' ~ ***bele-bele***+*néz* 'заглядывать внутрь время от времени'

Vissza-visszanéztem a Kárpátokra 'Время от времени я оглядывался на Карпаты' [*vissza*+*néz* = 'смотреть назад, оглядываться'].
Meg-meghusangolt ő istenesen 'Время от времени он меня здорово дубасил' [*meg*+*husangol* = 'поколотить, вздуть'].

Редупликации$_2$, рассматривавшиеся до сих пор, не меняют часть речи корня, к которому они применяются. Теперь мы дадим несколько примеров повторов$_2$, приводящих к синтаксической трансляции, т. е. повторов$_2$, превращающих V в N, N в Adj и т. п.

Рассмотрим сначала словообразовательную трипликацию$_2$ языка цельталь, с помощью которой от глаголов образуются звукоподражательные существительные со значением 'звук [чего-л.]'. (Тем самым мы дадим пример такого достаточно редкого явления, как трипликация$_2$; мы будем обозначать ее **Tripl**.)

(12) цельталь

$$\mathbf{Tripl}^1_{\mathbf{ЗВУК}} = \langle \text{'звук [чего-л.]', V} \Longrightarrow \text{N};\ \overbrace{/\mathrm{C}^1\mathrm{V}_{[-\text{губной}]}\mathrm{C}^2/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow \mathbf{R}'/\mathrm{u}/' + \mathbf{R}'/\mathrm{u}/' + \mathbf{R}; \mathbf{\Sigma} = \mathrm{V}, \ldots \rangle$$

$$\mathbf{Tripl}^2_{\mathbf{ЗВУК}} = \langle \text{'звук [чего-л.]', V} \Longrightarrow \text{N};\ \overbrace{/\mathrm{C}^1\mathrm{V}_{[+\text{губной}]}\mathrm{C}^2/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow \mathbf{R}'/\mathrm{i}/' + \mathbf{R}'/\mathrm{i}/' + \mathbf{R}; \mathbf{\Sigma} = \mathrm{V}, \ldots \rangle$$

čin	'играть на гитаре'	~ ***činučinučin***	'звуки гитары'
b'ah	'приколачивать молотком'	~ ***b'ahub'ahu**b'ah*	'стук молотка'
t'os	'щелкать пальцами'	~ ***t'osit'osit'os***	'щелкание пальцев'
puh	'бить себя в грудь'	~ ***puhipuhipuh***	'звуки ударов кулаками в грудь'

В языке не-персе имеется редупликация$_2$, позволяющая образовывать прилагательные — названия цветов от существительных:

(13) не-персе

$$\mathbf{Red}_{\mathbf{ЦВЕТ}} = \langle \text{'имеющий цвет, как у \ldots', N} \Longrightarrow \text{Adj}; \mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R}' + \mathbf{R}; \Sigma = \text{N, обозначает физический объект, \ldots} \rangle$$

kus	'вода'	~ ***kuskus***	'цвета воды' = 'синий'
maqs	'желчь'	~ ***maqsmaqs***	'цвета желчи' = 'желтый'
ʕilp	'кожная сыпь'	~ ***ʕilpʕilp***	'цвета кожной сыпи' = 'красный'

Вот еще один пример чисто синтаксического словообразования$_1$ с помощью редупликации: образование имени действия (или номинализация глаголов) в эве.

(14) эве

$$\mathbf{Red}_{\mathbf{N(V)}} = \langle \text{'V} \Longrightarrow \text{N'}; \overbrace{/\mathrm{C}^1(\mathrm{C}^2)\mathrm{V}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /\mathrm{C}^{1\prime}\mathrm{V}'/ + \mathbf{R}; \Sigma = \mathrm{V}, \ldots \rangle$$

$$\mathbf{Red}_{\mathbf{N(V)}} = \langle \text{'V} \Longrightarrow \text{N'}; \overbrace{/\mathrm{CjV}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /\mathrm{C}'\mathrm{j}'\mathrm{V}'/ + \mathbf{R}; \Sigma = \mathrm{V}, \ldots \rangle$$

zɔ	‘идти’	~ ***zɔzɔ***	‘ходьба’
ɸle	‘покупать’	~ ***ɸeɸle***	‘покупка’
fo	‘бить’	~ ***fofo***	‘битье’
$k^p lo$	‘вести, направлять’	~ $\boldsymbol{k^p ok^p lo}$	‘руководство’
ɲra	‘сердиться’	~ ***ɲaɲra***	‘гнев’
si	‘сбежать, убежать’	~ ***sisi***	‘побег, бегство’
$g^b lɔ$	‘говорить, сказать’	~ $\boldsymbol{g^b ɔg^b lɔ}$	‘говорение, слова’
fja	‘учить’	~ ***fjafja***	‘обучение’ [**fafja*!]
bja	‘спрашивать’	~ ***bjabja***	‘спрашивание, вопрос’

[Диграммы g^b и k^p обозначают каждая одну согласную фонему — лабио-велярную аффрикату, звонкую и глухую, соответственно.]

Напомним (Часть третья [том 3], Глава II, § 2, **3**, с. 60), что редупликация$_2$, передающая значение ‘σ’, не может сопровождать аффикс, несущий тот же смысл: если некоторая дериватема уже выражена тем или иным аффиксом, то наблюдаемая при этом редупликация$_1$ является пустой$_1$. Так, в языке волоф мы имеем:

(15) волоф

jang /ǰang/	‘обучать’	~ *jang-janglu*	‘притворяться, что обучаешь’
dof	‘быть сумасшедшим’	~ *dof-doflu*	‘притворяться сумасшедшим’
ligey	‘работать’	~ *ligey-ligeylu*	‘притворяться работающим’
febër	‘быть больным’	~ *febër-febërlu*	‘притворяться больным’
de	‘умереть’	~ *de-delu*	‘притворяться мертвым’
tubab	‘белый [человек]’	~ *tubab-tubablu*	‘копировать белых, подражать белым’
buur	‘царь’	~ *buur-buurlu*	‘вести себя по-царски’

Суффикс **-lu** выражает дериватему ‘притворяться/делать вид, что ...’; повтор корня, обязательный при этом **-lu**, представляет собой всего лишь пустую$_1$ редупликацию$_1$.

Другие примеры пустых$_1$ редупликаций$_1$, сопровождающих некоторый суффикс, можно найти в Части второй [том 2], Глава II, § 3, **4**, (9), с. 94 (хопи), и в Части третьей [том 3], Глава I, **5**, (12), с. 25 (алюторский), а также Глава II, § 2, **3**, (15) (не-персе) и (16) (цельталь), с. 60.

В заключение этого раздела приведем французскую словообразовательную редупликацию$_2$, о которой уже шла речь ранее (Часть третья [том 3], Глава II, § 2, **2**, (6), с. 53–54):

(16) французский (Morin 1972)

$$\textbf{Red}_{\textbf{дим}} = \langle \text{‘диминутив’};\ \overbrace{/\text{CVX}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /\text{C'V'}/ + \mathbf{R};\ \Sigma = \text{N } \textbf{или } \text{Adj}, \ldots \rangle$$

исходное существительное			уменьшительное существительное	
bouche	‘рот’	~	***bou**bouche*	‘ротик’
balle	‘мяч’	~	***ba**balle*	‘мячик’
chien	‘собака’	~	***chien**chien*	‘собачка’
père	‘отец’	~	***pé**père*	‘папочка’
chou [*mon chou*	‘душенька’]	~	***chou**chou*	‘милок, душенька’
fille	‘дочь’	~	***fi**fille*	‘дочка, доченька’
jouet	‘игрушка’	~	***jou**jou*	‘игрушечка’
voiture	‘машина’	~	***tu**ture*	‘машинка’

исходное прилагательное			уменьшительное прилагательное
bête	‘глупый’	~	***bé**bête*
crasseux	‘грязный, засаленный’	~	***cra**cra*
con	‘идиотский’ [м. р.]	~	***con**con*
conne	‘идиотская’ [ж. р.]	~	***co**conne*
fou	‘сумасшедший’ [м. р.]	~	***fou**fou*
folle	‘сумасшедшая’ [ж. р.]	~	***fo**folle*
sot /so/	‘глупый’ [м. р.]	~	***so**sot* /soso/
sotte /sɔt/	‘глупая’ [ж. р.]	~	***so**sotte* /sɔsɔt/

исходное имя (собственное)	уменьшительное имя (собственное)
Adèle	***Dé**dèle*
Adolphe	***Do**dolphe*
Annette	***Né**nette*
Bernadette	***Dé**dette*
Émile	***Mi**mile*
Eugène	***Gé**gène*
Georges	***Jo**jo*
Martin	***Tin**tin*
Paul	***Po**paul*
Thierry	***Ri**ri*
Victor	***To**tor*

Замечания

1. Как это всегда бывает в естественных языках, французские уменьшительные заключают в себе целую гамму смысловых нюансов — от фамильярности и нежности до пренебрежения и презрения.

2. В основах, состоящих из двух слогов, диминутивная редупликация$_2$ автоматически влечет за собой усечение слога: *voiture* $\Longrightarrow$ '*ture* $\overset{\textbf{Red}}{\Longrightarrow}$ *tuture*, *crasseux* $\Longrightarrow$ *cra*' $\overset{\textbf{Red}}{\Longrightarrow}$ *cracra*, *Adèle* $\Longrightarrow$ '*dèle* $\overset{\textbf{Red}}{\Longrightarrow}$ *Dédèle*, и т. д. Остается сформулировать правила, по которым осуществляется это усечение (иногда усекается первый слог, а иногда — второй).

3. Заметим, что в прилагательных диминутивная редупликация$_2$ ПРОИСХОДИТ ПОСЛЕ образования формы женского рода: /kɔ̃/ ~ /kɔ̃kɔ̃/, но /kɔn/ ~ /kɔkɔn/ ⟨*/kɔ̃kɔn/⟩; это еще один пример словообразования, следующего за словоизменением.

4. Редупликация$_2$ собственных имен характерна для разговорной речи — прежде всего для ситуации непринужденного общения. В этом регистре она, похоже, весьма продуктивна, хотя все же и не достигает абсолютной продуктивности. Следовательно, в ее синтактику в принципе должны быть введены определенные ограничения.

Очень интересный случай двойной (или повторной) редупликации$_2$ мы находим в салишских языках (северо-западное побережье США; Broselow 1983).

(17) В языке лушутсид имеется четыре редупликации$_2$, две из которых выражают диминутивность, а две другие — дистрибутивность (≈ распределенную множественность):

а. $\textbf{Red}^1_{\textbf{ДИМ}}$ = ⟨'диминутив'; $\overbrace{/\text{CX}/}^{\textbf{R}} \Longrightarrow /\text{C}'\text{i}'/ + \textbf{R}$; Σ = V **или** N, типа "дим-Ci", ...⟩

$\textbf{Red}^2_{\textbf{ДИМ}}$ = ⟨'диминутив'; $\overbrace{/\text{CVX}/}^{\textbf{R}} \Longrightarrow /\text{C}'\text{V}'/ + \textbf{R}$; Σ = V **или** N, типа "дим-CV", ...⟩

$\textbf{Red}^1_{\textbf{ДИСТР}}$ = ⟨'дистрибутив'; $\overbrace{/\text{C}^1\text{VC}^2\text{X}/}^{\textbf{R}} \Longrightarrow /\text{C}^{1\prime}\text{V}'\text{C}^{2\prime}/ + \textbf{R}$; Σ = V **или** N, ...⟩

$\textbf{Red}^2_{\textbf{ДИСТР}}$ = ⟨'дистрибутив'; $/\text{C}'\text{V}'/ + \textbf{R} \Longrightarrow /\text{C}'\text{V}'\text{C}'\text{V}'/ + \textbf{R}$; Σ = V **или** N, /C'V'/ представляет собой образ диминутивной редупликации$_2$, ...⟩

Две диминутивные редупликации$_2$ (являющиеся словообразовательными) распределены лексически: при основах в словаре должно быть помечено, какой тип редупликации$_2$ принимает каждая конкретная основа. Две дистри-

бутивные редупликации$_2$ (являющиеся словоизменительными) распределены в зависимости от структуры той формы, к которой они применяются.

Любопытная особенность рассматриваемых редупликаций$_2$ состоит в том, что к одному и тому же корню могут применяться одновременно две разные редупликации$_2$ — диминутивная и дистрибутивная, и притом в произвольном порядке:

b.

	исходная основа	диминутив	дистрибутив	диминутив-дистрибутив	дистрибутив-диминутив
'ребенок'	*bədáʔ*	***bíbə**daʔ*	***bəd**bədáʔ*	***bíbəd**bəda**ʔ***	***bíbi**bəda**ʔ***
'сидеть'	*g^{w}ədíl*	***g^{w}íg^{w}**ədil*	***g^{w}əg^{w}**ədíl*	***g^{w}íg^{w}əd**g^{w}ədil*	***g^{w}íg^{w}ig^{w}**ədil*
'камень'	*čˈlˈáʔ*	***čˈíčˈ**lˈaʔ*	***čˈlˈ**čˈlˈáʔ*	***čˈíčˈlˈ**čˈlˈaʔ*	***čˈíčˈičˈ**lˈáʔ*

Иногда диминутивно-дистрибутивное и дистрибутивно-диминутивное образования могут иметь разные значения, причем у образований первого типа наблюдается тенденция к некоторой специализации значений (?/27 почему?): так, например, *bíbədbəda?* будет значить, скорее, 'приплод/помет [у самки]' или 'куклы', тогда как *bíbibəda?* будет значить просто 'маленькие дети'. В других случаях эти две формы обнаруживают полную синонимичность.

(18) В языке томпсон (очень близком к языку лушутсид) дело обстоит удивительным образом иначе:

$$\textbf{Red}_{\textbf{ДИМ}} = \langle \text{'диминутив'};\ \overbrace{/\mathrm{YC\acute{V}X}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /\mathrm{YC'\acute{V}'CVX}/;\ \Sigma = \mathrm{V}\ \textbf{или}\ \mathrm{N}, \ldots\rangle$$

Ударная гласная корня и предшествующая ей согласная редуплицируются для выражения диминутива.

$$\textbf{Red}_{\textbf{ДИСТР}} = \langle \text{'дистрибутив'};\ \overbrace{/\mathrm{C^1VC^2X}/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /\mathrm{C^{1\prime}V'C^{2\prime}}/ + (\mathrm{Y'}+)\mathbf{R};\ \Sigma = \mathrm{V}\ \textbf{или}\ \mathrm{N},\ \mathrm{Y'}\ \text{представляет собой образ диминутивной редупликации}_2, \ldots\rangle$$

Здесь образ дистрибутивной редупликации$_2$ линейно всегда предшествует в словоформе образу диминутивной редупликации$_2$:

	исходная основа	диминутив	дистрибутив	дистрибутив-диминутив
'голова'	*qˈúmqən*	***qˈóqˈ**umqən*	***qˈəmqˈ**úmqən*	***qˈəmqˈóqˈ**umqən*
'корова'	*s+tˈomállˈ*	*s+tˈo**má**mallˈ*	*s+**tˈom**tˈomállˈ*	*s+**tˈom**tˈo**má**mallˈ*

[s- представляет собой субстантивирующий префикс, не имеющий отношения к нашему обсуждению].

4. Особые подклассы редупликаций$_2$

4.1. Пустые$_2$ редупликации$_2$? Пустые$_2$ редупликации$_2$ невозможны по определению: редупликация$_2$, у которой означаемое пусто, неотличима от пустой$_1$ редупликации$_1$, которая есть «техническая» операция, лишенная всякого значения, и потому сама не является знаком, а всего лишь сопровождает другие знаки, синтактика которых требует ее присутствия. (Примеры пустых$_1$ редупликаций$_1$ см. в Части третьей [том 3], Глава II, § 2, **3**, с. 60.)

4.2. Нулевые редупликации$_2$. Проблема нулевых редупликаций$_2$ до сих пор всерьез не рассматривалась; теоретически такие редупликации$_2$ в принципе могут существовать.

Определение V.49: нулевая редупликация$_2$

> Редупликация$_2$ называется *нулевой*, если ее означающее представляет собой нулевую редупликацию$_1$ [т. е. фактическое отсутствие редупликации$_1$].

Очевидно, что нулевая редупликация$_2$ может быть постулирована только при наличии оппозиции с ненулевой редупликацией$_2$, выражающей некоторую граммему. Возьмем, для примера, ситуацию с образованием множественного числа существительных в индонезийском:

(19) индонезийский [= (9), Часть третья [том 3], Глава II, § 2, **2.2**, с. 56]

a.	ед. ч.	мн. ч.
'книга'	*kitab*	*kitab-kitab*
'ребенок'	*anak*	*anak-anak*
'остров'	*pulau*	*pulau-pulau*

Множественное число передается здесь очевидной редупликацией$_2$; но что же является показателем единственного числа? Поскольку числовые аффиксы в индонезийском не засвидетельствованы, постулирование нулевого суффикса или префикса было бы неоправданным. Подходящим решением в этой ситуации нам представляется введение нулевой редупликации$_2$:

b. $\mathbf{Red}_{\text{ЕД}} = \langle$'ед. ч.'; $\mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R}$; $\Sigma = \text{N}, \ldots\rangle$

Другими словами, единственное число существительного выражается в индонезийском ОТСУТСТВИЕМ редупликации$_2$.

Похожие случаи встречаются довольно часто, когда редупликация$_2$ задействована в словоизменении.

5. Редупликационема

В соответствии с общим определением ***-эмы*** (= семейство знаков одного и того же класса, имеющих тождественное означаемое и распределенных по достаточно общим контекстным правилам; см. выше, Глава II настоящей части, § 4, **6.1**, с. 251) нам несложно определить *редупликационему*.

Определение V.50: редупликационема

Редупликационема — это множество всех редупликаций$_2$, означаемые которых тождественны и которые распределены в соответствии с достаточно общими правилами, не упоминающими контекст за пределами словоформы.

Обозначения

Как и в случае всякой другой -эмы, мы записываем редупликационемы при помощи фигурных скобок: $\{\mathbf{Red}_{\text{ДИСТР}}\}$, $\{\mathbf{Red}_{\text{ИТЕР}}\}$, $\{\mathbf{Red}_{\text{ЕД}}\}$ и т. п.

Пример

(20) В языке бафиа редупликационема $\{\mathbf{Red}_{\text{ДУР}}\}$ содержит четыре уже упоминавшиеся ранее редупликации$_2$ (см. выше пример (5), с. 316):

$$\{\mathbf{Red}_{\text{ДУР}}\} = \left\{ \begin{matrix} \mathbf{Red}^1_{\text{ДУР}} \\ \mathbf{Red}^2_{\text{ДУР}} \\ \mathbf{Red}^3_{\text{ДУР}} \\ \mathbf{Red}^4_{\text{ДУР}} \end{matrix} \right\};$$

условия выбора между этими редупликациями$_2$ сформулированы в синтактике каждой из них.

Аллоредупликация$_2$ может быть определена тривиальным образом (по аналогии с алломорфами и аллосупрафиксами), но мы не будем здесь этого делать, поскольку практической потребности в этом термине нет.

Примечание

[1] (**2**, с. 311) Знак называется *иконическим*, если его означающее не совсем произвольно, а своей формой или своей физической структурой напоминает его означаемое (Часть третья [том 3], Глава I, 4, с. 19–20). Так, изображение батонов и булочек в качестве вывески булочной на 100% иконично. Возвращаясь к естественному языку, мы находим иконические языковые элементы прежде всего в области звукоподражаний: хотя они во всяком языке непредсказуемы (так, например, по-русски утка крякает *кряк-кряк* /krʹakkrʹak/, а

по-французски — *coin-coin* /kwẽkwẽ/!), тем не менее они обнаруживают хотя бы относительное сходство с теми звуками, которые они называют. Вот еще один пример, где сходство не так очевидно: основы французских глаголов 2-го спряжения (на *-ir*) физически длиннее — на одну фонему — в формах множественного числа (настоящего времени индикатива), чем в формах единственного числа:

je /fini + /∅ 'я заканчиваю' ~ *nous* /finis + 5/ 'мы заканчиваем'
tu /fini + /∅ 'ты заканчиваешь' ~ *vous* /finis + e/ 'вы заканчиваете'
il /fini + /∅ 'он заканчивает' ~ *ils* /finis + /∅ 'они заканчивают'

Можно сказать, что фонемное увеличение основы иконически выражает множественное число, которое тоже есть своего рода увеличение (этот факт был отмечен Р. Якобсоном: Jakobson 1971 [1965]: 352). В русском языке кумулятивные падежно-числовые суффиксы в большинстве падежей длиннее в формах множественного числа, чем в формах единственного числа (мы приводим здесь суффиксы для существительных мужского рода 2-го склонения типа ОТЕЦ):

	ед. ч.	мн. ч.
ИМ	- [нулевой суффикс ∅]	**ы**
РОД	**а**	**ов**
ДАТ	**у**	**ам**
ВИН	**а**	**ов**
ТВОР	**ом**	**ами**
ПРЕДЛ	**е**	**ах**

В этом тоже видно проявление иконического характера языковых знаков.

Редупликации$_2$, у которых означающее — это повторение, могут весьма иконически выражать такие смыслы, как 'неоднократно', 'много' и т. п.

Другим термином, часто используемым в литературе для выражения смысла 'иконический', является термин *символический*.

Библиографические указания

В последнее время редупликация$_2$ стала в лингвистике очень модной темой. Наряду со многими другими, мы могли бы рекомендовать удачную обзорно-обобщающую работу Moravcsik 1978, глубокое теоретическое исследование Marantz 1982, а также обзор Broselow and McCarthy 1984 (с богатой библиографией). См. еще Алиева 1991.

§ 2
АПОФОНИЯ

1. Понятие апофонии

В некоторых английских глаголах, называемых *сильными глаголами*, прошедшее время маркируется чередованием гласной в основе (это так называемый аблаут, см. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, с. 74–75: *I* ***begin*** 'я начинаю' ~ *I* ***began*** 'я начал', *I* ***eat*** /īt/ 'я ем' ~ *I* ***ate*** /e^{i}t/ 'я ел', *I* ***fall*** 'я падаю' ~ *I* ***fell*** 'я упал' и т. п. В некоторых албанских существительных показателем множественного числа служит чередование конечной согласной основы (чередование палатализации, там же, с. 69): ***zog*** 'птица' ~ ***zogj*** /zod′/ 'птицы', ***mik*** 'друг' ~ ***miq*** /mit′/ 'друзья', ***lepur*** 'заяц' ~ ***lepuj*** 'зайцы' и т. п. Таковы типичные примеры, из которых мы будем исходить, определяя понятие апофонии.

Определение V.51: апофония

Апофония — это элементарный знак, означающим которого является чередование.

Обозначения

Произвольная апофония обозначается символом **А** — тем же символом, который мы использовали в случае чередования, но обязательно снабженным нижним индексом, указывающим на его означаемое: например, $\mathbf{А}_{\textbf{ПРОШ}}$ (приведенный выше английский пример), $\mathbf{А}_{\textbf{МН}}$ (албанский пример) и т. п. Чтобы различать между собой апофонии с одинаковым означаемым, мы прибегаем к верхним индексам, указывающим на соответствующее означающее, т. е. на работающие здесь чередования: $\mathbf{А}_{\textbf{МН}}^{\text{g⇒d′}}$, $\mathbf{А}_{\textbf{МН}}^{\text{k⇒t′}}$, $\mathbf{А}_{\textbf{МН}}^{\text{r⇒j}}$.

В диахронической лингвистике и особенно в работах по сравнительной грамматике индоевропейских языков термин используется в гораздо более узком смысле: его применяют конкретно к чередованию гласных *е* ~ *о* ~ $_0$ [нуль] в основах, когда оно обусловлено грамматическим типом данной словоформы, т. е. связано с ее морфологическим означаемым. Например, вокализм *е* соответствует настоящему времени, вокализм *о* — итеративу

или отглагольному существительному, а вокализм $_0$ — аористу[1]. Мы позволили себе трактовать содержание этого термина обобщенно, распространив его на все чередования, которые являются (морфологически) значимыми. (Другим распространенным термином для чередований подобного типа является *аблаут*, но он применяется обычно только к чередованию гласных.)

2. Типология апофоний

Классификация апофоний производится по следующим трем измерениям:
– сегментный/супрасегментный характер;
– словоизменительный/словообразовательный характер;
– формальный тип данного чередования.

По этим рубрикам будут сгруппированы и иллюстрации; но прежде, чем перейти к примерам, нам надо будет добавить к самим рубрикам некоторые уточнения.

1. Сегментный/супрасегментный характер (некоторой апофонии)

Определения V.52 и V.53: сегментная/супрасегментная апофония

Апофония называется *сегментной/супрасегментной*, если ее означающее представляет собой сегментное/супрасегментное чередование.

Сегментная апофония предполагает, таким образом, преобразование фонемной цепочки, составляющей означающее (или часть означающего) некоторой морфы; супрасегментная апофония связана с преобразованием просодического комплекса, являющегося частью означающего некоторой морфы.

2. Значения, выражаемые апофониями

Мы начнем, как и раньше, со словоизменительных значений. Приведем сначала список словоизменительных категорий, граммемы которых довольно часто выражаются апофониями:

– *в существительном*
  (i) число;
  (ii) падеж;
  (iii) детерминация;
– *в глаголе*
  (iv) аспекты I–V;
  (v) время;
  (vi) лицо;
  (vii) число.

Легко видеть, что апофонии используются для выражения всех основных граммем, т. е. всех важнейших словоизменительных категорий существительного и глагола. Среди словоизменительных категорий глагола апофониями никогда не выражается залог — или просто подобные случаи нам не попались. Равным образом, нам не встретилось ни одного примера словоизменительных апофоний в прилагательном.

Дериватемы, выражаемые апофониями, не особенно многочисленны; нам известны следующие:

(i) интенсивность;
(ii) диминутивность;
(iii) гипокористичность;
(iv) каузатив;
(v) декларатив;
(vi) отглагольное имя существительное;
(vii) имя собственное.

3. Формальные разновидности апофоний

В случае сегментных апофоний три типа чередований могут служить их означающими:

– замещение;
– усечение;
– метатеза.

Четвертый тип — наращение — в качестве означающего апофонии логически невозможен. В самом деле, если добавляемая при наращении цепочка фонем является носителем какого-то смысла, то она попросту представляет собой сегментное означающее, так что соответствующий ей знак оказывается морфой.

Наиболее типичным означающим апофонии является чередование замещения; апофонии, означающим которых служит усечение или метатеза, весьма редки.

Супрасегментные апофонии подразделяются, естественно, на акцентные апофонии и тональные апофонии.

Приводимые ниже примеры располагаются в соответствии с намеченными подразделениями.

3. Примеры апофоний

3.1. Сегментные апофонии

1. Словоизменительные апофонии

Мы представляем здесь словоизменительные апофонии в том же порядке, в каком приводились чередования (Часть третья [том 3], Глава II, § 3, с. 69

и сл.): сначала замещения, затем усечения и, наконец, метатезы. В пределах каждого из этих основных классов мы все время будем следовать тому же порядку, что и в случае чередований.

Апофонии-замещения

Палатализации

(1) румынский

a. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{k}\Rightarrow\check{\text{c}}'} = \langle$'мн. ч.'; /k/+ $\Longrightarrow$ /č′/+; Σ = N, ...$\rangle$

	ед. ч.		мн. ч.	
'дерево'	*copac*	/kopák/	*copaci*	/kopáč′/
'рак'	*rac*	/rák/	*raci*	/ráč′/

b. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{t}\Rightarrow\text{c}'} = \langle$'мн. ч.'; /t/+ $\Longrightarrow$ /c′/+; Σ = N, ...$\rangle$

	ед. ч.		мн. ч.	
'мужчина'	*bărbat*	/bərbát/	*bărbaţi*	/bərbác′/
'течение'	*curent*	/kurént/	*curenţi*	/kurénc′/

c. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{p}\Rightarrow\text{p}'} = \langle$'мн. ч.'; /p/+ $\Longrightarrow$ /p′/+; Σ = N, ...$\rangle$

	ед. ч.		мн. ч.	
'волк'	*lup*	/lúp/	*lupi*	/lúp′/
'тополь'	*plop*	/plóp/	*plopi*	/plóp′/

Эти палатализации-плюрализаторы не исчерпывают всех плюрализующих палатализаций в румынском языке: имеются и другие (/z/ $\Longrightarrow$ /ž′/, /d/ $\Longrightarrow$ /z′/, /l/ $\Longrightarrow$ /j/ и т. п.), которые мы здесь не рассматриваем; ср. Часть первая [том 1], Глава III, § 3, **2**, (4), с. 150, и § 4, (3), с. 153.

(2) ирландский

a. $\mathbf{A}_{\text{ЕД.РОД}}^{\text{k}\Rightarrow\text{k}'} = \langle$'ед. ч., генитив'; /k/+ $\Longrightarrow$ /k′/+; Σ = N, ...$\rangle$

	номинатив		генитив	
'сын'	*mac*	/mák/	*mic*	/m′ík′/
'холм'	*cnoc*	/knók/	*cnoic*	/kník′/
'банк'	*banc*	/bánk/	*bainc*	/bán′k′/

b. $\mathbf{A}_{\text{ЕД.РОД}}^{\text{r}\Rightarrow\text{r}'} = \langle$'ед. ч., генитив'; /r/+ $\Longrightarrow$ /r′/+; Σ = N, ...$\rangle$

	номинатив		генитив	
'мужчина'	*fear*	/f′ár/	*fir*	/f′ír′/
'книга'	*leabhar*	/l′óur/	*leabhair*	/l′óur′/
'дорога'	*bóthar*	/bṓhər/	*bóthair*	/bṓhər′/

Точно так же как и для выражения множественного числа в румынском, в ирландском для выражения генитива в единственном числе используются значащие палатализации.

NB: Обратите внимание на сложность ирландской орфографии, в которой *i* и *e* обозначают палатализацию предшествующей или последующей согласной.

? 28 В формах ирландского генитива можно заметить дополнительные фонемные изменения — результаты применения пустых$_1$ чередований, автоматически сопровождающих апофонии-палатализации. Сформулируйте эти чередования.

Умлаут

(3) английский

a. $\mathbf{A}^{\bar{u}\Rightarrow\bar{\imath}}_{\text{МН}}$ = ⟨'мн. ч.'; /ū/ $\Longrightarrow$ /ī/; Σ = N, типа "апоф", ...⟩[2]

	ед. ч.	мн. ч.
'зуб'	*tooth*	*teeth*
'гусь'	*goose*	*geese*

b. $\mathbf{A}^{u\Rightarrow\bar{\imath}}_{\text{МН}}$ = ⟨'мн. ч.'; /u/ $\Longrightarrow$ /ī/; Σ = N, типа "апоф", ...⟩

'нога'	*foot*	*feet*

c. $\mathbf{A}^{a^u\Rightarrow a^i}_{\text{МН}}$ = ⟨'мн. ч.'; /a^u/ $\Longrightarrow$ /a^i/; Σ = N, типа "апоф", ...⟩

'мышь'	*mouse*	*mice*
'вошь'	*louse*	*lice*

Апофонии-умлауты, представленные в (3), в английском языке действуют чрезвычайно ограниченно: они применимы всего лишь к нескольким указанным здесь существительным.

Аблаут

(4) немецкий

a. $\mathbf{A}^{\bar{e}\Rightarrow\bar{a}}_{\text{ИМПФ}}$ = ⟨'имперфект'; /ē/ $\Longrightarrow$ /ā/; **Σ** = V, типа "апоф", ...⟩

	презенс (3 мн)	имперфект (3 мн)
'видеть'	*seh* (-*en*)	*sah* (-*en*) /zē ~ zā/
'брать'	*nehm* (-*en*)	*nahm* (-*en*) /nēm ~ nām/

b. $\mathbf{A}^{i\Rightarrow a}_{\text{ИМПФ}}$ = ⟨'имперфект'; /i/ $\Longrightarrow$ /a/; **Σ** = V, типа "апоф", ...⟩

'прыгать'	*spring*(-*en*)	*sprang*(-*en*)
'петь'	*sing* (-*en*)	*sang* (-*en*)

c. $\mathbf{A}^{\bar{a}\Rightarrow\bar{u}}_{\text{ИМПФ}}$ = ⟨'имперфект'; /ā/ $\Longrightarrow$ /ū/; **Σ** = V, типа "апоф", ...⟩

'ехать'	*fahr* (-*en*)	*fuhr* (-*en*)
'мыть, стирать'	*wasch*(-*en*)	*wusch* (-*en*)

d. $\mathbf{A}^{\bar{\imath}\Rightarrow\bar{o}}_{\text{ИМПФ}}$ = ⟨'имперфект'; /ī/ $\Longrightarrow$ /ō/; **Σ** = V, типа "апоф", ...⟩

'стрелять'	*schieß*(-*en*)	*schoß* (-*en*)
'нюхать'	*riech* (-*en*)	*roch* (-*en*)

Этот тип аблаута в немецком довольно распространен: ему подвержены около 200 так называемых «сильных» глаголов.

Если немецкий аблаут служит для выражения грамматического времени (в данном случае — имперфекта), то аблаут, наблюдаемый в нахских языках

(чеченском, ингушском и бацбийском), служит для выражения противопоставления аспектов I:

'семельфактив [= точечность, завершенность]' ~
'мультипликатив [= повторяемость, абитуальность]'

В даргинском, напротив, аблаут выражает противопоставление аспектов V:

'имперфектив' ~ 'перфектив'

(5) **a.** чеченский [глаголы приводятся в императиве]

$\mathbf{A}^{a\Rightarrow e}_{\text{МУЛЬТ}}$ = ⟨'мультипликатив'; /a/ $\Longrightarrow$ /e/; $\mathbf{\Sigma}$ = V, типа $A^{a\Rightarrow e}$, ...⟩

	'однократно'	'многократно'
'прятаться'	*lačq*(*-a*)	*lečq* (*-a*)
'гнать'	*lall* (*-a*)	*lell* (*-a*)
'качаться'	*taχk*(*-a*)	*teχk* (*-a*)
'скользить'	*šarš*(*-a*)	*šerš* (*-a*)

$\mathbf{A}^{a\Rightarrow ij}_{\text{МУЛЬТ}}$ = ⟨'мультипликатив'; /a/ $\Longrightarrow$ /ij/; $\mathbf{\Sigma}$ = V, типа $A^{a\Rightarrow ij}$, ...⟩

'пить'	*mal* (*-a*)	*mijl* (*-a*)
'бросать, метать'	*tas* (*-a*)	*tijs* (*-a*)

$\mathbf{A}^{a\Rightarrow je}_{\text{МУЛЬТ}}$ = ⟨'мультипликатив'; /a/ $\Longrightarrow$ /je/; $\mathbf{\Sigma}$ = V, типа $A^{a\Rightarrow je}$, ...⟩

'хватать'	*lac* (*-a*)	*ljec* (*-a*)
'считать'	*lar* (*-a*)	*ljer* (*-a*)
'смотреть'	*ħaž* (*-a*)	*ħjež* (*-a*)
'ласкать'	*ħast*(*-a*)	*ħjest*(*-a*)

Чеченские глаголы, у которых нет в корне гласной /a/ (или /ā/ — примеры такого типа мы здесь не приводили), аспектуальных пар не образуют[3].

b. даргинский [глаголы приводятся в инфинитиве]

$\mathbf{A}^{a/e\Rightarrow u}_{\text{ИМПЕРФ}}$ = ⟨'имперфектив'; $\left\{\begin{matrix}/a/\\/e/\end{matrix}\right\} \Longrightarrow$ /u/; $\mathbf{\Sigma}$ = V, типа $A^{a/e\Rightarrow u}$, ...⟩

	перфектив	имперфектив
'полететь'	*ars* (*-es*)	*urs* (*-es*)
'умереть'	*bebk'*(*-es*)	*bubk'*(*-es*)

$\mathbf{A}^{a/e/u\Rightarrow i}_{\text{ИМПЕРФ}}$ = ⟨'имперфектив'; $\left\{\begin{matrix}/a/\\/e/\\/u/\end{matrix}\right\} \Longrightarrow$ /i/; Σ = V, типа $A^{a/e/u\Longrightarrow i}$, ...⟩

	перфектив	имперфектив
'открыть'	*abç* (*-es*)	*ibç* (*-es*)
'разрушить'	*beq*^{h}(*-es*)	*biq*^{h}(*-es*)
'отнести'	*bux* (*-es*)	*bix* (*-es*)

Удлинение/сокращение

(6) саамский

a. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\bar{\text{C}}\Rightarrow\text{C}} = \langle$‘мн. ч.’; /$\bar{\text{C}}$/+ $\Longrightarrow$ /C/+; Σ = N, типа $\text{A}^{\bar{\text{C}}\Rightarrow\text{C}}, \ldots\rangle$

	ед. ч.	мн. ч.
‘дым’	***suvv***	***suv***
‘имя’	***nemm***	***nem***
‘огонь’	***murr***	***mur***

Сокращение конечной согласной в основе существительного для маркировки множественного числа является анти-иконическим; возможно, в силу именно этой причины подобные апофонии представляют довольно большую редкость.

b. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{C}\Rightarrow\bar{\text{C}}} = \langle$‘мн. ч.’; /C/+ $\Longrightarrow$ /$\bar{\text{C}}$/+; Σ = N, типа $\text{A}^{\text{C}\Rightarrow\bar{\text{C}}}, \ldots\rangle$

	ед. ч.	мн. ч.
‘волос’	***vuppt***	***vuptt***
‘лицо’	***kassv***	***kasvv***

Апофония (6b), т. е. удлинение конечной согласной для маркировки множественного числа, напротив, весьма иконична. При этом наблюдается любопытное осложнение этой апофонии: если предшествующая согласная, в свою очередь, является долгой, она автоматически сокращается.

Слияние

(7) французский

a. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{al}\Rightarrow\text{o}} = \langle$‘мн. ч.’; /al/# $\Longrightarrow$ /o/#; Σ = N, муж, типа “апоф”, $\ldots\rangle$

	единственное число	множественное число
‘лошадь’	*chev**al*** /ʃəval/	*chev**aux*** /ʃəvo/
‘канал’	*can**al*** /kanal/	*can**aux*** /kano/
‘идеал’	*idé**al*** /ideal/	*idé**aux*** /ideo/

Ср., однако, *chacal* ‘шакал’ ~ *chacals* ⟨**chacaux*⟩, *bal* ‘бал’ ~ *bals* ⟨**baux*⟩, *festival* ‘фестиваль’ ~ *festivals* ⟨**festivaux*⟩ и т. п.: именно поэтому в синтактике существительных должен быть специальный признак, указывающий на то, что данное существительное подвергается этой апофонии («типа “апоф”»; какой именно апофонии — указывать не надо: ср. примечание 2, с. 348).

b. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{aj}\Rightarrow\text{o}} = \langle$‘мн. ч.’; /aj/# $\Longrightarrow$ /o/#; Σ = N, муж, типа “апоф”, $\ldots\rangle$

	единственное число	множественное число
‘работа’	*trav**ail*** /travaj/	*trav**aux*** /travo/
‘коралл’	*cor**ail*** /kɔraj/	*cor**aux*** /kɔro/
‘аренда’	***bail*** /baj/	***baux*** /bo/

Как и в случае существительных на *-al*, бывают такие существительные на *-ail*, которые этой апофонии не подвергаются:

éventail 'веер' ~ *éventails* ⟨**éventaux*⟩, *chandail* 'свитер' ~ *chandails* ⟨**chandaux*⟩, *détail* 'деталь' ~ *détails* ⟨**détaux*⟩ и т. п. По этой причине в синтактике тех существительных на *-ail*, которые действительно ей подвергаются, должен иметься соответствующий признак («типа "апоф"»).

Апофонии-усечения

Весьма редкий случай значащего словоизменительного усечения мы находим в языке уичоль, где комплетивный аспект V глагола выражается стиранием последнего слога в форме инкомплетивного аспекта V (Elson and Pickett 1962: 49).

(8) уичоль

$\mathbf{A}^{\text{Syl}\#\Rightarrow\Lambda}_{\textbf{КОМПЛ}} = \langle$'комплетив'; /CV/# $\Longrightarrow$ /**Λ**/#; Σ = V, ...$\rangle$

*nepizei**ya*** 'Я его видел' ~ *nepizei* 'Я его увидел (в последний раз)'.

*pïtiunei**ka*** 'Он танцевал' ~ *pïtiunei* 'Он станцевал (в последний раз)'.

Усекаемый слог выделен жирным шрифтом; он является частью означающего основы (ведь его никак невозможно предсказать по остальной части означающего) и никоим образом не может считаться показателем инкомплетива. (Инкомплетив выражается отсутствием усечения, т. е., согласно нашей терминологии, нулевым усечением. Ср. аналогичный случай в языке такелма, Часть вторая [том 2], Глава II, § 2, **3**, (11), с. 63.)

Значащее усечение в высшей степени анти-иконично (как и саамское сокращение во множественном числе); это как бы «отрицательный» знак, который, прибавляясь к некоторому другому знаку, фактически приводит к вычитанию из него некоторой части (либо в означаемом, либо, как здесь, в означающем). Строго говоря, *отрицательный, или *вычитательный, языковой знак логически невозможен. Однако знаки, у которых является отрицательным либо только означаемое, либо только означающее, хотя и довольно редки, но все-таки существуют и заслуживают отдельного рассмотрения: см. ниже, Глава VI, **2.3**, с. 375 и сл.

Апофонии-метатезы

(9) ротума (Thompson and Thompson 1969; Besnier 1987)

а. $\mathbf{A}^{\text{CV}\Rightarrow\text{VC}}_{\textbf{ИНКОМПЛ}} = \langle$'инкомплетив'; /CV/# $\Longrightarrow$ /VC/#; $\boldsymbol{\Sigma}$ = V, ...$\rangle$

	комплетивный аспект	инкомплетивный аспект	
'принимать решение, направлять'	*pur**e***	*pu**er***	
'тянуть'	*fu**t**i*	*f**ü**t*	⟸ *fu**i**t*
'подметать'	*tɔ**f**i*	*t**œ**f*	⟸ *tɔ**i**f*

b. $\mathbf{A}^{\text{CV}\Rightarrow\text{VC}}_{\textbf{НЕОПР}} = \langle$‘неопр’; /CV/# $\Longrightarrow$ /VC/#; Σ = N, …$\rangle$

	определенное	неопределенное
‘цветок’	*hos**a***	*hw**as*** $\Longleftarrow$ *hoas*
‘стул’	*ti**k**o*	*tj**ok*** $\Longleftarrow$ *tiok*
‘человек’	*famo**ri***	*famör* $\Longleftarrow$ *famo**ir***
‘циновка’	*?e**p**a*	*?e**ap***
‘крыса’	*pi**ž**a*	*pj**až***

Замечания

1. В некоторых случаях инкомплетив глагола и неопределенная форма существительного образуются следующим образом:

‘катить(ся)’	*tokiri*	*tokir*
‘прыгать’	*hoto*	*hot*
‘сказка’	*hanužu*	*hanuž*
‘кровь’	*toto*	*tot*

Обычно эти примеры трактуются как усечения, однако нам кажется, что это тоже метатезы с автоматическим стяжением возникающей в результате метатезы двойной гласной: *tokiri* ~ *tokiir* $\Longrightarrow$ *tokir* (в ротума не бывает двойных или долгих гласных).

2. Специалисты подчеркивают, что для австронезийских языков, к которым относится ротума, метатеза весьма типична.

(10) В языке клаллам актуальный аспект IV (соответствующий, грубо говоря, так называемой прогрессивной форме в английском) выражается в одном из классов глаголов метатезой корневой гласной и следующей за ней согласной (Thompson and Thompson 1969):

a. $\mathbf{A}^{\text{VC}\Rightarrow\text{CV}}_{\textbf{АКТУАЛ}} = \langle$‘актуально’; /VC^1(C^2)/+ $\Longrightarrow$ /C^{1}V(C^2)/+; Σ = V, типа $n_1, \ldots\rangle$

[Все примеры приводятся с агентивным суффиксом **-t**, означающим ‘агенс контролирует ситуацию’.]

	аспект	
	неактуальный [неопределенный]	актуальный
‘стрелять’	*č**u**k*^{w} + *t*	*č**k**^{w}**u*** + *t*
‘скрести’	*χ**i**č*^{ʿ} + *t*	*χ**č**^{ʿ}**i*** + *t*
‘связывать, привязывать’	*q*^{ʿ}*i**χ**^{w}* + *t*	*q*^{ʿ}*χ**^{w}**i*** + *t*
‘рвать’	*č**ə**χ* + *t*	*č**χ**ə* + *t*
‘замачивать в воде’	*m**ə**tq*^{w} + *t*	*mt**ə**q*^{w} + *t*

Интересно, что в языке клаллам эта апофония метатезы применяется также и к производным корням, образованным, например, при помощи суффикса **-i** 'континуатив':

b. 'хватать' $l'ək^w \sim l'ək^w + i \Longrightarrow l'k^w + í(\text{-}t)$ 'держать'
'держать, неактуально' $l'k^w + ít \sim l'k^w tí$ 'держать, актуально'

(11) В сванском языке метатеза выражает каузатив:
$\mathbf{A}^{\text{CV}\Rightarrow\text{VC}}_{\textbf{КАУЗ}} = \langle$'каузатив'; /VC/# $\Longrightarrow$ /CV/#; Σ = V, неперех, ... $\rangle$
[Примеры ниже приводятся в форме отглагольного имени действия, называемого ***масдаром*** и сравнимого по своей синтаксической роли с инфинитивом.]

'гаснуть'	*li*+*deg*	*li*+*dge*	'гасить'
'разбиться'	*li*+*k'wes'*	*li*+*k'ws'e*	'разбить'
'гнить'	*li*+*kwer*	*li*+*kwre*	'гноить'
'приходить'	*li*+*qed*	*li*+*qde*	'приводить'
'возвращаться'	*li*+*t'ex*	*li*+*t'xe*	'возвращать'
'пачкаться'	*li*+*geb*	*li*+*gbe*	'пачкать'

2. Словообразовательные апофонии

Апофонии-замещения

Удлинение

(12) арабский

a.

$\mathbf{A}^{\text{C}\Rightarrow\bar{\text{C}}}_{\textbf{ИНТЕНС}} = \langle$'интенсивно'; /$\text{C}^2$/ $\Longrightarrow$ /$\bar{\text{C}}^2$/; $\boldsymbol{\Sigma}$ = V, перех, n_1, ... $\rangle$

[Через /C^2/ мы обозначаем вторую согласную корня.]

'разбил'	*kasara*	~ *kassara*	'разбил на мелкие кусочки'
'разрезал'	*qaṭaʕa*	~ *qaṭṭaʕa*	'разрезал на мелкие кусочки'
'ударил'	*ḍaraba*	~ *ḍarraba*	'ударил со всего размаху'
'ранил'	*ǯaraħa*	~ *ǯarraħa*	'изранил всего'

b.

$\mathbf{A}^{\text{C}\Rightarrow\bar{\text{C}}}_{\textbf{КАУЗ}} = \langle$'каузировать ...'; /$\text{C}^2$/ $\Longrightarrow$ /$\bar{\text{C}}^2$/; $\boldsymbol{\Sigma}$ = V, неперех, n_2, ... $\rangle$

'был чистым'	*naðufa*	~ *naððafa*	'отчистил'
'был горячим'	*saxuna*	~ *saxxana*	'согрел'
'был красивым'	*ħasuna*	~ *ħassana*	'украсил'

[У большинства арабских глаголов в прошедшем времени выступает трансфикс **-a-a-**; однако у некоторых непереходных глаголов, обозначающих свойства, показателем прошедшего времени служит трансфикс **-a-u-**, который мы и видим в последних трех примерах.]

‘освободился’	*falata*	~ *fallata*	‘освободил’
‘убежал’	*haraba*	~ *harraba*	‘обратил в бегство’
‘спал’	*nāma* [⟸ *nawama*]	~ *nawwama*	‘усыпил’
‘замерз, заледенел’	*ǯamada*	~ *ǯammada*	‘заморозил’

с. $\mathbf{A}^{\mathrm{C}\Longrightarrow\bar{\mathrm{C}}}_{\textbf{ДЕКЛАР}} = \langle$‘заявить, что ...’; $/\mathrm{C}^2/ \Longrightarrow /\bar{\mathrm{C}}^2/$; $\mathbf{\Sigma} = \mathrm{V}, n_3, \ldots\rangle$

‘сказал правду’	*ṣadaqa*	~ *ṣaddaqa*	‘объявил что-л. истинным’
‘солгал’	*kaðaba*	~ *kaððaba*	‘объявил что-л. ложным’
‘был глупым’	*saxufa*	~ *saxxafa*	‘объявил что-л. глупым’
‘запретил’	*harama*	~ *harrama*	‘объявил что-л. запрещенным’

Факты арабского языка описаны здесь весьма приблизительно; в частности, следовало бы еще выделить разные подмножества глагольных основ в зависимости от того, какую именно дериватему выражает в них удлинение второй корневой согласной. Иначе получается, что одно и то же чередование, будучи применено к трем разным типам глаголов, выражает три разные дериватемы, но для каждого конкретного глагола остается неясным, какая именно из трех при нем выражается. (Ср. пример (17), Часть вторая [том 2], Глава II, § 3, с. 100.)

(13) верхний чехалис

$\mathbf{A}^{\mathrm{V}\Rightarrow\bar{\mathrm{V}}}_{\textbf{ДИМИН}} = \langle$‘маленький/легонько’; $/\mathrm{V}/ \Longrightarrow /\bar{\mathrm{V}}/$; $\mathbf{\Sigma} = /\mathrm{V}/ \in \mathbf{R}, \ldots\rangle$

‘мужчина’	*s̥l̥tamš*	~ *s̥l̥tāmš*	‘мальчик’
‘кошка’	*pešpš*	~ *pēšpš*	‘котенок’
‘ударить’	*təp̥l̥*	~ *tāp̥l̥*	‘ударить легонько’

(14) баскский

$\mathrm{A}^{\mathrm{C}\Rightarrow\mathrm{C}'}_{\textbf{ДИМИН}} = \langle$‘диминутив’; $/\mathrm{C}\left[\begin{smallmatrix}\text{+зубной}\\ \text{−палатализованный}\end{smallmatrix}\right]/ \Longrightarrow /\mathrm{C}\left[\begin{smallmatrix}\text{+зубной}\\ \text{+палатализованный}\end{smallmatrix}\right]/$; $\Sigma = /\mathrm{C}/\in \mathrm{R}, \ldots\rangle$

‘маленький’	*tipi*		~ *ttipi*	/t′ipi/	‘малюсенький’
‘капля’	*tanta*		~ *ttantta*	/t′ant′a/	‘капелька’
‘красивый’	*eder*		~ *ejer*	/ejer/	‘красивенький’ [в детской речи]
‘Мадлен’	*Madalen*		~ *Majalen*		‘Мадленочка’
‘конфета’	*onon*		~ *oñoñ*	/oɲoɲ/	‘конфеточка’ [в детской речи]
‘пестрый’	*nabar*		~ *ñabar*		‘пестренький’ [в детской речи]
‘собака’	*zakur*	/sakur/	~ *xakur*	/šakur/	‘собачка’ [в детской речи]

'белый'	*zuri*		~ ***xuri***		'беленький' [в детской речи]
'плохой'	***tzar***	/car/	~ ***txar***	/čar/	'плохенький' [в детской речи]
'девочка, девушка'	***neska***	/neśka/	~ ***nexka***	/neška/	'девчушечка'
'лить'	***isuri***		~ ***ixuri***		'лить' [в детской речи]
'сосна'	***ler***		~ ***ller***		'(милая) сосенка'
'хорошенький'	***polit***		~ ***pollit***		'прехорошенький'
'курица'	***oilo***	/ojlo/	~ ***ollo***	/oʎo/	'курочка'

Замечания

1. Баскские диминутивы служат главным образом для передачи различных субъективных нюансов: фамильярности, нежности, иногда пренебрежительности. Их часто используют в разговоре с детьми или с кем-то, кому хочется выказать особую нежность; ими по преимуществу пользуются маленькие дети.

2. Соответствия между непалатализованными и палатализованными зубными в баскском языке таковы:

/t/ $t \sim$ /t′/ tt	/s/ $z \sim$ /š/ x	/n/ $n \sim$ /ɲ/ $ñ$
/d/ $d \sim$ /j/ j	/c/ $tz \sim$ /č/ tx	/l/ $l \sim$ /ʎ/ ll
	/ś/ $s \sim$ /š/ x	

3. В синтактике этой апофонии должно быть указано, к каким основам она применяется и при каких условиях палатализация может иметь место (так, /t/ не может палатализоваться перед #, /n/ — перед согласной, и т. п.).

Весьма интересный класс апофоний-замещений представлен в индейских языках на западе США и Канады. Речь идет о так называемом ***диминутивном сдвиге*** (= ***замещении***) ***согласных*** (англ. *diminutive consonant shift*; Nichols 1971). С формальной точки зрения здесь можно различать три основных типа консонантных замещений:

- усиление:
  $s \Longrightarrow c$, $s \Longrightarrow č$, $s \Longrightarrow k$, $w \Longrightarrow b$, и т. п.,
  где [−сильный] $\Longrightarrow$ [+сильный],
  [+фрикативный] $\Longrightarrow$ [+взрывной],
  [+взрывной] $\Longrightarrow$ [+абруптивный], и т. п.;
- продвижение вперед, в частности, палатализация:
  $s \Longrightarrow ś$, $s \Longrightarrow č$, $č \Longrightarrow c$, $q \Longrightarrow k$, $k \Longrightarrow k′$, $l \Longrightarrow c$, $l \Longrightarrow l′$, и т. п.;
- дентализация:
  $l \Longrightarrow r$, $l \Longrightarrow n$, $r \Longrightarrow ð$, и т. п.

Эти замещения используются преимущественно для выражения диминутива (который может интерпретироваться в зависимости от языка и/или от исходного значения лексемы либо как 'маленький' в физическом смысле, либо в значении гипокористичности, либо как 'имитирующий/напоминающий [то, что называет исходная лексема]' и т. п.). Впрочем, иногда тот же самый тип замещения может выражать аугментатив. Приведем несколько примеров (члены иллюстрируемого чередования выделены в каждом случае жирным шрифтом).

(15) **a.** вишрам
'змея' *iču̯'au* ~ ***ic'au*** 'змейка'
ini+ ***gəl***+ ***čim*** 'Я ударил его чем-л.'
vs.
ini+ ***gəl***+ ***cim*** 'Я ударил его, маленького, чем-л.'
vs.
ini+ ***k'əl***+ *čim* 'Я ударил его чем-л. маленьким'.
vs.
ini+ ***k'əl***+ ***cim*** 'Я ударил его, маленького, чем-л. маленьким'.

b. кумиаи
'яма' *cəkuɻk* ~ *cəkul'k* 'ямка'
'быть круглым' *yaɾəyaɾ* ~ ***yarəyar*** 'быть круглым и маленьким'
[ɾ передает здесь ретрофлексную согласную, так что в данном случае мы имеем дентализацию.]

c. сахаптин
'камень' ***pšwa*** ~ ***pswa*** 'галька'
'дом' ***ənít*** ~ ***əlít*** 'домик'
'глаза' ***ačāš*** ~ ***acāj*** 'глазки'

d. дакота
zi 'является желтым' ~ ***ži*** 'является коричневатым' ~ ***gi*** 'является коричневым'
suza 'ушибить' ~ ***žuža*** 'тяжело ранить' ~ ***xuga*** 'сломать кость'

В дакота две приведенные здесь апофонии выражают две степени аугментатива или интенсификации.

Апофонии-усечения

(16) английский
$\mathbf{A}^{\mathrm{X}\Rightarrow\Lambda}_{\textbf{ГИПОКОР}}$ = ⟨'гипокористичность'; #/YV́CX/# ⟹ #/YV́C/#;
Σ = N, имя [личное], типа "усеч", ...⟩

*Sid**ney*** ~ *Sid*	*Dan**iel*** ~ *Dan*	*Pe**ter*** ~ *Pete*
*Rod**ney*** ~ *Rod*	*Mich**ael*** ~ *Mike*	*Thom**as*** ~ *Tom*
*Al**bert*** ~ *Al*	*Steph**an*** ~ *Steve*	*Tim**othy*** ~ *Tim*

(17) нутка

$\mathbf{A}^{X \Rightarrow A}_{\textbf{ГИПОКОР}}$ = ⟨'гипокористичность'; $\#/C^1VC^2X/\# \Longrightarrow$ $\#/C^1VC^2/\#$; Σ = N, человек, ...⟩

Hōyāl̥mis?aqs [женское имя] ~ *Hōy*

(18) русский

$\mathbf{A}^{X \Rightarrow A}_{\textbf{ГИПОКОР}}$ = ⟨'гипокористичность'; $\#/(je)C^1VC^2X/\# \Longrightarrow$ $\#/C^1\acute{V}C^2/\#$; Σ = N, имя [личное], типа "усеч", ...⟩

Борис ~ *Бор*(*-я*) *Галин* (*-а*) ~ *Гал* (*-я*)
Геннадий ~ *Ген*(*-а*) *Клавди* (*-я*) ~ *Клав* (*-а*)
Юрий ~ *Юр*(*-а*) *Светлан*(*-а*) ~ *Свет*(*-а*)
Елен (*-а*) ~ *Лен* (*-а*)
Елизавет(*-а*) ~ *Лиз* (*-а*)
Екатерин(*-а*) ~ *Кат*(*-я*)

3.2. Супрасегментные апофонии

1. Словоизменительные апофонии

Акцентные апофонии

В осетинском языке имеется акцентная словоизменительная апофония, служащая для выражения в существительном категории детерминации.

(19) осетинский

$\mathbf{A}^{\acute{} \Rightarrow \acute{}}_{\textbf{ОПР}}$ = ⟨'определенность'; $/_\acute{}_/ \Longrightarrow /\acute{}__/$; Σ = N или ИГ, N двухсложно, ...⟩

	неопределенное	определенное
'топор'	*fərə́t*	*fə́rət*
'поле'	*bydý*r	*bý*dyr
'дерево'	*bəlá*s	*bə́*las
'голубь'	*bəló*n	*bə́*lon

Перенос ударения на один слог влево (= ближе к началу словоформы) в двухсложных существительных выражает определенность: *fərə́t* '[некоторый] топор' ~ *fə́rət* '[этот] топор'.

NB: Если у существительного имеется препозитивное определение-прилагательное, то ударение существительного автоматически переносится на один слог влево; так, '[один/некоторый] топор' будет *fərə́t*, а '[один/некоторый] острый топор'— *cyrý fə́rət*. Если же говорящий хочет сделать из этого словосочетания словосочетание со значением определенности, ударение надо сдвинуть еще на один слог влево. В результате получается *cý*r*ý fərət* = '[этот] острый топор'. Как можно видеть из этого примера, апофония (19) применяется не просто к существительным, а к определенным типам словосочетаний.

Тональные апофонии

(20) шиллук (Nida 1961: 73)

a. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\Rightarrow\grave{_}\#} = \langle$'мн. ч.'; $/_/\# \Longrightarrow /\grave{_}/\#$; Σ = N, ...$\rangle$

	ед. ч.	мн. ч.
'дом'	*wat*	*wàt*
'тряпка'	*ógaṭ*	*ógàṭ*

b. $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\Rightarrow\bar{_}\#} = \langle$'мн. ч.'; $/\acute{_}/\# \Longrightarrow /_/\#$; Σ = N, ...$\rangle$

'ухо'	*jíṭ*	*jiṭ*
'подбородок'	*tík*	*tɪk*
'копье'	*tɔ́ŋ*	*tɔŋ*

(21) нгбанди (ср. пример (2), Глава III настоящей части, с. 299)

$\mathbf{A}_{\text{АГЕНС–МН}}^{\Rightarrow\grave{_}\#} = \langle$'агенс мн. ч.'; $/_/\# \Longrightarrow /\acute{_}/\#$; Σ = V, ...$\rangle$

	агенс ед. числа	агенс мн. числа
'плавать'	*ŋgbò*	*ŋgbó*
'слышать'	*ma*	*má*
'сохранять'	*bàtà*	*bàtá*
'нести'	*yó*	*yó*

2. Словообразовательные апофонии

Акцентные апофонии

(22) тагальский

$\mathbf{A}_{\text{РЕЗУЛЬТ}}^{\#\acute{_}_\Rightarrow\#_\acute{_}} = \langle$'получившийся в результате ...'; $\#/\acute{_}_/\# \Longrightarrow \#/_\acute{_}/\#$; Σ = двухсложное N, означающее действие, процесс или состояние, ...$\rangle$

hábi 'тканье'	~	*habí* 'сотканный'
kálat 'разбрасывание'	~	*kalát* 'разбросанный'
álam 'знание'	~	*alám* 'известный'
ínit 'жара'	~	*init* 'согретый'

Эта апофония позволяет образовать, так сказать, «пассивные» прилагательные от существительных.

NB: Мы полагаем, что в тагальском языке «пассивное» прилагательное, или результатив, не всегда имеет ударение на последнем слоге, а ударение на последнем слоге не является исключительной характеристикой таких «пассивных» прилагательных. Если это правда, то мы не можем ассоциировать означаемое 'получившийся в результате ...' напрямую со схемой ударения $\#/_\acute{_}/\#$; иначе говоря, то, что мы видим в этом примере, не супрафикс. Это

означаемое передается исключительно ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ударения; поэтому мы и постулируем здесь акцентную апофонию.

(23) современный иврит

a. Апофония «имя собственное»

$\mathbf{A}_{\text{ИМЯ}}^{\acute{}\#\Rightarrow\acute{}\#} = \langle$‘X в качестве имени собственного’; $/_\acute{}_/\# \Longrightarrow /\acute{}__/\#$;
$\Sigma =$ двухсложное N, обозначающее объект, состояние или процесс, …$\rangle$

‘пчела’	*dvorá*	~ *Dvóra*	[женское имя собственное]
‘женщина-министр’	*sará*	~ *Sára*	[женское имя собственное]
‘живое существо’	*xajá*	~ *Xája*	[женское имя собственное]
‘хорошая [ЖЕН.ЕД]’	*tová*	~ *Tóva*	[женское имя собственное]
‘дороги [МН]’	*rexovót*	~ *Rexóvot*	[название города: Реховот]
‘Первый на Сионе’	*Rišón*	~ *Rišon le-Cijon*	[название города: Ришон ле-Цион]
[титул Главного раввина сефардов в Израиле]	*le-Cijón*		
‘урожай’	*tnuvá*	~ *Tnúva*	‘«Урожай»’ [название фирмы]
‘надежда’	*ha-tikvá*	~ *Ha-Tikva*	‘«Ха-Тиква»’ [национальный гимн Израиля]
‘восточный’	*mizraxí*	~ *Mizráxi*	‘«Мизрахи»’ [название политического движения]

Перенос ударения в имени нарицательном или в прилагательном N с последнего слога на предыдущий превращает это N в имя собственное.

b. Апофония «гипокористичность»

$\mathbf{A}_{\text{ГИПОКОР}}^{\acute{}\#\Longrightarrow\acute{}_\#} = \langle$‘близость, задушевность’; $/_\acute{}_/\# \Longrightarrow /\acute{}__/\#$;
$\Sigma =$ личное имя [человека]$\rangle$

обычное имя		имя с оттенком интимности, задушевности
Avrám	~	*Ávram*
Barúx	~	*Bárux*
Davíd	~	*Dávid*
Šlomó	~	*Šlómo*
Xajím	~	*Xájim*
Raxél	~	*Ráxel*

Перенос ударения в имени лица с последнего слога на предыдущий выражает известную степень близости, задушевности со стороны говорящего по отношению к собеседнику.

Тональные апофонии

(24) шона

$$\mathbf{A}_{\text{МОДИФ}}^{\alpha\Rightarrow-\alpha} = \langle\text{Сказуемое} \Longrightarrow \text{Определение};\ \left/\begin{matrix}\alpha\\ -_n\end{matrix}\right/ \Longrightarrow \left/\begin{matrix}-\alpha\\ -_n\end{matrix}\right/;$$
$$\Sigma = \text{V, в личной форме, …}\rangle$$

ákàwúјá 'пришел' ~ ***àkáwùjà*** 'пришедший'

[Символом α обозначен здесь произвольный тон, т. е. высокий или низкий, а символом $-\alpha-$ противоположный тон.]

Эта апофония преобразует глагол в личной форме в определение при существительном, «переворачивая» тон на всех его n слогах [В(ысокий) $\Longrightarrow$ Н(изкий), и Н $\Longrightarrow$ В].

4. Особые подклассы апофоний

4.1. Пустые$_2$ апофонии? Пустая$_2$ апофония невозможна логически: в самом деле, это было бы ***непустое$_2$ чередование***, не выражающее никакого значения, что логически противоречиво. (***Пустое$_1$ чередование*** по определению не может быть означающим; о значении индексов $_1$ и $_2$ см. Глава I, § 2, **1.2**, с. 19.)

4.2. Нулевая апофония. В некоторых случаях кажется естественным использовать понятие *нулевой апофонии.*

Определение V.54: нулевая апофония

Апофония называется *нулевой*, если ее означающим является нулевое чередование [= отсутствие чередования].

(О нулевых чередованиях см. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, с. 63.)

Иными словами, мы говорим о нулевой апофонии, когда некоторое морфологическое значение выражено просто тем, что не имеет места никакое чередование; именно отсутствие каких бы то ни было изменений фонем несет в этом случае некий смысл. Разумеется, нулевая апофония возможна только тогда, когда она противопоставлена какой-то ненулевой апофонии.

Обозначения и примеры

Нулевая апофония обозначается $\mathbf{A}^{\Rightarrow}_{\mathbf{X}}$ [= 'для того чтобы выразить X, ничто не заменяется ничем'].

В английском представлена нулевая сегментная апофония: если в парах типа *foot* ~ *feet*, *tooth* ~ *teeth* и т. д. множественное число выражено апофонией-умлаутом (ср. пример (3)), то что же тогда служит показателем единственного числа? Наш ответ на этот вопрос таков: единственное число выражается здесь нулевой апофонией, похожей на апофонии, приведенные в (3); ср.:

(25) английский

$\mathbf{A}^{\Rightarrow}_{\mathbf{ЕД}} = \langle$'ед. ч.'; /**Λ**/ $\Longrightarrow$ /**Λ**/; Σ = N, типа "апоф", ...$\rangle$

Если мы почему-либо не хотим постулировать нулевую апофонию единственного числа, мы оказываемся перед необходимостью выбрать одно из следующих двух описаний (**NB**: третьего не дано!):

(a) Можно говорить, что единственное число в английской словоформе типа **tooth** выражается нулевым суффиксом. Однако этот нулевой суффикс не противопоставлен никакому ненулевому суффиксу: ведь к английским корням вроде **tooth** словоизменительные суффиксы числа не присоединяются. Поэтому отсутствие суффикса в форме единственного числа **tooth** нельзя считать значимым. Наше понятие нулевого суффикса (Определение V.5, Глава I, § 2, **2.1**, с. 25 и сл., в особенности «Принцип Хааса», с. 27) запрещает, тем самым, постулировать нулевой суффикс в формах вроде *foot*, *tooth* и т. д.

(b) Можно еще сказать, что в словоформе **tooth** единственное число выражено синкретически — оно «сплавлено» воедино с лексическим значением корня. Это равносильно признанию того, что англ. **tooth** = 'зуб, ед. ч.' (и что, тем самым, оно представляет собой сильную мегаморфу). Однако в составе производных и сложных лексем мы употребляем этот корень, вовсе НЕ ПРЕДПОЛАГАЯ обязательно идеи единственного числа. Так, *toothy* означает 'зубастый, имеющий выдающиеся зубы ⟨не: *зуб⟩', а *toothless* — 'беззубый, не имеющий зубов ⟨а не: *зуба⟩'; *toothbrush* — это 'зубная щетка, щетка для чистки зубов ⟨а не: *зуба⟩'; и т. д. Факты такого рода не позволяют нам принять описание знака *tooth* как основы, в которой корень «сплавлен» воедино с показателем числа. (Ср. обсуждение формы **foot** в Главе III, **1.2**, 3, после примера (2), с. 300–301.)

Приведем еще несколько нулевых апофоний, соответствующих апофониям, приводившимся выше:

(26) немецкий
$\mathbf{A}_{\overrightarrow{\mathbf{НАСТ}}}$ = ⟨'наст. время'; /**Λ**/ ⟹ /**Λ**/; **Σ** = V, типа "апоф", . . .⟩
(сравните с примером (4))

(27) саамский
$\mathbf{A}_{\overrightarrow{\mathbf{ЕД}}}$ = ⟨'ед. ч.'; /**Λ**/ ⟹ /**Λ**/; Σ = N, типа n_1, . . .⟩
(сравните с примером (6))

(28) французский
$\mathbf{A}_{\overrightarrow{\mathbf{ЕД}}}$ = ⟨'ед. ч.'; /**Λ**/ ⟹ /**Λ**/; Σ = N, муж, типа "апоф", . . .⟩
(сравните с примером (7))

Таковы же нулевая апофония «единственное число», соответствующая румынской апофонии «множественное число» в примере (1), нулевая апофония «номинатив единственного числа», соответствующая ирландским апофониям «генитив единственного числа» в (2), и т. п.

Впрочем, здесь имеются и некоторые осложнения. Рассмотрим, к примеру, следующую пару румынских словоформ:

munte /múnte/ 'гора' ~ *munţi* /múnc′/ 'горы'.

Множественное число образуется здесь апофонией-палатализацией, той же самой, что и в (1b). Однако единственное число здесь выражает НЕ нулевая апофония, а суффикс **-е**, так что в результате мы имеем:

munte 'гора' = **munt** 'гора' ⊕ **-е** 'ед. ч.'

munţi 'го́ры'= **munt** 'гора' ⊕ $\mathbf{A}^{\mathrm{t}\Rightarrow\mathrm{c}'}_{\mathbf{МН}}$

5. Апофониема

Определение V.55: апофониема

Апофониема — это множество всех апофоний (некоторого языка), означаемые которых тождественны и которые распределены согласно достаточно общим правилам, не обращающимся к контексту за пределами словоформы.

Обозначения

Как и в случае морфемы, для обозначения апофониемы мы используем фигурные скобки:

$\{\mathbf{А_{МН}}\}$, $\{\mathbf{А_{ИМПФ}}\}$ и т. п.

Примеры

(29) английский

$\{\mathbf{А_{МН}}\} = \mathbf{A}^{\bar{\mathrm{u}}\Rightarrow\bar{\mathrm{i}}}_{\mathbf{МН}}, \mathbf{A}^{\mathrm{u}\Rightarrow\bar{\mathrm{i}}}_{\mathbf{МН}}, \mathbf{A}^{\mathrm{a}^{\mathrm{u}}\Rightarrow\mathrm{a}^{\mathrm{i}}}_{\mathbf{МН}}, \ldots$: ср. (3).

(30) немецкий

$\{\mathbf{А_{ИМПФ}}\} = \mathbf{A}^{\bar{\mathrm{e}}\Rightarrow\bar{\mathrm{a}}}_{\mathbf{ИМПФ}}, \mathbf{A}^{\mathrm{i}\Rightarrow\mathrm{a}}_{\mathbf{ИМПФ}}, \mathbf{A}^{\bar{\mathrm{a}}\Rightarrow\bar{\mathrm{u}}}_{\mathbf{ИМПФ}}, \mathbf{A}^{\bar{\mathrm{i}}\Rightarrow\bar{\mathrm{o}}}_{\mathbf{ИМПФ}}, \ldots$: ср. (4).

Мы не даем здесь определения ***аллоапофонии*** (таковое представляется достаточно очевидным), поскольку само понятие не кажется нам необходимым.

6. Терминологическая проблема: апофония *vs.* симульфикс

Учитывая грамматическую природу апофоний, некоторые лингвисты предлагали называть их *симульфиксами* (от латинского *simul* 'вместе, одновременно') и говорить не о модификации$_1$, а о *симультанной* (= *одновременной*) *аффиксации*. Точнее, термин *симульфиксация* (и, соответственно, *симульфикс*) предлагался для таких апофоний-замещений, в которых носителем грамматического значения служит замена одних фонологических при-

знаков на другие, как в приводившихся выше примерах (1)–(6) и (12)–(15). Так, например, в языке отоми мескиталь комплетивный аспект в глаголе передается либо палатализацией корневых согласных (если корень начинается с /ʔ/ или /h/), либо их озвончением (если корень начинается с глухой согласной, отличной от /ʔ/ или /h/). Приверженец термина *симульфикс* сказал бы в этом случае, что фонологический признак палатализованности/звонкости *симульфигируется* к корню для выражения комплетивного аспекта.

Аналогичным образом, можно было бы сказать, что в языке тотонак глоттализация всех гласных *симульфигируется* к глагольному корню для выражения граммемы 2-го лица в единственном числе (см. Глава III настоящей части, пример (1), с. 298).

С чисто логической точки зрения такая терминология вполне возможна. Но с общетерминологической точки зрения мы не готовы ее принять, и вот почему: во всех других терминах подобного типа элемент **-фикс** указывает на некоторую прибавляемую СУЩНОСТЬ — сегментный значащий элемент, присоединяемый к другому сегментному значащему элементу. В случае же «симульфикса» речь вовсе не идет о какой-то сущности: фактически симульфикс — это ОПЕРАЦИЯ, применяемая к некоторой сущности, именно операция, логический и языковой характер каковой никак не позволяют приравнивать ее к сущностям. Поэтому мы не признаем использование термина *симульфикс* оправданным и целесообразным и в рамках КОМ-а от его применения воздержимся.

Примечания

[1] (**1**, в конце раздела, с. 330). По-видимому, уместно будет привести здесь несколько примеров апофоний в традиционном смысле, взятых из древнегреческого (глаголы везде стоят в 1 ед):

	презенс	итератив/перфект/существительное	аорист
‘летать’	*pét* (*-omai*)	*pot* (*-áomai*)	(*é-*)*pt* (*-omēn*)
‘смотреть’	*dérk* (*-omai*)	(*dé-*)*dork* (*-a*)	(*é-*)*drak*(*-on*) [*drak-* ⇐ *dṛk-*]
‘убеждать’	*péiθ* (*-ō*)	(*pé-*)*poiθ* (*-a*)	(*é-*)*piθ* (*-on*)
‘поворачивать’	*pél* (*-omai*)	‘ось’ *pól* (*-os*)	(*é-*)*pl* (*-omēn*)
‘оставлять’	*léip* (*-ō*)	(*le-*)*lóip* (*-a*)	(*é-*)*lip* (*-on*)
‘лить’	*xé*(*w*)(*-ō*)	‘возлияние’ *xo*(*w*)(*-ḗ*)	(*é-*)*xṓ* (*-θēn*) [пассивная форма]

[2] (**3**, пример (3), с. 333). Чтобы ограничить применимость апофоний со значением множественного числа в английском, достаточно пометить основы

соответствующих существительных в словаре признаком "апоф" без уточнения конкретного типа применяемой апофонии. Это возможно благодаря отсутствию в английском языке разных апофоний с совпадающей левой частью чередования; поэтому успешное применение той или иной апофонии гарантируется уже самой формой операции замещения. Так же обстоит дело с апофонией имперфекта в немецком: см. следующий пример. Но уже в чеченском (пример (5)) это не проходит: здесь две разные апофонии вполне могут иметь одинаковую левую часть в правиле замещения; поэтому в синтактике глаголов, подвергающихся той или иной апофонии, надо всякий раз указывать конкретную апофонию.

[3] (**3**, 1, после примера (5а), с. 334). Интересно отметить, что в чеченском, как и в других нахских языках, имеется большое количество незначащих аблаутов, т. е. просто чередований, которым подвергается глагольная основа в различных временах и наклонениях. Чеченская глагольная корневая морфема обладает, в общем случае, четырьмя алломорфами: одна употребляется в императиве, а три другие — в настоящем, недавнем прошедшем и прошедшем нарративном (= аористе) индикатива. Эти алломорфы различаются между собой главным образом за счет чередований корневой гласной:

	императив	настоящее	недавнее прошедшее	аорист
'говорить, сказать'	***āl*** *(-a)*	***ol*** *(-u)*	***el*** *(-i)*	***œl*** *(-la)*
'резать'	***dār*** *(-a)*	***dōr*** *(-u)*	***dēr*** *(-i)*	***dēr*** *(-ina)*
'читать'	***dješ*** *(-a)*	***döš*** *(-u)*	***dijš*** *(-i)*	***dješ***(*-na*)
'вести'	***dig*** *(-a)*	***düg*** *(-u)*	***dig*** *(-i)*	***dig*** *(-na)*
'бить'	***twoχ***(*-a*)	***tüχ*** *(-u)*	***tüjχ***(*-i*)	***töχ*** *(-na)*
'сравнивать'	***dust*** *(-a)*	***dust***(*-u*)	***düst***(*-i*)	***düst***(*-ina*)

В словаре чеченского языка для каждого глагола должны указываться соответствующие чередования — в точности так, как указываются формы сильных глаголов в словарях английского и немецкого языков. Однако при образовании основ временны́х форм чеченские чередования не являются значащими: для каждого времени и для каждого наклонения имеется свой суффиксальный показатель (для императива — **-a**; для настоящего времени — **-u**; для недавнего прошедшего — **-i**; для аориста — **-na/-ina**), так что чередование является здесь — в отличие от ситуации с образованием аспектуальных форм — сопровождающим морфологическим средством.

Резюме Главы IV

Предложена обстоятельная характеристика двух основных типов ***модификации***$_2$:

1) ***Редупликация$_2$***: типичные выражаемые ею значения; различные примеры словоизменительных и словообразовательных редупликаций$_2$; анализ нескольких сложных случаев; ***редупликационема***.

2) ***Апофония***: типичные выражаемые ею значения; различные примеры словоизменительных и словообразовательных апофоний; обсуждение понятий ***нулевая апофония*** и ***апофониема***.

ГЛАВА V

КОНВЕРСИЯ$_2$

Четвертый и последний класс элементарных морфологических знаков охватывает конверсии$_2$, к определению которых мы непосредственно переходим.

1. Понятие конверсии$_2$

Определение V.56: конверсия$_2$

Конверсия$_2$ — это элементарный знак, означающим которого является конверсия$_1$.

Напомним, что конверсия$_1$ представляет собой операцию над синтактикой исходного знака; значит, конверсия$_2$ выражает тот или иной смысл при данном знаке за счет изменения его сочетаемости (см. Часть третья [том 3], Глава III, 1, с. 139).

Обозначения

Произвольная конверсия$_2$ обозначается **С**, т. е. тем же символом, что использовался для конверсии$_1$, но с обязательным указанием в виде нижнего индекса ее означаемого: $\mathbf{С}_{\textbf{МН}}$, $\mathbf{С}_{\textbf{ДЕЯТЕЛЬ}}$, ... Если требуется различать конверсии$_2$ с одинаковым означаемым, в верхнем индексе указываются выступающие в каждом конкретном случае изменения синтактики: $\mathbf{С}^{\mathbf{V\Rightarrow N}}_{\textbf{ДЕЯТЕЛЬ}}$, $\mathbf{С}^{\mathbf{Adj\Rightarrow N}}_{\textbf{ДЕЯТЕЛЬ}}$, ...

2. Типология конверсий$_2$

В соответствии с типом означаемого, который выражается конверсией$_2$, мы будем различать, как мы делали это и для других знаков, словоизменительные и словообразовательные конверсии$_2$.

В зависимости от типа признака (или признаков) синтактики, затрагиваемого конкретным изменением, мы будем различать:

– парадигматические конверсии$_2$,

– категориальные конверсии$_2$,
– рекционные конверсии$_2$
и смешанные типы (см. Часть третья [том 3], Глава III, **3**, с. 150 и сл.).

По этим двум параметрам будут упорядочены и приводимые ниже примеры.

2.1. Словоизменительные конверсии$_2$. Словоизменительные конверсии$_2$ встречаются реже, чем словообразовательные: не так-то легко играть с парадигмой$_1$, моделью управления или частью речи некоторой лексемы ради выражения какой-нибудь граммемы или квазиграммемы. (Не следует забывать, что результат применения словоизменительной конверсии$_2$ должен остаться словоформой той же самой лексемы.) Тем не менее, мы все же можем привести несколько примеров словоизменительных конверсий$_2$.

1. Парадигматическая конверсия$_2$

(1) У испанского глагола в настоящем времени представлены следующие ряды форм:

a.

	CANTAR 'петь'		COMER 'есть'		ERIGIR 'сооружать'	
	индикатив	**субъюнктив**	**индикатив**	**субъюнктив**	**индикатив**	**субъюнктив**
1 ед	*cant* + *o*	*cant* + *e* + *∅*	*com* + *o*	*com* + *a* + *∅*	*erij* + *o*	*erij* + *a* + *∅*
2 ед	*cant* + *a* + *s*	*cant* + *e* + *s*	*com* + *e* + *s*	*com* + *a* + *s*	*erig* + *e* + *s*	*erij* + *a* + *s*
3 ед	*cant* + *a* + *∅*	*cant* + *e* + *∅*	*com* + *e* + *∅*	*com* + *a* + *∅*	*erig* + *e* + *∅*	*erij* + *a* + *∅*
1 мн	*cant* + *a* + *mos*	*cant* + *e* + *mos*	*com* + *e* + *mos*	*com* + *a* + *mos*	*erig* + *i* + *mos*	*erij* + *a* + *mos*
2 мн	*cant* + *á* + *is*	*cant* + *é* + *is*	*com* + *é* + *is*	*com* + *á* + *is*	*erig* + *í* + *s*	*erij* + *á* + *is*
3 мн	*cant* + *a* + *n*	*cant* + *e* + *n*	*com* + *e* + *n*	*com* + *a* + *n*	*erig* + *e* + *n*	*erij* + *a* + *n*

Лично-числовые суффиксы настоящего времени в индикативе и в субъюнктиве тождественны (за исключением 1-го лица единственного числа); существенная в данном случае разница заключается в так называемой ***тематической гласной***: *-a-*, *-e-* и *-i-*. У испанских глаголов в индикативе имеется три ***спряжения*** (***группы спряжения***): I на *-a*(*-r*), II на *-e*(*-r*) и III на *-i*(*-r*); в субъюнктиве спряжения инвертируются: глаголы на *-ar* спрягаются, как глаголы на *-er* в индикативе, и наоборот. Таким образом, субъюнктив выражается двумя парадигматическими конверсиями$_2$, которые меняют группу спряжения глагола:

b.

$\mathbf{C}^{\mathrm{I}\Rightarrow\mathrm{II}}_{\mathbf{СУБЪЮН}}$ = ⟨'субъюнктив'; I $\Longrightarrow$ II; Σ = V, спряж. I, ...⟩

$\mathbf{C}^{\mathrm{II/III}\Rightarrow\mathrm{I}}_{\mathbf{СУБЪЮН}}$ = ⟨'субъюнктив'; II/III $\Longrightarrow$ I; Σ = V, спряж. II или III, ...⟩

Замечание. Стремясь к последовательности и системности описания, мы не можем позволить себе считать тематические гласные (= пустые$_2$ морфы) **-a**, **-e** и **-i** показателями наклонения. Подробнее об этом см. Часть ше-

стая [том 5], Глава II, § 1. (Ср. также Часть третья [том 3], Глава III, **4**, (7), с. 152.)

Конверсия$_2$ (1b) является парадигматической, поскольку она меняет только парадигму$_1$ спряжения затрагиваемого ею глагола.

2. Парадигматическая и рекционная конверсия$_2$

Прекрасным примером парадигматической (и, одновременно, рекционной) конверсии$_2$ может служить образование множественного числа существительных в языках банту (ср. обсуждение этого вопроса в Части четвертой [том 3], Глава I, **2.2**, (3), с. 166, и Глава II, § 2, (29), с. 272 и сл.). В этих языках парадигматико-рекционная конверсия$_2$ очень часто используется для выражения множественного числа существительных. Точнее, множественное число у существительного выражается путем перевода этого существительного из его исконного именного класса 1 в другой именной класс 1 (разумеется, всякий раз жестко фиксированный для данного исконного класса 1): это классная 1 конверсия$_2$.

В приводимых ниже примерах конверсий$_2$ мы везде опускаем, в порядке сокращения, указание того, что это — конверсия; в синтактике даются только характеристики тех знаков, к которым данная конверсия$_2$ применяется.

(2) В языке бафиа представлены следующие шесть классных 1 конверсий$_2$:

a. $\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{I}\Rightarrow\mathrm{II}} = \langle$‘мн. ч.’; I $\Longrightarrow$ II; $\Sigma = \mathrm{N}, \mathrm{I}, \ldots\rangle$

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{III}\Rightarrow\mathrm{IV}} = \langle$‘мн. ч.’; III $\Longrightarrow$ IV; $\Sigma = \mathrm{N}, \mathrm{III}, \ldots\rangle$

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{V}\Rightarrow\mathrm{VI}} = \langle$‘мн. ч.’; V $\Longrightarrow$ VI; $\Sigma = \mathrm{N}, \mathrm{V}, \ldots\rangle$

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{VII}\Rightarrow\mathrm{VIII}} = \langle$‘мн. ч.’; VII $\Longrightarrow$ VIII; $\Sigma = \mathrm{N}, \mathrm{VII}, \ldots\rangle$

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{IX}\Rightarrow\mathrm{X}} = \langle$‘мн. ч.’; IX $\Longrightarrow$ X; $\Sigma = \mathrm{N}, \mathrm{IX}, \ldots\rangle$

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{XI}\Rightarrow\mathrm{XII}} = \langle$‘мн. ч.’; XI $\Longrightarrow$ XII; $\Sigma = \mathrm{N}, \mathrm{XI}, \ldots\rangle$

b.

	ед. число		мн. число	
‘читатель’	***m̀*** + *bàlì*	(I)	***bǽ*** + *bàlì*	(II)
‘голова’	***ǹ*** + *tó*	(III)	***mǽ*** + *tó*	(IV)
‘язык’ [часть тела]	***rì*** + *lémà?*	(V)	***mǽ*** + *lémà?*	(VI)
‘язык’ [речь]	***kì*** + *tòkì*	(VII)	***bì*** + *tòkì*	(VIII)
‘курица’	***ø*** + *zá?*	(IX)	***ø*** + *zá?*	(X)
‘стрела’	***fì*** + *génì*	(XI)	***tì*** + *génì*	(XII)

Сравните с примером (30) в Части четвертой [том 3], Глава II, § 2, с. 275.

Конверсии$_2$ (2a) являются парадигматическими, поскольку изменение исходного класса 1 влечет за собой изменение парадигмы$_1$ данной основы (к ней начинают присоединяться другие префиксы). Вместе с тем, эти конверсии$_2$ являются рекционными, поскольку изменение исходного класса 1 основы влечет за собой другое согласование по классу 2 (с этой основой).

В бафиа именные классы 1, так сказать, распределены по числу: в одни классы 1 входят существительные только единственного числа, в другие — только множественного. Однако в других языках банту, равно как и вообще в языках, имеющих именные классы 1, это не обязательно так. Так, например, совсем иначе обстоит дело в языке йака (Центрально-Африканская Республика). В йака принадлежность к некоторому именному классу 1 для одного существительного может выражать единственное число, а для другого, напротив, множественное (Thomas 1976):

mà + *mbî* '[кусок] помета' [класс 1 VIII] — существительное в единственном числе, а во множественном числе оно попадает в класс 1 IX — ***bò*** + *mbî* '[куски] помета'; зато ***mà*** + *kàtò* 'кишки' (тоже из класса 1 VIII), напротив, представляет собой множественное число существительного из класса 1 IX ***bò*** + *kàtò* 'кишка' (таким образом, здесь мы видим обратное соотношение между классами 1 VIII и IX);

dì + *bédímá* 'молния' [класс 1 VII] — это существительное в единственном числе (множественное от него будет ***bò*** + *bédímá*, класс 1 IX), однако ***dì*** + *kɔ́ngì* 'ресницы' [тоже класс 1 VII] стоит во множественном числе — при том что в единственном оно относится к классу 1 III: ***mò*** + *kɔ́ngì* 'ресница'; и т. д.

Подобные примеры вполне типичны для йака (ср. пример (38), Часть четвертая [том 3], Глава II, § 2, **4.3**, с. 287).

Таким образом, мы имеем в йака целый ряд классных 1 конверсий$_2$:

(3) $\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{VII}\Rightarrow\mathrm{VIII}} = \langle$'мн. ч.'; VII $\Longrightarrow$ VIII; Σ = N, VII/VIII, ...$\rangle$

dì + *pìndì* 'мужской член' $\sim$ ***mà*** + *pìndì* 'мужские члены'

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{VIII}\Rightarrow\mathrm{IX}} = \langle$'мн. ч.'; VIII $\Longrightarrow$ IX; Σ = N, VIII/IX, ...$\rangle$

mà + *mbî* '[кусок] помета' $\sim$ ***bò*** + *mbî* '[куски] помета'

$\mathbf{C}_{\mathbf{МН}}^{\mathrm{IX}\Rightarrow\mathrm{VIII}} = \langle$'мн. ч.'; IX $\Longrightarrow$ VIII; Σ = N, IX/VIII, ...$\rangle$

bò + *kàtò* 'кишка' $\sim$ ***mà*** + *kàtò* 'кишки'

(Пример словообразовательной классной 1 конверсии$_2$ в языках банту приводится далее, в разделе **2.2**, 4, (9), с. 359.)

В нашем последнем примере мы воспользуемся материалом японского языка, где наблюдается изменение типа спряжения глагола, технически похожее на испанское (пример (1)), и это изменение используется как показатель каузатива и потенциалиса.

NB: Предлагаемое ниже описание имеет смысл только в рамках традиционной трактовки японского глагольного словоизменения, при которой различаются два спряжения; к спряжению I относятся корни на согласную (YOB 'звать' или KAK 'писать'), а к спряжению II — корни на гласную (MI 'видеть' или TABE 'есть'). Пустая$_2$ морфа **-e** представляет собой тематический элемент, являющийся показателем спряжения II (вроде тематических элементов в испанском или в русском).

(4) В японском языке имеются следующие три конверсии$_2$ (две каузативные — (4a) — и одна потенциалисная — (4b)):

a. $\mathbf{C}^{\mathrm{I}\Rightarrow\mathrm{II}}_{\mathbf{КАУЗ}}$ = ⟨'каузировать ...'; I $\Longrightarrow$ II;
Σ = V, непереходный, спряж. I , типа "кауз-конв", ...⟩

'прекращаться' *yam* (*-u*) [I] ~ *yam* + *e*(*-ru*) [II] 'прекращать'
'наклоняться' *katamuk*(*-u*) [I] ~ *katamuk* + *e*(*-ru*) [II] 'наклонять'

$\mathbf{C}^{\mathrm{II}\Rightarrow\mathrm{I}}_{\mathbf{КАУЗ}}$ = ⟨'каузировать ...'; II $\Longrightarrow$ I;
Σ = V, непереходный, спряж. II, типа "кауз-конв", ...⟩

'гореть' *yak* + *e*(*-ru*) [II] ~ *yak* (*-u*) [I] 'сжигать'
'разбиваться' *war* + *e*(*-ru*) [II] ~ *war*(*-u*) [I] 'разбивать'

b. $\mathbf{C}_{\mathbf{ПОТЕНЦ}}$ = ⟨'мочь (быть) ...'; I $\Longrightarrow$ II;
Σ = V, переходный, спряж. I, типа "потенц-конв", ...⟩

'звать' *yob* (*-u*) [I] ~ *yob* + *e*(*-ru*) [II] 'мочь звать'
'держать' *mot*(*-u*) [I] ~ *mot* + *e*(*-ru*) [II] 'мочь держать'
'писать' *kak* (*-u*) [I] ~ *kak* + *e*(*-ru*) [II] 'мочь писать'
'читать' *yom*(*-u*) [I] ~ *yom* + *e*(*-ru*) [II] 'мочь читать'
'разбивать' *war* (*-u*) [I] ~ *war* + *e*(*-ru*) [II] 'мочь разбить'

Замечания

1. Конверсия$_2$ (4b) образует потенциалис только от глаголов спряжения I; от глаголов спряжения II потенциалис образуется при помощи суффикса **-rar** (омонимичного суффиксу пассива): *mi* + ***rar*** + *e*(*-ru*) 'мочь видеть' и *tabe* + ***rar*** + *e*(*-ru*) 'мочь есть'. Однако в современном японском у глаголов спряжения II возник специальный новый суффикс **-re**, служащий исключительно для маркировки потенциалиса, так что теперь формы потенциалиса *mi* + ***re***(*-ru*) и *tabe* + ***re***(*-ru*) уже не омонимичны формам пассива. Правда, эти новые формы считаются не вполне стандартными, а, скорее, разговорными (Shibatani 1994: 237), и мы не будем принимать их в расчет. Если в будущем они завоюют права гражданства и станут общепринятыми, наше описание фактов японского языка придется изменить: тогда суффикс **-re** окажется морфонологическим вариантом суффикса **-e** в позиции после гласной (так же как в случае суффиксов индикатива **-u**/**-ru** или пассива **-ar**/**-rar**); в такой ситуации будет правильнее трактовать наше **-e** как суффикс потенциалиса, а не как тематический элемент глаголов спряжения II.

2. Японский потенциалис от переходного глагола выступает в предложении в «обратной» синтаксической конструкции: агенс потенциального действия 'X' (= тот, кто может X-овать) занимает позицию Косвенного дополнения (в дативе), а объект этого действия (= тот, которого могут X-овать) становится Подлежащим (в субъективе). Так что фраза вроде *Минору может съесть это яблоко* по-японски выглядит как 'Это яблоко для Минору есть съедабельное':

Ano ringo + ***ga*** *Minoru* + ***ni*** *tabe* +*rar* +*e* +*ru*
это яблоко СУБЪ ДАТ съесть ПОТЕНЦ Тем.Эл. ИНД.ПРЕЗ
'Минору может съесть это яблоко'.

Таким образом, лучшим переводом формы потенциалиса от японского переходного глагола, означающего 'N^1 X-ует N^2-а', было бы 'N^2 [есть] X-абельный для N^1-а'.

Потенциалис от непереходного глагола, напротив, предполагает «нормальную» синтаксическую конструкцию, с агенсом в форме субъектива на **-ga**:

Ongaku + *ga yam*(*-u*) 'Музыка прекращается'. ~
Ongaku + *ga yam* + *e*(*-ru*) 'Музыка может прекратиться'.
[Потенциалис образован здесь конверсией$_2$ «I $\Longrightarrow$ II».]

Или же:

Ano garasu + *ga war* + *e*(*-ru*) 'Это стекло разбивается'. ~
Ano garasu + *ga war* + *e* + *rar* + *e*(*-ru*) 'Это стекло может разбиться'.
[Потенциалис образован здесь при помощи суффикса **-rar**.]

3. Обращаем внимание читателя на омонимию некоторых форм. Так, *yam* + *e*(*-ru*) может означать 'N^1 заставил N^2 прекратиться' или 'N^2 может прекратиться'; *war* + *e*(*-ru*) означает 'N^2 разбивается' или 'N^1 может разбить N^2'.

2.2. Словообразовательные конверсии$_2$. Мы не имеем возможности дать здесь примеры всех типов словообразовательных конверсий$_2$; так, нам не встретились парадигматические словообразовательные конверсии$_2$ и некоторые другие типы конверсий$_2$.

1. Категориальная конверсия$_2$

(5) **а.** В древнекитайском практически любой предикатив (то, чему в русском или французском соответствует глагол или прилагательное) может превращаться в абстрактное существительное — имя действия или название качества):

'жить' *shēn* ~ *shēn* 'жизнь' /šēn/
'умирать' *sí* ~ *sí* 'смерть' /sí/

'мудрый' *zhì* ~ *zhì* 'мудрость' /čì/
'храбрый' *yǒn* ~ *yǒn* 'храбрость' /jǒn/

Для этого достаточно поместить нужный глагол или прилагательное в синтаксическую позицию существительного, т. е. использовать его как подлежащее, как дополнение и т. п.

b. В современном китайском наблюдается то же самое явление, хотя и в менее широких масштабах (подобную трансформацию допускают далеко не все предикативы):

'обсуждать' *tǎolùn* ~ *tǎolùn* 'обсуждение' /t^{h}ǎ^{u}lùn/
'расследовать' *diàochá* ~ *diàochá* 'расследование' /tjà^{u}č^{h}á/
'надеяться' *xīwàng* ~ *xīwàng* 'надежда' /śīwàŋ/
'решать' *juédìng* ~ *juédìng* 'решение' /ćwétìŋ/

Эта конверсия$_2$ запишется следующим образом:

c. **Сноминализ** = ⟨'$\mathbf{S_0}$'; V $\Longrightarrow$ N; Σ = V, типа "номинализ-конв", ...⟩

В современном китайском языке конверсия **Сноминализ** очевидным образом требует наличия в синтактике специального ограничения, поскольку она применима далеко не ко всем предикативам: так, например, глаголы *lǐngdǎo* 'вести', *chī* 'есть', *dǎ* 'ударять', *diǎntóu* 'качать головой' не могут номинализоваться при помощи конверсии$_2$ (5c). Мы выразили это ограничение в виде записи «типа "номинализ-конв"» [= глаголы такого типа, который допускает конверсию$_2$ номинализации]. В настоящий момент нам неизвестно, существуют ли какие-нибудь семантические или фонологические факторы, лежащие в основе этого ограничения.

Существенно отметить, что данная конверсия$_2$ — не пустая$_2$. Верно, что существительное, являющееся результатом чисто синтаксической номинализации, имеет в точности тот же смысл, что и исходный глагол или прилагательное. Тем не менее, китайская конверсия$_2$ **Сноминализ** является полным знаком: ее означаемое — «отглагольное имя», которое мы записываем как $\mathbf{S_0}$ (воспользовавшись обозначением соответствующей лексической функции). С учетом того, что '$\mathbf{S_0}$' — это не настоящий смысл, наш подход может показаться достаточно искусственным. Однако на самом деле это не так. Действительно, если отказать конверсии$_2$ **Сноминализ** в статусе непустого$_2$ знака, мы будем вынуждены говорить, что это не конверсия$_2$, а просто некая незначащая операция, т. е. конверсия$_1$, автоматически сопутствующая какому-то знаку. А это неверно: конверсия$_2$ **Сноминализ** в (5c) ничему не сопутствует: она свободно выбирается говорящим в зависимости от того смысла, который он стремится выразить, и от контекста его высказывания, как и всякий другой знак. Ясно, что все то же самое будет справедливо и для других категориальных конверсий$_2$, т. е. для чистых синтаксических трансляций, когда лексема переводится из одной части речи в

другую без изменения ее означаемого. (Мы вернемся к вопросу о непустоте$_2$ категориальных конверсий$_2$ немного дальше, в разделе **3.1**, с. 363.)

2. Рекционная конверсия$_2$

(6) В английском каузативы некоторых глаголов образуются при помощи конверсии$_2$ (меняющей управление глагола, но не изменяющей его парадигмы$_1$)[1]:

a.

'смешиваться' *mix* ~ *mix* 'смешивать'	
Water and alcohol mix	*They mix water and alcohol*
'Вода и спирт смешиваются'.	'Они смешивают воду и спирт'.
'разбиваться' *break* ~ *break* 'разбивать'	
The cup broke	*John broke the cup*
'Чашка разбилась'.	'Джон разбил чашку'.
'открываться' *open* ~ *open* 'открывать'	
The window suddenly opened	*Louise opened the window*
'Окно внезапно открылось'.	'Луиза открыла окно'.

Эту конверсию$_2$ мы можем записать так:

b. $\mathbf{C_{КАУЗ}}$ = ⟨'каузировать, чтобы ...'; неперех $\Longrightarrow$ перех;
Σ = V, непереходный, типа "кауз-конв", ...⟩

Английские глаголы, которые допускают $\mathbf{C_{КАУЗ}}$, должны быть специально помечены в словаре («типа "кауз-конв" »).

(7) В испанском имя деятеля может быть образовано от названия организации, объекта или действия, предполагающего такого деятеля, посредством конверсии$_2$, которая меняет род I.1 исходного существительного (и тем самым его согласование), не затрагивая его парадигмы$_1$:

$\mathbf{C_{АГЕНС}}$ = ⟨'тот, который действует в связи с ...'; жен $\Longrightarrow$ муж;
Σ = N, женского рода, типа "агенс-конв", ...⟩

'полиция' *la policía* ~ *el policía* 'полицейский'
'защита' *la defensa* ~ *el defensa* 'защитник' [в футболе]
'шпага' *la espada* ~ *el espada* 'матадор' [на корриде]
(этот пример уже приводился в Части третьей [том 3], Глава III, 4, (9), с. 152).

3. Парадигматическая и категориальная конверсия$_2$

Этот тип конверсии$_2$ весьма распространен в английском.

(8) английский

a. $\mathbf{C_{ПРИВАТИВ}}$ = ⟨'удалять [что-л. с чего-л.]'; N $\Longrightarrow$ V;
Σ = N, типа "приват-конв", ...⟩

'кость' [*a*] *bone* ~ [*to*] *bone* 'вынуть кости' [из рыбы, ...]
'кора' [*the*] *bark* ~ [*to*] *bark* 'снять кору'
'пыль' [*the*] *dust* ~ [*to*] *dust* 'стереть/выбить/... пыль'

b. **Трансформ** = ⟨'делать [кого-л./что-л. каким-л.]'; Adj ⟹ V; Σ = Adj, типа "кауз-конв", ...⟩
'пустой' *empty* ~ [*to*] *empty* 'опустошать'
'круглый' *round* ~ [*to*] *round* 'скруглять, закруглять'
'чистый' *clean* ~ [*to*] *clean* 'чистить'

Эти две конверсии$_2$ меняют часть речи и парадигму$_1$ исходной лексемы. Конверсиями$_2$ этого типа в английском выражается также и довольно значительное число других дериватем.

4. Парадигматическая и рекционная конверсия$_2$

(9) В суахили изменение класса 1 (у существительных), проявляющееся в замене классного 1 префикса и в новой модели согласования с данным существительным, может использоваться для выражения самых разных дериватем. Сначала мы проиллюстрируем применение этой конверсии$_2$ для образования аугментатива и диминутива. [Cl обозначает здесь признак синтактики «именной класс 1», римская цифра указывает конкретное значение этого признака.]

a. **Саугм** = ⟨'большой'; Cl ⟹ V; Σ = N, Cl = I/III/IX, ...⟩

'человек'	***m*** + *tu*	(I)	***ji*** + *tu*	'великан'	(V)
'река'	***m*** + *to*	(III)	***ji*** + *to*	'большая река'	(V)
'змея'	***ny*** + *oka*	(IX)	***j*** + *oka*	'большая змея'	(V)

[Буква *j* в графике суахили обозначает фонему /ǯ/.]

Для выражения смысла аугментатива любое существительное может быть переведено в класс 1 V, который маркируется префиксом **ji-**.

b. **Сдимин** = ⟨'маленький'; V ⟹ VII; Σ = N, Cl = V, префикс этого класса 1 сохраняется, ...⟩

'человек'	*m* + *tu*	(I)	***ki*** + *ji* + *tu*	'карлик'	(VII)
'река'	*m* + *to*	(III)	***ki*** + *ji* + *to*	'ручеек'	(VII)
'змея'	*ny* + *oka*	(IX)	***ki*** + *j* + *oka*	'маленькая змейка'	(VII)
'кусок'	***∅*** + *pande*	(V)	***ki*** + ***∅*** + *pande*	'маленький кусочек'	(VII)
'зуб'	*ji* + *no*	(V)	***ki*** + *ji* + *no*	'маленький зубик'	(VII)

Эта конверсия$_2$ применяется только к существительным класса 1 V. Поэтому для выражения смысла диминутива всякое существительное, если оно не относится к классу 1 V, должно быть сначала переведено в класс 1 V, а уже потом, как и всякое существительное класса 1 V, оно переводится в класс 1 VII.

Замечания

1. Класс 1 V (префикс **ji-**), вообще говоря, сам по себе классом аугментативов не является: ср. *ji*+*na* 'имя', *ji*+*ko* 'очаг', *ji*+*no* 'зуб', и т. п. Существительное приобретает аугментативное значение, только если оно ПЕРЕШЛО в класс 1 V из другого класса 1. То же самое справедливо относительно класса 1 VII (**ki-**): ср. *ki*+*lima* 'гора', *ki*+*mba* 'труп', *ki*+*menome* 'зубная боль', не являющиеся диминутивами. Диминутив выражается именно переводом существительного из класса 1 V в VII (= классной 1 конверсией$_2$).

2. В случае конверсии$_2$ (9b) префикс класса 1 VII **ki-**, прибавляясь к исходной форме, ставится ПЕРЕД префиксом класса 1 V **ji-** — вместо того чтобы встать на его место, как это обычно бывает с другими классными 1 префиксами в суахили. В результате этого префикс **ji-**, независимо от того, выражает он аугментатив или нет, в контексте предшествующего ему префикса **ki-** оказывается пустым$_2$ — в точности как те падежные суффиксы, которые непосредственно примыкают к основе в формах вторичных и третичных падежей (см. Часть вторая [том 2], Глава III, § 4, **2.2**, 1, с. 328–332). Диминутив, образованный при помощи конверсии$_2$ (9b), представляет собой, таким образом, ***паразитическое образование*** (Глава II настоящей части, § 1, **2.5**, с. 51 и сл.).

c. $\mathbf{C_{ЯЗЫК}}$ = ⟨'язык [X-ов]'; I $\Longrightarrow$ VII;
Σ = N, **Cl** = I, 'национальность, ...'⟩

d. $\mathbf{C_{СТРАНА}}$ = ⟨'страна [X-ов]'; I $\Longrightarrow$ XI;
Σ = N, **Cl** = I, 'национальность, ...'⟩

	исходное имя 'X'	язык [X-ов]	страна [X-ов]
'немец'	***m***+*dachi* /dači/	***ki***+*dachi*	***U***+*dachi*
'португалец'	***m***+*zeno*	***ki***+*zeno*	***U***+*zeno*
'[представитель народа] гого'	***m***+*gogo*	***ki***+*gogo*	***U***+*gogo*

Конверсии$_2$ типа тех, что представлены в (9), очень распространены в языках банту (и составляют одну из их характерных особенностей). Они используются в этих языках также для выражения множественного числа существительных и, тем самым, практически с целью словоизменения. Об этом уже шла речь выше, в разделе **2.1**, 2, с. 353. Ср. также Часть вторая [том 2], Глава IV, § 5, пример (10), с. 451.

(10) Дериватема 'женский пол' выражается путем конверсии$_2$ «муж. род $\Longrightarrow$ жен. род» у большой группы существительных-фамилий во всех славянских языках:

	мужчина	женщина
русский	*Васильев*	*Васильев* (*-а*)
	Кузьмин	*Кузьмин* (*-а*)
	Иорданск(*-ий*)	*Иорданск*(*-ая*)

польский	*Świdziński* (*-i*)	*Świdziński* (*-a*)
	Bogusławsk (*-i*)	*Bogusławsk* (*-a*)
болгарский	*Петков*	*Петков* (*-а*)
	Яворов	*Яворов* (*-а*)

5. Парадигматическая, категориальная и рекционная конверсии$_2$

(11) В русском имеется целая серия конверсий$_2$ этого типа, а именно — продуктивная субстантивация прилагательных, при которой наблюдается изменение и парадигмы$_1$, и части речи исходного прилагательного, а также определенная модификация его синтаксической сочетаемости.

a. **Слицо** = ⟨'лицо мужского/женского пола, которое есть ...'; Adj $\Longrightarrow$ N, муж/жен; Σ = Adj, типа n_1, ...⟩

прилагательное	существительное мужского рода	существительное женского рода
слепой	*слепой*	*слепая*
больной	*больной*	*больная*
немой	*немой*	*немая*

b. **Сдробь** = ⟨'дробь $\frac{1}{n}$'; Adj $\Longrightarrow$ N, жен; Σ = Adj, порядк. числ., '*n*-ный', ...⟩

прилагательное	дробь
трет(*-ий*)	*трет*(*-ья*) = '1/3'
сто сорок перв(*-ый*)	*сто сорок перв*(*-ая*) = '1/141'

c. **Содежда** = ⟨'одежда цвета ...'; Adj $\Longrightarrow$ N, сред; Σ = Adj, 'цвет ...', ...⟩

прилагательное	одежда
красн(*-ый*)	*красн*(*-ое*)
черн(*-ый*)	*черн*(*-ое*)

Ср. *дама в красном*; *Он переоделся в черное*; *Да, мне нравилась девушка в белом, /А теперь я люблю в голубом* [С. Есенин]; *Тебе идет голубое*; и т. п.

Во французском имеются точно такие же конверсии$_2$: [*un*/*une*] *malade* 'больной/больная', [*un*] *cinquième* [*du budget*] '[одна] пятая [всего бюджета]', [*une dame en*] *rouge* '[дама в] красном'.

d. **Собщепит** = ⟨'закусочная или столовая, где подают ...'; Adj $\Longrightarrow$ N, жен; Σ = Adj, синтаксическое производное [= $\mathbf{A_0}$] от названия блюда, ...⟩

прилагательное 'Х-ый'	заведение, где подают Х-ы
блинн (*-ый*)	*блинн* (*-ая*)
шашлычн (*-ый*)	*шашлычн* (*-ая*)
пирожков(*-ый*)	*пирожков*(*-ая*)

бутербродн(-*ый*) *бутербродн*(-*ая*)
котлетн (-*ый*) *котлетн* (-*ая*)

NB: В действительности образование названий специализированных закусочных в русском происходит по более сложным правилам, чем это представлено в (11d): см. далее, Глава VI, 4, 3, пример (27), с. 395.

(12) В литовском языке конверсии$_2$, являющиеся одновременно парадигматическими, рекционными и категориальными, используются весьма активно. Очень часто в тех случаях, когда русский язык прибегает к аффиксации, литовский выходит из положения при помощи конверсии$_2$. Ср.:

рус. *разговор*(-$\emptyset$) $\sim$ *разговор* + ***чив***(-*ый*)
vs.
лит. *kalb*(-*a*)$_{\text{N}}$ $\sim$ *kalb*(-*us*)$_{\text{Adj}}$

рус. *тих*(-*ий*) $\sim$ *тиш* + ***ин***(-*а*)
vs.
лит. *tyl*(-*us*)$_{\text{Adj}}$ $\sim$ *tyl*(-*a*)$_{\text{N}}$

рус. *смел*(-*ый*) $\sim$ *смел* + ***ость***(-$\emptyset$)
vs.
лит. *drąs*(-*as*)$_{\text{Adj}}$ $\sim$ *drąs*(-*a*)$_{\text{N}}$

рус. *жел*(-*ать*) $\sim$ *жел* + ***ани***(-*е*)
vs.
лит. *nor*(-*ėti*)$_{\text{V}}$ $\sim$ *nor*(-*as*)$_{\text{N}}$

Здесь хорошо видно, какую технику литовский использует для выражения своих дериватем: это изменение части речи исходной основы и одновременно изменение ее типа склонения/спряжения и ее класса согласования.

3. Особые подклассы конверсий$_2$

3.1. Пустые$_2$ конверсии$_2$? Строго говоря, **пустая*$_2$ *конверсия*$_2$ представляет собой *contradictio in terminis* [терминологический абсурд]: если у какой-то конверсии$_2$ означаемое пусто, то тогда это будет уже не конверсия$_2$, а конверсия$_1$, т. е. чисто «техническая» операция изменения синтактики, которая сама по себе знаком не является и просто сопутствует другим знакам, например тем или иным аффиксам, меняющим часть речи и/или управление или согласовательный класс соответствующей основы. То, что пустые$_2$ конверсии$_2$ невозможны — поскольку пустыми$_2$ бывают только сегментные знаки, было установлено в Главе I, § 2, **1.3**, 4, с. 23.

Мы хотим напомнить здесь об одном вопросе, который уже поднимался в связи с категориальными конверсиями$_2$ (**2.2**, 1, с. 357), а именно о вопросе об их означаемом. Мы продолжаем настаивать на том, что такие конверсии$_2$ представляют собой знаки с полноценным непустым означаемым (а вовсе не незначащие операции), поскольку они не служат обязательными сопроводителями других знаков: они выбираются и используются говорящим всегда по его воле. Добавим теперь еще один важный аргумент. Чистые категориальные конверсии$_2$ полностью эквивалентны — как знаки — субстантивирующим, адъективирующим и адвербиализирующим аффиксам. Ведь если взять, например, французский суффикс-адвербиализатор типа **-ment**, то он отнюдь не является пустым$_2$ (хотя производное наречие и имеет тот же смысл, что и исходное прилагательное): означаемым этого суффикса **-ment** является '**Adj$_0$**', т. е. 'отадъективное наречие'. При этом означаемое исходного адъектива не затрагивается, но его синтактика совершенно меняется. По аналогии с этим, ради последовательности нашего описания мы постулируем аналогичное означаемое также и для всякой категориальной конверсии$_2$. Например, в немецком мы имеем следующую конверсию:

(13) немецкий

а. **Сноминализ** = ⟨'**S$_0$**'; V, инф $\Longrightarrow$ N, сред; $\Sigma = \ldots$⟩

	глагол в инфинитиве		отглагольное существительное
'есть'	*ess*	+ *en*	(*das*) *Essen*
'быть'	*sei*	+ *n*	(*das*) *Sein*
'бить'	*schlag*	+ *en*	(*das*) *Schlagen*

Любой немецкий инфинитив может быть превращен в существительное указанным выше способом — без всякого изменения в означаемом.

Конверсия$_2$ (13а) создает паразитическое образование: чтобы превратить глагол V в имя действия, надо сначала построить инфинитив этого V, а затем применить к инфинитиву данную конверсию$_2$[2].

Замечание

1. Читатель вправе задать здесь вполне законный вопрос: почему мы предпочитаем видеть в случаях типа (13) действие конверсии$_2$ (применяемой к готовой форме инфинитива), а не субстантивирующий суффикс **-en** (омонимичный суффиксу **-en** инфинитива), при помощи которого имя действия образуется от исходной глагольной основы — так же, как оно образуется при помощи других субстантивирующих суффиксов вроде **-ung** [*entscheid*(*-en*)

'решать' ~ *Entscheid*+ ***ung*** 'решение'] или -t [*flieh*(*-en*) 'спасаться бегством' ~ *Fluch*+ ***t*** 'бегство']? Наш ответ таков: в производном$_2$ существительном, образованном путем конверсии$_2$ (13a), всегда сохраняется основа инфинитива — даже если она нерегулярна, как, например, (*das*) *Sein* или (*das*) *Tun*. Если считать **-en** субстантивирующим суффиксом, придется продублировать правила выбора основы инфинитива и для образования отглагольного существительного. В немецком имеются и другие конверсии$_2$, служащие для субстантивации глаголов, но они применяются к основам глаголов, не обязательно являющихся основами инфинитивов, и имеют более специализированное значение. Так, например, производное$_2$ имя, образованное от глагола посредством одной из таких конверсий$_2$, может значить 'определенное количество', или же 'небольшая порция' данного действия, или, наконец, 'факт [совершения ...]':

b. $\mathbf{C}^{1}_{\textbf{НОМИНАЛИЗ}}$ = ⟨'определенное количество ...'; V $\Longrightarrow$ N, муж; Σ = V, типа "квант-конв", ...⟩

$\mathbf{C}^{2}_{\textbf{НОМИНАЛИЗ}}$ = ⟨'небольшая порция ...'; V $\Longrightarrow$ N, муж; Σ = V, типа "квант-конв", ...⟩

$\mathbf{C}^{3}_{\textbf{НОМИНАЛИЗ}}$ = ⟨'факт совершения ...'; V $\Longrightarrow$ N, муж; Σ = V, типа "квант-конв", ...⟩

	глагол	отглагольное существительное	
'бить'	*schlag* (*-en*)	(*der*) *Schlag*	'удар'
'принимать'	*empfang*(*-en*)	(*der*) *Empfang*	'прием'
'восставать'	*aufsteh* (*-en*)	(*der*) *Aufstand*	'восстание'
'использовать'	*gebrauch*(*-en*)	(*der*) *Gebrauch*	'использование'

3.2. Нулевая конверсия$_2$. Как и в случае других знаков, нам кажется разумным постулировать нулевые конверсии$_2$ — в тех же обстоятельствах и на тех же основаниях.

Определение V.57: нулевая конверсия$_2$

Конверсия$_2$ называется *нулевой*, если ее означающим служит нулевая конверсия$_1$.

Означающим нулевой конверсии$_2$ является, таким образом, отсутствие изменения синтактики у того знака, к которому эта конверсия$_2$ применяется. Нулевая конверсия$_2$ может быть постулирована, только если она противопоставлена ненулевой конверсии$_2$, выражающей некоторую граммему (т. е. если она используется в словоизменении). Так, например, множественное число существительного в языках банту (в бафиа, пример (2), и в йака, пример (3)) выражается изменением исходного именного класса 1: в языках банту у существительного не бывает аффиксов числа; следовательно,

мы вынуждены говорить, что единственное число существительного в этих языках выражается тем, что исходный класс 1 существительного остается неизменным, а это и значит, что единственное число выражено нулевой конверсией$_2$. Например, для единственного числа существительных в бафиа мы будем иметь:

$$\mathbf{C_{ЕД}} = \langle\text{‘единственное число’};\ \mathbf{Cl} \Longrightarrow \mathbf{Cl};\ \Sigma = \mathrm{N},\ \mathbf{Cl}, \ldots\rangle$$

4. Конверсиема

Определение V.58: конверсиема

Конверсиемой называется множество всех конверсий$_2$ (данного языка), означаемые которых тождественны и которые распределены согласно достаточно общим правилам, не обращающимся к контексту за пределами словоформы.

Обозначения

Следуя принятой нами выше практике, для обозначения конверсием мы используем фигурные скобки: $\{\mathbf{C_{ДИМИН}}\}$, $\{\mathbf{C_{ДЕЯТЕЛЬ}}\}$, ...

Примеры

(14) русский

а. $\{\mathbf{C_{ЖЕН}}\} \Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\text{II}\Rightarrow\text{I}}_{\mathbf{ЖЕН}}$ | $\mathbf{R} = \ldots$ *-ов*, *-ин*

$\mathbf{R} = (\mathrm{N},\ \text{II скл(онение)})$

$\Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\text{II}\Rightarrow\emptyset}_{\mathbf{ЖЕН}}$ | $\mathbf{R} \neq \ldots$ *-ов*, *-ин*

$\Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\text{муж}\Rightarrow\text{жен}}_{\mathbf{ЖЕН}}$ | $\mathbf{R} = (\mathrm{N},\ \text{адъективное скл}, \ldots)$

$\mathbf{R} \neq (\mathrm{N},\ \text{II скл})$

$\Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\emptyset\Rightarrow\emptyset}_{\mathbf{ЖЕН}}$ | $\mathbf{R} = (\mathrm{N},\ \emptyset\ \text{скл}, \ldots)$

[Запись $\mathbf{R} = (x,\ y,\ \ldots)$, которую мы используем в разделе «условия» в морфологических правилах типа (14а), означает «основа **R**, имеющая значения признаков синтактики x, y, ...»; формализм морфологических правил описан во всех подробностях в Части шестой, Глава I.]

Конверсии$_2$, включенные в русскую конверсиему $\{\mathbf{C_{ЖЕН}}\}$, образуют женские фамилии от соответствующих мужских фамилий по определенным правилам в ситуациях трех типов:

1) Исходная мужская фамилия относится ко II склонению. Тогда, если она имеет в конце суффикс **-ов** или **-ин**, соответствующая конверсия$_2$ переводит ее в I склонение ($\mathbf{C}^{\text{II}\Rightarrow\text{I}}_{\mathbf{ЖЕН}}$); если же она такого суффикса не имеет, другая

конверсия$_2$ переводит ее в класс несклоняемых существительных ($\mathbf{C}^{\mathrm{II}\Rightarrow\emptyset}_{\textbf{ЖЕН}}$). Ср.:

b. муж	жен	муж	жен
Перцов	*Перцова*	*Рабинович*	*Рабинович*
Кузьмин	*Кузьмина*	*Апресян*	*Апресян*
Саввин	*Саввина*	*Беллерт*	*Беллерт*

Разумеется, эти же конверсии$_2$ одновременно меняют грамматический род I.1 основы (муж $\Longrightarrow$ жен). Сравните:

	мужчина	женщина	мужчина	женщина
Я вижу	*Петров* + ***а***	*Петров* + ***у***	*Рабинович* + ***а***	*Рабинович*
придти к	*Петров* + ***у***	*Петров* + ***ой***	*Рабинович* + ***у***	*Рабинович*
с	*Петров* + ***ым***	*Петров* + ***ой***	*Рабинович* + ***ем***	*Рабинович*

2) Мужская фамилия относится к адъективному склонению. Тогда соответствующая конверсия$_2$ всего лишь меняет ее род I.1 и парадигму$_1$, оставляя ее в том же склонении:

c. муж		жен	
Иорданск	(*-ий*)	*Иорданск*	(*-ая*)
Богуславск	(*-ий*)	*Богуславск*	(*-ая*)
Толст	(*-ой*)	*Толст*	(*-ая*)

3) Фамилия является несклоняемой (ее основа оканчивается на гласную: *Шевченко*, *Гюго*, *Маккри*, *Тугокаки* и т. п.). Тогда за нее придется взяться последней конверсии$_2$, а это значит, что в ее синтактике не изменится ничего, кроме рода I.1:

d. муж	жен
(*этот*) *Шевченко*	(*эта*) *Шевченко*

(15) испанский

$$\{\mathbf{C}_{\textbf{СУБЪЮН}}\} \Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\mathrm{I}\Rightarrow\mathrm{II}}_{\textbf{СУБЪЮН}} \mid \mathbf{R} = (\mathrm{V}, \text{спряж. I}, \ldots)$$
$$\Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\mathrm{II/III}\Rightarrow\mathrm{I}}_{\textbf{СУБЪЮН}} \mid \mathbf{R} = (\mathrm{V}, \text{спряж. II или III}, \ldots)$$

[см. пример (1b) на с. 352].

(16) бафиа

$$\{\mathbf{C}_{\textbf{МН}}\} \Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\mathrm{I}\Rightarrow\mathrm{II}}_{\textbf{МН}}$$
$$\Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\mathrm{III}\Rightarrow\mathrm{IV}}_{\textbf{МН}}$$
$$\Longleftrightarrow \mathbf{C}^{\mathrm{V}\Rightarrow\mathrm{VI}}_{\textbf{МН}}$$
$$\ldots\ldots$$

Как и в предыдущих случаях с аллоредупликациями и аллоапофониями, мы не станем определять понятие ***аллоконверсии$_2$***.

Примечание

[1] (**2.1**, 2, пример (6), с. 358). По поводу нашего анализа этого примера можно возразить, что у английского каузативного глагола есть формы пассива, в то время как у исходного глагола их нет. Если формы пассива будут включены в парадигму$_1$ глагола, конверсия$_2$, описанная в (6), должна быть признана также и парадигматической, а пример (6) должен быть перенесен, соответственно, в следующий раздел.

[2] (**3.1**, после примера (13), с. 363). В Части третьей настоящей книги (том 3, Глава I, **5.3**, с. 29 и сл.) была допущена содержательная ошибка: синтаксическая транспозиция, или трансляция (в смысле Л. Теньера), описывалась как конверсия$_1$, т. е. как незначащая операция.

Библиографические указания

Подробное описание конверсии$_2$ в английском языке можно найти в книге Marchand 1960; см. также Clark and Clark 1979, где дается очень интересное описание семантических оснований английской конверсии$_2$ N $\Longrightarrow$ V. Теоретический анализ этого понятия был предложен в Мельчук 1973; см. также Mel'čuk 1982: 102–104.

Резюме Главы V

Вводится понятие ***конверсии$_2$*** как некоторого элементарного морфологического знака и фиксируются основные классы конверсий$_2$ — как словоизменительных, так и словообразовательных: ***парадигматическая*** конверсия$_2$, ***категориальная*** конверсия$_2$, ***рекционная*** конверсия$_2$ (плюс их смешанные типы). Дан обзор этих типов конверсии$_2$, иллюстрируемый примерами; после этого определяется ***конверсиема.***

ГЛАВА VI

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ

1. Общие положения

Морфологический способ (англ. *morphological process*) — это, грубо говоря, определенное ДЕЙСТВИЕ говорящего, состоящее в применении языкового знака того или иного типа для выражения, сугубо в пределах словоформы, некоторого грамматического (= словоизменительного или словообразовательного) значения; это значение прилагается — или, лучше сказать, «прибавляется» — к лексическому значению-ориентиру 's', т. е. к тому значению 's', из которого исходил говорящий, приступая к построению рассматриваемой словоформы.

Нам неизвестно, кто первый ввел в лингвистический обиход термин *морфологический способ* или соответствующее ему понятие. Мы заимствовали его из Sapir 1921.

Морфологические способы определяются следующими тремя оппозициями:

• Морфологический способ — это использование языкового знака, т. е. значащей сущности, с целью выразить нечто; следовательно, морфологический способ обязательно является ЗНАЧАЩИМ. Тем самым, морфологические способы противопоставляются применению ***морфологических средств***, этих односторонних, незначащих сущностей и операций, которые представляют собой просто «строительные блоки» для производства морфологических означающих (см. Часть третья [том 3], Глава I, с. 5 и сл.). Морфологические средства могут быть разных типов: фонемные цепочки (= ***сегменты***), просодемные (= ***супрасегментные***) конфигурации, незначащие чередования (вроде исп. *colg*(*-ár*) 'вешать' ~ *cuélg*(*-o*) '[я] вешаю', англ. *wife* 'жена' ~ *wive*(*-s*) 'жёны' или венг. *ház*+ ***ban*** 'в доме' ~ *könyv*+ ***ben*** 'в книге'), незначащие конверсии$_1$ (см. Часть третья, Глава I, **5.3**, с. 29) и незначащее линейное расположение сегментных элементов.

• Морфологический способ — это использование языкового знака внутри словоформы, т. е. использование такого знака, который — наряду с другими знаками — является частью словоформы; следовательно, это явление из области МОРФОЛОГИИ. В этом аспекте морфологические способы противопоставляются ***неморфологическим***, или ***синтаксическим***, (***языковым***) ***способам***.

• Морфологический способ — это ДЕЙСТВИЕ, а именно использование языкового знака; следовательно, это некий динамический факт. В этом плане морфологические способы противопоставляются статическим сущностям — ***морфологическим знакам***.

Таким образом, морфологические способы надо отличать 1) от незначащих морфологических действий (= применения морфологических СРЕДСТВ), 2) от неморфологических значащих действий (= СИНТАКСИЧЕСКИХ способов) и 3) от морфологических сущностей (= морфологических ЗНАКОВ).

Со строго логической точки зрения понятие морфологического способа избыточно: в самом деле, морфологический способ находится во взаимно-однозначном соответствии с типом языкового знака, который им используется. Тем не менее, это понятие и соответствующий термин широко применяются в лингвистической литературе. Кроме того, языковые способы вообще, среди которых морфологические способы составляют всего лишь подмножество, не находятся во взаимно-однозначном соответствии с типами используемых ими знаков. По этим двум причинам мы полагаем, что понятие морфологического способа полезно, так что мы непосредственно перейдем к обзору морфологических способов в естественных языках. Это позволит нам взглянуть по-новому на уже рассмотренные явления и остановиться подробнее на некоторых вопросах, которым не было уделено достаточно внимания.

В лингвистической литературе употребляются еще два термина, конкурирующих с *морфологическим способом* (в том смысле, который мы вкладываем в этот термин): это *формальный способ* и *грамматический способ*.

Термин *формальный способ* неудобен: во-первых, термина **смысловой* (= *значащий*) *способ* не существует, и поэтому непонятно, чему, собственно, противопоставлен термин *формальный способ*; во-вторых, ведь именно то, что предлагается называть «формальным способом», на самом деле как раз и есть по своей природе явление значащее, смысловое!

Термин *грамматический способ* чисто терминологически лучше: грамматический способ оказывается противопоставленным неграмматическим способам, см. **2.1**, с. 371. Однако, если следо-

вать его буквальному смыслу, этот термин должен обозначать такие способы, которые служат для выражения ЛЮБЫХ грамматических значений, не все из которых являются морфологическими (= выражаются в пределах словоформы). Поэтому представляется более целесообразным резервировать термин *грамматический способ* для обозначения любого языкового способа, используемого для выражения любого грамматического значения, — в том числе и такого способа, который действует за пределами словоформы.

2. Понятие морфологического способа

Мы начнем с уточнения того места, которое занимают морфологические способы среди прочих языковых способов, для чего нам придется дать вначале краткую типологию языковых способов вообще (**2.1**); после этого мы сможем перейти к определению морфологического способа (**2.2**), чтобы обсудить затем важное свойство морфологических способов: их строго аддитивный характер (**2.3**).

2.1. Типология языковых способов. Мы назовем *языковым способом выражения* всякое действие, используемое языком (т. е. говорящими на этом языке) для выражения некоторого смысла. Ясно, что такое действие может состоять только в ОТБОРЕ нужных языковых знаков и в их КОМБИНИРОВАНИИ в допускаемые данным языком конфигурации. Поэтому языковые способы выражения можно классифицировать по двум основаниям:

• В зависимости от ПРИРОДЫ смысла, подлежащего выражению, языковой способ может быть ***грамматическим*** (когда он выражает грамматическое значение) или ***неграмматическим***. Большинство языковых способов выражения являются грамматическими; точнее, существуют только два неграмматических языковых способа: это ***лексикализация***, или выбор лексемы для выражения заданного смысла исходя непосредственно из семантической сети, и ***морфологическое сложение$_1$*** (см. выше, Глава II, § 2, **7**, с. 96 и сл.). В действительности сложение$_1$ представляет собой частный случай лексикализации — это, так сказать, лексикализация в рамках словоформы. В самом деле, при сложении$_1$ для некоторого заданного смысла выбирается определенная лексема: следовательно, происходит лексикализация. Вместе с тем, если при «простой» лексикализации выбранная лексема вставляется в глубинно-синтаксическую структуру синтезируемой фразы, то при сложении$_1$ (= «специальной» лексикализации) выбранная лексема вставляется в синтезируемую словоформу. (Разумеется, как лексикализация, так и сложение$_1$ могут требовать одновременного применения тех или иных грамматических способов.)

• В зависимости от того, каким ОБРАЗОМ выражается данный смысл — т. е. внутри словоформы или за пределами словоформы, языковой способ может быть ***морфологическим*** (значение выражается в пределах словоформы) или ***неморфологическим*** (т. е. синтаксическим: требуемый смысл выражается в пределах фразы или словосочетания, однако заведомо за пределами словоформы).

Эти основания логически независимы; они дают нам четыре возможных класса языковых способов:

1) Морфологические грамматические языковые способы: ***аффиксация***, ***апофонация*** и т. д., см. ниже. Языковые знаки, используемые этими способами, представляют собой ***грамматические морфологические знаки***: см. Главу II, § 2, **8**, с. 145 и сл.

2) Неморфологические (т. е. синтаксические) грамматические языковые способы. В том числе:

– Способ ***служебных слов***, каковые бывают двух типов:

• Служебные слова, выражающие словоизменительные значения в ***аналитических формах***; сюда относятся ***вспомогательные*** глаголы и частицы.

• Служебные слова, маркирующие определенные элементы в тех или иных синтаксических конструкциях; сюда относятся сильноуправляемые предлоги/послелоги и союзы.

– Способы ***согласования*** и ***управления*** (= установление значений словоизменительных категорий одних словоформ в зависимости от значений словоизменительных категорий или признаков синтактики других словоформ).

– Способ значащей ***линейной перестановки*** словоформ во фразе (таково, например, размещение числительного после существительного в русском языке, выражающее значение ‘приблизительно’: *пять метров* ~ *метров пять*).

– Способ ***клитикализации*** (фонетического «приклеивания» некой данной словоформы $\mathbf{w}'$ к другой определенной словоформе **w** во фразе — ее опорному слову, так что $\mathbf{w}'$ теряет при этом свою собственную просодию и образует вместе с опорным словом одну фонетическую синтагму).

– Способ ***просодизации*** (= ***интонирования***) фразы; и т. п.

3) Морфологические неграмматические языковые способы: ***сложение***$_1$, частным случаем которого является ***инкорпорация***.

4) Неморфологические неграмматические языковые способы: ***лексикализация*** (в собственном смысле слова).

Поскольку все языковые способы выражения представляют собой действия, а именно отбор и комбинирование языковых знаков, их названиями служат отглагольные существительные на **-ация** (**-ение**/**-ание**), образованные от используемых в каждом конкретном случае названий знаков: если

знак именуется X, соответствующий языковой способ именуется *X-ация* (*X-ение/X-ание*); таким образом получаем *суффикс* ~ *суффиксация*, *апофония* ~ *апофонация*, *повтор* ~ *повторение* и т. д.

Подчеркнем, что все языковые способы — явления сугубо синхронические.

2.2. Определение морфологического способа. Пусть у нас имеется основа **R** и какой-нибудь знак **X**, означаемое которого 'X' приложимо к означаемому 'R' основы **R**.

Определение V.59: морфологический способ

> Способ выражения $\mathcal{P}$ в языке $\mathcal{L}$, такой что он присоединяет знак **X** к основе **R** (для выражения значения 'X', присоединяемого к значению 'R'), называется *морфологическим*, если в результате **X** оказывается частью той же словоформы, что и **R**.

Морфологический способ $\mathcal{P}$ — это частный случай метаоперации языкового объединения $\oplus$. Точнее, $\mathcal{P}$ представляет собой присоединение **X**-а к «мишени» этого **X**-а — к такой основе **R**, при которой присоединенный к ней **X** выражает значение 'X'; причем $\mathcal{P}$ делает это внутри словоформы, содержащей **R**. Иными словами, морфологический способ $\mathcal{P}$, будучи примененным к основе **R**, дает в результате новую основу **R**′ более высокого порядка или полную словоформу.

Для иллюстрации нашего определения мы приведем три примера: два примера настоящих морфологических способов и один характерный пример такого явления, которое морфологическим способом, вообще говоря, не является, но легко может быть принято (а часто и в самом деле принимается) за таковой.

Правильные примеры морфологических способов

В одном и том же языке разные морфологические способы могут использоваться для выражения одной и той же граммемы.

(1) В языке нисга множественное число существительного выражается следующими четырьмя морфологическими способами (Sapir 1921: 60):

суффиксация	: 'брат'	*waky*	~ *waky*+***k**^{w}*	'братья'
префиксация	: 'рука'	*an?on*	~ ***ka***+ *an?on*	'ру́ки'
апофонация	: 'плащ'	*g*^{w}***u**la*	~ *g*^{w}***i**la*	'плащи'
редупликация$_3$	: 'человек'	*gyat*	~ ***gyi**gyat*	'люди'

[В соответствии с соглашениями, принятыми в данной книге, нижние числовые индексы служат для различения значений терминов при их неоднозначности. Так, в *редупликация*$_1$ индекс 1 указывает на то, что это (чисто формальная) операция итерации, называемая «редупликация»; в *редупликация*$_2$ индекс 2 указывает, что редупликация$_2$ — это знак, имеющий в качестве

означающего редупликацию$_1$; наконец, в *редупликация*$_3$ индекс 3 маркирует морфологический способ, состоящий в применении редупликации$_2$. При других терминах сходного типа индексы используются таким же образом.]

Не менее распространена и обратная ситуация: в одном и том же языке определенный морфологический способ может использоваться для выражения разных грамматических значений.

(2) английский

a. Суффиксация выражает большое количество граммем и дериватем, совсем непохожих друг на друга:

'мн. ч. [существительных]'	: 'книга'	*book*	~ *book*	+ ***s***	'книги'
'прошедшее время [глаголов]'	: 'хочу'	*want*	~ *want*	+ ***ed***	'хотел'
'сравнительная степень'	: 'умный'	*smart*	~ *smart*	+ ***er***	'умнее'
'наречие'	: 'умный'	*smart*	~ *smart*	+ ***ly***	'умно'
'тот, кто ...'	: 'петь'	*sing*	~ *sing*	+ ***er***	'певец'
'каузировать, чтобы ...'	: 'острый'	*sharp*	~ *sharp*	+ ***en***	'точить, заострять'

b. Апофонация может выражать три разных граммемы:

'мн. ч. [существительных]'	: 'зуб'	*tooth* ~ *teeth*	'зубы'
'прошедшее время [глаголов]'	: 'пою'	*sing* ~ *sang*	'пел'
'причастие прошедшего времени'	: 'пою'	*sing* ~ *sung*	'спетый'

c. Конверсия$_3$ может выражать много разных дериватем:

'тот, кто ...'	: 'сплетничать'	[*to*] *gossip*	~ [*a*] *gossip*	'сплетник'
'каузировать, чтобы ...'	: 'гореть'	[*to*] *burn*	~ [*to*] *burn smth.*	'жечь'
'подвергать действию ...'	: 'молоток'	[*a*] *hammer*	~ [*to*] *hammer*	'прибивать молотком'
'порция ...'	: 'целовать'	[*to*] *kiss*	~ [*a*] *kiss*	'поцелуй'
'обращаться к кому-л., говоря ...'	: 'сэр'	*sir*	~ [*to*] *sir*	'называть кого-л. [при обращении] «сэр»'

Ошибочный пример морфологического способа

(3) В русском языке сослагательное наклонение выражается частицей **бы** в сочетании с формой прошедшего времени:

Я плыл ~ *Я* ***бы*** *плыл/Я плыл* ***бы***.

Он жил в Москве ~ *Он* ***бы*** *жил в Москве/Он жил* ***бы*** *в Москве/В Москве* ***бы*** *он жил.*

Бы не является частью той словоформы, в которой находится глагольный корень **плы(в)-** или **жи(в)-**; **бы** представляет собой отдельную словоформу — постклитику, которая приклеивается к произвольной полнозначной словоформе во фразе (ее место во фразе определяется, грубо говоря, коммуникативной структурой этой фразы). Таким образом, условие, сформулированное в определении морфологического способа, не выполняется; значит, использование частицы **бы** морфологическим способом не является. (Ее употребление, тем не менее, предполагает два грамматических способа русского языка: выбор служебного слова для выражения граммемы 'сослагательное наклонение' и постклитикализацию частицы **бы** — ее «приклеивание» к опорному слову.)

Подобная ситуация имеет место во всех тех (весьма частых) случаях, когда граммемы выражаются с помощью вспомогательных, или служебных, слов, т. е. в ***аналитических формах***.

Здесь будет уместно вспомнить китайский пример, разбиравшийся в Части третьей [том 3], Глава I, пример (3), с. 12. Тоны, наблюдаемые в приведенных там китайских словоформах, различают эти словоформы, но САМИ ПО СЕБЕ никакого смысла не выражают. Применение тонов не является поэтому способом выражения в китайском языке (хотя тоны и являются в этом языке формальным языковым средством); следовательно, оно тем более не является морфологическим способом.

2.3. Аддитивный характер морфологических способов. Предложенное определение морфологического способа предполагает следующую концепцию создания словоформ. Всякая словоформа **w** строится в два этапа:

– На первом этапе говорящий выбирает основу **R**, которая выражает нужное лексическое значение; это ***лексикализация***.

– На втором этапе говорящий прибавляет к **R** другие компоненты словоформы, т. е. применяет к **R** разные морфологические способы с целью выразить какие-то другие значения, лексические и грамматические, которые должны модифицировать 'R' в рамках словоформы **w**.

В силу этого всякий морфологический способ, равно как и используемые в нем языковые знаки, является строго АДДИТИВНЫМ. (Аддитивный характер языкового знака вообще и морфы в частности уже обсуждался выше, в Главе II, § 1, **2.5**, с. 47 и сл.)

Вместе с тем, как уже было показано, означаемое или означающее языкового знака вполне может оказаться «вычитательным» или «заместительным».

«***Вычитательное***» ***означаемое*** представляет собой «команду» стереть те или иные компоненты в означаемом знака-мишени (или в его синтактике). Типичным примером может служить русский декаузативизирующий суффикс **-ся** в глагольных парах типа *сердить* 'каузировать кого-л. быть сердитым' ~ ***сердиться*** 'быть сердитым' или *катать* 'каузировать кого-л.

кататься' ~ *кататься*. Суффикс **-ся**, присоединенный к основе переходного глагола, стирает в его означаемом компонент 'каузировать ...' и в то же время изменяет его синтактику: глагол становится непереходным, теряет один из своих синтаксических актантов, и т. п.

«Вычитательное» означающее представляет собой операцию усечения, которую можно наблюдать, например, в следующих случаях:

(4) Образование множественного числа существительных

	ед. ч.		мн. ч		
a. французский					
'яйцо'	*œuf*	/œf/	*œfs*	/ø/	'яйца'
'бык'	*bœuf*	/bœf/	*bœfs*	/bø/	'быки'
'кость'	*os*	/ɔs/	*os*	/o/	'кости'
b. верхнегессенский диалект немецкого языка					
'собака'	*hon**d***		*hon*		'собаки'
'гора'	*bā**rk***		*bār*		'горы'
'кольцо'	*ri**ŋk***		*riŋ*		'ко́льца'

(5) Образование комплетива (аспекта V) глаголов

	инкомплетив	комплетив	
a. уичоль			
'Я его видел (и мог бы увидеть еще)'	*nepiizei**ya***	*nepiizei*	'Я его повидал (в последний раз)'
'Он танцевал (и мог бы танцевать еще)'	*pïtiunei**ka***	*pïtiunei*	'Он станцевал (в последний раз)'
b. папаго			
'спускаться'	*hud**uni***	*hud**u***	'спуститься'
'раскалывать'	*tāpa**na***	*tāpa*	'расколоть'
'давать'	*mā**ka***	*mā*	'дать'

Тем не менее, несмотря на свое вычитательное означаемое или означающее, сам соответствующий знак остается аддитивным: он всегда присоединяется, т. е. ПРИБАВЛЯЕТСЯ, к своей мишени как одно целое. В естественных языках не бывает вычитательных знаков и, следовательно, не бывает и вычитательных морфологических способов.

Отсюда следует, что не бывает также и субституитивных (= заместительных) знаков, а вместе с ними и заместительных морфологических способов. (Поскольку всякое замещение сводимо к вычитанию и последующему прибавлению.) Но это, разумеется, не препятствует существованию заместительных означаемых и заместительных означающих — в точности так, как это обстоит с вычитательными означаемыми и вычитательными означающими.

Заместительные означаемые могут быть проиллюстрированы ***паразитическими образованиями*** (Глава II, § 1, (8), с. 51). Возьмем, скажем, аф-

фикс $\mathbf{a_1}$, который обязательного должен прибавляться к некоторой основе-мишени вслед за некоторым другим аффиксом $\mathbf{a_2}$, причем означаемое первого аффикса 'a_1' замещает означаемое второго аффикса 'a_2', вместо того чтобы к нему прибавляться. Формально эта ситуация выглядит следующим образом:

• рассматриваемая результирующая словоформа имеет вид

$$\mathbf{w = R + a_2 + a_1};$$

• означаемое словоформы **w**, однако, 'w' = 'R+a_1', а вовсе не *'R+a_2+a_1', как можно было бы ожидать;

• в отсутствие $\mathbf{a_1}$ семантическая роль аффикса $\mathbf{a_2}$ ясна и несомненна: словоформа $\mathbf{w = R + a_2}$ имеет означаемое 'R + a_2'.

Значит, в присутствии аффикса $\mathbf{a_1}$ аффикс $\mathbf{a_2}$ никакого своего семантического вклада не вносит, хотя и является формально необходимым; аффикс $\mathbf{a_1}$, как животное-паразит, «всосал» в себя его смысл, откуда и идет название этого образования.

Это явление типично для целого класса падежных форм в дагестанских языках; это — так называемые ***вторичные падежи*** (Глава II, § 1, (9), с. 52). Другие примеры паразитических образований приводятся на с. 55–56, 360, 363.

Подведем итог: морфологический способ — это, по определению, применение, или ПРИБАВЛЕНИЕ, одного языкового знака к другому. Не следует думать, что это прибавление представляет собой непременно конкатенацию или теоретико-множественное объединение: это может быть и более сложная операция. Тем не менее, это все-таки прибавление: языковые знаки не могут вычитаться или замещать собой что-либо, они всегда прибавляются (даже если их означаемые или их означающие и бывают иногда отрицательными, т. е. влекут за собой стирание каких-то компонентов в означаемом или означающем знака-мишени).

3. Типология морфологических способов

3.1. Основные типы морфологических способов. Морфологический способ определяется типом того языкового знака, который в данном способе используется. Выше, в § 2 Главы II (**8.2**, с. 147 и сл.), мы представили исчисление грамматических морфологических знаков; здесь мы воспроизведем — для удобства читателя — перечень основных классов таких знаков:

I. 1. Аффиксы
   2. Супрафиксы

II.1.a. Повторы$_2$ (преимущественно, редупликации$_2$)
   1.b. Апофонии
   2. Конверсии$_2$

Добавим к этому неграмматические морфологические знаки, т. е. основы; теперь у нас в руках есть все для построения исчисления морфологических способов.

Мы сгруппируем морфологические способы по типам означающих используемых ими языковых знаков; результат выглядит так:

- Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является некоторая СУЩНОСТЬ
  - Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является сегментная сущность
    - Морфологические способы, использующие основы:
      1) **морфологическое сложение$_1$**, и, в частности, **инкорпорация**
    - Морфологические способы, использующие аффиксы:
      2) **аффиксация**
  - Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является супрасегментная сущность:
    3) **супрафиксация**
- Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является некоторая ОПЕРАЦИЯ
  - Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является операция над означающим знака-мишени
    - Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является подстановка, оперирующая с копиями операнда:
      4) **повторение**
    - Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является подстановка, не оперирующая с копиями операнда:
      5) **апофонация**
  - Морфологические способы, использующие знаки, означающим которых является операция над синтактикой знака-мишени:
    6) **конверсия$_3$**

Эти шесть основных типов морфологических способов могут, разумеется, подразделяться и дальше, в соответствии с тем, как подразделяются типы языковых знаков.

Основные типы морфологических способов можно представить в следующей таблице:

ОЗНАЧАЮЩЕЕ	**ТИП ЗНАКА**	**МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ**
1. сегмент	корень/основа	сложение$_1$ $\supset$ инкорпорация
2. сегмент	аффикс	аффиксация
3. супрасегментное	супрафикс	супрафиксация

4. повтор$_1$	повтор$_2$	повторение
5. чередование	апофония	апофонация
6. конверсия$_1$	конверсия$_2$	конверсия$_3$

Замечания (см. Часть третья [том 3], Глава II, § 1, **3**, с. 45 и сл.)

1. Повторы$_1$ и чередования вместе образуют класс модификаций$_1$, а повторы$_2$ и апофонии — класс модификаций$_2$.

2. Центральным типом повторов$_{1,\,2}$ и повторений является редупликация$_{1,\,2,\,3}$. Другие повторы/повторения, а именно: трипликация$_{1,\,2,\,3}$ и квадрипликация$_{1,\,2,\,3}$, — достаточно редки.

3.2. Иллюстрации основных типов морфологических способов. Мы можем опустить здесь эксплицитные определения конкретных морфологических способов, поскольку все эти определения имеют достаточно тривиальное устройство: «Морфологический способ X-ации — это морфологический способ, в котором используются морфологические знаки типа X». Мы проиллюстрируем каждый из морфологических способов языковым примером; это позволит нам одновременно обозреть и весь диапазон языковых знаков.

1. Морфологическое сложение$_1$

Здесь будут приведены самые обычные примеры сложения$_1$, поскольку подробный разбор сложения$_1$ был дан в Главе II, § 2, **7**, с. 96 и сл.

(6) **а.** Сложение$_1$ типа $N^1 + N^2$ (N^1 является определением к N^2) широко распространено в немецком:

Gemeinde	+ *wald*	'общинный лес'
община	лес	
Phrase	+ *n* + *grenze*	'граница словосочетания'
словосочетание	граница	
Zeitung	+ *s* + *aufsatz*	'газетная статья'
газета	статья	
Deklination	+ *s* + *form*	'форма склонения'
склонение	форма	

Здесь мы видим сложные$_1$ лексемы: приведенные формы на 100% продуктивны и композиональны. В трех последних формах наблюдается интерфиксация, см. **3.2**, 2, пример (13), с. 383.

b. Сложение$_1$ типа $A^1 + A^2$ распространено в русском (A^1 и A^2 находятся между собой в сочинительном отношении, обнаруживающем разнообразные семантические вариации; интерфиксация при помощи **-о-** обязательна):

красн + *о* + *бел*(*-ый*) ‘красно-белый [флаг]’
[= ‘A^1 и A^2’]
немецк + *о* + *французск*(*-ий*) ‘немецко-французский [словарь]’
[= ‘с языка A^1 на язык A^2’]
герман + *о* + *французск*(*ий*) ‘германо-французский [союз]’
[= ‘между страной A^1 и страной A^2]’
сер + *о* + *голуб*(*ой*) ‘серо-голубой [цвет]’
[= ‘цвет A^2, приближающийся к цвету A^1’]

Инкорпорация

(7) такелма (Sapir 1922: 66–72)

g^{w}en + ***waya*** + *sgó^{u}t* + *hi*
шея нож резать 3ЕД.СУБ-3МН.ОБ
‘Он им перерезал шею ножом’,
где ‘шея’ и ‘нож’ инкорпорированы в глагол ‘резать’.

ī + ***p‘ī*** + *nók^{h}w* + *a?n*
рука огонь согревать 1ЕД
‘Я согреваю руки на огне’; ī- — это лексический префикс, замыкающий вместе с глагольной основой инкорпорированную основу ‘огонь’. (Лексические префиксы в такелма в точности соответствуют лексическим суффиксам салишских языков; см. Часть вторая [том 2], Глава IV, § 2, **6.1**, с. 404–407.)

p^{h}im + *ī* + *hōg^{w}ag^w* + *á?n*
лосось рука бежать 1ЕД
‘Я бегу с лососем в руке’.

2. Аффиксация

Здесь порядок нашего рассмотрения будет определяться типами аффиксов; см. Глава II, § 3, **2**, с. 166 и сл.

Суффиксация

(8) **a.** турецкий (Sproat 1992: 20)

Çöp + ***lük*** + ***ler*** + ***imiz*** + ***de*** + ***ki*** + ***ler*** + ***den*** + ***mi*** +
отбросы -ный МН 1МН ИНЭСС тот МН АБЛ ВОПРОС
+ ***y*** + ***di?***
быть . ПРОШ
‘Не была ли это одна из тех вещей, которые были у нас в помойках?’
[*çöplük* = ‘помойка’]

b. гренландский эскимосский (= инуктитут) (Hammerich 1976: 69–70)

oqa + ***usi*** + ***gža*** + ***eγut*** + ***tit*** + ***ā*** + ***soγi*** + ***leγ*** +
язык -ание БУД ПРИВ КАУЗ ТРАНСФ СУППОЗ ИНХ

+ ***atlaγ*** + ***lu*** + ***ne***
НАСТ ГЕРУНД 3ЕД.СУБ-3ЕД.ОБ

[ПРИВ = приватив, ТРАНСФ = трансформатив: см. Часть вторая [том 2], с. 338 и с. 383; СУППОЗ = суппозитив: 'предполагать, что ...']

Эта чудовищная словоформа, в одиночку передающая смысл целого достаточно сложного придаточного предложения, в официально принятой в Гренландии орфографии записывается следующим образом:

oqausigssaerutitísasorileratdlardlune

и означает '... предполагая теперь, что она его лишила [возможности] пользоваться в будущем языком' ≈ '... что она заткнула ему глотку'. Эта словоформа взята из учебника эскимосского языка для учеников второго класса гренландских школ; она выступает в конце сказки и относится к Лисе, которой удалось победить Ворона в трудном споре и которая уходит, полностью удовлетворенная этим. Отсюда видно, что от детей-эскимосов в возрасте 8 лет ожидается, что они вполне способны прочитать и понять словоформу вроде (8b).

Мы уже имели возможность продемонстрировать ранее, насколько богат суффиксами эскимосский язык (= инуктитут): Часть первая [том 1], Глава IV, § 5, **2.1**, (1), с. 236–237. В этом языке одних только словообразовательных суффиксов имеется около 200, не говоря о словоизменительных суффиксах, которые тоже весьма многочисленны. Вот это поистине язык суффиксации!

Префиксация

(9) **a.** английский
pro-*Nazi* 'пронацистский', ***pro-****Iranian* 'проиранский', ***pro-****civil-rights* 'сочувствующий и содействующий [борьбе за] гражданские права', ***pro-****Boutros* 'пробутросовский', ***pro-****Jakarta* 'выступающий за Джакарту', ...

b. французский
post*classicisme*, ***post****structuralisme*, ***post****impressionisme*, ***post****colonialisme*, ...

Инфиксация

(10) сумо (Sproat 1992: 49): словоизменительные инфиксы принадлежности

	'собака' *suulu*	'кошка' *mistu*	'лук [овощ]' *onyan*
1 ед	*suu* + ***ki*** + *lu*	*mis* + ***ki*** + *tu*	*on* + ***ki*** + *yan*
2 ед	*suu* + ***ma*** + *lu*	*mis* + ***ma*** + *tu*	*on* + ***ma*** + *yan*
3 ед	*suu* + ***ka*** + *lu*	*mis* + ***ka*** + *tu*	*on* + ***ka*** + *yan*
1 мн	*suu* + ***ki*** + ***na*** + *lu*	*mis* + ***ki*** + ***na*** + *tu*	*on* + ***ki*** + ***na*** + *yan*

2 мн	*suu*+**ma**+**na**+*lu*	*mis*+**ma**+**na**+*tu*	*on*+**ma**+**na**+*yan*
3 мн	*suu*+**ka** +**na**+*lu*	*mis*+**ka** +**na**+*tu*	*on*+**ka** +**na**+*yan*

Здесь мы видим регулярную инфиксацию показателя лица обладателя, а также и показателя числа обладателя внутрь двухсложной основы. В двухсложных основах эта инфиксация происходит после первого слога, если этот слог — «тяжелый» (= вида /(C)VV/ или /CVC/); в случае односложных основ или двухсложных основ со «слабым» первым слогом показатели принадлежности суффиксальны: *bilam* 'рыба' ~ *bilam*+**ki**, *bilam*+**ma**, *bilam*+**ka**, ... ⟨**bi*+*ki*+*lam*, ...⟩.

Циркумфиксация

(11) сунданский язык (Robins 1959: 356): словообразовательные циркумфиксы

циркумфикс **ka-...-an**, образующий от существительных лексемы со значением 'дом Х-а'

'глава района'	*wadana*	**ka**+*wadana*+**an**
'вице-глава района'	*čamat*	**ka**+*čamat* +**an**
'чиновник района'	*adipati*	**ka**+*dipate* +**n** [*ia* ⟹ *e*]
'царь'	*ratu*	**ka**+*rato* +**n** [*ua* ⟹ *o*]

Именной префикс **ka-** в сунданском языке существует отдельно — со значением 'идти в ...', как, например, в **ka**+*bandun* 'идти в Бандунг'; именной суффикс **-an** тоже существует и означает 'и все такое прочее/и все, что заодно с этим', как, например, в *korsi*+**an** 'стулья и тому подобное'. Таким образом, циркумфикс **ka-...-an** представляет собой фразеологизованный комплекс морф, точнее, квазиморфу.

[Примечание переводчика. Мы пользуемся случаем поблагодарить А. К. Оглоблина за помощь в уточнении значений сунданских лексем.]

циркумфикс **pi-...-ɣn** 'тот/то, которого/которое надо ...'

'встретить'	*papag*	**pi**+*papag*+**ɣn**
'нести'	*bawa*	**pi**+*bawa* +**ɣn**
'понять'	*harti*	**pi**+*harti* +**ɣn**

[/ɣ/ — это нелабиализованная гласная заднего ряда среднего подъема, нечто между /ə/ и /ɨ/.]

Трансфиксация

(12) В эфиопском [= геэз] имеются словоизменительные трансфиксы единственного и множественного числа существительных, например:

-a--, -a-a- и **-e--** vs. **a--ā-** и **-e-ā-**

[дефисы обозначают здесь согласные корня].

	ед. ч.	мн. ч.
'меч'	*sajf*	***a*** + *sj* + ***ā*** + *f*
'инжир'	*balas*	***a*** + *bl* + ***ā*** + *s*
'муж'	*met* (корень **m-t-t**)	***a*** + *mt* + ***ā*** + *t*
'колючка'	*šok* (⇐ *šawk*)	***a*** + *šw* + ***ā*** + *k*
'ухо'	*ʔezn*	*ʔ* + ***e*** + *z* + ***ā*** + *n*
'крыло'	*kenf*	*k* + ***e*** + *n* + ***ā*** + *f*

NB: С формальной точки зрения знаки **-a--** и **-e--** представляют собой, скорее, инфиксы. Но мы все-таки считаем их трансфиксами — по аналогии с большинством эфиопских показателей этого типа.

Ср. также трансфиксы в языке цутухиль, пример (22), с. 389.

Интерфиксация

(13) французский
érotic + ***o*** + *poétique*, *poétic* + ***o*** + *érotique*, *politic* + ***o*** + *économique*, *logic* + ***o*** + *mathématique*, ...
Ср. также пример (6) выше, с. 379.

3. Супрафиксация

(14) руанда
Удаленность во времени в формах прошедшего недлительного времени выражается супрафиксацией: низкий тон на основе означает минимальную удаленность (= 'сегодня'), а высокий — сравнительно бóльшую удаленность (= 'вчера или еще раньше').

	'сегодня'				'раньше, чем сегодня'
N	+ *a*	+ *mu*	+ *bòn*	+ *ye*	*N* + *a* + *mu* + *bón* + *ye*
1 ЕД.СУБ	ПРОШ	3 ЕД.ОБ	видеть	КОМПЛ	

'Я повидал его сегодня/раньше, чем сегодня'.

N	+ *a*	+ *mu*	+ *tègere*	+ *ye*	*N* + *a* + *mu* + *tégere* + *ye*
1 ЕД.СУБ	ПРОШ	3 ЕД.ОБ	ждать	КОМПЛ	

'Я подождал его сегодня/раньше, чем сегодня'.

N	+ *a*	+ *mu*	+ *bòn*	+ *ga*	*N* + *a* + *mu* + *bón* + *ga*
1 ЕД.СУБ	ПРОШ	3 ЕД.ОБ	видеть	ИНКОМПЛ	

'Я виделся с ним сегодня/раньше, чем сегодня'.

N	+ *a*	+ *mu*	+ *tègere*	+ *ga*	*N* + *a* + *mu* + *tégere* + *ga*
1 ЕД.СУБ	ПРОШ	3 ЕД.ОБ	ждать	ИНКОМПЛ	

'Я ждал его сегодня/раньше, чем сегодня'.

4. Повторение

Мы приведем здесь только редупликации$_2$: словоизменительную редупликацию$_2$ (15) и словообразовательную редупликацию$_2$ (16).

(15) яванский (Sproat 1992: 57)

Граммема 'абитуалис-итератив' (аспект III) выражается в яванском двумя следующими редупликациями$_2$:

R (= основа)

$$1.\ \overbrace{/(C^1)V^1_{[+\text{низкая}]}C^2V^2(C^3)/}^{\mathbf{R}} + \Longrightarrow$$

$$/(C^{1'})V^{1'}_{[-\text{низкая}]}C^{2'}a'(C^{3'})/ + \mathbf{R} + \ |\ /V^2/ \neq /a/$$

[низкие гласные: /a/, /ɛ/ ; соответствующие им ненизкие гласные: /o/, /e/]

'купаться'	*adus*	*odas* + *adus*	'иметь обыкновение купаться'
'уставать'	*bosən*	*bosan* + *bosən*	'иметь обыкновение уставать'
'быть плохим'	*ɛlɛq*	*elaq* + *ɛlɛq*	'обычно быть плохим'

$$2.\ \overbrace{/(C^1)V^1C^2V^2(C^3)/}^{\mathbf{R}} + \Longrightarrow \mathbf{R} + /(C^{1'})V^{1'}C^{2'}\varepsilon'(C^{3'})/ + \ |\ /V^2/ = /a/$$

'идти [о дожде]'	*udan*	*udan* + *udɛn*	'обычно идти [о дожде]'
'развлекаться'	*dolan*	*dolan* + *dolɛn*	'обычно развлекаться'

(16) сунданский (Robins 1959: 355)

Смысл '... бы то ни было' выражается редупликацией$_1$ основы вопросительного местоимения:

$$\mathbf{R} \Longrightarrow \mathbf{R}' + \mathbf{R}$$

'кто?'	*saha?*	*sahasaha*	'кто бы то ни было'
'что?'	*naon?*	*naonaon*	'что бы то ни было'
'где?'	*mana?*	*manamana*	'где бы то ни было'

Означающее этой редупликации$_2$ считается левой редупликацией$_1$ — по аналогии с неполными редупликациями$_1$ в сунданском, которые всегда являются левыми (обычно редуплицируется первый слог, и образ редупликации$_1$ ставится впереди основы).

5. Апофонация

Апофонии подразделяются на сегментные и супрасегментные; для сегментных апофоний мы будем следовать тому порядку изложения, который был установлен для чередований (замещения, усечения, метатезы; наращения же означающим какого-либо знака не бывают).

Сегментные апофонии

(17) В ирландском замещение-палатализация используется для маркировки генитива у некоторых существительных мужского рода (в единственном числе):

	номинатив	генитив
‘лодка, судно’	*bád* /bā̆d/	*báid* /bā̆d′/
‘слово’	*focal* /fókəl/	*focail* /fókəl′/
‘колодец’	*tobar* /tóbər/	*tobair* /tóbər′/
‘ошибка’	*dearmad* /d′árəməd/	*dearmaid* /d′árəməd′/
‘сеть’	*líon* /l′ín/	*líoin* /l′ín′/

(18) В языке коасати (Sproat 1992: 64) при помощи усечения маркируется множественность субъекта в личных формах глагола:

	ед. ч. субъекта	мн. ч. субъекта
‘разрезать посередине’	*pit**af*** + *lin*	*pit* + *lin*
‘лизать’	*las**ap*** + *lin*	*las* + *lin*
‘ссориться’	*acokcan**ā*** + *kan*	*acokcan* + *kan*
‘отступать’	*obakhit**ip*** + *lin*	*obakhit* + *lin*

(19) ротума

Метатеза служит для маркировки имперфектива (аспект V):

	перфектив	имперфектив
‘решать’	*pu**re***	*pu**er***
‘стрелять’	*fu**ti***	*fu**it*** $\Longrightarrow$ *füt*
‘подметать’	*tɔ**fi***	*tɔ**if*** $\Longrightarrow$ *tœf*

Супрасегментные апофонии

(20) В масаи замещение тональной схемы основы выражает косвенный падеж — обликвус («´» обозначает высокий тон, «`» — низкий тон, «ˆ» — восходяще-нисходящий тон; ровный тон не указывается):

	номинатив		обликвус
	((_)´)´	$\Longrightarrow$	((_)_)´
‘голова’	*ɛ* + *lúkúnyá*		*ɛ* + *lukunyá*
‘нож’	*ɛnk* + *álém*		*ɛnk* + *além*
‘лошадь’	*ɛm* + *bártá*		*ɛm* + *bartá*
	´ ´ / _ _	$\Longrightarrow$	´ ` / _ _
‘война’	*en* + *jóré*		*en* + *jórè* [j = /ǯ/]
‘коровы’	*in* + *kíshú*		*in* + *kíshù*
‘коза’	*in* + *kíné*		*in* + *kínè*
	((((_)_)_)_)`	$\Longrightarrow$	((((´)´)´)´)´
‘сторож’	*ɔl* + *arrípònì*		*ɔl* + *árrípóní*
‘человек’	*ɔl* + *tuŋánì*		*ɔl* + *túŋání*
‘вождь, начальник’	*ɔl* + *aigúénànì*		*ɔl* + *áigúénání*

Замечания

1. Морфа, стоящая перед основой, — это префикс рода I.1; он никогда не затрагивается падежной тональной апофонией.

2. В масаи представлено около двух десятков разных комбинаций тональных схем в номинативе и в обликвусе; следовательно, имеется порядка двадцати тональных апофоний, выражающих обликвус. Существительные в масаи подразделяются на тональные классы в зависимости от того, какая падежная тональная апофония к ним применяется; тональный класс существительного указывается в его синтактике. Отметим, что в большинстве случаев форма множественного числа существительного относится к другому тональному классу, чем форма единственного числа того же самого существительного.

6. Конверсия$_3$

Мы приведем в качестве примера классные 1 конверсии$_2$ в языках банту, т. е. конверсии$_2$, состоящие в изменении именных классов 1.

(21) ганда

Смысл ‘большой по размеру’ (объективный аугментатив) выражается следующими конверсиями$_2$:

$\mathbf{C_1}$ = ⟨‘большой’; I $\Longrightarrow$ XX; Σ = существительное класса 1 I, ...⟩
$\mathbf{C_2}$ = ⟨‘большой’; III $\Longrightarrow$ V; Σ = существительное класса 1 III, ...⟩
$\mathbf{C_3}$ = ⟨‘большой’; XI $\Longrightarrow$ VI; Σ = существительное класса 1 XI, ...⟩

‘мужчина’	***omu*** + *ntu* (I)	***ogu*** + *ntu* (XX)	‘великан’
‘женщина’	***omu*** + *kazi* (I)	***ogu*** + *kazi* (XX)	‘великанша’
‘батат’	***omu*** + *mmonde* (III)	***eri*** + *mmonde* (V)	‘большой батат’
‘манго’	***omu*** + *yembe* (III)	***ej*** + *yembe* (V) [*j* = /ǯ/]	‘большое манго’
‘мост’	***olu*** + *tindo* (XI)	***ama*** + *tindo* (VI)	‘большой мост’
‘пальма’	***olu*** + *koma* (XI)	***ama*** + *koma* (VI)	‘большая пальма’

Этот морфологический способ, т. е. конверсия$_3$, используется в ганда для выражения и других смыслов, отличных от ‘большой’: диминутива (перевод в класс 1 XIII [**aka-**]), пейоратива (перевод в класс 1 XI [**olu-**]), смысла ‘немного X-а’ (перевод в класс 1 XII [**otu-**]). О классной 1 конверсии$_3$ в языке кирунди см. Mel’čuk et Bakiza 1987: 333–338.

4. Морфологические способы и другие похожие на них явления

Чтобы четче обрисовать понятие морфологического способа, мы бегло затронем еще три вопроса, касающихся соотношения морфологических спо-

собов и некоторых языковых явлений, похожих на морфологические способы, но по своей сути от них отличных:

– Морфологические способы и супплетивизм.
– Морфологические способы и способы образования слов.
– Морфологические способы и незначащие языковые средства.

1. Морфологические способы и супплетивизм

Довольно часто в списках морфологических способов фигурирует еще один дополнительный (по сравнению с нашим списком) элемент: супплетивизм. Однако это просто результат смешения понятий: супплетивизм — это не языковой знак, а отношение между двумя знаками; поэтому он и не может использоваться никаким морфологическим способом. Рассмотрим типичный случай супплетивизма: для выражения означаемого 's' применительно к знаку **X** (т. е. к его означаемому 'X') в языке $\mathcal{L}$ должен быть использован знак **Y**, супплетивный по отношению к **X**; так, например, для выражения смысла '1 ед настоящего времени индикатива' при французском глаголе ÊTRE 'быть' надо использовать «неразложимый» знак **suis**, супплетивный относительно **êt**(*-re*). Выбор этого знака осуществляется посредством способа лексикализации, а не какого-то мифического способа супплетивизма. Во французском просто нет отдельного знака, который можно было бы использовать в этом случае для выражения смысла '1 ед настоящего времени индикатива'. Кроме того, супплетивизм по определению — явление сугубо нерегулярное, тогда как морфологические способы, опять-таки по определению, весьма регулярны.

2. Морфологические способы и способы образования слов

В естественных языках мы находим еще пять специальных способов, применяемых исключительно для построения НОВЫХ ЛЕКСЕМ; первые четыре из них — разного рода аббревиации и близкие к ним явления, как то:

• ***Усечение***, или «***обрубание***» (фр. *troncage*, англ. *clipping*) — образование сокращенных синонимов: фр. ***auto***mobile $\Longrightarrow$ *auto* 'авто(мобиль)', ***pneu***matique $\Longrightarrow$ *pneu* 'шина', ***calva***dos $\Longrightarrow$ *calva* 'кальвадос', ***profe***sseur $\Longrightarrow$ *prof* 'профессор, преподаватель', ***micro***phone $\Longrightarrow$ *micro* 'микрофон', *auto****bus*** $\Longrightarrow$ *bus* 'автобус', рус. ***специалист*** $\Longrightarrow$ *спец*, ...

• ***Соединение начального фрагмента одного слова с конечным фрагментом другого*** (фр. *télescopage*, букв. 'сшибка', англ. *blending* 'перемешивание'), приводящее к образованию «***слов-кентавров***»: фр. ***auto***mobile + omni***bus*** 'автомобиль + омнибус' $\Longrightarrow$ *autobus* 'автобус', ***héli***coptère + ***aéro******port*** 'вертолет + аэропорт' $\Longrightarrow$ *héliport* 'аэропорт для вертолетов', ***stag***nation + ***in******flation*** 'застой + инфляция' $\Longrightarrow$ *stagflation*, рус. ***мотоцикл*** + ***велосипед*** $\Longrightarrow$ *мопед*, ...[1]

• ***Побуквенная аббревиация***, или ***акронимизация*** (фр. *siglaison*, англ. *acronymization*): фр. ***syndrome d'immunodefience acquise*** 'синдром приобретенного иммунодефицита' $\Longrightarrow$ *sida* 'СПИД', ***Centre national de la recherche scientifique*** 'Общенациональный центр научных исследований' $\Longrightarrow$ *C.N.R.S.* /seɛnɛrɛs/, ***Centre de recherche et d'études pour la diffusion du français*** 'Центр исследований и разработок по распространению французского языка' $\Longrightarrow$ *C.R.E.D.I.F.* /krɛdif/, рус. ***Содружество Независимых Государств*** $\Longrightarrow$ *СНГ*, ***Российская академия наук*** $\Longrightarrow$ *РАН*; ...

• ***Образование по аналогии***: русский неологизм **совок** '*Homo Sovieticus* = типичный представитель советской популяции' был образован на основе элемента *сов-*, взятого из означающего лексемы *сов-етск(-ий)*, с использованием словообразовательного суффикса существительных **-(о)к** и под влиянием существующего в языке знака **совок** 'инструмент для сбора и выбрасывания мусора'.

При всем внешнем сходстве с морфологическими способами способы образования новых слов принципиально от них отличаются. С одной стороны, способы образования слов диахроничны, тогда как морфологические способы, по определению, строго синхроничны. С другой стороны, способы образования новых слов не выражают никаких конкретных смыслов: они не являются значащими, тогда как морфологические способы таковыми являются обязательно — опять-таки по определению.

Что же касается пятого способа образования слов, то это — ***обратное словообразование***, наблюдаемое в случаях вроде английского глагола [*to*] *proofread* 'править корректуру', образованного от существительного *proofreading* 'правка корректуры', или глагола [*to*] *edit* 'издавать; редактировать', образованного от существительного *editor* 'издатель; редактор'. Здесь отсутствие значения у данного способа не́ столь очевидно: ведь опущение окончания (**-ing** или **-or**), похоже, является значащим. Однако, если бы было в самом деле так, это был бы вычитательный способ, который, как уже было показано выше (**2.3**, с. 375), логически невозможен. В действительности, обратное словообразование — это вещь чисто диахроническая. Как только в языке возникает глагол, образованный этим способом, он тут же становится семантически первичным для того имени, от которого он произошел! Так что *proofreading* — это 'действие, состоящее в том, чтобы *proofread* [что-л.]', а *editor* — это 'тот, кто *edits* [что-л.]'; в современном английском именно глагол является исходным пунктом для образования существительного (независимо от того, как обстояло дело в «реальной» истории)[2].

Таким образом, уже по самой своей природе упомянутые способы образования новых слов не могут быть морфологическими способами и не должны описываться как таковые.

Подчеркнем, что обратное неверно: ВСЯКИЙ морфологический способ может быть использован как способ образования слов и в действительности так и используется — в самых широких (астрономических!) масштабах. В самом деле, подавляющее большинство (основ) лексем было исторически образовано при помощи тех или иных морфологических способов: так получились ***морфологические фраземы*** (см. Часть первая [том 1], Глава III, § 2, **3.2**, с. 143 и сл., и Глава IX настоящей части). Тем не менее, близость этих двух типов способов еще не дает нам права их смешивать. (Об образовании слов во французском см. Thiele 1987: 17 и сл.)

3. Морфологические способы и незначащие языковые средства

В лингвистике довольно часто говорят о СОВОКУПНОСТИ морфологических способов, применяемых сразу вместе для выражения одной граммемы или одной комбинации граммем. Иначе говоря, предлагается рассматривать КОМБИНАЦИИ морфологических способов, применяемые цельным блоком. Подобное предложение удобно проиллюстрировать, взяв два типичных примера из одного учебника морфологии (Bauer 1988: 21):

(22) Согласно Bauer 1988, в языке цутухиль переходный глагол детранзитивизируется путем одновременного применения инфиксации и суффиксации:

'покупать [что-л.: перех.]' *loqʻ* ~
'заниматься покупками' *lo* + ***j*** + *qʻ* + ***o?m***,
где **-j-** — это инфикс, а **-o?m** — суффикс.

Однако **-o?m** никогда не выступает без **-j-**, а **-j-**, когда он выступает без **-o?m**, маркирует не детранзитиватив, а пассив: т. е. это уже совсем другая морфа. Следовательно, то, что мы видим здесь, представляет собой единую морфу — трансфикс **-j-...-o?m**, показатель детранзитива. (Компонент *-j-*, по всей видимости, этимологически связан с инфиксом пассива **-j-**.) Таким образом, в форме ***lojqʻo?m*** вместо комбинации морфологических способов оказывается представленным всего один морфологический способ — трансфиксация.

(23) Бауэр говорит, что валлийский язык «использует для выражения множественного числа у некоторых существительных изменение гласных [= наша апофония] **плюс** суффикс» (с. 21):

	ед. число	мн. число
'сад'	*gardd*	*gerdd* + ***i***
'великан'	*cawr*	*cewr* + ***i***
'час'	*awr*	*or* + ***iau***

Мы же полагаем, что чередование гласных в этих словоформах вообще не является знаком: для выражения множественного числа здесь достаточно суффикса (во многих валлийских существительных суффикс является единственным средством, используемым для этой цели); чередование же (умлаут, см. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, с. 73) не является значащим, а просто сопровождает суффиксацию.

Вообще говоря, часто в одной и той же словоформе наблюдается применение сразу нескольких морфологических средств, как в (23): сегментная сущность (= цепочка фонем: *-i*, *-iau*) плюс замещение фонем ($a \Longrightarrow e$). Однако из этих двух средств только за одним — за цепочкой фонем — признается статус значащего средства, так что в формах правой колонки в (23) мы усматриваем один-единственный знак, выражающий множественное число, а именно суффикс. (Здесь мы опираемся на Принцип единственного значащего средства и на Принцип наиболее общего средства описания: Глава II, § 2, **8.4**, с. 151 и сл.) Чередование, которое наблюдается в формах типа *gerdd-i*, — это всего лишь морфологическое средство, навязываемое контекстом: это не знак, и здесь нет речи о каком-либо морфологическом способе.[3]

Мы привели эти два случая, чтобы показать, какие смешения понятий возможны при обсуждении морфологических способов:

• Часто смешивают один сложный знак с комбинацией морфологических способов. Так, вместо «*префиксация + суффиксация» нередко надо говорить о циркумфиксации, и т. п.

• Контекстно-обусловленное применение морфологического средства можно легко принять за настоящий морфологический способ. Так, вместо «*суффиксация + апофонация» нередко надо говорить о суффиксации, сопровождаемой незначащим чередованием.

Вместе с тем, мы отнюдь не хотим сказать, что выражение какой-либо граммемы или дериватемы посредством нескольких знаков сразу в принципе невозможно: два морфологических способа вполне МОГУТ применяться одновременно; в нашем подходе нет ничего такого, что бы этому противоречило. Тем не менее, такие случаи все же довольно редки и нуждаются в тщательном анализе. Ниже мы приведем три примера на одновременное выражение некоторого грамматического значения сразу двумя знаками.

С логической точки зрения можно различать два типа случаев, когда некоторое значение выражается одновременно двумя знаками:

– Либо некоторое значение ‘σ’ входит в означаемое двух знаков $\mathbf{s_1}$ и $\mathbf{s_2}$, употребленных одновременно в одной и той же словоформе; это, так сказать, ДУБЛИРОВАНИЕ смысла ‘σ’.

– Либо некоторое значение ‘σ’ выражено ФРАЗЕОЛОГИЗОВАННЫМ КОМПЛЕКСОМ знаков $\mathbf{s_1} + \mathbf{s_2}$ (не являющимся квазиморфой!), таким что ни один из этих знаков по отдельности не выражает значения ‘σ’.

В обоих случаях можно говорить об одновременном применении двух морфологических способов [= МС]. Схематически:
Дублирование значения 'σ':

$$\text{'}\sigma\text{'} \swarrow\!\!\searrow \begin{matrix}\text{МС}_1\\ \text{МС}_2\end{matrix}$$

Выражение значения 'σ' посредством морфологической фраземы:

$$\text{'}\sigma\text{'} \longrightarrow \underbrace{\text{МС}_1 + \text{МС}_2}$$

(Чтобы не усложнять изложение, мы говорим об одновременном выражении одного значения именно двумя знаками. Чисто теоретически, число знаков, выражающих в данной словоформе одно и то же значение, может быть и больше; однако соответствующие примеры нам неизвестны.)

Перейдем к иллюстрациям.

Дублирование граммемы

(24) современный иврит

В формах, выражающих категорию принадлежности (и традиционно называемых притяжательными), у некоторых существительных ('мои, твои, ... Х-ы') множественное число маркируется дважды: посредством суффиксов множественного числа **-ot** и **-a/-e/-(e)j**.

'мои мнения'	*de* + ***ot*** + ***a*** + *j*	
	МН МН 1 ЕД	
'ваши [МУЖ] мнения'	*de* + ***ot*** + ***e***(***j***) + *xem*	
	МН МН 2 МН.МУЖ	
'твои [МУЖ] ночи'	*lejl* + ***ot*** + ***e*** + *xa*	
	МН МН 2 ЕД.МУЖ	
'твои [ЖЕН] ночи'	*lejl* + ***ot*** + ***a*** + *jix*	
	МН МН 2 ЕД.ЖЕН	
'его силы'	*kox* + ***ot*** + ***a*** + *v*	
	МН МН 3 ЕД.МУЖ	
'ее силы'	*kox* + ***ot*** + ***e*** + *ha*	
	МН МН 3 ЕД.ЖЕН	

[Плюрализующая функция суффикса **-ot** хорошо видна в таких формах, как *de* + ***ot*** 'мнения', *lejl* + ***ot*** 'ночи', *kox* + ***ot*** 'силы'; суффикс множественного числа **-a/-e/-(e)j** выступает, к примеру, в следующих противопоставлениях:

ax+***a***+*j* ‘мои братья’ vs. *ax*+***ø***+*i* ‘мой брат’;
kova+***a***+*jix* ‘твои [ЖЕН] шляпы’ vs. *kova*+***ø***+*ex* ‘твоя [ЖЕН] шляпа’;
miljon+***e***(*j*)+*hem* ‘их [МУЖ] миллионы’ vs. *miljon*+***ø***+*am* ‘их [МУЖ] миллион’.]

Таким образом, в (24) одна и та же граммема — ‘множ. число’ — выражена в словоформе повторно: двумя морфами (в данном случае суффиксами), которые присоединяются к основе друг за другом.

Два следующих примера слегка отличаются от только что приведенного: в них некоторая граммема выражена определенной морфой один раз кумулятивно (= вместе с другими граммемами), а затем выражена повторно, на этот раз уже особой морфой, некумулятивно.

Так, в сербохорватском языке существительное характеризуется словоизменительными категориями числа (= ед, мн) и падежа (= им, род, дат, вин, зват, твор, мест). У всех существительных соответствующие граммемы выражаются кумулятивно: одним суффиксом выражается сразу и число, и падеж. Ср. (при помощи диакритик в примере указано музыкальное ударение — тон: «ˊ» — долгий восходящий, «ˋ» — краткий восходящий, «ˆ» — долгий нисходящий, «ˏ» — краткий нисходящий):

(25) **a.** DAN ‘день’

	единственное число	множественное число
ИМ	*dân*+***ø***	*dân*+***i***
РОД	*dân*+***a***	*dán*+***ā***
ДАТ	*dân*+***u***	*dân*+***ima***
ВИН	*dân*+***ø***	*dân*+***e***
ЗВАТ	*dân*+***e***	*dân*+***i***
ТВОР	*dân*+***om***	*dân*+***ima***
МЕСТ	*dán*+***u***	*dân*+***ima***

Вместе с тем, в ряде существительных мужского рода наблюдается следующее осложнение: у одних во множественном числе появляется дополнительный суффикс, маркирующий множественное число уже не кумулятивно, а «агглютинативно», тогда как у других обнаруживается аналогичный дополнительный суффикс в единственном числе. Сравните:

b. GRAD ‘город’

ИМ	*grâd*+***ø***	*grȁd*+***ov***+***i***
РОД	*grâd*+***a***	*grȁd*+***ov***+***a***
ДАТ	*grâd*+***u***	*grȁd*+***ov***+***ima***
ВИН	*grâd*+***ø***	*grȁd*+***ov***+***e***

ЗВАТ	*grâd*+***e***	*grädˇ*+***ov***+***i***
ТВОР	*grâd*+***om***	*grädˇ*+***ov***+***ima***
МЕСТ	*grád*+***u***	*grädˇ*+***ov***+***ima***

с. SRBIN ‘серб’

ИМ	*srˇb*+***in***+$\emptyset$	*srˇb*+***i***
РОД	*srˇb*+***in***+***a***	*srˇb*+***ā***
ДАТ	*srˇb*+***in***+***u***	*srˇb*+***ima***
ВИН	*srˇb*+***in***+***a***	*srˇb*+***e***
ЗВАТ	*srˇb*+***in***+***e***	*srˇb*+***i***
ТВОР	*srˇb*+***in***+***om***	*srˇb*+***ima***
МЕСТ	*srˇb*+***in***+***u***	*srˇb*+***ima***

Использование этих «агглютинативных» суффиксов ограниченно: они бывают только при существительных мужского рода; суффикс **-ov** ‘мн. ч.’ выступает чаще всего при односложных существительных, а суффикс **-in** присоединяется только к существительным, обозначающим лиц по принадлежности к некоторой социальной группе (этнической, социальному классу, месту проживания ...). Тем не менее, это настоящие суффиксы, обладающие всеми признаками полноправных МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАКОВ; нет никаких оснований считать элементы *-ov* и *-in* морфонологическими наращениями. В частности:

• Основной фактор, регулирующий их употребление, — их значение: **-ov** появляется исключительно во множественном числе, а **-in** — исключительно в единственном. При образовании производных от этих основ они выступают всегда без **-ov** и без **-in**: *grädˇ*+*sk*+*i* ⟨**grädˇ*+*ov*+*sk*+*i*⟩, *srˇp*+*sk*+*i* ⟨**srˇb*+*in*+*sk*+*i*⟩.

• Условия их употребления ни в коей мере не являются фонологическими. Верно, что **-ov** выступает чаще всего при односложных основах, однако, с одной стороны, имеются односложные основы, не употребляющиеся с **-ov** (*zûb* ‘зуб’ ~ *zûb*+*i*, *päs* ‘собака’ ~ *ps*+*i*, *đâk* ‘ученик’ ~ *đác*+*i*, *mòmak* ‘молодой человек’ ~ *mòmc*+*i*, *vrábac* ‘воробей’ ~ *vrápc*+*i*, ...[4]), а с другой стороны, **-ov** присоединяется и к некоторым двухсложным основам (*gòlub* ‘голубь’ ~ *gòlub*+***ov***+*i*, *slüčāj* ‘случай’ ~ *slučaj*+*ev*+*i*[5], *jàrbol* ‘мачта’ ~ *jàrbol*+***ov***+*i*, *plämēn* ‘пламя’ ~ *plämen*+***ov***+*i*, *kèstēn* ‘каштан [дерево]’ ~ *kesten*+***óv***+*i*, и т. п.). У некоторых односложных существительных представлены параллельные формы множественного числа: *brîk* ‘ус’ ~ (реже) *brîc*+*i* или (чаще) *brîk*+*ov*+*i*, *znâk* ‘знак’ ~ *znâc*+*i* или *znâk*+*ov*+*i*, *grêh* ‘грех’ ~ *grés*+*i* или *gréh*+*ov*+*i*. Более того, имеются даже такие случаи, как *kèstēn* ‘каштановое дерево’ ~ *kesten*+***óv***+*i*, но *kèstēn* ‘каштан [плод]’ ~ *kèstēnj*+*e*.

• У элемента **-ov** есть вариант **-ev**, выступающий после палатализованных согласных или исторически палатализованных согласных: *cär* ‘царь’ ~ *cär*+*ev*+*i*, *krâj* ‘страна, край’ ~ *kràj*+*ev*+*i*, *òganj* ‘огонь’ ~ *ògnj*+*ev*+*i*, ...

Это чередование (/o/ $\Longrightarrow$ /e/ $|/C_{[x]}/__$) также подтверждает морфологический характер элемента **-ov**.

• Форма означающего у элементов **-ov/-ev** и **-in** типична для субстантивных суффиксов в сербохорватском языке: обычно их означающее имеет форму /V/, /VC/ или /VCV/.

• Более того, в сербохорватском языке имеются и безусловные суффиксы **-ov/-ev** и **-in**.

Во-первых, это притяжательные суффиксы, присоединяемые к именам собственным и к терминам родства для образования от них прилагательных, означающих 'принадлежащий X-у': *Vûk* ~ *Vûk*+ ***ov***, *Zmâj* ~ *Zmâj*+ ***ev***, *Jasmín*(*-a*) ~ *Jasmín*+ ***in***, *Lûk*(*-a*) ~ *Lûk*+ ***in***, *brât* 'брат' ~ *brât*+ ***ov***, *sèstr*(*-a*) 'сестра' ~ *sèstr*+ ***in***, и т. п.

Во-вторых, это пустые$_2$ суффиксы, часто употребляющиеся перед суффиксом относительных прилагательных **-sk**: *tenk* 'танк' ~ *tenk*+ ***ov***+ *sk*(*-i*) 'танковый', *kralj* 'король' ~ *kralj*+ ***ev***+ *sk*(*-i*) 'королевский'.

Очевидно, что **-ov/-ev** в формах множественного числа и **-in** в формах единственного числа сербохорватских существительных — это некумулятивные суффиксы множественного и единственного числа, соответственно[6].

Таким образом, в сербохорватском языке имеются следующие три морфемных правила:

$$L_{(N)n,\,c} \Longleftrightarrow \{L\},\ \{N.C\} \quad \left|\begin{array}{l} \mathbf{R} \neq \text{(pl-ov), (sg-in);} \\ \textbf{или } \mathbf{R} = \text{(pl-ov) } \textbf{и } \mathbf{n} \neq \text{pl;} \\ \textbf{или } \mathbf{R} = \text{(sg-in) } \textbf{и } \mathbf{n} \neq \text{sg} \end{array}\right.$$

$$L_{(N)pl,\,c} \Longleftrightarrow \{L\},\ \{\mathbf{PL}\},\ \{\mathbf{PL}.C\} \quad | \quad \mathbf{R} = \text{(pl-ov)}$$

$$L_{(N)sg,\,c} \Longleftrightarrow \{L\},\ \{\mathbf{SG}\},\ \{\mathbf{SG}.C\} \quad | \quad \mathbf{R} = \text{(sg-in)}$$

В этих правилах хорошо видно ДВОЙНОЕ выражение граммемы числа: первый раз она выражена агглютинативно, а второй раз — кумулятивно в составе падежно-числовой морфемы. (Повторенный элемент выделен жирным шрифтом.)

(26) алюторский

Здесь дублируется граммема наклонения.

Глагол JUNAT(*-ək*) 'жить' в настоящем времени

	индикатив	императив	кондиционалис
1 ед	***tə*** + *junat* + *ətkən*	***mə*** + *junat* + *ətkən*	***tə*** + ***ʔə*** + *junat* + *ətkən*
2 ед	***ø*** + *junat* + *ətkən*	***qə*** + *junat* + *ətkən*	***mə*** + ***ʔə*** + *junat* + *ətkən*
3 ед	***ø*** + *junat* + *ətkən*	***nə*** + *junat* + *ətkən*	***nə*** + ***ʔə*** + *junat* + *ətkən*

Как можно видеть, индикатив и императив различаются только (субъектными) лично-числовыми префиксами; иначе говоря, наклонение в этих

формах выражено кумулятивно вместе с лицом и числом. Кондиционалис же, также обладающий своими собственными лично-числовыми префиксами, имеет к тому же еще специальный показатель наклонения — префикс **ʔ-**. Какое описание мы должны принять в этом случае? Мы полагаем, что проще и естественнее всего будет говорить, что наклонение всегда выражается кумулятивно вместе с лицом и числом субъекта, так что имеется три следующих параллельных набора лично-числовых префиксов:

t- '1 ед. суб, индик'	**m-** '1 ед. суб, импер'	**t-** '1 ед. суб, кондиц'
∅- '2 ед. суб, индик'	**q-** '2 ед. суб, импер'	**m-** '2 ед. суб, кондиц'
∅- '3 ед. суб, индик'	**n-** '3 ед. суб, импер'	**n-** '3 ед. суб, кондиц'

Однако в кондиционалисе наклонение выражено еще раз — при помощи префикса **ʔ-**.

Таким образом, 'кондиционалис' выражается в алюторском двойной префиксацией.

Дублирование информации, или повторное выражение некоторых означаемых, встречается в разных языках не так уж редко, особенно на синтаксическом уровне (достаточно вспомнить о таком явлении, как согласование, когда некоторая граммема как бы «распределена» по фразе и проявляется в разных ее местах). На морфологическом уровне, впрочем, такое встречается реже.

Выражение дериватемы фразеологизованным комплексом знаков

(27) русский

Дериватема 'небольшое заведение общественного питания, где подают в основном блюдо X' выражается суффиксацией (присоединением суффикса относительного прилагательного к соответствующему существительному L_N('X')) и конверсией$_3$ (полученное прилагательное становится существительным женского рода):

'X'	'заведение, где подают X-ы'
блин	*блинная*
шашлык	*шашлычная*

Другие примеры см. в Главе V, **2.2**, 5, (11d), с. 361.

Соответствующее правило выглядит следующим образом:

'небольшое заведение общественного питания, где подают в основном блюдо X'

$\Longleftrightarrow$ {-N}/{-OV} $\oplus$ **Собщепит**

Данная дериватема выражена сразу двумя знаками, т. е. комплексом знаков: суффиксом-адъективизатором и особой конверсией$_2$.

Выражение тех или иных значений фразеологизованными комплексами знаков тоже нередко встречается в естественных языках — как и дублирование выражения значений, описанное выше. Поэтому одновременное применение сразу нескольких морфологических способов в принципе вовсе не исключено.

Тем не менее, насколько нам известно, выражение грамматического значения КОМБИНАЦИЕЙ языковых знаков — явление в целом не очень широко распространенное. Исследователю необходимо проявлять осторожность, чтобы избежать путаницы, так легко возникающей в этой области, когда то или иное незначащее средство, всего лишь сопровождающее некоторый знак, само принимается за отдельный знак.

Примечания

[1] (4, 2, с. 387). Юмористическое образование фр. *embellemerder* 'действовать на нервы своим присутствием [о теще/свекрови]' ⟸ *belle-mère* 'свекровь/теща' + *emmerder* 'действовать на нервы, осточертеть' прекрасно иллюстрирует эту технику, не слишком, впрочем, распространенную во французском языке.

[2] (4, 2, с. 388). В естественное историческое развитие языка часто вмешиваются процессы фразеологизации, что приводит к «искажению» результатов. Так, английский глагол [*to*] *butcher* 'забивать [домашний скот] и/или разделывать мясо для последующего употребления [в пищу]' исторически происходит от существительного [*a*] *butcher* 'мясник', которое само было заимствовано из французского (⟸ *boucher* 'мясник'). Однако на сегодняшний день [*a*] *butcher* означает 'тот, кто занимается разделкой и продажей мяса'; как легко видеть, смысл этого существительного не включает компонент 'забивать', тогда как смысл глагола не включает компонент 'продавать'. Поэтому теперь уже нельзя считать, что с синхронической точки зрения существительное [*a*] *butcher* образовано от глагола [*to*] *butcher* (при помощи той же конверсии$_3$, что и [*a*] *cook* 'повар' — от [*to*] *cook* 'готовить [пищу]', [*a*] *gossip* 'сплетник' — от [*to*] *gossip* 'сплетничать', и т. п.) Таким образом, данный случай отличен от [*to*] *edit* ∼ [*an*] *editor*.

[3] (4, 3, после примера (23), с. 390). У некоторых валлийских существительных во множественном числе никакого суффикса нет: у них множественное число маркируется только умлаутом; ср.:

	ед. ч.	мн. ч.
'лебедь'	***alarch***	***elyrch***
'луч'	***paladr***	***pelydr***

В таких случаях чередование ЯВЛЯЕТСЯ означающим некоторого знака (поскольку никакого «лучшего» морфологического средства в наличии не

имеется); формы в правой колонке здесь образованы при помощи морфологического способа апофонации. Ср. похожие примеры в Главе IV, § 2, **3**, с. 331 и сл.

[4] (**4**, 3, после примера (25), с. 393). Основы существительных MOMAK и VRABAC являются на самом деле односложными, несмотря на то что в именительном падеже единственного числа они двухсложны: последнее /a/ в них представляет собой эпентетическую гласную, выпадающую перед вокалическими суффиксами.

[5] (**4**, 3, после примера (25), с. 393). Возможна также форма *slȕčāj* + *i*. О том, что суффикс **-ov** имеет **-ev** в качестве варианта, см. ниже.

[6] (**4**, 3, после примера (25), с. 394). Совсем иначе обстоит дело с существительными среднего рода типа *dùgme* 'пуговица' ~ мн. ч. *dugmèt* + *a* или *ȉme* 'имя' ~ мн. ч. *imèn* + *a*. Здесь элементы *-t* и *-n* присутствуют во всех формах парадигмы$_1$ существительного перед ненулевыми суффиксами, а также и в производных лексемах:

(i) **a.** DUGME 'пуговица'

	ед. ч.	мн. ч.
ИМ	*dùgme* + *∅*	*dugmèt* + *a*
РОД	*dùgmet* + *a*	*dugmét* + *a*
ДАТ	*dùgmet* + *u*	*dugmèt* + *ima*
ВИН	*dùgme* + *∅*	*dugmèt* + *a*
ЗВАТ	*dùgme* + *∅*	*dugmèt* + *a*
ТВОР	*dùgmet* + *om*	*dugmèt* + *ima*
МЕСТ	*dùgmet* + *u*	*dugmèt* + *ima*

b. IME 'имя'

	ед. ч.	мн. ч.
ИМ	*ȉme* + *∅*	*imèn* + *a*
РОД	*ȉmen* + *a*	*imén* + *a*
ДАТ	*ȉmen* + *u*	*imèn* + *ima*
ВИН	*ȉme* + *∅*	*imèn* + *a*
ЗВАТ	*ȉme* + *∅*	*imèn* + *a*
ТВОР	*ȉmen* + *om*	*imèn* + *ima*
МЕСТ	*ȉmen* + *u*	*imèn* + *ima*

Ср. также производные *ȉmen* + *ovati* 'именовать, называть', *ȉmen* + *ica* 'имя существительное', *ȉmen* + *ski* 'субстантивный', и т. п.

Элементы *-t* и *-n* не могут быть соотнесены с какими-то конкретными граммемами. Кроме того, никаких других консонантных суффиксов у существительных в сербохорватском языке не бывает. Эти элементы являются,

таким образом, частью означающего основы; в абсолютном конце словоформы (= перед нулевым суффиксом) они подвергаются усечению под действием соответствующего морфонологического правила.

Резюме Главы VI

Вводится и определяется понятие ***морфологического способа***, после чего предлагается общая типология языковых способов; обсуждается место морфологических способов среди всех языковых способов выражения.

Обсуждается строго ***аддитивный***, или положительный, характер морфологических способов; при этом подчеркивается, что языковые означаемые или означающие сами по себе могут быть вычитательными, или отрицательными. Предлагается описание ***паразитических образований***.

Наконец, представляются основные типы морфологических способов, сопровождаемые иллюстрациями, а именно: морфологическое сложение$_1$, включая инкорпорацию, все виды аффиксации, редупликация$_3$, апофонация и конверсия$_3$.

В качестве заключения предлагается сравнение морфологических способов с тремя похожими явлениями: супплетивизмом, (диахроническими) процессами образования новых слов и незначащими морфологическими средствами. В общих чертах освещается вопрос об одновременном применении нескольких морфологических способов и демонстрируются два типа ситуаций, в которых можно усматривать такое применение.

В

НЕЭЛЕМЕНТАРНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

В главах II–V мы полностью рассмотрели четыре основных класса элементарных морфологических знаков:

морфы,
супраморфы,
модификации$_2$
и
конверсии$_2$.

Среди этих знаков именно морфы являются самым важным классом знаков в целом ряде аспектов. С другой стороны, в Части первой мы уже имели дело с фундаментальным классом сложных, т. е. неэлементарных, морфологических знаков, — со ***словоформами***. Грубо говоря, типичная словоформа строится из морф, и потому ее обычно можно «разложить» на составляющие ее морфы (так сказать, «разрезать» на составные куски) или «собрать», приставляя морфы друг к другу. Такая словоформа, или цепочка морф, представляет собой наиболее частый случай неэлементарного языкового знака; можно постулировать следующее равенство, которое верно в большинстве случаев:

$$\text{словоформа} = \text{морфа}_1 + \text{морфа}_2 + \ldots + \text{морфа}_n$$

Отметим, что внутри словоформы часто можно выделить основу, т. е. подцепочку морф, образованную ***корнем*** (или несколькими корнями, в случае сложной основы) и словообразовательными аффиксами, и ***окончание***, т. е. еще одну подцепочку, образованную словоизменительными суффиксами. (К сожалению, не существует специального термина, соответствующего *окончанию*, для подцепочки словоизменительных префиксов, хотя такие цепочки, по своей сути параллельные цепочкам суффиксов, тоже встречаются.) Вместе с тем, эти две «непосредственные составляющие» словоформы — основа и часть, выражающая словоизменение, — не представляют ничего особенного с точки зрения противопоставления «элементарное ~ неэлементарное»,

т. е. ничего такого, что принципиально отличалось бы от словоформы. Поэтому в последующем изложении мы позволим себе игнорировать разницу между основами и окончаниями. Все, что будет говориться в этой части книги относительно словоформы, может быть в равной степени применимо и к основе, и к окончанию.

Помимо классического случая словоформ, составленных из морф, идущих одна за другой, можно представить себе три промежуточных случая: три типа морфологических знаков, промежуточных между морфами как ЭЛЕМЕНТАРНЫМИ знаками и словоформами как НЕЭЛЕМЕНТАРНЫМИ знаками, СВОБОДНО СОСТАВЛЕННЫМИ (чаще всего) из морф. Это:

- Знаки, представимые через морфы, но линейно нечленимые: ***слабые мегаморфы***.
- Знаки, квазипредставимые по означаемому: ***сильные мегаморфы***, находящиеся в отношении ***супплетивизма*** с одной или несколькими морфами.
- Знаки, квазипредставимые по означающему: ***морфологические фраземы***.

Слабые мегаморфы и сильные мегаморфы образуют один общий класс мегаморф; таким образом, мы будем иметь дело с двумя основными классами неэлементарных морфологических знаков, представляющих особый интерес в рамках нашей книги: с мегаморфами и с морфологическими фраземами. Именно они и представлены в последующих главах. Отдельная глава будет посвящена супплетивизму в силу особой сложности и важности этого понятия. Таким образом, данный раздел КОМ-а состоит из трех глав:

- Глава VII : Мегаморфа
- Глава VIII: Супплетивизм
- Глава IX : Морфологические фраземы

ГЛАВА VII

МЕГАМОРФА

1. Мегаморфа

1.1. Понятие мегаморфы. Мы начнем, как всегда, с определения.

Определение V.60: мегаморфа

Неэлементарный сегментный знак **X**, представимый или квазипредставимый через знаки $\mathbf{X_1}$, $\mathbf{X_2}$, ..., $\mathbf{X_n}$, называется *мегаморфой*, если его означающее /X/ не содержит ни одного из (сегментных) означающих $/X_1/$, $/X_2/$, ..., $/X_n/$.

Напомним (Часть первая [том 1], Глава II, § 1, **3.4**, с. 112–113), что в КОМ-е мы рассматриваем морфологические означающие только на уровне ЦЕПОЧЕК ФОНЕМ. Это, в частности, означает, что при принятии решения о том, содержит или не содержит в себе означающее /X/ некоторое другое означающее /Y/, речь должна идти непременно о «целых» фонемах, а никак не о фонологических признаках.

Обозначения

Произвольная мегаморфа обозначается через $\tilde{\mathbf{m}}$; для конкретных мегаморф мы будем использовать ту же запись, что и для морф: запись означающего в принятой орфографии, выделенную **жирным** шрифтом (в случае возможности недоразумений приводятся необходимые разъяснения).

Пример

(1) Рассмотрим слияние предлога с определенным артиклем мужского рода во французском:
au = ⟨'à ⊕ le'; /o/; Σ = перед N муж. р., /N/ ≠ #/V.../, ...⟩

[В качестве означаемого здесь выступает объединение предлога *à* 'к/в/у/...' с определенным артиклем *le*.]

Знак **au** представим через знаки **à** и **le** и чередование $\mathbf{A}^{\text{à le}\Rightarrow\text{au}}$ (или, если существование этого чередования не будет признано из-за его большой нерегулярности, **au** можно считать квазипредставимым по означаемому через

два знака — **à** и **le**). Однако в любом случае /o/ не содержит в себе ни /a/, ни /lə/; следовательно, **au** так или иначе представляет собой мегаморфу.

1.2. Комментарии к Определению V.60. Здесь требуют пояснения следующие четыре момента:

– Мегаморфы и кумулятивные морфы.
– Мегаморфы и трансфиксы.
– Супрасегментные знаки и конверсии$_2$.
– Линейная нечленимость мегаморф.

1. Мегаморфы и кумулятивные морфы

Знак вроде, скажем, французского глагольного суффикса **-ez** '2 мн' не является мегаморфой, поскольку этот знак — элементарный: он ни представим, ни квазипредставим через другие знаки. Правда, его означаемое включает в себя две разных граммемы: '2-е лицо' и 'множественное число [глагола]', но ни одна из этих граммем не является во французском языке самостоятельным означаемым, поскольку ни у одной из них нет своего отдельного означающего. Суффикс **-ez** — это ***кумулятивная*** морфа (см. Глава II настоящей части, § 3, **9**, с. 218 и сл.).

Несколько сложнее обстоит дело, например, с русскими глагольными корнями, которые всегда выражают сразу и лексическое значение, и ту или иную граммему вида (ср. пример (60a), Глава II, § 3, **9.3**, с. 221 и примечание 11, с. 226):

(2) русский
a. **п**(*-ить*) [несовершенный] vs. **уб**(*-ить*) [совершенный]

Граммемы 'несовершенный' и 'совершенный' в русском языке являются означаемыми, поскольку для каждой из них имеются в языке свои специальные показатели:

b. 'несовершенный' $\Longleftrightarrow$ **-ив**(*+a-*)/**-ыв**(*+a-*)
спрос(*-ить*) ~ *спраш* + ***ив***(*-ать*)
уб (*-ить*) ~ *уб* + ***ив***(*-ать*)

'совершенный' $\Longleftrightarrow$ **по-**, **с-**, **вы-**, **за-**, ..., **-н-**
стро (*-ить*) ~ *по* + ***стро***(*-ить*)
толк (*-ать*) ~ *толк* + **н**(*-уть*)

Здесь наблюдается конфликт между внутренне присущим корню (или основе) видовым значением и противоположным видовым значением, выраженным при помощи суффикса:

уб(*-ить*) 'убить, СОВ' + **ив** 'НЕСОВ' =
= **уб** + **ив**(*-ать*) 'убить, НЕСОВ'.

Значение, вносимое суффиксом, всегда оказывается сильнее значения вида, совмещенного со значением основы: таким образом, первое замещает второе.

О ***заместительных означаемых*** см. Главу II настоящей части, § 1, **2.5**, (6), с. 50.

В то же время остаточное лексическое значение глагольного корня, т. е. значение, получаемое «за вычетом» видовой граммемы, в русском языке означаемым не является: никакое описываемое глаголом понятие не может быть выражено в чистом виде, не будучи непременно «сплавленно» с тем или иным видовым значением. Некоторые русские глагольные смыслы существуют только в одном определенном виде (***perfectiva/imperfectiva tantum***, похожие на ***singularia/pluralia tantum***: ср. Часть первая [том 1], Глава VI, **4.2**, с. 343–344). Хотя большинство русских глаголов может быть переведено из их исконного вида в противоположный, вычленить ЧИСТЫЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ СМЫСЛ как таковой невозможно — в русском он всегда слит с определенным видовым значением. Поэтому всякая русская глагольная основа представляет собой кумулятивную морфу, у которой лексическое значение совмещено с некоторым словоизменительным значением — в отличие от случаев типа французского суффикса **-ez**, где совмещаются несколько словоизменительных значений. Поэтому и русские глагольные основы тоже никоим образом не являются мегаморфами.

2. Мегаморфы и трансфиксы

Рассмотрим теперь арабские знаки (= словоформы) типа **kilāb** ‘собаки’ [= **klb** ‘собака’ ⊕ **-i-ā-** ‘мн. ч. [существительных]’], **rusūm** ‘рисунки’ [= **rsm** ‘рисунок’ ⊕ **-u-ū-** ‘мн. ч. [существительных]’] и т. п. или же **qutil**(-*a*) ‘был убит’ [= **qtl** ‘убивать’ ⊕ **-u-i-** ‘пассив’], **rusim**(-*a*) ‘был нарисован’ [= **rsm** ‘рисовать’ ⊕ **-u-i-** ‘пассив’], **šurib**(-*a*) ‘был выпит’ [= **šrb** ‘пить’ ⊕ **-u-i-** ‘пассив’]. Все эти знаки неэлементарны: каждый из них представим через другие знаки, как это и показано в наших примерах. Однако знак типа **kilāb** ‘собаки’ не является мегаморфой, поскольку его означающее /kilāb/ содержит в себе сегментные означающие /k-l-b/ и /-i-ā-/: в наших определениях представимости и метаоперации языкового объединения ⊕ предусмотрена конкатенация РАЗРЫВНЫХ цепочек (Часть первая [том 1], Глава III, § 1, **3**, пример (2), с. 132).

3. Супрасегментные знаки и конверсии$_2$

Знак **X**, представимый через морфу **m** и какой-либо супрасегментный знак или конверсию$_2$, мегаморфой не является: его означающее /X/ всегда содержит сегментное означающее /**m**/. Рассмотрим, например, испанский знак [*el*] **policía** ‘полицейский’, представимый через морфу и конверсию$_2$:

[*el*] **policía** ‘полицейский’ =

[*la*] **policía** ‘полиция’ ⊕ $\mathbf{C}_{\text{АГЕНС}}^{\text{жен}\Rightarrow\text{муж}}$ ‘тот, который действует …’.

Этот знак не является мегаморфой, поскольку означающее /poliθía/ знака 'полицейский' содержит в себе сегментное означающее /poliθía/ знака 'полиция' (более точно, просто совпадает с ним).

Таким образом, мы видим, что Определение V.60 не допускает неограниченного бесполезного размножения мегаморф: мегаморфами считаются только такие знаки, которые действительно представляют собой слияние двух других знаков.

4. Линейная нечленимость мегаморф

Мегаморфа всегда линейно нечленима

Это важное свойство мегаморфы вытекает из Определения V.60: раз означающее /m̃/ у мегаморфы m̃ не содержит сегментных означающих соответствующих знаков, следовательно, это означающее /m̃/ не будет линейно членимым и сама m̃, тем более, не будет линейно членимой.

Поскольку мегаморфа — это неэлементарный знак, она обязательно должна быть либо представима, либо квазипредставима через другие знаки. Это дает нам два основных класса мегаморф: ***слабые мегаморфы*** и ***сильные мегаморфы***, которые мы по очереди и рассмотрим.

2. Слабая мегаморфа

2.1. Понятие слабой мегаморфы. Начнем с формулировки определения.

Определение V.61: слабая мегаморфа

Мегаморфа m̃ называется *слабой*, если m̃ представима через знаки $\mathbf{X_1}$, $\mathbf{X_2}$, ..., $\mathbf{X_n}$.

Пример

В дополнение к французскому примеру (1) можно привести следующий немецкий пример:

(3) немецкий

Väter 'отцы' = **Vater** $\oplus$ $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{ä}\Rightarrow\text{ĕ}}$

Mütter 'матери' = **Mutter** $\oplus$ $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{u}\Rightarrow\text{ü}}$

Töchter 'дочери' = **Tochter** $\oplus$ $\mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{o}\Rightarrow\text{œ}}$

Знак типа **Väter** представляет собой мегаморфу (в соответствии с Определением V.60): он не является элементарным и его означающее /fĕ́ter/ не содержит в себе сегментного означающего /fā́ter/. Но при этом поскольку

знак **Väter** представим через знаки **Vater** 'отец' и $\mathbf{A}_{\mathbf{МН}}^{\ddot{\mathbf{a}}\Rightarrow\ddot{\mathbf{e}}}$ 'мн. ч.', постольку этот знак, согласно Определению V.61, является слабой мегаморфой.

2.2. Типология слабых мегаморф. Итак, слабая мегаморфа $\tilde{\mathbf{m}}$ представима через другие знаки, но линейно нечленима. Ее линейная нечленимость может возникать в силу одной из двух следующих причин:

– Либо мегаморфа $\tilde{\mathbf{m}}$ представима исключительно через морфы $\mathbf{m_1}$, $\mathbf{m_2}$, ..., $\mathbf{m_n}$ и одно или несколько чередований A_i:

$$\tilde{\mathbf{m}} = \oplus\{\mathbf{m_1}, \mathbf{m_2}, \ldots, \mathbf{m_n}, A_i\}.$$

Тогда линейная нечленимость мегаморфы $\tilde{\mathbf{m}}$ создается одним из чередований A_i (пустым$_1$ чередованием типа ***слияние***, стирающим морфный стык и «сплавляющим» воедино граничившие друг с другом сегментные означающие).

– Либо мегаморфа $\tilde{\mathbf{m}}$ представима через морфу $\mathbf{m}$ и апофонию $\mathbf{A_X}$:

$$\tilde{\mathbf{m}} = \oplus\{\mathbf{m}, \mathbf{A_X}\}.$$

Так получаются два типа слабых мегаморф: ***морфные мегаморфы*** (со слиянием морф) и ***апофонические мегаморфы***.

Примеры

1. Морфные слабые мегаморфы (со слиянием морф)

(4) алюторский

γala	$+j$		$=$ ***γale***	'[Он] прошел'.
проходить	АОР.3 ЕД			
γa	$+$*jŋat*	$(+lin)$	$=$ ***γeŋal***$(+lin)$	'Стало туманно'.
РЕЗ	туман	3 ЕД		
[*γa*+]	*pila*	$+$*jγəm*	$=$ [*γa*+]***pileγəm***	'[Я] был покинут'.
РЕЗ	покидать	1 ЕД		

Такие мегаморфы получаются в результате весьма распространенного в алюторском языке чередования-слияния:

$$/\mathrm{a}+\mathrm{j}/ \Longrightarrow /\mathrm{e}/|_ \left\{\begin{matrix}\# \\ /\mathrm{C}/\end{matrix}\right\}$$

(5) русский

адвокат	$\oplus$*ств*(*-о*)	$=$ *адвокатство*	/advakáctva/
дет(*-и*)	$\oplus$*ств*(*-о*)	$=$ *детство*	/d′éctva/
пират	$\oplus$*ств*(*-о*)	$=$ *пиратство*	/piráctva/
любопыт(*-ный*)	$\oplus$*ств*(*-о*)	$=$ *любопытство*	/l′ubapíctva/

Здесь действует чередование-слияние

$$/\mathrm{t}/ + /\mathrm{s}/ \Longrightarrow /\mathrm{c}/.$$

Оно и приводит к тому, что основа типа /advakáctva/ оказывается линейно нечленимой: ведь «разрез» должен был приходиться как раз посередине фонемы /c/.

Амальгамы «предлог + (определенный) артикль», хорошо известные в романских языках, тоже представляют собой морфные слабые мегаморфы:

(6) **a.** итальянский

'с'	**con**	⊕ **il**	⟹ **col**	**con**	⊕ **la**	⟹ **colla**
		[опр. муж]			[опр. жен]	
'к'	**a**	⊕ **il**	⟹ **al**	**a**	⊕ **la**	⟹ **alla**
'от'	**di**	⊕ **il**	⟹ **del**	**di**	⊕ **la**	⟹ **della**

b. португальский

'к'	**a**	⊕ **a**	⟹ **à**	**a**	⊕ **as**	⟹ **às**
		[опр. жен. ед]			[опр. жен. мн]	
'для'	**por**	⊕ **o**	⟹ **pelo**	**por**	⊕ **os**	⟹ **pelos**
		[опр. муж. ед]			[опр. муж. мн]	

c. французский

'к'	**à**	⊕ **le /lə/**	⟹ **au /o/**	**à**	⊕ **les /le/**	⟹ **aux /o/**
		[опр. муж. ед]			[опр. муж. мн]	
'от'	**de**	⊕ **le**	⟹ **du /dü/**	**de**	⊕ **les**	⟹ **des /de/**
		[опр. муж. мн]			[опр. муж. мн]	

В случаях типа итал. **col**, **al** или **del** чисто логически можно было бы, вообще говоря, считать, что результирующее означающее все-таки содержит внутри себя объединяемые означающие (каковые могут модифицироваться внутри такой комбинации). Например, /kol/ ⟸ /ko/ + /l/, где /ko/ может рассматриваться как означающее, получившееся из **con** (т. е. **co** — как алломорфа к **con**), а /l/ — как означающее, получившееся из **il** (**l** как алломорфа к **il**). Похожий анализ можно помыслить и во многих других случаях амальгам типа «предлог + артикль», не только в романских языках, но также, например, и в немецком:

'на' **an** ⊕ **dem** ⟹ **am**, где **a-** — это как бы алломорфа предлога **an**, а **-m** — алломорфа артикля **dem** [артикля мужского/среднего рода в дательном падеже]

'от' **von** ⊕ **dem** ⟹ **vom**
'в' **in** ⊕ **dem** ⟹ **im**
'к' **zu** ⊕ **dem** ⟹ **zum**
zu ⊕ **der** ⟹ **zur**
} анализ аналогичного типа

[**der** — артикль женского рода в дательном падеже]

Если согласиться с таким подходом, соответствующие формы уже не будут считаться слабыми мегаморфами, а будут представлять собой сложные

лексемы (сложные$_2$, поскольку эти формы ни в коей мере не являются регулярными или продуктивными).

Однако подобное описание, логически вполне допустимое, оказывается для нас неприемлемым по чисто языковым соображениям. Ведь если в случае, например, итал. **con** $\oplus$ **il** = **col** мы признаем алломорфы **co** и **l**, мы должны будем признать существование двух весьма нерегулярных морфонологических операций (= чередований):

/n/ $\Longrightarrow$ **Λ**| ___ /i/

и

/i/ $\Longrightarrow$ **Λ**| /n/___

В итальянском языке нет никаких других чередований, похожих на эти: конечное *-n* никогда не подвергается усечению перед начальной гласной *i-*, которая при этом сама тоже усекалась бы; начальное *i-* никогда не усекается в позиции после словоформы, оканчивающейся на *-n*. Кроме того, в итальянском нет и других несомненных сложных образований, которые были бы похожи на **col**, и т. п.

Мы снова подчеркиваем, что в нашей системе понятие РЕГУЛЯРНОСТИ имеет первостепенную важность. Если мы готовы сказать, что **col** — это свободно образованная в языке сложная$_1$ форма, построенная путем объединения **con** + **il**, надо, чтобы та же самая операция была бы регулярно применима в итальянском языке в целом. (Ср. замечания в подразделе **3.5**, после примера (20), с. 416.)

В примерах (4)–(6) представлены слабые мегаморфы со слиянием, в которых всегда задействован корень (или даже два корня, как в (6)). В то же время, слабая мегаморфа может оказаться также результатом слияния только двух аффиксов, без всякого участия корней.

(7) В языке дакота инфиксы субъекта непереходного глагола или субъекта/объекта переходного глагола всегда обязательно сливаются с инфиксом **-ki-** ‘для кого-л.’ [= показатель бенефицианта действия]:

wa $\oplus$ *ki* $\Longrightarrow$ ***we***
1 ЕД.СУБ

ja $\oplus$ *ki* $\Longrightarrow$ ***je***
2 ЕД.СУБ

ma $\oplus$ *ki* $\Longrightarrow$ ***mi***
1 ЕД.ОБ

ni $\oplus$ *ki* $\Longrightarrow$ ***ni***
2 ЕД.ОБ

Так, от глагола MÁNŨ ‘красть’ образуются следующие формы:

ma + *wa* + *nũ* ‘я краду’ $\sim$ *ma* + ***we*** + *nũ* ‘я краду для кого-л.’

ma + *ja* + *nũ* ‘ты крадешь’ $\sim$ *ma* + ***je*** + *nũ* ‘ты крадешь для кого-л.’

Ср. пример (18), **3.4**, с. 414–415.

Замечание. Возможен и другой анализ: можно линейно разбить *we* на *w-* ⇐ *wa* и *-e* ⇐ *ki*, *je* — на *j-* ⇐ *ja* и *-e* ⇐ *ki* и т. п. Мы не будем обсуждать здесь эту формальную возможность. (В действительности, здесь, по-видимому, имеет место усечение интервокального *-k-* и слияние $a + i \Longrightarrow e$, либо усечение $a + i \Longrightarrow i$.)

Слабые мегаморфы, проиллюстрированные в (4)–(7), представляют собой слияния некоторых конкретных морф. Напротив, в санскрите образование слабых мегаморф из каких угодно морф ничем не ограничено; образование мегаморф происходит по весьма общим и стандартным правилам слияния (эти правила принадлежат к набору внешних сандхи санскрита). Вот несколько примеров таких слияний (мегаморфы выделены жирным шрифтом):

(8) санскрит

Sā *aśvā* *iva* *adati* ⟹

она-ЕД.НОМ кобыла-ЕД.НОМ как есть-НАСТ.3 ЕД

Sāśvevādati ‘Она ест как кобыла’.

Rājā *iha* *īje* ⟹

царь-ЕД.НОМ здесь приносить.жертву-АОР.3 ЕД

Rājeheje ‘Здесь царь совершил жертвоприношение’.

Sūrya, *utihi!* *iti* *āha* *ācāryas* ⟹

солнце-ЕД.ВОК всходить-ИМПЕР.2 ЕД так сказать-ПЕРФ.3 ЕД мудрец

Sūryodihītyāhācāryaḥ! ‘«О, Солнце, взойди!» — сказал мудрец’.

Как легко видеть, целая фраза может оказаться спаянной в единый сложный, линейно нечленимый знак — слабую мегаморфу. (При этом она представляет собой вторичную словоформу — того же типа, что и амальгама **au** во французском.) Подобные слияния происходят в санскрите постоянно, что приводит к возникновению в тексте сотен ребусов подобного рода. (Ср. санскритские примеры в Главе II, Части третьей [том 3], § 3, с. 114 и сл.)

2. Апофонические слабые мегаморфы

Соответствующие примеры уже были приведены в достаточно большом количестве в параграфе, посвященном апофонии (§ 2 Главы IV); это позволит нам обойтись здесь всего одним примером.

(9) идиш

tek	‘дни’	= **tuk**	‘день’	$\oplus \mathbf{A}^{\mathbf{u} \Rightarrow \mathbf{e}}_{\mathbf{МН}}$
cen	‘зубы’	= **cun**	‘зуб’	$\oplus \mathbf{A}^{\mathbf{u} \Rightarrow \mathbf{e}}_{\mathbf{МН}}$
štet	‘города’	= **štut**	‘город’	$\oplus \mathbf{A}^{\mathbf{u} \Rightarrow \mathbf{e}}_{\mathbf{МН}}$
pec	‘мужские члены’	= **poc**	‘мужской член’	$\oplus \mathbf{A}^{\mathbf{o} \Rightarrow \mathbf{e}}_{\mathbf{МН}}$

vent 'стены'	= **vant** 'стена'	$\oplus \mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{a}\Rightarrow\text{e}}$
zek 'мешки'	= **zak** 'мешок'	$\oplus \mathbf{A}_{\text{МН}}^{\text{a}\Rightarrow\text{e}}$

3. Сильная мегаморфа

3.1. Понятие сильной мегаморфы. Начнем, как обычно, с определения.

Определение V.62: сильная мегаморфа

Мегаморфа $\tilde{\mathbf{m}}$ называется *сильной*, если $\tilde{\mathbf{m}}$ квазипредставима по означаемому через какие-либо другие знаки.

В символической записи:

$$\tilde{\mathbf{m}} \underset{\text{по означаемому}}{\cong} \oplus\{\mathbf{X_1}, \mathbf{X_2}, \ldots, \mathbf{X_n}\}.$$

Пример

(10) французский

Знак **eu** /ü/ [причастие прошедшего времени от глагола AVOIR 'иметь'] представляет собой сильную мегаморфу: он не представим через знаки **av-** 'им(-еть)' и **-u** '[прич. прош.]' (плюс какие-либо стандартные французские чередования); в то же время **eu** не является и элементарным знаком, поскольку его означаемое вполне представимо через означаемые знаков **av-** и **-u**:

'eu' = 'avoir' ⊕ 'прич. прош'

NB: Вообще говоря, возможен и другой анализ формы **eu**. В ней можно усматривать нулевой корень **∅-** как алломорфу для **av-**. Сравните:

∅ *+ ai* /ɛ/	vs. ***v*** *+ ais* /vɛ/	vs. ***s*** *+ ais*	vs. ***f*** *+ ais*
'[я] имею'	'[я] иду'	'[я] знаю'	'[я] делаю'
∅ *+ ont* /ɛ/	vs. ***v*** *+ ont* /vɛ/	vs. ***s*** *+ ont*	vs. ***f*** *+ ont*
'[они] имеют'	'[они] идут'	'[они] знают'	'[они] делают'

(см. второй вопрос в задании 8 после примера (9) в Главе II настоящей части, § 2, **5.2**, с. 88). При таком анализе, разумеется, **eu** уже не может быть сочтено мегаморфой.

3.2. Комментарии к Определению V.62. Мы остановимся здесь на следующих трех моментах:

– Сильная мегаморфа как слитная реализация группы морф.
– Сильные мегаморфы и уникальные апофонии.
– Сильные мегаморфы и супплетивизм.

1. Сильная мегаморфа как слитная реализация группы морф

Сильную мегаморфу $\tilde{\mathbf{m}}$ можно представлять себе как некое слитное (= неразложимое) выражение, соответствующее эквивалентной по смыслу последовательности морф, которая, однако, в данном языке почему-то запрещена:

$$\tilde{\mathbf{m}} \Longleftrightarrow {}^{*}\mathbf{m_1} + \mathbf{m_2} + \ldots + \mathbf{m_n}$$

Иллюстрацией может служить, скажем, французская сильная мегаморфа [*nous*] **sommes** '[мы] есть' [= 1 мн.наст.инд от ÊTRE 'быть']:

$$\begin{array}{ccccc} \textbf{sommes} & \Longleftrightarrow & {}^{*}\textbf{êt} & + \emptyset & + \textbf{ons} \\ & & \text{быть} & \text{НАСТ.ИНД} & 1\ \text{МН} \end{array}$$

Говоря формально, сильная мегаморфа — это СИМУЛЬТАННОЕ воплощение некоторого множества морфем; в принятой нами стандартной условной записи это будет выглядеть так:

$$\{\mathcal{M}_1\} \oplus \{\mathcal{M}_2\} \oplus \ldots \oplus \{\mathcal{M}_n\} \Longleftrightarrow \tilde{\mathbf{m}}$$

Тогда **sommes** запишется следующим образом:

$$\{\text{ÊT}(\textit{-re})\} \oplus \{\text{НАСТ.ИНД}\} \oplus \{1\ \text{МН}\} \Longleftrightarrow \textbf{sommes}$$

Точно так же, английское [*I*] **am** '[я] есть' записывается как:

$$\{\text{BE}\} \oplus \{\text{НАСТ.ИНД}\} \oplus \{1\ \text{ЕД}\} \Longleftrightarrow \textbf{am}$$

2. Сильные мегаморфы и уникальные апофонии

Чисто формально можно было бы, вообще говоря, считать, что всякая сильная мегаморфа $\tilde{\mathbf{m}}$ представляет собой результат применения к морфе $\mathbf{m}$ некоторой уникальной апофонии $\mathbf{A_X}$, выражающей все те граммемы, которыми означаемое мегаморфы $\tilde{\mathbf{m}}$ отличается от означаемого морфы $\mathbf{m}$. В случае французской словоформы **sommes** [как формы глагола *être* 'быть'] это равносильно тому, чтобы записать **sommes** как:

$$\textbf{sommes} = \oplus\{\textbf{êt}, \mathbf{A}^{\text{ɛt}\Rightarrow\text{sɔm}}_{\textbf{НАСТ.ИНД.1МН}}\},$$

т. е. постулировать во французском апофонию, которая выражает 1-е лицо множественного числа в настоящем времени индикатива посредством замены /ɛt/ на /sɔm/. Однако подобная апофония была бы не только уникальной (применяемой исключительно в данном случае и больше нигде), но, кроме того, также и совершенно изолированной, не похожей ни на какие французские апофонии: никакая другая несомненная французская апофония (или чередование) не производит замену типа /ɛt/ $\Longrightarrow$ /sɔm/ и ни одна из них не выражает лицо и число глагола. Для нашей гипотетической апофонии во французском языке не найдется никакой другой ***родственной*** ей апофонии, и, следовательно, мы должны ее отвергнуть (см. выше, в Главе II, § 5, **3**, с. 266 и сл., по поводу уникальных знаков). Поэтому мы и останавливаемся на предложенной выше трактовке, согласно которой мегаморфа представляет собой реализацию последовательности морфем.

3. Сильные мегаморфы и супплетивизм

Сильная мегаморфа обычно находится в отношении ***супплетивизма*** либо с морфами $\mathbf{m_i}$ одной из тех морфем $\{\mathcal{M}_i\}$, которые в ней воплощаются, либо с другой сильной мегаморфой $\tilde{\mathbf{m}}'$, в которой воплощено множество морфем

$$\{\mathcal{M}'_1\} = \{\mathcal{M}_1\} \oplus \{\mathcal{M}'_2\} \oplus \ldots \oplus \{\mathcal{M}_i\},$$

где $\{\mathcal{M}_1\}$ является корневой морфемой, а остальные морфемы — аффиксальные. (Супплетивизм будет рассмотрен подробнее в Главе VIII.)

Пример

(11) шошоне

a.	субъект в ед. ч.	субъект во мн. ч.
'стоять'	*wənəʔʔ*	*topoih*
'лежать'	*hapiʔʔ*	*kopittih*
'говорить'	*taikwaʔʔ*	*niwənnəʔʔ*
'быть схваченным (унесенным)'	*jaaʔʔ*	*himmaʔʔ*
'уходить, уезжать'	*kuhnaiʔʔ*	*nutaah*
'быть убитым'	*pekkah*	*wasəʔʔ*

У целого ряда глаголов в шошоне (порядка 20) имеется по две разные основы: первая обозначает действие, осуществляемое или испытываемое одним-единственным субъектом, а вторая — действие нескольких субъектов (в самом грубом приближении — примерно как *отойти* vs. *разбрестись* по-русски). Все остальные глаголы в этом языке выражают множественность субъекта при помощи (факультативной) энклитики **pəwəh**, непосредственно следующей за глаголом. Таким образом, в языке шошоне есть граммемы 'единственность' *vs.* 'множественность' [субъекта]. Поэтому мы можем описывать глаголы в (11a) следующим образом:

b. {СТОЯТЬ} $\oplus$ {СУБ.ЕД} $\Longleftrightarrow$ **wənəʔʔ**
{СТОЯТЬ} $\oplus$ {СУБ.МН} $\Longleftrightarrow$ **topoih**
{ГОВОРИТЬ} $\oplus$ {СУБ.ЕД} $\Longleftrightarrow$ **taikwaʔʔ**
{ГОВОРИТЬ} $\oplus$ {СУБ.МН} $\Longleftrightarrow$ **niwənnəʔʔ**
{БЫТЬ-СХВАЧЕННЫМ} $\oplus$ {СУБ.ЕД} $\Longleftrightarrow$ **jaaʔʔ**
{БЫТЬ-СХВАЧЕННЫМ} $\oplus$ {СУБ.МН} $\Longleftrightarrow$ **himmaʔʔ**

При этом основы **wənəʔʔ** 'один X стоит' и **topoih** 'несколько X-ов стоят' (как и все прочие пары этого типа) будут представлять собой супплетивные сильные мегаморфы по отношению друг к другу; в них воплощены разные последовательности морфем, но вместе с тем они выступают в качестве словоформ одной и той же лексемы WƏNƏʔʔ 'стоять'.

3.3. Альтернативный термин: морфа типа portmanteau. Знаки, которые мы назвали здесь *сильными мегаморфами*, давно уже имеют и другое название, предложенное Ч. Хоккетом (Hockett 1947: раздел 15): ***морфы типа portmanteau*** [≈ 'морфы-чемоданы']. Термин этот по-своему хорош и распространен повсеместно; тем не менее, мы все-таки предлагаем заменить его *сильной мегаморфой* по следующим двум причинам:

(i) Морфа типа portmanteau на самом деле не является морфой; она не принадлежит к какой-либо одной морфеме, а воплощает в себе целое множество морфем. 'Морфа portmanteau' по отношению к 'морфе' — это примерно то же самое, что 'приемная мать' по отношению к 'матери'; хотя термины такого типа встречаются как в естественных языках, так и в языках науки, нам представляется предпочтительным все-таки их избегать.

(ii) Желательно, чтобы и сильные мегаморфы, и слабые мегаморфы рассматривались как разные подклассы мегаморф вообще; это привносит в нашу терминологическую систему дополнительную симметричность. Используя термин *морфа portmanteau*, мы теряем эту симметричность.

3.4. Примеры сильных мегаморф. Множество морфем, воплощенных в сильной мегаморфе, может включать, а может и не включать корневую морфему; соответственно, сильная мегаморфа может выражать либо корень (или основу) плюс один или несколько аффиксов, либо лишь некоторое количество аффиксов. Мы приведем примеры и того, и другого явления — в указанном порядке.

1. Сильные мегаморфы типа «корень + аффиксы»

(12) английский
am $\Longleftrightarrow$ {BE} $\oplus$ {НАСТ.ИНД} $\oplus$ {1 ЕД}
is $\Longleftrightarrow$ {BE} $\oplus$ {НАСТ.ИНД} $\oplus$ {3 ЕД}
are $\Longleftrightarrow$ {BE} $\oplus$ {НАСТ.ИНД} $\oplus$ {МН}

(13) немецкий
sind '[мы/они] есть' $\Longleftrightarrow$ {SEIN 'быть'} $\oplus$ {НАСТ.ИНД} $\oplus$ {1/3 МН}

(14) русский
a. есть $\Longleftrightarrow$ {БЫТЬ II} $\oplus$ {НАСТ.ИНД} $\oplus$ {1/2/3 ЕД/МН}
У него есть я.
У меня есть книги.

b. ∅БЫТЬ I $\Longleftrightarrow$ {БЫТЬ I} $\oplus$ {НАСТ.ИНД} $\oplus$ {1/2/3 ЕД/МН}
Я болен, Мы больны, ...
vs.
Я был ⟨буду⟩ болен, Мы были ⟨будем⟩ больны, ...

В (14b) мы имеем довольно курьезный пример нулевой сильной мегаморфы: связка 'быть' в настоящем времени изъявительного наклонения. В стандартной записи этот знак должен быть представлен следующим образом:

c.

$\emptyset_{\text{БЫТЬ I}}$ = ⟨'быть (связка); наст., индикатив'; /**Λ**/; Σ = V, 1/2/3/ ед/мн, принимает дополнение (предикативный член) в номинативе, ...⟩

Ср. Главу I, § 2, **2.2**, 4, примеры (10)–(11), с. 28.

2. Сильные мегаморфы типа «аффикс + аффикс»

суффикс + суффикс

(15) В древнегрузинском число и падеж существительного выражаются отдельными суффиксальными морфами — везде, за исключением генитива/датива/эргатива множественного числа, где выступает сильная мегаморфа:

KAC'I 'человек'

	ед. ч.	мн. ч.
номинатив	$kac'+\emptyset+i$	$kac'+n+i$
генитив	$kac'+\emptyset+is$	$kac'+$ **ta**
датив	$kac'+\emptyset+s$	
эргатив	$kac'+\emptyset+man$	
вокатив	$kac'+\emptyset+o$	$kac'+n+o$

Таким образом, мы здесь имеем:

-ta ⟺ ***n** ⊕ **is**/***n** ⊕ **s**/***n** ⊕ **man**

Иначе говоря, число и падеж в древнегрузинском выражаются по отдельности, за исключением генитива, датива и эргатива множественного числа, где граммема падежа выражается кумулятивно вместе с граммемой множественного числа.

(16) В латинском языке глагольный суффикс **-mini** (2 мн в пассиве — во всех временах и наклонениях) представляет собой сильную мегаморфу, поскольку в нем сразу выражаются граммемы '2-е лицо', 'мн. ч.' и 'пассив', в то время как в формах всех прочих лиц граммема 'пассив' выражается отдельно, при помощи особого суффикса.

PUNIRE 'наказывать' (в пассиве)

[В примере ниже суффиксы пассива, когда они «не сплавлены» вместе с показателем лица, напечатаны малыми прописными буквами.]

наст. вр.		буд. вр.	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
$puni+o+R$	$puni+mu+R$	$puni+a+R$	$puni+\bar{e}+mu+R$

puni + *R* + *is*	*puni* + ***mini***	*puni* + *ē* + *R* + *is*	*puni* + *ē* + ***mini***
puni + *t* + *UR*	*puni* + *unt* + *UR*	*puni* + *ē* + *t* + *UR*	*puni* + *e* + *nt* + *UR*

По аналогии с формами пассива в единственном числе и с формами 2 мн в активе можно выдвинуть гипотезу, что

-mini $\Longleftrightarrow$ ***r** $\oplus$ (**i**)**tis** либо же ***ti**(**s**) $\oplus$ **r**,

так как в активе суффикс 2 мн — это **-tis** (*puni* + *tis* 'вы наказываете', *orna* + *tis* 'вы украшаете' и т. п.).

Похожий, хотя и с некоторыми отклонениями, случай наблюдается в венгерском. Здесь глагольный суффикс **-lak/-lek** кумулятивно несет в себе комбинацию граммем '1 ед субъекта — 2-е л. объекта'. Вообще говоря, в венгерском глаголе обычно маркируется суффиксом лицо и число подлежащего, а лицо и число прямого дополнения переходный глагол не выражает (в точности как в русском или во французском). Правда, сам выбор субъектного суффикса при переходном глаголе указывает на наличие или отсутствие при этом глаголе прямого дополнения со значением грамматической определенности (наличие определенного ДПрям требует, чтобы в глаголе была выражена граммема 'объектность' словоизменительной категории объектности; см. Часть вторая [том 2], Глава III, § 3, **1.5**, Определение II.60, с. 307 и сл.). Однако, когда подлежащее оказывается в 1-м лице (= 'я'), а действие направлено на ДПрям во 2-м лице (= 'тебя' или 'вас'), глагол принимает суффиксальную мегаморфу **-lak/-lek**[1], в которой сразу кодируются и лицо/число Подл, и лицо/число ДПрям:

(17) венгерский

Глагол SZERET(-*ni*) 'любить' в настоящем времени индикатива

'я его/их люблю'	*szeret* + *em* /seretem/
'я тебя/вас люблю'	*szeret* + ***lek***
'ты любишь [кого-либо]'	*szeret* + *ed*
'он любит [кого-либо]'	*szeret* + *i*
'мы любим [кого-либо]'	*szeret* + *jük*
'вы любите [кого-либо]'	*szeret* + *itek*
'они любят [кого-либо]'	*szeret* + *ik*

инфикс + инфикс

В языке дакота тоже представлено явление, довольно похожее на только что описанный случай. А именно: в этом языке отдельными инфиксами маркируется лицо/число подлежащего и лицо/число прямого дополнения. Однако для комбинации граммем '1 ед.суб — 2 ед. об'[2] в дакота имеется единая инфиксальная мегаморфа **-ći-**.

(18) дакота

а. **-ći-** 'я ... тебя' = '1 ед.суб — 2 ед.об'.

Сравните этот инфикс с автономными инфиксами

-wa- ‘я’ = ‘1 ед.суб’ (со всеми дополнениями, кроме 2 ед)
и
-ni- ‘тебя’ = ‘2 ед.об’ (со всеми подлежащими, кроме 1 ед).
Отсюда мы можем заключить, что

$$\textbf{-ćі-} \iff \textbf{*wa} \oplus \textbf{ni}.$$

b. Приведем несколько форм глагола MANŨ ‘красть’ в настоящем времени индикатива:

$ma + wa + \emptyset + nũ$ ‘я его краду’	$ma + wa + wića + nũ$ ‘я их [животных] краду’
$ma + ja + \emptyset + nũ$ ‘ты его крадешь’	$ma + ja + ma + nũ$ ‘ты меня крадешь’
$ma + \emptyset + \emptyset + nũ$ ‘он его крадет’	$ma + \emptyset + wića + nũ$ ‘он их крадет’
$ma + \emptyset + ma + nũ$ ‘он меня крадет’	$ma + \emptyset + ni + nũ$ ‘он тебя крадет’

Однако:

$$ma + \textbf{ći} + nũ \text{ ‘я тебя краду’ } (*ma + \textbf{wa} + \textbf{ni} + nũ)$$

[ср. выше, пример (7), с. 407].

Последний пример, который мы здесь приводим, не вписывается ни в одну из перечисленных выше рубрик, поскольку в нем речь идет о сильной мегаморфе, покрывающей служебное слово и префикс.

(19) В языке агем показатель посессивности **kí**, за которым следует существительное с префиксом именного класса 1 **kí-**, обязательно сливается с этим префиксом в единое целое **ká** (пусть **X** — это произвольное существительное, относящееся к классу **kí-**):

$$\textbf{*kí \# kí + X} \iff \textbf{ká + X}.$$

Таким образом, вместо словосочетания

nɔ́m	***kí*	*kí*	*+ kʌ̀*
язык [часть тела]	принадлежащий VII		слуга

мы получаем
nɔ́m **ká** *+ kʌ̀* ‘язык слуги’.
Аналогично

tɔ́e	***kí*	*kí + kʌ̀* $\Longrightarrow$	*tɔ́e* **ká***kʌ̀* ‘задница слуги’; и т. п.
задница			

Дополнительные примеры мегаморф будут приведены по ходу описания супплетивизма в следующей главе.

3.5. Относительность сильных мегаморф. Неразложимость сильной мегаморфы на составные части далеко не всегда очевидна. В некоторых случаях достаточно трудно сказать, является ли рассматриваемый неэлементарный знак непредставимым по означающему и вследствие этого — сильной мегаморфой. Разберем в качестве поучительного примера префиксы переходного глагола в языке сьерра пополука.

(20) сьерра пополука

		субъект в единственном числе			
		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е+2-е лицо
объект в единственном числе	1-е лицо	———	**an-** 'ты — меня'	**a-** 'он — меня'	———
	2-е лицо	**man-** 'я — тебя'	———	**mi-** 'он — тебя'	———
	3-е лицо	**an-** 'я — его'	**in-** 'ты — его'	**i-** 'он — его'	**tan-** 'я/ты — его'
	1-е+2-е лицо	———	———	**ta-** 'он — меня/тебя'	———

У непереходного глагола в сьерра пополука представлены следующие префиксы субъекта в единственном числе:

a- 'я', **t-** 'ты', **i-** 'он'.

Мы видим также *a-* 1 ед в составе **a-** 'он — меня', **an-** 'ты — меня', **man-** 'я — тебя' и **an-** 'я — его'; присоединение *t-* как будто дает прибавление 2-го лица ед. ч. к 1-му лицу ед. ч. (ср. **a-** *vs.* **ta-** и **an-** *vs.* **tan-**); *i-*, отвечающее за 3-е лицо ед. ч., вроде бы выступает в **i-** 'он — его'. Так что возникает впечатление, что префиксы переходного глагола, представленные в нашей таблице, могут быть разложены на более простые знаки. Однако на самом деле это не так. Если мы попытаемся представить все 9 субъектно-объектных префиксов через элементарные субъектные префиксы и элементарные объектные префиксы достаточно последовательно и систематично, у нас это не получится; такого рода описание неизбежно окажется более сложным, чем просто тот список префиксов, с которого мы начали. Поэтому мы и описываем префиксы переходных глаголов в сьерра пополука как сильные мегаморфы, хотя какие-то их «разрезания» и могут оказаться возможными.

> При введении тех или иных сильных мегаморф мы отвергаем частичные «разрезания», если они недостаточно систематичны и не ведут к более простому представлению данных, чем просто исходный перечень знаков[3]

Таким образом, понятие сильной мегаморфы оказывается ОТНОСИТЕЛЬНЫМ, зависящим от общей системы представлений знаков, выработанной для данного языка.

Примечания

[1] (**3.4**, перед примером (17), с. 414). Мы снова видим здесь, что первое лицо единственного числа, т. е. 'я', пользуется в языке особыми привилегиями.

То же явление наблюдается в примере (18). Ср. Часть вторая [том 2], Глава II, § 4, **4.4**, А, 1, 4), с. 208 и сл., где проблема выделенности 1-го лица единственного числа обсуждается более подробно.

[2] (**3.4**, перед примером (18), с. 414). В отличие от венгерского, в дакота мегаморфа имеется только для комбинации 'я' с 'тебя', но не для 'я' с 'вас'.

[3] (**3.5**, конец раздела, с. 416). Такого рода «разрезания», которые могут представлять лингвистический интерес, разумеется, должны фиксироваться и обсуждаться в рамках МЕТАмодели, составляющей естественное дополнение нашей модели рассматриваемого языка: см. Часть шестая, Глава I.

Резюме Главы VII

Определяется понятие ***мегаморфы*** (грубо говоря, знака, возникшего путем «слияния») и обсуждается разница между мегаморфами и кумулятивными морфами.

Выделено два основных типа мегаморф: ***слабые*** мегаморфы (которые могут быть, в свою очередь, либо морфными, либо апофоническими) и ***сильные*** мегаморфы. Введенные понятия иллюстрируются многочисленными примерами.

ГЛАВА VIII

СУППЛЕТИВИЗМ

1. Общие положения

Прежде всего отметим две следующие особенности супплетивизма.

Во-первых, хотя само это понятие известно в лингвистике уже почти сотню лет, оно остается весьма расплывчатым. Супплетивизм нередко признается морфологическим способом и рассматривается в одном плане с аффиксацией, модификацией и т. п. Так, например, можно услышать, что множественное число у некоторых бретонских существительных образуется посредством «морфологического способа супплетивизма»:

(1) бретонский

	единственное число	множественное число
'человек'	*den*	*tud* /tüt/
'собака'	*ki*	*chas* /šas/
'корова'	*buoc'h* /bẅox/	*saout* /saut/
'лошадь'	*marc'h*	*roñsed* /rõset/ или *kezeg* /kezek/

Это, однако, не так. Супплетивизм ни в коей мере не является языковым знаком, а следовательно, не может существовать и никакого морфологического способа, который служил бы для выражения некоторого значения и мог бы быть назван «способом супплетивизма». В бретонских формах множественного числа, приведенных в (1), невозможно указать компонент — фонемный сегмент, супрасегментный элемент или операцию, — который являлся бы показателем множественного числа. В знаке **tud** (а также и в трех остальных знаках в правой колонке) множественное число выражено синкретически (или кумулятивно): **tud** = 'человек ⊕ множественное число'; точно так же выражено единственное число в знаке **den**: **den** = 'человек ⊕ единственное число'. Супплетивизм представляет собой ОТНОШЕНИЕ между знаками; его надо рассматривать наравне с такими понятиями, как синонимия, омонимия, отношение семантической конверсивности (*X принадлежит Y-y* ≈ *Y обладает X-ом*) и т. д. Поэтому мы можем сказать, что форма единственного числа *den* и форма множественного числа *tud* супплетивны по отношению

друг к другу, но мы отказываемся говорить, что *tud* образовано при помощи супплетивизма; для нас такая формулировка попросту лишена смысла.

Во-вторых, существует тенденция относить супплетивизм к явлениям маргинальным и недостаточно интересным. Верно, конечно, что уже по самой своей природе супплетивизм не может быть очень широко распространен в языках: как мы увидим, суть его состоит именно в предельной формальной нерегулярности, каковая выступает только на фоне родственных регулярных и широкораспространенных языковых феноменов. Знаки, супплетивные по отношению к другим знакам, всегда представляют собой исключения. Однако это вовсе не мешает супплетивизму играть важную роль в плане теории. Глубокие и весьма нетривиальные отношения связывают супплетивизм и фразеологизацию, которую можно считать языковым явлением первостепенной важности (см. далее, Глава IX, с. 447 и сл.). Именно благодаря супплетивизму удается прояснить некоторые семантико-синтаксические проблемы в области эргативности: мы имеем в виду, в частности, супплетивизм глагольных основ в зависимости от грамматического числа субъекта или объекта, засвидетельствованный, например, в некоторых индейских языках (шошоне — см. Глава VII настоящей части, **3.2**, 3, пример (11), с. 411, языке карок и т. д.; ср. также айнские пары **rajge** 'убивать [одно существо]' ~ **ronnu** 'убивать [сразу несколько существ]', тогда как в других айнских глаголах множественность субъекта или объекта выражается вполне регулярным образом: при помощи суффикса **-pa**). И именно в теоретической морфологии супплетивизм оказывается понятием, без которого совершенно невозможно обойтись: он позволяет анализировать с некоторой единой точки зрения разнообразные явления, которые иначе никак не вписываются в общие рамки и в результате могли бы остаться совсем не соотнесенными друг с другом. В частности, без супплетивизма невозможно внести окончательную ясность в понятия морфемы и лексемы: ведь бывают супплетивные алломорфы и аллолексы.

Всем этим и объясняется тот факт, что супплетивизму мы посвящаем целую главу.

2. Понятие супплетивизма

2.1. Вспомогательные понятия. Сначала мы должны ввести два промежуточных понятия: ***сопредставимые языковые единицы*** и ***грамматически сопредставимые означаемые***.

Пусть у нас имеется две языковые единицы — X и Y.

Сопредставимые языковые единицы

> Назовем языковые единицы X и Y *сопредставимыми*, если и X, и Y представимы через одну и ту же единицу Z (плюс, возможно, какие-либо другие единицы).

Иначе говоря, если X и Y сопредставимы, это значит, что

$$X = \oplus\{Z, P_1, \ldots, P_m\} \text{ и } Y = \oplus\{Z, Q_1, \ldots, Q_n\}.$$

(По поводу понятия представимости см. Часть первая [том 1], Глава III, § 2, с. 137 и сл.)

Так, например, русские означаемые 'пистолет' [= X] и 'ружье' [= Y] сопредставимы за счет Z = 'ручное огнестрельное оружие'; французские означающие /marš/ [= X; 'шагать'] и /maršõ/ [= Y; '[мы] шагаем'] тоже сопредставимы (Z = /marš/); однако означающие /marš/ и /mar/ *mare* 'лужа' очевидным образом не сопредставимы; наконец, французские знаки **niaisement** 'глупо' и **niaiserie** 'глупость' тоже сопредставимы, и здесь Z = **niais** 'глупый'.

Грамматически сопредставимые означаемые

Назовем два означаемых 'X' и 'Y' *грамматически сопредставимыми*, если 'X' и 'Y' сопредставимы, и при этом непустые семантические остатки от вычитания 'X' – 'Z' и 'Y' – 'Z' полностью сводимы к (= представимы через) грамматическим значениям (словоизменительным или словообразовательным).

Если означаемые 'X' и 'Y' сопредставимы, это значит, что

$$\text{'X'} = \oplus\{\text{'Z'}, \text{'}P_1\text{'}, \ldots, \text{'}P_m\text{'}\} \text{ и 'Y'} = \oplus\{\text{'Z'}, \text{'}Q_1\text{'}, \ldots, \text{'}Q_n\text{'}\};$$

если они грамматически сопредставимы, это значит, к тому же, что 'P_1', ..., 'P_m' и 'Q_1', ..., 'Q_n' представляют собой граммемы и/или дериватемы.

Таким образом, означаемые французских словоформ **cheval** 'лошадь' и **chevaux** 'лошади' грамматически сопредставимы, поскольку означаемое у **cheval** — это 'лошадь ⊕ ед. ч.', а у **chevaux** — 'лошадь ⊕ мн. ч.', а 'ед. ч.' и 'мн. ч.' во французском языке являются граммемами. Напротив, 'пистолет ⊕ ед. ч.' и 'ружье ⊕ ед. ч.' не являются грамматически сопредставимыми: ведь разница по смыслу между 'пистолет' и 'ружье' — не грамматическая (ни в русском, ни во французском).

2.2. Определение супплетивизма. Введенные выше вспомогательные понятия позволяют нам существенно упростить формулировку понятия супплетивизма. Чтобы дополнительно облегчить ее, потребуем, чтобы понятие супплетивизма применялось только к парам МИНИМАЛЬНЫХ сегментных знаков (= элементарных или квазипредставимых), т. е. к морфам, мегаморфам и полным фраземам.

Определение V.63: супплетивизм

Два минимальных сегментных знака **X** и **Y** в языке $\mathcal{L}$ находятся *в отношении супплетивизма* ⟨= *супплетивны по отношению друг к другу*⟩, если одновременно выполняются следующие два условия:

1. Означающие X и Y не сопредставимы.
2. Означаемые 'X' и 'Y' сопредставимы и:
   (i) либо 'X' = 'Y', и тогда X и Y представляют собой алломорфы одной морфемы;
   (ii) либо 'X' $\neq$ 'Y', и тогда 'X' и 'Y' грамматически сопредставимы [т. е. речь идет о мегаморфах или полных фраземах].

Представляется полезным дать символическую запись Определения V.63. Обозначим через **SUPPLET** отношение 'быть супплетивными', а через A — произвольное чередование. Тогда:

SUPPLET(X,Y) $\equiv$
Def

1. (**не** $\exists_{/Z/}$)[/X/ = $\oplus${/Z/, /P_m/, A_p}] **и** /Y/ = $\oplus${/Z/, /Q_n/, A_q}]
   и
2. ($\exists$'Z')['X' = $\oplus${'Z', 'P_m'} **и** 'Y' = $\oplus${'Z', 'Q_n'}] **и**
   (i) **если** 'X' = 'Y', **то** **X**, **Y** $\in \{\mathcal{M}\}$;
   (ii) **если** 'X' $\neq$ 'Y', **то** все значения 'P_i' и 'Q_j' — грамматические.

Проиллюстрируем это понятие на нескольких примерах.

(2) французский

all(*-ons*) '[мы] идем' [**X**] *vs.* **i**(*-r+ ons*) '[мы] пойдем' [**Y**]:

/al/ и /i/ не являются сопредставимыми (во французском не существует означающего /Z/, такого что /al/ и /i/ можно было бы свести к /Z/ при помощи имеющихся во французском чередований), и условие 1 оказывается, тем самым, выполненным;

'all' = 'i' (= 'идти'), и при этом **all** и **i** являются алломорфами одной и той же морфемы {ALL(*-er*)}, так что условие 2(i) тоже оказывается выполненным;

следовательно, **all** и **i** находятся между собой в отношении супплетивизма.

Эти знаки представляют собой две супплетивные алломорфы «своей» морфемы.

(3) английский

am '[я] есть' [**X**] *vs.* **was** 'был' [**Y**]:

/ǽm/ и /wɔ́z/ не сопредставимы, и тем самым условие 1 оказывается выполненным;

'am' $\neq$ 'was', и при этом 'am' и 'was' грамматически сопредставимы, поскольку они имеют общий компонент 'Z' = 'быть' ['am' = 'быть, НАСТ., ИНДИК., 1 ед', 'was' = 'быть, НАСТ., ИНДИК., ЕД'], а смысловые различия между **am** и **was** являются чисто грамматическими (словоизменительными, если быть более точным) — так что условие 2(ii) тоже выполнено.

Таким образом, **am** и **was** находятся в отношении супплетивизма: это две сильные мегаморфы, представляющие собой супплетивные аллолексы одной лексемы — лексемы BE 'быть'.

(4) русский

можно [X] *vs.* **нельзя** [Y];

эти два знака представляют собой неизменяемые наречия.

Нельзя содержит знак **не-** — регулярный для русского языка отрицательный префикс. Однако словоформы ***неможно** и ***льзя** в языке не существуют.

Можно и *льзя* не являются сопредставимыми;

'можно' = 'льзя', и два знака — **можно** и **льзя** — являются алломорфами одной морфемы {МОЖНО}, распределенными в зависимости от наличия/отсутствия отрицания, представляющего собой грамматическое (словообразовательное) значение в русском языке.

Здесь перед нами случай словообразовательной супплетивной алломорфии: **льзя** — это ***уникальный*** корень, принадлежащий к той же морфеме, что и **можно**, но выступающий только после отрицания **не-**. Словоформы **можно** и **нельзя** принадлежат к двум разным, но словообразовательно связанным лексемам — МОЖНО и НЕЛЬЗЯ[1].

2.3. Комментарии к Определению V.63. В этом определении три пункта нуждаются в дополнительных разъяснениях:

– Какие знаки могут быть супплетивными?

– Условие 2(i): требование алломорфии.

– Условие 2(ii): почему сопредставимость **X**-а и **Y**-а должна быть именно грамматической?

1. Какие знаки могут быть супплетивными?

Этот вопрос затрагивает два важных аспекта знаков. С одной стороны, мы имеем в виду основные классы знаков. Ведь в Определении V.63 говорится о знаках вообще, о КАКИХ УГОДНО минимальных сегментных знаках без каких бы то ни было ограничений. Такая формулировка отражает реальное положение вещей; в самом деле, среди сегментных знаков, связанных отношением супплетивизма, мы находим следующие классы знаков:

– морфы, причем как корни/основы, так и аффиксы;

– сильные мегаморфы, в том числе целые словоформы (воплощающие сильные мегаморфы);

– полные фраземы (= фразеологизованные словосочетания).

Ниже будут приведены примеры всех таких знаков.

С другой стороны, речь может идти об этимологических связях между супплетивными знаками. Традиционный подход допускает применение термина *супплетивный* только к тем парам знаков, которые не соотносятся

между собой этимологически. Мы полагаем, однако, что такое требование неправомерно: почему ИСТОРИЧЕСКИЕ связи должны оказывать какое-либо влияние на СОВРЕМЕННЫЙ статус элементов в языке? В самом деле, обнаруживается довольно много пар супплетивных знаков, этимологически восходящих к одному и тому же источнику:

(5) **a.** румынский
Глагол 'брать' в настоящем времени индикатива:
морфы 1 ед **ia**(-*u*) ~ 1 мн **lu**(-*ăm*) представляют собой регулярные рефлексы одной и той же протороманской морфы ***lewa-**.

b. хеттский
Глагол 'говорить' в настоящем времени индикатива:
морфы 1 ед **te**(-*mi*) ~ 1 мн **tar**(-*ẓeni*) представляют собой регулярные рефлексы одной и той же протоиндоевропейской морфы ***deγ-**.

c. фарерский
Существительное 'овца':
мегаморфы ед. ном. **ær** /ɛar/ ~ мн. дат. **óm** /ɔun/ представляют собой регулярные рефлексы одной и той же протоскандинавской морфы ***aw**;

$$aw + iR \Longrightarrow \textit{ær} \text{ и } aw + um \Longrightarrow \textit{óm}.$$

В дальнейшем мы увидим и другие примеры супплетивных знаков, этимологически родственных друг другу.

2. Условие 2(i): требование алломорфии для супплетивных единиц с одинаковым означаемым

Условием 2(i) из числа супплетивных единиц исключаются синонимичные морфы, принадлежащие к разным морфемам. Без этого условия все лексические синонимы оказались бы супплетивными по отношению друг к другу (например, **огромн**(-*ый*) ~ **громадн**(-*ый*) и т. п.), что лишило бы данное понятие всякого смысла.

3. Сопредставимость X-а и Y-а непременно должна быть грамматической

Условие 2(ii) необходимо для того, чтобы исключить из числа супплетивов все пары типа фр. **table** 'стол' ~ **bureau** 'письменный стол', **doigt** 'палец [руки]' ~ **index** 'указательный палец' или нем. **Pferd** 'лошадь' ~ **Schimmel** 'белая лошадь'. Без этого условия супплетивами стали бы все гипонимы и все лексемы с семантическим пересечением, поскольку они тоже сопредставимы, но всегда только за счет их лексических значений.

Грамматический характер смысловых различий между двумя супплетивными знаками оказывается, тем самым, очень важным. Всякий раз когда у нас возникает желание считать знаки **X** и **Y** супплетивными, следует убедиться в том, что в данном языке $\mathcal{L}$ семантическое различие между **X** и **Y**

('P_i' *vs.* 'Q_j') в самом деле является грамматическим. Иначе говоря, надо, чтобы в языке $\mathcal{L}$ значения 'P_i' и 'Q_j' выражались бы грамматическими средствами: аффиксами, апофониями и т. п. Так, например, почему мы считаем, что бретонские пары в примере (1) на с. 419 супплетивны? Ответ таков: потому что в бретонском почти у всех существительных единственное и множественное число выражены как самостоятельные значения — суффиксами или апофониями; а значит, это граммемы. В самом деле, общая картина такова:

	единственное число	множественное число
'мальчик'	*paotr*	*paotr*+ ***ed***
'сестра'	*c'hoar* /xwár/	*c'hoar*+ ***ezed***
'кровать'	*gwele*	*gweler*+ ***ou*** /u/
'ворон'	*bran*	*brin*+ ***i***
'слуга'	*mevel*	*mevel*+ ***ien***
'вилы'	*forc'h*	*ferc'h*+ ***ier***
'кость'	***askorn***	***eskern***
'страница'	***floc'h*** /flóx/	***flec'h***

[Ср. Часть третья [том 3], Глава I, **3.3**, (5), с. 13.]

Довольно часто два знака, традиционно именуемые супплетивами, на самом деле таковыми не являются — по той простой причине, что в языке $\mathcal{L}$ семантические различия между ними на поверку оказываются неграмматическими. Так обстоит дело, например, со многими индейскими языками, где наблюдается противопоставление глагольных основ по единственности/множественности субъекта или объекта:

(6)	субъект ед. ч.	субъект мн. ч.	объект ед. ч.	объект мн. ч.
a. кус				
'лежать'	*tsxū*	*háyati*	—	—
'умереть'	*ləqá^{u}we*	*égeˋ*	—	—
'говорить'	*l̥'ä*	*γ̃ála*	—	—
'жить, обитать'	*l̥ōwákats*	*tɨláqai*	—	—
'убивать'	—	—	*tsχa^{u}'*	*aiw*
'всовывать'	—	—	*la*	*χ'l̥'ō^{u}*
b. нисга				
убежать'	*g'ˊäχk^{w}*	*hōut*	—	—
'идти'	*iɛ̃*	*l̥ɔ*	—	—
'сидеть'	*d'a*	*wan*	—	—
'лежать'	*sg'ɨtk^{w}*	*dəχk^{w}*	—	—
'бежать'	*baχ*	*ĝɔl*	—	—

‘умереть’	*nɔ́ɔ*	*daχ*	—	—
‘брать’	—	—	*go*	*dɔq*
‘нести’	—	—	*maqt*	*hwɨ̈lgt*
‘покидать’	—	—	*dɑ̈u̯l̥*	*sak'sk^{w}*
‘подкладывать в огонь’	—	—	*malk^{w}*	*tχɔáldət*
c. хайда				
‘идти’	*qa*	*is*	—	—
‘сидеть’	*q'ao*	*l̥'ū*	—	—
‘летать’	*χīt*	*na(lgal)*	—	—
‘убивать’	—	—	*tia*	*l̥'da*

Во всех примерах (6), а также и в целом ряде других случаев, где наблюдается противопоставление глагольных основ в зависимости от единственного/множественного числа субъекта/объекта (как в грузинском и др.), эта единственность/множественность субъекта/объекта никогда не выражается отдельно каким-либо грамматическим средством. Отсюда следует, что пары глагольных основ типа тех, что проиллюстрированы в (6), супплетивными не являются. В каждой паре основы принадлежат к двум разным лексемам, которые хотя и очень близки по смыслу, тем не менее не связаны между собой даже словообразовательными отношениями (и представляют собой нечто вроде фр. *se sauver* ‘спастись [бегством]’ [субъект может быть один или их много] vs. *se disperser* ‘броситься врассыпную, разбежаться’ [субъектов обязательно много] или *tuer* ‘убить’ [объект одиночный или их много] vs. *massacrer* ‘устроить резню’ [объектов обязательно много]).

2.4. Супплетивизм как предельный случай нерегулярного чередования. Основополагающей чертой супплетивизма является АБСОЛЮТНАЯ НЕРЕГУЛЯРНОСТЬ ФОРМАЛЬНЫХ СООТНОШЕНИЙ между двумя супплетивными знаками. Переведя Определение V.63 на язык «грубой прозы», можно сказать, что знаки **X** и **Y** супплетивны тогда, когда смысловое соотношение между **X** и **Y** регулярно настолько, насколько это возможно (= «грамматично»), в то время как формальное отношение между ними, напротив, нерегулярно настолько, насколько это возможно. Этот факт можно передать графически следующим образом: пропорция

$$\frac{\text{‘X’}}{\text{‘Y’}} = \frac{\text{‘X}^{1}\text{’}}{\text{‘Y}^{1}\text{’}} = \frac{\text{‘X}^{2}\text{’}}{\text{‘Y}^{2}\text{’}}$$

может продолжаться практически бесконечно, однако пропорция

$$\frac{/\text{X}/}{/\text{Y}/} = \dots$$

в рассматриваемом языке вообще невозможна.

Возьмем один из очевидных случаев супплетивизма: соотношение **un** 'один' и **premier** 'первый' во французском. С точки зрения смысла отношение между этими двумя знаками абсолютно регулярно:

$$\frac{\text{'один'}}{\text{'первый'}} = \frac{\text{'два'}}{\text{'второй'}} = \dots$$

Ясно, что речь здесь идет о дериватеме 'тот, который занимает в последовательности элементов место номер ...', регулярно выражаемой по-французски суффиксом **-ième** (*deux* 'два' ~ *deuxième* 'второй', *trois* 'три' ~ *troisième* 'третий', ...). С формальной же точки зрения, т. е. с точки зрения означающего, пара *un* /œ̃/ ~ *premier* /prəmje/ ни в какой ряд не входит: во французском языке она оказывается совершенно изолированной.

Следует отметить, что здесь принимается в расчет именно РЕГУЛЯРНОСТЬ формального соотношения, а не наличие или отсутствие общих фонем в двух означающих. Так, во французском языке /œ̃/ *un* 'один' и /ün/ *une* 'одна' вообще не имеют ни одной общей фонемы, и, тем не менее, эти знаки уж, конечно, никак не супплетивны; ведь во французском существует несомненное чередование /œ̃/ ~ /ün/ (ср. *brun* 'коричневый' ~ *brune* 'коричневая', *commun* 'общий' ~ *commune* 'общая', *opportun* 'уместный' ~ *opportune* 'уместная', ...). То же верно и для испанских союзов /i/ *y* и /e/ *e* = 'и', /o/ *o* и /u/ *u* = 'или': эти пары несупплетивны, поскольку чередования /e/ ~ /i/ и /o/ ~ /u/ в испанском языке весьма продуктивны (ср. многочисленные случаи типа *ped*(*-ir*) 'просить' ~ *pid*(*-ió*) 'он просил' или *mor*(*-ir*) 'умереть' ~ *mur*(*-ió*) 'он умер').

Ирландский генитив /ir′/ *fhir* 'мужчины' (выступающий после определенного артикля *an*) от существительного /f′ar/ *fear* 'мужчина' тоже несупплетивен по отношению к /f′ar/: формальные различия между /ir′/ и /f′ar/ полностью сводимы к двум чередованиям и одной апофонии, которые в ирландском языке вполне регулярны:

/f′/ ⟹ /Λ/ | после *an*, после некоторых притяжательных прилагательных и т. п. (*feoil* /f′ōl′/ 'мясо' ~ ГЕН (*an*) *fheoil* /ōl′/ и т. п.; ср. Часть третья [том 3], Глава II, § 3, **2.1**, 1d, пример (34), с. 92);

/a/ ⟹ /i/ | перед палатализованной согласной (*cearc* /k′ark/ 'курица' ~ ГЕН *circe* /k′ir′k′ə/ и т. п.);

наконец, апофонии типа /r/ ⟹ /r′/ обычно маркируют множественное число или генитив единственного числа (*gasúr* /gasūr/ 'ребенок' ~ ГЕН *gasúir* /gasūr′/ и т. п.; см. настоящую часть, Глава IV, § 2, **3**, 1, пример (2), с. 332).

Примеры можно множить и дальше, но и без этого ясно, что отсутствие совпадающих фонем у двух означающих — это еще недостаточное условие для того, чтобы между соответствующими знаками имел место супплетивизм (разумеется, если их означаемые находятся в регулярном отношении).

С другой стороны, наличие совпадающих фонем в таких парах, как англ. *much* /mʌč/ 'много' ~ *more* /mɔ̄ʳ/ 'больше', не препятствует тому, чтобы усматривать супплетивизм между этими двумя словоформами: ведь в английском нет чередования */ʌč/ ⟹ /ɔ̄ʳ/. Таким образом, и присутствие совпадающих фонем в двух означающих тоже не является достаточным условием для того, чтобы не усматривать супплетивизм между соответствующими знаками.

Однако регулярность формальных соотношений — это понятие градуальное: то или иное соотношение может быть в БОЛЬШЕЙ или МЕНЬШЕЙ степени регулярным. Формальное соотношение между двумя означающими описывается чередованиями, а чередование может быть очень распространенным, сравнительно мало распространенным, уникальным, но при этом родственным многим другим неуникальным чередованиям (см. Главу II настоящей части, § 5, Определение V.36, с. 264 и сл., в особенности — пример (8), с. 269), уникальным — и при этом родственным другим, тоже уникальным, чередованиям и т. п. При движении по этой шкале степень регулярности убывает, однако до некоторого момента соотношение между означающими все еще остается регулярным (хотя, быть может, и в очень малой степени). Рассмотрим в этой связи глагольные основы /pø/ *peux* '[я] могу' ~ /puv/ *pouv*(*-ons*) '[мы] можем' во французском. Чередование /ø/ ~ /uv/ почти уникально — но все-таки не совсем уникально: в языке существует еще только пара /mø/ *meus* '[я] двигаю' ~ /muv/ *mouv*(*-ons*) '[мы] двигаем'. Но, кроме того, данное чередование родственно целому ряду других французских чередований:

/vø/ *veux* '[я] хочу' ~ /vul/ *voul*(*-ons*) '[мы] хотим',
/dwa/ *dois* '[я] должен' ~ /dəv/ *dev* (*-ons*) '[мы] должны',
/vo/ *vaux* '[я] сто́ю' ~ /val/ *val* (*-ons*) '[мы] сто́им' и т. п.,

у которых у всех одна и та же фонемная структура и, что гораздо важнее, которые все наблюдаются в одних и тех же глагольных формах. Следовательно, согласно нашим определениям, французское чередование /ø/ ~ /uv/ обладает пусть минимальной, но все-таки регулярностью, и поэтому *peux* и *pouv*(*-ons*), равно как и *veux* и *voul*(*-ons*) и т. п., несупплетивны (или, если угодно, супплетивны в очень малой степени: см. ниже, раздел 4, с. 439).

Чередование же /v/ ~ /al/ (представленное в [*je*] **v**(*-ais*) '[я] иду' ~ [*nous*] **all**(*-ons*) '[мы] идем') не соответствует никакому другому французскому чередованию; оно совершенно нерегулярно, и именно поэтому мы считаем морфы **v**(*-ais*) и **all**(*-ons*) супплетивными.

Чем выше нерегулярность чередования, которое нужно постулировать, чтобы описать формальное соотношение между знаками **X** и **Y**, тем сильнее наша уверенность в том, что **X** и **Y** супплетивны. Именно эту взаимосвязь мы имеем в виду, говоря, что супплетивизм представляет собой предельный случай нерегулярного чередования.

3. Типология супплетивных знаков

Супплетивные пары могут классифицироваться по трем главным основаниям, или параметрам:

• Тип грамматического различия между двумя супплетивными знаками (противопоставление «СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ~ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ»). По этому параметру мы различаем супплетивизм в ***словоизменении***, когда речь идет о двух словоизменительных формах одной лексемы, *vs.* супплетивизм в ***словообразовании***, когда супплетивные знаки представляют собой формы двух разных лексем, связанных отношением производности.

• Морфологический тип вовлеченных в это соотношение знаков (противопоставление «КОРЕНЬ ~ АФФИКС»). Здесь мы различаем ***корневой*** супплетивизм, затрагивающий только корни, и ***аффиксальный*** супплетивизм, когда речь идет только о супплетивных аффиксах.

• Основной класс знаков, к которому принадлежат данные супплетивные знаки (противопоставление «МОРФА ~ МЕГАМОРФА ~ ФРАЗЕМА»).

Пересекаясь, эти параметры дают нам двенадцать ($2 \times 2 \times 3 = 12$) теоретически возможных классов супплетивных пар, три из которых с языковой точки зрения весьма маловероятны (и примеры такого рода нам неизвестны): это словоизменительный супплетивизм аффиксальных фразем (= супплетивизм фразеологизованных последовательностей словоизменительных аффиксов) и два словообразовательных аффиксальных супплетивизма (= словообразовательный супплетивизм аффиксальных мегаморф и супплетивизм фразеологизованных последовательностей словообразовательных аффиксов).

Таким образом, у нас оказывается реально представлено ДЕВЯТЬ классов супплетивных знаков, которые и будут сейчас проиллюстрированы. Порядок, в котором мы будем это делать, таков: сначала представлен супплетивизм при словоизменении, а затем — при словообразовании; внутри этих разделов сначала рассматривается супплетивизм корней, затем — супплетивизм аффиксов; а внутри соответствующих подразделов — сначала супплетивизм морф, затем — мегаморф и, наконец, супплетивизм фразем.

Супплетивизм в словоизменении

Супплетивизм корней

1. Супплетивизм корневых морф при словоизменении

Здесь мы имеем две морфы одной и той же морфемы, распределенные в зависимости от тех или иных словоизменительных значений.

(7) Супплетивизм в числовых формах существительных

а. русский	ед. ч.	мн. ч.
	человек(-$\emptyset$)	**люд**(-*и*)
	ребенок(-$\emptyset$)	**дет**(-*и*)

[-**ø** и -**и** — это словоизменительные суффиксы единственного и множественного числа в именительном падеже]

b.	бурушаски	ед. ч.	мн. ч.
	'мальчик'	**helés**(-*ø*)	**dúlaš**(-*u*)
	'девочка'	**dasén**(-*ø*)	**gušeŋi**(-*a*)
	'дочь'	(*é*-)**i**(-*ø*)	(-*ø*)**yuguš**(-*iŋa*)[2]
c.	лакский	ед. ч.	мн. ч.
	'лошадь'	**ču**(-*ø*)	**dučr**(-*i*)
	'женщина'	**ššarssa**(-*ø*)	**qam**(-*i*)

(8) Супплетивизм в падежных формах существительных

a.	табасаранский	номинатив	эргатив
	'девочка'	**riš** (-*ø*)	**šur**(-*u*)
	'сердце'	**juk'**(-*ø*)	**k'**(-*a*)
	'кто'	**fuž**(-*ø*)	**šl**(-*i*)
b.	лакский	номинатив	генитив
	'отец'	**ppu**(-*ø*)	**butta**(-*l*)
	'луна/месяц'	**barz**(-*ø*)	**zuru**(-*l*)

(9) Супплетивизм в формах принадлежности [= притяжательных формах] существительных

a. хакальтек

	необладаемое	обладаемое	
'дом'	**ñah** /ŋah/	(*w*-)**atut**	'мой дом'
		(*ha w*-)**atut**	'твой дом'
		(*y*-)**atut**	'его дом'
'тортилья	**wah**	(*w*-)**och** /oč/	'моя тортилья'
(вид лепешки)'		(*ha w*-)**och**	'твоя тортилья'
		(*y*-)**och**	'его тортилья'

b. блэкфут

'дом, жилище'	**moyís**	(*no*-)**kóa**	'мой дом'
		(*ko*-)**kóa**	'твой дом'
		(*o*-)**kóa**(-*i*)	'его дом'
'ребенок'	**pokáu**	(*no*-)**kós**	'мой ребенок'
		(*ko*-)**kós**	'твой ребенок'
		(*o*-)**kós**(-*i*)	'его ребенок'

(10) Супплетивизм в формах степеней сравнения прилагательных

a.	английский	**good**	(-*ø*)	'хороший' ~	**bett** (-*er*)	'лучше'
b.	латинский	**bon**	(-*us*)	'хороший' ~	**mel** (-*ior*)	'лучше'
c.	русский	**хорош**(-*ий*)		~	**луч** (-*ше*)	

плох	(*-ой*)	~ **ху** (*-же*)
		~ **худ** (*-ш+ий*)
много		~ **боль**(*-ше*)

? 29 Почему среди этих примеров нет таких английских форм, как **bad** 'плохой' ~ **worse** 'хуже', **much/many** 'много' ~ **more** 'больше' и **little/few** 'мало' ~ **less** 'меньше'? Куда их следует поместить?

(11) Супплетивизм в формах глагольных времен

a. английский [*I*] **go** '[я] иду' ~ [*I*] **wen**(*-t*) '[я] шел'

b. французский **all**(*-er*) 'идти' ~ **i**(*-r+ai*) '[я] пойду'

c. новогреческий

blép(*-ō*) '[я] вижу' ~ (*e-*)**íð** (*-a*) '[я] видел'

lé (*-ō*) '[я] говорю' ~ (*e-*)**íp** (*-a*) '[я] сказал'

trṓγ(*-ō*) '[я] ем' ~ (*é-*)**faγ**(*-a*) '[я] ел'

d. албанский

	индикатив, 1 ед			
	настоящее время		аорист	
'давать'	**jap**	(*-Ø*)	**dha**	(*-shë*) /ðašə/
'приносить'	**bie**	(*-Ø*)	**pru**	(*-ra*)
'падать'	**bie**	(*-Ø*)	**ra**	(*-shë*)
'сидеть'	**rri**	(*-Ø*)	**ndënj**	(*-a*)
'видеть'	**shoh**(*-Ø*)		**pa**	(*-shë*)

(12) Супплетивизм в глагольных формах, противопоставленных по числу подлежащего

масаи

Глагол LÓ 'идти' в настоящем времени изъявительного наклонения

	подлежащее в ед. ч.	подлежащее во мн. ч.
1-е лицо	(*á-*)**lóˋ**	(*kí-*)**púˋòˋ**
2-е лицо	(*í-*) **lóˋ**	(*í-*) **púˋóˋpùˋòˋ**
3-е лицо	(*é-*)**lóˋ**	(*é-*) **púˋóˋ**

У других глаголов масаи множественность подлежащего выражается вполне регулярно:

'умереть' (*á-*)**yèˋ**, (*í-*)**yèˋ**, (*e-*)**yèˋ**, (*kí-*)**yèˋ**, (*í-*)**yéˋyèˋ**, (*e-*)**yèˋ**.

2. Супплетивизм основ-мегаморф при словоизменении

В этом классе представлены два случая:

– либо это соотношение между корневой морфой и сильной мегаморфой, в которой реализована та же самая корневая морфема плюс еще какие-то словоизменительные морфемы (одна или несколько);

– либо это соотношение между двумя сильными мегаморфами, в одной из которых реализована некоторая корневая морфема $\{\mathcal{M}\}$ плюс словоизменительная морфема $\{\mathcal{M}_1\}$ (или несколько таких морфем), а в другой — та же самая корневая морфема $\{\mathcal{M}\}$ плюс другая словоизменительная морфема $\{\mathcal{M}_2\}$.

(13) Супплетивизм числовых форм существительных
французский **œil** /œj/ 'глаз' ~ **yeux** /jø/ 'глаза'
Ср. также бретонские формы, пример (1), с. 419.

(14) Супплетивизм форм степеней сравнения прилагательных
ирландский
beag /bʹág/ 'маленький' ~ **lú** /lű/ 'меньший'
fuiriste /fírʹəštʹə/ 'простой, легкий' ~ **usa** /úsə/ 'более простой, более легкий'
Beag — это мегаморфа, означающая 'маленький' ⊕ 'положительная степень', а **lú** — 'маленький' ⊕ 'сравнительная степень', и т. п.

(15) Супплетивизм глагольных форм вида (аспекта), времени, наклонения и лица-числа

a. русский

НСВ	СВ
говор(*-ить*)	**сказ** (*-ать*)
бр (*-ать*)	**вз** (*-ять*)
клас (*-ть*)	**полож**(*-ить*)

b. английский
am '[я] есть' ~ **are** '[мы/вы/они] есть'
~ **was** '[я/он] был' ~ **be** 'быть'

c. лезгинский

	индикатив	императив
'есть'	**tʻü**	**neʔ**
'идти'	**f**	**alad**
'приходить'	**atu**	**ša**
'давать'	**gu**	**ce**
'держать'	**qʻ**	**jaqʻ**

d. французский **hais** '[я] ненавижу/[ты] ненавидишь', **hait** '[он] ненавидит' ~ **haï**(*-r*) /air/ 'ненавидеть'
Ср. также Главу X настоящей части, **3**, 9, (25), с. 485.

3. Супплетивизм фразем при словоизменении

Здесь будет рассмотрен случай фраземы, представляющей собой «непредсказуемую» словоизменительную форму некоторой другой фраземы.

NB: Хотя фразема и не является морфологическим знаком (поскольку она представляет собой словосочетание), семантическая разница между рассма-

триваемыми здесь фраземами — грамматическая, точнее говоря — словоизменительная; следовательно, этот случай подпадает под юрисдикцию морфологии.

(16) русский
ед. ч. **сукин сын** ~
мн. ч. **сукины дети** ⟨***сукины сыновья/сыны**⟩

Отметим, что для *сукина дочь* регулярной формы множественного числа тоже не существует: **сукины дочери*; форма *сукины дети* приложима как к мужчинам, так и к женщинам.

NB: *Дети* — это супплетивная форма множественного числа от *ребенок* (ср. (7а)); она никогда не употребляется в качестве формы множественного числа от *сын* или *дочь*, кроме как в составе указанных выше фразем и нескольких других фразем, похожих на них: *чертов* ⟨*вражий, курицын, ...*⟩ *сын* (похожее выражение есть также в английском: *son of a gun* 'паршивец, негодник'); у всех у них множественное число имеет вид *чертовы* ⟨*вражьи, курицыны, ...*⟩ *дети*. См. Мельчук 1983.

Супплетивизм аффиксов

4. Супплетивизм аффиксальных морф при словоизменении

Иначе говоря, это супплетивизм разных алломорф словоизменительных аффиксальных морфем.

NB: Нам хотелось бы подчеркнуть, что традиционно понятие супплетивизма применяется только к корням (или основам). Тем не менее, ничто в языке не мешает распространить понятие супплетивизма и на основы, и на аффиксы — так, как это было впервые предложено в Мельчук 1972 и в Mel'čuk 1976. С точки зрения интересующих нас свойств между основами и аффиксами никакой разницы нет.

Супплетивные аффиксы в склонении существительных

(17) русский
-а ~ **-о** ~ **-∅** : суффиксы именительного падежа единственного числа
-ов ~ **-ей** ~ **-∅** : суффиксы родительного падежа множественного числа
-ой ~ **-ом** ~ **-ью** : суффиксы творительного падежа единственного числа

(18) английский
-s ~ **-en** ~ **-i** ~ **-a**: суффиксы множественного числа

(19) коми
-öj ~ **-i̇m**: притяжательные суффиксы 1-го лица единственного числа существительных
[= 'мой'; см. пример (26) в § 3 Главы II настоящей части, **3.4**, с. 188]

(20) венгерский
-k ~ **-i**: суффиксы множественного числа
[**-k** выступает в существительных без притяжательного суффикса, а **-i** — когда такой суффикс имеется.]

Супплетивные аффиксы в спряжении глаголов

(21) испанский
-ba ~ **-ía**: суффиксы имперфекта

(22) латинский
-u ~ **-s**: суффиксы перфекта
[$\bar{o}rn\bar{a}+\boldsymbol{u}+\bar{\imath}$ '[я] украсил' vs. $dic+\boldsymbol{s}+\bar{\imath}$, пишется *dixi* '[я] сказал']

(23) английский
-ed ~ **-en**: суффиксы причастия прошедшего времени

(24) алюторский
-ɣəm ~ **ina-** : аффиксы 1-го лица единственного числа объекта
-tək ~ **-ɣət** : суффиксы 2-го лица единственного числа объекта

5. Супплетивизм аффиксальных мегаморф при словоизменении

В этот класс попадают супплетивные пары, состоящие из некоторой словоизменительной аффиксальной морфы и такой мегаморфы, в которой воплощена та же морфема плюс еще какая-то дополнительная словоизменительная морфема (способная в других контекстах иметь автономное выражение).

(25) гайдидь (Koch 1990)
'прошедшее прогрессивное' **-yayne** ~ 'прошедшее' **-n̯e** или 'прогрессив' **-rane**
Ср. формы глагола APE 'идти':

	не прогрессив	прогрессив
настоящее	$ape+\emptyset+\emptyset$	$ape+rane+\emptyset$
будущее	$ape+\emptyset+ye$	$ape+rane+ye$
прошедшее	$ape+\emptyset+n̯e$	$ape+\boldsymbol{yayne}$ [⇐ $*rane+n̯e$]
супин	$ape+\emptyset+we\underline{t}e$	$ape+rane+we\underline{t}e$

Напомним в этой связи также о таких примерах сильных мегаморф, как грузинское **-ta**, латинское **-mini**, венгерское **-lak/-lek**, **-ći-** в дакота и префиксы субъекта-объекта в сьерра пополука (Глава VII настоящей части, **3.4**–**3.5**, примеры (15)–(18) и (20), с. 413 и сл.).

Супплетивизм в словообразовании

Супплетивизм корней

6. Супплетивизм корневых морф при словообразовании

К этому классу принадлежат супплетивные алломорфы одной морфемы, распределенные в зависимости от той или иной дериватемы.

(26) русский

стир^1(*-ать*) ~ **пр+ачк**(*-а*):

здесь **-ачк** [= **-ач-к**] — это словообразовательный суффикс деятеля женского пола, ср. **скрипк**(*-а*) ~ **скрип+ачк**(*-а*), **треп**(*-аться*) ~ **треп+ачк**(*-а*), **ловк**(*-ий*) ~ **ловк+ачк**(*-а*), **сил**(*-а*) ~ **сил+ачк**(*-а*), и т. п.

Корневые морфы **стир**^{1} и **пр** принадлежат к одной и той же морфеме {СТИР^1(*-ать*)}^{3}, поскольку их распределение определяется автоматически:

пр — перед **-ачк**; **стир**^{1} — во всех прочих случаях.

Ср. Глава X, **3**, 9, пример (26b), с. 486.

(27) английский

'отец'	**father**	~ **pater**	(*-nal*)	'отеческий'
'земля'	**earth**	~ **terrestr**(*-ial*)		'земной'
'солнце'	**sun**	~ **sol**	(*-ar*)	'солнечный'
'корень'	**root**	~ **radic**	(*-al*)	'корневой'

Ср. регулярные образования *equator* + *ial* 'экватор + иальный', *lacun* + *ar* 'содержащий лакуны = букв. лакун + арный', *capsul* + *ar* 'капсул + ьный', *education* + *al* 'образов + ательный', *custodi* + *al* 'имеющий отношение к *custody* ['опека, охрана, взятие под стражу']', *context* + *ual* 'контекст + ный' и т. п.

Ср. также ниже пример (39), с. 440.

Еще один весьма интересный особый случай, который мы должны здесь рассмотреть, это супплетивизм корневых морф, распределенных в зависимости от их участия в сложении: одна из них используется, выступая в составе самостоятельной лексемы, а другая — когда она входит в состав сложной основы. Мы проиллюстрируем это явление на материале четырех достаточно далеких друг от друга языков.

(28) **а.** французский

свободная форма		форма в сложении	свободная форма		форма в сложении
temps	'врем(-я)'	~ **chrono-**	**allemand**	'немецк(-ий)'	~ **germano-**
terre	'земл(-я)'	~ **géo-**	**chinois**	'китайск(-ий)'	~ **sino-**

Этот тип супплетивизма играет очень важную роль в языках с развитой инкорпорацией$_1$, в которых неинкорпорированная$_1$, т.е. самостоятельная, основа может быть супплетивна по отношению к инкорпорированной$_1$ основе:

b. сора (Biligiri 1965: 239–240)

	самостоятельная форма	инкорпорируемая$_1$ форма
'баклажан'	**əndaraj**	**daj**
'спирт'	**əlīn**	**sāl**
'рот'	**tɔʔɔd**	**tam**
'бобровая струя'	**kətəra**	**tel**

В большинстве случаев инкорпорируемый$_1$ вариант основы получается в сора из самостоятельного варианта при помощи правил усечения: **jiʔi** ~ **ji** 'зуб', **ɔla** ~ **ɔl** 'лист', **daŋgu** ~ **daŋ** 'палка', **mɛmɛ** ~ **mɛ** 'грудь', ...; ср. Глава II, § 2, **7.3**, 2, (20), с. 104.

c. нганди

	самостоятельная форма	инкорпорируемая$_1$ форма
'вода'	(*gu*-)**jaṛk**	**bun**

d. тиви

	самостоятельная форма	инкорпорируемая$_1$ форма
'пресная вода'	**kukuni**	**maŋu**
'огонь'	**yikwani**	**ki**
'рука'	**yikara**	**kəri**

7. Супплетивизм основ-мегаморф при словообразовании

Этот класс охватывает случаи, когда корневая морфа некоторой морфемы $\{\mathcal{M}\}$ супплетивна по отношению к мегаморфе, в которой воплощена эта самая морфема $\{\mathcal{M}\}$ плюс еще какая-то словообразовательная аффиксальная морфема.

(29) 'Число единиц (арифметическое)' ~ 'то же самое число десятков':

a. русский **четыре** ~ **сорок**

Означаемое 'умноженное на 10' в русском языке — грамматическое (дериватема): обычно оно выражается суффиксами **-дцать** или **-десят**, как в *два* ~ *два*+*дцать*, *три* ~ *три*+*дцать*, *пять* ~ *пять*+*десят*, ... **Сорок** же поэтому представляет собой мегаморфу, воплощающую сразу две морфемы:

$$\{\text{ЧЕТЫРЕ}\} \oplus \{\text{-ДЦАТЬ}\} \Longleftrightarrow \textbf{сорок}.$$

b. французский **deux** ‘два’ ~ **vingt** ‘двадцать’

Супплетивная мегаморфа-основа очень часто наблюдается в первых двух порядковых числительных (мы уже упоминали — на с. 427 — французскую пару **un** ~ **premier**):

c.

английский	**one**	‘один’	~	**first**	‘первый’
	two	‘два’	~	**second**	‘второй’
русский	**один**		~	**перв**(*-ый*)	
	два		~	**втор**(*-ой*)	
венгерский	**egy** /ed′/	‘один’	~	**első** /elšø/	‘первый’
баскский	**bat**	‘один’	~	**lehen**	‘первый’
руанда	**mwe**	‘один’	~	**mbere**	‘первый’

Этот феномен объясняется тем, что смысл ‘первый’ воспринимается как бы отдельно от числового ряда — в значении типа ‘тот, кто открывает ряд/начинает что-л./предшествует всем остальным/...’.

(30) ‘Личное имя человека’ ~ ‘гипокористическая форма этого имени’

a. английский **Richard** ~ **Dick**, **Robert** ~ **Bob**, ...
Означаемое ‘гипокористический’ в английском языке грамматично: оно выражается либо суффиксом **-ie**/**-y**, как в **Ann** ~ **Ann** + **ie**, либо апофонией усечения, как в **Benjamin** ~ **Ben**, **Thomas** ~ **Tom**, либо комбинацией суффикса с незначащим чередованием усечения, как в **Rebecca** ~ **Beck** + **y**[4].

b. русский
Георг(*-ий*) ~ **Жор**(*-а*) **Александр**(*-Ø*) ~ **Шур**(*-а*)
Анн (*-а*) ~ **Нюр** (*-а*) **Евдоки** (*-я*) ~ **Дус** (*-я*)
Означаемое ‘гипокористичность’ выражается в русском языке либо апофонией усечения, как в **Борис** ~ **Бор**(*-я*) или **Зинаид**(*-а*) ~ **Зин**(*-а*), либо комбинацией суффикса **-ш**(*-а*) с незначащим усечением, как в **Михаил** ~ **Миш**(*-а*), **Наталь**(*-я*) ~ **Наташ**(*-а*) и т. п. Значит, это означаемое является грамматическим (дериватемой). Поэтому знак типа **Жор**(*-а*) представляет собой мегаморфу:

$$\{\text{ГЕОРГ}(\textit{-ий})\} \oplus \{\text{ГИПОКОР}\} \Longleftrightarrow \textbf{Жор}(\textit{-а})$$

(31) Глагол ~ соответствующее ему имя действия ⟨состояния⟩

a. французский

‘падать’	**tomb**	(*-er*)	~	**chute**	‘падение’
‘спать’	**dorm**	(*-ir*)	~	**sommeil**	‘сон’
‘молчать’	**se tai**	(*-re*)	~	**silence**	‘молчание’
‘полагать’	**croi**	(*-re*)I.6	~	**avis**	‘мнение’

'верить' **croi** (*-re*)III.2 ~ **foi** 'вера'
'целовать' **embrass**(*-er*) ~ [*un*] **baiser** 'поцелуй'
(см. Мельчук 1983)

b. английский
'презирать' **despise** ~ **contempt** 'презрение'
'полагать' **think** ~ **opinion** 'мнение'

Французские и английские имена действия/состояния в (31) супплетивны по отношению к своим исходным глаголам главным образом из-за явного контраста между ними и всеми прочими продуктивными и регулярными образованиями, такими как имена действия и состояния на **-ment**, **-age**, **-tion**, **-sion** и т. п.

(32) 'Лицо мужского пола' ~ 'соответствующее ему лицо женского пола': В испанском языке лексемы **padre** 'отец' ~ **madre** 'мать' супплетивны по контрасту со множеством регулярных пар *herman*+ *o* 'брат' ~ *herman*+ *a* 'сестра', *hijo* 'сын' ~ *hija* 'дочь', *tío* 'дядя' ~ *tía* 'тетя', *abuelo* 'дед' ~ *abuela* 'бабушка' и т. п.

Во французском языке **père** и **mère** менее супплетивны, потому что в этом языке нет стольких регулярных пар «мужчина ~ женщина», сколько есть в испанском. Во французском у нас имеется гораздо меньше оснований относить лексемы *père* и *mère* к одной словообразовательной «парадигме$_1$».

(33) 'X' ~ 'антоним к X':
эсперанто
bruligi 'зажигать' ~ **estingi** 'гасить'
frosto 'холод' ~ **varmego** 'тепло'

Мы считаем эти пары супплетивными, поскольку в эсперанто в 90% случаев антоним образуется регулярно при помощи префикса **mal-**:

estimi 'уважать' ~ *mal*+ *estimi* 'презирать'
fermi 'закрывать' ~ *mal*+ *fermi* 'открывать'
juna 'молодой' ~ *mal*+ *juna* 'старый'

Тем самым, значение 'антоним к ...' в эсперанто оказывается грамматическим (а именно — словообразовательным).

Ср. также Главу X настоящей части, **3**, 9, пример (26а), с. 485.

8. Супплетивизм фразем при словообразовании

Сюда относятся случаи, когда одна фразема является словообразовательно соотносимой с другой фраземой или лексемой, но эта соотносимость совершенно нерегулярна, как, например, в следующем примере, где имя деятеля оказывается «непредсказуемым» для глагольной фраземы, обозначающей действие.

(34) русский
говорить красно ~ краснобай
молоть языком ~ пустозвон

Супплетивизм аффиксов

9. Супплетивизм аффиксальных морф при словообразовании

В этот класс попадают супплетивные алломорфы одной и той же словообразовательной аффиксальной морфемы.

(35) голландский (Carstairs 1988: 84–85)
Суффиксы имени деятеля **-er ~ -der ~ -aar** принадлежат к одной и той же морфеме {-ER}; они распределены в зависимости от фонемного состава основы, ср.:

'биться, драться'	*strijd-*	*strijd*	+ ***er***	(односложная основа, **не** на -r)
'экономить'	*spaar-*	*spaar*	+ ***der***	(односложная основа, на -r)
'барабанить'	*trommel-*	*trommel*	+ ***aar***	(многосложная основа)

(36) русский
Суффиксы **-ёнок/-ёнк ~ -ят** представляют собой алломорфы словообразовательной морфемы {ЁНОК}, причем первая алломорфа выбирается в единственном числе, а вторая — во множественном:

	ед. ч.	мн. ч.
ЛЕВ :	*льв* + ***ёнок***(-∅)	*льв* + ***ят***(-*а*)
ВОЛК:	*волч* + ***онок***(-∅)	*волч* + ***ат***(-*а*)
ГУСЬ:	*гус* + ***ёнок***(-∅)	*гус* + ***ят***(-*а*)

4. Степени супплетивности

Как мы уже указывали в конце подраздела **2.4**, с. 428, формальные соотношения между двумя языковыми единицами бывают разной степени регулярности/нерегулярности. Отсюда вытекает и градуальный характер самого понятия супплетивизма. Поэтому мы различаем ***сильный супплетивизм***, или «настоящий» супплетивизм, и ***слабый супплетивизм***, или квазисупплетивизм.

Сильный супплетивизм — это супплетивизм, устанавливаемый в полном соответствии с Определением V.63. Говоря о сильном супплетивизме, мы полагаем, что два рассматриваемых знака — $\mathbf{s}_1$ и $\mathbf{s}_2$ — совершенно не сопредставимы, т. е. в языке $\mathcal{L}$ никоим образом нельзя постулировать такие чередования, посредством которых один из этих знаков можно было бы свести к другому. Все приводившиеся выше примеры представляли собой случаи сильного супплетивизма.

Слабый супплетивизм покрывает сомнительные случаи, когда, с одной стороны, $\mathbf{s}_1$ и $\mathbf{s}_2$ связаны неким уникальным чередованием, что явно должно

нас заставить считать их супплетивными, но, с другой стороны, формальное сходство между $\mathbf{s_1}$ и $\mathbf{s_2}$ слишком велико, чтобы признать их безоговорочно супплетивными. Приведем несколько примеров слабого супплетивизма.

(37) В английском языке в паре знаков

child /čá^{i}ld/ ~ *childr*(*-en*) /číldr/

представлено регулярное английское чередование /a^{i}/ $\Longrightarrow$ /i/ (как в *bible* /bá^{i}bl/ 'библия' ~ *biblical* /bíblikəl/ 'библейский' и т. п.), но здесь оно выступает в нерегулярном контексте: не перед слогом, содержащим /i/ или /j/; кроме того, здесь мы видим совершенно уникальное наращение: /**Λ**/ $\Longrightarrow$ /r/. Можно ли все-таки считать знаки **child** ~ **childr**(*-en*) супплетивными?

Наш ответ на этот вопрос таков: это случай супплетивизма, но весьма слабого. Похожие случаи наблюдаются также в итальянском:

(38) итальянский

	ед. ч.	мн. ч.
'бог [языческий]'	*dio*	*dei* ⟨**dii*⟩
'человек'	*uomo*	*uomini* ⟨**uomi*⟩
'бык'	*bue*	*buoi* ⟨**bui*⟩

Приведенные формы множественного числа не знают в итальянском языке никаких аналогов, т. е. они совершенно уникальны, однако фонемная близость между единственным и множественным числом все-таки очень значительна. Поэтому пары форм, показанные в (38), тоже соответствуют довольно слабому супплетивизму.

Супплетивизм разной степени можно наблюдать среди французских названий жителей тех или иных населенных пунктов.

(39) французский

		город	житель	
регулярные		**Paris**	**Paris**	+ ***ien***
		Berlin	**Berlin**	+ ***ois***
супплетивные	слабый супплетивизм	**Londres**	**London**	+ ***ien***
		Moscou	**Moscov**	+ ***ite***
		Arras /ara/	**Arrage**	+ ***ois***
		Blois	**Blés**	+ ***ien***
		Besançon	**Bisont**	+ ***in***
		Reims /rẽs/	**Rém**	+ ***ois***
		Rodez	**Ruthén**	+ ***ois***
		Saint-Étienne	**Stéfan**	+ ***ois***
		Fontainebleau	**Bellifont**	+ ***ain***
	сильный супплетивизм	**Le Puy-en-Velay**	**Pon**	+ ***ot***

В этой таблице представлен словообразовательный супплетивизм морфоснов (тип 6, примеры (26) и (27), с. 435). Интересно, что здесь наблюдается почти непрерывный переход от совершенно регулярных пар к совершенно супплетивным парам.

Градуальность супплетивизма и введение понятия слабого супплетивизма обеспечивают нам нужную гибкость аппарата при описании промежуточных явлений. Так, понятие слабого супплетивизма может оказаться полезным при рассмотрении некоторых французских глагольных основ, обнаруживающих чередования очень низкой степени регулярности, как, например, **résoud**(*-re*) 'решать' ~ **résolv**(*-ent*) '[они] решают' или **sav**(*-ons*) '[мы] знаем' ~ **sache!** 'знай' и т. п.

5. Супплетивизм и фразеологизация

В известном смысле супплетивизм можно считать обратным фразеологизации: в самом деле, супплетивизм — это неожиданный «выверт» в области формы (= означающего; так, мы имеем [*я*] *шел* вместо «законного» *[*я*] *идел*, и т. п.), тогда как фразеологизация — это неожиданный «выверт» в области смысла (= означаемого; так, фр. *tomber dans les pommes* (букв. 'упасть в яблоки') = 'упасть в обморок' вместо «законного» *'под действием земного притяжения переместиться вниз в место, расположенное среди плодов ...'). Параллелизм здесь, разумеется, неполный, но интересный; мы еще вернемся к нему в Главе IX, 4, с. 459, — после рассмотрения фразеологизации.

6. Как супплетивизм возникает в языке

Чтобы лучше понять, что такое супплетивизм, полезно будет посмотреть, каким образом между знаками языка $\mathcal{L}$ может установиться отношение супплетивизма. Нам известны два возможных пути возникновения супплетивизма (ср. Ronneberger-Sibold 1988): путь фонологической ДИВЕРГЕНЦИИ и путь лексической КОНВЕРГЕНЦИИ. Рассмотрим их по порядку.

1. Фонологическая дивергенция

Здесь удобно различать два отдельных случая, которые, впрочем, не так уж далеки друг от друга.

• РЕГУЛЯРНОЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ, которому подвергается лишь одна из двух языковых единиц U_1 и U_2, состоящих в определенных регулярных семантических и формальных соотношениях. Этим изменением разрушается регулярность формального соотношения, и за счет этого создается супплетивизм.

(40) Немецкие формы

mehr /mēr/ 'больше' ~ *meist* /maⁱst/ 'больше всего/всех'

супплетивны. Однако их этимологические источники

**ma*+*iz*(-*a*) 'больше' vs. **ma*+*iz*+*t*(-*a*) 'больше всего/всех'

когда-то были связаны совершенно регулярным формальным соотношением. Затем фонологическое развитие формы **ma*+*iz*(-*a*) ⟹ *mehr* (***стяжение*** дифтонга *ai* ⟹ *ē* и ***ротацизм*** *-z-* ⟹ *-r-* в интервокальном положении) как раз и дало нам то, что мы наблюдаем сегодня.

Вот еще несколько похожих примеров:

(41) **a.** французский *est* /ɛ/ '[он] есть' ~ *sont* /sõ/ '[они] есть' ⟸ ****és***+*ti* ~ ****es***+*ónti*

b. испанский *soy* '[я] есть' ~ *era* '[я] был' ⟸ ****és***+*um* ~ ****és***+*a*+*m* [под действием ***апокопы*** и ***ротацизма***]

c. латинский *tul*(*ī*) '[я] (при-)нес' ~ *lā*(*-tum*) '(чтобы) (при-)нести' [супин] ⟸ **tlā-* ⟸ **tulā-* [под действием ***синкопы*** и ***усечения***]

d. польский *ciąć*(*-ć*) /č′on(+č′)/ 'резать' ~ *tn*(*-ę*) /tn(+ẽ)/ '[я] режу', где корневые морфы /č′on/ и /tn/ происходят из одной и той же праиндоевропейской корневой морфы **tem*, давшей разные рефлексы в разных контекстах: **tem* ⟹ /č′on/ перед согласной (под действием ***палатализации*** и ***аблаута***), но **tem* ⟹ /tn/ перед гласной (под действием ***синкопы***).

• НЕРЕГУЛЯРНОЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ, возникающее из-за ВЫСОКОЙ ЧАСТОТЫ употребления. Это явление очень похоже на предыдущее.

(42) В немецком языке у вспомогательного глагола **hab**(*-en*) 'им(-еть)' имеются формы **ha**(*-st*) '2 ед' и **ha**(*-t*) '3 ед', супплетивные по отношению к регулярным формам **hab**(*-e*) '1 ед', **hab**(*-en*) '1/3 мн' и **hab**(*-t*) '2 мн'. Усечение фонемы *-b*, для немецкого языка уникальное, возникло из-за частого употребления этих форм.

Итак, за счет фонологической дивергенции возникают супплетивные пары, имеющие один и тот же этимологический источник: ср. **2.3**, 1, (5), с. 424.

2. Лексическая конвергенция

В этом случае речь идет о лексическом изменении, которое приводит к смешению парадигм$_1$ двух разных лексем. Такое изменение может происходить, когда возникает необходимость заполнить «дыры» в некоторой парадигме$_1$ (а они могли возникнуть или из-за утраты некоторых форм, или из-за исходной ***дефектности*** рассматриваемой парадигмы$_1$, или из-за общего изменения грамматической системы, потребовавшего создания для данной лексемы новых форм, и т. п.). Например, в том же самом немецком языке сравнительная степень прилагательного *lieb* ≈ 'приятный', т. е.

lieb+*er*, с какого-то момента начала употребляться для выражения сравнительной степени наречия *gern* 'охотно, с удовольствием' (хотя само *lieb* не может употребляться вместо *gern*). В результате мы наблюдаем теперь супплетивную пару (= супплетивизм морф-основ в словоизменении):

(43) немецкий

gern 'охотно, с удовольствием' ~
lieb+*er* 'охотнее, с бóльшим удовольствием'

Ср.: *Ich mache das* ***gern*** 'Я с удовольствием (с)делаю это'.
vs.
Ich mache das ***lieber*** 'Я с бóльшим удовольствием (с)делаю это' = 'Я предпочитаю сделать это'.

Вот еще несколько примеров:

(44) **a.** английский
much 'много' ⟸ **meg*
[лат. ***mag****nus*, ***mag****ister*, ***max****imum*, ...] ~
more 'больше' ⟸ **mē*

b. французский

beaucoup	'много'	~ *plus*	'больше'
peu	'мало'	~ *moins*	'меньше'

c. русский

много	~ *больше*
мало	~ *меньше*

d. венгерский

sok /šok/	'много'	~ *tö*(*-bb*)	'больше'

Примечания

[1] (**2.2**, конец раздела после примера (4), с. 423). Следует заметить, что в польском имеется **można** 'можно' *vs.* **nie można** 'нельзя', а в болгарском — **може** 'можно' *vs.* **не може** 'нельзя'; в чешском же есть и **lze** 'можно' *vs.* **nelze** 'нельзя' и наряду с этим также **možno** 'возможно' *vs.* **není možno** 'невозможно'. Так что в этих языках супплетивизм типа того, который имеет место в русском, отсутствует.

[2] (**3**, 1, пример (7b), с. 430). Супплетивные образования форм множественного числа в бурушаски требуют следующих трех пояснений:

1. Наряду с супплетивной формой множественного числа *dúlaš*+*u* от *helés* 'мальчик' у некоторых носителей языка отмечается также регулярное множественное число *héleš*+*u*. В идиолектах, где две эти формы сосуществуют и (как кажется) свободно заменяются друг на друга, *dúlašu* уже не может считаться супплетивным множественным числом от *helés*: в них

DÚLAŠU — отдельная лексема, типа *plurale tantum*, (более или менее) синонимичная множественному числу от HELÉS. Это напоминает ситуацию с французской лексемой *plurale tantum* GENS 'люди', семантически довольно близкой к *hommes* (= нормальное множественное число от *homme* 'человек').

2. Супплетивная основа множественного числа от *dasén* 'девочка', т. е. *gušeŋi(-a)*, очень похожа на форму множественного числа от существительного *gus* 'женщина': *guš* + *iŋa*, в которой представлено сложное окончание, составленное из двух суффиксов множественного числа *-iŋ* и *-a*, независимо существующих в бурушаски. Тем не менее, в качестве формы лексемы DASÉN словоформа *gušeŋi(-a)* остается супплетивной по отношению к форме единственного числа.

3. Основа *yuguš(-iŋa)* как супплетивная алломорфа от *i* 'дочь' состоит из формы множественного числа *yu*, представляющей собой регулярное множественное от *ye* 'сын', и из корня *gus* 'женщина', так что из *i-* 'дочь' во множественном числе получается *yuguš(-iŋa)* букв. 'сыновья женского пола'.

Отметим, что членимость основ *gušeŋi(-a)* 'девочки' и *yuguš(-iŋa)* 'дочери' никак не противоречит тому, что они находятся в отношении супплетивизма к *dasén* и *i*, соответственно. Здесь существенно, что между членами этих пар нет регулярных формальных соотношений, в то время как семантическое соотношение между ними — самое что ни на есть регулярное: 'ед. ч.'~ 'мн. ч.'. (Мы благодарны И.-Ш. Морену, привлекшему наше внимание к этому факту.)

[3] (**3**, пример (26), с. 435). См. обсуждение этой морфемы в § 5 Главы II, 3, пример (4), с. 266. Исторически **пр** — это корень существовавшего некогда глагола **пр**(*-ать*) 'стирать', который, исчезнув в русском, сохранился, тем не менее, в других славянских языках. Здесь перед нами явление, весьма типичное для образования супплетивных пар: одна из форм лексемы L^1 затесывается среди форм другой лексемы — L^2, иногда употребляясь вместо них; затем все остальные формы лексемы L^1 из данного языка исчезают; пережившая их форма вытесняет свою синонимичную соперницу и занимает ее место в составе лексемы L^2 — так и возникает супплетивизм. Отметим, что, в принципе, нас, конечно, можно было бы упрекнуть в некотором искажении фактов в угоду удачной иллюстрации. В действительности *прачка* означает 'та, кто ПРОФЕССИОНАЛЬНО занимается стиркой', в то время как в смысл глагола *стирать* компонент 'профессионально' не входит; поэтому можно возражать против включения морф **пр** и **стир** в одну морфему на том основании, что в **пр** входит смысл 'профессионально', и в силу этого его означаемое — не совсем такое же, как у **стир**. Однако мы не думаем, что такое возражение справедливо, поскольку компонент 'профессионал(ьно)' весьма часто возникает в производных, обозначающих деятеля, в результате их

фразеологизации; ср. лексемы типа фр. *chanteur*, *boxeur*, *contrôleur*, ..., а также их русские эквиваленты *певец*, *боксер*, *контролер*...

[4] (**3**, 7, пример (30), с. 437). Английские пары **Mary** ~ **Poll**(*-y*) и **Margaret** ~ **Pegg**(*-y*) или **Magg**(*-ie*) под данную рубрику не подходят. Гипокористичность этих существительных обеспечивается суффиксом **-y/-ie**, и никакой мегаморфы в *Polly* или *Peggy/Maggie*, тем самым, не возникает. **Poll** и **Mary** — это две супплетивные алломорфы одной морфемы, и точно так же обстоит дело с **Pegg/Magg** и **Margaret**; таким образом, эти примеры следует относить к рубрике 6, с. 435. Ср. пример (16) в Главе IV настоящей части, § 2, **3**, 2, с. 341.

Библиографические указания

Проблема ***супплетивизма*** подробнейшим образом рассмотрена в Mel'čuk 1994; читатель может найти в этой работе почти исчерпывающий список литературы по данной теме. См. также Dressler 1985a, b, 1986a. О проблеме разных глагольных основ с субъектом или объектом в единственном/множественном числе см. Durie 1986 и Mithun 1988.

Резюме Главы VIII

Определяется понятие супплетивизма (грубо говоря — как предельный случай нерегулярного чередования): это максимум регулярности соотношения между двумя знаками по смыслу при минимуме регулярности их соотношения по форме. Вводятся и иллюстрируются примерами девять основных типов супплетивизма: супплетивизм морф-основ при словоизменении, супплетивизм мегаморф-основ при словоизменении, ..., супплетивизм аффиксальных морф при словообразовании. Демонстрируется градуальный характер супплетивизма и прослеживаются возможные пути возникновения этого явления в разных языках.

ГЛАВА IX

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ФРАЗЕМЫ

1. Общие положения

Феномен ***фразеологизации*** играет в языках чрезвычайно важную роль. Мы имеем дело с фразеологизацией всякий раз тогда, когда в языке $\mathcal{L}$ некоторый комплекс $\mathbf{Z}$ знаков $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$ обладает некоторыми свойствами — семантическими, фонетическими или сочетаемостными, — не вытекающими по стандартным правилам языка $\mathcal{L}$ из соответствующих свойств знаков-компонентов. Иначе говоря, $\mathbf{Z} \neq \mathbf{X} \oplus \mathbf{Y}$. В таком случае выражение $\mathbf{Z}$ называется ***фразеологизованным комплексом знаков***. (Иногда вместо *фразеологизованным* говорят также ***лексикализованным*** — в том случае когда $\mathbf{Z}$ представляет собой лексическую единицу.) Мы называем такой комплекс знаков $\mathbf{Z}$ ***фраземой***, а множество всех фразем языка $\mathcal{L}$ — ***фразеологией*** языка $\mathcal{L}$. Для фразем используется условная запись $\mathbf{Z} \approx \mathbf{X} \oplus \mathbf{Y}$, указывающая на то, что хотя комплекс знаков $\mathbf{Z}$ не вполне композиционален и не может быть представлен в терминах знаков $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$, но все-таки он квазипредставим через эти знаки.

Ясно, что общая достаточно полная теория фразеологии выходит далеко за рамки КОМ-а. Не может быть даже речи о том, чтобы очертить ее здесь хотя бы самым приблизительным образом или попытаться представить исчисление и типологию фразем и т. п. (Набросок такой теории см. в Mel'čuk 1995.) Тем не менее, даже внутри морфологии фразеологизация занимает очень важное место, и мы никак не можем не уделить ей здесь должного внимания. Мы уже касались проблемы фразеологизации при обсуждении вопроса о представимости знаков (Часть первая [том 1], Глава III, § 2, **3.2**, с. 144–145, и § 4, с. 154); мы снова обращались к ней, занимаясь проблемой «словообразование *vs.* словоизменение» (Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **4**, с. 274 и сл.); фразеологизация лежит в центре проблемы квазиморф (настоящая часть, Глава II, § 1, 4, с. 58); она снова всплывала, когда речь шла о существовании морф, о субморфах и т. п. (Глава II, § 5, **6.1**, с. 279 и сл.); наконец, она теснейшим образом связана с супплетивизмом (см. предыдущую главу). Поэтому мы должны будем заняться фразеологизацией и фраземами,

хотя бы весьма ограниченно и несистематично; мы постараемся сказать на эту тему минимум и вместе с тем достаточно для того, чтобы придать некоторую конкретность тем теоретическим предположениям, которые лежат в основе вышеупомянутых обсуждений. Мы начнем с определения фраземы, а затем рассмотрим один тип фразем — ***семантические фраземы*** как наиболее распространенные в морфологии.

2. Понятия фраземы и семантической фраземы

Определим сначала самое общее понятие из интересующей нас области — фразему вообще, а затем ее частный случай — семантическую фразему, представляющую особую важность именно для морфологии.

Определение V.64: фразема

Комплекс **X**, образованный из сегментных знаков $\mathbf{X_1}$, $\mathbf{X_2}$, ..., $\mathbf{X_n}$, называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса **X** (т. е. его означаемое, означающее или синтактика) не представим в терминах соответствующих компонентов знаков $\mathbf{X_1}$, $\mathbf{X_2}$, ..., $\mathbf{X_n}$, в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих компонентов знаков $\mathbf{X_1}$, $\mathbf{X_2}$, ..., $\mathbf{X_n}$.

(Ср. Определение I.5, Часть первая [том 1], Глава III, § 2, **3.2**, с. 144.)

В зависимости от того, какой из компонентов комплекса знаков **X** является «неполноценным» — его означаемое, означающее или синтактика, мы различаем три класса фразем:

- семантические фраземы (у которых непредставимо означаемое);
- формальные фраземы (у которых непредставимо означающее);
- сочетаемостные фраземы (у которых непредставима синтактика).

В морфологии семантические фраземы — это чаще всего ***фразеологизованные*** [= ***лексикализованные***] ***словоформы***, формальные фраземы — это ***супплетивные формы***, а сочетаемостные фраземы — ***уникальные знаки*** (см. далее). Здесь мы сосредоточимся на семантических фраземах, или ***идиомах***.

Определение V.65: семантическая фразема (= идиома)

Фразема **X** называется *семантической* (= идиомой), если **X** квазипредставима по означающему.

Понятие квазипредставимости знаков по означающему подробно изучалось в Части первой [том 1], Глава III, § 2, **3**, с. 141 и сл.; там же были даны примеры и все необходимые разъяснения. Напомним, например, что французское выражение **pour le moment** 'пока что/теперь' представляет собой

идиому: означающее этого выражения полностью представимо через означающие тех знаков, из которых оно складывается (*pour* ⊕ *le* ⊕ *moment*), чего нельзя, однако, сказать о его означаемом: 'теперь' ≠ 'pour' ⊕ 'le' ⊕ 'moment' [букв. 'для этого момента'].

Комментарии к Определению V.65

Чтобы придать некоторую объемность введенному понятию, остановимся на следующих двух вопросах:

– Основные классы идиом

– Несемантические фраземы.

1. Основные классы идиом

Идиомы характеризуются прежде всего тем, какова их степень идиоматизации, или, иначе говоря, тем, насколько важное место в означаемом идиомы занимают компоненты, общие для этой идиомы и составляющих ее знаков. Мы будем различать три основных класса идиом:

• ***Сильные***, или ***полные***, ***идиомы***, когда в означаемом идиомы практически нет нетривиальных компонентов, общих хотя бы с одним означаемым входящих в эту идиому знаков. Таким образом, $\mathbf{Z} = \mathbf{XY}$ есть *полная* идиома, если

$$\text{'Z'} \cap \text{'X'} = \mathbf{\Lambda} \text{ и } \text{'Z'} \cap \text{'Y'} = \mathbf{\Lambda}.$$

Примеры: рус. *бить баклуши* 'бездельничать', *кот наплакал* 'мало', *собаку съесть* [на чем-л.] 'очень хорошо знать или уметь что-л.' и т. п.; фр. *voie de fait* 'насильственное действие' [букв. 'путь факта'], *soupe au lait* 'вспыльчивый человек' [букв. 'молочный суп'], *tenir la chandelle* 'помогать в любовной интриге' [букв. 'держать свечу'], *rouler carrosse* 'жить на широкую ногу' [букв. 'ездить в каретах'] и т. п.; англ. *kick the bucket* 'умереть' [букв. 'пнуть ведро'], ср. фр. *casser sa pipe* 'умереть' [букв. 'разбить свою трубку'] или рус. *сыграть в ящик*, *отбросить копыта*.

• ***Слабые идиомы***, или ***полуидиомы***, когда означаемое идиомы включает в себя означаемое одного из составляющих ее знаков, но в нем нет никаких нетривиальных компонентов, общих с означаемым других знаков. Таким образом, $\mathbf{Z} = \mathbf{XY}$ — это *полуидиома*, если

$$\text{'Z'} = \text{'X'} \oplus \text{'W'}, \text{ но при этом 'W' таково, что } \text{'W'} \cap \text{'Y'} = \mathbf{\Lambda}.$$

Примеры: рус. *дутый авторитет* 'ни на чем не основанный АВТОРИТЕТ', *спать без задних ног* 'СПАТЬ крепко' и т. п.; фр. *rire jaune* 'принужденно СМЕЯТЬСЯ' [букв. 'смеяться по-желтому'], *décocher un compliment* 'отпустить КОМПЛИМЕНТ' ['отпустить' ≠ 'сказать'], *brûler ser dernières cartouches* 'исчерпать последние средства' [DERNIÈRES CARTOUCHES 'последние средства', но 'исчерпать' ≠ 'сжечь'] и т. п.; англ. *French door*, букв. 'французская дверь' = 'ДВЕРЬ-окно' [= рус. 'французский балкон'], *French beans*

'зеленая [букв. 'французская'] ФАСОЛЬ', *blank verse* 'нерифмованный [букв. 'пустой, незаполненный'] СТИХ'. Когда мы говорим *Jean rit jaune* 'Жан принужденно смеется', мы действительно имеем в виду, что Жан смеется; но при этом смысл слова *jaune* 'цвет спектра ...' в смысл этой фразы никак не входит. С другой стороны, смысл 'принужденно' никак не может быть приписан лексеме *jaune*, поскольку *jaune* нигде, кроме как в данном сочетании, этого смысла не выражает.

Полуидиомы часто называют также ***коллокациями***; из них состоит основная масса застывших или полузастывших выражений в языке. Для их описания в теории Смысл-Текст предложено особое средство: ***лексические функции***, о которых уже неоднократно шла речь в КОМ-е.

• ***Квазиидиомы***, когда означаемое идиомы включает в себя означаемые всех входящих в ее состав знаков, но впридачу к ним содержит также некоторый непредсказуемый семантический компонент. Таким образом, $\mathbf{Z} \approx \mathbf{XY}$ представляет собой *квазифразему*, если

$$\text{'Z'} = \text{'X'} \oplus \text{'Y'} \oplus \text{'W'}.$$

Примеры: фр. *appeler à l'aide* 'звать на помощь В СИТУАЦИИ ОПАСНОСТИ ИЛИ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ' или *déclaration d'impôts* 'налоговая декларация' = 'декларация О ДОХОДАХ И О ЗАКОННЫХ ВЫЧЕТАХ ИЗ НИХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ налогообложения' [«непредсказуемая» надбавка, т.е. 'W', выделена малыми прописными буквами]; англ. *ham and eggs* 'яичница с ветчиной', букв. 'ветчина и яйца': это блюдо, которое действительно готовится из яйца/яиц и ветчины, но не как угодно, а некоторым определенным образом; если взять смесь из яиц и ветчины, приготовленную неизвестно как, ее нельзя назвать *ham and eggs*. Точно так же по-французски *œufs au lait* 'крем из молока и яиц' [букв. 'яйца с молоком'], действительно, представляет собой блюдо из яиц, к которым добавлено молоко, но это не все: молоко и яйца приготовлены ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ, так что из них получается крем; это и есть семантическая добавка 'W'. (Заметим, что если таким образом будет приготовлено всего одно яйцо, блюдо все равно будет называться *œufs au lait*: **œuf au lait* не бывает.)

Эта классификация на три группы, удобная для педагогических целей, представляет собой лишь самое грубое приближение. Истинная картина несравненно сложнее: в действительности имеется определенная ГРАДАЦИЯ, т.е. разная степень обладания общими семантическими компонентами. Кроме того, для полуидиом фразеологизация может возникать из-за лексических ограничений на выбор «проблемного» элемента, а не из-за отсутствия общих семантических компонентов. Наше разделение идиом на три основных класса подано здесь как жесткое и непререкаемое, тогда как на самом деле границы зыбки и относительны; но для непосредственного предмета данной главы это можно считать не слишком принципиальным.

В силу сказанного, между тремя основными классами идиом располагаются промежуточные случаи: например, фр. *souffrir comme un damné* [промежуточный случай между полуидиомой — 'СИЛЬНО страдать' — и квазиидиомой — 'страдать как проклятый, КОТОРЫЙ СТРАДАЕТ СИЛЬНО'], *se rincer la dalle* [промежуточный случай между полной идиомой — 'выпить' — и полуидиомой 'ПРОПУСТИТЬ СПИРТНОЙ НАПИТОК в глотку = *dalle*'] и т. п. Однако промежуточными случаями мы заниматься здесь не будем.

Основные классы идиом иллюстрировались нами на материале ЛЕКСИЧЕСКИХ (= многолексемных) идиом. Разумеется, морфологические лексемы поддаются той же самой классификации и с теми же самыми промежуточными случаями. Так, на морфологическом уровне, т. е. в рамках словоформы, мы имеем (далее приведены примеры французских сложных$_2$ лексем-идиом):

– Полные идиомы: *pissenlit* 'одуванчик', букв. 'моч(ится)-в-постель'; *mont-de-piété* 'ломбард', букв. 'гора набожности'; *gratte-ciel* 'небоскреб', букв. 'скреб(ет)-небо'; *blanc-bec* 'молокосос', букв. 'белый-клюв'; *saute-mouton* 'чехарда [игра]', букв. 'прыг(ает)-баран', ...

– Полуидиомы: *presse-purée* 'овощемялка' [чтобы разминать овощи в ПЮРЕ], *presse-papiers* 'пресс-папье' [чтобы прижимать БУМАГИ = PAPIERS], *chasse-neige* 'снегоочиститель' [чтобы убирать — букв. 'сгонять' — СНЕГ], ...

– Квазиидиомы: *presse-citron* 'лимоновыжималка', *porte-avion* 'авианосец', *porte-chapeau* 'вешалка или полочка для шляп [букв. шляпоносец]', *porte-clefs* 'брелок или футляр для ключей [букв. ключеносец]', *essuie-glace* 'дворник (у автомобиля)', *lance-flamme* 'огнемет', *entre-deux-guerres* 'период между двумя войнами' ...

2. Несемантические фраземы

Итак, идиомы, или семантические фраземы, представляют собой комплексы знаков, у которых означаемое не может быть (полностью) предсказано исходя из означаемого образующих их знаков. В то же время, как уже указывалось, существуют и другие типы фразем — такие, у которых фразеологизацией затронуто не означаемое, а означающее или синтактика.

Фраземы, у которых означающее отклоняется от того означающего, какое следовало бы у них ожидать, обнаруживают различные нерегулярные чередования, а в пределе — супплетивизм; см. ниже раздел 4.

Фраземы, у которых «затронута» синтактика, чрезвычайно интересны, однако у нас нет возможности рассмотреть их здесь достаточно подробно. Тем не менее, поскольку сочетаемостные фраземы не слишком хорошо известны в лингвистике, мы приведем здесь несколько примеров таких фразем — главным образом для полноты общей картины.

(1) разговорный французский
Двухлексемное выражение *de ces* /dse/ в усилительном смысле представляет собой сочетаемостную фразему: несмотря на свою форму множественного числа, это выражение сочетается с существительным (снабженным определением) в единственном числе:

un de ces sacré cheval ⟨**un de ces sacrés chevaux*⟩
'[одна] классно чертовская лошадь';

ср. *trois de ces chevaux* 'три из этих лошадей'.
Впрочем, эта фразема обнаруживает фразеологизацию и в области семантики: ее смысл — 'здоровски, классно' — никак не является на 100% композиционным [ее буквальный смысл — 'из этих'].

(2) английский
Выражение *far from* 'отнюдь не' [букв. 'далеко от'] тоже является сочетаемостной фраземой, поскольку оно может использоваться как наречие, определяющее финитный глагол, хотя, судя по его синтаксической форме, оно должно бы было управлять именной группой:

a. *We* ***far from*** *exhausted the subject*
'Мы еще отнюдь не исчерпали эту тему' [букв. 'далеко от исчерпали'].
Однако с семантической точки зрения это явно то же самое *far from*, которое наблюдается и в «обычных» контекстах:

b. *We are far from having exhausted the subject*
'Мы еще далеки/далеко от исчерпания этой темы'.
Другими примерами английских сочетаемостных фразем (того же типа) являются выражения *kind of* и *sort of* во фразах вроде *We* ***kind of*** *liked him* 'Он нам вроде как [букв. 'типа'] понравился' или *He* ***sort of*** *laughed* 'Он вроде как засмеялся'.

Обширный подкласс сочетаемостных фразем составляют выражения, характеризующиеся нерегулярными ограничениями, накладываемыми исключительно на РАСПРЕДЕЛЕНИЕ входящих в их состав знаков; во всем остальном (и прежде всего в том, что касается смысла) они ведут себя совершенно регулярно. Мы имеем в виду выражения типа фр. *nez aquilin* 'орлиный нос' или англ. *stentorian voice* 'зычный голос'. Смысл прилагательного *aquilin* — 'с горбинкой и довольно тонкий', но оно сочетается только с *nez*. Поэтому выражение *nez aquilin* мы можем назвать сочетаемостной фраземой, но не идиомой, поскольку семантическая композициональность здесь соблюдается.

На морфологическом уровне этот подкласс фразем — с ограниченной сочетаемостью, но без семантических или фонетических «деформаций» — представлен основами, которые включают в себя ***унификсы*** (Глава II настоящей части, § 5, **3**, с. 268–269). Так, русское *поп*+***адь***(*-я*) представляет собой

(морфологическую) сочетаемостную фразему ввиду того, что **-адь** — это уникальный суффикс для обозначения лиц женского пола: он не выступает ни при каком другом корне.

3. Идиомы на уровне морфологии

В лингвистике существует устойчивая тенденция усматривать идиомы только на лексико-синтаксическом уровне, т. е. ограничиваться при рассмотрении фразем выражениями, состоящими из нескольких лексем, — такими как, например, фр. *avoir d'autres chats à fouetter* 'иметь и другие более важные дела' [букв. 'иметь и других кошек, которых надо отхлестать'] или *vendre la mèche* 'проболтаться, выдать секрет' [букв. 'продать фитиль']. Но это совершенно неадекватный подход: ведь большинство фразем, и прежде всего семантических фразем, обнаруживается как раз на уровне МОРФОЛОГИИ! Это многоморфные, но при этом однолексемные выражения. Иначе говоря, огромное большинство идиом в языке представлено производными$_2$ или сложными$_2$ основами (лексем). Именно такие идиомы — КВАЗИМОРФЫ, о которых уже шла речь в Главе II, § 1, 4, с. 58 и сл., — и представляют наибольший интерес в свете КОМ-а.

Начнем с простой типологии. Морфологические фраземы — это фразеологизованные комбинации элементарных сегментных знаков, выступающие внутри словоформ. Имеется всего два основных класса таких знаков: корни и аффиксы. Логически из них можно получить три основных класса морфологических фразем:

- комбинации «корень + корень», т. е. фразеологизованные сложные$_2$ основы;
- комбинации «корень + аффикс» (или «аффикс + корень»), т. е. либо фразеологизованные производные$_2$, либо фразеологизованные словоизменительные формы;
- комбинации «аффикс + аффикс», т. е. фразеологизованные комплексы аффиксов.

Некоторые из этих комбинаций являются ***квазиморфами*** — такими комплексными знаками, в составе которых образующие их морфы перестают быть морфами и становятся морфоидами; в лексике или в грамматике языка $\mathcal{L}$ квазиморфа фигурирует как единый знак. Другие комбинации остаются существовать как ***комплексы знаков***: составляющие их морфы остаются морфами, и эти комплексы в описании языка фигурируют как таковые, не становясь единым знаком.

Приведем теперь примеры идиом морфологического уровня для каждого из трех указанных выше классов, причем сначала квазиморфы, а затем фразеологизованные комплексы знаков.

Квазиморфы

(3) французский

a. фразеологизованные сложные$_2$ лексемы

gratte	*-ciel*	‘небоскреб’
скрес(-ти)	небо	
pousse	*-café*	‘рюмочка коньяка или ликера после кофе’
(про)толк(-нуть)	кофе	
trompe	*-l’œil*	‘оптическая иллюзия/обманчивая внешность’
обман(-уть)	глаз	
m’as -tu -vu		‘бахвал’
меня ты видел		

b. фразеологизованные производные$_2$ лексемы

en	+ *rich(-ir)3*	‘обогащать [руду]’
о-	богащ(-ать)	
grouill	+ *ot*	‘рассыльный [на бирже]’
снов(-ать)	-алка	
signale	+ *ment*	‘описание примет, «словесный портрет»’
привлеч(-ь) [внимание]	-ение	

c. фразеологизованные суффиксы

Суффиксы кондиционалиса **-rai-** и **-ri-** представляют собой на самом деле фразеологизованные комплексы, состоящие из суффикса будущего времени **-r-** и суффикса имперфекта **-ai-/-i-**.

(4) баскский

a. фразеологизованные сложные$_2$ лексемы

uda	+*berri*	‘весна’	*xuri* /šuri/	+*gorri*	‘розовый’
лето	новый		белый	красный	
lur	+*sagar*	‘картошка [= земляное яблоко]’	*egin*	+*bide*	‘обязанность, долг’
земля	яблоко		делать	средство	
iturri	+*buru*	‘источник’	*itz* /ic/	+*aldi*	‘речь’
ручей	начало		речь, слово	время	

b. фразеологизованные производные$_2$ лексемы

aintzin	+*dari*	‘начальник’	*zerr*	+*ailu*	‘замок’
перед	-(а)тель	[ср. председ + атель]	закрыв(-ать)	-алка	
zur /sur/	+*gin*	‘плотник’	*sendo*	+*gailu*	‘средство’
дерев(-о)	-щик		дел(-ать)	-алка	

ikus /ikuś/+*liar*	'посетитель'	*on*	+*kailu*	'приправа'
вид(-еть) -итель		хорош(-ий), вкусн(-ый)	-илка	

c. фразеологизованные суффиксы

В баскском спряжении представлено много фразеологизованных комплексных суффиксов (= суффиксов, квазипредставимых по означающему): тот или иной суффикс **Suf** очевидным образом составлен из других суффиксов: $\mathbf{Suf_1}$, $\mathbf{Suf_2}$ и т. п. — в плане своего означающего, но его означаемое при этом непредставимо в терминах означаемых этих $\mathbf{Suf_1}$, $\mathbf{Suf_2}$, ...:

$$/\mathbf{Suf}/ = \oplus\{/\mathbf{Suf_1}/, /\mathbf{Suf_2}/, \ldots\},$$

но

$$\text{'}\mathbf{Suf}\text{'} \neq \oplus\{\text{'}\mathbf{Suf_1}\text{'}, \text{'}\mathbf{Suf_2}\text{'}, \ldots\}.$$

Именно так обстоит дело, например, со следующими суффиксами (Janda and Manandise 1984: 223 и сл.):

-rentzat /rencat/ бенефактив [= 'для']:

-ren	+ **tzat**	= **-rentzat**
ГЕН	+ ЭКВАТ(ив)[= 'в качестве']	≠ БЕНЕФ(актив)

-kotzat терминатив [= '[отправляться] в']:

-ko	+ **tzat**	= **-kotzat**
РЕЛ(атив)	+ ЭКВАТ(ив)[= 'в качестве']	≠ ТЕРМ(инатив)

-rengatik каузатив [= 'по причине [чего-л.]']:

-ren	+ **ga**	+ **tik**	= **-rengatik**
ГЕН	[пустая$_2$ морфа]	АБЛ	≠ КАУЗ(атив)

-tarantz директив [= '[идти] в/к']:

-ta	+ **ra**	+ **ntz**	= **-tarantz**
ЛОК	$\underbrace{\qquad\qquad\qquad}_{\text{АЛЛАТИВ}}$		≠ ДИР(ектив)

[Морфа **-ga** — пустая$_2$. Морфа **-ta**, которая в баскском языке выступает у неодушевленных существительных во всех местных падежах, является показателем локализации в формах со значением неопределенности; в формах со значением определенности она не встречается. Она никоим образом не является падежным суффиксом. Элемент **-ntz** больше нигде, кроме как в данном случае, не встречается.]

-taz дискурсив [= '[говорить] о']:

-ta	+ **z**	= **-taz**
ЛОК	ИНСТР	≠ ДИСКУР(сив)

Со строго синхронической точки зрения все эти суффиксы представляют собой квазиэлементарные знаки, или квазиморфы; в морфологических правилах они должны фигурировать как единое целое, например:

$$\text{MENDI}_{\text{неопр, кауз}} \Longleftrightarrow$$
$$\Longleftrightarrow \{\text{MENDI 'горы'}\}, \{\text{НЕОПР}\}, \{\text{КАУЗ}\} \Longleftrightarrow$$
$$\Longleftrightarrow \textbf{mendi} \quad + \textbf{ø} \quad + \textbf{rengatik}$$
'из-за (= по причине) гор'

Фразеологизованные аффиксы обычно возникают в случае так называемого ***двойного склонения*** — одновременного употребления нескольких падежных суффиксов в пределах одной словоформы, которое рассматривалось в Части второй [том 2], Глава III, § 4, **2.2**, (16), с. 342. Там же на следующей странице можно видеть монгольский пример (17), в котором представлен еще один случай фразеологизации цепочки падежных суффиксов:

-ijn 'ГЕН' ⊕ **-d** 'ДАТ' ⟺ **-ijnd** 'у...'.

Во многих языках некоторые циркумфиксы часто могут трактоваться как фразеологизованные комплексы, состоящие из префикса и суффикса (это допустимо, разумеется, только тогда, когда эти два знака существуют в данном языке независимо друг от друга).

(5) английский

a. фразеологизованные сложные$_2$ лексемы

lighthouse 'маяк'		[*light* = 'свет', *house* = 'дом']
blockhead 'болван'		[*block* = 'чурбан, глыба', *head* = 'голова']
windbag	'пустозвон'	[*wind* = 'ветер', *bag* = 'мешок, сумка']

b. фразеологизованные производные$_2$ лексемы

fighter	'[самолет-]истребитель'	[*fight* = 'сражаться', 'бороться']
destroyer	'эсминец'	[*destroy* = 'разрушать', 'уничтожать']
detector	'[радио-]детектор'	[*detect* = 'находить', 'обнаруживать', 'выявлять']

Фразеологизованных суффиксов в английском языке нет.

Фразеологизованные комплексы морф

В качестве иллюстрации этого явления мы приведем фразеологизованные комплексы морф в языке каннада, где некоторые комбинации словоизменительных суффиксов в глагольных формах бывают некомпозициональными: они выражают словоизменительное значение, отличное от того, которое должно бы было получиться по регулярным правилам из значений суффиксов-составляющих (Aronoff and Sridhar 1984). Тем не менее, такая комбина-

ция суффиксов не становится единым знаком (= квазиморфой), а остается цепочкой отдельных морф, поскольку все морфы в составе такой цепочки сохраняют свое «нормальное» распределение, а одна из них даже сохраняет незатронутым свой смысл (в трех первых примерах это отрицательный суффикс **-illa**, а в трех последних — суффиксы наклонения **-are**, **-ū** и **-bēḍa**).

(6) каннада

1. **-udu** 'ПРИЧ.НЕПРОШ.ЕД.СРЕДН' + **-illa** 'ОТРИЦ' $\Longrightarrow$ **-udilla** 'ИНД.НЕПРОШ.ОТРИЦ'

māḍuv+ ***udu*** 'тот, кто делает/сделает' ~ *māḍuv*+ ***udilla*** 'Я не (с)делаю, ты не (с)делаешь, ..., они не (с)делают'

Отрицательная финитная форма непрошедшего [= настоящего или будущего] времени индикатива образуется присоединением показателя отрицания к субстантивированному причастию единственного числа среднего рода в непрошедшем времени. Соответствующее морфемное правило таково:

финит, инд, непрош, отриц $\Longleftrightarrow$ {ПРИЧ.НЕПРОШ.ЕД.СРЕДН}, {ОТРИЦ}

2. **-alu** 'ИНФ' + **-illa** 'ОТРИЦ' $\Longrightarrow$ **-alilla** 'ИНД.ПРОШ.ОТРИЦ'

māḍ+ ***alu*** 'делать' ~ *māḍ*+ ***alilla*** 'Я/ты/он не делал, мы/вы/они не делали'

Отрицательная финитная форма прошедшего времени индикатива образуется присоединением показателя отрицания к инфинитиву:

финит, инд, прош, отриц $\Longleftrightarrow$ {ИНФ}, {ОТРИЦ}

3. **-alu** 'ИНФ' + **-ikku** 'ДАТ' + **-illa** 'ОТРИЦ' $\Longrightarrow$ **-alikkilla** 'ПРОБАБИЛ.НЕПРОШ.ОТРИЦ'

māḍ+ ***alikku*** 'чтобы делать' ~ *māḍ*+ ***alikkilla*** 'Невероятно, чтобы я/ты/он ... они (с)делал(и) [сейчас или позже]'

Отрицательная финитная форма непрошедшего времени пробабилитива образуется присоединением показателя отрицания к форме супина (который, в свою очередь, образован присоединением суффикса датива к инфинитиву):

финит, пробабил, непрош, отриц $\Longleftrightarrow$ {ИНФ}, {ДАТ}, {ОТРИЦ}

NB: Все эти формы являются неизменяемыми — в том смысле что, в отличие от неотрицательных глагольных форм языка каннада, они не спрягаются по лицу, числу и роду I.2.

Avanu suḷḷu
Он ложь

hēḷuv говорить	+ ***ud***	+ *illa*	'Он не лжет'.
hēḷ	+ ***al***	+ *illa*	'Он не солгал'.
hēḷ	+ ***al*** + ***ikk*** + *illa*		'Невероятно, что он лжет'.

Легко видеть, что семантические противопоставления «индикатив наст. ~ индикатив прош. ~ пробабилитив непрош.» выражаются в каннада противопоставлением суффиксов причастия непрошедшего времени, инфинитива

и супина; тем самым, фразеологизацию суффиксальных комплексов здесь можно считать вполне очевидной.

4. **-id** 'ПРОШ.ИНД' + **-are** 'КОНД' $\Longrightarrow$ **-idare** 'КОНД'

mād̤+ ***id*** 'делать, ПРОШ' ~ *mād̤*+ ***idare*** 'Если бы я/ты/он (с)делал ... они (с)делали'

Финитная форма кондиционалиса, не различающая времен и тоже неизменяемая, образуется присоединением показателя кондиционалиса к основе прошедшего времени.

5. **-id** 'ПРОШ.ИНД' + **-are** 'КОНД' + **-ū** 'КОНЦЕСС' $\Longrightarrow$ **-idarū** 'КОНЦЕСС'

mād̤+ ***id*** 'делать, ПРОШ' ~ *mād̤*+ ***idarū*** 'Хотя я/ты/он (с)делал ... они (с)делали'

Финитная форма концессива (без различий по времени, по лицам и т. п.) образуется присоединением показателя концессива к форме кондиционалиса.

6. **-a**(l) 'ИНФ' + **-bēd̤ā** 'ПРОХИБ(итив)' $\Longrightarrow$ **-abēd̤ā** 'ПРОХИБ'

mād̤+ ***al*** 'делать' ~ *mād̤*+ ***abēd̤ā*** 'Не делай!'

Финитная форма прохибитива (= отрицательного императива) образуется присоединением показателя прохибитива к форме инфинитива.

В примерах (6-4), (6-5) и (6-6) представлены паразитические, или вторичные, образования; в них один суффикс, $\mathbf{Suf_1}$, «опустошается» в позиции перед некоторым другим суффиксом, $\mathbf{Suf_2}$, который таким образом оказывается знáком с заместительным означаемым: см. Глава II, § 1, **2.6**, 2, (13), с. 56–57.

Морфологические идиомы, или фразеологизованные комплексы морф, отнюдь не редкость в самых разных языках. Можно даже утверждать следующее:

> Огромное большинство основ в произвольно взятом языке представляет собой морфологические фраземы, т. е. ***квазиморфы***

Этот тезис весьма важен с теоретической точки зрения, поскольку он помогает преодолеть многие трудности, возникающие в процессе анализа языкового материала. Однако в практических описаниях, как уже говорилось в Главе II, § 1, можно не различать морфы и квазиморфы, так что все утверждения, которые делаются относительно морф, могут быть обобщены и распространены также и на квазиморфы. (Напомним, что точно таким же образом мы поступали и с квазиграммемами: Часть первая [том 1], Глава V, § 3, 6, с. 288.)

4. Фразеологизация и супплетивизм

Первым, кто указал, что фраземы — это такие выражения, «у которых значение СУППЛЕТИВНО по отношению к их буквальному значению», был У. Вайнрайх (Weinreich 1969: 43; правда, он рассматривал только *полные идиомы*, т. е. полные семантические фраземы). В такой формулировке особенно удачно привлекается внимание к тому, что эти два явления параллельны по самой своей сути: о семантической фразеологизации можно сказать, что это супплетивизм в области означаемого, и наоборот, о супплетивизме можно сказать, что это фразеологизация в области означающего. И в этом нет ничего удивительного, поскольку и семантическая фразеологизация (= идиоматизация), и супплетивизм представляют собой на самом деле частные проявления одного и того же всеохватывающего языкового явления — ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ вообще. Выражаясь метафорически, идиоматизация — это фразеологизация смысла, а супплетивизм — это фразеологизация формы (в сфере сложносоставных языковых знаков).

Следует, однако, заметить, что этот параллелизм — далеко не идеальный. Идиоматизация, на самом деле, является унарным синтагматическим свойством, т. е. свойством, характеризующим некоторый единый комплекс знаков. Напротив, супплетивизм представляет собой бинарное парадигматическое отношение, связывающее два знака. Идиома возникает в результате сужения или деформации буквального смысла некоторого выражения; супплетивные же пары возникают либо когда фонологические изменения разрушают регулярность формальных соотношений между членами одной и той же парадигмы$_1$, либо когда силы грамматической симметрии и системной парадигматической аттракции стягивают разрозненные лексические элементы внутрь одной парадигмы$_1$. Однако более последовательная аналогия может быть обнаружена между фразеологизованным комплексом знаков (= фраземой) и сильной мегаморфой, т. е. сложным знаком, находящимся в отношении супплетивизма с некоторым другим знаком. В самом деле:

Фразеологизованный комплекс — это	***Сильная мегаморфа*** — это
неэлементарный сегментный знак,	неэлементарный сегментный знак,
у которого означающее представимо	у которого означаемое представимо
в терминах других означающих,	в терминах других означаемых,
а означаемое	а означающее
не представимо в терминах	не представимо в терминах
соответствующих означаемых.	соответствующих означающих.

В следующей главе фразеологизованные знаки (в частности, именно морфологические фразеологизованные знаки) и супплетивные знаки будут «раз-

ложены по полочкам» общего исчисления, покрывающего все возможные семантические и формальные соотношения между языковыми знаками.

Библиографические указания

Литература по фразеологии практически необъятна; мы считаем возможным ограничиться основополагающей работой Weinreich 1969, добавив к ней книгу Makkai 1972 (где можно найти много полезных ссылок). Более современная попытка синтеза взглядов на эту проблему представлена в Mel'čuk 1995.

Резюме Главы IX

Определено понятие ***фраземы*** (грубо говоря, это сложное выражение, у которого те или иные свойства — семантические, фонетические или сочетаемостные — не могут быть выведены по общим правилам из соответствующих свойств составляющих его частей). Выделяется понятие семантической фраземы, или идиомы. Идиомы подразделяются на сильные (= полные), слабые (= полуидиомы) и квазиидиомы. Обсуждаются логические связи, имеющиеся между фразеологизацией и супплетивизмом.

C

СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ

ГЛАВА X

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ

В разделе **A** нами были рассмотрены основные типы элементарных морфологических знаков, в разделе **B** — два типа важных неэлементарных морфологических знаков: мегаморфы и морфологические фраземы. Теперь настал момент обратиться к возможным отношениям между двумя произвольно взятыми языковыми знаками.

В лингвистике уже несколько веков известны четыре класса отношений этого рода:

- ***синонимия***, когда означаемые у двух знаков тождественны, а их означающие различны;
- ***омонимия***, ***полисемия***, когда означаемые у двух знаков различны, хотя, возможно, и родственны, а их означающие тождественны

(разница между омонимией и полисемией разъясняется дальше, на с. 492);

- ***производность***, когда означаемое и означающее одного знака включают в себя, соответственно, означаемое и означающее другого знака, так что семантическая «добавка» при этом соответствует некоторой формальной «добавке».

Мы ставим перед собой задачу построить исчисление ВСЕХ отношений, способных связывать между собой два произвольно взятых языковых знака как с точки зрения смысла, так и с точки зрения формы.

1. Исходные уточнения

1) Мы будем принимать во внимание только означаемое и означающее знака, игнорируя его синтактику (для тех целей, которые мы себе здесь ставим, синтактика не очень существенна).

2) Неэлементарные означаемые и означающие должны быть представлены в терминах других означаемых и означающих соответственно — более простых, чем исходные (= вкладывающихся в них).

> Всякое сопоставление двух означаемых или двух означающих будет производиться только на основе их ***канонических представлений*** (Часть первая [том 1], Глава III, § 2, **2.2**, с. 140 и сл.). Это значит, что мы будем рассматривать исключительно означающие представляющих морф и абстрагироваться от незначащих чередований

3) Соотносительная сложность двух означаемых или двух означающих не всегда очевидна. Хотя эта проблема достаточно маргинальна по отношению к основной линии нашего изложения, мы уделим ей здесь некоторое внимание.

Соотносительная сложность означаемых

Сравним между собой означаемые двух русских основ: **чита**(*-ть*) и **читатель**. Сразу ясно, что 'читатель' = 'человек, который читает' по смыслу сложнее, чем 'читать'; можно сказать, что 'читатель' включает в себя (или содержит в себе) 'читать'. В то же время для русской пары **бродяжнича**(*-ть*) и **бродяг**(*-а*) не все так просто: можно сказать, что **бродяжничать** — это 'вести жизнь *бродяги*', а можно сказать, что **бродяг**(*-а*) — это 'человек, который (обычно) *бродяжничает*'. С фактической точки зрения верны оба утверждения; какое же из них правильное? Чтобы разрешить эту дилемму, достаточно сформулировать несколько формальных требований к семантическим описаниям, в частности — к толкованиям лексем. Здесь для наших целей нам потребуются следующие три требования:

– отсутствие порочных кругов в системе толкований;

– абсолютная взаимоподставимость толкуемого термина и его толкования в любом контексте *salva significatione* (= без изменения смысла);

– некоторые обязательные сокращения и упрощения в толкованиях (например, замена «полузнаменательный глагол + N(V) $\Longrightarrow$ V», которую можно проиллюстрировать примерами типа *вести борьбу* $\Longrightarrow$ *бороться*, *совершить приземление* $\Longrightarrow$ *приземлиться* и т. п.; упрощения за счет замены некоторого выражения из нескольких лексем на одну лексему, тождественную ему по значению, и т. п.).

Пользуясь этой техникой, попытаемся более тщательно проанализировать семантику лексем в паре **бродяжнича**(*-ть*) ~ **бродяг**(*-а*). Для начала примем, что

(i) *бродяжнича*(*-ть*) = 'вести жизнь *бродяги*';

тогда

(ii) *бродяг*(*-а*) = 'человек, который живет без постоянного местожительства и нормальных средств к существованию, странствуя без специальной цели'.

[Запрет на наличие порочных кругов делает недопустимым толкование *бродяги* через *бродяжнича(-ть)*.]

Подставляя толкование лексемы *бродяг(-а)* вместо нее самой в толкование лексемы *бродяжнича(-ть)*, получаем:

(iii) *бродяжнича(-ть)* = 'вести жизнь человека, который живет без постоянного местожительства и нормальных средств к существованию, странствуя без специальной цели'.

Обязательные сокращения (типа 'вести жизнь' $\Longrightarrow$ жить', 'жить как человек, который живет без ...' $\Longrightarrow$ 'жить без ...') дают нам:

(iv) *бродяжнича(-ть)* = 'жить без постоянного местожительства и нормальных средств к существованию, странствуя без специальной цели'.

А теперь снова возьмем толкование лексемы *бродяг(-а)* из (ii) и подставим в него вместо компонента '... живет без постоянного ... цели' лексему *бродяжнича(-ть)*; это — одно из указанных выше обязательных упрощений:

(v) *бродяг(-а)* = 'человек, который *бродяжнича(-ет)*'.

Толкования (iv) и (v) можно считать окончательными: они удовлетворяют трем нашим требованиям. В отличие от них, толкования (i) и (ii) должны быть отвергнуты, поскольку, если применить к (i) и (ii) подстановку определения вместо определяемого и все обязательные упрощения, мы как раз и получим (iv) и (v).

Таким путем мы приходим к заключению, что ОЗНАЧАЕМОЕ знака **бродяг**(*-а*) сложнее, чем означаемое знака **бродяжнича**(*-ть*): смысл 'бродяга' включает в себя смысл 'бродяжничать', однако обратное неверно.

NB: С точки зрения ОЗНАЧАЮЩЕГО, напротив, более сложным является именно **бродяжнича**(*-ть*): его означающее /brad′až + n′ič*a*/ включает в себя означающее /brad′ag/ (поскольку чередование /g/ $\Longrightarrow$ /ž/ в русском языке очень продуктивно). Мы вернемся к анализу случаев этого типа в **3**, пункт 7, с. 480.

Возьмем теперь французскую пару **sci**(*-er*) 'пилить' и **scie** 'пила'. Верно ли, что **sci**(*-er*) — это 'разделять на части при помощи пилы' или же **scie** — это 'инструмент для того, чтобы пилить, — лезвие с зубцами, которое ...'? Здесь для анализа нужна уже другая техника. Рассмотрим сначала **sci**(*-er*); действительно ли **sci**(*-er*) — это 'разделять на части при помощи пилы'? Отнюдь нет: можно пилить (**scier**) ветку дерева перочинным ножом или кусок масла при помощи шнурка. **Scier** 'пилить' — это 'разделять на части движением взад-вперед или быстрым вращением некоторого инструмента'; для того, чтобы 'пилить', пила вовсе не обязательна. Пила же, напротив, — это и в самом деле 'инструмент для того, чтобы пилить, — лезвие с зубцами, которое ...'. Про разделение чего-либо на части пилой мы непременно ска-

жем **sci**(*-er*) 'пилить'; поэтому ясно, что смысл 'пилить' входит в смысл 'пила', предполагается им как данный, но не наоборот. Отсюда вытекает, что смысл 'пила' сложнее, чем смысл 'пилить', и вытекает это — подчеркнем! — без какого бы то ни было сопоставления соответствующих означающих.

Будем надеяться, что этих двух набросков семантического анализа достаточно для понимания тех разнообразных отношений между означаемыми, которые мы будем приводить в дальнейшем.

Соотносительная сложность означающих

Сравним между собой означающие двух английских основ: **read** 'читать' и **reader** 'читатель'; второе из них представимо следующим образом:

$$/\text{rí}\text{d}\text{ə}^{\text{r}}/ = /\text{rí}\text{d}/ \oplus /\text{ə}^{\text{r}}/,$$

т. е. означающее /rídə^{r}/ может быть представлено в терминах двух других означающих; отсюда вытекает, что /rídə^{r}/ сложнее, чем (= включает в себя) /rí̱d/.

Однако, все далеко не так ясно в случае означающего типа /fī̱t/ у английской словоформы **feet** 'ноги [ступни]', если ее сравнить с означающим /fú̱t/ словоформы **foot** 'нога': верно ли, что /fú̱t/ включено в /fī̱t/? Да, верно, потому что

$$/\text{fī̱t}/ = /\text{fú̱t}/ \oplus /\text{u}/ \Longrightarrow /\text{ī}/,$$

т. е. означающее /fī̱t/ тоже представимо в терминах двух других означающих; тем самым включение /fī̱t/ $\supset$ /fú̱t/ должно быть признано имеющим место.

Мы позволили себе здесь несколько расширить смысл термина *включение*. Мы говорим не вполне аккуратно, что *X включает (в себя) Y*, хотя следовало бы сказать более развернуто: *Каноническое представление X-а включает (в себя) каноническое представление Y-а.*

Точно так же в немецком языке означающее /fɛ̄ter/ *Väter* ('отцы') включает в себя означающее /fā̱ter/ *Vater* ('отец') и означающее /ā/ $\Longrightarrow$ /ɛ̄/ ('мн. ч.'):

$$/\text{fɛ̄ter}/ = /\text{fā̱ter}/ \oplus /\text{ā}/\Longrightarrow/\text{ɛ̄}/$$

(множественное число выражается апофонией-умлаутом).

Таким образом, для нас отнюдь не одно и то же — и это различие важно! — 'включать (в себя)' $\approx$ 'быть представимым в терминах' и 'содержать' $\approx$ 'иметь в качестве подцепочки'. Следуя этому разграничению, мы не считаем, что /fɛ̄ter/ содержит означающее /fā̱ter/, и потому /fɛ̄ter/ является апофонической слабой мегаморфой: см. выше, Глава VII настоящей части, **2**, пример (3), с. 404 и сл.

Вопреки внешнему сходству, ситуация с немецкой словоформой /néçte/ *Nächte* 'ночи' несколько отличается от только что разобранного случая:

/néçte/ = /náxt/ ⊕ /e/ ⊕ /a/ ⟹ /e/ ⊕ /x/ ⟹ /ç/;

множественное число выражается здесь суффиксом **-e**, который автоматически вызывает в основе пустое$_1$ чередование /a/ ⟹ /e/, которое, в свою очередь, влечет за собой, также в основе, еще одно пустое$_1$ чередование /x/ ⟹ /ç/. Иначе говоря, означающее /néçt/ не представимо в терминах двух означающих, а представимо только в терминах одного означающего /náxt/ и двух пустых$_1$ чередований. Однако это не мешает тому, чтобы считать /néçt/ более сложным, чем /náxt/: означающее /néçt/ включает в себя означающее /náxt/ плюс два чередования /a/ ⟹ /e/ и /x/ ⟹ /ç/.

Следует отметить, что **Nacht** и **Nächt** являются алломорфами одной морфемы {NACHT 'ночь'}, в то время как **Vater** и **Väter** НЕ ЯВЛЯЮТСЯ алломорфами одной морфемы. **Väter** представляет собой (***слабую***) ***мегаморфу***, воплощающую одновременно морфему {VATER 'отец'} и апофонию {$\mathbf{A_{МН}}$} (или результат применения апофонии множественного числа $\mathbf{A}_{\mathbf{МН}}^{\ddot{a}\Rightarrow\ddot{e}}$ к морфе **Vater**). Точно так же словоформа **Vater** представляет собой слабую мегаморфу, воплощающую одновременно морфему {VATER 'отец'} и апофонию {$\mathbf{A_{ЕД}}$} (или результат применения апофонии единственного числа $\mathbf{A}_{\mathbf{ЕД}}^{\mathbf{A}\Rightarrow\Lambda}$ — нулевой апофонии — к морфе **Vater**).

Парадоксальный случай включения означающих мы находим в польских парах типа **beczk**(-*a*) /beč̣k/ 'бочка' ~ **bek**(-*a*) 'большая бочка' или **łapówk**(-*a*) /wapufk/ 'взятка' ~ **łapów**(-*a*) 'большая взятка' (см. более подробный анализ этого случая ранее, в Главе II настоящей части, § 1, **2.5**, пример (4), с. 48). Левый член каждой пары «физически» включает в себя правый член: /beč̣k/ ⊃ /bek/ (**NB**: в цепочке /bek/ фонема /k/ подвергается весьма регулярному в польском языке чередованию /k/ ⟹ /č/), /wapufk/ ⊃ /wapuv/ (оглушение /v/ ⟹ /f/ тоже происходит в польском регулярно). Однако на самом деле все обстоит совсем иначе: конечное /k/ в /beč̣k/ и в /wapufk/ не является отдельным самостоятельным означающим: это просто неотделимая часть соответствующих более длинных означающих. В приведенных выше парах более простым является именно левый член — т. е. означающее /beč̣k/ *beczk* или /wapufk/ *łapówk*. В самом деле:

bek(-*a*) 'большая бочка' = *beczk*(-*a*) 'бочка' ⊕ $\mathbf{A}_{\mathbf{АУГМ}}^{\mathbf{C\#}\Rightarrow\Lambda}$ 'большой'

łapów(-*a*) 'большая взятка' = *łapówk*(-*a*) 'взятка' ⊕ $\mathbf{A}_{\mathbf{АУГМ}}^{\mathbf{C\#}\Rightarrow\Lambda}$ 'большой'

[$\mathbf{A}_{\mathbf{АУГМ}}^{\mathbf{C\#}\Rightarrow\Lambda}$ представляет здесь усечение последней согласной основы; этим усечением выражается аугментатив.]

Знак **bek**(*-a*) является, таким образом, производной$_1$ основой: он составлен из корня **beczk** 'бочка' и аугментативной апофонии-усечения (плюс «обратное» пустое$_1$ чередование /č/ $\Longrightarrow$ /k/). Следовательно, означающее /beč*k*/ является менее сложным, чем /bek/, а означающее /wapuf*k*/ — менее сложным, чем /wapuv/.

4) Существует лишь четыре возможных теоретико-множественных отношения между двумя произвольно взятыми означающими или означаемыми:

– тождество, т. е. $A = B$

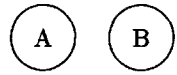
– строгое включение, т. е. $A \supset B$, где $A = B + x \mid x \neq \mathbf{\Lambda}$:

– строгое пересечение, т. е. $A \cap B = C \neq \mathbf{\Lambda}$,
где $A = C + x$ и $B = C + y \mid x \neq y$ и $x, y \neq \mathbf{\Lambda}$:

– дизъюнкция, т. е. $A \cap B = \mathbf{\Lambda}$ («пересечение A и B пусто»):

(См. также краткую характеристику диаграмм Венна в Главе II, § 4, примечание 7, с. 258.)

2. Исчисление формально-смысловых отношений между двумя произвольно взятыми языковыми знаками

Пусть нам даны два знака — **A** и **B**; поскольку тождество, пересечение и дизъюнкция являются симметричными отношениями, а включение антисимметрично, мы получаем 17 типов возможных формально-смысловых отношений между **A** и **B**.

I. Означаемые знаков **A** и **B** тождественны:

1. 'A' = 'B', /A/ = /B/
2. 'A' = 'B', /A/ $\supset$ /B/
3. 'A' = 'B', /A/ $\cap$ /B/ $\neq \mathbf{\Lambda}$
4. 'A' = 'B', /A/ $\cap$ /B/ $= \mathbf{\Lambda}$

NB: Напомним, что мы отступаем от математической традиции обозначений, используя символ **Λ** для обозначения пустого множества (поскольку символ $\emptyset$ в лингвистике уже «занят» под обозначение языковых нулей).

II. Означаемое знака **A** включает в себя означаемое знака **B**:
5. ‘A’ ⊃ ‘B’, /A/ = /B/
6. ‘A’ ⊃ ‘B’, /A/ ⊃ /B/
7. ‘A’ ⊃ ‘B’, /A/ ⊂ /B/
8. ‘A’ ⊃ ‘B’, /A/ ∩ /B/ ≠ **Λ**
9. ‘A’ ⊃ ‘B’, /A/ ∩ /B/ = **Λ**

NB: Случай «обратных пар» типа 7 (‘A’ ⊃ ‘B’, /A/ ⊂ /B/) возможен лишь для отношения включения. Отношения равенства, непустого пересечения и дизъюнкции симметричны, поэтому в группах I, III и IV обратных пар нет.

III. Означаемое знака **A** и означаемое знака **B** имеют общие компоненты:
10. ‘A’ ∩ ‘B’ ≠ **Λ**, /A/ = /B/
11. ‘A’ ∩ ‘B’ ≠ **Λ**, /A/ ⊃ /B/
12. ‘A’ ∩ ‘B’ ≠ **Λ**, /A/ ∩ /B/ ≠ **Λ**
13. ‘A’ ∩ ‘B’ ≠ **Λ**, /A/ ∩ /B/ = **Λ**

IV. Означаемое знака A и означаемое знака B не имеют общих компонентов:
14. ‘A’ ∩ ‘B’ = **Λ**, /A/ = /B/
15. ‘A’ ∩ ‘B’ = **Λ**, /A/ ⊃ /B/
16. ‘A’ ∩ ‘B’ = **Λ**, /A/ ∩ /B/ ≠ **Λ**
17. ‘A’ ∩ ‘B’ = **Λ**, /A/ ∩ /B/ = **Λ**

Чтобы не перегружать изложение малоинтересными случаями, мы примем следующее соглашение: говоря о пересечении означаемых или означающих, мы будем рассматривать только такие случаи, когда общая часть является «основ́ной», т. е. представляет собой означаемое основы или означающее основы, соответственно. Поэтому мы будем игнорировать случаи типа фр. **promeneur** ‘гуляющий’ ~ **nageur** ‘пловец’, в которых непустое пересечение обеспечивается за счет суффикса: ‘promeneur’ ∩ ‘nageur’ = ‘человек, который . . . ’, /promenœr/ ∩ /naʒœr/ = /œr/; в соответствующей рубрике (= 12, с. 489) мы будем рассматривать только пары типа **promeneur** ‘гуляющий’ ~ **promeneuse** ‘гуляющая’ или **promeneur** ‘гуляющий’ ~ **promenoir** ‘место для прогулки, прогулочный дворик’.

Рассматривая перечисленные выше 17 случаев, мы не будем стремиться указывать для каждого ВСЕ покрываемые им языковые явления: мы будем приводить только некоторые иллюстрации.

3. Иллюстрации 17 типов возможных формально-смысловых отношений между двумя знаками

1. Тождество означаемых и означающих

‘A’ = ‘B’, /A/ = /B/

Если оставить в стороне тривиальный случай ДВУХ ВХОЖДЕНИЙ [в текст] ТОГО ЖЕ САМОГО ЗНАКА (фр. **parlons** '[мы] говорим' ~ **parlons** '[мы] говорим', ...), то сюда относятся пары знаков, один из которых образован от другого посредством ЧИСТО СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНВЕРСИИ$_2$: англ. [*to*] **love** 'любить' ~ [*the*] **love** 'любовь', рус. **удар**(*-u+mь*) ~ **удар**, фр. **lutt**(*-er*) 'бороться' ~ **lutte** 'борьба'. Означаемые и означающие соответствующих глагольного и субстантивного корней тождественны; единственное, чем различаются эти два знака, это их сочетаемость, т. е. синтактика.

2. Тождество означаемых, включение означающих

'A' = 'B', /A/ ⊃ /B/

Здесь следует различать три случая.

Во-первых, сюда относится ПУСТОЕ$_2$ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, или применение ПУСТЫХ$_2$ АФФИКСОВ. Приведем в качестве примера русские пары, образуемые достаточно систематически, типа *баядер*(*-а*) ~ *баядер*+**к**(*-а*), *табурет* ~ *табурет*+**к**(*-а*), *браслет* ~ *браслет*+**к**(*-а*), *жилет* ~ *жилет*+**к**(*-а*) и т. п.: имеется около трех десятков таких лексем (в основном заимствованных из французского), и у всех у них может быть суффикс **-к**, в этом случае пустой$_2$. Оба члена каждой пары имеют в точности один и тот же смысл (но вариант с **-к** может быть стилистически чуть более сниженным). Добавим еще два русских примера, которые не столь систематичны: *лис*(*-а*) ~ *лис*+***иц***(*-а*) [хотя **-иц** — это вполне регулярный суффикс существительных женского рода] и *правдолюб* ~ *правдолюб*+***ец*** [обычно **-ец** — это суффикс деятеля].

Во-вторых, это ЧИСТО СИНТАКСИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ$_1$, или трансляция (при помощи непустых$_2$ аффиксов). Рассмотрим французскую пару *déplace*+***ment*** 'перемещение' и *déplac*(*-er*) 'перемещать': их смысл тождественен, а означающее /deplasmã/ включает в себя означающее /deplas/. Сюда же следует отнести французские наречия на **-ment** (*tranquille*+***ment*** 'спокойно' ~ *tranquille* 'спокойный') и английский герундий на **-ing** (*keep*+***ing*** 'поддержание, содержание' ~ *keep* 'поддерживать, содержать') и т. п.[1]

В-третьих, это РЕГУЛЯРНАЯ АЛЛОМОРФИЯ, когда выводимые алломорфы образуются из представляющих алломорф посредством пустых$_1$ чередований. Напомним пример из языка маунг (Глава II настоящей части, § 4, **4.1**, пример (22), с. 248):

$$\begin{aligned}\{\text{БУД}\} = \mathbf{bana} &\Longrightarrow \mathbf{ban} \Longrightarrow \mathbf{ba} \Longrightarrow \mathbf{b}\\ &\Longrightarrow \mathbf{wana} \Longrightarrow \mathbf{wan} \Longrightarrow \mathbf{wa} \Longrightarrow \mathbf{w}\\ &\Longrightarrow \mathbf{dana} \Longrightarrow \mathbf{dan} \Longrightarrow \mathbf{da} \Longrightarrow \mathbf{d}\\ &\Longrightarrow \ldots\end{aligned}$$

Морфема будущего времени в языке маунг содержит 22 алломорфы, из которых 21 — выводимая, образующаяся из одной-единственной представляющей алломорфы: **bana**; этим занимаются морфонологические правила. У всех этих алломорф, разумеется, одно и то же означаемое, а означающее каждой из них включает в себя означающее представляющей алломорфы (/bana/):

$$\begin{aligned} /\text{ban}/ &= /\text{bana}/ \oplus A^{\text{V}\#\Rightarrow\Lambda}; \\ /\text{wana}/ &= /\text{bana}/ \oplus A^{\#b\Rightarrow\#w}; \\ /\text{dana}/ &= /\text{bana}/ \oplus A^{\#b\Rightarrow\#d}; \text{ и т. п.} \end{aligned}$$

Регулярная алломорфия — это наиболее типичный случай реализации отношения между языковыми знаками, представленного в этой рубрике.

3. Тождество означаемых, непустое пересечение означающих

$$\boxed{\text{‘A’} = \text{‘B’},\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ \neq \Lambda}$$

Здесь имеются два разных случая.

Во-первых, это формальное пересечение двух семантически тождественных знаков при ПАРАЛЛЕЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ, т. е. присоединение синонимичных словообразовательных аффиксов к одному и тому же корню. Вот несколько русских примеров такого рода: *волч*+ ***ух***(*-а*) ~ *волч*+ ***иц***(*-а*) [**-их** и **-иц** — суффиксы особей женского пола]; *педант*+ *ич*+ ***н***(*-ый*) ~ *педант*+ *ич*+ ***еск***(*-ий*); *семант*+ ***из***+ *ова*(*-ть*) ~ *семант*+ ***изир***+ *ова*(*-ть*); *нос*+ ***ат***(*-ый*) ~ *нос*+ ***аст***(*-ый*); *болт*+ ***ун***+ ***ь***(*-я*) ~ *болт*+ ***уш***+ ***к***(*-а*). Это — особый случай СИНОНИМИИ; часто говорят также о словообразовательных вариантах (которые, согласно нашему определению лексемы — см. Часть первая [том 1], Глава VI, **2.1**, Определение I.42, с. 329, представляют собой разные лексемы: там же, с. 332).

Заметим, что случаи этого типа никогда не бывают особенно многочисленны. Языки обнаруживают очевидную тенденцию избегать параллельного словообразования$_1$, либо запрещая одно из параллельных образований, либо осуществляя их семантическую дифференциацию. Сравним следующие случаи образования производных в русском языке. С одной стороны, в парах *медвед*+ ***иц***(*-а*) ~ **медвед*+ ***ух***(*-а*) и **олен*+ ***иц***(*-а*) ~ *олен*+ ***ух***(*-а*) одно из двух теоретически возможных параллельных образований блокировано; с другой стороны, если в языке остаются приемлемыми оба параллельных образования, в них наблюдаются определенные семантические нюансы: *синоним*+ *ич*+ ***н***(*-ый*) ‘одинаковый по смыслу’ vs. *синоним*+ *ич*+ ***еск***(*-ий*) ‘имеющий отношение к синонимам’.

Во-вторых, две разные словоизменительные формы из одной и той же парадигмы$_1$ могут иметь одно и то же означаемое — если разные граммемы, которые в них выражены, являются чисто синтаксическими. Рассмотрим, например, следующие итальянские и чешские прилагательные:

(1) **a.** итальянский

	единственное число		множественное число	
	муж	жен	муж	жен
'хороший'	*buon* + *o*	*buon* + *a*	*buon* + *i*	*buon* + *e*
'волосатый'	*pelos* + *o*	*pelos* + *a*	*pelos* + *i*	*pelos* + *e*
'желтый'	*giall* + *o*	*giall* + *a*	*giall* + *i*	*giall* + *e*

b. чешский

	единственное число, именительный падеж		
	муж	жен	сред
'хороший'	*dobr* + *ý*	*dobr* + *á*	*dobr* + *é*
'волосатый'	*chlupat* + *ý*	*chlupat* + *á*	*chlupat* + *é*
'желтый'	*žlut* + *ý*	*žlut* + *á*	*žlut* + *é*

[Знак ударения в чешской графике обозначает долготу гласной.]

Все формы итальянского или чешского прилагательного имеют одно и то же означаемое, поскольку различающие их суффиксы служат для выражения числа и грамматического рода II.1, которые — в составе всей словоформы прилагательного, рассматриваемой как целое, — принадлежат к синтактике, а не к означаемому. Иными словами, 'buono' = 'buona' = 'buoni' = 'buone'.

Таким образом, данная рубрика покрывает, в частности, отношения между разными СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫМИ формами, но лишь при чисто СИНТАКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЯХ между ними.

4. Тождество означаемых, дизъюнкция означающих

$$\boxed{\text{'A'} = \text{'B'},\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ = \Lambda}$$

Существуют два класса знаков с тождественным означаемым, у которых при этом означающие не обладают общими компонентами: лексические синонимы и супплетивные алломорфы.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ. Точные лексические синонимы (а речь здесь идет только о них: квазисинонимы будут рассмотрены дальше, в рубриках 9 и 13) в языках встречаются нечасто. Приведем здесь несколько примеров:

фр. VÉLO ~ BICYCLETTE 'велосипед', WOLFRAM ~ TUNGSTÈNE 'вольфрам';

нем. VERB ~ ZEITWORT 'глагол', SUBSTANTIV ~ HAUPTWORT 'имя существительное', и т. п.;

рус. ГЛЯД(-*еть*) ~ СМОТР(-*еть*), ОГРОМН(-*ый*) ~ ГРОМАДН(-*ый*), СОВЕТСКИ(-*ий*) СОЮЗ ~ СССР /ɛsɛsɛsɛr/[2], УБОРН(-*ая*) ~ ТУАЛЕТ, БЕГЕМОТ ~ ГИППОПОТАМ, и т. п.

Учитывая особую важность проблемы синонимии в рамках нашего изложения, мы сформулируем здесь четыре положения, которым мы следуем при рассмотрении синонимии.

(i) Отношение синонимии устанавливается между лексемами, а не между целыми словарными вокабулами (как это часто бывает при традиционных подходах). Другими словами, абсолютными синонимами могут быть, вообще говоря, только ОТДЕЛЬНЫЕ КОНКРЕТНЫЕ СМЫСЛЫ, а не целые «слова», со всей их многозначностью. Точным синонимом русской лексемы ТУАЛЕТII 'отхожее место' является исключительно лексема УБОРНАЯII 'отхожее место'; другие лексемы из тех же вокабул — УБОРНАЯI 'помещение для переодевания и гримировки актеров', ТУАЛЕТ**I.1** 'действие по приведению себя в состояние, пригодное для появления на публике', [устар.] ТУАЛЕТ**I.2** 'небольшой столик, где находится все, что нужно для *туалета***I.1**' и ТУАЛЕТIII 'одежда женщины' — в установлении синонимии участия не принимают.

(ii) Точная синонимия должна быть действительно точной. Всякий смысловой нюанс, отмечаемый между двумя лексемами, сколь бы тонким он ни был, точную синонимию разрушает. Так, французские глаголы DÉCÉDER 'скончаться', MOURIRI 'умереть' и CASSER SA PIPE ≈ 'дать дуба' или 'сыграть в ящик' [букв. 'разбить свою трубку'] точными синонимами не являются: не говоря уже о стилистических различиях или различиях в уровне языка (DÉCÉDER — литературное и официальное, MOURIRI — нейтральное, а CASSER SA PIPE — разговорное), между этими тремя лексемами обнаруживаются определенные СЕМАНТИЧЕСКИЕ различия, которые можно представить следующим образом:

1. В DÉCÉDER присутствует почтительное отношение говорящего к тому, кто умер; кроме того, смерть трактуется здесь как неизбежный конец, или результат, того, что заложено в природе вещей, и поэтому речь здесь идет о естественной смерти. По этой причине оказывается затрудненным присоединение к глаголу DÉCÉDER синтаксического обстоятельства, называющего непосредственную причину смерти, когда эта смерть не была естественной:

Votre grand-père { *est mort* / **est décédé* / *a cassé sa pipe* } *en tombant dans une crevasse.*

'Ваш дедушка { умер / *скончался / сыграл в ящик }, упав в расселину'.

Лучше сказать в таком случае, например:

Votre grand-père est décédé ***par suite*** *d'une chute*

'Ваш дедушка скончался от последствий падения [в расселину]', где падение подается как косвенная причина смерти.

2. При употреблении DÉCÉDER и CASSER SA PIPE речь идет о человеке:

Mon chien { *est mort* / **est décédé* / **a cassé sa pipe* } *à l'âge de douze ans.*

'Моя собака { умерла / *скончалась / *сыграла в ящик } в возрасте двенадцати лет'.

3. Наконец, в CASSER SA PIPE присутствует явная неуважительность, бесцеремонность говорящего по отношению к факту смерти; смерть характеризуется как нечто такое, над чем можно и посмеяться: — *Quelle tragédie! Le fils unique de M. Varin *vient de casser sa pipe* 'Какое несчастье! У месье Варена только что *дал дуба его единственный сын'.

(iii) Если между двумя выражениями, составленными из нескольких синтаксически связанных компонентов, вида X + *a* и X + *b* имеет место точная синонимия, отсюда вовсе не обязательно следует, что *a* и *b* тоже будут синонимами. В арифметике из того, что X + *a* = X + *b*, неизбежно следует *a* = *b*; однако в семантике дело обстоит иначе. Так, например, в русском языке мы имеем:

зубные согласные = *дентальные согласные*;

однако при этом **зубн**(*-ой*) и **дентальн**(*-ый*) синонимами вовсе не являются. Прилагательное ЗУБН(*-ой*) 'имеющий отношение к зубам' может употребляться с каким угодно существительным — лишь бы их сочетание в целом было осмысленным: например, *зубная щетка*, *зубная паста*, *зубной протез*, *зубной врач* и т. п. Напротив, ДЕНТАЛЬН(*-ый*) употребляется только с существительными, обозначающими звуки, т. е. оно значит 'произносимый при помощи зубов'. В контексте такого существительного, как СОГЛАСНАЯ, семантическое различие между этими двумя прилагательными нейтрализуется, и именно поэтому выражения типа **зубные согласные** = **дентальные согласные** являются абсолютными синонимами, хотя этого и нельзя сказать об их компонентах **зубные** и **дентальные**.

(iv) Точные синонимы вовсе не обязательно взаимозаменимы друг на друга в тексте. По-французски говорится *grièvement blessé* 'тяжело раненный' и *gravement malade* 'тяжело больной', но не: **grièvement malade*; и, тем не менее, **grièvement** и **gravement** являются в этих словосочетаниях точными синонимами. Аналогичным образом, говорится *décrocher* ⟨**remporter*⟩ *une bonne situation* 'добиться высокого положения', но *remporter* ⟨**décrocher*⟩ *un vif succès* 'иметь явный успех', несмотря на то что здесь 'remporter' = 'décrocher' = 'иметь, добиться, одержать, получить' (ср. рус. *одержать по-*

беду, но **одержать успех*). Примеры легко умножать до бесконечности; нам важно, однако, подчеркнуть, что из тождества означаемых вовсе не следует тождество синтактик, т. е. тождество сочетаемости. Скорее, наоборот: точные синонимы могут обнаруживать тенденцию быть в дополнительном распределении в зависимости от контекста[3]. Предельным случаем этого является алломорфия: алломорфы — это как раз точные синонимы, которые, как правило, находятся в дополнительном распределении.

СУППЛЕТИВНЫЕ АЛЛОМОРФЫ. Французские алломорфы **all** и **i** обе принадлежат к одной морфеме {ALL(-er) 'идти'} и распределены в зависимости от времени и лица/числа глагола (ср. **allons** '[мы] идем', **allez** '[вы] идете'; **irons** '[мы] пойдем', **irez** '[вы] пойдете'). В английском дело обстоит точно так же с морфами **go** /go/, **wen** и **go**(-*ne*) /gɔ/, принадлежащими к морфеме {GO 'идти'}. В русском языке представлены супплетивные алломорфы **ид**, **шё/ш**, принадлежащие к морфеме {ИД(-ти)} (ср. наст. *иду*, *идешь*, *идет*, ... vs. прош. *шел*, *шла*, *шло*, *шли*). Во всех этих случаях означаемое указанных знаков тождественно, в то время как между их означающими нет ничего общего.

5. Включение означаемых, тождество означающих

$$\boxed{\text{'A'} \supset \text{'B'},\ /\text{A}/ = /\text{B}/}$$

Один знак, тождественный с точки зрения означающего другому знаку, может иметь такое означаемое, которое полностью включает в себя означаемое этого другого знака, в следующих двух случаях.

Во-первых, это словообразование$_1$ с помощью КОНВЕРСИИ$_2$. Данной рубрикой покрываются все разновидности «семантической» конверсии$_2$; мы ограничимся здесь лишь несколькими примерами (поскольку основательному рассмотрению конверсии$_2$ была специально посвящена Глава V настоящей части, с. 351 и сл.). Так, в частности, мы имеем в английском:

(2) английский

a. [*to*] *cook* 'готовить [пищу]' ~ [*a*] *cook* 'повар'
[*to*] *gossip* 'сплетничать' ~ [*a*] *gossip* 'сплетник'
Дериватема: 'тот, кто ...'

b. [*a*] *hammer* 'молоток' ~ [*to*] *hammer* 'прибивать молотком'
[*a*] *bomb* 'бомба' ~ [*to*] *bomb* 'бомбить'
Дериватема: 'подвергать действию ...'

c. [*to*] *kiss* '(по)целовать' ~ [*a*] *kiss* 'поцелуй'
[*to*] *jump* 'прыгать' ~ [*a*] *jump* 'прыжок'
Дериватема: 'квант действия ...'

Прибавим сюда еще японские и русские примеры, чтобы продемонстрировать конверсии$_2$ другого типа:

(3) японский

yak + ***e***(*-ru*) [II] 'гореть' ~ *yak* (*-u*) [I] 'жечь'

yam (*-u*) [I] 'прекращаться' ~ *yam* + ***e***(*-ru*) [II] 'прекращать'

(4) русский

обессил + ***е***(*-ть*) [I] ~ *обессил* + ***и***(*-ть*) [II]

обедн + ***е***(*-ть*) [I] ~ *обедн* + ***и***(*-ть*) [II]

бел + ***е***(*-ть*) [I] ~ *бел* + ***и***(*-ть*) [II]

В японском, как и в русском, наблюдается изменение типа спряжения исходного глагола (этот тип указан в квадратных скобках; его изменение выражается через изменение так называемой ***тематической гласной***, которая в этих примерах выделена жирным шрифтом). Этот вид конверсии$_2$ выражает дериватему каузатива.

Во-вторых, сюда относится случай ВКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ПОЛИСЕМИИ (= «цепочечной полисемии»). Мы имеем в виду весьма распространенную (и довольно часто регулярную) полисемию типа 'X' ~ 'нечто связанное с X-ом неким определенным способом', например:

(5) французский

lion1 'представитель вида ...' ~ *lion2* 'самец льва'

tigre1 'представитель вида ...' ~ *tigre2* 'самец тигра'

éléphant1 'представитель вида ...' ~ *éléphant2* 'самец слона'

['представитель вида X' ~ 'самец вида X']

(6) русский

груша1 [плод] ~ *груша2* [дерево]

слива1 [плод] ~ *слива2* [дерево]

вишня1 [плод] ~ *вишня2* [дерево]

['плод X' ~ 'дерево, приносящее плоды X']

Различные типы регулярной полисемии (ср. Апресян 1974: 189 и сл.) должны исследоваться и описываться для каждого конкретного языка наряду со словообразовательными аффиксами. Каждый отдельный тип регулярной полисемии в том или ином языке может быть широкораспространенным или ограниченным, продуктивным или нет, иметь определенную стилистическую окраску и т. п. — в точности как это бывает с аффиксами.

6. Включение означаемых, параллельное включение соответствующих означающих

Сюда относится прежде всего ОБЫЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, явление слишком хорошо известное, чтобы уделять здесь ему особое внимание. Укажем только, что формулой

$$\boxed{\text{'A'} \supset \text{'B'},\ /\text{A}/ \supset /\text{B}/}$$

охватываются два типа словообразования.

Во-первых, это словообразование$_1$, если говорить точнее—семантическое словообразование в сильном смысле, или свободное словообразование [Часть первая [том 1], Глава V, § 3, **7.3**, Определение I.34, с. 296] (жирным шрифтом выделен элемент, который есть у A и которого нет у B):

(7) русский

высок (*-ий*) ~ *высок* + ***оньк***(*-ий*) 'высокий и милый'
красн (*-ый*) ~ *красн* + ***еньк***(*-ий*) 'красный и милый'
тяжел(*-ый*) ~ *тяжел*+ ***еньк***(*-ий*) 'тяжелый и милый'

Такое уменьшительное суффиксальное образование возможно (в разговорном языке) от любого качественного прилагательного. Приведенное толкование (= 'и милый') является в высшей степени приблизительным; на самом деле смысл такого диминутива гораздо сложнее: 'X + оньк' = 'X, и я представляю себе X как нечто маленькое, и я испытываю по отношению к X приятные чувства, какие обыкновенно испытывают к чему-то маленькому' (Wierzbicka 1980: 53–60).

(8) хауса

a.

'спрашивать'	*tàmbáyà* ~	***tàntámbáyà̃***	'спрашивать у многих или по многу раз'
'приклеивать к стене'	*mánnà* ~	***mámmànnā́***	'приклеивать к стене много чего-л. и повсюду'
'основывать'	*káfà* ~	***kákkàfā́***	'основывать много чего-л.'
'высовываться'	*lḗƙà* ~	***lḗllḕƙā́***	'высовываться [о многих лицах]'
'есть'	*cí* ~	***cɨccí***	'есть много чего-л. [или о многих лицах]'
'карабкаться'	*háu* ~	***háhháu***	'карабкаться [о многих лицах]'

[В принятой в языке хауса графике буквой *c* обозначается, как и в санскрите, фонема /č/; *ƙ* = /kʻ/; знаками «ˊ» и «ˋ» обозначаются, соответственно, высокий и низкий тоны.]

Это образование выражает интенсив, т. е. нечто вроде 'энергично, многократно, многими действующими лицами и/или со многими объектами'. Значение интенсива передается в хауса несколькими разными редупликациями$_2$, например такой:

$$\textbf{b. Red}_{\textbf{ИНТЕНС}} = (\text{'интенсив'}; \overbrace{/C^1VC^2C^3X/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^1V'C^{2\prime}/ + \mathbf{R};\ \Sigma = \text{V, многосложный, } \ldots)$$

? 30

1. Запишите в стандартном виде еще одну редупликацию$_2$, работающую в примере (8а) в двух последних глаголах.
2. Редупликации$_2$ интенсива сопровождаются в хауса некоторыми пустыми$_1$ чередованиями; сформулируйте их.

(9) нанайский

[имя собственное] *Polokto* ~ *polokto* + ***ana*** 'семья ⟨товарищи, ...⟩ Полокто'
[имя собственное] *Ideŋke* ~ *ideŋke* + ***ene*** [⟹ *ideŋkene*] 'семья ⟨товарищи, ...⟩ Иденгке'
'кузнец' *tapčimdi* ~ *tapčimdi* + ***ana*** 'семья ⟨товарищи, ...⟩ кузнеца'

Это словообразование со значением коллективности полностью продуктивно: к произвольному имени лица X можно добавить суффикс **-ana/-ene** и получить существительное, обозначающее 'группа близких X-а' (семья X-а, группа людей, занятых вместе с X-ом совместным трудом или путешествующих вместе с X-ом, ...).

Во-вторых, это словообразование$_2$, т. е. семантическое словообразование в слабом смысле, или фразеологизованное словообразование, включающее в себя два крупных подтипа:

– КВАЗИсвободное (или КВАЗИфразеологизованное) словообразование$_2$, отвечающее формуле

'A' = 'B' ⊕ 'C' ⊕ 'x', /A/ = /B/ ⊕ /C/.

Здесь смысл производного$_2$ содержит в себе, помимо двух составляющих смыслов, некий «дополнительный», «непредусмотренный» смысл — в нашей формуле это 'x', который и фразеологизует данное образование целиком. Результатом является морфологическая КВАЗИФРАЗЕМА. Приведем пример:

(10) французский

balayeur = 'работник, основная обязанность которого — подметание' [≈ 'дворник, подметальщик']
'balayeur' = 'balay(-*er*) [= подметать]' ⊕ 'тот, кто' ⊕ 'в порядке своей служебной обязанности'
/balejœr/ = /balej/⊕/œr/⊕/__?

Тот, кто подметает у себя дома или подметает тротуар перед своим домом, — это еще не *balayeur*; точно так же, почтовый служащий, подметающий у себя на почте ради собственного удовольствия или потому, что так велел его начальник, — это не *balayeur*. В знаке **balayeur** содержится семантическая надбавка '... в порядке выполнения своей служебной обязанности'; именно из-за нее он и представляет собой производное$_2$, слегка (= квази)фразеологизованное.

– ПОЛУсвободное (или ПОЛУфразеологизованное) словообразование$_2$, отвечающее формуле

'A' = 'B' ⊕ 'X', /A/ = /B/ ⊕ /C/.

Смысл производного$_2$ в этом случае включает в себя смысл одного из составляющих его знаков (а именно корня), но впридачу к нему и еще некий непредсказуемый смысл, который нельзя связать напрямую с использованным здесь словообразовательным аффиксом, обладающим весьма общим и расплывчатым смыслом. В результате получается морфологическая ПОЛУФРАЗЕМА. Рассмотрим несколько примеров этого явления:

(11) русский

a. электричк(*-а*) = 'электрический пригородный поезд'
'электричка' = 'электрич(-ество)' ⊕ 'пригородный поезд'
электричк(*-а*) = *электрич* ⊕ *к* ['-к' ≈ 'некто или нечто, связанный/связанное с ...']
ветряк = 'ветряной двигатель/ветряная мельница'
'ветряк' = 'вет(е)р' ⊕ 'двигатель/мельница, приводимый/-ая в движение ...'
ветряк = *ветр* ⊕ *як* ['-як' ≈ 'некто или нечто, связанный/связанное с ...']
творожник = 'лепешка из творога'
'творожник' = 'творог' ⊕ 'лепешка из ...'
творожник = *творог* ⊕ *ник* ['-ник' ≈ 'некто или нечто, связанный/связанное с ...']

Производные$_2$ такого рода часто возникают в результате КОМПРЕССИИ словосочетаний:

b. электрический поезд = электричка
ветряная мельница = ветряк
зенитное орудие = зенитка
грузовой автомобиль = грузовик

Полусвободные и квазисвободные производные$_2$ имеют выразительные параллели среди лексических фразем, где — как мы уже видели в Главе IX, **2**, 1, с. 449, — нужно отличать полные идиомы от полусвободных фразем (= полуидиом) и квазисвободных фразем(= квазиидиом).

Третий и последний тип фразеологизованных производных$_2$, а именно полностью фразеологизованные производные$_2$ (= полные морфологические фраземы), рассматривается ниже, под рубрикой 15, с. 494.

Все, что было сказано здесь по поводу словообразования, справедливо и относительно морфологического сложения. Данная рубрика, т. е. рубрика 6, покрывает СВОБОДНОЕ СЛОЖЕНИЕ (= СЛОЖЕНИЕ$_1$), а также КВАЗИСВОБОДНОЕ и ПОЛУСВОБОДНОЕ СЛОЖЕНИЕ$_2$. Мы ограничимся несколькими примерами морфологического сложения.

(12) В немецком наблюдаются сложные лексемы всех трех типов, а именно:

a. Сложение$_1$ (свободное)

Bewohner+*bezeichnung* букв. 'жилец обозначение' = 'обозначение жильца [табличка на двери или на почтовом ящике]'

Genitiv+*form* букв. 'генитив форма' = 'форма генитива'

Fichte+*n*+*knarren* букв. 'сосна скрип' = 'скрип сосен'

b. Квазисвободное (= квазифразеологизованное) сложение$_2$

Hoch+*haus* букв. 'высокий дом' = 'небоскреб'

Feuerfest-Industrie букв. 'огнеупорная промышленность' = 'промышленность по производству огнеупорных материалов'

Сюда можно добавить английские сложения$_2$ типа *blackbird* '(черный) дрозд', поскольку черный дрозд — это все-таки действительно *black* 'черная' и *bird* 'птица'.

c. Полусвободное (= полуфразеологизованное) сложение$_2$

Groß+*tat* букв. 'большое действие' = 'подвиг'

Grund+*wort* букв. 'основное слово' = 'существительное'

Blitz+*zug* букв. 'молния поезд' = 'высокоскоростной поезд'

Соответствующий английский пример — лексема STRAWBERRY 'клубника/земляника': *strawberry* — это и вправду *berry* 'ягода', но она семантически никак не связана с *straw* 'солома'.

(Полностью фразеологизованные сложения$_2$ должны быть отнесены, как мы уже говорили, к рубрике 15, с. 494.)

7. Включение означаемых, обратное (по направлению) включение означающих

Сюда относится явление ОБРАТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, которое мы проиллюстрируем более подробно, чем остальные случаи, с учетом особой важности и относительной новизны этой рубрики. Сюда же следует относить и более редкие случаи — случаи обратного словоизменения (ср. славянские виды и компаратив во многих языках; см. далее, с. 482–483, (vi) и (vii)). Соответствующая формула такова:

$$\boxed{\text{'A'} \supset \text{'B'},\ /\text{A}/ \subset /\text{B}/}$$

(i) Возвратный глагол со значением 'X находится в состоянии A' и соответствующий ему невозвратный глагол со значением 'Y каузирует X-а находиться в состоянии A' = 'Y делает так, чтобы у X-а имело место состояние A':

(13) русский

радоваться	~ *радовать*	*сердиться*	~ *сердить*
пугаться	~ *пугать*	*перемещаться*	~ *перемещать*[4]

Возвратный суффикс **-ся** играет в глаголах левой колонки весьма своеобразную роль: он подавляет семантический компонет ‘каузировать ...’, присутствующий в означаемом соответствующей основы. Это можно представить в формальной записи следующим образом:

$$\left\{\begin{array}{l}\textit{радовать}\\ \text{‘каузировать X-а}\\ \text{пребывать в}\\ \text{состоянии радости’}\end{array}\right\} \oplus \left\{\begin{array}{l}\textit{ся}\\ \text{‘каузировать} \Longrightarrow \mathbf{\Lambda}\text{’}\end{array}\right\} = \left\{\begin{array}{l}\textit{радоваться}\\ \text{‘пребывать в}\\ \text{состоянии радости’}\end{array}\right\}$$

Радоваться, формально производное$_1$ от *радовать*, оказывается при этом проще него по смыслу! Такое бывает в случае аффиксов, имеющих отрицательное, или «вычитательное», означаемое (см. Глава II настоящей части, § 1, **2.5**, пример (5), с. 49 и сл.).

? 31

Похожие отношения наблюдаются в таких парах французских глаголов, как *se fâcher* ‘сердиться’ ~ *fâcher* ‘сердить’, *s’ouvrir* ‘открыться’ ~ *ouvrir* ‘открыть’, *se marier* ‘жениться’ ~ *marier* ‘женить’, и многих других.

1) Верно ли, что эти глаголы тоже относятся именно к этой рубрике?
2) В чем состоит принципиальная разница (с точки зрения настоящей книги) между французскими *se fâcher* ~ *fâcher* и русскими *сердиться* ~ *сердить*?

(ii) Отадъективное существительное, т. е. существительное, образованное от основы прилагательного путем прибавления некоторого суффикса, которое означает ‘физическое измерение X’, и соответствующее исходное прилагательное (= формально более простое), которое означает ‘имеющий большую величину ⟨имеющий значение Y⟩ в измерении X’:

(14) французский

‘высота’	*hauteur*	~ *haut*	‘высокий’
‘ширина’	*largeur*	~ *large*	‘широкий’
‘длина’	*longueur*	~ *long*	‘длинный’
‘глубина’	*profondeur*	~ *profond*	‘глубокий’
‘толщина’	*épaisseur*	~ *épais*	‘толстый’
‘скорость, быстрота’	*vitesse*	~ *vite*	‘быстрый’

['haut' = 'высокий' = 'имеющий большую высоту [= hauteur]'; 'haut de 2 mètres' = 'имеющий высоту [= hauteur] 2 метра'].

(iii) Отсубстантивный глагол (т. е. образованный от существительного: по поводу терминологии см. Часть вторая [том 2], Глава IV, § 1, с. 375–376) со значением 'делать А' и соответствующее формально исходное существительное, означающее 'лицо, которое делает А':

(15) русский

*бродяж**нича**(-ть)* ~ *бродяг(-а)*
*попрошай**нича**(-ть)* ~ *попрошайк(-а)*
*фигляр**нича**(-ть)* ~ *фигляр*
(Означаемое в таких парах анализировалось выше — см. с. 464 и сл.)

(iv) Отглагольное прилагательное со значением 'в состоянии А' и соответствующий исходный глагол, означающий 'каузировать быть в состоянии А' = 'приводить в состояние А':

(16) французский

'соленый' *salé* ~ *sal(-er)* '(по)солить'
[*lac salé* 'соленое озеро']

'сладкий' *sucré* ~ *sucr(-er)* 'сластить'
[*fruit sucré* 'сладкий фрукт']

'содержащий опиум, с опиумом' *opiacé* ~ *opiac(-er)* 'добавлять опиум'
[*odeur opiacée* 'опиумный запах']

'убежденный' *convainc**u*** ~ *convainc(-re)* 'убедить'

['saler' = 'каузировать быть соленым [= salé]'; ср. полисемию *salé1* 'содержащий соль' = 'соленый' и *salé2* 'который был посолен', т. е. причастие прошедшего времени от *saler* '(по)солить']

(v) Отсубстантивное существительное со значением 'система взглядов ⟨философия, религия, наука⟩ А' и соответствующее исходное существительное, означающее 'лицо, придерживающееся А ⟨занимающееся А⟩':

(17) французский

'либерализм'	*libéral**isme***	~ *libéral*	'либерал'
'республиканизм'	*républicain**isme***	~ *républicain*	'республиканец'
'католицизм'	*catholic**isme***	~ *catholique*	'католик'
'лингвистика'	*linguist**ique***	~ *linguiste*	'лингвист'
'география'	*géograph**ie***	~ *géographe*	'географ'
'геология'	*géolog**ie***	~ *géologue*	'геолог'

Теперь мы приведем два примера обратного словоизменения.

(vi) В русском имеются пары глаголов, очень близких по смыслу, фактически — квазисинонимов; семантическое соотношение между совершенным и несовершенным видом в этих парах всегда одно и то же, т.е. означаемое форм одного вида всегда сложнее, чем означаемое форм другого вида (какого именно — здесь несущественно). В то же время с точки зрения означающего иногда сложнее глагол одного вида, а иногда другого; в примерах добавочную морфу мы выделяем жирным шрифтом. Сравните:

(18) русский

совершенный вид	несовершенный вид
про + *демонстриров*(*-ать*)	*демонстриров*(*-ать*)
vs.	
показ(*-ать*)	*показ* + ***ыв***(*-ать*)
про + *анализиров*(*-ать*)	*анализиров*(*-ать*)
vs.	
рассмотр(*-еть*)	*рассматр* + ***ив***(*-ать*)
по + *став*(*-ить*)	*став*(*-ить*)
vs.	
вста(*-ть*)	*вста* + ***ва***(*-ть*)

(vii) Некоторые компаративы, формально образованные от основ положительной степени, по смыслу проще, чем эта положительная степень:

(19) английский

heavi + ***er*** 'тяжелее' ~ *heavy* 'тяжелый' = 'тяжелее нормы'
long + ***er*** 'длиннее' ~ *long* 'длинный' = 'длиннее нормы'
tall + ***er*** 'выше' ~ *tall* 'высокий' = 'выше нормы'[5]

См. Часть вторая [том 2], Глава II, § 3, пример (36), с. 121, где приводится более подробный анализ возможных соотношений между сравнительной и положительной степенью.

8. Включение означаемых, непустое пересечение означающих

Формулой

$$\boxed{\text{`A'} \supset \text{`B'},\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ \neq \mathbf{\Lambda}}$$

покрываются некоторые особые случаи РАДИАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (от одного корня), а также некоторые особые случаи СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ. Вот несколько примеров.

Радиальное словообразование

(20) английский

use + ***ful*** 'полезный' ~ *use* + ***less*** 'бесполезный'
care + ***ful*** 'тщательный' ~ *care* + ***less*** 'небрежный'
doubt + ***ful*** 'сомнительный' ~ *doubt* + ***less*** 'несомненный'

(21) русский

при + *вык*(*-ать*) ~ ***от*** + *вык*(*-ать*)
об + *ув* (*-ать*) ~ ***раз*** + *ув* (*-ать*)
за + *пир*(*-ать*) ~ ***от*** + *пир*(*-ать*)

Заметим, что для того, чтобы могло совершиться действие, обозначаемое глаголом справа, должно сначала совершиться действие, обозначаемое глаголом слева: чтобы от чего-нибудь ***от*** + *вык*(*-ать*), надо сначала к этому ***при*** + *вык*(*-ать*), и т. д. Это доказывает, что семантически глаголы из правой колонки включают в себя глаголы из левой колонки. В этом можно убедиться также, если произвести семантическое разложение соответствующих означаемых:

привык(*-ать*) 'начать иметь обыкновение [делать что-л.]'

vs.

отвык (*-ать*) 'начать НЕ иметь обыкновения [делать что-л.]'

(Добавочный семантический компонент в 'отвыкать' — отрицание — выделен прописными буквами.)

То же самое верно и для остальных приведенных глаголов.

NB: Заметим, что в (20) и (21) представлены пары ***антонимов***, в данном случае — словообразовательных антонимов. Мы еще раз столкнемся с антонимами в рубрике 9.

(22) французский

fasc + ***isme*** 'фашизм' ~ *fasc* + ***iste*** 'сторонник фашизма'
marx + ***isme*** 'марксизм' ~ *marx* + ***iste*** 'сторонник марксизма'
trotsk + ***isme*** 'троцкизм' ~ *trotsk* + ***iste*** 'сторонник троцкизма'

Радиальное словоизменение

Степени сравнения некоторых прилагательных в санскрите и в польском характеризуются таким же соотношением означаемых и означающих:

(23) санскрит

	положительная степень	сравнительная степень
'острый'	*tig* + ***má***	*téj* + ***īyas*** /téǰījas/
'сильный'	*tu* + ***rá***	*táv* + ***īyas***
'широкий'	*ur* + ***ú***	*vár* + ***īyas***

В каждой паре **tig** ~ **tej**, **tu** ~ **tav** и **ur** ~ **var** оба знака являются алломорфами одной морфемы: они распределены в зависимости от места ударения и качества начальной согласной в последующей морфе и выбираются автоматически. Это дает нам право отождествлять их и усматривать в парах **tigmá** ~ **téjīyas** и т. п. формальное пересечение.

(24) польский

	положительная степень	сравнительная степень	
'далекий'	*dal* + ***ek***(*-i*)	*dal* + ***sz***(*-y*)	/dál′ši/
'широкий'	*szer* + ***ok***(*-i*)	*szer* + ***sz***(*-y*)	/šérši/
'глубокий'	*głęb* + ***ok***(*-i*)	*głęb* + ***sz***(*-y*)	/glénpši/

Семантическое включение 'положительная степень' ⊃ 'сравнительная степень' устанавливается аналогично случаю (vii) в рубрике 7, с. 483.

В примерах данной рубрики часто встречаются ***связанные*** корни (Глава II настоящей части § 5, 4, Определение V.39, с. 273), вроде трех русских корней в (21) — **вык-**, **ув-** и **пир-** [из *запирать*] — или других корней, которые вообще-то могут и не быть связанными, но при словообразовании или в парадигме$_1$, которые нас интересуют, не могут выступать без того или иного словообразовательного суффикса.

9. Включение означаемых, дизъюнкция означающих

Формуле

$$\boxed{\text{'A'} \supset \text{'B'},\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ = \mathbf{\Lambda}}$$

отвечают два типа языковых явлений — в зависимости от того, является ли семантическая разность 'A' – 'B' = 'C' грамматической или нет.

Во-первых, если семантическая разность 'C' является грамматической, перед нами — СУППЛЕТИВИЗМ: словоизменительный, если 'C' — граммема, или словообразовательный, если 'C' — дериватема.

Словоизменительный супплетивизм

(25) французский

êt (*-re*) 'быть' ~ **suis** '[я] есть' **êt** ~ **fu**(*-s*) '[я] был'
av(*-oir*) 'иметь' ~ **ai** /ɛ/ '[я] имею' **av** ~ **a** '[он] имеет'
или **av** ~ **eu** /ü/ 'иметь, ПРИЧ.ПРОШ'

См. также Главу VIII, (15d), с. 432.

Словообразовательный супплетивизм

(26) **а.** французский 'один' **un** ~ **premier** 'первый'
(ср. [*vingt-et-*]*unième* '[двадцать] первый')

русский **четыре** ~ **сорок**
английский 'один' **one** ~ **eleven** 'одиннадцать'

b. русский
стир(*-ать*) ~ **прачк**(*-а*)
леч (*-ить*) ~ **врач**
казн(*-ить*) ~ **палач**

Внимание: в случаях супплетивизма, проиллюстрированных примерами (25) и (26a), знаки, находящиеся в отношении супплетивизма, не являются алломорфами одной морфемы. Один из них является морфой морфемы $\{\mathcal{M}\}$, а другой представляет собой ***сильную мегаморфу***, в которой выражена морфема $\{\mathcal{M}\}$ плюс еще другая морфема $\{\mathcal{M}'\}$. Так, например, относительно примера с французскими *un* ~ *premier* это выглядит так:

$$\{\text{UN}\} \Longleftrightarrow \textbf{un}$$
$$\{\text{UN}\} \oplus \{\text{-IÈME}\} \Longleftrightarrow \textbf{premier}$$

Дополнительные примеры супплетивизма можно найти в Главе VIII: среди разных типов супплетивизма пример (25) представляет тип 2 (с. 431), пример (26a) — тип 7 (с. 436), а пример (26b) — тип 6 (с. 435).

Во-вторых, если семантическая разность 'C' между знаками **A** и **B** не является грамматической, указанная формула задает либо отношение ГИПОНИМИИ, либо отношение АНТОНИМИИ между знаками **A** и **B**.

Лексическая гипонимия

Лексема **A** обозначает конкретный вид того рода сущностей/фактов, которые обозначаются лексемой **B**; например:

(27) французский

лексема **B**		лексема **A**	
aider	'помогать'	~ **seconder**	'содействовать'
disputer	'оспаривать'	~ **rivaliser**	'состязаться'
mourir	'умереть'	~ **périr**	'погибнуть'
véhicule	'средство передвижения'	~ **voiture**	'[авто]машина'
fruit	'фрукт'	~ **poire**	'груша'
meuble	'мебель'	~ **lit**	'кровать'

Такое соотношение часто называют также ВКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ КВАЗИСИНОНИМИЕЙ; словари синонимов изобилуют рядами лексем, соотносящихся между собой таким образом. Например:

PARTIE 'часть':
~ *portion* '[доля, порция =] специально и заметным образом отделенная часть чего-л.'

~ *morceau* '[кусок =] часть твердого тела, не представляющая сама по себе чего-л. целого'
~ *tranche* '[ломоть, ломтик =] тонко отрезанный кусок'
~ *pièce* '[часть, деталь =] часть целого, сама по себе представляющая некое целое'
~ ...

[M. Bénac, *Dictionnaire des synonymes*, 1956, Paris: Hachette.]

Другой тип квазисинонимии — пересекающаяся квазисинонимия — будет рассмотрен дальше, в рубрике 13, с. 490.

Единственный способ, который позволяет более точно определить понятие квазисинонимии, т. е. успешно отличать квазисинонимы от других родственных по смыслу лексем, — это, как нам кажется, подстановка в контексте. В отличие от точных синонимов, у которых тождество означаемых есть чисто семантический факт, так что их поведение в тексте несущественно, для квазисинонимов критерий подставимости играет принципиальную роль. Мы будем говорить, что две лексемы — L_1 и L_2 (с разными означающими), у которых означаемые, не будучи тождественными, обладают общими нетривиальными семантическими компонентами, являются *квазисинонимами*, если семантическая разница между L_1 и L_2 может быть нейтрализована в некоторых контекстах; другими словами, если L_1 и L_2 могут быть подставлены одна вместо другой без изменения смысла хотя бы в каких-то контекстах. (Более глубокое обсуждение квазисинонимии увело бы нас слишком далеко.)

Лексическая антонимия

В означаемом лексемы **A** содержится означаемое лексемы **B** плюс отрицание[6]:

(28) французский

autoriser 'разрешать' ≈ 'говорить, что согласен, чтобы ...' ~
interdire 'запрещать' ≈ 'говорить, что **не** согласен, чтобы ...'

entrer dans Y 'входить в Y' ≈ 'каузировать себя находиться в Y' ~
sortir de Y 'выходить из Y' ≈ 'каузировать себя **не** находиться в Y'

mouillé 'мокрый, ≈ 'такой, который содержит в себе жидкость' ~
sec 'сухой' ≈ 'такой, который **не** содержит в себе жидкости'

toujours Y 'всегда Y' ≈ 'в каждый момент времени [делать] Y' ~
jamais Y 'никогда [не] Y' ≈ 'в каждый момент времени **не** [делать] Y'

10. Непустое пересечение означаемых, тождество означающих

Здесь перед нами случай ПОЛИСЕМИИ С ПЕРЕСЕЧЕНИЕМ:

$$\boxed{\text{‘A’} \cap \text{‘B’} \neq \mathbf{\Lambda},\ /\text{A}/ = /\text{B}/}$$

Для этого случая мы можем привести всего лишь два отдельных примера:
фр. **louer^{2}I** ‘сдавать внаем’ ~ **louer^{2}II** ‘брать внаем’;
рус. **мина^{1}1** ‘спрятанное взрывное устройство...’ ~ **мина^{1}2** ‘снаряд [= взрывное устройство...], выпускаемый из миномета’.

Мы абстрагируемся здесь от очень важной проблемы: каков должен быть «размер» семантического компонента, общего для двух означаемых, чтобы его «хватало» для утверждения о том, что данные два знака находятся в отношении полисемии, а не в отношении омонимии? Трудность состоит в том, что практически в любой паре лексем всегда можно найти КАКИЕ-НИБУДЬ общие семантические компоненты, см. ниже, рубрика 14, с. 492.

11. Непустое пересечение означаемых, включение означающих

Это случай ЭКВИПОЛЕНТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ИЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С ДВУМЯ МАРКИРОВАННЫМИ ЧЛЕНАМИ:

$$\boxed{\text{‘A’} \cap \text{‘B’} \neq \mathbf{\Lambda},\ /\text{A}/ \supset /\text{B}/}$$

Здесь означаемое производной основы не полностью включает в себя означаемое исходной основы, а имеет с ним и общие, и различающиеся компоненты. Например:

(29) **а.** русский

грузин	‘мужчина грузинской национальности’	~ *грузин* + **ка**(*-а*)	‘женщина грузинской национальности’
москвич	‘житель Москвы [мужского пола]’	~ *москвич* + **ка**(*-а*)	‘жительница Москвы’
пионер	‘член пионерской организации [мальчик]’	~ *пионер* + **ка**(*-а*)	‘девочка-пионер’
монах	‘религиозный мужчина, ведущий аскетическую жизнь вне мира...’	~ *монашка*	‘религиозная женщина, ведущая аскетическую жизнь вне мира...’

Здесь семантическими компонентами, которыми различаются пары означаемых, являются ‘мужской пол’ vs. ‘женский пол’. Исходное существитель-

ное обозначает мужчину, а производное — женщину; означаемое суффикса — дериватема 'женский пол' — ЗАМЕЩАЕТ часть означаемого основы (вместо того чтобы прибавляться к нему): в этом и состоит специфическая особенность данного типа словообразования.

b. Имеется еще несколько разрозненных примеров подобного рода:

русский *дур* (*-а*) ~ *дур* + ***ак***
вдов(*-а*) ~ *вдов* + ***ец***
английский *widow* 'вдова' ~ *widow* + ***er*** 'вдовец'

В русском языке названия лиц женского пола не всегда образуются подобным образом: во многих случаях исходное существительное вообще не маркировано по полу — это значит, что оно просто обозначает лицо без уточнения его пола. Так, *преподаватель* или *лектор* вовсе не означают, что речь идет именно о мужчине; вполне можно сказать *Она прекрасный преподаватель* (*лектор*). В таком случае *преподаватель* + ***ниц***(*-а*) или *лектор* + ***ш***(*-а*) будут служить примерами вполне обычного, «аддитивного» словообразования$_1$, когда дериватема просто прибавляется к означаемому основы: см. рубрику 6, с. 476[7].

Заметим, что реальная ситуация еще сложнее: во множественном числе у некоторых (но не у всех) существительных противопоставление по полу нейтрализуется: ср. фразу *Его окружили студенты*, которая вполне может быть употреблена и в том случае, если среди студентов были женщины. (В единственном же числе слово СТУДЕНТ к женщине применено быть не может: **Аня уже давно студент* [надо *студентка*].)

12. Непустое пересечение означаемых, непустое пересечение означающих

Формулой

$$\boxed{\text{`A'} \cap \text{`B'} \neq \Lambda,\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ \neq \Lambda}$$

покрываются случаи КОДЕРИВАЦИИ$_1$ (= два семантических производных$_1$, образованных от одной основы) и случаи двух СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫХ ФОРМ одной лексемы (= из одной парадигмы$_1$), выражающих разные семантические граммемы.

Кодеривация$_1$

(30) a. украинский
кач + ***к***(*-а*) 'утка [самка]' ~ *кач* + ***ур*** 'селезень'

b. русский
ленинград + ***ец*** ~ *ленинград* + ***к***(*-а*)
берлин + ***ец*** ~ *берлин* + ***к***(*-а*)

[наименование жителя мужского пола *vs.* наименование жителя женского пола]

дом + ***ик*** ~ *дом* + ***ищ***(-*е*)
руч + ***к***(-*а*) ~ *руч* + ***ищ***(-*а*)
[диминутивное *vs.* аугментативное образование]

Противопоставленные словоизменительные формы

(31) эсперанто (спряжение глаголов)

	настоящее	прошедшее	будущее
'сидеть'	*sid* + ***as***	*sid* + ***is***	*sid* + ***os***
'вычислять'	*kalkul* + ***as***	*kalkul* + ***is***	*kalkul* + ***os***
'заявлять'	*deklar* + ***as***	*deklar* + ***is***	*deklar* + ***os***

(32) латинский (склонение существительных)

	ед. ч.	мн. ч.	
'прислужник'	*famul* + ***us***	*famul* + ***ī***	[номинатив]
'кирпич'	*later* + ***is***	*later* + ***um***	[генитив]
'поле'	*agr* + ***o***	*agr* + ***is***	[датив]

13. Непустое пересечение означаемых, дизъюнкция означающих

Так же как и в случае включения означаемых при дизъюнктивных означающих (рубрика 9, с. 485), формулой

$$\boxed{\text{‘A’} \cap \text{‘B’} \neq \mathbf{\Lambda},\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ = \mathbf{\Lambda}}$$

где ‘A’ = ‘C’ + ‘x’ и ‘B’ = ‘C’ + ‘y’, ‘x’ ≠ ‘y’, описываются два разных явления в зависимости от того, являются ли «добавки» ‘x’ и ‘y’ грамматическими или нет.

Если «добавки» ‘x’ и ‘y’ являются грамматическими, перед нами СУППЛЕТИВИЗМ: либо СУППЛЕТИВНЫЕ КОДЕРИВАТЫ (рус. *жеребец* ~ *кобыла*, и то же самое в английском: *stallion* ~ *mare* — и во французском: *étalon* ~ *jument*), либо СУППЛЕТИВНЫЕ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ одной лексемы при наличии между ними семантического противопоставления: например, фр. *es* ‘быть, НАСТ. ИНД., 2ЕД’ ~ *sois!* ‘быть, ИМПЕР, 2ЕД’ и т. п. (см. Глава VIII, **3**, 2, с. 432 и сл.).

Если «добавки» ‘x’ и ‘y’ не являются грамматическими, данная формула может покрывать либо особый тип СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ, а именно отношения между лексемами, обозначающими разные виды одного и того же рода, либо особый тип АНТОНИМИИ, отличный от того, с которым мы уже имели дело раньше.

Разные виды одного рода

(33) французский

Для VÊTEMENT 'одежда':

veste2 'куртка' = 'короткая одежда...'
frac 'фрак' = 'черная одежда для особых церемоний...'
pull-over 'свитер' = 'одежда из трикотажа/вязаная...'
redingote 'редингот' = 'старинная длинная одежда...'
и т. п.

Или для ROUGE 'красный':

carmin 'карминный'
garance 'мареновый, красный'
corail 'коралловый'
incarnat 'алый, румяный'
cramoisi 'багровый'
vermeil 'румяный, алый, червонный'
écarlate 'алый, пунцовый'
и т. п.
(нюансы и оттенки красного цвета).

Здесь встречается много ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ КВАЗИСИНОНИМОВ. Так, в переносном смысле *champ de bataille* 'поле сражения' обозначает 'область, где происходит столкновение интересов частных лиц или государств', а *arène* 'арена' = 'область, где происходит какая-то публичная деятельность' [*L'université est devenue l'arène de plusieurs manifestations syndicales* 'Университет стал ареной многих профсоюзных выступлений']; *revivre* 'ожить, прийти в себя' = 'вернуться к жизни после возникших было признаков смерти' и *ressusciter* 'ожить, воскреснуть' = 'вернуться к жизни после смерти' и т. п.

Антонимы (типа 'больше' vs. 'меньше')

(34) французский

chaud 'горячий' = 'температура больше нормы' ~
froid 'холодный' = 'температура меньше нормы'

cher 'дорогой' = 'цена больше нормы' ~
bon marché 'дешевый' = 'цена меньше нормы'

loin 'далеко' = 'расстояние больше нормы' ~
près 'близко' = 'расстояние меньше нормы'

Общие и различные семантические компоненты здесь хорошо видны.

Следующие три типа формально-смысловых отношений между знаками соответствуют омонимии в разных ее частных проявлениях; поэтому их лингвистический интерес невысок.

14. Дизъюнкция означаемых, тождество означающих

Здесь речь идет просто об омонимии двух знаков:

$$\boxed{\text{‘A’} \cap \text{‘B’} = \Lambda,\ /\text{A}/ = /\text{B}/}$$

Примеры встречаются на каждом шагу: фр. AIR[1] ‘воздух’, AIR[2] ‘вид, наружность’, AIR[3] ‘ария, мотив’, ÈRE ‘эра’, ERRES ‘следы животного [на которого охотятся]’, AIRE ‘зона, площадка’, HAIRE ‘власяница’, HÈRE[1] ‘бедняга’, HÈRE[2] ‘молодой олень’, ERR(*-er*) ‘блуждать’; у корневых морф всех лексем, принадлежащих к этим вокабулам, одно и то же означающее — /ɛr/, при том что между их означаемыми нет ничего общего.

Здесь мы должны сделать три важных замечания по поводу проблем, возникающих в связи с омонимией:

– Омонимия *vs.* полисемия.

– Необходимость опоры на конкретное семантическое описание при рассмотрении омонимии.

– Что такое нетривиальный общий семантический компонент?

1) Омонимия *vs.* полисемия

Мы предлагаем некий точный критерий отграничения омонимии от полисемии, в котором формализуется — довольно банальным, впрочем, образом — общеизвестная и повсеместно принимаемая точка зрения:

> Два знака находятся в отношении *омонимии* тогда, и только тогда, когда у их означаемых нет ни одного нетривиального общего компонента; если у их означаемых есть нетривиальные общие компоненты (но означаемые при этом нетождественны), то такие знаки находятся в отношении *полисемии.*

Отсюда следует, в частности, что если лексикограф хочет поместить какие-либо две лексемы L_1 и L_2 в одну вокабулу — поскольку он усматривает между L_1 и L_2 отношение полисемии, основываясь на своем интуитивном восприятии этих двух означаемых, — то тогда он должен обеспечить в толкованиях лексем L_1 и L_2 эксплицитное присутствие общего семантического компонента. (Это принцип ***семантического моста***, см. Mel’čuk 1988b: 32.)

2) Необходимость опоры на конкретное семантическое описание при рассмотрении омонимии

Утверждение «Означаемые 'A' и 'B' не имеют между собой ничего общего, т. е. ни одного нетривиального общего компонента» имеет смысл только при условии, что у нас фиксированы некоторые семантические описания означаемых 'A' и 'B'. Разумеется, любое утверждение на тему о каких бы то ни было означаемых должно непременно зиждиться на определенном семантическом описании, построенном заранее и принятом в качестве постулата. Именно в области омонимии этот момент приобретает особо важное значение. Сравним, к примеру, французские глаголы *pénétrer**II.1*** ['пронизывать' = 'проходить через...'] (*La lumiere de la lampe pénétrait le rideau trop leger* 'Свет лампы пронизывал слишком тонкую занавеску') и *pénétrer**II.4*** ['постигать, проницать' = 'добиться доскональности знания или понимания'] (*pénétrer les intensions de quelqu'un* 'проникнуть в чьи-л. намерения'), как они представлены в словаре *Petit Robert* (1981: 1393). Если взять эти определения буквально, т. е. в том виде, как они были только что приведены, получается, что у этих двух знаков в означаемых нет никаких общих компонентов, в силу чего они должны быть признаны омонимами. Стоит, однако, несколько изменить второе толкование — например, так: 'X-у удалось досконально узнать или понять Y — как если бы Y был некоторой поверхностью, которую X пронизал [= *pénétrer**II.1***] своим умом', — и получается, что означаемое глагола *pénétrer**II.4*** включает в себя означаемое глагола *pénétrer**II.1***; тем самым, оказывается формально выраженным интуитивное ощущение, что второе *pénétrer* представляет собой некоторое фигуральное использование — т. е. метафору — первого. Формулировка лексикографического толкования (или, шире, описания означаемых) осуществляется отнюдь не произвольно: она подчиняется строгим принципам и может контролироваться объективными тестами, рассматривать которые здесь мы не имеем возможности (ср. приводившиеся ранее замечания на тему семантических описаний; см. также Mel'čuk 1988b и Mel'čuk et al. 1995: **3.3.1.3**, с. 78 и сл.). Отметим только (в который раз!), что лишь хорошие семантические описания могут служить надежной базой всякого лингвистического анализа.

3) Что такое нетривиальный общий семантический компонент?

Каков должен быть «вес» семантического компонента, общего у двух означаемых, для того чтобы его можно было счесть нетривиальным и существенным? Сложность состоит в том, что практически в любых двух означаемых могут быть обнаружены общие, достаточно абстрактные компоненты. Возьмем, к примеру, компонент 'каузировать': он присутствует в столь разных по смыслу означаемых, как фр. 'clouer' [= 'прибивать (гвоздями)'] и 'père' [= 'отец'], ср.:

'clouer Y' ≈ '**закреплять** Y гвоздями',

где ‘закреплять Y’ ≈ ‘**каузировать** Y находиться в прочной позиции...’

и

‘père Y-a’ ≈ ‘мужчина, который **каузировал** мать Y-а родить Y-а’.

Разумеется, мы не хотели бы говорить, что у означаемых ‘прибивать’ и ‘отец’ есть нетривиальные общие семантические компоненты; другими словами, мы хотим уметь игнорировать не относящиеся к делу компоненты. Однако определить, что такое ‘нетривиальные’ компоненты, оказывается не так легко. Возможно, это должны быть какие-то более важные компоненты, чем элементарные смыслы (такие как ‘каузировать’, ‘предмет’, ‘информация’, ‘цель’, ‘не’, ...), и их следует дать списком. Кроме того, похоже, что относительная важность семантического компонента может быть обусловлена его СТРУКТУРНОЙ ПОЗИЦИЕЙ в составе толкования. Но здесь мы вынуждены остановиться, чтобы не уйти слишком далеко в сторону от нашей основной темы. (Ср. примечание 5 в Главе I Части первой [том 1], с. 105.)

15. Дизъюнкция означаемых, включение означающих

Формуле

$$\boxed{\text{‘A’} \cap \text{‘B’} = \mathbf{\Lambda},\ /\text{A}/ \supset /\text{B}/}$$

соответствуют ПОЛНОСТЬЮ ФРАЗЕОЛОГИЗОВАННЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ$_2$ и СЛОЖНЫЕ$_2$ образования (= полные морфологические фраземы):

(35) русский
бель(*-е*) ~ *бел*(*-ый*),
где означающее основы /b′el′j/ представимо в терминах двух означающих: /b′el/ тождественно означающему основы прилагательного **бел**(*-ый*), а /j/—собирательному суффиксу со значением ‘множество X-ов’ (однако же означаемое этой основы не представимо в терминах означаемых этих двух знаков: ‘белье’—это вовсе не ‘множество белых предметов’, поскольку, в частности, белье бывает цветным).

(36) немецкий
Hochzeit ‘свадьба’ [букв. ‘высокое время’], где означающее представимо в терминах означающих, тождественных с означающими знаков **hoch** ‘высокий’ и **Zeit** ‘время’, чего нельзя сказать об означаемом.

Означаемые знаков **бель**(*-е*) и **бел**(*-ый*), ***Hochzeit*** и ***hoch*** + ***Zeit*** не имеют между собой ничего общего; это знаки, КВАЗИпредставимые по означающему (см. Часть первая [том 1], Глава III, § 2, **3.2**, с. 143).

Следует отметить, что тождество означающих типа тех, которые представлены в (35) и (36), рассматривается как некий весьма специальный случай. Для нас *бел-* в *белье* это ***субморфа***, совпадающая с означающим морфы

бел- в *белый*. Аналогично, *hoch* в *Hochzeit* 'свадьба' представляет собой субморфу, идентичную означающему морфы **hoch** 'высокий'.

16. Дизъюнкция означаемых, непустое пересечение означающих

Под этой рубрикой с формулой

$$\boxed{\text{`A'} \cap \text{`B'} = \Lambda,\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ \neq \Lambda}$$

мы находим еще два специальных случая ОМОНИМИИ.

Во-первых, это производные с разными аффиксами, образованные от омонимичных корневых морф:

(37) русский

мир+**н**(*-ый*) от **мир**^{1} [= 'отсутствие войны']

vs.

мир+**ов**(*-ой*) от **мир**^{2} [= 'Вселенная/Земля/свет']

свет+**ов**(*-ой*) от **свет**^{1} [≈ 'освещение']

vs.

свет+**ск**(*-ий*) от **свет**^{2} [≈ 'высшее общество']

Во-вторых, это фразеологизованные кодериваты$_2$ от одного корня:

(38) русский

*ветр***як** от *ветер* vs. *ветр***янк**(*-а*) от *ветер*

Основы, приведенные в (38), представляют собой квазиморфы; знаки, из которых они состоят, — это субморфы.

Нетрудно найти и фразеологизованные сложные$_2$ основы того же типа:

(39) английский

bull+***dog*** 'бульдог', от *bull* 'бык' и *dog* 'собака'

vs.

bull+***frog*** 'разновидность большой лягушки', от *bull* и *frog* 'лягушка'.

Отметим, что сложные$_2$ лексемы, приведенные в (39), представляют собой морфологические полуидиомы, т. е. квазиморфы, а их составные части — так же как и в (38) — суть субморфы.

17. Дизъюнкция означаемых, дизъюнкция означающих

Полное отсутствие общих элементов между двумя знаками, описываемое формулой

$$\boxed{\text{`A'} \cap \text{`B'} = \Lambda,\ /\text{A}/ \cap /\text{B}/ = \Lambda}$$

характеризует два знака, ничем не связанных друг с другом, вроде фр. **ruban** 'лента' и **chatouiller** 'щекотать' или **avec** 'с' и **dialectique** 'диалектический'. Этот случай лингвистически неинтересен.

*
* *

На описании 17 типов формально-смысловых отношений между знаками наше исследование морфологических знаков естественным образом заканчивается. В этом обзоре перед нами прошли такие фундаментальные отношения, как производность и морфологическое сложение, супплетивизм и фразеологизация, синонимия, омонимия и полисемия; для них были выделены и охарактеризованы важные подклассы. Эти отношения как бы задают некую решетку систематизации, позволяющую установить «правильное» отношение между двумя произвольными знаками, чем обеспечивается их лучшее понимание.

Теперь мы можем перейти к следующему пласту нашего изложения: к теории и практике ФОРМАЛЬНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ. Именно там найдут свое настоящее применение введенные понятия. Морфологическими моделями мы займемся в Части шестой КОМ-а [том 5].

Примечания

[1] (**3**, 2, с. 470). Хотя французский суффикс-адвербиализатор **-ment** не выражает никакого смысла, его все-таки нельзя считать пустым$_2$. А именно: его означаемое не пусто, поскольку оно содержит указание на ту синтаксическую роль, которую производная$_1$ словоформа играет во фразе:

-ment = ⟨'Adv$_0$'; /mã/; Σ = Adj, жен, ... [N, муж, ...]⟩

Adv$_0$ — это символ лексической функции, задающей для исходной лексемы L производные$_1$ от нее наречия, имеющие тот же самый смысл, что и L.

По этой причине **-ment** не затрагивает означаемое исходной основы. То же верно и для «чисто» номинализующих суффиксов в русском, английском, французском и т. п. (= суффиксов, образующих производное$_1$ имя действия).

NB: Разумеется, субстантивирующий суффикс вроде французского **-ment** (омонимичного адвербиализирующему **-ment**) вносит существенный вклад в синтактику производной$_1$ лексемы. В частности, лексема, образованная$_1$ при помощи этого **-ment**, является именем существительным мужского рода, с определенным типом склонения, и т. п. Все подобные сведения хранятся в особом отделе синтактики суффикса — ее так называемом *вспомогательном* отделе (в нашем примере этот отдел заключен в квадратные скобки).

[2] (**3**, 4 с. 472). Стандартные сокращения мы считаем синонимами тех выражений, которые они сокращают: *US* /júés/ — синоним для *United States* 'Соединенные Штаты' и т. д. Ясно, что это синонимы весьма специфические, но здесь мы не можем заниматься этой проблемой во всей ее полноте.

[3] (**3**, 4, (iv), с. 475). Дополнительное распределение синонимичных выражений как раз и лежит в основе понятия ***лексической функции***, которое уже неоднократно привлекалось к рассмотрению; ср. Часть первая [том 1], Глава II, § 1, **4.2**, 4, с. 113–114.

[4] (**3**, 7, пример (13), с. 481). Подобное явление наблюдается и в других языках, даже типологически достаточно далеких от русского. Так, в венгерском мы находим: *kever*+***ed*** 'смешиваться' ~ *kever* 'смешивать'; *old*+***ód*** 'растворяться' ~ *old* 'растворять' и т. п. Впрочем, в некоторых других языках, напротив, ощущается явное сопротивление словообразованию в обратном направлении, по крайней мере в области глагольного словообразования. Например, в турецком глагол, означающий 'каузировать А', всегда формально сложнее, чем глагол, означающий просто 'А': *karış* 'смешиваться' ~ *karış*+***tır*** 'смешивать'; *kudur* 'гневаться' ~ *kudur*+***t*** 'гневить' и т. п. В английском тоже практически не встречаются корреляции типа 'сердиться' ~ 'сердить': сравните *be angry* 'быть сердитым' ~ *make angry* букв. 'делать сердитым' или *mix* непереходное [*Wine and water mix* 'Вино и вода смешиваются'] ~ *mix* переходное [*Mix wine and water!* 'Смешайте вино и воду!'].

[5] (**3**, 7, пример (19), с. 483). Насколько нам известно, первым лингвистом, установившим обратное семантическое отношение между сравнительной и положительной степенью для некоторых прилагательных, был Э. Сепир (Sapir 1944); в наше время этот анализ был повторен Ч. Филмором (Fillmore 1965: 64–65). Доказательством семантического вложения 'Положительная степень' ⊃ 'Сравнительная степень' (но только для некоторых прилагательных!) является то, что положительная степень имплицирует сравнительную, но не наоборот: из

(i) *John is strong* 'Джон сильный'

следует, что 'Джон сильнее, чем средний человек его возраста, его телосложения и т. п.', в то время как из

(ii) *John is stronger than Bill* 'Джон сильнее Билла'

не следует, что 'Джон сильный': и Джон, и Билл могут быть оба очень слабыми, что, однако, не препятствует тому, чтобы Джон был сильнее Билла.

Из того, что

(iii) *John became strong* 'Джон стал сильным'

вытекает, что 'Джон стал сильнее, чем он был раньше', в то время как из того, что

(iv) *John became stronger* 'Джон стал сильнее'

еще не вытекает, что он стал сильным: он мог все еще оставаться слабым.

[6] (**3**, 9, пример (28), с. 487). Мы приводим здесь только один тип антонимов, хотя их существует несколько; но эта тема выходит за рамки КОМ-а. Об антонимии вообще см., прежде всего, Апресян 1974: 284 и сл., и — из более поздних работ — Lehrer 1985.

[7] (**3**, 11, в самом конце рубрики, с. 489). То, что происходит с «заместительными» дериватемами, очень похоже на то, что наблюдается в случае вторичных (или третичных) падежей. Напомним (Часть вторая [том 2], Глава III, § 4, **2.2**, с. 328 и сл.), что аффикс вторичного падежа подавляет значение первичного падежа, замещая его своим собственным. Об отрицательных заместительных означаемых см. ранее, § 1 Главы II настоящей части, с. 49 и сл.

Библиографические указания

Блестящее исследование регулярной полисемии и антонимии содержится в Апресян 1974: 187 и сл., 284 и сл. О семантических отношениях между прилагательными в положительной и в сравнительной степени см. Wierzbicka 1972: 71 и сл.

Резюме Главы X

Формально-смысловые отношения между языковыми знаками характеризуются в терминах четырех теоретико-множественных отношений (тождество, включение, непустое пересечение, дизъюнкция) между означаемыми и между означающими таких знаков. На основе отношений такого рода устанавливаются, описываются и иллюстрируются 17 типов отношений, возможных между языковыми знаками. Например, для пары **астроном** ~ **астрономия** мы имеем:

'астроном' ⊃ 'астрономия'

(поскольку 'астроном' = 'человек, занимающийся астрономией'), но зато:

/astranóm/ ⊂ /astranóm + ij(-a)/.

РЕЗЮМЕ ЧАСТИ ПЯТОЙ

Часть пятая посвящена рассмотрению элементарных и квазиэлементарных морфологических знаков. Это рассмотрение подразделяется на 16 этапов:

1. Предлагается типология элементарных морфологических знаков: морфы, супрафиксы, модификации$_2$ (включая сюда редупликации$_2$ и апофонии) и конверсии$_2$. Между ними устанавливается и обосновывается некоторая иерархия.

2. Обсуждаются два особых типа элементарных морфологических знаков: пустые$_2$ знаки и нулевые знаки. Сформулированы принципы их введения в описание и, вместе с тем, указаны их особенности по сравнению с «нормальными» знаками.

3. Морфа подвергается систематическому изучению, причем с упором на ее аддитивный характер. Проводится разграничение корней и аффиксов — исходя из различий их синтактик (в синтактике корня преобладает МЕЖлексемная информация, тогда как в синтактике аффикса она преимущественно ВНУТРИлексемная).

4. Предпринято подробное исследование корней (с точки зрения морфологии), в том числе, в частности, анализ морфологического сложения и его важного частного случая — инкорпорации.

5. Описание аффиксов ведется по их основным классам: конфиксы (префиксы, суффиксы, интерфиксы), циркумфиксы, инфиксы и трансфиксы. Затем поочередно обсуждаются пустые$_2$ аффиксы, нулевые аффиксы, смещенные и мигрирующие аффиксы, кумулятивные аффиксы.

6. Вводится понятие морфемы, а вслед за ним — тесно связанные понятия алломорфии, представляющей алломорфы и разных отношений между алломорфами.

7. Обсуждается проблема существования языковых единиц: уникальные знаки, почти уникальные знаки, псевдосуществующие знаки; морфоиды и субморфы.

8. Дается характеристика супрафиксов и производится их сравнение с супрасегментными апофониями.

9. Вводится понятие редупликации$_2$ и строится типология редупликаций$_2$; рассматриваются их конкретные подклассы.

10. Аналогичным образом строится подробное описание апофоний — как сегментных, так и супрасегментных (типология и конкретные подклассы).

11. Обсуждением конверсии$_2$ заканчивается обзор всевозможных элементарных морфологических знаков.

12. Вводится понятие морфологического способа; предлагается типология морфологических способов, сопровождаемая большим количеством иллюстраций.

13. Предлагается типология квазиэлементарных морфологических знаков: мегаморфы и морфологические фраземы.

14. Вводится и иллюстрируется понятие супплетивизма (= максимально нерегулярные формальные отношения между знаками в ситуации, когда семантические отношения между ними максимально регулярны); приводится и обсуждается типология супплетивных пар.

15. Рассматриваются морфологические фраземы; вводится и иллюстрируется общая типология фразем. Подробно характеризуется наиболее распространенный тип морфологических фразем — квазиморфы.

16. Изложение завершается рассмотрением 17 типов возможных формально-смысловых отношений между двумя произвольными языковыми знаками.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1 (Гл. I, § 1, 3, с. 13). Это утверждение означает, что всякий элементарный морфологический знак непременно попадет в какой-нибудь из этих четырех основных классов. (Понятно, что внутри какого-то одного осовного класса два разных знака вполне могут принадлежать к двум разным его подклассам.) Других основных классов элементарных морфологических знаков не существует потому, что эти классы были установлены на основе исчерпывающего исчисления логических возможностей.

2 (Гл. I, § 2, **2.2**, 4, с. 30). Нулевая морфема не может содержать более одной морфы, потому что иначе в ней оказалось бы две нулевые морфы с одним и тем же означаемым; однако две нулевые морфы с одним и тем же означаемым ничем не различались бы. То же рассуждение верно для нулевой лексемы, содержащей всего одну лексу.

3 (Гл. II, § 1, в конце **2.2**, с. 45).

1. Вот эти два чередования:

/ŏ/ $\Longrightarrow$ /ă/ | **не** $\left\{ \begin{matrix} /C'/ \\ /j/ \end{matrix} \right\}$ ___

[Редукция безударного /o/, стоящего не после мягкой согласной или /j/]

/ŏ/ $\Longrightarrow$ /ĭ/ | $\left\{ \begin{matrix} /C'/ \\ /j/ \end{matrix} \right\}$ ___

[Редукция безударного /o/, стоящего после мягкой согласной или /j/]

2. В (1a) представляющей морфой является **ven**; две другие морфы получаются из нее чередованиями дифтонгизации и назализации:

/ə/ $\Longrightarrow$ /jɛ/ |___/C/+/ə/

/Vn/ $\Longrightarrow$ /Ṽ/ |___#

В (1b–c) представляющей морфы нет вообще.

В (2a–b) представляющими морфами являются, соответственно, **wife** и **calf**[1]; второй член в каждой паре получается из них чередованием озвончения:

/f/ $\Longrightarrow$ /v/ | ___+/z/

В (2c–d) представляющие морфы — соответственно **-s**[2] и **-s**[5]; первые и третьи члены троек алломорф получаются из них чередованиями оглушения и вокалической эпентезы:

$$/z/ \Longrightarrow /s/ \mid /C\begin{bmatrix}\text{−сонорная}\\ \text{−свистящая}\\ \text{−шипящая}\end{bmatrix}/+__$$

$$/z/ \Longrightarrow /iz/ \mid /C\begin{bmatrix}\text{+свистящая/}\\ \text{+шипящая}\end{bmatrix}/+__$$

В (3a) представляющая морфа — **окон**; чередования, при помощи которых из нее получаются все остальные морфы, представлены в предшествующем тексте.

Для (3b) ответ был только что приведен.

4 (Гл. II, § 1, **2.5**, пример (6), с. 50). В формах, приведенных в (6), представлены следующие чередования:

1. Контактная регрессивная ассимиляция (палатализация)

$/t/ \Longrightarrow /č/ \mid __/j/$

2. Контактная прогрессивная ассимиляция (консонантизация)

$/j/ \Longrightarrow /č/ \mid /č/__$

3. Гармония гласных (дистантная регрессивная ассимиляция)

$/e/ \Longrightarrow /a/ \mid __\ldots/a/\ldots\#$

[Многоточие в разделе «Условия» в этом чередовании означает, что фонема /a/, обусловливающая это чередование, может находиться сколь угодно далеко от фонем, подвергающихся изменению, однако всегда в пределах той же самой словоформы.]

5 (Гл. II, § 1, **2.5**, после (8), с. 52).

1. У непереходных глаголов нет пассивного причастия перфекта (как правило, у непереходных глаголов не бывает форм пассива); при этом, однако, у них есть и супин, и активное причастие будущего времени. Ср.:

		супин	активное причастие будущего времени
‘гореть’	*cale* (*-ō*)	*cali* + ***t*** + *u*	*cali* + ***t*** + ***ūr***(*-us*)
‘лежать’	*jace* (*-ō*)	*jac* + ***t*** + *u*	*jac* + ***t*** + ***ūr***(*-us*)
‘хотеть есть’	*esuri*(*-ō*)	*esuri* + ***t*** + *u*	*esuri* + ***t*** + ***ūr***(*-us*)
‘возвращаться, сводиться’	*recid*(*-ō*)	*reca* + ***s*** + *u*	*reca* + ***s*** + ***ūr***(*-us*)

2. Если считать, что основа на *-t/-s* — это «нейтральная» основа, без какого-либо конкретного значения, возникает вопрос о том, что же, собственно, является тогда показателем супина; в качестве такового нельзя указать ничего, кроме нулевого суффикса. (Иначе пришлось бы говорить, что показателем супина является суффикс **-u** или суффикс **-um**, поскольку в супине может быть тот или другой; но это неверно, потому что это падежные суффиксы.) Однако, если следовать нашим соглашениям, постулировать нулевой суффикс в такой ситуации как раз нельзя, поскольку в данной фор-

ме имеется ненулевой показатель — именно **-t/-s**, которым она, собственно, и отличается от прочих глагольных форм.

6 (Гл. II, § 2, конец раздела **2**, с. 68). Например, этимологическое значение английской лексемы *teacher* ['учитель'] — 'тот, кто показывает и объясняет', др.-англ. *tǣcan* 'показывать, учить' (родственно английскому *token* 'знак' и латинскому *digit*(*-us*) 'палец', букв. 'указыватель', и т. п.).

7 (Гл. II, § 2, **3.1**, 5, с. 70). Означающие корней должны быть длиннее, чем означающие аффиксов по той причине, что число корней в языке должно быть примерно в тысячу раз больше, чем число аффиксов: ведь существует примерно в тысячу раз больше лексических значений, которые выражаются корнями, чем грамматических значений, которые выражаются аффиксами. Однако означающие корней и означающие аффиксов в данном языке $\mathcal{L}$ строятся из одного и того же набора фонем, которым располагает этот язык $\mathcal{L}$. Чтобы количество цепочек фонем, способных служить означающими для корней, было больше, сами эти цепочки должны быть длиннее.

8 (Гл. II, § 2, **5.2**, (9), с. 88).

1. Да, в ава мог бы иметься другой нулевой глагольный корень (или даже несколько других нулевых глагольных корней), выражающий другое лексическое значение (например, 'делать'). Необходимым условием для этого является наличие в ава другого набора суффиксов, присоединяющихся к этому другому нулевому корню. Тогда цепочка суффиксов, отличная от той, которая представлена в *Nuwéhq* и т. п., указывала бы на другой нулевой корень.

2. Для форм *ai* '[я] имею', *as* '[ты] имеешь', *a* '[он] имеет', *ont* '[они] имеют' можно предложить описание через нулевой корень $\boldsymbol{\emptyset}_{\textbf{AVOIR}}$: $\boldsymbol{\emptyset}+$ *ai*, $\boldsymbol{\emptyset}+$ *as*, $\boldsymbol{\emptyset}+$ *a*, $\boldsymbol{\emptyset}+$ *ont* — обыгрывая тем самым противопоставление этих форм формам $\boldsymbol{v}+$ *ai* '[я] иду', $\boldsymbol{v}+$ *as* '[ты] идешь', $\boldsymbol{v}+$ *a* '[он] идет', $\boldsymbol{v}+$ *ont* '[они] идут'.

9 (Гл. II, § 2, **7.4**, (30), с. 114). Основа *γənrit* 'пасти' во второй фразе имеет форму *γənret* (/i/ $\Longrightarrow$ /e/, понижение гласной) из-за гармонии гласных. Это изменение происходит вследствие инкорпорации основы *qora*, означающее которой содержит гласные нижнего подъема /o/ и /a/.

10 (Гл. II, § 3, **3.1**, с. 171). С одной стороны, выбор интерфикса определяется именно начальным корнем:

Leben$+$ $\boldsymbol{s}+$ *gefahr* 'опасность для жизни' vs. *Tod*$+$ $\boldsymbol{es}+$ *gefahr* 'смертельная опасность'

[ср. *Leben*$+$ $\boldsymbol{s}+$ *dauer* 'продолжительность жизни', *Tod*$+$ $\boldsymbol{es}+$ *ursache* 'причина смерти'];

Musik$+$ *karriere* 'музыкальная карьера' vs. *Universität*$+$ $\boldsymbol{s}+$ *karriere* 'университетская карьера'

[*Musik* + *kritiker* 'музыкальный критик', *Universität* + ***s*** + *gebäude* 'здание университета'];

Tag + ***e*** + *lohn* 'зарплата за день' vs. *Woche* + ***n*** + *lohn* 'зарплата за неделю' [*Tag* + ***e*** + *buch* 'дневник', букв. 'книга дня', *Woche* + ***n*** + *ereignisse* 'события недели'].

С другой стороны, когда при тмезисе сложная основа разделяется на две части, интерфикс отходит именно к начальной, а не к конечной части:

sein Gespräch + ***s-*** *und Wanderung* + ***s*** + *partner* 'его партнер по беседам и прогулкам'

vs.

sein **Gespräch-* *und* ***-s*** + *Wanderung* + ***s*** + *partner*

11 (Гл. II, § 3, **3.3**, (6), с. 173). Означаемые албанских падежных суффиксов (в алфавитном порядке) таковы:

-ø^1: 'ед, неопр'	**-ë** : 'мн'	**-u^1** : 'ед, опр'
-ø^2: 'ном'	**-n** : 'акк'	**-u^2** : 'ген-дат'
-ø^3: 'акк'	**-sh**: 'абл, неопр'	**-u^3** : 'абл'
-ø^4: 'неопр'	**-t^1**: 'ген-дат'	**-ve^1**: 'ген-дат'
	-t^2: 'абл'	**-ve^2**: 'абл'
	-t^3: 'опр'	

Такое распределение граммем по наблюдаемым означающим позволяет предложить для албанского склонения максимально компактное и элегантное, на наш взгляд, описание.

А именно:

• В этом описании постулируются четыре «омофоничных» нулевых суффикса, противопоставленных ненулевым суффиксам. В формах номинатива и аккузатива (обоих чисел) со значением неопределенности усматривается последовательность из двух нулевых суффиксов.

• Граммемы категории определенности кумулируются с граммемой числа в единственном, и только в единственном, числе; во множественном числе граммемы 'определенность' и 'неопределенность' выражаются «агглютинативными» суффиксами (за исключением формы аблатива множественного числа).

• Падежные суффиксы в албанском все «агглютинативны» (за исключением, разумеется, формы аблатива множественного числа).

12 (Гл. II, § 3, **3.3**, (8), с. 174). В парах суффиксов **-nkan/-nken**, **-man/-men**, **-ŋāt/-ŋēt**, **-kag/-keg** алломорфы связаны между собой чередованием замещения /a/ $\Longrightarrow$ /e/, которое обусловлено гармонией гласных — после основ с гласной переднего ряда в исходе основы.

13 (Гл. II, § 3, **3.3**, (12), с. 177). Алломорфы префиксов принадлежности в языке цоциль распределены в зависимости от начальной фонемы основы:

перед согласной выступают **k-**, **a-**, **s-**; перед гласной — **x-**, **av-** и **j-**. Начальная фонема /ʔ/ в ʔOSIL — это автоматическая протеза (в языке цоциль гласная фонема не может начинать словоформу).

14 (Гл. II, § 3, **3.4**, (16), с. 179). Четыре первых прилагательных в примере (16) представляют собой сложные лексемы типа бахуврихи: они означают 'имеющий X'.

15 (Гл. II, § 3, **3.4**, (22), с. 185). Чередование, наблюдаемое в основе глагола в (22), представляет собой пустой$_1$ аблаут: /e/ $\Longrightarrow$ /i/.

В суффиксах можно отметить еще два пустых$_1$ чередования:

– усечение в суффиксе будущего времени **-si** и в возвратном суффиксе **-si** (/i/ $\Longrightarrow$ /Λ/);

– усечение в суффиксах лица/числа **-uo** и **-ie** (/uo/ $\Longrightarrow$ /u/, /ie/ $\Longrightarrow$ /i/).

16 (Гл. II, § 3, **4**, (31), с. 192).

1. Циркумфиксы **a-...-ka** и **e-...-ke** распределены в соответствии с гармонией гласных: первый используется при основах с гласными нижнего подъема (= задними), второй — при основах с гласными верхнего подъема (= передними).

2. В основах TVAГAL 'садиться' и LQUT 'вставать' происходит усечение начальных /t/ и /l/, если эта фонема оказывается в абсолютном начале словоформы, т. е. если она не «прикрыта» ненулевым префиксом.

17 (Гл. II, § 3, **4**, (34a), с. 194). В производной основе *sa* + *katm* + *e* наблюдается чередование усечения: падение беглой гласной /a/, которую мы видим в исходной основе *katam*(*-i*). В основе *sanagve* происходит то же самое: падение беглой гласной /a/ [*nagav*(*-i*)].

18 (Гл. II, § 3, **4**, (34b), с. 194). В грузинском знаки **ert**(*-i*) 'один' и **pirvel**(*-i*) 'первый' находятся в отношении супплетивизма, при этом **pirvel** представляет собой сильную мегаморфу, супплетивную относительно морфы **ert** (Глава VIII, **3**, 7, пример (29c), с. 437).

19 (Гл. II, § 3, **4**, (35a), с. 195).

1. Инфикс **-in-** вставляется в слоги с гласными верхнего подъема, а инфикс **-an-** — в слоги с гласными нижнего подъема. (Здесь имеет место некоторый аналог гармонии гласных.)

2. Вместо «ожидаемой» формы **lalala*ʔ*e* мы наблюдаем здесь форму *lallala*ʔ*e* 'мальчики'; ее отличие от ожидаемой формы — удвоенное *-l* на стыке инфикса с корнем. У нас нет данных о том, насколько это явление регулярно.

3. В формах *ʔinib*ʔ*a* 'спутники' и *ʔanag*ʔ*i* 'братья и сестры' происходит глоттализация корневой согласной: *b* $\Longrightarrow$ *b*ʔ и *g* $\Longrightarrow$ *g*ʔ. Есть ли у этой мены фонологические основания, нам тоже неизвестно.

20 (Гл. II, § 3, 5, (37), с. 197).

1. Вместо «ожидаемой» формы **dumadating* мы наблюдаем здесь форму *dumarating*; ее отличие от ожидаемой формы — наличие /r/ вместо /d/ — представляет собой ослабление звонкой согласной в интервокальном положении, вполне обычное тагальское чередование.

2. Настоящее время глагола в тагальском выражается левой точной частичной редупликацией$_1$: редуплицируется первый слог основы. Вот какова эта редупликация$_1$:

$$\mathbf{Red_{НАСТ}} = \langle \text{‘наст’};\ \overbrace{/\mathrm{CV/X}}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /\mathrm{C'V'/} + \mathbf{R};\ \boldsymbol{\Sigma} = \mathrm{V},\ \ldots \rangle$$

21 (Гл. II, § 3, 8.1, (48b), с. 210).

-ин^2 = ⟨‘**Λ**’; /in/; Σ = словообразовательный суффикс порядка 1, присоединяется к существительным типа n_3 перед **-ск**, **-ец**, ...⟩

-ич^2 = ⟨‘**Λ**’; /ič/; Σ = словообразовательный суффикс порядка 1, присоединяется к существительным типа n_4 перед **-ий**, ...⟩

22 (Гл. II, § 3, **8.1**, (48c), с. 211). Глаголы типа ***se** fier* ‘доверяться [кому]’ во французском и глаголы типа *смеять**ся*** в русском — это глаголы *reflexiva tantum* (= имеющие только возвратные формы). Принципиальная разница между этими русскими и французскими глаголами состоит в том, что во французском знак **se** представляет собой словоформу (клитику), в то время как в русском знак **-ся** — это суффикс. Поэтому во французском это явление не входит в ведение морфологии в строгом смысле слова.

23 (Гл. II, § 5, **3**, (7), с. 268). Чтобы убедиться в том, что **-ёл** действительно существует в русском языке (как знак, а если точнее — как словообразовательный суффикс), носителю русского языка надо задать следующие вопросы:

1. Может ли **коз** выступать с другими словообразовательными суффиксами (отличными от **-ёл**) или вообще без всякого суффикса?

2. Может ли **-ёл** выступать с другими основами (отличными от **коз**)?

• Если на оба эти вопроса мы получим ответ «да» (подтвержденный соответствующими примерами), тогда **-ёл** — это суффикс русского языка.

• Если оба ответа — «нет», **-ёл** русским суффиксом не является.

• Если на первый вопрос ответ «да», а на второй — «нет», надо задать еще один вопрос — вопрос 3:

3. Родствен ли суффикс **-ёл** другим суффиксам русского языка? (Т. е. верно ли, что у него означаемое такое же или хотя бы похожее на означаемое других суффиксов. Верно ли, что его означающее устроено аналогично, а его синтактика тоже похожа на синтактику других суффиксов?) Если ответ на этот вопрос — «да», **-ёл** можно считать суффиксом русского языка, а

именно — унификсом; в противном случае считать его русским суффиксом нельзя.

• Если ответ на первый вопрос — «нет», а на второй — «да», **-ёл** действительно является суффиксом в русском языке; а **коз** — это уникорень.

24 (Гл. III, **2**, (5), конец примера, с. 304).

1. Представим все формы примера (5) в терминах составляющих их знаков:

настоящее время, единственное число

1. $\mathbf{k\acute{u}}$ $= \langle$‘есть, НАСТ’; /k$\acute{u}$/; $\Sigma =$ V, 1 ед, $\ldots\rangle =$

$$= \begin{cases} \mathbf{ku} & = \langle\text{‘есть’}; & /\text{ku}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, перед \#}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{-\emptyset_{НАСТ}} & = \langle\text{‘НАСТ’}; & /\mathbf{\Lambda}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{Supraf_{2ЕД}} & = \langle\text{‘2 ЕД’}; & /\underline{\ }/\#; & \Sigma = \text{супрафикс глагола}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{A}^{\text{V}\Rightarrow\tilde{\text{V}}}_{\mathbf{1ЕД}} & = \langle\text{‘1 ЕД’}; & /\text{V}/\# \Longrightarrow /\tilde{\text{V}}/\#; & \Sigma = \text{апофония глагола, применяется к форме 2 ед}, \ldots\rangle \end{cases}$$

2. $\mathbf{k\acute{u}}$ $= \langle$‘есть, НАСТ’; /k$\acute{u}$/; $\Sigma =$ V, 2 ед, $\ldots\rangle =$

$$= \begin{cases} \mathbf{ku} & = \langle\text{‘есть’}; & /\text{ku}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, перед \#}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{-\emptyset_{НАСТ}} & = \langle\text{‘НАСТ’}; & /\mathbf{\Lambda}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{Supraf_{2ЕД}} & = \langle\text{‘2 ЕД’}; & /\underline{\ }/\#; & \Sigma = \text{супрафикс глагола}, \ldots\rangle \end{cases}$$

3. **ku** $= \langle$‘есть, НАСТ’; /ku/; $\Sigma =$ V, 3 ед, $\ldots\rangle =$

$$= \begin{cases} \mathbf{ku} & = \langle\text{‘есть’}; & /\text{ku}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, перед \#}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{-\emptyset_{НАСТ}} & = \langle\text{‘НАСТ’}; & /\mathbf{\Lambda}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{Supraf_{3ЕД}} & = \langle\text{‘3 ЕД’}; & /\underline{\ }/\#; & \Sigma = \text{супрафикс глагола}, \ldots\rangle \end{cases}$$

настоящее время, множественное число

4. **kūwã** $= \langle$‘есть, НАСТ’; /kūwã/; $\Sigma =$ V, 2 мн, $\ldots\rangle =$

$$= \begin{cases} \mathbf{k\bar{u}} & = \langle\text{‘есть’}; & /\text{k}\bar{\text{u}}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, \textbf{не} перед \#}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{-\emptyset_{НАСТ}} & = \langle\text{‘НАСТ’}; & /\mathbf{\Lambda}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола}, \ldots\rangle \\ \oplus & & & \\ \mathbf{-w\tilde{a}} & = \langle\text{‘2 мн’}; & /\text{w}\tilde{\text{a}}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола}, \ldots\rangle \end{cases}$$

будущее время, единственное число

5. **kūtṹ** = ⟨'есть, БУД'; /kūtṹ/; Σ = V, 1 ед, ...⟩ =

$$= \begin{cases} \textbf{kū} & = \langle\text{'есть'}; & /\text{kū}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, не перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{-tu} & = \langle\text{'БУД'}; & /\text{tu}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола, перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{Supraf}_{\textbf{2ЕД}} & = \langle\text{'2 ЕД'}; & /\acute{_}/\#; & \Sigma = \text{супрафикс глагола, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{A}_{\textbf{1ЕД}}^{\text{V}\Rightarrow\tilde{\text{V}}} & = \langle\text{'1 ЕД'}; & /\text{V}/\# \Longrightarrow /\tilde{\text{V}}/\#; & \Sigma = \text{апофония глагола, применяется к форме 2 ед, ...}\rangle \end{cases}$$

6. **kūtú** = ⟨'есть, БУД'; /kūtú/; Σ = V, 2 ед, ...⟩ =

$$= \begin{cases} \textbf{kū} & = \langle\text{'есть'}; & /\text{kū}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, не перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{tu} & = \langle\text{'БУД'}; & /\text{tu}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола, перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{Supraf}_{\textbf{2ЕД}} & = \langle\text{'2 ЕД'}; & /\acute{_}/\#; & \Sigma = \text{супрафикс глагола, ...}\rangle \end{cases}$$

7. **kūtu** = ⟨'есть, БУД'; /kūtu/; Σ = V, 3 ед, ...⟩ =

$$= \begin{cases} \textbf{kū} & = \langle\text{'есть'}; & /\text{kū}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, не перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{tu} & = \langle\text{'БУД'}; & /\text{tu}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола, перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{Supraf}_{\textbf{3ЕД}} & = \langle\text{'3 ЕД'}; & /_/\#; & \Sigma = \text{супрафикс глагола, ...}\rangle \end{cases}$$

будущее время, множественное число

8. **kūtūwã** = ⟨'есть, БУД'; /kūtūwã/; Σ = V, 2 мн, ...⟩ =

$$= \begin{cases} \textbf{kū} & = \langle\text{'есть'}; & /\text{kū}/; & \Sigma = \text{корень глагола, переходн, не перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{-tū} & = \langle\text{'БУД'}; & /\text{tū}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола, не перед \#, ...}\rangle \\ \oplus & & & \\ \textbf{-wã} & = \langle\text{'2 мн'}; & /\text{wã}/; & \Sigma = \text{суффикс глагола, ...}\rangle \end{cases}$$

2. Спряжение глагола ТА 'давать' выглядит так:

	наст. вр.	буд. вр.
1 ед	*tã́*	*tātṹ*
2 ед	*tá*	*tātú*
3 ед	*ta*	*tātu*
...	...	...
2 мн	*tāwã*	*tātūwã*

25 (Гл. IV, § 1, **3**, (4), с. 316). В примерах (4) можно указать следующие осложнения:

1. Назальный инфикс **-n-**, который отмечается в основе настоящего времени у многих латинских глаголов: *tu* + ***n*** + *d*(-$\bar{o}$), *pu* + ***n*** + *g*(-$\bar{o}$).

Формальное представление:

-n- = ⟨'наст'; /n/; Σ = инфикс глагола, вставляется после #/CV-/, ...⟩.

2. Пустое$_1$ чередование-аблаут в греческих основах перфекта: /e/ ⟹ /o/ (***treph*** ~ ***troph***) и /i/ ⟹ /oi/ (***lip*** ~ ***loip***). Собственно показателем перфекта служит редупликация$_2$, которая применяется во всех случаях, тогда как аблаут бывает только у некоторых глаголов.

Формальное представление:

$$\mathbf{A} = /e/ \Longrightarrow /o/ \mid \mathbf{R} = (\mathbf{A}^{e \Rightarrow o}) \text{ и т. п.}$$

Чередование-аблаут имеется также и в санскрите (***bhid*** ~ ***bhed***), и в ирландском (***cing*** ~ ***chang***, ***nig*** ~ ***nag***, ***sceind*** ~ ***scand***).

26 (Гл. IV, § 1, **3**, (7), с. 318).

1. Вот как могло бы выглядеть альтернативное описание фактов в луисеньо:

$$\textbf{Red}_{\textbf{МНОЖ.ОБ}} = \langle \text{'многие или все объекты'}; \overbrace{/C^1VC^2X/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^{1\prime}V'C^{2\prime}V'/ + \mathbf{R}; \Sigma = \text{V, переходный, ...}\rangle$$

$$\textbf{А}_{\textbf{РЕЗКО}} = \langle \text{'резко'} ; /C^2/ \Longrightarrow /\bar{C}^2/; \Sigma = \text{V переходный, с нередуплицированной основой, ...}\rangle$$

$$\textbf{А}_{\textbf{ТЩАТ}} = \langle \text{'тщательно'} ; /C^3/ \Longrightarrow /\bar{C}^3/; \Sigma = \text{V, переходный, с редуплицированной основой, ...}\rangle$$

$$\textbf{А}_{\textbf{НЕИСТОВО}} = \langle \text{'неистово'} ; /C^4/ \Longrightarrow /\bar{C}^4/; \Sigma = \text{V, переходный, с редуплицированной основой, ...}\rangle$$

2. Чтобы выбрать из этих двух альтернативных описаний оптимальное, надо знать, есть ли в луисеньо апофонии вообще и апофонии, использующие в качестве средства выражения удлинение согласной, в частности, — разумеется, помимо только что перечисленных. Если таковых нет, следует безусловно предпочесть описание в терминах редупликаций$_2$; если другие апофонии есть, необходимо установить, какое из этих двух средств применяется в языке чаще. Если их сравнительная частота примерно одинакова, надо искать другие различия между рассматриваемыми средствами, возможные в данном языке, причем порой они могут быть весьма специфическими.

27 (Гл. IV, § 1, **3**, (19b), с. 325). Диминутивно-дистрибутивные образования обнаруживают более сильную тенденцию к фразеологизации (чем дистрибутивно-диминутивные формы), поскольку диминутив — это смысл, скорее, словообразовательный, а для словообразовательных форм тенденция к фразеологизации весьма характерна: см. Часть первая [том 1], Глава V, § 3, 4, с. 274.

28 (Гл. IV, § 2, 3, 1, (2), с. 333). В формах ирландского генитива, приведенных в (2), можно констатировать действие следующих трех чередований:

$$\left\{\begin{matrix}/a/\\/o/\end{matrix}\right\} \Longrightarrow /i/ \quad |___/C'/\#$$
$$/C_1/ \Longrightarrow /C'_1/ \quad |___/C'_2/\#$$
$$/C/ \Longrightarrow /C'/ \quad |\#___ /i/$$

29 (Гл. VIII, **3**, 1, (10), с. 431). Приведенные выше английские пары представляют собой пары мегаморф, каждая из которых представляет сразу две морфемы:

$$\{\text{BAD 'плохой'}\} \oplus \{\text{ПОЛОЖИТ}\} \Longleftrightarrow \textbf{bad};$$
$$\{\text{BAD}\} \oplus \{\text{СРАВНИТ}\} \Longleftrightarrow \textbf{worse}; \text{ и т. п.}$$

Их надо рассматривать далее, в подразделе 2, вместе с ирландскими формами из (14), с. 432.

30 (Гл. X, 6, (8b), с. 478).

1. Эта вторая редупликация$_2$ такова:

$$\textbf{Red}_{\textbf{ИНТЕНС}} = (\text{'интенсив'}; \overbrace{/C^1V/}^{\mathbf{R}} \Longrightarrow /C^{1\prime}V'C^{1\prime}/ + \mathbf{R};$$
$$\Sigma = \text{V, односложный, ...}),$$

2. Чередования, сопровождающие редупликации$_2$ в хауса, — это прежде всего ассимиляции:

$$/m/ \Longrightarrow /n/ \quad |___/C_{[+\text{зубной}]}/$$
$$/n/ \Longrightarrow /m/ \quad |___/m/$$

Кроме того, имеются:

– удлинение конечной гласной основы:

$$/V/\# \Longrightarrow /\bar{V}/\#;$$

– сокращение долгой гласной в образе редупликации$_2$:

$$/\bar{V}'/ \Longrightarrow /V'/ \text{ (глаголы } \textit{lêɓà} \text{ и } \textit{cî}\text{);}$$

– следующее тональное чередование:

на образ редупликации$_2$ переходит тон первого слога основы; первый слог основы получает низкий тон в многосложных основах и не меняет своего тона в односложных основах; последний слог основы получает высокий тон в двухсложных основах и не меняет своего тона в прочих основах.

31 (Гл. X, 7, (13), с. 481).

1. Пары французских глаголов типа *se fâcher* ~ *fâcher* вполне могут трактоваться здесь как полноценный пример рассматриваемого случая формально-смысловых отношений между знаками.

2. Важное различие между парами русских глаголов типа *сердиться* ~ *сердить* и их французскими аналогами типа *se fâcher* ~ *fâcher* уже объяснялось выше: см. ответ на задание 22, с. 506.

ТАБЛИЦА ФОНЕТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

В эту таблицу мы включили только те символы, которые могут представлять трудности при чтении.

/a^{i}/ : дифтонг, как в англ. *my* 'мой'
/a^{u}/ : дифтонг, как в англ. *house* 'дом'
/β/ : билабиальный фрикативный звонкий согласный
/ɓ/ : билабиальный имплозивный звонкий согласный
/C/ : согласный
/C̄/ : долгий ⟨= геминированный⟩ согласный
/C^{h}/: аспирированный ⟨= придыхательный⟩ согласный
/C^{w}/: лабиализованный согласный
/C′/ : палатализованный согласный
/C‘/ : глоттализованный согласный
/C̣/ : ретрофлексный ⟨= церебральный⟩ согласный
/C̻/ : ламинальный согласный
/C̩/ : слоговой согласный
/c/ : альвеолярная свистящая глухая аффриката [= рус. *ц*]
/č/ : альвео-палатальная шипящая глухая аффриката [= рус. *ч*]
/ç/ : палатальный фрикативный глухой согласный [= нем. *ch* в *ich* 'я']
/ð/ : межзубный фрикативный звонкий согласный [= англ. *th* в *this* 'это']
/ɖ/ : ламинально-палатальный звонкий согласный
/ɗ/ : дентальный имплозивный звонкий согласный
/e/ : закрытый нелабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема [= фр. *é*]
/e^{i}/ : дифтонг, как в англ. *day* 'день'
/ɛ/ : открытый нелабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема [= фр. *è*]
/ə/ : гласный среднего ряда [шва]
/ɸ/ : билабиальный фрикативный глухой согласный
/ɣ/ : велярный фрикативный звонкий согласный
/ġ/ : увулярный фрикативный звонкий согласный
/h/ : ларингальный фрикативный глухой согласный [= англ. *h* в *hat* 'шляпа']
/ɦ/ : ларингальный фрикативный звонкий согласный

/ħ/ : фарингальный фрикативный глухой согласный
/ɪ/ : открытый нелабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема [= англ. *i* в *pin* 'булавка']
/ɨ/ : закрытый нелабиализованный гласный среднего/заднего ряда верхнего подъема [= /ш/]
/j/ : палатальный глайд [= рус. *й*]
/l̥/ = /ɬ/: апикальный латеральный фрикативный глухой согласный
/ʎ/ : палатальный латеральный звонкий плавный согласный [= ит. *gl* в *gli* 'они' или *maglia* '(вязаная) петля', исп. *ll* в *calle* 'улица']
/ʞ/ : палатальная латеральная глухая аффриката [науатль *tl*]
/ɲ/ : палатальный назальный согласный [= фр. *gn*, исп. *ñ*]
/ŋ/ : велярный назальный согласный [= англ. *ng*]
/o/ : закрытый лабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема [= фр. *eau* 'вода']
/ɔ/ : открытый лабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема [= фр. *o* в *bonne* 'хорошая']
/ö/ : закрытый лабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема [= фр. *eu* в *feu* 'огонь']
/œ/ : открытый лабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема [= фр. *eu* в *peur* 'страх']
/q/ : увулярный взрывной глухой согласный
/r̝/ : дентальный дрожащий сонорный сильный согласный [исп. *r* в *rana* 'лягушка']
/r̝̊/ : дентальный дрожащий фрикативный глухой согласный [чешск. *ř*]
/ś/ : альвео-палатальный ламинальный [≈ дентальный] фрикативный шипящий глухой согласный [= МФА ɕ, польск. *ś*]
/š/ : альвео-палатальный фрикативный шипящий глухой согласный [= рус. *ш*]
/ü/ : закрытый лабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема [= фр. *u* в *mur* 'стена']
/ш/ : закрытый нелабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема [= /ɨ/; рус. *ы*]
/V/ : гласный
/V̄/ : долгий гласный
/Ṽ/ : носовой гласный
/w/ : билабиальный согласный [= англ. *w* в *watch* 'часы'] / билабиальный глайд нижнего подъема [= исп. *u* в *bueno* 'хороший']
/x/ : велярный фрикативный глухой согласный [= нем. *ch* в *Buch* 'книга']
/χ/ : увулярный фрикативный глухой согласный [= исп. *j*]
/ɥ/ : билабиальный глайд верхнего подъема [= фр. *u* в *lui* 'ему']

/ž/ : альвео-палатальный фрикативный шипящий звонкий согласный [= рус. *ж*]
/ǯ/ : альвео-палатальная шипящая звонкая аффриката [= англ. *j*]
/θ/ : интердентальный фрикативный глухой согласный [= англ. *th* в *think* 'думать']
/ʔ/ : ларингальный взрывной глухой согласный [гортанная смычка]
/ʕ/ : фарингальный фрикативный звонкий согласный

Супрасегментные символы

◌́ : высокий/восходящий тон
◌̀ : низкий/нисходящий тон
◌̌ : нисходяще-восходящий тон
◌̄ : средний/ровный тон
NB: Если не указано иначе, средний тон не обозначается (в тональных языках типа банту)
/V́/ : ударная гласная
/V̌/ : безударная гласная

NB: Для удобства читателя мы приводим ниже весьма приблизительный эскиз системы фонем естественных языков, основанный на Geoffrey K. Pullum and William A. Ladusaw, *Phonetic Symbol Guide*, 1986, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Система фонем естественных языков

Гласные

		переднего ряда		среднего ряда		заднего ряда	
		нелаб	лаб	нелаб	лаб	нелаб	лаб
верхнего	закрытые	i	ü	ɨ	ʉ	ɯ = ï	u
подъема	открытые	ɪ	Ü	ɪ̈	ʊ̈	Ш	U
среднего	закрытые	e	ö	ə		ë	o
подъема	открытые	ɛ	œ	ʌ			ɔ
нижнего подъема		æ		a		ɑ	

Согласные

взрывные	билабиальные	дентальные	альвеолярные	ретрофлексные	палатальные	велярные	увулярные	ларингальные
глухие	p	t̪	t	ʈ	c	k	q	ʔ
звонкие	b	d̪	d	ɖ	ɟ	g	ɢ	—

ФРИКАТИВНЫЕ	билабиальные	лабиодентальные	интердентальные	дентальные	альвеолярные	ретрофлексные	альвеопалатальные	палатальные	велярные	увулярные	фарингальные	ларингальные
глухие	ɸ	f	θ	ś	s	ṣ	š	ç	x	χ	ħ	h
звонкие	β	v	ð	ź	z	ẓ	ž	ʒ	ɣ	ġ	ʕ	ɦ

АФФРИКАТЫ	альвеолярные	альвео-палатальные	латеральные
глухие	c͡	č͡	ƛ̌
звонкие	ʒ͡	ǯ	ƛ̌

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

А	: 1. чередование; 2. апофония
АБИТ	: абитуалис (аспект III)
абл/АБЛ	: аблатив (падеж)
агенс-конв	: признак синтактики «допустимость конверсии, образующей имя деятеля»
адъект	: адъектив [≈ прилагательное]
акк/АКК	: аккузатив [= винительный (падеж)]
АКТ	: активный (залог)
АКТУАЛ	: актуальное (действие)
АОР	: аорист (время)
АУГМ	: аугментатив
БЕЗЛИЧН	: безличная (форма)
БЕН/БЕНЕФ	: бенефактивность (версия)
БЛИЖ	: ближайшее (время)
буд/БУД	: будущее (время)
ВИН	: винительный (падеж) [= аккузатив]
ВОК	: вокатив (падеж)
вр	: время
ген/ГЕН	: генитив [= родительный (падеж)]
ГЕРУНД	: герундий
ГИПОКОР	: гипокористичность
ГМорфП	: глубинно-морфологическое представление
ГФонП	: глубинно-фонетическое представление
дат/ДАТ	: дательный (падеж) [= датив]
дв/ДВ	: двойственное (число)
ДЕЕПР	: деепричастие
ДЕКЛ	: декларатив [= повествовательность]
ДЕКЛАР	: «декларирование» [= ‘заявить, что...’]
дим/ДИМИН	: диминутивность
ДИСТР	: см. ИНТ-ДИСТР
ДИСТРИБ	: дистрибутивность
ДКосв	: косвенное дополнение

ДПрям : прямое дополнение
ДУР : дуратив (аспект III)
ед/ЕД : единственное (число)
жен/ж/ЖЕН : женский (род)
ЗВАТ : звательный (падеж) [= вокатив]
ИГ : именная группа
изъяв : изъявительное (наклонение)
ИЛЛАТ : иллатив (падеж)
им/ИМ : именительный (падеж) [= номинатив]
ИМПЕР/ИМПЕРАТ : императив (наклонение)
ИМПЕРФ/ИМПФ : имперфект
ИНД : индикатив (наклонение)
инкл : инклюзивное
ИНКОМПЛ : инкомплетив [≈ имперфектив]
инстр/ИНСТР : инструменталис (падеж)
ИНТ-ДИСТР-1 : дистрибутивный интенсив-1 [= 'тщательно, многие или все объекты']
ИНТ-ДИСТР-2 : дистрибутивный интенсив-2 [= 'неистово или бессмысленно, многие или все объекты']
ИНТЕНС : интенсив
ИНТЕРР : интеррогатив
ИНТ-ТОЧ : точечный интенсив [= 'интенсивно сразу, один объект']
ИНФ : инфинитив
ИНХ : инхоатив
ИНЭСС : инэссив (падеж)
ИТЕР : итератив
КАУЗ : каузатив
кауз-конв : признак синтактики «допустимость конверсии каузативизации определенного типа»
квант-конв : признак синтактики «допустимость конверсии номинализации определенного типа» («квантование» действия)
КОМ : *Курс общей морфологии*
комит/КОМИТ : комитатив [= совместный (падеж)]
КОМПЛ : комплетив [≈ перфектив]
КОНД : кондиционалис
КОНТИН : континуалис (аспект IV) [≈ прогрессив]
КОНЦЕСС : концессив

л	: лицо
лок/ЛОК	: локатив (падеж)
МЕСТ	: местный (падеж) [= локатив]
мн/множ/МН/МНОЖ	: множественное (число)
МСТ	: модель «Смысл-Текст»
МС	: морфологический способ
муж/м/МУЖ	: мужской (род)
МУЛЬТ	: мультипликатив (аспект I)
НАМЕР	: намеренность [≈ контролируемость]
нарицат	: нарицательное (существительное)
наст/НАСТ	: настоящее (время)
НЕГ	: негатив
неличн	: неличная (форма глагола)
НЕ-МУЖ	: не-мужской (род)
неопр/НЕОПР	: неопределенность
непрош/НЕПРОШ	: непрошедшее (время)
НК	: неконтролируемость
ном/НОМ	: номинатив [= именительный (падеж)]
НОМИНАЛИЗ	: номинализация
номинализ-конв	: признак синтактики «допустимость конверсии номинализации определенного типа»
НСВ	: несовершенный (вид)
ОБ	: объект
ОБЛ	: обликвус [= косвенный (падеж)]
ОДУШ	: одушевленность
опр/ОПР	: определенность или определенный артикль
отриц/ОТРИЦ	: отрицание
пад/ПАД	: падеж
ПАСС	: пассив
перех	: переходный (глагол)
ПЕРФ	: перфект (время глагола)
ПОДЛ	: подлежащее
ПОЛОЖИТ	: положительная (степень прилагательного)
порядк	: порядковое (числительное)
ПОС	: посессор
ПОТЕНЦ	: потенциалис
потенц-конв	: признак синтактики «допустимость конверсии образования потенциалиса определенного типа»
предл/ПРЕДЛ	: предложный (падеж)

ПРЕЗ	: презенс [= настоящее время]
ПРЕТ	: претерит (время)
приват-конв	: признак синтактики «допустимость конверсии, образующей глагольную форму приватива»
прич/ПРИЧ	: причастие
ПРОБАБИЛ	: пробабилитив
ПРОГР	: прогрессив (аспект IV)
ПРОХИБ	: прохибитив
прош/ПРОШ	: прошедшее (время)
р	: род
РЕАЛ	: реалис (наклонение)
РЕЗ	: результатив
РЕФЛ	: рефлексив
РЕЦИПР	: реципрок
род/родит/РОД	: родительный падеж [= генитив]
СВ	: совершенный вид
скл	: склонение
сослаг	: сослагательное (наклонение)
СОЦ	: социатив (падеж)
спряж	: спряжение
ср/СР/СРЕДН	: средний (род)
СТАТ	: статив
суб/СУБ	: субъект
СУБЪ	: субъектив (падеж)
СУБЪЮН	: субъюнктив (наклонение)
супералл	: супераллатив (падеж)
суперэл	: суперэлатив (падеж)
суперэс/СУПЕРЭС	: суперэссив (падеж)
СУПР	: супраморфа
сущ/существит	: существительное
ТВОР	: творительный (падеж)
Тем.Эл.	: тематический элемент
ч	: число
числ	: числительное
экскл	: эксклюзивное
эрг/ЭРГ	: эргатив (падеж)
Adj	: прилагательное
Adv	: наречие
Aff	: аффикс

APPEND : аппендитивное (глубинно-синтаксическое отношение)
ATTR : атрибутивное (глубинно-синтаксическое отношение)
C : конверсия
/C/ : согласная (фонема)
$\boldsymbol{\mathcal{C}}$: (словоизменительная) категория
Cl : класс (именной)
Def : по определению
$\boldsymbol{\mathcal{E}}$: данное высказывание
Inf : инфикс
Interf : интерфикс
K : дистрибутивный класс языковых знаков
L : лекса/лексема [= лексическая единица]
$\boldsymbol{\mathcal{L}}$: (данный) язык
$\mathbf{m}$: морфа
$\tilde{\mathbf{m}}$: мегаморфа
$\{\boldsymbol{\mathcal{M}}\}$: морфема
N : существительное
Num/NUM : числительное
Oper : лексическая функция Oper
$\boldsymbol{\mathcal{P}}$: морфологический способ
pl-ov : признак синтактики: дополнительное выражение множественного числа суффиксом *ov*
pl/PL : pluralis [= множественное число]
Pref : префикс
R : корень/основа
Red : редупликация
sg-in : признак синтактики: дополнительное выражение единственного числа суффиксом *in*
sg/SG : singularis [= единственное число]
Suf : суффикс
Supraf : супрафикс
Syl : слог
Sýl : слог с основным ударением
Sỳl : слог с вторичным ударением
Transf : трансфикс
Tripl : трипликация
V : глагол

/V/	: гласная
$\mathbf{w}$	: словоформа
$\mathbf{w_1} \xleftarrow{\textbf{morph}/\mathcal{C}} \mathbf{w_2}$	: словоформа $\mathbf{w_1}$ морфологически зависит от словоформы $\mathbf{w_2}$ по категории $\mathcal{C}$
$\mathbf{w_1} \overset{\text{synt}}{\frown} \mathbf{w_2}$	: словоформы $\mathbf{w_1}$ и $\mathbf{w_2}$ синтаксически связаны
‘X’	: означаемое знака $\mathbf{X}$
X | Y	: Y является условием к правилу X
$\oplus$	: (мета)операция языкового объединения
$\mathbf{\Lambda}$	: пустое множество
$\Sigma_{\mathbf{X}}$	: синтактика знака $\mathbf{X}$
$\in, \notin$	: ‘является/не является элементом множества’
$\ni$	: (множество) ‘содержит в качестве элемента’
$\cup$	: теоретико-множественное объединение ($X \cup Y$: ‘объединение множеств X и Y’, или ‘элементы множеств X и Y, вместе взятых’)
$\supset$	: теоретико-множественное включение ($X \supset Y$: ‘X включает в себя множество Y’, или ‘Y является подмножеством множества X’)
$\cap$	: теоретико-множественное пересечение ($X \cap Y$: ‘пересечение множеств X и Y’, или ‘общие элементы множеств X и Y’)
+	: граница между морфами внутри словоформы
#	: граница между словоформами
$\sqrt{\ }$	: исторический [= диахронический или этимологический] корень

ЛИТЕРАТУРА

Список сокращений

ВЯ	—	Вопросы языкознания
BLS-**n**	—	Berkeley Linguistics Society, Proceedings of the **n**-th Annual Meeting
CLS-**n**	—	Chicago Linguistic Society, Papers from the **n**-th Annual Regional Meeting
IJAL	—	International Journal of American Linguistics
IJL	—	International Journal of Lexicography
IULC	—	Indiana University Linguistic Club
JoL	—	Journal of Linguistics
Lg	—	Language
LI	—	Linguistic Inquiry
LR	—	The Linguistic Review
NLLT	—	Natural Language and Linguistic Theory
REL	—	Revista española de lingüística
RES	—	Revue des études slaves
RL	—	Russian Linguistics
SiL	—	Studies in Language
SIL	—	Summer Institute of Linguistics
WSA	—	Wiener Slawistischer Almanach
ZPSK	—	Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung

Алиева Н. Ф.

1991 Удвоение как грамматический способ (на материале языков Юго-Восточной Азии) // Морфема и проблемы типологии / И. Вардуль, ред. М.: Наука, с. 220–255.

Апресян Ю. Д.

1974 Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 367 с. [См. переиздание этой работы: *Апресян Ю. Д.* Избранные

труды, том 1, Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995, 472 с. См. также английский перевод: *Apresjan Yu.* Lexical Semantics. User's Guide to Contemporary Russian Vocabulary. Ann Arbor, MI: KAROMA, 1992, 633 p.]

Григорьев В.

1958 Критические заметки о понятии полуаффиксации // Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici par ses amis étrangers à l'occasion de son soixantième anniversaire. Bucarest: Académie des Sciences de la République populaire roumaine, p. 189–194. [Cercetări de linguistică, 3, supliment.]

Земская Е. А.

1973 Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 304 с.

Кибрик А. Е.

1977 Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. Таксономическая грамматика. М.: Изд-во МГУ, 346 с.

Мельчук И. А.

1963 О внутренней флексии в индоевропейских языках // ВЯ, № 4, 27–40. [См. также немецкий перевод в: *Mel'čuk I.* Das Wort. Zwischen Inhalt und Ausdruck. München: W. Fink, 1976, p. 258–287.]

1972 О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики, 1971 / С. Шаумян, ред. М.: Наука, с. 396–438.

1973 Конверсия как морфологическое средство // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 32: 1, с. 15–28.

1983 Супплетивологические этюды. II. О понятии супплетивизма и об одном супплетивологическом казусе в русском языке: СУКИН СЫН — СУКИНЫ ДЕТИ // RL, 1983, 7: 3, с. 207–218.

Откупщикова М. И.

1971 Синтез беглого *о* у первообразных предлогов современного русского языка // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып. 2, с. 103–110.

Чурганова В. Г.

1973 Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 239 с.

Allen, Barbara, Donna Gardiner, and Donald Frantz

1984 Noun Incorporation in Southern Tiwa. IJAL, 50: 3, p. 292–311.

Anderson, Stephen R.
1985 Inflectional Morphology // T. Shopen, ed., Language Typology and Syntactic Description. Vol. III: Grammatical Categories and the Lexicon, Cambridge etc.: Cambridge University Press, p. 150–201.

Aronoff, Mark
1976 Word Formation in Generative Grammar. Cambridge, MA — London: The MIT Press. 134 p.
1992 Stems in Latin Verbal Morphology // M. Aronoff, ed., Morphology Now, Albany, NY: SUNY Press, p. 5–32.

Aronoff, Mark, and S. N. Sridhar
1984 Agglutination and Composition in Kannada Verb Morphology // D. Testen, V. Mishra and J. Drogo, eds, Lexical Semantics, Chicago: Chicago Linguistic Society, p. 3–20.
1988 Prefixation in Kannada // Hammond and Noonan 1988, p. 179–191.

Baker, Mark C.
1988 Incorporation. A Theory of Grammatical Function Changing. Chicago; London: The University of Chicago Press, 543 p.

Bauer, Laurie
1988 Introducing Linguistic Morphology. Edinburgh: Edinburgh University Press, 272 p.

Becker Makkai, Valerie
1969 On the Correlation of Morphemes and Lexemes. CLS-5, p. 159–166.

Benveniste, Émile
1966 Convergences typologiques. L'Homme, 6: 2, p. 5–12.

Besnier, Niko
1987 An Autosegmental Approach to Methathesis in Rotumian. Lingua, 73: 3, p. 201–223.

Biermann, Anna
1980 Nominalinkorporation. Köln: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Köln. (Arbeitspapier № 38), 37 p.

Biligiri, H. S.
1965 The Sora Verb. A Restricted Study. Lingua, 15, p. 231–250.

Bloomfield, Leonard
1933 Language. New York: Holt, Rinehart and Winston. 564 p. [Русский перевод: *Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968.]

Bolinger, Dwight L.
1948 On Defining the Morpheme. Word, 4: 1, p. 18–23.

Broselow, Ellen
1983 Salish Double Reduplications. Subjacency in Morphology. NLLT, 1: 3, p. 317–346.

Broselow, Ellen, and John McCarthy
1984 A Theory of Internal Reduplication // LR, 3: 1, p. 25–88.

Bybee, Joan L.
1985 Morphology. A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 234 p.

Carstairs, Andrew
1988 Some Implications of Phonologically Conditioned Suppletion // G. Booij and J. van Marle, eds, Yearbook of Morphology 1, p. 67–94.

Chao, Yuan Ren
1974 Language and Symbolic Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 240 p.

Chappell, Hillary, and William McGregor, eds
1995 The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation. Berlin etc.: Mouton de Gruyter.

Clark, Eve V., and Herbert H. Clark
1979 When Nouns Surface as Verbs. Lg, 55: 4, p. 767–811.

Cloarec-Heiss, France
1986 Dynamique et équilibre d'une syntaxe: le banda-linda de Centralafrique. Paris: SELAF.

Crowley, Terry
1987 Serialization in Paamese. SiL, 11: 1, p. 35–84.

Cutler, Anne, John Hawkins, and Gary Gilligan
1985 The Suffixing Preference: A Processing Explanation. Linguistics, 23: 4, p. 723–758.

Day, Cristopher
1973 The Jacaltec Language. Bloomington, IN — The Hague: Indiana University/Mouton, 135 p.

Demirdache, Hamida, and Henry Davis
1995 Out of Control in St'At'imcets (Lilloet Salish), Presentation at the 3rd Annual Morphosyntactic Workshop, University of Victoria.

Di Sciullo, Anna Maria, and Edwin Williams
1987 On the Definition of Word. Cambridge, MA: The MIT Press. 115 p.

Dressler, Wolfgang
1984 Zur Wertung der Interfixe in einer semiotischen Theorie der Natürlichen Morphologie. WSA, 13, p. 35–45.
1985a Suppletion in Word Formation // J. Fisiak, ed., Historical Semantics — Historical Word Formation, Berlin etc.: Mouton de Gruyter, p. 97–112.
1985b On the Predictiveness of Natural Morphology. JoL, 21, p. 321–337.
1986a Inflectional Suppletion in Natural Morphology // B. Elson, ed., Language in Global Perspective, Dallas, TX: SIL, p. 97–111.
1986b Forma y función de los interfijos. REL, 16, p. 381–395.

Dressler, Wolfgang, and Lavinia Merlini Barbaresi
1986 How to Fix Interfixes? On the Structure and Pragmatics of Italian (and Spanish, Russian, Polish) Antesuffixal Interfixes and of English «Intermorphic Elements». Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 36, p. 53–67.
1991 Interradical Interfixes: Contact and Contrast // V. Ivir and D. Kalogjera, eds, Languages in Contact and Contrast, Berlin: Mouton de Gruyter, p. 133–145.
1994 Morphopragmatics. Diminutives and Intensifiers in Italian, German, and Other Languages. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 682 p.

Durie, Mark
1986 The Grammaticization of Number as a Verbal Categorie. BLS-12, p. 355–370.

Elson, Benjamin, and Vilma Pickett
1962 An Introduction to Morphology and Syntax. Santa Ana, CA: SIL, 167 p.

Evans, Nicholas
1995 The Syntax and Semantics of Body Part Incorporation in Mayali // Chappell and McGregor 1995, p. 65–109.

Fillmore, Charles
1965 Entailment Rules in a Semantic Theory // Project on Linguistic Analysis, Columbus, OH: The Ohio State University, Report № 10, p. 60–82.

Fleischer, Wolfgang
1975 Wortbildung der deutschen Sprache. Tübingen: Niemeyer. 363 p.

Garde, Paul
1980 Grammaire russe. T. 1. Phonologie. Morphologie. Paris: Institut d'études slaves, 486 p.

Garvin, Paul
1957 On the Relative Tractability of the Morphological Data. Word, 13: 1, p. 12–24.

Gil, David
1988 Georgian Reduplication and the Domain of Distributivity. Linguistics, 26: 4, p. 1039–1065.

Greenberg, Joseph
1963 Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements // J. H. Greenberg, ed., Universals of Language, Cambridge, MA: The MIT Press, p. 58–90. [Русский перевод: *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике, вып. V. М.: Прогресс, 1970, с. 114–162.]

Grimes, Joseph
1983 Affix Positions and Cooccurences: The PARADIGM Program. Arlington, TX: SIL/Univ. of Texas at Arlington, 90 p.

Haas, William
1957 Zero in Linguistic Description // W. Haas, Studies in Linguistic Analysis, Oxford: Basil Blackwell, p. 33–53.

Hagège, Claude
1981 Le comox lhaamen de Colombie-Britannique. Présentation d'une langue amérindienne. Paris: Association d'ethnolinguistique amérindienne, 187 p.

Hammerich, Louis L.
1976 The Eskimo Language // E. Hamp, ed., Papers on Eskimo and Aleut Linguistics, Chicago: CLS, p. 43–80.

Hammond, Michael, and Michael Noonan, eds
1988 Theoretical Morphology Approaches in Modern Linguistics. San Diego etc.: Academic Press, XV/394 p.

Harris, Zellig S.
1942 Morpheme Alternants in Linguistic Analysis. Lg, 18: 1, p. 169–180.
1947 Structural Linguistics. Chicago; London: The University of Chicago Press.
1963 Structural Linguistics. Chicago; London: The University of Chicago Press, 384 p.

Hockett, Charles
1947 Problems of Morphemic Analysis. Lg, 23: 3, p. 321–343.
1958 A Course in Modern Linguistics. New York: Macmillan, 621 p.

Jakobson, Roman
1971 Quest for the Essence of Language // R. Jakobson, Selected Writings, II. Word and Language. The Hague; Paris: Mouton, p. 345–359. [Русский перевод: *Якобсон Р.* В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983, с. 102–117.]

Janda, Richard, and Esmeralda Manandise
1984 Zero Really Is Nothing: Basque Evidence against «∅-Morphemes» (and Also against «Morphologically-Conditioned Phonological Rules») // Proceedings of the First Eastern States Conference on Linguistics, Columbus, OH: The Ohio State University, p. 222–237.

Jones, Wesley
1992 Why Can You Break Things so Many Ways? Patterns of Root Extension in the Siouan Languages. Winnipeg: University of Manitoba Press, 23 p.

Kiefer, Ferenc
1992 Compounding in Hungarian. Rivista di linguistica, 4: 1, p. 61–78.

Koch, Harold
1990 Do Australian Languages Really Have Morphemes? // P. Austin, R. Dixon, T. Dutton, and I. White, eds, Language and History: Essays in Honor of Luise Hercus [= Pacific Linguistics, C-116], p. 193–208.

Kooij, J. G.
1968 Compounds and Idioms. Lingua, 21, p. 250–268.

Koptjevskaja-Tamm, Maria, and Irina Muravyova
1993 Alutor Causatives, Noun Incorporation, and the Mirror Principle // B. Comrie and M. Polinsky, eds, Causatives and Transitivity, Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, p. 287–313.

Langacker, Ronald W.
1987 Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisits. Stanford, CA: Stanford University Press.

Lauriault, James
1948 Alternate-Mora Timing in Shipibo. IJAL, 14: 1, p. 22–24.

Le Nouveau Petit Robert
1981 Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires le Robert. 2491 p.

Lehrer, Adrienne
1985 Markedness and Antonymy. JoL, 21, p. 397–429.

Levi, Judith N.
1978 The Syntax and Semantics of Complex Nominals. New York etc.: Academic Press, 301 p.

Lieber, Rochelle
1983 Argument Linking and Compounds in English. LI, 14, p. 251–285.

Lyons, John
1968 Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 519 p. [Русский перевод: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.]

Makkai, Adam
1972 Idiom Structure of English. The Hague: Mouton, 371 p.

Marantz, Alec
1982 Re Reduplication. LI, 13: 3, p. 435–482.

Marchand, Hans
1960 The Categories and Types of Present-Day English Word Formation. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 379 p.

Mardirussian, G.
1975 Noun-Incorporation in Universal Grammar. CLS-11, p. 383–389.

Matthews, Peter

1972 Inflectional Morphology. Theoretical Study Based on Aspect of Latin Verb Conjugation. Cambridge: Cambridge University Press, XI/431 p.

Meillet, Antoine

1903 Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris: Hachette, 434 p. [Русский перевод: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938, 510 с.]

Mel'čuk, Igor A.

1976 On Suppletion. Linguistics, 170, p. 45–90.

1982 Towards a Language of Linguistics. A System of Formal Notions for Theoretical Morphology. München: W. Fink, 160 p.

1987 Un affixe dérivationnel et un phrasème du russe moderne. RES, 59: 3, p. 631–648. [Перепечатано в: *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл ⟺ Текст». Москва; Вена: WSA; Языки русской культуры, 1995, с. 325–345.]

1988a Syntactic, or Lexical, Zero // *Mel'čuk I.* Dependency Syntax: Theory and Practice, Albany, NY: The SUNY Press, p. 303–337.

1988b Principes et critères de description sémantique dans le DEC // I. Mel'čuk et al., Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II, Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 7–39. [См. также: I. Mel'čuk, Semantic Description of Lexical Units in an Explanatory Combinatorial Dictionary: Basic Principles and Heuristic Criteria. IJL, 1988, 1: 3, p. 165–188.]

1991 Subtraction in Natural Language // M. Grochowski and D. Weiss, eds. «Words are Physicians for an Ailing Mind» [Festschrift Bogusławski], München: Otto Sagner, p. 279–293.

1994 Suppletion: Toward a Logical Analysis of the Concept. SiL, 18: 2, p. 339–410.

1995 Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // M. Everaert, E.-J. van den Linden, A. Schenk, and R. Schreuder, eds, Idioms: Structural and Psychological Perspectives, Hillsdale, NJ; Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates, p. 167–232.

Mel'čuk, Igor, André Clas et Alain Polguère

1995 Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire. Louvain-la-Neuve: Duculot. 256 p.

Merlan, Francesca
1976 Noun Incorporation and Discourse Reference in Modern Nahuatl. IJAL, 42: 3, p. 177–191.

Mithun, Marianne
1984 The Evolution of Noun Incorporation. Lg, 60: 4, p. 847–895.
1986 When Zero Isn't There. BLS-12, p. 195–211.
1988 Lexical Categories and the Evolution of Number Marking // Hammond and Noonan 1988, p. 211–234.
1997 Lexical Affixes and Morphological Typology // J. Bybee, J. Haiman and S. Thompson, eds, Essay on Language Functions and Language Type (Dedicated to T. Givón), Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, p. 357–371.

Moravcsik, Edith A.
1977 On Rules of Infixing. Bloomington, IN: IULC. 157 p.
1978 Reduplicative Constructions // J. H. Greenberg, ed., Universals of Human Language. Vol. 3. Word Structure, Stanford, CA: Stanford University Press, p. 297–333.

Morin, Yves-Charles
1972 The Phonology of Echo-Words in French. Lg, 48: 1, p. 97–108.

Mugdan, Joachim
1986 Was ist eigentlich ein Morphem? ZPSK, 39: 1, p. 29–43.

Muravyova, Irene
1992 The Paleosiberian Model of Incorporation in Comparison with the Oceanic One // Proceedings of the Third Symposium on Language and Linguistics (Chulalongkorn University, Thailand, January, 1991), vol. 1, Bangkok: Chulalongkorn University Press, p. 205–215.

Newmark, Leonard
1962 An Albanian Case System. Lingua, 11, p. 313–321.

Nichols, Johanna
1971 Diminutive Consonant Symbolism in Western North America. Lg, 47: 4, p. 826–848.

Nida, Eugene
1948 The Identification of Morphemes. Lg, 24: 4, p. 414–441.
1961 Morphology. The Descriptive Analysis of Words. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press. 342 p.

O'Brien, Richard, and Wim A. M. Cuypers
1975 A Descriptive Sketch of the Grammar of Sebei. Washington, DC: Georgetown University Press. 190 p.

Perlmutter, David
1988 The Split Morphology Hypothesis: Evidence from Yiddish // Hammond and Noonan, 1988, p. 79–100.

Pike, Kenneth, and Evelyne Pike
1980 Grammatical Analysis. Arlington, TX: The SIL/the University of Texas at Arlington. 505 p.

Polinsky, Maria
1993 Subject Inversion and Intransitive Subject Incorporation. CLS-29, p. 343–361.

Postal, Paul
1964 Limitations of Phrase Structure Grammars // J. A. Fodor and J. J. Katz, eds, The Structure of Language. Readings in the Philosophy of Language, Englewood Cliff, NJ: Prentice Hall, p. 137–151.

Robins, R. H.
1959 Nominal and Verbal Derivation in Sundanese. Lingua, 8, p. 337–369.

Ronneberger-Sibold, Elke
1988 Entstehung von Suppletion und Natürliche Morphologie. ZPSK, 41, p. 453–462.

Sanders, Gerald
1988 Zero Derivation and the Overt Analogue Criterion // Hammond and Noonan 1988, p. 155–175.

Sapir, Edward
1911 The Problem of Noun Incorporation in American Languages. American Anthropologist, 13, p. 250–282. [Русский перевод: *Сепир Э.* Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс-Универс, 1993, с. 355–385.]
1921 Language. New York: Harcourt, Brace & World. 242 p. [Русский перевод: *Сепир Э.* Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс-Универс, 1993, с. 26–203.]

1922 The Takelma Language of South-Western Oregon // F. Boas, ed., Handbook of American Indian Languages, Part 2, Washington, DC: Smithsonian Institution, p. 1–296.

1944 Grading: A Study in Semantics. Philosophy of Science, 11, p. 93–116. [Перепечатано в: E. Sapir, Selected Writings in Language, Culture, and Personality, Berkeley etc.: University of California Press, 122–149. Русский перевод: *Сэпир Э.* Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985, с. 43–78.]

Saporta, Sol

1956 Morph, Morpheme, Archimorpheme. Word, 12: 1, p. 9–14.

Selkirk, Elisabeth

1982 The Syntax of Words. Cambridge, MA: The MIT Press. X/136 p.

Shibatani, Masayoshi

1994 The Languages of Japan. Cambridge: Cambridge University Press. 411 p.

Sobin, Nicholas J.

1985 Case Assignment in Ukrainian Morphological Passive Constructions. LI, 16: 4, p. 649–662.

Sproat, Richard

1992 Morphology and Computation. Cambridge, MA; London: The MIT Press. 295 p.

Swadesh, Morris

1939 Nootka Internal Syntax. IJAL, 9, p. 2–4, 76–102.

Sypnicki, Józef

1979 La composition nominale en français et en polonais. Poznań: Uniwersytet im. A. Mickiewicza. 140 p.

Thiele, Johannes

1987 La formation des mots en français moderne. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal. 180 p.

Thomas, Jacqueline

1976 Classes et genres nominaux en aka, langue bantoue des Pygmées de Mongoumba (R.C.A.) // L. Bouquiaux, réd., Théories et méthodes en linguistique africaine, Paris: SELAF, p. 27–35.

1981 Le Ngbaka-Ma'bo // Jean Perrot, réd., Les langues dans le monde ancien et moderne, Paris: Éditions du CNRS, p. 209–222.

Thompson, L. C., and M. T. Thompson
1969 Metathesis as a Grammatical Device. IJAL, 35: 3, p. 213–219.

Uhlenbeck, E. M.
1962 Limitations of Morphological Processes: Some Preliminary Remarks. Lingua, 11, p. 426–532.

Ultan, Russel
1975 Infixes and Their Origins // H.-J. Seiler, Hrsg., Linguistic Workshop III. Arbeiten des Kölner Universalienprojekts 1974. München: W. Fink, p. 157–203.

Vacandard, Jean
1964 Glossaire picard de Normandie. Dialecte de Melleville (canton d'Eu, Seine-Maritime). Amiens: Musée de Picardie.

Weinreich, Uriel
1969 Problems in the Analysis of Idioms // J. Puhvel, ed., Substance and the Structure of Language, Berkeley; Los Angeles: University of California Press, p. 23–81. [Перепечатано в: U. Weinreich, On Semantics, 1980, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, p. 208–264.]

Welte, Werner
1974 Moderne Linguistik: Terminologie/Bibliographie. Bände 1–2. München: Max Hueber. 767 p.

Wierzbicka, Anna
1972 Semantic Primitives. Frankfurt/M.: Athenäum. 235 p.
1980 Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language. Sydney etc.: Academic Press. 367 p.

Wonderly, William L., Lorná F. Gibson, and Paul L. Kirk
1954 Number in Kiowa: Nouns, Demonstratives, and Adjectives. IJAL, 20: 1, p. 1–7.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Этот указатель содержит некоторые имена, упомянутые в тексте, помимо библиографических указаний.

Ажеж (Hagège), Клод 178
Андерсон, Стивен 146, 208, 208
Аронов, Марк 52, 63
Блумфилд, Леонард 292, 293
Вайнрайх, Уриель 459
Гринберг, Джозеф 169, 171, 275
Кузнецов, Петр Саввич 243
Лангакер, Роналд 146
Мартине, Андре 42
Мейе (Meillet), Антуан 57
Муравьева, Ирина Анатольевна 159
Найда, Юджин 301
Перцов, Николай Викторович 64
Постал, Пол 138
Реформатский, Александр Александрович 243
Сепир, Эдуард 130, 133, 141, 158, 159, 369, 497
Сидоров, Владимир Николаевич 243
Филмор, Чарльз 497
Хаас, Уильям 26, 27, 27
Хоккет, Чарльз 63, 43, 412
Якобсон, Роман Осипович 328

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

Указатель языков к тому 4 составлен Е. Н. Саввиной и существенно переработан по сравнению с предыдущими томами. А именно: данные по генетической классификации языков, представленные в указателе, в основном заимствованы из базы данных «Этнолог» (www.sil.org/ethnologue). При этом для нас было важнее дать достаточно общее указание на генетическую принадлежность того или иного языка, чем скрупулезно фиксировать все развилки в его «генеалогическом древе». Поэтому генетические связи языков представлены во многих случаях огрубленно по сравнению с вышеназванной базой данных.

Обращаем внимание читателя на следующие моменты:

1) В некоторых случаях генетическая классификация не установлена окончательно, так что в разных источниках могут приводиться противоречивые сведения. Недостаточно доказанное родство языков может иногда приводить к тому, что в основу объединения кладется, скорее, географический, чем генетический принцип.

2) Названия группировок (макросемья, семья, подсемья, ветвь; а также группа и подгруппа) не имеют строгого определения; в базе данных «Этнолог» эти понятия не используются вовсе. Однако мы решили ввести их в наш указатель для удобства читателя, хотя их использование не всегда осуществляется достаточно последовательно. Мы старались, где это возможно, следовать традиции или принимать во внимание мнение специалистов по тем или иным языкам (в частности, по вопросам большей/меньшей доказанности языкового родства).

В связи с этим мы пользуемся случаем искренне поблагодарить А. В. Дыбо, А. А. Кибрика, В. А. Плунгяна, В. И. Беликова за их любезные консультации, позволившие нам устранить ряд неточностей. Тем не менее, ответственность за принятие решений в спорных случаях и за неизбежные упущения составитель указателя целиком берет на себя.

Абхазский [северокавказская семья, абхазо-адыгская подсемья, абхазо-абазинская группа] 73, 75, 182

ава [трансновогвинейская фила, группа каинанту (Папуа — Новая Гвинея)] 88

агем [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Камерун)] 415

агта [австронезийская семья, западная ветвь, севернофилиппинская группа (**Филиппины**)] 312

айнский [изолированный язык (о. Хоккайдо)] 420
албанский [индоевропейская семья] 172, 329, 431, 504
алюторский [чукотско-камчатская семья] 137, 394, 405, 434
английский [индоевропейская семья, германская группа] 16, 19, 24, 25, 39, 43, 68, 73–76, 80, 91, 93, 107, 108, 111, 120, 127, 128, 131, 161, 163–165, 172, 177, 205, 207, 221, 228, 233, 236, 245, 252, 265, 269, 272, 276, 277, 284, 285, 288, 291, 293, 312, 329, 333, 341, 345, 347, 348, 358, 367, 374, 381, 388, 396, 410, 412, 422, 428, 430–435, 437, 438, 440, 443, 445, 449, 452, 456, 466, 470, 475, 480, 483, 484, 486, 489, 495, 497, 503, 510, 563
арабский [афразийская семья, семитская группа] 163, 199, 200, 221, 338, 403, 562
арчинский [северокавказская семья, нахско-дагестанская подсемья, лезгинская группа] 52

Балангао [австронезийская семья, западная ветвь, севернофилиппинская группа (Филиппины)] 194
банда [нигеро-конголезская семья, группа адамава-убанги, подгруппа убанги (Центрально-Африканская Республика)] 303
баскский [изолированный язык (Испания и Франция)] 21, 63, 103, 339, 437, 454, 455
бафиа [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Камерун)] 316, 327, 353, 366
блэкфут [алгонкинская семья (штат Монтана, США; Канада)] 430
болгарский [индоевропейская семья, славянская группа, южнославянская подгруппа] 204, 207, 225, 361, 443
бретонский [индоевропейская семья, кельтская группа] 419, 425
бурушаски [изолированный язык (Кашмир)] 430, 443

Валлийский [индоевропейская семья, кельтская группа] 389, 396
венгерский [уральская семья, финно-угорская подсемья, угорская группа] 66, 73, 75, 84–86, 102, 106, 115, 144, 154, 163, 208, 320, 414, 434, 437, 443, 497, 562
вери [трансновогвинейская фила, группа гоилала (Папуа — Новая Гвинея)] 50, 63
верхнегессенский диалект немецкого языка: см. немецкий
верхнелужицкий [индоевропейская семья, славянская группа, западнославянская подгруппа] 567
верхний чехалис: см. чехалис верхний
вишрам [= диалект языка шинук; шинукская семья (штаты Вашингтон и Орегон, США)] 341
волоф [нигеро-конголезская семья, (западно-)атлантическая группа (Сенегал, Гамбия)] 312, 318, 320, 322

Гавайский [австронезийская семья, океанийская ветвь, полинезийская группа (штат Гавайи, США)] 144
гайдидь [= кайтедь; австралийская фила, семья пама-нюнга, арандикская группа] 434
ганда [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Уганда)] 386
гарифуна [= (черный) кариб; аравакская семья (Гондурас, Гватемала)] 90, 120, 121
геэз [= эфиопский; мертвый язык; афразийская семья, эфиопская группа] 96, 200, 382
голландский [индоевропейская семья, германская группа] 439
готский [мертвый язык; индоевропейская семья, германская группа] 314
грузинский [южнокавказская (= картвельская) семья] 94, 175, 186, 193, 217, 218, 319, 505, 560, 568
гунвинггу [= маяли; австралийская фила, семья гунвинггу] 136

Дакота [сиуанская семья (США, Канада)] 187, 341, 407, 414

даргинский [северокавказская семья, нахско-дагестанская подсемья, лакско-даргинская группа] 195, 334
древнегреческий [мертвый язык; индоевропейская семья] 107, 198, 315, 348, 509
древнегрузинский [южнокавказская (= картвельская) семья] 413
древнеирландский [мертвый язык; индоевропейская семья, кельтская группа] 315
древнекитайский [мертвый язык; сино-тибетская семья, китайская группа] 155, 356
дьингили [австралийская фила, западнобарклеанская семья (= дингили-вамбайя)] 190
дьирбал [австралийская фила, семья пама-нюнга] 314
дьяру [австралийская фила, семья пама-нюнга] 107, 117

Зулу [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Южная Африка)] 166

Иврит [афразийская семья, семитская группа] 173, 200, 344, 391
идиш [индоевропейская семья, германская группа] 186, 408
индонезийский [= малайский; австронезийская семья, западная ветвь, сундская группа (Индонезия, Малайзия)] 326
инуктитут [эскимосско-алеутская семья, эскимосская группа] 87, 143, 380
ирландский [индоевропейская семья, кельтская группа] 239, 332, 346, 384, 427, 432, 510
испанский [индоевропейская семья, италийская ветвь, романская группа] 34, 56, 74, 75, 179, 208, 212, 217, 236, 245, 251, 252, 257, 352, 358, 366, 403, 427, 434, 438, 442
итальянский [индоевропейская семья, италийская ветвь, романская группа] 34, 174, 285, 406, 440, 472

Йака [= ака; нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Центрально-Африканская Республика)] 354

Каддо [каддоанская семья (штат Оклахома, США)] 140
казахский [алтайская семья, тюркская ветвь, кыпчакская группа] 74
кайова [кайова-таноанская семья (штат Оклахома, США)] 53, 54
калиспел [более известен диалект спокан; салишская семья (штат Вашингтон, США)] 73, 75, 182
каннада [дравидийская семья, южная ветвь (Индия)] 56, 124, 457
канса [мертвый язык; сиуанская семья (штат Оклахома, США; Канада)] 178
канури [нило-сахарская фила, центральносахарская семья, западная группа (Нигерия)] 312
карок [хоканская семья (штат Калифорния, США)] 420
квилеут [чимакумская (штат Вашингтон, США)] 313
кирибати [австронезийская семья, океанийская ветвь, микронезийская группа (Микронезия)] 312
китайский [сино-тибетская семья, китайская группа] 286, 357, 375
клаллам [почти вымерший язык; салишская семья (штат Вашингтон, США; о. Ванкувер, Канада)] 337
коасати [мускогийская семья (штаты Луизиана и Техас, США)] 385
коми [уральская семья, финно-угорская подсемья, финская ветвь, пермская группа] 188, 434
комокс [салишская семья (западный берег Канады)] 178
корякский [чукотско-камчатская семья] 50, 63, 176, 192
кумиаи [= диегеньо; юманская семья (штат Калифорния, США; Мексика)] 341
купсабини [= себеи = сапей; нило-сахарская фила, восточносуданская семья, нилотская группа (Уганда)] 183
кус [изолированный вымерший язык (штат Орегон, США)] 425

кусаие [австронезийская семья, океанийская ветвь, микронезийская группа (Микронезия)] 313
кхму [австроазиатская семья, мон-кхмерская группа (Лаос)] 197

Лакский [северокавказская семья, нахско-дагестанская подсемья, лакско-даргинская группа] 212, 225, 430
латинский [мертвый язык; индоевропейская семья, италийская ветвь] 51, 68, 76, 83, 196, 198, 214, 245, 275, 315, 413, 430, 434, 442, 490, 509
лахота [= диалект языка дакота; сиуанская семья (США)] 84, 178
лезгинский [северокавказская семья, нахско-дагестанская подсемья, лезгинская группа] 213, 432
лиллуэт [= статимсетс; салишская семья (Британская Колумбия, Канада)] 193
литовский [индоевропейская семья, балтийская группа] 77, 184, 196, 204, 218, 219, 362
луисеньо [юто-ацтекская семья, такская группа (штат Калифорния, США)] 317
лухья [= олулухья; нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Кения и Уганда)] 96
лушутсид [салишская семья (Британская Колумбия, Канада)] 324

Мапудунгу [арауканская семья (Аргентина, Чили)] 183, 185
марийский [уральская семья, финно-угорская подсемья, финская ветвь, марийская группа] 188
маршалльский [австронезийская семья, океанийская ветвь, микронезийская группа (Микронезия)] 312, 313
масаи [нило-сахарская фила, восточносуданская семья, нилотская группа (Кения)] 385, 431
маунг [австралийская фила, семья иваиди (п-ов Арнемленд, Австралия)] 248, 470
мискито [мисумальпская семья (Никарагуа)] 198
мокил [австронезийская семья, океанийская ветвь, микронезийская группа (Микронезия)] 313
мохаук [ирокезская семья, северная группа (штат Нью-Йорк, США; Квебек, Канада)] 110, 133, 137, 138

Нанайский [алтайская семья, тунгусо-маньчжурская ветвь, амурская группа (юго-восток Сибири)] 478
науатль [юто-ацтекская семья, ацтекская группа (Мексика)] 112, 136, 159, 312
нганди [австралийская фила, семья гунвинггу] 436
нгбака [нигеро-конголезская семья, группа адамава-убанги, подгруппа убанги (Заир)] 303, 306
нгбанди [= монгбанди; нигеро-конголезская семья, группа адамава-убанги, подгруппа убанги (Заир)] 299, 343
немецкий [индоевропейская семья, германская группа] 19, 25, 31, 60, 71, 80, 81, 97, 106, 113, 116, 131, 145, 157, 164, 165, 170, 178, 187, 191, 208, 241, 267, 294, 333, 346, 347, 349, 363, 376, 379, 404, 406, 412, 442, 443, 466, 472, 480, 494
непальский [индоевропейская семья, индоиранская ветвь, индоарийская группа (Непал)] 302
не-персе [сахаптинская семья (штат Айдахо, США)] 321
нивхский [= гилякский; изолированный язык (юго-восток Сибири)] 128
нижнелужицкий [индоевропейская семья, славянская группа, западнославянская подгруппа] 567
нисга [= насс; цимшианская семья (Британская Колумбия, Канада)] 373, 425
ниуэ [австронезийская семья, океанийская ветвь, полинезийская группа (Полинезия)] 144
новогреческий [индоевропейская семья] 431
нутка [вакашская семья (Британская Колумбия, Канада)] 74, 87, 208, 342

Онейда [ирокезская семья, северная группа (штат Нью-Йорк, США; Квебек, Канада)] 104, 110
онондага [ирокезская семья, северная группа (штат Нью-Йорк, США; Квебек, Канада)] 113, 135, 140, 160
осетинский [индоевропейская семья, индоиранская ветвь, иранская группа (Кавказ)] 342
отоми мескиталь [= диалект языка отоми; отомангская семья, ото-памейская группа (Мексика)] 348

Паама [австронезийская семья, океанийская ветвь, группа севера и центра Вануату] 192
пайюте [юто-ацтекская семья, нумская группа (штат Невада, США)] 103, 106, 128, 141, 168
паме [отомангская семья, ото-памейская группа (Мексика)] 193
папаго [юто-ацтекская семья, сонорская группа (штат Аризона, США; Мексика)] 311, 376
пауни [каддоанская семья (штат Оклахома, США)] 129, 133
пикардский диалект французского: см. французский
пингелап [австронезийская семья, океанийская ветвь, микронезийская группа (Микронезия)] 313
польский [индоевропейская семья, славянская группа, западнославянская подгруппа] 33, 48, 154, 206, 281, 293, 361, 442, 443, 467, 485
португальский [индоевропейская семья, италийская ветвь, романская группа] 406

Рембарнга [австралийская фила, семья гунвинггу] 114
ротума [австронезийская семья, океанийская ветвь, группа фиджи-ротума] 336, 385
руанда [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Руанда)] 383, 437
румынский [индоевропейская семья, италийская ветвь, романская группа] 332, 347, 424
рунди [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Бурунди)] 89
русские северные диалекты: см. русский 31,
русский [индоевропейская семья, славянская группа, восточнославянская подгруппа] 12, 24, 28, 29, 39, 45, 49, 55, 66, 71–75, 80, 82, 92, 93, 104, 106, 109, 111, 115–117, 125, 126, 151, 154, 157, 158, 164, 165, 179, 209, 216, 218, 219, 221, 222, 228, 229, 232–234, 236, 246, 251, 253, 255, 256, 262, 265, 266, 268, 270, 271, 273, 281, 286, 288, 292, 293, 328, 342, 360, 361, 365, 375, 379, 395, 402, 405, 412, 421, 423, 429, 430, 432, 433, 435–437, 439, 443, 445, 449, 464, 470, 472, 474–477, 479, 481–484, 486, 488, 489, 494, 495, 506, 510, 565

Саамский [уральская семья, финно-угорская подсемья, финская ветвь, саамская группа] 335, 346
самоанский [австронезийская семья, океанийская ветвь, полинезийская группа (Полинезия)] 311
санскрит [мертвый язык; индоевропейская семья, индоиранская ветвь, индоарийская группа] 94, 103, 109, 111, 112, 117, 198, 239, 315, 408, 484, 509
сахаптин [сахаптинская семья (США)] 341
сванский [южнокавказская (= картвельская) семья] 338
сербохорватский [индоевропейская семья, славянская группа, южнославянская подгруппа] 241, 293, 392
сингальский [индоевропейская семья, индоиранская ветвь, индоарийская группа (Шри Ланка)] 25
современный иврит: см. иврит
сора [австроазиатская семья, группа мунда (Индия)] 104, 106, 436
сранан [креольский язык на основе английского (Суринам)] 242, 246

суахили [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Восточная Африка)] 20, 76, 312, 359
сумо [= ульва; мисумальпская семья (Никарагуа)] 381
сунданский [австронезийская семья, западная ветвь, сундская группа (Индонезия)] 195, 382, 384
сьерра пополука [семья михе-соке (Мексика)] 69, 416

Табасаранский [северокавказская семья, нахско-дагестанская подсемья, лезгинская группа] 430
тагальский [австронезийская семья, западная ветвь, мезо-филиппинская группа (Филиппины)] 168, 197, 343, 506
такелма [мертвый язык (штат Орегон, США)] 336, 380
татарский [алтайская семья, тюркская ветвь, кыпчакская группа] 182, 316
тива [диалект: тао; кайова-таноанская семья (штат Нью-Мексико, США)] 134, 135, 137, 141, 160
тиви [австралийская фила; родственные связи с другими австралийскими языками не доказаны (острова Мелвилл и Батерст, северный берег Австралии)] 436
ток-писин [= меланезийский пиджин; креольский язык на основе английского (Папуа — Новая Гвинея)] 166
томпсон [салишская семья (штат Вашингтон, США; Британская Колумбия, Канада)] 325
тотонак [тотонакская семья (Мексика)] 298, 348
турецкий [алтайская семья, тюркская ветвь, огузская группа] 74, 97, 182, 218, 219, 317, 380, 497

Уичоль [юто-ацтекская семья, сонорская группа (Мексика)] 183, 336, 376
украинский [индоевропейская семья, славянская группа, восточнославянская подгруппа] 30, 33, 489

Фарерский [индоевропейская семья, германская группа (Фарерские о-ва, к северу от Шотландии)] 424
финский [уральская семья, финно-угорская подсемья, финская ветвь, прибалтийско-финская группа] 99, 103, 157, 187
французский [индоевропейская семья, италийская ветвь, романская группа] 19, 24, 32, 38, 42, 43, 59, 65, 67, 71–75, 80, 82, 93, 95, 97, 126, 127, 144, 161, 164, 179, 181, 189, 208, 211, 214, 226, 234, 237, 253, 257, 260, 265, 267, 275, 280, 282, 283, 287, 291, 294, 323, 335, 346, 361, 363, 376, 381, 383, 387, 396, 401, 406, 409, 410, 421, 422, 427, 428, 431, 432, 435, 437, 440–443, 445, 448, 449, 451, 452, 454, 465, 470, 472–474, 476, 478, 481, 482, 484–487, 491, 493, 496, 506, 510, 565

Хайда [изолированный язык (Британская Колумбия, Канада)] 426
хакальтек [майянская семья (Мексика)] 21, 190, 430
хауса [афразийская семья, чадская группа (Нигерия)] 477
хеттский [мертвый язык; индоевропейская семья, анатолийская группа] 424

Цельталь [майянская семья (Мексика)] 321
цоциль [майянская семья (Мексика)] 177, 504
цутухиль [майянская семья (Гватемала] 383, 389

Чатино [отомангская семья, сапотекская группа (Мексика)] 303
чехалис верхний [салишская семья (штат Вашингтон, США)] 339
чеченский [северокавказская семья, нахско-дагестанская подсемья, чечено-ингушская группа] 334, 349

чешский [индоевропейская семья, славянская группа, западнославянская подгруппа] 72, 75, 293, 443, 472
чинантек [отомангская семья, чинантекская группа (Мексика)] 305
чонталь табаско [майянская семья (Мексика)] 196, 312
чукотский [чукотско-камчатская семья] 74, 114, 115, 127, 128, 132–136, 142, 193

Шауни [алгонкинская семья (штат Оклахома, США)] 141
шиллук [нило-сахарская фила, восточносуданская семья, нилотская группа (Судан)] 299, 343
шипибо [паноанская семья (Перу)] 23
шона [нигеро-конголезская семья, бенуэ-конголезская группа, подгруппа банту (Южная Африка)] 344
шошоне [юто-ацтекская семья, нумская группа (штат Невада, США)] 411, 420

Эве [нигеро-конголезская семья, группа ква (Гана и Того)] 321
эвенский [алтайская семья, тунгусо-маньчжурская ветвь, северная группа (Восточная Сибирь)] 174
эскимосский: см. инуктитут
эсперанто [искусственный язык] 438, 490
эфиопский: см. гезз

Юкатек [майянская семья (Мексика)] 566

Яванский [австронезийская семья, западная ветвь, сундская группа (Индонезия)] 384
ягуа [семья пеба-ягуа (Перу)] 74
яна [изолированный вымерший язык (штат Калифорния, США)] 105, 106, 133, 137
японский [алтайская семья, японская группа] 74, 75, 355, 476

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Номера страниц, выделенные жирным шрифтом, отсылают к соответствующим определениям.

⊕, метаоперация языкового объединения 373, 403

Compositum copulativum 109

Dvandva 109

Imperfectiva tantum 403

Karmadhāraya 112, 158

-mente *см.* наречный суффикс (испанский) **-mente**

Perfectiva tantum 403

Reflexiva tantum 211, 270, 506

Singularia tantum 565
stranded (элемент; = беспризорный) 159

Tatpuruṣa 110, 158

Аббревиация 387
абитуалис 312
аблаут 330, 333
  пустой$_1$ 505
абстрактная
  алломорфа 246, 247
  морфа 45
агглютинативность 394
агглютинативный аффикс 218
агглютинативный язык 220
агенс 31, 32, 34, 83, 144, 356
агентивное дополнение при инкорпорации 135
агентивный пассив 31
адвербиализатор 56, 363, 496
аддитивность 47, 375
акронимизация 388
актант 137
актив 197, 199
активный деятель 109, 110, 134, 158
акцентная апофония 342, 343
акцентная структура 115
акцентная схема 120, 298
акцентный словоизменительный супрафикс 302
алло- **252**
аллоапофония 347
аллолекса 423
алломорфа 126, **244**, 406, 409, 422, 439, 467, 485, 504
  абстрактная 246, 247
  выводимая **244**, 248, 470
  главная 248
  исходная 247
  основная [= главная] **247**
  представляющая **244**, 247, 249, 470
алломорфия 229, 470, 475
алломорфы супплетивные 266, 435, 475
аллосупрафикс **306**
амальгама 406
аморфный язык 220
аналитическая форма 372, 375
аналитическое выражение 222
анафорический остров 119, 120
анафорическое (местоимение) 89
антоним 438, 484, 491
антонимия 487, 490, 498
аорист 431
апофонация 373, 374, 378, 379, 384, 397
апофониема **347**, 467
апофоническая
  мегаморфа 405
  слабая мегаморфа 408, 466

апофония 146, 149, 152, 220, 304, 309, 318, **329**, 379, 405, 427, 509
акцентная 342, 343
ее значения 330
ее формальные разновидности 331
нулевая 301, **345**, 346, 467
нулевая тональная 300
*пустая$_2$ 345
сегментная 298, **330**, 331, 384
словоизменительная 331, 342
словообразовательная 338, 343
супрасегментная 299, 301, **330**, 342, 385
тональная 343, 344
уникальная 226, 410
усечения 48
апофония-замещение 332, 338
апофония-метатеза 336
апофония-усечение 336, 341
аппендитивное отношение (глубинно-синтаксическое) 109, 158
аппликатив 138
артикль 236, 401
аспект 189, 190, 220, 221, 305, 330, 336, 432
аспект I 334
аспект II 23
аспект III 298, 313, 384
аспект IV 312, 337
аспект V 23, 195, 334, 336, 348, 376, 385
ассимиляция
прогрессивная 502
регрессивная 502
атрибутивное отношение (глубинно-синтаксическое) 111
аттенуатив 311, 312
аттракция парадигматическая 459
аугментатив 49, 63, 143, 174, 311, 341, 359, 360, 386, 467
аффикс 69, 70, 77, 78, 82, 84, 148, 150, 154, **162**, 164, 201, 202, 207, 208, 230, 242, 269, 322, 378, 407, 412, 433, 453, 476
агглютинативный 218
его означающее 167
кумулятивный 200, **218**
мигрирующий 202, **205**
нулевой 66, 77, 216
«опустошенный» 213
пустой$_2$ 209, 218, 470
синонимия между корнем и аффиксом 74
словоизменительный 166
словообразовательный 167
смещенный 202, **204**
уникальный 168, 267–269
аффикс пустой$_2$ *vs.* наращение 213
аффиксальное замыкание 133
аффиксация 378, 380
аффиксов иерархия 169
аффиксов типология 166
«аффиксы ~ корни», противопоставление 11, 58, 66, 71, 72, 163, 223, 233, 243, 429

Бахуврихи 116, 282, 505
беглая гласная 505
безличное местоимение 24, 29, 34, 87
безличный пассив 31, 33
бенефициант 407
беспризорный (элемент; = англ. stranded) 159

Вариант словообразовательный 471
Венна диаграмма 258, 468
вербализатор 96
взаимный залог 311
вид 402, 432, 480, 483
виды (разные) одного рода (их названия в рамках одного семантического поля) 491
вкладывающееся распределение 250
включение (множеств) 258, 468
включительная квазисинонимия 486
включительная полисемия 476
внешнее сандхи 119, 238, 408
внешний определитель 160
внутреннее сандхи 115, 119, 122
внутрилексемная сочетаемость 78
возвратное местоимение 184
возвратный глагол 480
возвратный суффикс 49
вокабула 473, 492
вокалическая эпентеза 501
время 34, 189, 565
вспомогательный глагол 372
вторичная основа 93
вторичная словоформа 66, 86, 164
вторичный корень 86
вторичный падеж 52, 64, 213, 225, 377, 498
выводимая алломорфа **244**, 248, 470
выражение
аналитическое 222
синтетическое 222

*«вычитательная» [= субтрактивная, отрицательная] морфа 43, 48
«вычитательное» [= отрицательное] означаемое 49, 375, 481
«вычитательное» [= отрицательное] означающее 376

Гармония гласных 50, 86, 115, 116, 132, 142, 220, 502–505
генитив 81, 213, 413
  саксонский 205
герундий 107, 381, 470
гипокористичность 331, 341, 344, 437, 567
гипонимия лексическая 486
главная алломорфа 248
глагол
  возвратный 480
  вспомогательный 372
  отсубстантивный 482
  сильный 329, 333
глагол уменьшительный 567
глагольная сериализация 193
гласная беглая 505
гласная тематическая 93, 352, 476
глоттализация 298, 348, 505
градуальность суплетивизма 441
грамматическая сопредставимость (означаемых) 421, 422, 424
грамматические значения, имеющие тенденцию к кумуляции 219
грамматический знак 150
грамматический морфологический знак **145**, 147, 149, 162, 372
грамматический языковой способ выражения 371
грамматическое
  значение 69, 70, 163, 219, 227, 369
  означаемое 436
граммема 26, 42, 147, 166, 185, 219, 231, 311, 352, 364
  ее дублирование 391
  семантическая 186
  синтаксическая 186
граница морфная 220
Гринберга квадрат 275
  квазисовершенный 277
  несовершенный 277
  совершенный 276

Двойная инкорпорация 137
двойное склонение 456
девокализация 568
деепричастие 192, 563
дейктическое (местоимение) 89
декаузатив 375
декаузативизатор 313
декларатив 331
дериватема 26, 42, 70, 147, 167, 185, 202, 210, 219, 236, 312, 435, 436, 475
детерминация 204, 219, 225, 330
детранзитиватив 138, 389, 566
дефектная парадигма$_1$ 563 ·
дефектность 442, 562
деятель активный 109, 110, 134, 158
деятеля имя 200, 266
диаграмма Венна 258, 468
диатеза 83, 155
диахрония 95, 98, 388
дизъюнкция 258, 468
диминутив 174, 233, 255, 311, 323, 339–341, 359, 360, 386, 509
диминутивность 324, 331
диминутивный сдвиг согласных 340
дистрибутив 314, 509
дистрибутивность 312, 319, 324
длительность 311
дополнение агентивное при инкорпорации 135
дополнение косвенное при инкорпорации 135
дополнение прямое при инкорпорации 135
дополнительное распределение 250
дуализатор 63
дублирование значения 390, 391
дуратив 312, 316

Единиц языковых элементарность 260
единица уникальная 270
единица языковая 265
единицы языковые родственные **264**
единицы языковые сопредставимые 420

Залог 138, 197, 331
  активный *см.* актив
  взаимный 311
  пассивный *см.* пассив
заместительное [= субститутивное] означаемое 50, 51, 227, 304, 376, 403, 458
заместительное означающее 376
замещение (чередование) 331, 384
замещение одной граммемы вида другой (при видообразовании) 226
замыкание

аффиксальное 133
инкорпорационное 138
суффиксальное 144
знак 27, 42, 84, 86, 146, 147, 251, 284, 289, 290, 357, 362, 363, 369, 390, 391, 439, 463
грамматический 150
грамматический морфологический **145**, 147, 149, 162, 372
иконический 311, 327
квазиэлементарный 98
кумулятивный 300
морфологический 147, 150, 370, 393
непустой$_2$ **18**, 357
нулевой **25**, 173
нулевой синтаксический 27
*отрицательный 336
псевдосуществующий 287
пустой$_2$ **18**, 20
уникальный 448
знаков морфологических иерархия 147, 150, 151
знаков супплетивных типология 429
знаков фразеологизованный комплекс 390, 395, 453, 459
знаков элементарных морфологических иерархия 14
знаков элементарных морфологических основные классы 13
значение
грамматическое 69, 70, 163, 219, 227, 369
лексическое 69
словоизменительное 202
словообразовательное 171
значения, выражаемые апофониями 330

Идиома **448**, 451–453
морфологическая 458
полная 449
сильная 449
слабая 449
идиоматизации степень 449
иерархия
аффиксов 169
конфиксов 171
морфологических знаков 147, 150, 151
морфологических средств 14, 151, 152
элементарных морфологических знаков 14
изолирующий язык 220
иконический знак 311, 327
иконичность 335, 336
именной класс 1 20, 353, 359, 386
императив 394, 432, 563
имперфект 333, 565
имперфектив 195, 334, 385
импликативная универсалия 169
имя
действия 82
действия/состояния 438
деятеля 200, 266
инструмента 197
собственное 323, 331, 344
инкомплетив 336, 337, 376
инкорпорационное замыкание 138
инкорпорация 103, 110, 116, **127**, 129, 134, 161, 372, 378, 380
агентивного дополнения 135
в сильном смысле 127
в слабом смысле 132
двойная 137
ее морфологические правила 143
ее семантические правила 142
косвенного дополнения 135
морфологическая 145
по аналогии 130
повторная 138
подлежащего 134, 137
прямого дополнения 135
синтаксическая 145
инкорпорация$_1$ 127, 132, 436
инкорпорация$_2$ 132
инкорпорируемый$_1$ вариант основы 436
инструментивный префикс 177, 187
интенсив 311, 317, 477
интенсивность (дериватема) 311, 331
интерфикс 106, **170**, 178, 211, 223, 227
интерфиксация 383
инфикс 167, 169, **194**, 224, 227, 414, 505, 509
его линейная позиция 194
пустой$_2$ 196
словоизменительный 194
словообразовательный 197
инфиксация 381
инфинитив 363, 565
исходная алломорфа 247
исчисление типов грамматических морфологических знаков 147
итератив 23, 311, 313

Каноническое представление (знаков) 464
категориальная конверсия$_2$ 356

категория
морфологическая 185
синтаксическая словоизменительная 313
словоизменительная 202
каузатив 137, 138, 182, 331, 338, 354, 355, 476
каузатор 134
качественное прилагательное 200
квадрат Гринберга 275
квазисовершенный 277
несовершенный 277
совершенный 276
квазиграммема 42, 202, 205, 352
квазиединица языковая 278
квазиидиома 450
квазиморфа **59**, 95, 98, 101, 157, 181, 191, 279, 390, 447, 453, 454, 458, 495
квазиморфема 255
квазипредставимость 404, 409, 448
квазипредставимый по означающему 455
квазисвободное словообразование$_2$ 478
квазисвободное сложение$_2$ 479
квазисиноним 483, 487
квазисинонимия 487
квазисинонимия включительная 486
квазисинонимы пересекающиеся 491
квазиуникальный корень 271, **273**, 289, 290
квазифразема 478
квазиэлементарный знак 98
класс 1 (именной) 20, 353, 359, 386
класс согласовательный 80
кластерный анализ 78
клитик подъем 207
клитика 144, 207, 208, 257, 506, 560
клитикализация 372
кодеривация$_1$ 489
коллективность 478
коллокация 57, 450
компаратив 480, 483
комплекс
знаков фразеологизованный 390, 395, 453, 459
суффиксальный 175
суффиксов фразеологизованный 224
комплетив 336, 376
компрессия словосочетаний 479
конверсиема **365**
конверсия$_1$ 151, 152, 357, 362, 367, 378
конверсия$_2$ 15, 16, 148, 152, **351**, 378, 395, 475
категориальная 356
нулевая **364**
парадигматическая 353
парадигматическая и категориальная 358
парадигматическая и рекционная 359
парадигматическая, категориальная и рекционная 361
пустая$_2$ 362
рекционная 353, 358
словоизменительная 352
словообразовательная 356
чисто синтаксическая 470
конверсия$_3$ 374, 378, 386, 395
кондиционалис 181, 258, 394, 395, 454, 458
конец словоформы 171
конкатенатор 211
конкатенация 403
коннектор 211
консонантизация 89, 502
контекст 263
континуатив 313, 338
«контрадикторное» означаемое 53
конфикс 167, 169, **170**, 218, 227
конфиксов иерархия 171
концессив 458
корень 66, 69, 78, **79**, 83–85, 123, 127, 154, 164, 182, 185, 201, 202, 222, 230, 242, 265, 378, 399, 412, 433, 453
вторичный 86
его «исчезновение» 154
как обязательный элемент словоформы 77
как свободная форма 76
квазиуникальный 271, **273**, 289, 290
нулевой 88, 90, 409
нулевой глагольный 503
псевдосуществующий 285
пустой$_2$ 86, 87
пустой$_2$ нулевой 32, 33, 58, 90
связанный 271, **273**, 274, 291, 485
синонимия между корнем и аффиксом 74
уникальный 266, 267, 289, 423
корневая морфа 84, 429, 431
корневая морфема 232
«корни ~ аффиксы», противопоставление 11, 58, 66, 71, 72, 163, 223, 233, 243, 429
корни, их суплетивизм 435
косвенная основа 213

косвенное дополнение при инкорпорации 135
кумулятивная морфа 227, 402
кумулятивное выражение граммем 413, 419
кумулятивность 392, 394
кумулятивный
аффикс 200, **218**
знак 300
суффикс 173, 175
кумуляция, грамматические значения, имеющие тенденцию к ней 219

Лекса нулевая пустая$_2$ 31, 34
лекса-словосочетание 560
лексема 453, 473, 492
ее толкование 464
нулевая 29, 501
производная$_2$ 277
пустая$_2$ 25
сложная 97
сложная$_1$ экзоцентрическая 116
сложная$_1$ эндоцентрическая 116
сложная$_2$ 277, 407, 495
лексикализации правила 142
лексикализация 371, 375
лексикографическое толкование 493
лексическая антонимия 487
лексическая гипонимия 486
лексическая функция 80, 255, 357, 450, 496, 497
лексическая функция пустая$_2$ 87
лексические синонимы 472
лексический префикс 380
лексический суффикс 87, 178, 380
лексическое значение 69
ленициа 239
линейная перестановка 372
линейная позиция инфикса 194
линейное разграничение морф 47
лицо 1-е 417
личное местоимение 85, 154, 236

Масдар 338
мегаморфа 88, 162, 226, 300, 301, **401**, 403, 429, 434, 436, 437, 510
апофоническая 405
апофоническая слабая 408, 466
морфная 405
морфная слабая 405, 406
сильная 30, 173, 222, 238, 257, 300, 346, 400, 404, **409**, 412, 413, 415, 423, 431, 459, 486, 505
слабая 47, 226, 400, **404**, 407, 467
межлексемная сочетаемость 78, 79, 81, 82
мелиоратив 311
местоимение
безличное 24, 29, 34, 87
возвратное 184
личное 85, 154, 236
нулевое 28
метамодель 292
метаоперация языкового объединения $\oplus$ 373, 403
метатеза 331, 337
метафора 493
мигрирующий аффикс 202, **205**
множественность 311
множество пустое 18, 19
модель управления 80, 155, 352
модификатор «беспризорный» 159
модификация$_1$ 151, 152, 245, 309
модификация$_2$ 15, 148, 309
монема 42
морфа 14, **38**, 41, 42, 226, 423, 429, 453
абстрактная 45
*«вычитательная» [= субтрактивная, отрицательная] 43, 48
корневая 84, 429, 431
кумулятивная 227, 402
линейное разграничение морф 47
нулевая 501
обобщенная 46
омонимия морф 228
представляющая 44, 464, 501
пустая$_2$ 19, 352, 355, 455
регулярная 45
свободное варьирование морф 242, 250
синонимия между морфами 228
*субтрактивная [= вычитательная] 48
супплетивная 44
типа portmanteau [= мегаморфа] 412
фразеологизованный комплекс морф 279, 456
морфема 41, 83, 160, **230**, 243, 439, 485
без главной алломорфы 248
в «узком» понимании 243
корневая 232
нулевая 29, **251**, 501
пустая$_2$ 25, **251**
связующая 211

словоизменительная аффиксальная 232
словообразовательная аффиксальная 233
морфная граница 220
морфная мегаморфа 405
морфная слабая мегаморфа 405, 406
морфоид 95, 184, **279**, 281, 282, 284, 291, 453
морфологическая идиома 458
морфологическая инкорпорация 145
морфологическая категория 185
морфологическая полуфразема 479
морфологическая фразема 57, 59, 95, 181, 389, 400, 453, 458
морфологические правила инкорпорации 143
морфологические правила сложения$_1$ 125
морфологический грамматический знак **145**, 147, 149, 162, 372
морфологический грамматический языковой способ выражения 372
морфологический знак 147, 150, 370, 393
морфологический неграмматический языковой способ выражения 372
морфологический остров 119, 120
морфологический способ 101, 369, 370, **373**, 390
морфологический языковой способ выражения 372
морфологический$_1$ 150
морфологический$_2$ 150
морфологических знаков иерархия 151
морфологическое правило сложения$_1$ 126
морфологическое средство 369
морфология 98
мультипликатив 314, 334
мутация (чередование) 239

Назализация 304
название жителя 440
наклонение 189, 352
условное 206
направление чередований 246
наращение 213, 331, 440
наращение *vs.* пустой$_2$ аффикс 213
наречие 470
наречный суффикс **-mente** (испанский) 64
народная этимология 281
начало основы 224
начало словоформы, его роль в синтезе и анализе текста 171
неединственность морфологических решений 158
неединственность описания 23, 151
неморфологический (т. е. синтаксический) грамматический языковой способ выражения 372
неморфологический неграмматический языковой способ выражения 372
неморфологический языковой способ выражения 372
неопределенность 172
непереходный 358
непустой$_2$ знак **18**, 357
нереференциальность 113, 114, 122
номинализация 321
нулевая
апофония 301, **345**, 346, 467
конверсия$_2$ **364**
лекса 31, 33
лексема 29, 501
морфа 501
морфема 29, **251**, 501
редупликация$_2$ **326**
связка 28
словоформа 28, 88
тональная апофония 300
нулевое местоимение 28
нулевой
аффикс 66, 77, 216
глагольный корень 503
знак **25**, 173
корень 88, 90, 409
префикс 217, 218
пустой$_2$ корень 32, 33, 58, 90
супрафикс 301, 302
суффикс 26, 121, 172, 189, 216, 218, 346, 502, 504
нуль синтаксический 28

Обликвус 386
обобщенная морфа 46
образ редупликации 311, 313
обратное словообразование 272, 388, 480
обстоятельство 111
объединение языковое (метаоперация $\oplus$) 373, 403
объектность 414
объектный суппрессив 33
оглушение 501
означаемое 20, 46, 82, 83, 118, 122, 148, 164, 166, 191, 203, 204, 225, 227, 228, 230, 258, 276, 278, 301, 311,

329, 351, 357, 363, 402, 403, 436, 441, 448–450, 455, 459, 463, 472, 475, 493, 496, 501
«вычитательное» [= отрицательное] 49, 375, 481
грамматическое 436
заместительное [= субституативное] 50, 51, 227, 304, 376, 403, 458
«контрадикторное» 53
субституативное 304
означаемых соотносительная сложность 464, 465
означающего разрывание 167
означающее 118, 122, 147, 148, 163, 165, 202, 214, 228, 246, 248, 258, 276, 301, 330, 345, 378, 402, 406, 441, 448, 451, 459, 463, 466, 503
апофонии 329
аффикса 167
«вычитательное» [= отрицательное] 376
заместительное 376
редупликации$_2$ 311
трансфикса 199
означающее сложной$_1$ лексемы 115
означающих соотносительная сложность 465–467
окончание 167, 399, 400
омонимия 488, 492, 495
омонимия *vs.* полисемия 492
омонимия морф 228
операция языковая 290, 348, 351, 362, 367, 378
операция языковая пустая$_1$ 19
определенность 172, 219, 342, 414, 504
определитель внешний 160
«опустошенный» аффикс 213
«опустошенный» суффикс 56
основа **91**, 92, 378, 399, 400, 433, 469
вторичная 93
косвенная 213
первичная 93
производная 301
производная$_1$ 93, 468
производная$_2$ 95, 282, 453
простая 93
разрывная 92–94
сложная 97, 301
сложная$_1$ с атрибутивным [= модификативным] отношением 112
сложная$_2$ 282, 453
третичная 93
фразеологизованная сложная$_2$ 495
основная [= главная] алломорфа **247**
основные классы элементарных морфологических знаков 13
основы начало 224
основы производной$_1$ порядок 93
основы формати в 190, 209
остров
анафорический 119, 120
морфологический 119, 120
синтаксический 119, 120
отадъективное существительное 481
отглагольное прилагательное 482
отделяемый префикс 163
отношение аппендитивное (глубинно-синтаксическое) 109, 158
отношение атрибутивное (глубинно-синтаксическое) 111
отношений синтаксических тип 134
отношения смысловые между компонентами внутри сложной$_1$ лексемы 108
отрицание 165, 184, 192, 193, 457, 487
отрицательная морфа *см.* «вычитательная» морфа
отрицательное означаемое *см.* «вычитательное» означаемое
отрицательное означающее *см.* «вычитательное» означающее
*отрицательный знак 336
отсубстантивный глагол 482

Падеж 82, 85
вторичный 52, 64, 213, 225, 377, 498
третичный 213
палатализация 63, 332, 384, 502
парадигма$_1$ 352, 442, 562
дефектная 563
парадигматическая аттракция 459
парадигматическая и категориальная конверсия$_2$ 358
парадигматическая и рекционная конверсия$_2$ 359
парадигматическая конверсия$_2$ 353
парадигматическая, категориальная и рекционная конверсия$_2$ 361
паразитическое образование 51, 63, 304, 360, 363, 376, 458
параллельное словообразование 471
пассив 21, 83, 197, 199, 355, 367, 389, 413, 502
пассив безличный 31, 33

пейоратив 174, 311, 386
пейоративность 312
первичная основа 93
первичная словоформа 86
пересекающееся распределение 250
пересекающиеся квазисинонимы 491
пересечение (множеств) 258, 468
перестановка линейная 372
перфект 196, 200, 311, 315, 509
перфектив 23, 195, 334
побочное ударение 115, 120
повтор$_1$ 309, 378
повтор$_2$ 149, 309, **310**, 378
повторение 378, 379, 384
повторная инкорпорация 138
подлежащее при инкорпорации 134, 137
подъем клитик 207
подъем посессора 137
позиция линейная инфикса 194
поле семантическое 490
полисемия 488, 492
  включительная 476
  регулярная 476
  с пересечением 488
полисемия *vs.* омонимия 492
полисинтетический язык 110, 157, 220
полная идиома 449
полностью фразеологизованные производные$_2$ 494
полуаффикс 164
полуидиома 449
полусвободное словообразование$_2$ 478
полусвободное сложение$_2$ 479
полуфразема морфологическая 479
полуфразеологизованное словообразование$_2$ 478
полярность 182
порядковое числительное 194, 437
порядок 86, 190, 194
  суффикса/префикса 179, **180**, 181, 188
порядок производной$_1$ основы 93
порядок слов 183
порядок словосложения и словообразования (в рамках одной словоформы) 107
посессив 205
посессор 137
поссибилитив 267, 268
потенциалис 354–356, 563
правила лексикализации 142
предикативная форма 34
предлог 256
  сильноуправляемый 24, 86, 372
предлога слияние с артиклем 401
представимость (знаков) 68, 404, 421
представление каноническое (знаков) 464
представляющая (алло)морфа 44, **244**, 245, 247, 249, 464, 470, 501
претерит 315
префикс 165, **170**, 171, 175, 182, 185, 190, 223, 315, 360
  инструментивный 177, 187
  лексический 380
  нулевой 217, 218
  отделяемый 163
  пустой$_2$ 360
  словоизменительный 175
  словообразовательный 177
префиксация 381
приватив 381
признак синтактики 166, 257, 317, 335, 359, 365, 372
признаки синтаксические 80
прилагательное
  качественное 200
  отглагольное 482
  уменьшительное 477
принадлежность 85, 173, 177, 185, 187, 188, 381, 391, 430, 504
принцип
  выбора наилучшего решения при неединственности возможных морфологических описаний 17
  единственного значащего средства 148, 153, 390
  наиболее общего средства описания 151, 390
  семантического моста 492
  старшинства средства описания 15, 151
  Хааса 27, 56, 154, 346
притяжательная форма 391, 430
притяжательный суффикс 173, 394, 434
причастие 191, 214, 502, 565
пробабилитив 457
прогрессив 312, 434
прогрессивная ассимиляция 502
продуктив 143
производная
  основа 301
  словоформа 164
производная$_1$
  основа 93, 468
  словоформа 118

производная$_1$ словоформа *vs.* сложная$_1$ словоформа 118, 122
производная$_2$
  лексема 277
  основа 95, 282, 453
производное$_1$ 272, 563
производное$_2$ 272
производность$_1$ 106, 124
просодизация 372
простая основа 93
протеза 505
прохибитив 458
прямое дополнение при инкорпорации 135
псевдокорень 272, **287**, 288, 289, 291
псевдосложный (глагол) 108
псевдосуществующий
  знак 287
  корень 285
пустая$_1$
  операция 19
  редупликация$_1$ 322
пустая$_2$
  *апофония 345
  конверсия$_2$ 362
  лексема 25
  лексическая функция 87
  морфа 19, 352, 355, 455
  морфема 25, **251**
  нулевая лекса 34
  редупликация$_2$ 326
  словоформа 19, 24
пустое множество 18, 19
пустое$_1$
  чередование 269, 304, 333, 467, 470, 505
  чередование-аблаут 509
пустое$_2$ словообразование 470
пустой$_1$ аблаут 505
пустой$_2$
  аффикс 209, 218, 470
  знак **18**, 20
  инфикс 196
  корень 86, 87
  нулевой корень 32, 33, 58, 90
  префикс 360
  словоизменительный суффикс 166, 212
  суффикс 155, 210, 394, 496
пустой$_2$ аффикс *vs.* наращение 213

Радиальное
  словоизменение 484
  словообразование 483, 484
разрывание означающего 167
разрывная основа 92–94
распределение 229, 231, 234–236, 238–240, 247, 258, 263, 269, 270, 290, 291, 452
  вкладывающееся 250
  дополнительное 250
  пересекающееся 250
  уникальное 263
  эквивалентное 250
регрессивная ассимиляция 502
регулярная морфа 45
регулярная полисемия 476
регулярность 407, 426, 428, 444, 459
редукция безударной гласной 501
редупликационема **327**
редупликация$_1$ 373
  пустая$_1$ 322
редупликация$_2$ **310**, 373, 384, 477, 509, 510
  ее образ 311, 313
  нулевая **326**
  пустая$_2$ 326
  словоизменительная 313
  словообразовательная 316
редупликация$_3$ 374
результатив 343
рекционная конверсия$_2$ 353, 358
референтность 159
референция 113
рефлексивность 184
рефлексивный [= возвратный] суффикс 271
род I.1 235, 358, 366, 386
родственные знаки (корни, аффиксы, апофонии) 267, 410
родственные чередования 428
родственные языковые единицы **264**

Саксонский генитив 205
сандхи
  внешнее 119, 238, 408
  внутреннее 115, 119, 122
свободное варьирование морф 242, 250
связанный корень 271, **273**, 274, 291, 485
связка нулевая 28
связующая морфема 211
сегмент 369
сегментная апофония 298, **330**, 331, 384
семантема 42
семантическая граммема 186
семантическая фразема **448**

семантические описания, формальные требования к ним 464
семантические правила инкорпорации 142
семантические правила сложения$_1$ 125
семантического моста принцип 492
семантическое поле 490
семантическое словоизменение внутри синтаксического словоизменения 186
сериальный глагол 193
сильная идиома 449
сильная мегаморфа 30, 173, 222, 238, 257, 300, 346, 400, 404, **409**, 412, 413, 415, 423, 431, 459, 486, 505
сильноуправляемые предлоги и союзы 24, 86, 372
сильный глагол 329, 333
сильный супплетивизм 439
симульфикс 298, 347
синкретическое выражение граммем 221, 346, 419
синоним 497
синонимия 424, 473
  между корнем и аффиксом 74
  между морфами 228
синонимы
  лексические 472
  точные 474, 487
синтагма фонетическая 236, 240, 241
синтаксическая граммема 186
синтаксическая инкорпорация 145
синтаксическая словоизменительная категория 313
синтаксическая трансляция 321, 357, 470
синтаксические признаки 80
синтаксический нуль [= нулевой знак] 27, 28
синтаксический остров 119, 120
синтаксическое словоизменение внутри семантического словоизменения 187
синтактика 33, 77, 78, 80–83, 86, 116, 118, 122, 147, 148, 165, 168, 202, 209, 211, 212, 214, 235, 248, 258, 281, 324, 326, 340, 351, 357, 364, 448, 451, 470, 472, 475, 496
  ее признак 166, 257, 317, 335, 359, 365, 372
  трансфикса 199
  циркумфикса 191
синтетическое выражение 222
синхрония 95, 388, 396
синхронный план 154, 158
склонение 365, 366
склонение двойное 456
склонения тип 235
слабая идиома 449
слабая мегаморфа 47, 226, 400, **404**, 407, 467
слабый супплетивизм 439
слияние (тип чередования) 405, 407, 408
слияние предлога с артиклем 401
слов порядок 183
слово сложное$_1$ 66
словоизменение 364, 429, 482
  внутри словообразования 186, 315
  радиальное 484
словоизменительная апофония 331, 342
словоизменительная аффиксальная морфема 232
словоизменительная категория 202
словоизменительная категория смещенная 203
словоизменительная конверсия$_2$ 352
словоизменительная редупликация$_2$ 313
словоизменительное значение 202
словоизменительные формы супплетивные 490
словоизменительный аффикс 166
словоизменительный инфикс 194
словоизменительный префикс 175
словоизменительный супплетивизм 429, 485
словоизменительный суффикс 172
словоизменительный трансфикс 199
словоизменительный циркумфикс 191
словообразование 429, 439, 476, 479
  внутри словоизменения 185
  обратное 272, 388, 480
  параллельное 471
  пустое$_2$ 470
  радиальное 483, 484
  следующее за словоизменением 324
  фразеологизованное 478
  эквиполентное 488
словообразование$_1$ 475, 477
  чисто синтаксическое 470
словообразование$_2$ 478
  квазисвободное 478
  квазифразеологизованное 478
  полусвободное 478
  полуфразеологизованное 478
словообразования и словосложения порядок (в рамках одной словоформы) 107

словообразовательная апофония 338, 343
словообразовательная аффиксальная морфема 233
словообразовательная конверсия$_2$ 356
словообразовательная редупликация$_2$ 316
словообразовательное значение 171
словообразовательный аффикс 167
словообразовательный вариант 471
словообразовательный инфикс 197
словообразовательный префикс 177
словообразовательный супплетивизм 435, 485
словообразовательный суффикс 173
словообразовательный трансфикс 200
словообразовательный циркумфикс 193
словосложение 100
словосложения и словообразования порядок (в рамках одной словоформы) 107
словосочетание 115, 118, 140, 144, 204, 222
словосочетание *vs.* сложная$_1$ словоформа 118
словосочетаний компрессия 479
словоформа 154, 163
  вторичная 66, 86, 164
  нулевая 28, 88
  первичная 86
  производная 164
  производная$_1$ 118
  пустая$_2$ 19, 24
  сложная 164
  фразеологизованная 448
сложение (морфологическое) 96, **101**, 161, 435, 479
сложение$_1$ 124, 126, 371, 378, 379, 479
сложение$_2$
  квазисвободное 479
  полусвободное 479
сложная основа 97, 301
сложная словоформа 164
сложная$_1$
  лексема, смысловые отношения между ее компонентами 108
  основа с актантным отношением 110
  основа с атрибутивным [= модификативным] отношением 112
  основа с сочинительным отношением 109
  экзоцентрическая лексема 116
  эндоцентрическая лексема 116
сложная$_1$ словоформа *vs.* производная$_1$ словоформа 118, 122
сложная$_1$ словоформа *vs.* словосочетание 118
сложная$_2$
  лексема 277, 407, 495
  основа 282, 453
  фразеологизованная основа 495
сложное$_1$ слово 66
сложный$_1$ 97, **99**, 161
сложный$_2$ 97, 101, 161, 294, 494
служебное слово 69, 223, 372
смещенная словоизменительная категория 203
смещенный аффикс 202, **204**
смысл 20
смысловые отношения между компонентами внутри сложной$_1$ лексемы 108
согласных диминутивный сдвиг 340
согласование 29, 31, 32, 64, 82, 89, 138, 320, 358, 359, 362, 372
согласовательный класс 80
сокращение 497
соотносительная сложность означаемых 464, 465
соотносительная сложность означающих 465–467
сопредставимость 422, 439
  грамматическая (означаемых) 421, 422, 424
сопредставимые языковые единицы 420
социатив 84
сочетаемостная фразема 451, 452
сочетаемость 122
сочетаемость внутрилексемная 78
сочетаемость межлексемная 78, 79, 81, 82
союз сильноуправляемый 24, 86, 372
спирантизация 239
способ
  грамматический 370
  морфологический 101, 369, 370, **373**, 390
  формальный 370
способ выражения языковой 371
  грамматический 371
  морфологический 372
  морфологический грамматический 372
  морфологический неграмматический 372
  неграмматический 371
  неморфологический 372

неморфологический (т. е. синтаксический) грамматический 372
неморфологический неграмматический 372
способы образования слов 387
спряжение [= тип спряжения] 352, 476, 508
сравнения степень 430, 432, 442, 484, 497
средств морфологических иерархия 14, 151
средство морфологическое 369
степень идиоматизации 449
степень сравнения 430, 432, 442, 484, 497
структура акцентная 115
субморфа 42, 47, 184, 280, 282, **283**, 284, 291, 447, 494, 495
субститутивное означаемое 304
*субтрактивная [= вычитательная] морфа 48
субъектив 356
субъюнктив 189, 352
супин 51, 64, 457, 502
супплетивизм 243, 248, 249, 293, 387, 411, 419, **421**, 426, 447, 451, 459, 485, 505
его возникновение 441
сильный 439
слабый 439
словоизменительный 429, 485
словообразовательный 435, 485
супплетивизма градуальность 441
супплетивная морфа 44
супплетивная форма 448
супплетивные алломорфы 266, 435, 475
супплетивные кодериваты 490
супплетивные словоизменительные формы 490
супплетивных знаков типология 429
суппозитив 381
суппрессив объектный 33
супраморфа **11**
супраморфа фразовая 12
супрасегментная апофония 299, 301, **330**, 342, 385
супрафикс **13**, 14, 148, **297**, 305, 378
акцентный словоизменительный 302
нулевой 301, 302
тональный словоизменительный 302
супрафиксация 378, 383
супрафиксема **305**
суффикс 167, **170**, 171, 172, 190, 207, 218, 223, 265, 506
возвратный 49
кумулятивный 173, 175
лексический 87, 178, 380
названия жителя 234
нулевой 26, 121, 172, 189, 216, 218, 346, 502, 504
«опустошенный» 56
притяжательный 173, 394, 434
пустой$_2$ 155, 210, 394, 496
пустой$_2$ словоизменительный 166, 212
рефлексивный [= возвратный] 271
словоизменительный 172
словообразовательный 173
суффикса/префикса порядок 179, **180**, 181, 188
суффиксальное замыкание 144
суффиксальный комплекс 175
суффиксация 373, 374, 380
суффиксов фразеологизованный комплекс 224
существительное уменьшительное 186
существительное отадъективное 481
существование языковых единиц 23, **264**, 447
схема акцентная 120, 298
схема тональная 299

Тема (в коммуникативной структуре) 92
тематическая гласная 93, 352, 476
тематический элемент 209, 355
тип синтаксических отношений 134
тип склонения 235
тип спряжения *см.* спряжение
типология аффиксов 166
типология супплетивных знаков 429
тмезис 179, 504
тождество (множеств) 258, 468
толкование лексемы [= толкование лексикографическое] 464, 493
тональная апофония 343, 344
тональная схема 299
тональный словоизменительный супрафикс 302
точные синонимы 474, 487
транзитиватив 566
трансляция синтаксическая 321, 357, 470
трансфикс 167, 169, **198**, 221, 338, 403, 562
его означающее 199
его синтактика 199
словоизменительный 199
словообразовательный 200
трансфиксация 382, 389
трансформатив 381

третичная основа 93
третичный падеж 213
трипликация$_2$ **310**, 321

Ударение 115, 119
  побочное 115, 120
удлинение (гласной) 304, 338
«узкое» понимание морфемы 243
уменьшительное прилагательное 477
уменьшительное существительное 186
уменьшительность 312
уменьшительный глагол 567
умлаут 333, 396
универсалия импликативная 169
уникальная
  апофония 226, 410
  единица 270
уникальное
  распределение 263
  чередование 269, 291, 428, 439
уникальный
  аффикс 168, 267–269
  знак 448
  корень 266, 267, 289, 423
уникорень 266, 291, 507
унификс 168, 269, 291, 452, 507
управление 372
управления модель 80, 352
усечение 89, 122, 209, 282, 324, 336, 337, 385, 398, 408, 436, 437, 467, 505
условное наклонение 206

Фиктивный 24
флексия 167
флективный язык 220
фонетическая синтагма 236, 240, 241
форма
  аналитическая 372, 375
  предикативная 34
  притяжательная 391, 430
  суплетивная 448
  цитирования 231
формальные разновидности апофоний 331
формальные требования к семантическим описаниям 464
формальный способ 370
форматив основы 190, 209
фразема 282, 423, 429, 432, 438, 447, **448**, 451
  морфологическая 57, 59, 95, 181, 389, 400, 453, 458
  семантическая **448**
  сочетаемостная 451, 452
фразеологизация 161, 282, 396, 441, 447, 456, 459
фразеологизация и суплетивизм 459
фразеологизованная словоформа 448
фразеологизованная сложная$_2$ основа 495
фразеологизованное словообразование 478
фразеологизованность 98
фразеологизованный комплекс
  знаков 390, 395, 447, 453, 459
  морф 279, 456
  суффиксов 224
фразеология 447
фразовая супраморфа 12
фузионный язык 220
функция лексическая 80, 255, 357, 450, 496, 497
функция лексическая пустая$_2$ 87

Хааса принцип 27, 56, 346

Циркумфикс 116, 120, 121, 129, 132, 137, 157, 167–169, 187, **190**, 193, 456, 505
  его синтактика 191
  словоизменительный 191
  словообразовательный 193
циркумфиксация 382
цитирования форма 231

Часть речи 80, 102, 321, 352, 357
чередование 151, 231, 238, 242, 245, 249, 267, 282, 292, 309, 329, 379, 394, 405, 407, 426, 427, 451, 502, 504, 510
  незначащее 369, 390, 464
  неэлементарное 293
  пустое$_1$ 269, 304, 333, 467, 470
  уникальное 269, 291, 428, 439
чередование-аблаут 349
чередование-аблаут пустое$_1$ 509
чередование-ассимиляция 510
чередование-замещение 331, 384
чередование-мутация 239
чередование-озвончение 245
чередование-ослабление 506
чередование-палатализация 246
чередование-редукция 246
чередование-слияние 405, 407, 408
чередование-умлаут 390
чередование-усечение 122, 331
чередований направление 246

чередования родственные 428
числительное порядковое 194, 437
чисто синтаксическая конверсия$_2$ 470
чисто синтаксическое словообразование$_1$ 470

Шарадного типа разложение 282

Эквивалентное распределение 250
эквиполентное словообразование 488
экзоцентрическая сложная$_1$ лексема 116
элемент тематический 209, 355
элементарность языковых единиц 260
-эма 25, **252**, 327
эндоцентрическая сложная$_1$ лексема 116
эпентеза 89
  вокалическая 501
эргатив 53, 213, 225, 413
эргативная конструкция 114, 116, 135, 144, 320
этимология 67, 98, 158, 288, 294, 423
этимология народная 281

Язык
  агглютинативный 220
  аморфный 220
  изолирующий 220
  полисинтетический 110, 220
  флективный 220
  фузионный 220
языковая единица 265
языковая квазиединица 278
языковой способ выражения 371
  грамматический 371
  морфологический 372
  морфологический грамматический 372
  морфологический неграмматический 372
  неграмматический 371
  неморфологический 372
  неморфологический (т.е. синтаксический) грамматический 372
  неморфологический неграмматический 372
языковые единицы родственные **264**
языковые единицы сопредставимые 420
языковых единиц элементарность 260

УКАЗАТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Определение V.1: супраморфа 11
Определение V.2: супрафикс 13
Определения V.3/V.4: пустой$_2$/непустой$_2$ 18
Определение V.5: нулевой знак 25
Определение V.6: морфа 38
Определение V.7: квазиморфа 59
Определение V.8: корень 79
Определение V.9: основа 91
Определение V.10: сложное в сильном смысле (= сложное$_1$) 99
Определение V.11: сложное в слабом смысле (= сложное$_2$) 101
Определение V.12: (морфологическое) сложение 101
Определение V.13: инкорпорация 127
Определение V.14: грамматический морфологический знак 145
Определение V.15: аффикс 162
Определение V.16: конфикс 169
Определения V.17–19: суффикс, префикс, интерфикс 170
Определение V.20: порядок суффикса/префикса 180
Определение V.21: циркумфикс 190
Определение V.22: инфикс 194
Определение V.23: трансфикс 198
Определение V.24: смещенный аффикс 203
Определение V.25: мигрирующий аффикс 205
Определение V.26: кумулятивный аффикс 218
Определение V.27: морфема 230
Определение V.28: алломорфа 244
Определение V.29: представляющая (алло)морфа 244
Определение V.30: выводимая (алло)морфа 244
Определение V.31: основная ⟨главная⟩ алломорфа 247
Определение V.32: пустая$_2$ морфема 251
Определение V.33: нулевая морфема 251
Определение V.34: -эма 252
Определение V.35: алло- 252
Определение V.36: родственные языковые единицы 264
Определение V.37: существовать в языке 264
Определение V.38: квазиуникальный корень 273

Определение V.39: связанный корень 273
Определение V.40: морфоид 279
Определение V.41: субморфа 283
Определение V.42: псевдокорень 287
Определение V.43: супрафикс 297
Определение V.44: супрафиксема 305
Определение V.45: аллосупрафикс 306
Определение V.46: повтор$_2$ 310
Определение V.47: редупликация$_2$ 310
Определение V.48: трипликация$_2$ 310
Определение V.49: нулевая редупликация$_2$ 326
Определение V.50: редупликационема 327
Определение V.51: апофония 329
Определения V.52 и V.53: сегментная/супрасегментная апофония 330
Определение V.54: нулевая апофония 345
Определение V.55: апофониема 347
Определение V.56: конверсия$_2$ 351
Определение V.57: нулевая конверсия$_2$ 364
Определение V.58: конверсиема 365
Определение V.59: морфологический способ 373
Определение V.60: мегаморфа 401
Определение V.61: слабая мегаморфа 404
Определение V.62: сильная мегаморфа 409
Определение V.63: супплетивизм 421
Определение V.64: фразема 448
Определение V.65: семантическая фразема (= идиома) 448

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВ

Рисунок V-1: Порядки глагольных префиксов в языке калиспел 183
Рисунок V-2: Две абхазские глагольные формы 183
Рисунок V-3: Взаимное расположение суффиксов падежа и принадлежности в коми 188
Рисунок V-4: Распределение алломорф морфемы будущего времени в языке маунг 249
Рисунок V-5: Морфема и ее алломорфы 250
Рисунок V-6: Соотношения распределений двух алломорф с точки зрения теории множеств 258
Рисунок V-7: Классификация элементарных языковых знаков-сущностей 307

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ К «КУРСУ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ»

Том I

1) С. 50, строка 11:

   добавить после последней фразы (внутри скобок):

   Следует упомянуть также грузинский, в котором стандартным выражением для смысла 'Ты говоришь по-грузински?' будет *Kartulad ici?* букв. 'По-грузински [ты] знаешь?'

2) С. 99, строка 18 снизу:

   SE + APPROCHER), $\Longrightarrow$ SE + APPROCHER), т. е. как фразему,

3) С. 99, строка 16 снизу:

   ное описание). $\Longrightarrow$
   ное описание: иначе говоря, для нас SE LEVER (равно как и S'APPROCHER и прочие лексемы подобного типа) представляет собой просто лексему, все словоформы которой являются лексами-словосочетаниями, включающими в себя клитики **me**, **te**, **se** и т. п., каковые, в свою очередь, представляют собой словоформы лексемы SE [= возвратного местоимения]).

4) С. 126, строка 3 (в подзаголовке):

   и свойство бесконечности языка $\Longrightarrow$ и бесконечность в языке

   [На неудачность формулировки этого заголовка мне указала J. Milićević: бесконечен не язык как таковой, а множество порождаемых им высказываний.]

5) С. 145, строка 15 снизу:

   § 3, 6.2, Опр.V.44). $\Longrightarrow$ § 5, 6.1, Опр.V.40).

6) С. 147, в самом низу добавить еще три примера:

   sparrow grass [диалектное] 'спаржа', букв. 'воробьиная трава' $\Leftarrow$ лат. *asparagus* 'спаржа'

mushroom 'гриб', букв. 'комната каши' ⇐ ст.-фр. *mousseron*, *moisseron* 'мухомор'

нем. *Hängematte* 'гамак', букв. 'висящий ковер' ⇐ англ. *hammock*

фр. *contredanse* ⇐ англ. *country dance* 'сельский танец'

7) С. 158, строка 9 снизу:

ких других сегментных знаков. ⟹
ких других сегментных знаков, которые были бы сильно автономными, т. е. могли бы образовывать отдельное полное высказывание.

8) С. 169, строка 10:

Se lo dad ⟹ *Se lo dais*

9) С. 202, строки 11, 9, 7 и 5 снизу:

ṣ̌ ⟹ ṣ [4 раза!],

š ⟹ s

10) С. 202, добавить в конце последней строки (вместо точки):

таким образом мы имеем: *iti stutvā* 'так заявивший' ⟨**ṣtutvā*⟩, *śatavarṣāṇi sthitvā* 'сто-лет проживший' ⟨**ṣthitvā*⟩ или *paśyati sādbhutāni saḥ* 'видел чудеса он' ⟨**ṣādbhutāni ṣaḥ*⟩.

11) С. 220, строки 10–12:

стереть все три строки (так как форма *recomendándolesnos* была отвергнута носителями языка).

12) С. 235, строка 9 снизу:

добавить после слова «[фран]цузском» (вместо точки):

, или же *conmigo* 'со мной' [⟸ *con mí*, как в сочетаниях *para mí* 'для меня', *de mí* 'от меня' и т. п. — и так для всех предлогов, кроме *con* 'с'] и *contigo* 'с тобой' [⟸ *con tí*] в испанском.

[Исправления 8, 11 и 12 были сделаны по указанию I. Mas, за что мы выражаем ей нашу искреннюю благодарность.]

13) С. 254, пример (7c):

uju ⟹ *uyu* [4 раза]

14) С. 279, пример (5):

Fransiz ⟹ *Fransız*
Fransizca ⟹ *Fransızca*

[Эти описки в турецких словоформах здесь, а также и в прочих томах КОМ-а указаны нам Aysen Ozeimen, за что мы приносим ей искреннюю благодарность.]

15) С. 343, 4.2:

Добавить перед **Примеры**:

В очень интересной статье Hetzron 1975 представлен тонкий анализ двух случаев формальной дефектности СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫХ парадигм$_1$ (дефектности, возникающей вследствие конфликта фонологических правил и ограничений, имеющихся в данном языке).

(i) арабский

Причастие настоящего времени мужского рода образуется в арабском языке при помощи трансфикса **-ā-i-**, так что у глагола *qatala* 'он убил' эта форма будет иметь вид ***qātil***, у глагола *šarada* 'он убежал' — ***šārid***, у глагола *kataba* 'он написал' — ***kātib***, и т. п.; эти формы образуются, вообще говоря, вполне регулярно. Проблема дефектности возникает в случае так называемых удвоенных глаголов, у которых вторая и третья согласные корня одинаковы — у глаголов с корнем C^1-C^2-C^2. В арабском имеется поверхностно-морфонологическое правило, требующее усечения краткой гласной в позиции между двумя одинаковыми согласными:

$$/\breve{V}/ \Longrightarrow /\Lambda/ \mid C__C$$

Для корней типа C^1-C^2-C^2 это правило, естественно, даст последовательность из двух одинаковых согласных (или одну удвоенную согласную). Так, например, форма перфекта от глагола **š-d-d** 'натягивать' имеет вид *šadda* 'он натянул' (вместо ожидаемого **šadada*), от глагола **s-r-r** 'делать счастливым' — *sarra* (вместо **sarara*), и т. п. В результате действия этого правила причастие настоящего времени от «удвоенных» глаголов должно было бы иметь вид $C^1\bar{V}C^2C^2$: **šādd* или **sārr*.

Однако в арабском языке в закрытом слоге долгие гласные невозможны! Следовательно, формы **šādd* и **sārr* являются с фонологической точки зрения неправильными, и по этой причине в парадигмах$_1$ у соответствующих глаголов их просто нет. (Мы позволили себе здесь несколько упростить общую картину.)

(ii) венгерский

В венгерском недопустимы последовательности из трех согласных: *$C^1C^2C^3$. Это ограничение может привести к возникновению следующей проблемной ситуации:

– у некоторых глаголов корень оканчивается на две согласных, и при этом они не допускают вставки эпентетической гласной, которая могла бы служить «прокладкой» между ними;

– среди глагольных суффиксов имеется три суффикса, а именно: суффикс императива **-j**, суффикс потенциалиса **-hat/-het** и суффикс отглагольного наречия (≈ деепричастия) **-va/-ve**, которые начинаются с согласной и тоже не допускают эпентетических или протетических гласных;

– в случае когда к глаголу описанного выше типа должен быть присоединен один из этих трех суффиксов, возникает запрещенная последовательность фонем (= $*C^1C^2C^3$), чего говорящие, естественно, стараются избежать.

В результате, у многих венгерских глаголов оказывается дефектная парадигма$_1$: в ней нет ни императива, ни потенциалиса, ни деепричастия. Например:

		императив	потенциалис	деепричастие
'икать'	CSUKL(-*ik*) /čukl/	: **csuklj!*	**csuklhat*	**csuklva*
'иметь прорезающиеся зубы'	FOGZ(-*ik*)	: **fogzj!*	**fogzhat*	**fogzva*
'скользить'	SIKL(-*ik*) /šikl/	: **siklj!*	**siklhat*	**siklva*
'вонять'	BŰZL(-*ik*) /bűzl/	: **bűzlj!*	**bűzlhet*	**bűzlve*
'роиться'	RAJZ(-*ik*)	: **rajzj!*	**rajzhat*	**rajzva*

Это хорошие примеры того, что можно было бы назвать «фонологически обусловленной дефектностью».

Похожие ситуации обнаруживаются и в СЛОВООБРАЗОВАНИИ: бывают производные$_1$, вполне допустимые с точки зрения семантики, и в то же время в языке невозможные (= дефектность «словообразовательных парадигм$_1$»). Так, например, в работе Goldsmith 1990: 268 сформулировано правило, запрещающее «акцентуационный конфликт» в английском; в результате оказываются недопустимыми производные со следующей акцентно-слоговой структурой:

$$*S\grave{y}l_1 + S\acute{y}l_2$$

Иными словами, в английском языке запрещается непосредственное следование друг за другом двух ударений (вторичного и основного),

если между соответствующими ударными слогами проходит морфная граница.

В результате адъективирующий суффикс **-ic** может прибавляться к основе, оканчивающейся на **-ist**, когда это **-ist** не является в синхронном плане суффиксом, но не может следовать за суффиксальным **-ist**! Сравните следующие примеры (зона конфликта в левой колонке выделена жирным шрифтом; в правой колонке конфликта ударений нет):

-ist является суффиксом в синхронном плане				*-ist* не является суффиксом в синхронном плане		
séx + *ist*	~ **sèx*	+ ***ist*** + *ic*		*sádist*	~ *sàdíst*	+ *ic*
léft + *ist*	~ **lèft*	+ ***ist*** + *ic*		*fáscist*	~ *fàscíst*	+ *ic*
ráp + *ist*	~ **ràp*	+ ***ist*** + *ic*		*júrist*	~ *jùríst*	+ *ic*
fádd + *ist*	~ **fàdd*	+ ***ist*** + *ic*		*ánarchist*	~ *ànarchíst*	+ *ic*
resérv + *ist*	~ **resèrv*	+ ***ist*** + *ic*		*pópulist*	~ *pòpulíst*	+ *ic*

При присоединении суффикса **-ic** главное ударение смещается на предшествующий ему слог Syl_2 (= **-ist-**), а слог Syl_1 (= корневой), который исходно нес на себе главное ударение, получает вторичное ударение; если при этом слог Syl_2 совпадает с суффиксом, как в левой колонке, возникает конфликт и форма становится недопустимой.

То же самое акцентуационное ограничение запрещает в некоторых случаях прибавление вербализующего суффикса **-ize**:

fall	~ **fàll*	+ *íze*	*wínter*	~ *wìnter*	+ *íze*
'осень'	'подготовить к осени'		'зима'	'подготовить к зиме'	
Montreál	~ **Montreàl*	+ *íze*	*Bóston*	~ *Bòston*	+ *íze*
	букв. 'омонреалить'			букв. 'обостонить'	
magazíne	~ **magazìn*	+ *íze*	*depártment*	~ *depàrtmental*	+ *íze*
'склад'	'разместить на складе'		'отдел'	'разбить на отделы'	
alárm	~ **alàrm*	+ *íze*	*públic*	~ *pùblic*	+ *íze*
'тревога'	'поднять по тревоге'		'публика'	'сделать достоянием публики'	
cartóon	~ **cartòon*	+ *íze*	*jóurnal*	~ *jòurnal*	+ *íze*
'карикатура'	'изобразить на карикатуре'		'журнал'	'отразить в журнале'	

Из этих примеров хорошо видно, какую роль могут играть фонологические ограничения в ситуациях, способствующих появлению «пустых клеток», как при словоизменении, так и при словообразовании.

Мы признательны И.-Ш. Морену, привлекшему наше внимание к статье Hetzron 1975: Hetzron, Robert. *Where the Grammar Fails.* Lg, 1975, 51: 4, p. 859–872, а также к нужным местам в книге Goldsmith, John. *Autosegmental and Metric Phonology.* Oxford; Cambridge: B. Blackwell, 1990.

16) С. 344, добавить в конце примера (14а):

Вот два интересных примера настоящих *singularia tantum*: русские существительные *айва* и *чета*. Это счетные существительные: *две* ⟨*три, четыре*⟩ *айвы́, две* ⟨*три, четыре*⟩ ⟨*супружеских*⟩ *четы́*; в то же время множественного числа у этих существительных нет: **айвы́*, **айв*, ..., **четы́*, **чет*, и т. п., и, следовательно, они не сочетаются с числительными от 5 и выше, требующими от считаемого существительного формы множественного числа: **пять айв*, **пять чет*. (При этом фонетическая форма не может быть препятствием, ср. *ша́йбы* ∼ *пять шайб* или *черты́* ∼ *пять черт*.)

17) С. 344, добавить в конце примера (14), перед **4.3**:

d. Во французском языке у глагола FAILLIR 'едва избежать' (*Il a failli tomber* 'Он чуть было не упал') нет ни настоящего времени, ни имперфекта, ни будущего времени (**Il faut tomber* 'Он чуть было не падает' ⟹ *Il manque de tomber* 'Он чуть было не падает'); у глагола SEOIR 'быть уместным, приличествовать, подходить' нет инфинитива: *Rien ne lui siérait tant...* 'Лучше всего ему было бы...' vs. **Rien ne pouvait lui seoir tant...* 'Лучше всего ему могло бы подойти...'; глагол PROMOUVOIR 'повышать по службе', наоборот, употребляется исключительно в форме инфинитива или причастия прошедшего времени (*promu*); наконец, у глагола SOURDRE 'бить [о ключе]; проистекать' есть только формы инфинитива и 3-го лица (**vous sourdez*, **sourdu*/**sourdi*).

18) С. 372, Якобсон, Роман: заменить отсылку на:

Selected Writings, vol. II, The Hague; Paris: Mouton.

Т. е. надо стереть первую часть ссылки.

19) С. 373, строка 11 снизу:

Genther. ⟹ Geuthner.

Том II

1) С. 54, строка 8. Добавить после «с. 330»:

и с. 332.

2) С. 81, вставить между строками 11 и 10 снизу:

На тему дейксиса заслуживает рекомендации сборник статей M.-A. Morel et L. Danon-Boileau, réd., *La déixis*, 1992, Paris: PUF.

3) С. 92, строки 12, 14 и 19 сверху:

aspectes $\Longrightarrow$ *aspects*

aspecte $\Longrightarrow$ *aspect*

4) С. 125, добавить в строке 11 снизу указание на следующую работу:

, а также Stebbins, Tonya «Asymmetrical Nominal Number Marking: A Functional Account», *Sprachtypologie und Universalienforschung* [STUF], 50: 1, 1997, p. 5–47.

5) С. 142, после примера (13), строки 13–12 снизу:

Это так называемый ***мигрирующий*** суффикс (

$\Longrightarrow$

Это так называемый ***смещенный*** суффикс (в (12)) и ***мигрирующий*** суффикс (в (13));

6) С. 193, добавить после строки 13 следующий текст:

Хороший пример детранзитиватива и транзитиватива в одном и том же языке можно обнаружить в юкатеке (язык из майянской семьи, на котором говорят на полуострове Юкатан в Мексике; см. Ch. Lehmann, «Control in Yucatec Maya» // J. François, réd., *La sémantique des relations actancielles à travers les langues*, 1996, Université de Strasbourg 2: Strasbourg, p. 105–127 [= SCOLIA № 7]).

(i) **а.** Детранзитиватив [/V/ $\Longrightarrow$ /$\grave{\text{V}}$/]

	переходный	непереходный	
‘расчищать [некоторый участок]’	*kol*	*kòol*	‘заниматься расчисткой [земли]’
‘петь [нечто]’	*k'ay*	*k'àay*	‘распевать, заниматься пением’
‘шить [что-л.]’	*chuy*	*chùuy*	‘заниматься шитьем’
‘покидать [какое-л. место или кого-л.]’	*p'at*	*p'àat*	‘уезжать’
‘разбить/разломать [что-л.]’	*kach*	*kàach*	‘бить/ломать [вещи вообще]’

b. Транзитиватив [-t]

	непереходный	переходный	
'есть [вообще]'	*hàan*	*haan* + *t*	'есть [что-л.]'
'писать [вообще], заниматься писанием'	*ts'íib*	*ts'íib* + *t*	'писать [что-л.]'
'разговаривать [с кем-л.]'	*tsikbal*	*tsikbal* + *t*	'рассказывать [что-л.]'
'готовить тортильи, быть занятым их приготовлением'	*pak'ach*	*pak'ach* + *t*	'готовить [тортилью]'
'полоть, быть занятым на прополке'	*páak*	*páak* + *t*	'выпалывать [что-л.]'

7) С. 197, перед заголовком «2. Определение II.40: реактивность» добавить следующий текст:

Образование гипокористических уменьшительных от глаголов — явление гораздо менее распространенное, чем образование уменьшительных от существительных, но и оно тоже встречается. Так, в двух лужицких языках (верхнелужицком и нижнелужицком) наблюдается весьма продуктивное образование уменьшительных от глаголов, используемое в детском языке. Вот несколько примеров (ими я обязан мадам S. Wölke, которой я приношу свою сердечную благодарность):

верхнелужицкий			нижнелужицкий		
исходный глагол		уменьшительный глагол	исходный глагол		уменьшительный глагол
'есть'	*pap*-(*ać*)	*pap* + ***k***-(*ać*)	'петь'	*spiw* -(*aś*)	*spiw* + ***k***-(*aś*)
'пить'	*tut* -(*ać*)	*tut* + ***k***-(*ać*)	'пить'	*pi* -(*ś*)	*pij* + ***k***-(*aś*)
'спать'	*sp* -(*ać*)	*spin* + ***k***-(*ać*)	'говорить'	*powěd* -(*aś*)	*powěd* + ***k***-(*aś*)
'играть'	*hra*-(*ć*)	*hraj* + ***k***-(*ać*)	'играть'	*gra* -(*ś*)	*graj* + ***k***-(*aś*)
'бегать'	*beh*-(*ać*)	*bež* + ***k***-(*ać*)	'умереть'	*wumrě*-(*ś*)	*wumrěj* + ***k***-(*aś*)
'болеть'	*bol* -(*eć*)	*bol* + ***k***-(*ać*)	'звонить'	*zwon* -(*iś*)	*zwon* + ***k***-(*aś*)

Как легко видеть, уменьшительный глагол образуется при помощи суффикса **-k** — обычного для славянских языков уменьшительного суффикса.

8) С. 284, (7), повсюду в таблице:

cem $\Longrightarrow$ *xat'av*

9) С. 284, строка 3 снизу:

СЕМ(+ *a*) ‘ударять’ $\Longrightarrow$ ХАТ‘V(+ *a*) ‘рисовать’

10) С. 536, указатель рисунков, строка 2 снизу:

СЕМ(+ *a*) ‘ударять’ $\Longrightarrow$ ХАТ‘V(+ *a*) ‘рисовать’

[В грузинском языке глагол СЕМ(+ *a*) ‘ударять’ — непереходный: его второй актант, обозначающий того, кому наносится удар, выражается косвенным дополнением в дативе. Поэтому данный глагол не годится для иллюстрации биперсонального согласования глагола одновременно с подлежащим и с прямым дополнением и должен быть заменен другим. Эта ошибка была указана мне Л. Маргвелани, которой я глубоко признателен.]

11) С. 333, строка 1 снизу:

внутренней $\Longrightarrow$ ***внешней***

12) С. 353, (26), строка 7 снизу:

(ед) ГЕН *mar*+ *i* $\Longrightarrow$ ГЕН *mar*+ *is*

13) С. 353, (26), строка 2 снизу:

(мн) ДАТ *mar*+ *is* $\Longrightarrow$ ДАТ *mar*+ *ibus*

[Ошибки в примере (26) нам указал S. Goyette.]

14) С. 380, (1а), строка 10 сверху:

č $\Longrightarrow$ č′ [4 раза]

15) С. 387, строки 13–12 снизу:

uju $\Longrightarrow$ *uyu* [4 раза]

Том III

1) С. 63, строка 10 снизу:

V.53 $\Longrightarrow$ V.54

2) С. 84, добавить перед строкой 6 снизу следующий текст:

Девокализация

В грузинском языке имеется случай чередования «гласная $\Longrightarrow$ согласная», т. е. девокализации (/o/ $\Longrightarrow$ /v/):

(i)	номинатив ед. ч.		генитив ед. ч.	
'помидор'	*pamidor*	$+i$	*pamidvr*	$+is$
'поле'	*mindor*	$+i$	*mindvr*	$+is$
'орех'	*nigoz*	$+i$	*nigvz*	$+is$
'чеснок'	*nior*	$+i$	*nivr*	$+is$
'вид творога'	*mac'on*	$+i$	*mac'vn*	$+is$
	Ior	$+i$	*Ivr*	$+is$
	[название реки в Грузии]			

Сравним, впрочем, с этим название другой реки: $Rion+i \sim Rion+is$, а не $*Rivn+is$.

Несколько более сложный случай:

'дрожжи'	*sapuar*	$+i$	*sapvr*	$+is$

Здесь происходит выпадение беглого /a/ и вслед за этим — девокализация гласной /u/.

3) С. 93, строка 5 снизу:

сильные мегаморфы $\Longrightarrow$ ***слабые мегаморфы***

4) С. 152, строки 18 и 19 сверху:

апофоний $\Longrightarrow$ конверсий$_2$

апофонии $\Longrightarrow$ конверсии$_2$

5) С. 192, Определение IV.7, в самом конце:

характеризуют тип рассматриваемого морфологического средства. $\Longrightarrow$ характеризуют конкретные свойства рассматриваемого морфологического средства, как-то: позиция аффикса в словоформе и его разрывность/неразрывность, конкретная природа той или иной редупликации$_{1,\,2}$ или тот или иной подтип чередования.

6) С. 253, (12), строка 5:

$+uk \Longrightarrow +yu$

7) С. 315, строки 6 и 9 сверху:

В формах испанского глагола *asaz* заменить на *saz* [5 раз].

8) С. 350, строка 19 снизу:

ака [нило-сахарская семья, центральносуданская ветвь] $\Longrightarrow$
йака [семья банту (Центрально-Африканская Республика)]

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Морфологические знаки

А
Элементарные морфологические знаки

ГЛАВА I. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 9

§ 1. Основные классы элементарных морфологических знаков 10

1. Предварительная классификация элементарных морфологических знаков 10
2. Проблема супраморфы 11
3. Классификация элементарных морфологических знаков в окончательной формулировке 13
4. Иерархия элементарных морфологических знаков 14
5. Иерархия знаков и принципы морфологического описания . . . 15

§ 2. Пустые$_2$ знаки и нулевые знаки 18

1. Пустые$_2$ знаки 18
   1.1. Общие соображения 18
   1.2. Понятия пустого$_2$ и непустого$_2$ 18
   1.3. Комментарии к Определению V.3 19
      1. ‘Пустой$_2$’ $\neq$ ‘избыточный’ 19
      2. Понятие ‘пустой$_2$’ применительно к знаку 20
      3. Пустой$_2$ знак существует только по аналогии с непустым$_2$ 22
      4. Из всех языковых знаков пустыми$_2$ могут быть только сегментные знаки 23
      5. Типичные классы пустых$_2$ словоформ 24
2. Нулевые знаки 25
   2.1. Понятие нулевого языкового знака 25
   2.2. Комментарии к Определению V.5 26

1. Морфологический нулевой знак и граммема 26
2. Принцип Хааса 27
3. Нулевой знак и основные классы морфологических знаков 27
4. Нулевые словоформы 28
3. Знаки, пустые$_2$ и нулевые одновременно 30
Примечания 33
Библиографические указания 35

Резюме Главы I 35

Глава II. Морфа 37

§ 1. Понятие морфы 38

1. Определение понятия морфы 38
2. Комментарии к Определению V.6 41
2.1. Терминологические расхождения 41
2.2. Представляющие морфы и выводимые морфы 44
2.3. Морфы и семантика 46
2.4. Линейные границы морф 47
2.5. Аддитивность морф 47
2.6. Нетипичное использование морф 54
1. Морфы, лишенные означаемого 55
2. Морфы, выражающие чужие граммемы 56
2.7. Реальность морф 57
3. Типология морф 58
4. Квазиморфа 58
Примечания 60
Библиографические указания 64

§ 2. Корень 65

1. Общие положения 65
2. Корень в синхронии и диахронии 67
3. Противопоставление корней и аффиксов 69
3.1. Предварительное сравнение 69
3.2. Корни и аффиксы с точки зрения их означаемых 72
3.3. Корни и аффиксы с точки зрения их означающего 75
3.4. Корни и аффиксы с точки зрения их синтактики 76
1. Корень как свободная форма 76
2. Корень как обязательный элемент словоформы 77
4. Понятие корня 79
4.1. Определение понятия корня 79
4.2. Комментарии к Определению V.8 79

1. Межлексемная сочетаемость как типичная характеристика синтактики корней 79
2. Аффиксы и межлексемная сочетаемость 82
3. Корни: морфы и морфемы 83
4. Могут ли аффикс и корень полностью совпадать? . . . 84
5. Пустые$_2$ корни и нулевые корни 86
5.1. Пустые$_2$ корни 86
5.2. Нулевые корни 88
5.3. Пустые$_2$ нулевые корни 90
6. Основа 91
6.1. Понятие основы 91
6.2. Комментарии к Определению V.9 92
1. Альтернативные термины для понятия *основа* 92
2. Многослойная структура основ 93
3. Разрывные основы 93
4. Внутренние аффиксы в сложной$_1$ основе 94
5. Основа в синхронии и в диахронии 95
7. Морфологическое сложение 96
7.1. Два смысла термина *сложный* 97
7.2. Определение сложного$_1$ и сложного$_2$ 99
7.3. Свойства сложных$_1$ лексем 102
1. Часть речи корней-компонентов в составе сложной$_1$ лексемы 102
2. Форма корней-компонентов 104
3. Порядок корней-компонентов 105
4. Интерфиксы 106
5. Морфологическое сложение и производность 106
7.4. Внешние свойства сложных$_1$ лексем 108
1. Означаемое сложной$_1$ лексемы 108
2. Означающее сложной$_1$ лексемы 115
3. Синтактика сложной$_1$ лексемы 116
7.5. Отграничение сложных$_1$ словоформ от словосочетаний и от производных словоформ 118
1. Сложные$_1$ словоформы *vs.* словосочетания 118
2. Сложные$_1$ словоформы *vs.* производные$_1$ словоформы . 122
7.6. Место морфологического сложения в модели языка типа Смысл-Текст 125
7.7. Инкорпорация 126
1. Собственно инкорпорация *vs.* инкорпорация по аналогии 130
2. Инкорпорация и аффиксальное замыкание 133

3. Морфологическое выражение синтаксических отношений . . . 133
4. Повторная инкорпорация . . . 138
5. Ограничения на инкорпорацию . . . 140
6. Место инкорпорации в модели языка типа Смысл-Текст 142
7. Явления, похожие на инкорпорацию . . . 143
8. Грамматические морфологические знаки . . . 145
8.1. Понятие грамматического морфологического знака . . . 145
8.2. Типология грамматических морфологических знаков . . . 147
8.3. Иерархия грамматических морфологических знаков . . . 150
8.4. Принципы выбора морфологических знаков в ситуации неединственности описания . . . 151
1. Принцип старшинства средства описания . . . 151
2. Принцип наиболее общего средства описания . . . 151
3. Принцип единственного значащего средства . . . 153
9. Морфологические способы . . . 153
Примечания . . . 153
Библиографические указания . . . 161

§ 3. Аффикс . . . 162

1. Понятие аффикса . . . 162
2. Типология аффиксов . . . 166
2.1. Основы классификации аффиксов . . . 166
2.2. Иерархия аффиксов . . . 169
3. Конфиксы . . . 169
3.1. Основные понятия . . . 169
3.2. Иерархия конфиксов . . . 171
3.3. Инвентарь конфиксов . . . 171
1. Суффиксы . . . 172
2. Префиксы . . . 175
3. Интерфиксы . . . 178
3.4. Порядки суффиксов и префиксов . . . 179
1. Определение понятия порядка (конфикса) . . . 180
2. Иллюстрации понятия порядка (конфиксов) . . . 181
3. Связь между порядком конфикса и его значением . . . 185
4. Циркумфиксы . . . 190
5. Инфиксы . . . 194
6. Трансфиксы . . . 198
7. Смещенные аффиксы и мигрирующие аффиксы . . . 201
7.1. Общие замечания . . . 201
7.2. Смещенные аффиксы . . . 202

7.3. Мигрирующие аффиксы 205
7.4. Комментарии к Определениям V.24 и V.25 207
8. Пустые$_2$ аффиксы и нулевые аффиксы 209
8.1. Пустые$_2$ аффиксы 209
8.2. «Опустошенные» аффиксы 213
8.3. Пустые$_2$ аффиксы *vs.* наращения 213
8.4. Нулевые аффиксы 216
9. Кумулятивные аффиксы 218
9.1. Общие положения 218
9.2. Понятие кумулятивного аффикса 218
1. Типы грамматических значений, способных к кумуляции 219
2. Конкретные грамматические значения, имеющие тенденцию к кумуляции 219
3. Кумулятивные аффиксы и классификация языков 220
9.3. Синкретические знаки 221
10. Противопоставление «корни ~ аффиксы» 223
Примечания 223
Библиографические указания 227

§ 4. Морфема и близкие понятия 228

1. Общие замечания 228
2. Понятие морфемы 230
1. Условие 2: жесткая дифференциация корней и аффиксов 233
2. Условие 3a: морфы одной и той же морфемы *vs.* синонимичные морфы разных морфем 234
3. Фонетическая синтагма 236
4. Условие 3b: свободное варьирование морф 242
3. Альтернативный подход к понятию морфемы 243
4. Алломорфы 244
4.1. Алломорфы и родственные им понятия 244
1. Представляющие алломорфы и направление чередований 246
2. Абстрактный характер представляющей алломорфы . . 246
4.2. Отношения между алломорфами 248
1. Отношения между означающими двух алломорф 249
2. Отношения между синтактиками двух алломорф 250
5. Пустая$_2$ морфема и нулевая морфема 251
6. X-емы и алло-X-ы 251
6.1. Понятия X-емы и алло-X-а 251

6.2. Систематическое сравнение соответствующих алло-X-ов и X-ем . . . 253
7. Квазиморфема . . . 255
Примечания . . . 255
Библиографические указания . . . 258

§ 5. Проблема существования языковых единиц . . . 260

1. Общие замечания . . . 260
2. Предварительные понятия . . . 263
3. Существование языковой единицы . . . 264
1. Условие 1 . . . 265
2. Условие 2a . . . 266
3. Условие 2b . . . 267
4. Ограниченное существование языковых единиц . . . 270
5. Квадрат Гринберга . . . 275
6. Языковые квазиединицы . . . 278
6.1. Морфоиды . . . 279
6.2. Субморфы . . . 282
7. Псевдосуществующие корни . . . 285
1. Условие 1 . . . 287
2. Условие 2 . . . 288
3. Условие 3 . . . 288
4. Квазиуникальные корни и связанные корни . . . 289
8. Обзор языковых элементов с различной степенью существования . . . 290
Примечания . . . 292
Библиографические указания . . . 294

Резюме Главы II . . . 294

Глава III. Супрафикс . . . 297
1. Понятие супрафикса . . . 297
1.1. Определение супрафикса . . . 297
1.2. Комментарии к Определению V.43 . . . 297
1. Физическая природа супрафиксов . . . 298
2. Семиотическая природа супрафиксов . . . 298
3. Супрафиксы *vs.* супрасегментные апофонии . . . 299
2. Типология супрафиксов . . . 301
3. Супрафиксема . . . 305
4. Терминологическое уточнение: супрафикс *vs.* аффикс *vs.* морфа . . . 306

Резюме Главы III 307

Глава IV. Модификация$_2$ 309

§ 1. Редупликация$_2$ 310

1. Понятие редупликации$_2$ 310
2. Значения, выражаемые редупликациями$_2$ 311
3. Примеры редупликаций$_2$ 313
4. Особые подклассы редупликаций$_2$ 326
   4.1. Пустые$_2$ редупликации$_2$? 326
   4.2. Нулевые редупликации$_2$ 326
5. Редупликационема 327

Примечание 327

Библиографические указания 328

§ 2. Апофония 329

1. Понятие апофонии 329
2. Типология апофоний 330
   1. Сегментный/супрасегментный характер (некоторой апофонии) 330
   2. Значения, выражаемые апофониями 330
   3. Формальные разновидности апофоний 331
3. Примеры апофоний 331
   3.1. Сегментные апофонии 331
      1. Словоизменительные апофонии 331
      2. Словообразовательные апофонии 338
   3.2. Супрасегментные апофонии 342
      1. Словоизменительные апофонии 342
      2. Словообразовательные апофонии 343
4. Особые подклассы апофоний 345
   4.1. Пустые$_2$ апофонии? 345
   4.2. Нулевая апофония 345
5. Апофониема 347
6. Терминологическая проблема: апофония *vs.* симульфикс 347

Примечания 348

Резюме Главы IV 349

Глава V. Конверсия$_2$ 351

1. Понятие конверсии$_2$ 351
2. Типология конверсий$_2$ 351
   2.1. Словоизменительные конверсии$_2$ 352

1. Парадигматическая конверсия$_2$ . . . 352
2. Парадигматическая и рекционная конверсия$_2$ . . . 353
2.2. Словообразовательные конверсии$_2$ . . . 356
1. Категориальная конверсия$_2$ . . . 356
2. Рекционная конверсия$_2$ . . . 358
3. Парадигматическая и категориальная конверсия$_2$ . . . 358
4. Парадигматическая и рекционная конверсия$_2$ . . . 359
5. Парадигматическая, категориальная и рекционная конверсии$_2$ . . . 361
3. Особые подклассы конверсий$_2$ . . . 362
3.1. Пустые$_2$ конверсии$_2$? . . . 362
3.2. Нулевая конверсия$_2$ . . . 364
4. Конверсиема . . . 365
Примечание . . . 367
Библиографические указания . . . 367

Резюме Главы V . . . 367

Глава VI. Морфологические способы . . . 369
1. Общие положения . . . 369
2. Понятие морфологического способа . . . 371
2.1. Типология языковых способов . . . 371
2.2. Определение морфологического способа . . . 373
2.3. Аддитивный характер морфологических способов . . . 375
3. Типология морфологических способов . . . 377
3.1. Основные типы морфологических способов . . . 377
3.2. Иллюстрации основных типов морфологических способов 379
1. Морфологическое сложение$_1$ . . . 379
2. Аффиксация . . . 380
3. Супрафиксация . . . 383
4. Повторение . . . 384
5. Апофонация . . . 384
6. Конверсия$_3$ . . . 386
4. Морфологические способы и другие похожие на них явления . 386
1. Морфологические способы и супплетивизм . . . 387
2. Морфологические способы и способы образования слов 387
3. Морфологические способы и незначащие языковые средства . . . 389
Примечания . . . 396

Резюме Главы VI 398

В
Неэлементарные морфологические знаки

Глава VII. Мегаморфа 401
1. Мегаморфа 401
1.1. Понятие мегаморфы 401
1.2. Комментарии к Определению V.60 402
1. Мегаморфы и кумулятивные морфы 402
2. Мегаморфы и трансфиксы 403
3. Супрасегментные знаки и конверсии$_2$ 403
4. Линейная нечленимость мегаморф 404
2. Слабая мегаморфа 404
2.1. Понятие слабой мегаморфы 404
2.2. Типология слабых мегаморф 405
1. Морфные слабые мегаморфы (со слиянием морф) 405
2. Апофонические слабые мегаморфы 408
3. Сильная мегаморфа 409
3.1. Понятие сильной мегаморфы 409
3.2. Комментарии к Определению V.62 409
1. Сильная мегаморфа как слитная реализация группы морф 410
2. Сильные мегаморфы и уникальные апофонии 410
3. Сильные мегаморфы и супплетивизм 411
3.3. Альтернативный термин: морфа типа portmanteau 412
3.4. Примеры сильных мегаморф 412
1. Сильные мегаморфы типа «корень + аффиксы» 412
2. Сильные мегаморфы типа «аффикс + аффикс» 413
3.5. Относительность сильных мегаморф 415
Примечания 416

Резюме Главы VII 417

Глава VIII. Супплетивизм 419
1. Общие положения 419
2. Понятие супплетивизма 420
2.1. Вспомогательные понятия 420
2.2. Определение супплетивизма 421
2.3. Комментарии к Определению V.63 423
1. Какие знаки могут быть супплетивными? 423

2. Условие 2(i): требование алломорфии для супплетивных единиц с одинаковым означаемым 424
3. Сопредставимость X-а и Y-а непременно должна быть грамматической 424
2.4. Супплетивизм как предельный случай нерегулярного чередования 426
3. Типология супплетивных знаков 429
4. Степени супплетивности 439
5. Супплетивизм и фразеологизация 441
6. Как супплетивизм возникает в языке 441
Примечания 443
Библиографические указания 445

Резюме Главы VIII 445

Глава IX. Морфологические фраземы 447
1. Общие положения 447
2. Понятия фраземы и семантической фраземы 448
3. Идиомы на уровне морфологии 453
4. Фразеологизация и супплетивизм 459
Библиографические указания 460

Резюме Главы IX 460

C
Соотношения между морфологическими знаками

Глава X. Семантические и формальные соотношения между морфологическими знаками 463
1. Исходные уточнения 463
2. Исчисление формально-смысловых отношений между двумя произвольно взятыми языковыми знаками 468
3. Иллюстрации 17 типов возможных формально-смысловых отношений между двумя знаками 469
Примечания 496
Библиографические указания 498

Резюме Главы X 498

Резюме Части пятой 499

Ответы на вопросы и задания 501

Таблица фонетических символов 511

Список сокращений и условных обозначений 515

Литература 521

Указатели 534
Указатель имен 534
Указатель языков 535
Указатель терминов и понятий 542
Указатель определений 557
Указатель рисунков 559

Замеченные опечатки к «Курсу общей морфологии» 560

Игорь Александрович Мельчук

КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том IV

Издатели:
А. Кошелев («Языки славянской культуры»)
T. Reuther (Wiener Slawistischer Almanach, Linguistische Reihe)

Издательство признательно Ю. Д. Апресяну,
любезно предоставившему фотографию И. А. Мельчука для данного тома

Корректор Н. М. Берестова
Оригинал-макет подготовлен А. В. Шипуновой

Подписано в печать 11.04.2001. Формат $70\times100\,^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Computer Modern.
Усл. печ. л. 47,085. Тираж 1500 экз. Заказ № 1244.

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. M153).
E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ
http://www.lrc-mik.narod.ru

Качество печати соответствует качеству
предоставленного оригинал-макета

Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

Вардан Айрапетян. Русские толкования. 208 с. 2000.

В. М. Алпатов. История лингвистических учений. 368 с. 2000.

Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. 320 с. 2000.

А. Ю. Андреев. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. 312 с. 2000.

Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. 914 с. 1998.

Джеймс Бейли. Избранные статьи по русскому народному стиху. 416 с. 2001.

Э. М. Береговская, Жан-Мари Верже. Занятная риторика. 152 с. 2000.

Марк Блок. Короли-чудотворцы. 712 с. 1998.

С. Г. Бочаров. Сюжеты русской литературы. 632 с. 1999.

Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: Сб. ст. по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. 328 с. 2001.

Л. И. Вольперт. Пушкин в роли Пушкина. 328 с. 1997.

Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. 328 с. 1999.

В. П. Григорьев. Будетлянин. 816 с. 2000.

С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. 256 с. 2001.

Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.

А. С. Демин. О художественности древнерусской литературы. 848 с. 1998.

Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.

В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. 736 с. 2000.

А. К. Жолковский. Зощенко: Поэтика недоверия. 392 с. 1999.

В. А. Жуковский. Полное собрание сочинений: В 20 т.
Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.
Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.

Иван Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. В 3 кн. 2000.
Т. I. Ч. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 480 с.
Т. I. Ч. 2: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 520 с.
Т. II. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. 792 с.

А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 720 с. 1995.

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.

Вяч. Вс. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I–III.
Т. I. 912 с. 1998.
Т. II. 880 с. 2000.

Из истории русской культуры. Т. I–V.
Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.
Т. III. XVII век. 768 с. 1995.
Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.
Т. V. XIX век. 848 с. 1996.

История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. 528 с. 2000.

Р. Ипатова. Избранные стихи. 416 с. 2000.

В. В. Калугин. Андрей Курбский и Иван Грозный. 416 с. 1998.

И. Каценельсон. Сказание об истребленном еврейском народе. 240 с. 2000.

В. Д. Кузнецов. Организация общественного строительства в Древней Греции. 536 с. 2000.

Летописи (Полное собрание русских летописей):
Т. 1. Лаврентьевская. 496 с. 1997.
Т. 2. Ипатьевская. 648 с. 1998.
Т. 3. Новгородская первая. 832 с. 2000.
Т. 4. Новгородская четвертая. 728 с. 2000.
Т. 5. Вып. 2. Псковские. 368 с. 2000.
Т. 6. Вып. 1.: Софийская. 320 с. 2000.
Т. 6. Вып. 2.: Софийская вторая. 248 с. 2001.
Т. 7. Воскресенские. 360 с. 2000.
Т. 8. Воскресенские. 312 с. 2000.
Т. 9. Никоновская. 288 с. 2000.
Т. 10. Никоновская. 248 с. 2000.
Т. 11. Никоновская. 264 с. 2000.
Т. 12. Никоновская. 272 с. 2000.
Т. 13. Никоновская. 544 с. 2000.
Т. 14. Никоновская. 608 с. 2000.
Т. 15. Тверская и Рогожский летописец. 432 с. 2000.
Т. 16. Авраамки. 252 с. 2000.
Т. 19. История о Казанском царстве. 368 с. 2000.
Т. 24. Типографская. 288 с. 2000.

Тамара Лёнгрен. Соборник Нила Сорского. Ч. 1. 472 с. 2000.

Ю. М. Лотман. Письма. 800 с. 1996.

Б. Н. Любимов. Действо и действие. 520 с. 1997.

Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. 560 с. 1999.

Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А. П. Бужилова. Средневековое расселение на Белом озере. 496 с. 2001.

К. А. Максимович. Пандекты Никона Черногорца. 296 с. 1998.

Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. Судьба Парфенона. 352 с. 2000.

И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I–IV.
Т. I. 1997.
Т. II. 544 с. 1998.
Т. III. 368 с. 2000.
Т. IV. 584 с. 2001.

И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇔Текст». 2-е изд., доп. 368 с. 1999.

И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл⇔Текст». 684 с. 1995.

А. В. Михайлов. Обратный перевод. 856 с. 2000.

Мир Велимира Хлебникова. 880 с. 2000.

Н. Н. Моисеев. Судьба цивилизации. Путь Разума. 224 с. 2000.

А. В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях. 784 с. 2001.

Т. М. Николаева. От звука к тексту. 800 с. 2000.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.
Вып. 1. 552 с. 1997;
Вып. 2. 488 с. 2000.

Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. 280 с. 2001.

Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. 864 с. 2000.

А. С. Пушкин. История Петра. 392 с. 2000.

Ж. де Пюимеж. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма. 400 с. 1999.

Е. Б. Рогачевская. Молитвы Кирилла Туровского. 280 с. 1999.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.

Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I: А – В. 896 с. 2001.

С. Г. Смирнов. Годовые кольца истории. 304 с. 2000.

Старообрядчество в России (XVII–XX): Сб. ст. 552 с. 1999.

Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2000.

Кирилл Тарановский. О поэзии и поэтике. 432 с. 2000.

В. Н. Телия. Русская фразеология. 288 с. 1996.

Б. А. Успенский. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. 128 с. 2000.

Б. А. Успенский. Семиотика искусства. 480 с. 1995.

Б. А. Успенский. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. 144 с. 2000.

Б. А. Успенский. Царь и патриарх: Харизма власти в России. 680 с. 1998.

Ф. Б. Успенский. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. 160 с. 2001.

А. А. Формозов. Пушкин и древности: Записки археолога. 144 с. 2000.

Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. 640 с. 2000.

М. О. Чудакова. Литература советского прошлого. Т. 1. 472 с. 2001.

М. И. Шапир. UNIVERSUM VERSUS: ЯЗЫК–СТИХ–СМЫСЛ в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. 544 с. 2000.

А. С. Шатских. Витебск: Жизнь искусства. 1917–1922. 256 с. 2001.

Дж. Шоу. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1–2.
Т. 1. 672 с. 2000.
Т. 2. 640 с. 2000.

Е. Г. Эткинд. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. 600 с. 1999.

Е. Г. Эткинд. «Внутренний человек» и внешняя речь. 448 с. 1998.